UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00276195 5

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/ocherkipoistorii00kirp

Kirpichnikov, Aleksandr Ivanovich
Ocherki po istorii novoi russkoi literatury

А. КИРПИЧНИКОВЪ.

ОЧЕРКИ

ПО

ИСТОРІИ НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Московскія Вѣдомости 1789 г. Кургановъ и его «Письмовникъ». Антоній Погорѣльскій (Перовскій). Пушкинъ. Крыловъ. В. И. Григоровичъ. Гоголь. А. В. Дружининъ. Достоевскій и Писемскій. «Горе отъ ума» и «Война и Миръ». Умственная жизнь Одессы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1896.

Kirp
*QD

LIBRARY
SEP 24 1973
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3011
K545
1896a

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
147537
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
1900.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Вмѣсто предисловія	1
„Московскія Вѣдомости“ въ 1789 г. и начало французской революціи	12
Кургановъ и его „Письмовникъ“	40
Антоній Погорѣльскій, эпизодъ изъ исторіи русскаго романтизма	76
Пушкинъ, какъ европейскій поэтъ	121
Одесса и Пушкинъ	154
Критическія и библіографическія замѣтки о Крыловѣ	174
В. И. Григоровичъ и его значеніе въ исторіи русской науки	195
Н. В. Гоголь (біографическій очеркъ)	208
А. В. Дружининъ	233
Достоевскій и Писемскій (опытъ сравнительной характеристики)	258
Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и гр. Л. Толстого	341
Изъ исторіи умственной жизни Одессы	383
Указатель главнѣйшихъ собственныхъ именъ	421

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ [1]).

Въ январѣ мѣсяцѣ 1884 г., въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ скромной квартирѣ одного изъ самыхъ почтенныхъ работниковъ русской науки, за вечернимъ чаемъ собралось нѣсколько его товарищей по спеціальности и учениковъ. Въ томъ числѣ находился младшій товарищъ хозяина, начинающій, но подающій большія надежды профессоръ классической, главнымъ образомъ греческой, филологіи. Говорили о послѣднихъ историко-литературныхъ работахъ хозяина.

— У меня къ вамъ просьба,--обратился къ нему молодой классикъ,—а кстати вотъ и присутствующіе помогутъ. До сихъ поръ я читалъ или практическіе курсы, или эпиграфику, надъ которой довольно долго работалъ за границей, а въ этомъ полугодіи взялъ на себя 2 часа исторіи греческой литературы. Пособія не вполнѣ удовлетворяютъ меня; я самъ плохо понимаю, чего отъ меня въ правѣ ожидать студенты, и вотъ обращаюсь ко всѣмъ вамъ съ вопросомъ: что̀ такое исторія литературы, какъ наука, и что̀ такое исторія литературы, какъ предметъ университетскаго преподаванія? Вы не классики, работаете надъ матеріаломъ, менѣе изслѣдованнымъ и менѣе избитымъ; вы менѣе подавлены ошибками, предразсудками и колебаніями предшественниковъ; вы должны обнимать факты разнообразные и разнородные, и вамъ это должно быть виднѣе.

Кромѣ хозяина, около 20 лѣтъ занимающаго каѳедру, здѣсь былъ еще одинъ уже не начинающій профессоръ того же предмета; былъ одинъ господинъ, по своимъ знаніямъ вполнѣ и давно уже готовый къ каѳедрѣ, но не занимающій ея только по русской безалаберности, и былъ, наконецъ, одинъ непосредственный ученикъ хозяина, уже

[1]) Извлеченіе изъ вступительной лекціи, читанной въ Новороссійскомъ университетѣ въ 1885 г. и напечатанной въ Историч. Вѣстн. въ февралѣ 1886 г. (т. XXIII, стр. 411—420).

выдержавшій магистерскій экзаменъ и не нынче-завтра приступающій къ лекціямъ. Стало быть, были люди, въ которыхъ классикъ имѣлъ основаніе предположить готовность къ отвѣту. Тѣмъ не менѣе столь прямо поставленный вопросъ ошеломилъ всѣхъ присутствующихъ, и нѣсколько мгновеній всѣ молчали. Потомъ, по русскому обычаю, заговорили чуть не всѣ разомъ, прерывая другъ друга.

Я не буду передавать рѣчей говорившихъ, во-первыхъ, потому, что особенно замѣчательнаго, чего-нибудь такого, что̀ освѣтило бы электрическимъ свѣтомъ темныя мысли вопросившаго,—чего онъ, впрочемъ, едва ли и ожидалъ,—не было сказано; во-вторыхъ, потому, что изъ этихъ рѣчей помню я весьма малую часть. Я помню только, что большинство, не давая прямого отвѣта на вопросъ, указывало классику книги и статьи, въ которыхъ главные факты литературы извѣстнаго народа или извѣстный рядъ памятниковъ разбирались съ особеннымъ талантомъ и въ то же время согласно современному понятію объ исторіи литературы, какъ наукѣ. Классикъ благодарилъ за указанія и обѣщался ими воспользоваться.

Удивляться тому, что классикъ не получилъ краткаго и яснаго категорическаго отвѣта на свой запросъ, разумѣется, никто, имѣющій отношеніе къ современной наукѣ, не будетъ. Кому неизвѣстно, что всѣ краткія опредѣленія наукъ, какъ и многихъ другихъ абстрактныхъ понятій, или представляютъ ничего не выясняющую тавтологію (А есть А, богословіе есть наука о Богѣ, языкознаніе—наука о языкѣ, фонетика—ученіе о звукахъ), или грѣшатъ односторонностью и неполнотою (поэзія есть мышленіе образами, прилагательное есть названіе признака, синтаксисъ—ученіе о сочетаніи словъ), или, наконецъ, состоятъ изъ набора «умныхъ» словъ, сравненій и украшающихъ эпитетовъ, въ родѣ знаменитаго карамзинскаго опредѣленія (sic): «Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зерцало ихъ бытія» и пр. Если бы въ этомъ кружкѣ, о которомъ я говорю, оказался бы завзятый педагогъ, онъ сказалъ бы, что исторія литературы извѣстнаго народа есть исторія его духовной жизни и умственнаго прогресса, что̀, конечно, не было бы новостью для вопросившаго; если бы тамъ присутствовалъ почитатель Лагарпова Лицея и преподаватель французской литературы въ аристократическихъ пансіонахъ и институтахъ, онъ, вѣроятно, удивился бы невѣжеству и ненаходчивости русскихъ ученыхъ и,

смотря по характеру, или расплылся бы въ красивыхъ словахъ, объясняющихъ значеніе поэзіи и ея исторіи, или сказалъ бы, что исторія литературы, какъ это извѣстно и самой плохой изъ его учениць, есть хронологически расположенное собраніе свѣдѣній о писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, съ характеристикою первыхъ и эстетическою оцѣнкою послѣднихъ.

Но классикъ, конечно, не удовлетворился бы его отвѣтомъ; онъ еще на ученической скамьѣ зналъ, что собраніе свѣдѣній и характеристикъ и есть собраніе свѣдѣній, а не наука; онъ еще студентомъ возмущался, если профессоръ или книга выдавали за исторію литературы массу именъ, годовъ и фактовъ, фактовъ, весьма трудныхъ для заучиванія, и во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ развѣ пріобрѣтенія диплома, безполезныхъ. По всякой литературѣ, а также и по всѣмъ литературамъ вмѣстѣ, есть сборники фактовъ, называющіеся у нѣмцевъ Handbücher и Grundrisse. Сочиненія эти полезны, какъ настольныя и справочныя книги, но стремиться усвоить ихъ содержаніе такъ же нелѣпо, какъ учить наизусть словарь Кронеберга; а взять оттуда рядъ хотя бы крупнѣйшихъ и несомнѣнныхъ фактовъ, развести ихъ субъективными разборами достоинствъ и недостатковъ произведеній и назвать это исторіей литературы значитъ обмануть слушателей или читателей. Классикъ, по всей вѣроятности, въ раннеи юности читалъ книгу Мунка и навѣрно былъ очень благодаренъ ея авторъ за превосходное изложеніе лучшихъ произведеній греческой поэзіи и прекрасный выборъ отрывковъ; можетъ быть, въ то время онъ и вѣрилъ, что ея заглавіе: «Исторія греческой литературы» соотвѣтствуетъ дѣйствительности; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что Фридрихъ Шлегель еще въ концѣ прошлаго столѣтія опредѣлилъ историческую и логическую послѣдовательность эпоса, лирики и драмы и привелъ въ связь съ развитіемъ формы и содержанія греческой мысли не только политическую исторію Греціи, но и стили греческихъ колоннъ,—онъ уже не можетъ ни Мунковъ, ни Грессе считать историками литературы, а только авторами книгъ, занимательныхъ для чтенія или полезныхъ для справокъ.

Идея Шлегеля, что ходъ развитія греческой поэзіи въ дошедшихъ до насъ памятникахъ есть обязательная норма для всякой правильно развивающейся литературы, давно оставлена; самая исторія греческой поэзіи представляется теперь совсѣмъ иначе; но попытка

выработать общую норму, стремленіе отойдти отъ случайнаго къ необходимому, отъ факта къ закону останется вѣчно памятнымъ, какъ краеугольный камень для возведенія зданія науки.

Собраніе частныхъ фактовъ, хотя бы и очень назидательныхъ, не есть наука, а только матеріалъ для науки. Наука должна обобщить ихъ, подвести подъ незыблемые законы, равно обязательные какъ для прошлаго, такъ и для будущаго. Наука должна предсказывать: въ вѣкъ разума она замѣняетъ собою пророковъ.

Исторіи литературы еще далеко до этого; до сихъ поръ сдѣланныя обобщенія часто не выдерживаютъ провѣрки новыми фактами; законы только намѣчены, да и то не въ большомъ числѣ. Матеріаломъ, повидимому, мы завалены; но матеріалъ, особенно нужный для серьезной постановки дѣла, намъ еще приходится изъ земли выкапывать. На строго научный путь, несмотря на 2000-лѣтнюю древность своихъ «начатковъ», исторія литературы только теперь начинаетъ вступать. Тѣмъ труднѣе, но зато тѣмъ интереснѣе работать надъ нею.

Насколько многія лучшія книги, озаглавленныя исторіей литературы, не удовлетворяютъ понятію о наукѣ или даже законченномъ отдѣлѣ ея, постараюсь показать хоть на одномъ примѣрѣ. Года два назадъ въ превосходномъ русскомъ переводѣ вышелъ 1-й томъ «Исторіи испанской литературы» американца Тикнора. Тикноръ—человѣкъ чрезвычайно даровитый, съ большимъ историческимъ тактомъ, съ литературнымъ вкусомъ, съ замѣчательной ясностью мысли и выраженія. Дѣло свое онъ знаетъ прекрасно, въ классикахъ и англичанахъ имѣетъ обширный матеріалъ для сравненія; онъ настолько развитъ въ научномъ отношеніи, что имѣетъ ясное представленіе о народной, безличной поэзіи, отчетливо понимаетъ связь племенныхъ особенностей и исторіи страны съ духомъ и направленіемъ литературныхъ фактовъ. Короче сказать, онъ стоитъ вполнѣ на уровнѣ современной ему науки. Но современная ему наука—наука 40-хъ годовъ, и его безусловно добросовѣстная и талантливая книга можетъ претендовать только на названіе очерковъ изъ исторіи испанской литературы.

Тикноръ поступилъ такимъ образомъ: онъ отобралъ изъ испанской письменности всѣ, такъ называемыя, геніальныя и талантливыя, иначе сказать, выдающіяся произведенія, добросовѣстно перечиталъ

ихъ, собралъ свѣдѣнія о ихъ авторахъ, расположилъ все это въ остроумномъ порядкѣ, отчасти хронологическомъ, отчасти по родамъ прозы и поэзіи, и постарался, гдѣ могъ, указать взаимодѣйствіе школъ и періодовъ.

Что же получилось изъ этого? Красивое и грандіозное дѣйствіе машины, внутреннія пружины и колеса которой закрыты для насъ; мы видимъ, какъ вдругъ появляется какой нибудь поршень, который вытягиваетъ за собою полосу разноцвѣтныхъ нитей; эта полоса скрывается на нѣсколько минутъ и вдругъ снова появляется полотнищемъ пестрой матеріи, скрывается опять и показывается затканной цвѣтами. Зрѣлище красивое, но мало поучительное!

Историкъ литературы 40-хъ годовъ—прежде всего эстетикъ. Онъ исходитъ изъ справедливаго, повидимому, положенія, что, подобно тому, какъ зоологу нѣтъ нужды изучать всѣ особи извѣстнаго вида животныхъ, и для изображенія духовной жизни извѣстнаго народа нѣтъ никакой надобности брать всѣ ея факты, всѣ литературные памятники, что даже нелѣпо освѣщать ихъ всѣ одинаково ярко; поэтому онъ отбираетъ памятники, наиболѣе изящные, наиболѣе удовлетворяющіе его вкусу или вкусу его современниковъ, а факты некрасивые или вовсе исключаетъ, или осматриваетъ вскользь, такъ сказать, оптомъ.

Но что было бы съ зоологіей, если бы зоологи интересовались исключительно, или хоть главнымъ образомъ, красивыми животными?—съ ботаникой, если бы ея работники руководствовались эстетическимъ принципомъ?

А между тѣмъ этотъ принципъ въ примѣненіи къ исторіи литературы всецѣло царитъ въ умахъ многихъ несомнѣнно образованныхъ людей не 40-хъ годовъ, а нашего времени, въ умахъ людей съ хорошей исторической подготовкой, работающихъ или работавшихъ надъ наукой. Такой историкъ никакъ не согласится отождествить исторію Рима съ извѣстной книгой «De viris illustribus urbis Romae» и вполнѣ убѣжденъ, что сказанія о достопамятныхъ подвигахъ славныхъ россіянъ не имѣютъ ничего общаго съ исторіей ни какъ съ наукой, ни какъ съ предметомъ университетскаго, ни даже гимназическаго преподаванія, а между тѣмъ онъ будетъ смѣяться надъ тѣми, кто увлекается какими нибудь патериками или мистеріями и, если дать ему власть, онъ

готовъ будетъ истребить эту «ветошь» и велитъ замѣнить ее даже въ университетахъ изученіемъ «изящныхъ» произведеній!

Какая странная непослѣдовательность: исторія уже давно стала исторіей массы народа, исторія литературы все еще остается исторіей духовной жизни лучшихъ людей, умственныхъ аристократовъ! И какими странными средствами уясняютъ эту жизнь эстетическими характеристиками, которыя у большинства переходятъ въ наборъ красивыхъ словъ, въ родѣ: «искреннее чувство», «неподдѣльное одушевленіе», «высокій полетъ фантазіи», «глубокое драматическое движеніе» и пр. и пр. Для того, кто читалъ произведенія поэта, эти слова не прибавятъ ровно ничего къ полученнымъ впечатлѣніямъ; а въ головѣ того, кто не знакомъ съ объектомъ оцѣнки, оставятъ только какой-то легкій туманъ. Въ результатѣ читатель книги, озаглавленной: исторія такой-то, положимъ, испанской, литературы, узнаетъ, что тогда-то жилъ лирикъ Манрико, который проявилъ въ своихъ стихотвореніяхъ искреннее чувство, а тогда-то— прозаикъ Мендоза, весьма выдающійся человѣкъ. Но вѣдь это немногимъ полезнѣе, чѣмъ знать, что въ такомъ то городѣ проживаетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Это говорю я не о Тикнорѣ; но и у такихъ талантливыхъ «литераръ-историковъ» масса фразъ и повтореній, масса ненужнаго и недосказаннаго; и у нихъ мы видимъ явленія, не узнавая ихъ причины. Приведу два-три примѣра.

Тикноръ много и вѣско говоритъ о зловредномъ вліяніи инквизиціи на испанскую литературу [1]); но эта инквизиція представляется у него откуда-то съ неба свалившейся, точно она принадлежитъ не тѣмъ же испанцамъ, точно идея, ее создавшая, не обусловлена всей предшествовавшей жизнью средневѣковаго и спеціально испанскаго общества.

Тикноръ приводитъ много интересныхъ фактовъ относительно вліянія Италіи въ эпоху Возрожденія на Испанію XVI вѣка; но читателю непонятно, отчего Испанія оказалась такъ воспріимчива именно въ это время; Возрожденіе для него является продуктомъ исключительно итальянскимъ, результатомъ дѣятельности нѣсколькихъ выдающихся умовъ, которые почему-то предпочли серьезныя книги турнирамъ и воспѣванію прекрасныхъ очей.

---

[1]) Русск. пер. I, 391.

Въ характеристикѣ одного писателя говорится, что онъ счастливо избѣгъ тогдашней манерности и пошлости, а въ характеристикѣ другого, что онъ способствовалъ паденію чистоты вкуса своею искусственностью. Но размышляющій читатель рѣшительно недоумѣваетъ, отчего же именно тогда явилась манерность и пошлость? или отчего, напр., блестящая идея воспроизвести въ картинахъ жизнь средняго сословія именно только въ такомъ-то столѣтіи пришла въ голову такому-то писателю? Самыя представленія о прогрессѣ и регрессѣ въ извѣстномъ родѣ поэзіи или въ поэзіи вообще наводятъ его на печальныя размышленія: вся исторія литературы представляется ему Сизифовой работой: лучшіе умы усердно трудятся для поднятія умственнаго и эстетическаго уровня человѣчества, а новый литературный Амазисъ говоритъ, указывая на нихъ: чѣмъ выше они поднимаются, тѣмъ ниже потомъ опустятся; какъ только человѣчество дойдетъ до чего-нибудь истинно прекраснаго, такъ сейчасъ же начинается паденіе чистоты вкуса. Какой безотрадный и какой антинаучный взглядъ! Не ясно ли въ немъ сказывается переживаніе отъ эпохи курсовъ краснорѣчія и поэзіи?

Въ настоящее время исторія литературы отдѣльнаго народа возможна только какъ предметъ преподаванія, какъ извѣстная дисциплина; какъ наука, существуетъ сравнительная или всеобщая исторія литературы. Ея матеріалъ—не только литературные памятники всѣхъ родовъ и видовъ, но и памятники юридическіе, археологическіе, языкъ, наконецъ, факты политической исторіи, поскольку во всемъ этомъ отражаются развитіе, взгляды, идеалы человѣчества. Виды матеріала, привлекаемые къ дѣлу, тѣмъ разнообразнѣе, чѣмъ бѣднѣе развитіемъ и литературными памятниками эпоха. Отъ временъ финикіянъ каждый счетъ на забранный товаръ (если бы такой отыскался), каждый заурядный надгробный памятникъ для насъ—драгоцѣнная находка, такъ какъ въ нихъ, сквозь факты жизни внѣшней, матеріальной, можно видѣть отраженіе жизни духовной. Дошедшее отъ германцевъ IX вѣка полупонятное заклинаніе, отрывокъ календаря съ нѣсколькими нѣмецкими словами изслѣдуются съ величайшей обстоятельностью. Для эпохи, близкой къ намъ, мы интересуемся прежде всего памятниками такъ называемой изящной литературы, но не потому, что они красивѣе другихъ, а потому, что въ нихъ убѣжденія современниковъ, степень

ихъ развитія, а въ особенности идеалы выражаются яснѣе. Но и въ исторіи литературы XIX вѣка изслѣдователь сдѣлаетъ непростительную ошибку, если не обратитъ вниманія на движеніе въ области политическихъ ученій и ихъ реальное выраженіе, на движеніе въ наукѣ, если онъ не поинтересуется судьбою произведеній, вовсе не изящныхъ, но въ свое время популярныхъ, а потому вліятельныхъ и характерныхъ. Едва ли нужно подтверждать это примѣрами; едва ли нужно доказывать, что тотъ, кто составитъ себѣ мнѣніе о Германіи въ началѣ нашего столѣтія исключительно по Гете и Шиллеру, получитъ объ ней понятіе одностороннее почти до лживости и рѣшительно не пойметъ, какимъ образомъ поколѣніе, воспитавшееся на этихъ великихъ поэтахъ и мыслителяхъ, могло сносить съ такой тупой покорностью безсовѣстную тираннію мелкихъ князей и цензуры, какъ могло оно восхищаться Менцелемъ, какъ могло оно такъ вести себя въ 1830 и 1848 гг. Часто литературные факты, не только не изящные, но положительно безобразные, для пониманія эпохи своего появленія на свѣтъ гораздо важнѣе, нежели произведенія геніальныя и безсмертныя. Что же дѣлать? Для историка, какъ и для анатома и физіолога, не должно быть ничего отвратительнаго и ничего красиваго. Наука—не дама патронесса, которая помогаетъ только чистенькимъ бѣднымъ и миленькимъ сиротамъ.

Методъ изслѣдованія нашей науки въ общемъ, какъ и методъ всѣхъ положительныхъ наукъ, —.строго ин[illegible]вный, отъ факта къ выводу; въ частности, — такъ какъ одинъ фактъ здѣсь ничего не доказываетъ,—методъ сравнительный, отъ массы однородныхъ фактовъ къ выводу, общему не только для нихъ, но и для всѣхъ, имъ подобныхъ.

Методъ изученія основного матеріала литературныхъ памятниковъ, разумѣется,—строго филологическій. Знать памятникъ въ переводѣ, въ изложеніи, значитъ не знать его, а имѣть объ немъ поверхностное понятіе, значитъ лишить себя возможности дѣлать изъ него непосредственные и стойкіе выводы.

Задача нашей науки—вывести общіе, незыблемые законы, по которымъ совершается движеніе человѣческой мысли, внутренній прогрессъ человѣчества. Стало быть, эта наука есть отдѣлъ соціологіи, и если не самый важный, то одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ. Съ другой стороны, та же наука входитъ и въ антропологію,

такъ какъ она доставляетъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для изслѣдованія законовъ мысли и творческой фантазіи, взаимодѣйствія общества и личности, традиціи и стремленія къ прогрессу, связи факта и идеала.

Исторія литературы, какъ наука, еще въ младенчествѣ, но это младенчество не худосочное, а сильное и многообѣщающее: матеріалу набрано такъ много, что работники волей-неволей должны разбиться по спеціальностямъ (на классиковъ, оріенталистовъ, романистовъ, германистовъ, славистовъ и пр.); правда, не весь собранный матеріалъ очищенъ и провѣренъ; но методъ его изслѣдованія съ каждымъ днемъ становится все строже и опредѣленнѣе а главное: теперь ни одинъ размышляющій изслѣдователь не ограничивается изложеніемъ фактовъ и эстетической оцѣнкой ихъ, но ищетъ обобщеній, законовъ и выводовъ. Что за бѣда, если нѣкоторыя изъ этихъ обобщеній окажутся шаткими и преждевременными? Всѣ успѣхи человѣческаго ума основаны на невольныхъ ошибкахъ предыдущихъ поколѣній.

Одесса. 25 сентября 1885 г.

Исторія русской литературы относится къ исторіи литературы вообще, какъ часть къ цѣлому, часть, небольшая по объему, но очень важная по своему содержанію и значенію. Изображая духовную жизнь даровитаго, много сдѣлавшаго и еще больше обѣщающаго молодого историческаго народа, она въ обѣихъ своихъ половинахъ—древней, до-петровской, и новой—даетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи литературы, какъ науки, представляя рядъ интересныхъ фактовъ, изъ которыхъ одни пополняютъ крупные пробѣлы въ литературахъ новой Европы, а другіе до наглядности ясно указываютъ на обобщенія и законы, обязательные для всѣхъ племенъ и періодовъ.

Унаслѣдовавъ въ началѣ своей исторической жизни значительную часть умственнаго богатства единственной въ то время цивилизованной страны—Византіи, русскіе переработали чужое по-своему и, съ одной стороны, спасли отъ конечнаго забвенія многое,

затерянное въ оригиналахъ, а съ другой—придали ему новую жизнь на новой, свѣжей почвѣ, на юномъ, гибкомъ языкѣ.

Въ XI — XII столѣтіяхъ русская литература (вмѣстѣ съ югославянской) была единственной вполнѣ живой литературой, независимой по формѣ отъ традицій классической и христіанской древности, и потому безъ нея почти невозможно изучать генезисъ родовъ и видовъ выраженія умственной жизни новаго человѣчества.

Самое одичаніе нашей древней письменности въ періодъ татарскаго погрома и перехода политической жизни съ культурнаго юга на грубый сѣверъ представляетъ рядъ чрезвычайно поучительныхъ фактовъ, не говоря уже о слагавшемся въ то время нашемъ національномъ эпосѣ, который сохранился въ такой архаической неприкосновенности (какъ и другіе виды нашего народнаго творчества), что безъ его изученія всѣ попытки что-либо сдѣлать для теоріи эпоса будутъ безусловно неудачны.

Въ такъ называемый средній періодъ русской литературы, въ XVI—XVII вѣкахъ, въ высшей степени поучительна борьба и взаимодѣйствіе двухъ міровоззрѣній: византійско-восточнаго и западно-европейскаго, которыя только на нашей почвѣ стояли лицомъ къ лицу, какъ равныя силы. Полное соотвѣтствіе общественно-политической жизни нашихъ предковъ царскаго періода съ ихъ литературно-художественными воззрѣніями—тоже явленіе чрезвычайно назидательное.

Но и наша новая послѣ-петровская литература, болѣе доступная и интересная для всей читающей публики, представляетъ не малое общенаучное значеніе. Даже и въ то время, когда ее считали экзотическимъ растеніемъ, пересаженнымъ на неподготовленную почву по волѣ петербургскаго начальства, въ лучшихъ ея продуктахъ усматривали проявленія живой дѣйствительности и духа народнаго. Теперь же, когда указана неразрывная связь между XVII и XVIII вѣками, когда обращено должное вниманіе на рукописную литературу временъ Елизаветы и Екатерины и на народное творчество, бившее живымъ ключемъ до первой четверти нашего столѣтія включительно, она представляетъ массу важнѣйшихъ данныхъ для общеинтересныхъ научныхъ обобщеній. Преемственность и непосредственная связь литературныхъ теченій XVIII и XIX вѣковъ едва ли гдѣ являются столь наглядными, какъ у насъ. Быстрое развитіе оригинальной и богатой содержаніемъ литературы въ нашемъ такъ

называемомъ «обществѣ», такъ недавно выучившемся говорить на родномъ языкѣ, при условіяхъ, далеко неблагопріятныхъ для развитія общественной жизни,—фактъ поучительный и поразительный. Теперь, когда самобытность нашей новѣйшей поэзіи общепризнана, когда въ передовой Франціи рѣчь идетъ не о томъ, чтобы между прочимъ обратить и на нашу литературу благосклонное вниманіе, а о томъ, какъ бы освободиться изъ подъ ея вліянія, которое жизнерадостнымъ парижанамъ представляется мрачнымъ и тяжелымъ, было бы невозможной нелѣпостью, еслибъ мы сами не отнеслись съ живымъ интересомъ ко всѣмъ, даже, повидимому, некрупнымъ и рано забытымъ явленіямъ нашей новой литературы. Все, что можетъ дать точное понятіе о степени умственнаго развитія того общества, изъ котораго вышли дѣды и отцы русскаго новѣйшаго романа и русской драмы, должно быть для насъ важно и поучительно. Всѣ сколько-нибудь вліятельные предшественники Пушкина, всѣ его современники и всѣ ученики его достойны внимательнаго научно-объективнаго изученія.

Вотъ почему я рѣшился переиздать въ видѣ отдѣльной книги нѣсколько моихъ этюдовъ по новой русской литературѣ, разбросанныхъ въ журналахъ и университетскихъ изданіяхъ; я льщу себя надеждой, что и въ нихъ будущій авторъ научной исторіи новой русской литературы найдетъ небезполезный матеріалъ для плодотворныхъ выводовъ и обобщеній.

Москва. Май 1895 г.

«МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ» ВЪ 1789 ГОДУ И НАЧАЛО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Въ началѣ 1778 г. московскій университетъ, считая у себя трехъ кураторовъ, на самомъ дѣлѣ былъ безначаленъ: его основатель и главный кураторъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, былъ слишкомъ высоко поставленъ, чтобы заниматься хозяйствомъ и мелочами жизни молодого университета; къ тому же онъ жилъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ бывалъ только наѣздомъ; обыкновенно дѣлами университета завѣдывали его товарищи; но въ это время одинъ изъ нихъ, Ададуровъ, находился также въ Петербургѣ, а Мелиссино уѣхалъ за границу въ долгосрочный отпускъ. Въ виду этого въ іюнѣ былъ назначенъ четвертый кураторъ, уже и въ то время извѣстный писатель, державшій въ портфелѣ величайшую, какъ думали современники, россійскую поэму,—Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

Трудно было сдѣлать выборъ болѣе удачный. Херасковъ въ это время былъ въ полномъ цвѣтѣ силъ (род. 1733 г.), а между тѣмъ за служебными почестями не гонялся: три года назадъ онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Москвѣ и жилъ кабинетною жизнью. Къ университету онъ былъ ближе, чѣмъ кто бы то ни было: съ его основанія по 1763 г. онъ состоялъ его ассессоромъ, а съ 1763 г. по 1770—директоромъ; интересы литературы и науки стояли для него на первомъ планѣ, а мягкій, гуманный его характеръ, полное отсутствіе барскихъ и начальническихъ замашекъ, его обширная эрудиція и развитой вкусъ дѣлали его положительно незамѣнимымъ на этомъ мѣстѣ.

Въ первый же годъ своего кураторства, Херасковъ обратилъ вниманіе на дѣла университетской типографіи, существовавшей уже съ 1756 г.; ею завѣдывали чиновники, и дѣла ея шли довольно плохо: она едва давала 2000 рублей въ годъ доходу; выходившія съ того же 1756 г. въ ней «Московскія Вѣдомости», вторая въ

Россіи газета, расходились всего въ 600 экземплярахъ. Въ концѣ года Херасковъ съѣздилъ въ Петербургъ, сошелся тамъ съ отставнымъ поручикомъ Н. И. Новиковымъ, уже успѣвшимъ пріобрѣсти себѣ почетную извѣстность своими журналами и изданіями, и предложилъ ему взять въ аренду типографію, «Вѣдомости» и состоявшую при университетѣ книжную лавку. Осмотрѣвъ все на мѣстѣ, Новиковъ рѣшился принять предложеніе и заключилъ съ университетомъ контрактъ на 10 лѣтъ (съ 1 мая 1779 г. по 1 мая 1789 г.) съ платою за аренду всѣхъ трехъ «статей» по 4500 рублей въ годъ [1]).

Николай Ивановичъ Новиковъ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ русскихъ литераторовъ XVIII столѣтія, род. 27 апрѣля 1744 г. въ деревнѣ своего отца, въ Московской губерніи. Въ дѣтствѣ онъ пользовался уроками только мѣстнаго дьячка; 14-ти лѣтъ онъ поступилъ въ московскую университетскую гимназію, но черезъ 2 года былъ исключенъ оттуда за лѣность и нехожденіе въ классы. 18-ти лѣтъ отъ роду онъ отправился въ Петербургъ и поступилъ солдатомъ въ Измайловскій полкъ. 6 мѣсяцевъ теръ онъ солдатскую лямку въ трудное время Петра III и голштинцевъ. Но вотъ, рано утромъ, 28 іюня къ измайловскимъ казармамъ, у которыхъ на караулѣ стоялъ съ другими рядовой Новиковъ, подъѣхала Екатерина. Измайловцы присягнули ей и наслѣднику и пошли за нею въ Ораніенбаумъ. По завершеніи переворота были розданы награды, и Новиковъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Пользуясь досугомъ при легкой гвардейской службѣ того времени, Новиковъ сталъ читать, учиться и думать, и скоро ученикъ деревенскаго дьячка и лѣнивый гимназистъ своимъ трудомъ пріобрѣлъ много знаній (хотя и не выучился ни одному иностранному языку) и додумался до умныхъ мыслей. Когда въ 1767 г. въ Москвѣ собралась знаменитая комиссія депутатовъ, Новиковъ, все въ томъ же унтеръ-офицерскомъ чинѣ, былъ откомандированъ туда для письменныхъ занятій, велъ журналы общихъ собраній и докладывалъ ихъ императрицѣ. Черезъ годъ Новиковъ вышелъ въ отставку поручикомъ арміи и всецѣло отдался литературной дѣятельности. Въ это время начался періодъ сатирическихъ журналовъ, отмѣчающихъ крупный поворотъ въ исторіи русской культуры.

---

[1]) Лонгиновъ, „Новиковъ и московскіе мартинисты". М. 1867 г., стр. 121.

Послѣдовательно отъ 1769 до 1774 г. Новиковъ является редакторомъ 3-хъ изъ нихъ и именно лучшихъ и наиболѣе вліятельныхъ; въ его «Живописцѣ» сотрудничаетъ сама императрица; послѣдній его журналъ «Кошелекъ» начатъ, говорятъ, подъ непосредственнымъ ея наблюденіемъ. И великая государыня и скромный поручикъ въ это время проникнуты, съ одной стороны, любовью къ просвѣщенію, а съ другой—горячимъ, хотя и отвлеченнымъ патріотизмомъ; они стараются внушить невѣждамъ уваженіе къ знанію, а офранцузившемуся высшему обществу—уваженіе къ «древнимъ россійскимъ добродѣтелямъ», стремятся убѣдить его не мѣнять свои драгоцѣнные жемчуги «на простыя бусы» и не заимствовать у иностранцевъ «даже ихъ характера», потому что «русскіе не лишены своего собственнаго».

Едва ли можно сомнѣваться, что роль иниціатора въ борьбѣ противъ галломаніи принадлежитъ не Екатеринѣ, воспитанной исключительно на французскихъ книгахъ.

Дѣятельность Новикова въ этотъ петербургскій періодъ не ограничивается редактированіемъ журналовъ; въ 1772 г. онъ составляетъ и издаетъ «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», въ которомъ является основателемъ исторіи отечественной литературы; въ 1773 г. выходитъ его «Древняя россійская идрографія», и тогда же начинаетъ онъ издавать многотомную «Древнюю россійскую вивліоѳику», т. е. собраніе важнѣйшихъ матеріаловъ по русской исторіи, безъ которой и до сихъ поръ не можетъ обойтись серьезный изслѣдователь. Черезъ 3 года Новиковъ принимается за «Сокровище россійскихъ древностей», а въ 1777 г. начинаетъ изданіе «С.-Петербургскихъ ученыхъ Вѣдомостей», съ сильно развитымъ критическимъ отдѣломъ. Въ то же время онъ основываетъ два училища для бѣдныхъ дѣтей и сиротъ. И все это производитъ Новиковъ почти безъ всякой поддержки со стороны правительства, которое онъ и не считаетъ нужнымъ безпокоить просьбами. Екатерина, правда, подписывается на нѣсколько экземпляровъ его ученыхъ трудовъ, посылаетъ ему матеріалы для печатанія, изрѣдка помогаетъ деньгами, но популярныя изданія и школы Новиковъ ведетъ исключительно на свои ничтожныя средства и на средства своихъ друзей, которыхъ онъ мастерски умѣетъ собирать для общаго дѣла. Несмотря на видимый успѣхъ всѣхъ своихъ предпріятій въ Петербургѣ, Новиковъ однако же предпо-

челъ старшую столицу, откуда было удобнѣе дѣйствовать на все русское общество.

Переѣхавъ въ Москву въ апрѣлѣ 1779 г., Новиковъ чрезвычайно энергично и толково взялся за дѣло: типографію устроилъ онъ такъ хорошо, что черезъ нѣсколько лѣтъ она, по увѣренію вполнѣ компетентнаго судьи, профессора Шварца, «не уступала лучшимъ этого рода заведеніямъ въ Европѣ»; въ продолженіе трехъ первыхъ лѣтъ аренды Новикова она выпустила болѣе книгъ, нежели въ предыдущіе 24 года. Кромѣ книгъ для чтенія, какъ легкаго, такъ и серьезнаго, Новиковъ отпечаталъ въ ней массу учебниковъ; для распространенія своихъ и чужихъ изданій, онъ способствовалъ открытію (снабжая предпринимателей книгами въ кредитъ и рекомендаціями) въ Москвѣ и другихъ городахъ множества книжныхъ лавокъ; благодаря ему, книготорговые центры завелись въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не только до Новикова не было, но и до сихъ поръ нѣтъ. Онъ не останавливался передъ крупными жертвами для распространенія просвѣщенія: болѣе, чѣмъ на 3000 рублей онъ подарилъ книгъ семинаріямъ и другимъ училищамъ; для безплатнаго чтенія онъ открылъ вольную библіотеку. Содержаніе Московскихъ Вѣдомостей улучшилось настолько, что число ихъ подписчиковъ стало быстро возрастать и скоро дошло до 4000, цыфра по тому времени огромная; отдѣлъ иностранной политики и вообще заграничныхъ извѣстій, до тѣхъ поръ въ нихъ жалкій и ничтожный, достигъ замѣчательной полноты, благодаря тому, что Новиковъ выписалъ для редакціи нѣсколько періодическихъ изданій, преимущественно нѣмецкихъ; при газетѣ безденежно или съ значительнымъ пониженіемъ платы разсылалась масса полезныхъ приложеній: въ 1780—1781 г. «Экономическій магазинъ», редактируемый извѣстнымъ агрономомъ Болотовымъ; въ 1783—1784 гг. подъ названіемъ «Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ» выходилъ особый журналъ изъ серьезныхъ статей, оригинальныхъ и переводныхъ, между которыми особеннымъ интересомъ отличались статьи по педагогіи и этнографіи [1]). Даже русскія дѣти, для которыхъ до тѣхъ поръ книжка и розга были предметами одинаково любезными, появлявшимися одновременно, получили свой особый журналъ «Дѣтское чтеніе», который разсылался при Московскихъ Вѣдомостяхъ до самаго 1789 г.

---

[1]) Невеленовъ: Ник. Ив. Новиковъ. Спб. 1875, стр. 325 и слѣд.

15 января 1783 г. вышелъ извѣстный указъ о вольныхъ типографіяхъ, и издательская дѣятельность Новикова расширилась еще болѣе. Въ слѣдующемъ году учредилась по его инициативѣ знаменитая «Типографическая Компанія» изъ 15 членовъ [1]) съ первоначальнымъ капиталомъ почти въ 140.000 рублей, изъ которой, по выраженію одного современника, «цѣлое море» хорошихъ книгъ распространилось въ русскомъ обществѣ; тогда стали читать для удовольствія и учиться тысячи людей, которые до тѣхъ поръ смотрѣли на грамоту, только какъ на средство вести счеты да писать судебныя бумаги. Извѣстно, что эта Компанія не ограничилась однимъ книжнымъ дѣломъ: она заводила училища, больницы и аптеки для бѣдныхъ; покровительствовала молодымъ талантамъ, которые были одолжены ей своимъ образованіемъ и развитіемъ (какъ напр. Карамзинъ); она раздавала во время неурожая хлѣбъ бѣднымъ мужикамъ и т. д.

Но въ томъ же 1784 начались между Новиковымъ и правительствомъ неудовольствія: въ вышеуказанныхъ «Прибавленіяхъ» онъ началъ печатать «Исторію ордена іезуитовъ», а іезуитамъ въ то время покровительствовала императрица; хотя «въ Исторіи» для братій не было ничего особенно обиднаго, все же ихъ притязанія руководить политикой не одобрялись; по ихъ наговору императрица велѣла прекратить печатаніе «Исторіи», а отпечатанные листы отобрать. Въ концѣ 1785 года всѣ изданія Новикова были на время опечатаны, а въ 1786 году московскому митрополиту Платону было поручено испытать Новикова въ православіи, каковое испытаніе, какъ извѣстно, не повело къ желаемымъ для враговъ Новикова послѣдствіямъ. Въ томъ же 1786 г. Екатерина пишетъ противъ мартинистовъ, главнымъ представителемъ которыхъ считаетъ Новикова, рядъ комедій. Въ 1788 году императрица рѣшила не отдавать болѣе Новикову ни типографіи, ни «Московскихъ Вѣдомостей»; «c'est un fanatique», сказала она при докладѣ объ этомъ дѣлѣ Храповицкому. По окончаніи срока аренды, дѣла Новикова идутъ все хуже и хуже: не имѣя возможности вернуть огромныя затраты, онъ и «Типографическая Компанія» потерпѣли большіе убытки. Назначенный въ 1790 году московскимъ главнокомандующимъ князь Прозоровскій оказался такимъ злымъ врагомъ мартинистовъ, что

[1]) О ней см. Лонгиновъ, l. c. 217 и далѣе.

нѣкоторые изъ нихъ покинули Москву, и императрица, по его докладу, чуть не подписала указа объ арестѣ Новикова. «Нѣтъ, надобно найти причину», сказала она послѣ долгаго колебанія. Въ 1792 году причина была найдена, и Новиковъ очутился въ Шлиссельбургской крѣпости.

Итакъ, 1789 годъ—годъ для «Моск. Вѣдомостей» буквально переходный. Въ № 5, отъ 17 января, явилось въ нихъ слѣдующее объявленіе (отъ имени Императорскаго Московскаго университета), едва ли пріятное для большинства подписчиковъ.

«Какъ срокъ содержанія г. Новиковымъ университетской типографіи кончится мая съ 1-го числа сего 1789 года, а съ того 1-го мая отдана оная впредь на 4 года и 8 мѣсяцевъ въ содержаніе коллежскому ассессору Свѣтушкину; то почтенная публика черезъ сіе увѣдомляется, что «Московскія Вѣдомости» на весь нынѣшній 1789 годъ издаваемы будутъ на такомъ же основаніи, на какомъ въ прошлыхъ и нынѣшнемъ годахъ продолжаемы были, несмотря на перемѣну содержателей, которые каждый съ своей стороны, а именно съ января по 1-ое мая г. Новиковъ, а съ мая по январь г. Свѣтушкинъ, постараются употребить всевозможныя средства къ тому, чтобы помянутыя «Вѣдомости» исправностью своею совершенно удовлетворяли любопытству читателей. А особливо со стороны г. Свѣтушкина объявляется, что онъ тѣ «Вѣдомости» съ 1-го мая продолжать будетъ съ таковою же или еще большею (sic) ревностью и раченіемъ, клонящимися къ доставленію всевозможнаго удовольствія почтеннымъ читателямъ, и стараться будетъ, чтобы въ оныя помѣщаемы были, во-первыхъ, указы ея императорскаго величества, издаваемые во всенародное извѣстіе, а потомъ безъ наималѣйшаго замедленія всѣ получаемыя съ чужестранными достовѣрными и лучшими «Вѣдомостями» европейскія и всего свѣта политическія новости и другія, заслуживающія любопытство читателей, съ тѣмъ притомъ, есть ли таковыя извѣстія въ листъ «Вѣдомостей» вмѣститься не могутъ, то будетъ въ такихъ случаяхъ, не отлагая до другого нумера, сообщать особыми прибавленіями, не полагая за оныя никакой излишней платы, дабы почтенные читатели имѣли удовольствіе получать таковыя извѣстія сколько возможно ранѣе. Особливо же всѣ происшествія, касающіяся до отечества нашего, будутъ занимать первое мѣсто въ сихъ «Вѣдомостяхъ», а равно помѣщены будутъ анекдоты, свѣдѣнія о ученыхъ дѣлахъ и

разныхъ изобрѣтеніяхъ въ наукахъ и художествахъ, открываемыхъ какъ внутри, такъ и внѣ имперіи Россійской, о новыхъ книгахъ [1]) и о прочемъ; словомъ, ничего упущено не будетъ къ приведенію въ совершенство оныхъ, такъ чтобы они не только соравнялись по содержанію своему съ издаваемыми донынѣ, но и замѣнили бы самые лучшіе иностранные листы сего рода».

Въ № 34 отъ 28 апрѣля, Новиковъ прощается съ публикой, благодаритъ ее за поддержку, которую она ему оказывала въ продолженіе его 10-лѣтней дѣятельности, и съ слѣдующаго № редакторомъ-издателемъ становится коллежскій ассессоръ Свѣтушкинъ.

Г. коллежскій ассессоръ имѣлъ, какъ видно, серьезное намѣреніе улучшить газету, по крайней мѣрѣ въ томъ, въ чемъ онъ понималъ толкъ—въ бумагѣ и шрифтѣ; первые 3—4 мѣсяца часть собственно газетную онъ печаталъ на плотной, гладкой и бѣлой бумагѣ, которая не давала расплываться краскѣ, а для объявленій, кромѣ того, нашелъ новый петитъ, довольно разборчивый (объявленія въ газетѣ Новикова были едва понятны). Потомъ, число ли подписчиковъ уменьшилось, можетъ быть, вслѣдствіе отсутствія прибавленій, или издатель рѣшилъ, что не слѣдуетъ слишкомъ баловать публику,—на сцену явилась прежняя сине-сѣрая промокающая бумага; но петитъ остался свѣжій; къ концу года, въ виду подписки, поправилась снова и бумага.

Что же касается содержанія Вѣдомостей и распредѣленія матеріала, Свѣтушкинъ былъ настолько догадливъ, что оставилъ дѣло in statu quo [2]); иностранные источники и, повидимому, сотрудники, а слѣдовательно и направленіе, насколько оно было мыслимо въ то время, остались тѣ же. Итакъ, о «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1789 г., несмотря на перемѣну среди года издателя, мы можемъ говорить, какъ о единомъ цѣломъ.

«Вѣдомости» тогда выходили два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, въ формѣ большого in-4°, отъ 6 до 8 листиковъ въ нумерѣ; приблизительно половина шла на объявленія, печатавшіяся, какъ и газета собственно,—въ два столбца.

Газета начиналась съ правительственныхъ сообщеній, буде та-

---

[1]) Этотъ отдѣлъ у насъ введенъ впервые Новиковымъ.

[2]) Правда, новый издатель, повидимому, расширилъ оффиціальный отдѣлъ—производствъ и наградъ; но и это можно объяснить тѣмъ, что съ весны открылись военныя дѣйствія, а, слѣдовательно, и наградъ стало больше.

ковыя были: указовъ, реляцій съ театра войны, свѣдѣній о придворныхъ торжествахъ, важнѣйшихъ наградахъ, оффиціальныхъ извѣстій изъ провинціи; объ открытіи училищъ и актахъ въ нихъ, вѣдомостей о числѣ родившихся и умершихъ по консисторскимъ книгамъ, сообщеній о пришедшихъ въ Кронштадтъ иностранныхъ и русскихъ судахъ. Тутъ же на первой страницѣ помѣщались и стихотворенія на смерть высокихъ особъ. Затѣмъ слѣдовали, располагаемыя по степени своей важности, иностранныя политическія новости, или въ видѣ краткихъ сообщеній, или въ видѣ корреспонденцій (писемъ, какъ тогда называли); затѣмъ (не всегда)—извѣстія о новыхъ «россійскихъ» книгахъ, объявленія отъ Петровскаго театра, вексельные курсы, справочныя цѣны съѣстныхъ припасовъ, списки отъѣзжающихъ и пріѣзжающихъ, иногда казенныя объявленія.

Вторая половина — частныя объявленія — въ то время носила заглавіе: «Разныя извѣстія». Ихъ иногда пытались разбивать по рубрикамъ: продажа, наемъ, объявленія; но это плохо удавалось.

Трудно сказать, которая изъ половинъ газеты интереснѣе; относительно объявленій смѣло можно утверждать, что всякій историческій романистъ, даже вполнѣ подготовленный, найдетъ въ нихъ чему поучиться; всякій историкъ культуры встрѣтитъ въ нихъ любопытный матеріалъ.

По этимъ «разнымъ извѣстіямъ» бытъ эпохи возникаетъ передъ нами въ рядѣ мелкихъ, несвязныхъ, но богатыхъ деталями и живыхъ картинокъ.

Рѣзко выдѣляется «правящій классъ»,—только что успѣвшее заполучить всѣ права свои и обособиться дворянство: на него работаютъ крестьяне и дворовые; для него купцы выписываютъ рѣдкостные заграничные товары; около него ютятся въ качествѣ управляющихъ, ходатаевъ и пр. отставные приказные и бѣдные офицеры; для него пріѣзжаютъ въ Москву иностранные промышленники разныхъ видовъ; пріѣзжаютъ купцы и купчихи съ разнообразными предметами роскоши изъ Парижа, Вѣны, Флоренціи, останавливаются на частныхъ квартирахъ и черезъ «Вѣдомости» заявляютъ о себѣ; пріѣзжаютъ фокусники, акробаты, цѣлыя труппы актеровъ, нанимаютъ залъ для представленій, публикуютъ о цѣнахъ за входъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявляютъ, что господа, желающіе пригласить ихъ на домъ, могутъ о томъ дать имъ знать заблаго-

временно: не ѣхать же Орлову или Шереметеву въ маленькій частный театръ самому! пусть лучше театръ къ нему пріѣдетъ.

Курьезно съ современной демократической точки зрѣнія читать, напр., такое объявленіе: привезъ какой-то промышленникъ двухъголоваго ребенка и будетъ его показывать тамъ-то: «за входъ господа будутъ платить по своей щедрости, а прочіе по 25 к.».

Домашняя обстановка этихъ господъ возсоздается объявленіями до мельчайшихъ подробностей. Вотъ, напр., описаніе съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника барскаго небольшого, но благоустроеннаго дома въ числѣ объявленій о продажѣ (стр. 342).

«Въ 7-й части 3 кв., подъ № 242, въ Мертвомъ переулкѣ, въ приходѣ Успенія на Могильцахъ домъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку прапорщика-князь Дмитрія Александровича Волконскаго на каменномъ фундаментѣ, вокругъ общекатуренной и расрашенной съ лѣпною работою, какъ то надъ окнами и подъ оными въ филянкахъ лѣпныя изъ фруктовъ гирлянды, персонки, алагрени и пилястры, въ коемъ 11 комнатъ, двенатцатая въ антресоляхъ, въ спальнѣ рѣзная нишъ съ бусами золотыми, полъ обитъ тонкимъ зеленымъ сукномъ, трюмо живописное, коксуль бѣлой, мраморной, стѣны обиты зеленымъ шелковымъ штофомъ съ рѣзными изъ бусъ бордюрами, кои вызолочены; диванная комната, въ коей трюмо до полу зеркала; въ потолкѣ лѣпной разетъ, на полу англинской разноцвѣтной каферъ, стѣны обиты малиновымъ шелковымъ штофомъ, въ диванѣ 11 тюфяковъ малиновыхъ штофныхъ, бордюры монгольфье съ бусами вызолоченныя, гардины малиновыя, тафтяныя, прочія жъ комнаты расписаны арабесно разнаго цвѣта съ атласными разнаго цвѣта полными мобелями, съ люстрами и съ жирандолями аглинскаго стекла, съ прочими зеркальными трюмами и съ краснымъ деревомъ мобелями; къ оному дому конюшня на 10 стойлъ, каретной сарай на 6 каретъ, погребъ съ закромами, въ которой ссыпается четвертей 200 хлѣба, кухня съ приспѣшною и очагъ, изба съ сѣньми, баня съ предбанникомъ, колодезь каменной со сводами, выходъ съ желѣзными дверьми; шатеръ столярной на столбахъ, подъ коимъ желѣзныя вѣсы для пріему всякого хлѣба. Желающіе купить оной домъ за весьма сходную цѣну могутъ о ней спросить у домоправителя его сіятельства, Лукьяна Малыгина, въ ономъ же домѣ».

Жили тогда въ Москвѣ широко, не стѣсняясь мѣстомъ: на мно-

гихъ нынѣ густо заселенныхъ улицахъ продавались или отдавались въ наемъ барскіе дома, гдѣ между прочими угодьями были и пруды съ рыбою.

Любопытная для исторіи воспитанія подробность изъ той же категоріи объявленій: между другими надворными строеніями часто встрѣчается флигель для дѣтей.

Не слѣдуетъ думать, что въ виду высокаго курса русскихъ денегъ и даровыхъ работниковъ обстановка барскаго жилья стоила по нынѣшнимъ цѣнамъ дешево; любили хорошія вещи, а за хорошее приходилось платить очень хорошія деньги. Напр. у Троицы въ Зубовѣ (стр. 280) продавалась «китайская шелковая бѣлая тканая кровать съ разновидными шитыми наилучшей работы и тѣни нарядными изображеніями; цѣна оной безъ торгу 400 рублей».

Справочныя цѣны на съѣстные припасы, разумѣется, заставятъ глубоко вздохнуть всякаго столичнаго и даже не столичнаго жителя: во сто лѣтъ онѣ увеличились не въ $1^1/_2$—2 раза, какъ въ Германіи или Франціи, а въ 10—15 и болѣе разъ. Вотъ, напр., цѣны на возахъ постныхъ снѣдей отъ 28 февраля (стр. 170):

ржи четверть	3 р.	— к.
пшеницы	6 »	— »
овса	2 »	— »
гороху	4 »	— »
крупъ грешневыхъ	4 »	— »
» просяныхъ	4 »	50 »
сѣмя конопляннаго	2 »	— »
муки ржаной пудъ	— »	38 »
осетрины коренной пудъ	2 »	30 »
» малосольной »	2 »	60 »
семги	3 »	40 »
вязиги	5 »	50 »
икры паюсной	4 »	80 »
икры засольной	3 »	50 »
осетрины свѣжей	4 »	— »
бѣлуги	2 »	80 »
стерлядей свѣжихъ	3 »	50 »

Цѣны въ продажѣ изъ лавокъ на 5—10% выше.

На стр. 204 отъ управы благочинія опубликовано: «Такса, по какимъ цѣнамъ въ вѣсъ печеные хлѣбы решетные, мельничные,

пеклеванные, калачи крупичатые и простые, крупичатыя сайки, крендели, булки и французскіе хлѣбы сего 1779 г., марта съ 1-го числа, впредь до будущей разцѣнки продавать»:

Возьмемъ среднюю цифру. На 5 коп. давалось:

рѣшетнаго хлѣба изъ ржаной муки .	5 ф.	$48^3/_4$	зол.
мельничнаго хлѣба изъ мельничной муки	5 »	$27^1/_2$	»
ситнаго хлѣба.	2 »	$35^1/_2$	»
пеклеваннаго хлѣба	2 »	28	»
крупичатыхъ калачей	1 »	$20^1/_4$	» и т. д.

Соотвѣтствовали этому цѣны на дома и на землю.

На стр. 151 мы читаемъ: «За Москвою рѣкою, противъ Данилова монастыря, продается каменный домъ со всякимъ деревяннымъ строеніемъ; земли подъ онымъ домомъ по плану одна десятина 927 кв. сажень. Цѣна 2000 руб.».

Плохимъ утѣшеніемъ можетъ для насъ служить то обстоятельство, что нѣкоторые заграничные товары были тогда очень дороги; напр., итальянская колбаса публикуется по рублю за фунтъ, сельтерская вода кувшинъ—50 и 60 коп. и т. д.

Во всякомъ № «Вѣдомостей» масса публикацій о продажѣ имѣній, большею частію съ крестьянами; средняя цѣна за наличную душу—70=80 рубл. Цѣна дворовымъ, имѣющимъ извѣстную спеціальность, гораздо выше.

Къ собраннымъ историками крѣпостного права объявленіямъ о безчеловѣчной продажѣ людей среди скотовъ и неодушевленныхъ предметовъ и о продажѣ мужчинъ для рекрутчины «Моск. Вѣд.» 1789 г. могутъ прибавить немало однороднаго матеріала. Напр.

«Въ 8-й части 2-го кв., подъ № 132 продаются 2 дома на одномъ дворѣ, въ которыхъ жилыхъ покоевъ въ каждомъ по 8; подъ однимъ домомъ погребъ изъ бѣлаго камня; на дворѣ каменная кладовая о двухъ этажахъ со сводами, 2 избы, кухня, баня, погребъ, конюшня о 3-хъ стойлахъ, 2 сарая, еще флигель съ антресолями, плодовитой садъ, ранжерея и теплица. О цѣнѣ спросить въ ономъ же домѣ у самихъ хозяевъ. Тутъ же продается дворовая дѣвка 18 лѣтъ и четвероместная новая на рессорахъ карета за умѣренную цѣну» (стр. 152).

«Переяславля-Рязанскаго уѣзда, Рясской округи, сельцо Глинки (продается), въ коемъ по ревизіи 360 душъ; да того жъ уѣзда и

округи деревня Лебедино, по 4-й ревизіи 40 душъ, ткачъ 35 лѣтъ съ женою и дочерью, умѣющій очень хорошо ткать сукны и полотны, да вятской буланый жеребецъ 6-ти лѣтъ. О цѣнѣ всего спросить той части, 2-го кв., подъ № 79» (стр. 162)

«Въ домѣ въ 3-й части, 4 кв., подъ № 50 имѣются продажныя лучшихъ итальянскихъ живописцевъ картины; также продается псарь съ женою, знающій во псовой охотѣ, которому отъ роду 30 лѣтъ. Желающіе купить о цѣнѣ какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ спросить могутъ въ ономъ же домѣ» (стр. 277).

«Продается въ 5-й части, 1 кв., подъ № 84 подлѣ Бѣлаго-города въ приходѣ Трехъ Святителей на Кулижкахъ дворовой человѣкъ, псарь, съ женою и дѣтьми, сыномъ 7 лѣтъ и дочерью 9 лѣтъ которой годенъ въ рекруты, цѣна 600 рубл.» (стр. 370).

Въ каждомъ № встрѣчается нѣсколько объявленій о бѣглыхъ крѣпостныхъ людяхъ; бѣгутъ приказчики и старосты съ собраннымъ оброкомъ, бѣгутъ дворовые разныхъ видовъ: «перукмахеры», псари, музыканты, стащивъ при этомъ, что можно, изъ господскаго добра или только захвативъ свое носильное платье; бѣгутъ по одиночкѣ, бѣгутъ парами; крестьяне бѣгутъ часто цѣлыми семьями, захвативъ и малолѣтнихъ дѣтей. Особенно усиливаются побѣги весною, а въ суровые зимніе мѣсяцы число ихъ замѣтно уменьшается. Нѣкоторыя объявленія, особенно по поводу побѣговъ съ воровствомъ, очень подробно и обстоятельно описываютъ наружность бѣглецовъ [1]); другіе ограничиваются формальными паспортными примѣтами. Изрѣдка назначается за поимку или указаніе награда: за 2-хъ бѣглыхъ Нарышкины назначаютъ въ награду 25 руб., еще за одного, убѣжавшаго съ покраденнымъ, 50 рубл.; а полковникъ Степановъ за поваренка обѣщаетъ всего-на-все 5 рубл. Любопытны заключительныя слова многихъ объявленій, имѣвшія въ это время, вѣроятно, значеніе переживанія: «А ежели назовется выходцемъ (часто прибавлено польскимъ или изъ заграницы), въ томъ ему не вѣрить».

Для исторіи литературы имѣютъ весьма важное значеніе объявленія о книгахъ.

Благодаря Новикову и указу о вольныхъ типографіяхъ, въ то

---

[1]) При этомъ иногда встрѣчаются и особыя примѣты: разорванное ухо, разсѣченная губа,—можетъ быть, послѣдствія барскаго гнѣва.

время въ Москвѣ было множество книжныхъ лавокъ, и почти каждая изъ нихъ представляла вмѣстѣ съ тѣмъ и издательскую фирму; но университетская лавка, соединенная тогда съ фирмой Кольчугина и Переплетчикова, превосходила всѣ другія. 1789 г. былъ въ литературномъ отношеніи годъ урожайный: тогда впервые появилось нѣсколько знаменитыхъ въ томъ или другомъ отношеніи произведеній; вышло 1-ое изданіе доселѣ популярной книжки: Гуакъ или непреоборимая вѣрность, рыцарская повѣсть [1]); вышло 2-ое изданіе еще болѣе популярной «Исторіи о храбромъ рыцарѣ Францилѣ Венціанѣ [2]); вышла назначенная для болѣе высокаго слоя читателей книга «Кадмъ и Гармонія, сочиненіе одного знаменитаго россійскаго писателя» (Хераскова); появилось нѣсколько новыхъ англійскихъ романовъ, которые вошли въ моду послѣ Ричардсоновой «Памелы», нѣсколько новыхъ переводовъ тоже моднаго Виланда; вышелъ прозаическій переводъ Одиссеи съ греческаго; вышла въ Петербургѣ довольно остроумная (въ формѣ повѣсти) сатира на дворянъ, гоняющихся за модою: «Кривоносъ домосѣдъ, страдалецъ модной» [3]); въ томъ же году и тамъ же въ Петербургѣ выходилъ знаменитый сатирическій журналъ «Почта духовъ», о которомъ въ «Моск. Вѣд.» появилось слѣдующее объявленіе, составленное, очевидно, самимъ Крыловымъ и напечатанное съ небольшими варьянтами въ видѣ предисловія къ № 1 журнала, но не всегда перепечатываемое въ полномъ изданіи его сочиненій.

«Въ книжныхъ лавкахъ близъ Кузнецкаго моста у книгопродавца Зандмарка и на Покровкѣ у книгопродавца Миллера принимается подписка на выходящее вновь съ генваря мѣсяца сего 1789 года ежемѣсячное изданіе подъ заглавіемъ: «Почта духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами». Издатель онаго въ объявленіи своемъ увѣдомляетъ, что онъ служитъ секретаремъ у сего недавно пріѣхавшаго сюда арабскаго волшебника, имѣющаго великое отвращеніе къ бѣшенымъ домамъ [4]) и расположившагося нѣсколько времени прожить здѣсь

---

[1]) О ней см. у Губерти: „Матеріалы для русской библіографіи“ (Чтенія въ О. И. и Д. 1880. IV), стр. 352 и слѣд.

[2]) Ib. стр 348.

[3]) Ib. стр. 335.

[4]) Объясненіе см. въ № 1 „Почты Духовъ“.

инкогнито, почему и намѣренъ выдавать переписку сего знатнаго въ своемъ родѣ господина, и увѣряетъ, что изданіе сіе будетъ любопытно для тѣхъ, кои не путешествовали подъ водою, подъ землею и по воздуху; что сочинители сихъ писемъ всѣ духи очень знающіе, и что самъ Маликульмулькъ—человѣкъ пресамолюбивый, который всегда говоритъ хорошо только о себѣ, отзывается иногда объ нихъ не худо и сказываетъ, будто многіе изъ нихъ очень добрые духи; но только иные не любятъ крючкотворцовъ, ростовщиковъ и лицемѣровъ, а иные не жалуютъ щегольства, волокитства и мотовства, и оттого-де они никакъ не могутъ ужиться въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ свѣтѣ видимыми, а ходятъ въ немъ невидимыми, и бываютъ иногда такъ дерзки, что посѣщаютъ иногда въ самые критическіе часы комнаты щеголихъ, присутствуютъ въ кабинетахъ вельможъ, снимаютъ очень безбожно маски съ лицемѣровъ и выкрадываютъ иногда очень нахально и противъ всѣхъ правъ общежитія изъ записныхъ книжекъ любовныя письма, тайныя записки, стихи и пр. и пр., чѣмъ-де многія дѣлаютъ безпокойства въ любовныхъ интригахъ и плутовствахъ, а потому нѣтъ почти ни одной новопріѣзжей на тотъ свѣтъ тѣни, которая бы не подавала на нихъ челобитной Плутону, или бы черезъ него не пересылала ихъ къ Нептуну, не могущимъ однако-жъ со всею своею властію унять сихъ шалуновъ. Итакъ г. Маликульмулькъ бранитъ только сей ихъ поступокъ; однакожъ признается, что онъ симъ похищеніямъ и входамъ безъ доклада обязанъ многими весьма любопытными письмами, которыя отъ нихъ получаетъ и дѣлаетъ благосклонность прочитывать безъ остатка. Вотъ что объявляетъ секретарь ученаго, премудраго и богатаго Маликульмулька и прибавляетъ къ тому, что какъ онъ не имѣетъ достаточнаго числа денегъ для напечатанія сихъ писемъ (ибо-де мѣсто секретаря у ученаго человѣка очень безприбыльно), то проситъ почтенную публику, чтобы желающіе читать и получать ежемѣсячно издаваемое имъ собраніе сихъ писемъ, благоволили въ вышеобъявленныхъ мѣстахъ подписываться, заплатя напередъ деньги за каждый экземпляръ на цѣлой годъ на александрійской бумагѣ по 9, на любской по 8, на простой по 7 рублей съ пересылкой» (стр. 233).

Какая масса серьезныхъ, преимущественно историческихъ книгъ расходилась тогда, можно видѣть изъ той части каталога Кольчугина и Переплетчикова, которая напечатана въ № 15 «Вѣдомостей».

Кстати по поводу новыхъ книгъ замѣтимъ, что въ то время существовалъ достойный подражанія обычай: «къ свѣдѣнію упражняющимся въ переводахъ» очень часто появляются объявленія, что такая-то книжка уже переводится: изберите-молъ себѣ другой предметъ для упражненія.

Кромѣ русскихъ книжныхъ лавокъ, были въ Москвѣ и иностранныя: на Ильинкѣ находился французскій магазинъ, владѣлецъ котораго, François Courtener, почти въ каждомъ № «Вѣдомостей» печаталъ объявленія о вновь выписанныхъ имъ книгахъ; у него же была небольшая иностранная библіотека для чтенія; другая французская лавка, Бибера, помѣщалась противъ Пѣвчей, въ домѣ Никиты Павлова. Нѣмецкими книгами торговалъ между прочимъ Рюдигеръ, книгопродавецъ московскаго университета.

Объявленій отъ учителей, ищущихъ мѣста или уроковъ, или отъ господъ, ищущихъ преподавателей, сравнительно немного. Вотъ нѣсколько въ видѣ образца:

«Желающіе вступить для обученія дѣтей мадамъ и учитель, знающіе разнымъ языкамъ, и хорошаго поведенія управитель могутъ явиться въ домѣ Арбенина на Каланчѣ къ его превосходительству Маркѣ Петровичу Полторацкому» (стр. 164).

Въ № 81 мы находимъ три предложенія услугъ, довольно характерныя:

«Желающіе обучать дѣтей христіанскому закону, читать, писать, начальнымъ правиламъ французскаго языка, ариѳметикѣ и рисовать, могутъ сыскать учителя на Козьемъ болотѣ, въ приходѣ Ермолая, у просвирни».

«Желающіе принять къ себѣ въ домъ учителя для обученія дѣтей по-нѣмецки, читать, писать, ариѳметикѣ, рисовать, живописи, исторіи, миѳологіи, геральдики и морали, могутъ спросить въ домѣ его сіятельства гр. Воронцова, у сѣдельника Галицкаго, близь Кузнецкаго Мосту».

«Императорскимъ московскимъ университетомъ аттестованный учитель, обучающій французскому и нѣмецкому языкамъ по правиламъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, фортификаціи и алгебрѣ съ употребленіемъ оной въ физикѣ, механикѣ и артиллеріи, желаетъ для обученія оныхъ языковъ и наукъ вступить въ домъ» (слѣдуетъ адресъ).

Любопытно предложеніе услугъ, имѣющее въ виду нѣчто въ родѣ такъ называемой семейной школы:

«Живущіе здѣсь въ городѣ господа или и почтенные купцы, желающіе принять въ домъ за сходныя кондиціи, собственно для своихъ дѣтей или для заведенія, съ согласіемъ своихъ пріятелей, небольшаго пансіона аттестованнаго учителя постоянныхъ лѣтъ (sic), знающаго французской, нѣмецкой и россійской языки по правиламъ и переводъ книгъ (sic), исторію, географію математическую и политическую, ариѳметику, геометрію съ доказательствами и другія науки, тожъ играть на фортепьяно по нотамъ, могутъ его сыскать въ нѣмецкой слободѣ, при католицкой киркѣ, у патера» (стр. 837).

Педагогъ «постоянныхъ лѣтъ», судя по мѣсту жительства, былъ иностранецъ, но часто и коренные русскіе очень многословны и неумѣлы въ публикаціяхъ; не было выработано самыхъ обыкновенныхъ формулъ, и объявленіе о концертѣ заканчивалось, напр., такимъ образомъ:

« . . . желающіе сей концертъ слышать, могутъ заблаговременно билеты получать въ (имя рекъ) лавкѣ, платя по рублю за каждый билетъ».

Переходимъ къ газетѣ собственно, начиная съ оффиціальной части.

Въ 1789 г., въ силу извѣстнаго указа Екатерины, продолжали открываться народныя училища.

Въ Ригѣ въ этомъ году открыто русское народное училище, на содержаніе котораго мѣстные купцы пожертвовали 1000 рублей.

27 февраля открыто главное народное училище въ Ревелѣ, 4 марта въ Харьковѣ, 16-го марта въ Могилевѣ, августа 1 въ Уфимскѣ (дѣтей при открытіи поступило 113), октября 3 въ Иркутскѣ (поступившихъ 160) и т. д. Малыя народныя училища открыты въ такихъ незначительныхъ городахъ, какъ Острогожскъ, Бирючъ и т. п. Иные маленькіе города и даже слободы сами заявляютъ желаніе объ открытіи училищъ и предлагаютъ пособія. Въ Курской губ. было въ этомъ году 7 народныхъ училищъ и одинъ французскій пансіонъ. Въ № 16 сообщается, что въ новгородское главное училище камергеръ Зиновьевъ представилъ 12 крестьянскихъ мальчиковъ для обученія и содержанія на его счетъ. О курсѣ и отчасти о методахъ преподаванія въ главныхъ училищахъ

можетъ дать понятіе отчетъ, опубликованный орловскимъ приказомъ общественнаго призрѣнія.

«Въ четвертомъ классѣ, открытомъ 1787 г., августа 2-го, вся физика и геометрія пройдены; въ механикѣ до сложныхъ машинъ; въ архитектурѣ до домоводственнаго строенія; въ естественной исторіи во 2-й ея части до 5 класса; съ учениками же, вступившими въ сей классъ 1788 г., іюля 1-го, въ геометріи пройдено до планиметріи, въ общей географіи до описанія городовъ Азіатской Турціи, всемірной исторіи окончена 1-я часть, россійской исторіи до половины 4-го періода, россійская грамматика окончена, а теперь упражняются въ сочиненіи въ общежитіи употребляемыхъ писемъ, въ россійской географіи до описанія городовъ въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ, и математическая географія пройдена, въ латинскомъ окончены спряженія, и упражняются въ переводахъ съ россійскаго на латинскій, въ рисованіи пройдены 2 части.

«Въ третьемъ классѣ: въ ариѳметикѣ до пропорцій, въ общей географіи прошли общее описаніе Европы, также Шведскаго и Датскаго государства, въ россійской географіи до произведеній сего государства, во всемірной исторіи въ первой части до половины исторіи греческаго народа, въ россійской грамматикѣ до конца второго спряженія, въ пространномъ катихизисѣ прошли первую часть и двѣ главы второй, въ латинскомъ окончены склоненія, въ рисованіи пройдена первая часть.

«Во второмъ классѣ: изъ ариѳметики первой части до раздробленія, изъ пространнаго катехизиса до восьмаго члена сѵмвола вѣры, изъ книги о должностяхъ человѣка и гражданина до пятой главы третьей части, руководство къ чистописанію, изъ священной исторіи исторія церкви ветхаго завѣта и таблицы о познаніи буквъ, о складахъ и чтеніи окончены, въ латинскомъ научились читать и писать, въ рисованіи прошли первую часть.

«Въ первомъ классѣ: въ священной исторіи до исторіи новаго завѣта, въ таблицѣ о познаніи буквъ до произношенія буквъ, сокращенный катехизисъ пройденъ, правила для учащихся прочитаны, изъ ариѳметики до вычитанія простыхъ чиселъ. Въ нѣмецкомъ съ 1788 года сентября, 20-го дня, ученики четвертаго и третьяго класса научились читать и писать, низшихъ же классовъ научились отчасти читать» (sic).

Учебный годъ заключался публичнымъ, въ полномъ значеніи

этого слова (публика не только присутствовала на немъ, но и задавала экзаменующимся вопросы), экзаменомъ и актомъ, на которомъ ученики произносили рѣчи передъ портретомъ государыни. Газетный отчетъ заключался часто такой формулой, указывавшей на судьбу окончившихъ курсъ ученія: «по окончаніи экзаменовъ дворяне выбыли въ службу, а купцы къ ихъ промысламъ».

Поучителенъ отчетъ о публичномъ экзаменѣ въ пажескомъ корпусѣ,—заведеніи, гдѣ въ настоящее время, какъ извѣстно, курсъ не отличается особой глубиной и обширностью. 28 марта 1789 г. пажей публично экзаменовали въ наукахъ и языкахъ: латинскомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Одинъ пажъ говоритъ рѣчь по-русски, а другой по-латыни.

Изъ объявленій отъ Петровскаго театра видно, что спектакли давались въ немъ 3 раза въ недѣлю: по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ, считались отъ ноября до ноября; въ 1788—1789 году всѣхъ ихъ было 75; одинъ день давалась трагедія и балетъ или комедія и балетъ, другой—опера и балетъ; названіе балета не публиковалось. Начиная съ весны спектакль чередовался съ «воксаломъ», гдѣ публика увеселялась акробатами, заѣзжими пѣвцами и проч. Въ лѣтніе мѣсяцы былъ только «воксалъ».

Переходимъ къ иностраннымъ извѣстіямъ. Они носятъ главнымъ образомъ политическій характеръ; изрѣдка встрѣчаются анекдоты изъ общественной жизни, извѣстія о погодѣ, объ урожаяхъ и описанія вновь открытыхъ земель. На первомъ мѣстѣ обыкновенно помѣщаются извѣстія изъ сосѣднихъ странъ: Швеціи и Турціи; редакція чувствовала, повидимому, сильное пристрастіе къ Англіи, рѣзко стояла на сторонѣ Питта, хотя съ уваженіемъ и интересомъ (но не симпатіей) говоритъ и о членахъ оппозиціи. Франція въ началѣ года занимала не видное мѣсто; но чѣмъ болѣе разгоралась революція, тѣмъ болѣе усиливался интересъ къ событіямъ, происходившимъ въ Парижѣ. Во второй половинѣ года не только нѣкоторые №№ чуть не сплошь заняты французскими дѣлами, но и въ извѣстіяхъ изъ Англіи, Германіи и Италіи отзвуки революціи на главномъ планѣ.

Первое извѣстіе изъ Франціи въ этомъ году отъ 15 декабря 1788 г. (напечатано 10 января) говоритъ о закрытіи собранія нотаблей («знаменитыхъ мужей», какъ ихъ называютъ «Вѣдомости») и упоминаетъ о слухахъ по поводу предстоящаго собранія чиновъ:

«здѣсь увѣрены, что король созоветъ ихъ по иной (чѣмъ въ 1614 г.) формѣ и позволитъ гражданамъ имѣть столько же депутатовъ, сколько дворянство и духовенство вмѣстѣ имѣть будутъ. Также не сомнѣваются и въ томъ, что во всеобщемъ собраніи чиновъ голоса числиться будутъ не по состояніямъ, какъ то было въ 1614 г., но по числу людей».

Несмотря на объективный тонъ, очевидно, извѣстіе идетъ изъ либеральной партіи, а не изъ партіи аристократической и не изъ партіи парламента, который, какъ извѣстно, настаивалъ на формѣ 1614 г. и черезъ то сразу потерялъ свою популярность.

Но съ демагогической, крайней партіей источникъ «Вѣдомостей», очевидно, не имѣетъ ничего общаго: въ томъ же № упоминается о меморіалѣ въ пользу формы 1614 г., поданномъ принцами крови (безъ подписи герцога Орлеанскаго); замѣчанія, которыя на него дѣлаютъ политики «кофейныхъ домовъ», характеризуются эпитетомъ «непристойныя». «Вѣдомости» расчитываютъ на мирное разрѣшеніе дѣла при посредствѣ взаимныхъ уступокъ: отъ 22 декабря говорится объ адресѣ 30 пэровъ, въ которомъ они изъявляютъ желаніе нести «всѣ налоги и публичные поборы въ соразмѣрности имѣнія своего». «Тѣмъ самымъ, замѣчаетъ газета, отдалены многія затрудненія по поводу наступающаго собранія всеобщихъ государственныхъ чиновъ».

Распоряженія Неккера относительно снабженія столицы называются «благоразумными».

Отъ 2 января сообщается о рѣшеніи короля «въ пользу гражданства» и приводится содержаніе составленной въ этомъ смыслѣ записки Неккера, которая называется «мастерскимъ произведеніемъ». Г. Неккеръ, по словамъ газеты, «рѣшилъ вопросъ съ свойственною ему основательностью: онъ имѣетъ за себя бо́льшую часть націи и бо́льшую часть Европы»-

Слѣдующіе №№ заняты изображеніемъ послѣдствій королевскаго рѣшенія: въ Парижѣ по этому случаю была иллюминація; то же черезъ нѣсколько дней повторилось во многихъ провинціальныхъ городахъ. Противъ этого рѣшенія протестуетъ часть дворянства; другая протестуетъ противъ протеста. Протесты дворянъ вызываютъ негодованіе народа, которое иногда выражается массовымъ нарушеніемъ законовъ объ охотѣ (стр. 147). Въ Реннѣ между «гражданствомъ» и дворянствомъ произошло кровавое столкновеніе,

въ которое должна была вмѣшаться мѣстная власть. При извѣстіи объ этомъ взволновались сосѣдніе города. Въ Нантѣ прямо организовалось возстаніе: собрали 6000 ливровъ на расходы, выбрали отрядъ изъ 300 человѣкъ и каждому назначили 3 фр. въ день. Только заявленіе гражданъ Ренна, что они получили удовлетвореніе, заставило инсургентовъ возвратиться домой.

Рѣчь короля, съ которой начинается объявленіе о созваніи чиновъ, характеризуется очень сильнымъ эпитетомъ: наипрекраснѣйшая.

Герцогу Орлеанскому, будущему Egalité, корреспондентъ тоже симпатизируетъ: инструкціи, которыя далъ герцогъ своимъ представителямъ для выборовъ (депутаты должны добиваться личной свободы, свободы печати, тайны писемъ, налоговъ только съ согласія націи, періодическаго собранія чиновъ, отчета министровъ и пр.), по словамъ «Вѣдомостей», «являютъ весьма патріотическіе и совсѣмъ безкорыстные со стороны сего принца виды».

Отъ 9 марта приводится рядъ извѣстій, доказывающихъ, что въ провинціи революція началась еще до революціи. Всего характернѣй для показанія слабости и непослѣдовательности правительства извѣстіе изъ Ліона: «Жители ліонскіе производятъ совѣтованія свои (объ избраніи депутатовъ) въ каѳедральной церквѣ и избрали себѣ ораторомъ ткача Шалона... Магистратъ ліонскій, получа о семъ свѣдѣніе и опасаясь, чтобы ткачъ не вошелъ у народа въ довѣренность, при которой можетъ онъ быть избранъ повѣреннымъ въ общее чиновъ государственныхъ собраніе, приказалъ ему объявить, чтобы онъ впредь въ народныя собранія не являлся; но за тѣмъ повелѣніемъ слѣдовало такое волненіе, что для прекращенія онаго надобно было ткачу дать волю говорить опять то, что ему угодно». Подобныя алармныя извѣстія не разрушали однако же оптимизма корреспондента. «Внутреннія наши дѣла, пишетъ онъ отъ 23 марта, приняли теперь весьма хорошій оборотъ и предполагаемыя доселѣ небольшія (?) затрудненія преподѣваются мало по малу. Здѣсь ласкаютъ себя, по справедливости, надеждою, что принадлежащіе къ существенному благоденствію государства предметы пройдутъ на сеймѣ безъ всякаго препятствія. Сюда причисляются въ особенности слѣдующіе предметы: во 1-хъ утвержденіе государственныхъ долговъ; во 2-хъ равное распредѣленіе налоговъ; въ 3 хъ личная свобода и безопасность каждаго гражданина».

О томъ, что къ Парижу передъ выборами стягивались войска, «Вѣдомости» упоминаютъ только мимоходомъ; мимоходомъ же говорится и о бунтѣ изъ-за дороговизны хлѣба. Возстаніе въ предмѣстіи св. Антонія (солдатъ убито 5—6 человѣкъ, рабочихъ убито и ранено до 100) излагается въ особомъ письмѣ довольно обстоятельно, но безъ всякихъ комментарій. Тутъ же говорится о формѣ, присвоенной депутатамъ: дворянство будетъ въ шелковомъ черномъ платьѣ, а гражданство—въ черномъ же суконномъ.

Наканунѣ открытія собранія, отъ 4-го мая, читаемъ слѣдующее:

«Въ субботу представлены были королю прибывшіе въ Версалію на сеймъ депутаты 3-хъ чиновъ. Нѣкоторые изъ нихъ одѣты уже были въ предписанное имъ платье, другіе же не имѣли онаго. Вчера еще отправилось отсюда (изъ Парижа) въ Версалію невѣроятное множество людей, для смотрѣнія открытія сейма. Сегодня поутру уѣзжаютъ и достальные. За карету съ 2-мя лошадьми платятъ на день отъ 5-ти до 8-ми, а за одну верховую лошадь по 2 луидора... Извѣстный пасквильными своими сочиненіями графъ Мирабо намѣренъ издавать журналъ нашего сейма, по 3 листа въ недѣлю».

Описаніе открытія Національнаго Собранія слишкомъ оффиціально; опущено все характерное: оваціи герцогу Орлеанскому, молчаніе королевы. Либеральная проповѣдь епископа нансійскаго названа прекрасной. Рѣчь короля приведена дословно; рѣчь Неккера, полная полусознательной лжи, восхваляется корреспондентомъ «Вѣдомостей» выше всякой мѣры. Тутъ же онъ сообщаетъ, что Мирабо издалъ два номера своего журнала; «въ первомъ критикуетъ непристойнѣйшимъ образомъ проповѣдь, во второмъ ругаетъ г. Неккера. Оба сіи номера приняты отъ публики съ заслуживаемымъ ими презрѣніемъ». Однако же изъ извѣстія отъ 11 мая видно, что корреспондентъ не сочувствовалъ запрещенію журнала Мирабо.

Любопытное извѣстіе приводятъ «Вѣдомости» въ № 45, извѣстіе, наглядно доказывающее сантиментально-оптимистическое отношеніе французской интеллигенціи къ событіямъ дня: «Дамы въ Парижѣ носятъ теперь, по случаю сейма, по утрамъ сутану (длинное священническое одѣянія) à la clergé; въ полдни являются въ публику съ бѣлыми цвѣтами à la noble, по вечерамъ въ коротенькихъ юпкахъ à la Tierce».

Фатальнаго значенія вопроса о формѣ засѣданія корреспондентъ, повидимому, не понимаетъ. Приводя письмо короля отъ 28 мая [1]), газета говоритъ: «Духовенство и гражданство оказываютъ себя готовыми ко исполненію желанія королевскаго (а между тѣмъ никто, не исключая и самого короля, не зналъ въ точности, чего хотѣлъ онъ), но дворянство намѣревается противиться соединенію чиновъ».

10-го іюня, третье сословіе, выведенное изъ терпѣнія, послало двумъ другимъ une dernière sommation. «Вѣдомости» относятся къ этому рѣшительному шагу весьма сочувственно; съ очевидною радостію онѣ сообщаютъ отъ 19-го іюня, что третье сословіе «составило наконецъ національное собраніе» и съ злорадствомъ приводятъ упрекъ короля дворянству.

Но вотъ придворная камарилья беретъ верхъ надъ Людовикомъ XVI; велѣвъ запереть залъ 20-го іюня, онъ явно высказалъ свое несочувствіе энергіи депутатовъ. «Вѣдомости» присмирѣли, и о засѣданіи въ мячной залѣ, и о королевскомъ засѣданіи 23-го іюня говорятъ крайне сдержанно. Зато любопытны извѣстія объ уличныхъ событіяхъ и настроеніи народа и войска. Описываются враждебныя манифестаціи, которыя толпа устраивала архіепископу Парижскому и другимъ непримиримымъ, движенія скопищъ къ Версалю; говорится о прокламаціяхъ («плакатахъ»), требовавшихъ ареста Полиньяка. Отъ 26-го іюня мы читаемъ: «Гвардіямъ велѣно было находиться въ готовности по первому повелѣнію. Между тѣмъ всѣ солдаты обнаружили уже нехотѣніе свое употреблять на силіе противу своихъ соотечественниковъ и хорошо еще, что сего отъ нихъ не было требовано».

Окончательная побѣда третьяго сословія снова возрождаетъ оптимизмъ корреспондента. Отъ 6-го іюля «Вѣдомости» говорятъ «Кажется, что теперь не сомнѣваются уже болѣе о счастливомъ успѣхѣ собранія всеобщихъ чиновъ, которое подастъ королевству нашему новую конституцію».

Но уже отъ 10-го іюля сообщается о приготовленіяхъ правительства къ государственному перевороту: перемѣщаются войска, приготовляется боевое оружіе. Въ городѣ снова страшный безпорядокъ: отдѣльныя части войскъ ссорятся между собою; несмотря на постоянные патрули, толпы народа судятъ ненавистныхъ лицъ

[1]) См. Гейссера: Исторія франц. революціи, пер. Трачевскаго 1870, стр. 104.

своимъ судомъ.—Здѣсь же описывается курьезный случай, изображающій, по словамъ корреспондента, «нравы нынѣшняго вѣка».

«Нѣкоторые неизвѣстные люди сдѣлали предложеніе (толпѣ, черни) сжечь домъ г. Депремениля, наиболѣе противившагося соединенію трехъ чиновъ. Таковое безразсудное предложеніе легко-бъ произведено было въ дѣйство; все уже къ тому было готово, и чернь находилась въ движеніи, какъ нѣкто выступилъ изъ середины народа, всталъ на стулъ и говорилъ слѣдующее: «Государи мои! Что хотите вы сдѣлать? Сжечь домъ г. Депремениля? Но одумали ли вы хорошенько, что вы учините глупость, а вмѣстѣ и большую несправедливость? Домъ его не принадлежитъ ему, а подрядчику, который его строилъ; за мебели не заплочено обойщику еще и по сіе время; дѣти его также не принадлежатъ ему одному, а у нихъ есть свои отцы; жена его принадлежитъ публикѣ, ибо нѣтъ ни одной женщины, которая-бъ бо̀льшую отъ всѣхъ привязанность къ себѣ привлекла, какъ она». Домъ Депремениля остался цѣлъ. — Можно сказать: se non è vero, è ben trovato.

11-го іюля, какъ извѣстно, былъ смѣненъ Неккеръ, и составлено новое консервативное министерство. 12-го въ Парижѣ произошли страшные безпорядки; 13-го составилась національная гвардія; 14-го была взята Бастилія; Людовикъ XVI услыхалъ въ первый разъ страшное слово «революція» [1]), и призналъ себя побѣжденнымъ. Неккеръ былъ возвращенъ, а король долженъ былъ совершить путешествіе въ Парижъ поклониться новому самодержцу—народу.

Эти важныя событія описываются «Вѣдомостями» въ двухъ письмахъ изъ Парижа: отъ 13-го и отъ 17-го іюля; первое оканчивается знаменательнымъ восклицаніемъ: «Боже! помилуй насъ и возврати намъ спокойствіе», а второе, болѣе богатое фактами, занимаетъ почти $^3/_4$ газеты.

Оффиціозная печать Европы, очевидно, потеряла голову: авторъ письма въ началѣ называетъ дѣятелей 13-го и 14-го іюля «гражданство или лучше, бунтовщики (можетъ быть вставка редакціи?), а черезъ 30 строкъ восхваляетъ національную гвардію и увѣряетъ, что никогда въ Парижѣ не было спокойнѣе, какъ послѣ ея учрежденія. Многія событія изображаются съ точки зрѣнія партіи

---

[1]) C'est une révolte, сказалъ онъ графу Ліанкуру, услыхавъ его разсказъ о событіяхъ 14-го іюля. Non, sire., c'est une révolution, отвѣтилъ ему тотъ.

«дѣйствія»: мэръ Флессель и комендантъ Бастиліи обвиняются въ положительныхъ подлостяхъ, которыхъ они никогда не совершали; восхваляется безкорыстіе народа, охранившаго домъ австрійскаго посланника. Да и какъ было не впадать въ противорѣчіе, когда въ одномъ и томъ же № приходилось сообщать двѣ рѣчи короля собранію; одну гордую, надменную, заявленіе воли деспота; другую просительную, жалкую, мольбу побѣжденнаго!

Оффиціозность свою эта корреспонденція заявляетъ такой наивной хитростью: при описаніи въѣзда короля, авторъ ничего не говоритъ о настроеніи массы, а при описаніи выѣзда подробно распространяется объ оваціяхъ.

Оправившись отъ смущенія и, вѣроятно, получивъ указаніе свыше, «Вѣдомости», отъ 24 іюля, рѣзко высказываются противъ неистовствъ черни и безцензурной печати.

Корреспонденція изъ Лондона, отъ 4 августа, наглядно свидѣтельствуетъ объ огромномъ вліяніи, которое оказывала на Францію Англія въ первой стадіи развитія революціи: въ заключеніе уличныхъ рѣчей ораторы Пале-Рояля читаютъ, какъ бы вмѣсто молитвы, bill of rights (билль о правахъ) во французскомъ переводѣ.

О знаменитомъ засѣданіи Собранія 4-го августа, гдѣ дворянство, духовенство, провинціи и города пожертвовали своими привилегіями, корреспондентъ говоритъ съ большой симпатіей. Въ этомъ случаѣ, по его словамъ, «обнаружилась любовь французской націи къ отечеству, особливо же дворянства».

Несмотря на то, что съ середины августа до октября въ Парижѣ никакихъ особыхъ событій не происходило, интересъ къ Франціи возросъ настолько, что почти въ каждомъ №, кромѣ «извѣстій» помѣщается еще корреспонденція или, какъ тогда выражались, «перечень письма».

Совершившіеся факты авторъ или авторы этихъ писемъ открыто называютъ революціей. Интересны извѣстія о безпорядкахъ въ деревняхъ; виновникамъ ихъ обыкновенно придается эпитетъ разбойниковъ; съ ними часто вступаетъ въ бой національная гвардія; въ Шалонѣ ихъ убито будто бы до 1000 человѣкъ и многіе изъ зачинщиковъ повѣшены. Приведено нѣсколько случаевъ, гдѣ подстрекатели пускали въ ходъ подложныя королевскія грамоты и распускали слухи, будто король разрѣшилъ на извѣстный срокъ грабить замки, аббатства и дома съ громоотводами.

Въ письмѣ отъ 31 августа разсказывается, что парижскіе лакеи, отпущенные господами, собравшись въ количествѣ до 40.000 человѣкъ (!) [1]), предъявили ратушѣ требованіе, чтобы всѣ иностранные лакеи были отпущены: и свои-молъ съ голоду умираютъ. Имъ отвѣтили запрещеніемъ скоповъ.

Съ 11-го сентября появляются извѣстія о первыхъ добровольныхъ приношеніяхъ національному собранію. Одно изъ первыхъ пожертвованій сдѣлано Лафайетомъ: онъ отказался отъ назначеннаго ему жалованья 12.000 франковъ.

Въ этотъ періодъ затишья, отношенія между королемъ и народомъ все болѣе и болѣе обострялись: король утвердилъ популярные законы 4-го августа не въ полномъ ихъ составѣ; народъ продолжалъ голодать и глухо волновался. 1-го октября извѣстный пиръ лейбъ-гвардіи, яко бы грозившій контръ-революціей, переполнилъ чашу; 5-го октября огромная толпа парижанъ двинулась на Версаль; въ ночь на 6-ое народъ почти приступомъ взялъ дворецъ; по его требованію, король и собраніе должны были переѣхать въ Парижъ. Судьба старой монархіи была рѣшена; Парижъ открыто и безвозвратно взошелъ на ея тронъ.

Какъ теперь поведетъ себя оффиціозная печать въ странахъ, гдѣ правительство самодержавно? Что могутъ «Вѣдомости» сообщить публикѣ объ этомъ событіи, смыслъ котораго ясенъ и для самыхъ близорукихъ?

Прежде всего очевиденъ страхъ и уклончивость. Отъ 5-го октября «Вѣдомости» кратко и сдержанно извѣщаютъ объ офицерскомъ обѣдѣ, будто о невинной выходкѣ; но корреспонденція оканчивается восклицаніемъ: «Боже! избави насъ отъ новыхъ бунтовъ и смятеній»!

Въ слѣдующемъ № 89-мъ, котораго читатели, конечно, ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ именно ради извѣстій о дѣлахъ французскихъ, изъ Парижа нѣтъ ни строчки: очевидно, ждали, какъ выскажется высшее начальство, что скажетъ оффиціальная петербургская печать.

Въ № 90-мъ, отъ 10-го ноября (стало быть, принявъ въ расчетъ разницу стиля, больше, чѣмъ черезъ $1^1/_2$ мѣсяца послѣ событій), появляется описаніе того, что̀ произошло въ Парижѣ 5-го и 6-го

---

[1]) А всѣхъ слугъ въ Парижѣ считалось до 150.000 человѣкъ.

октября. Судя по тѣмъ цитатамъ, которыя приведены въ статьѣ профессора Брикнера [1]) оно буквально совпадаетъ съ тѣмъ, что сообщили своимъ читателямъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», тогда какъ въ описаніи событій, предшествующихъ, напримѣръ, 14 іюля, московская газета слѣдовала другимъ, болѣе либеральнымъ источникамъ. Въ этомъ описаніи все движеніе приписывается бабьей рати, надъ которой референтъ и изощряетъ свое остроуміе. Лафайетъ представляется подвергшимся насилію, а его спасительная для королевскаго семейства роль умалена. Солдаты не защищали короля, «увидя между вооруженными женщинами много красавицъ», даже лейбъ-гвардейцы обвиняются въ трусости. Разсказъ о битвѣ во дворцѣ—рядъ неточностей и искаженій фактовъ: будто бы только въ $^1/_2$ второго ночи разнесся слухъ о приближеніи національной гвардіи (на самомъ дѣлѣ она съ полуночи занимала всѣ внѣшніе караулы во дворцѣ [2]); будто, едва успѣвъ придти, національные гвардейцы «открываютъ пальбу противъ королевскихъ тѣлохранителей». Ни слова не говорится о чувствительной сценѣ на балконѣ, когда Лафайетъ цѣловалъ руку королевы: вѣроятно, съ точки зрѣнія автора это унижало королевское достоинство; утвердительно говорится о головахъ двухъ лейбъ-гвардейцевъ и сердцѣ третьяго, несенныхъ на пикахъ (о сердцѣ ни Тьеръ, ни другіе ничего не знаютъ; головы же вскорѣ были отняты у черни).

Съ подчеркиваніемъ разсказывается, что члены городской ратуши, «которые въ прежнія времена иначе съ государемъ своимъ, говорить не могли, какъ стоя на колѣняхъ», теперь сидѣли передъ королемъ, а король и его семья стояли.

Инсургенты называются огульно мятежниками, разбойниками извергами рода человѣческаго. Вся статья испещрена точками.

Въ извѣстіи отъ 16-го октября «Московскія Вѣдомости» расходятся съ «Петербургскими» во взглядѣ на участіе въ возстаніи герцога Орлеанскаго: первыя силятся оправдать его.

Съ этого времени корреспонденціи становятся очень краткими и безцвѣтными. Поразительно своимъ лаконизмомъ извѣстіе отъ 9-го ноября: «Чины Беарнскіе собрались было въ городѣ Ло, но собраніе сіе разошлось, какъ скоро увѣдомилось, что народъ хочетъ повѣсить одного члена онаго».

---

[1]) «Древняя и Новая Россія», 1876, I, 81.

[2]) См. Тьеръ. Исторія революціи I, 194.

При всей безцвѣтности извѣстій, можно замѣтить продолжающуюся симпатію къ Неккеру, рѣчи котораго приводятъ почти in extenso, и явную антипатію къ графу Мирабо: злорадно приводятся случаи, гдѣ ему дѣлаютъ дерзости; Демуленъ, меморіалъ котораго, по словамъ газеты, раздражилъ всѣхъ, называется «крайнимъ другомъ Мирабо».

Отъ 6-го ноября приведемъ двѣ небезъинтересныя картинки нравовъ эпохи.

«Изъ Бреста пишутъ, что баронъ Менонъ, флота нашего маіоръ, идучи мимо барабанщика народнаго войска, примѣтилъ, что сей, куря табакъ, пустилъ ему нарочно дымъ прямо въ лицо, и потому далъ оному насмѣшнику нѣсколько оплеухъ и палочныхъ ударовъ. Гражданство тамошнее вступилось тотчасъ за своего барабанщика, а комендантъ гавани, г. Гекторъ, желая предупредить большое волненіе, уволилъ помянутаго маіора въ домовой отпускъ; однако онъ не поѣхалъ, но удалился на одинъ изъ стоящихъ на рейдѣ военныхъ кораблей. Чернь, узнавъ о семъ, пустилась было вслѣдъ за маіоромъ къ помянутому кораблю на мелкихъ судахъ, дабы принудить его просить у барабанщика прощенія и принять отъ него взаимно одну оплеуху; ибо такъ приговорено было гражданствомъ; но прочіе офицеры военныхъ кораблей, взявъ г. Менона подъ свое покровительство, не только его не выдали, но и, явясь къ коменданту гавани, г. Гектору, всѣ вообще отреклись отъ своихъ должностей. Сіе побудило г. Гектора обратиться къ мѣщанству, которое, принявъ отъ него доказательство о несправедливости барабанщика, признало наконецъ г. Менона невиннымъ, и тѣмъ возстановило спокойствіе.

«При нынѣшнихъ обстоятельствахъ нашихъ достойно также примѣчанія слѣдующее происшествіе: кучеръ герцога и маршала де Ноаля, будучи въ Сентъ-Жерменѣ-анъ-Лай въ трактирѣ, и услышавъ предосудительные чести господина своего разговоры, защищалъ его, сколько могъ. Отъ сего произошла сперьва ссора, а потомъ и драка между онымъ кучеромъ и нѣсколькими человѣками изъ рядовыхъ гражданскаго войска. Кучеръ оборонялся сперьва отъ нихъ кулаками, а потомъ, выхватя у одного рядоваго саблю, переранилъ многихъ и ушелъ напослѣдокъ въ домъ своего господина. Чернь, пришедъ по сему случаю въ волненіе, приступаетъ къ дому герцога Ноаля, беретъ кучера насильственно, выводитъ на

площадь, и поднимаетъ его на висѣлицу. Кучеръ уже виситъ; но имѣя еще память, вынимаетъ изъ кармана своего ножъ, перерѣзываетъ надѣтую ему на шею веревку и, упавъ внизъ, поражаетъ ножемъ своимъ во перьвыхъ того, кѣмъ былъ повѣшенъ, и который старался схватить его и поднять на висѣлицу вторично. Чернь тѣснится, и хотя многіе получаютъ раны, однакожъ многолюдство лишаетъ его наконецъ жизни побоями».

Въ послѣднемъ (103-мъ) номерѣ за этотъ годъ въ протоколѣ засѣданія національнаго собранія (отъ 30-го ноября) сообщается москвичамъ о предложеніи доктора Гильотена «постановить для всѣхъ преступниковъ одинаковую смертную казнь и токмо допустить одно отсѣченіе головы, которое производимо должно быть не черезъ палача, но посредствомъ машины, въ движеніе приведенной».

Къ сходному извѣстію «С.-Петербургскія Вѣдомости» присоединяютъ патетическое, хотя и краткое разсужденіе о предстоящихъ ужасахъ революціи [1]); «Московскія» оставляютъ его безъ комментарій, во всей его пророческой неприкосновенности.

---

[1]) Приведено проф. Брикнеромъ.

КУРГАНОВЪ И ЕГО „ПИСЬМОВНИКЪ“.

Слово великаго поэта, хотя бы мимоходомъ сказанное, вѣско и вліятельно: цѣлыя поколѣнія, воспитывающіяся на его произведеніяхъ, принимаютъ на вѣру его сужденія, повторяютъ его мнѣнія, усвоиваютъ даже тонъ ихъ;—отнесется онъ съ уваженіемъ къ чему-нибудь—это уваженіе переходитъ изъ рода въ родъ, часто не подвергаясь ни малѣйшей провѣркѣ;—посмѣется онъ надъ какимъ-нибудь общественнымъ или литературнымъ фактомъ—и презрительно-насмѣшливое отношеніе къ этому факту удерживается еще легче и провѣряется еще меньше.

Пушкинъ наклеилъ насмѣшливый ярлыкъ на книгу Курганова, и съ тѣхъ поръ не было образованнаго человѣка, который не зналъ бы этой книги по имени, и почти не было людей, губы которыхъ не складывались бы въ насмѣшливую улыбку при одномъ названіи—«Письмовникъ».

Въ недоконченной повѣсти-шуткѣ—«Исторія села Горохина», Пушкинъ говоритъ (не про себя, конечно): «Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, ничего никогда не читали, и во всемъ домѣ, кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе «Письмовника» долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть и, не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ генерала NN., у котораго батюшка былъ нѣкогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человѣкомъ. Я разспрашивалъ о немъ у всѣхъ, — и, къ сожалѣнію, никто не могъ удовлетворить

моему любопытству; никто не зналъ его лично»... Далѣе авторъ разсказываетъ, какое представленіе составилъ онъ себѣ о Кургановѣ, и какъ, попавъ въ деревню впослѣдствіи, онъ по страсти къ литературѣ, воспитанной въ немъ «Письмовникомъ», упражнялся въ разныхъ родахъ поэзіи и прозы, пока не надумалъ писать лѣтопись своего села. Читателю дается понять, что вычурный, старообразный стиль и педантически-формальное отношеніе къ литературѣ унаслѣдовано авторомъ лѣтописи отъ «Письмовника» Курганова. «Письмовникъ» является, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ квинтъ-эссенціи старомоднаго литературнаго вкуса.

Очевидно, самъ Пушкинъ «Письмовника» («Новѣйшимъ» онъ, сколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изданіи не называется) не читалъ, а развѣ только держалъ въ рукахъ, убѣдился, что въ немъ вовсе нѣтъ образцовыхъ писемъ и дѣловыхъ бумагъ, и что онъ заключаетъ въ себѣ теорію поэзіи и образцы ея, и по году изданія заключилъ о литературныхъ взглядахъ составителя. Разумѣется, мы не имѣемъ никакого права претендовать на Пушкина за такое слишкомъ легкое отношеніе къ почтенной въ своемъ родѣ книгѣ, которая ко времени его дѣтства и юности давно уже перешла изъ гостиныхъ и кабинетовъ въ каморки мѣщанъ и старыхъ дворовыхъ; напротивъ, Пушкинъ оказалъ услугу памяти «Письмовника», обративъ вообще вниманіе на фактъ необыкновенной популярности этой книги въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—книги, которая находилась даже въ такихъ помѣщичьихъ домахъ, гдѣ никакихъ книгъ не было. Пушкинъ не отнесся къ ней повнимательнѣе, раздѣляя общее предубѣжденіе противъ книгъ, спустившихся въ лакейскія и столь же общее предубѣжденіе противъ книгъ устарѣлыхъ, особенно понятное въ періодъ великой литературной революціи.

Предубѣжденіе противъ «Письмовника» Курганова раздѣляли съ Пушкинымъ всѣ литераторы его времени,—всѣ, кромѣ тѣхъ немногихъ, кто читалъ «Письмовникъ», или хоть внимательно перелистывалъ. Вотъ два примѣра иного, болѣе справедливаго отношенія.

В. К. Кюхельбекеръ, извѣстный декабристъ и пріятель Пушкина, одинъ изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ (по крайней мѣрѣ въ литературномъ отношеніи) людей своего времени, получилъ «Письмовникъ», отсиживая свой срокъ въ тюрьмѣ, прочелъ его и вотъ что записалъ въ свой дневникъ [1]): «Письмовникъ вовсе не

[1]) Печатался въ „Русской Старинѣ" за 1875 годъ, тт. XIII и XIV.

такъ дуренъ, какъ я воображалъ; напротивъ, по времени, когда былъ написанъ, можетъ назваться очень порядочною, даже хорошею книгою. И нынѣ можно въ немъ найти довольно много любопытнаго, не говорю уже объ очень полномъ собраніи русскихъ пословицъ, между которыми я нашелъ много, мнѣ вовсе неизвѣстныхъ и чрезвычайно замысловатыхъ; но и анекдоты, т. е. тѣ, которые у него названы анекдотами, а не повѣстями, всѣ почти хороши, по крайней мѣрѣ гораздо лучше большей части печатаемыхъ нынѣ».

Но для того, чтобы рѣшиться прочесть «Письмовникъ», нужно было сидѣть въ одиночномъ заключеніи, или быть присяжнымъ критикомъ журнала. Такой присяжный критикъ отыскался въ 1831 году въ «Московскомъ Телеграфѣ» и по поводу новаго изданія «Письмовника» далъ о немъ весьма благопріятный отзывъ, какъ о книгѣ, замѣчательно умной и полезной для своего времени. Если кто виноватъ въ пренебреженіи къ «Письмовнику» и его автору, то скорѣе современные намъ историки литературы, которые такъ мало обращали вниманія на книгу, воспитавшую цѣлыя поколѣнія,— книгу, безпримѣрную по своей распространенности и вліянію, къ тому же написанную человѣкомъ, далеко незауряднымъ. Но и ихъ винить нельзя: русская литература второй половины XVIII вѣка, чрезвычайно богатая по содержанію, интересная даже для уразумѣнія главныхъ теченій западно-европейской литературы, у насъ скорѣе затронута, чѣмъ изслѣдована. Жатва обильна, но жателей мало.

Біографія автора «Письмовника» весьма небогата фактами, да и эти факты не легко очистить отъ ошибокъ. Двѣ попытки, сдѣланныя до сихъ поръ, весьма неудовлетворительны: Берхъ, книжка котораго вышла въ 1829 году, пользовался весьма немногими документами и весьма недостовѣрными разсказами младшихъ современниковъ Курганова; г. Колбасинъ отнесся къ своей задачѣ чрезвычайно небрежно и невѣрно передаетъ факты, почерпнутые имъ изъ книгъ,—можно ли вѣрить сообщаемымъ имъ преданіямъ? Такъ какъ дѣла прошлаго столѣтія въ архивѣ морского министерства не разобраны, я не могъ достать никакихъ бумагъ, касающихся службы Курганова. Къ счастью, Ѳ. Ѳ. Веселаго, извѣстный авторъ «Исторіи Морского корпуса» и издатель «Описи архива Морского Министерства», былъ такъ любезенъ, что взялъ на себя трудъ навести справки и сообщилъ мнѣ нѣсколько весьма интересныхъ дан-

ныхъ, вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ, о спеціальныхъ трудахъ Курганова (см. ниже), о достоинствахъ которыхъ я судить не въ состояніи.

Николай Гавриловичъ Кургановъ родился въ Москвѣ въ 1725 году (Берхъ), или въ 1726 г. (Колбасинъ); онъ былъ сынъ унтеръ-офицера; воспитаніе получилъ онъ въ Школѣ Навигаціонныхъ наукъ, которую основалъ Петръ Великій въ 1701 году. Эта школа долго была излюбленнымъ дѣтищемъ преобразователя Россіи, первой и самой важной изъ всѣхъ спеціальныхъ школъ, въ которыхъ онъ подготовлялъ себѣ сотрудниковъ. Онъ не жалѣлъ на нее денегъ: туда были выписаны три профессора изъ Англіи, и главному изъ нихъ, Фарварсону, кромѣ хорошаго жалованья, было назначено 50 фунтовъ стерлинговъ за каждаго успѣшно окончившаго курсъ ученика. Школа сперва помѣщалась за Москвой рѣкой, а черезъ пять лѣтъ была переведена въ Сухареву башню, гдѣ и оставалась до своего закрытія. Въ 1715 году, когда гавань была переведена изъ Воронежа въ Петербургъ, Петръ основалъ Морскую Академію и перевелъ туда Фарварсона. На новомъ мѣстѣ служенія Фарварсонъ сталъ ссориться съ барономъ Сентъ-Илеромъ, но Петръ, повидимому, сталъ на сторону опытнаго преподавателя Навигаціонной Школы, и Сентъ-Илеръ въ 1717 году былъ «отпущенъ». Послѣ открытія Морской Академіи, школа Сухаревой башни не закрылась, а стала подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ для Академіи. За отъѣздомъ Фарварсона, главной педагогической силой въ ней остался извѣстный составитель ариѳметики Магницкій, у котораго Кургановъ, по всей вѣроятности, и учился математическимъ наукамъ; знаніемъ французскаго языка, грамматики и русской словесности Кургановъ, какъ онъ самъ говоритъ, былъ обязанъ профессору (?) Михаилу Васильевичу Попову [1]). «Онъ училъ меня изъ любви къ отечеству, полагая, что я оному могу быть полезенъ».

---

[1]) Берхъ, „Жизнеописаніе Н. Г. Курганова", стр. 4—5. Здѣсь несомнѣнная ошибка: профессора Михаила Попова не было, а были—въ Москвѣ, профессоръ Михаилъ Поповскій, извѣстный переводчикъ Попа и Локка и, въ Петербургѣ, профессоръ астрономіи Никита Поповъ. Здѣсь же разумѣется, по всей вѣроятности, писатель Михаилъ Поповъ, работавшій вмѣстѣ съ Чулковымъ. О немъ въ словарѣ Новикова сказано: „Поповъ Михайло, коллежскій регистраторъ, при комиссіи сочиненія проекта новаго уложенія, написалъ довольно весьма изрядныхъ стихотвореній и сообщилъ не мало пере-

Въ 1739 году математическія науки въ Россіи потерпѣли большой ущербъ вслѣдствіе смерти Фарварсона въ Петербургѣ и Магницкаго въ Москвѣ. Конечно, легче было замѣнить Фарварсона, нежели Магницкаго: за хорошее жалованье въ новую столицу легче было выписать знающаго человѣка, а Навигаціонная Школа, послѣ смерти Магницкаго, естественно должна была падать; къ счастью для Кургановa, онъ оставался въ ней недолго. Въ 1741 году онъ поступилъ въ Морскую Академію, очевидно, съ очень хорошей подготовкой, такъ какъ уже черезъ два года преподавалъ астрономію въ гардемаринскихъ классахъ «и обучалъ дѣтей въ нѣсколькихъ знатныхъ домахъ» (Берхъ). Въ 1744 году Кургановъ уже ученикъ «большой астрономіи», кромѣ содержанія (5 руб. въ мѣсяцъ) получалъ жалованье (2 руб. въ мѣсяцъ) за свои педагогическіе труды въ стѣнахъ Академіи. Черезъ два года, онъ снова повышается въ должности: его дѣлаютъ ученымъ подмастерьемъ (отъ мастеръ въ средневѣковомъ значеніи этого слова, magister) математическихъ и навигаціонныхъ наукъ, съ жалованьемъ 180 руб. въ годъ;—такимъ образомъ, онъ изъ ученика старшаго класса превращается въ штатнаго преподавателя, хотя и низшаго разряда, въ нѣчто въ родѣ лаборанта или адъюнкта.

Кургановъ въ это время былъ полезнымъ дѣятелемъ уже не въ одной Морской Академіи: въ томъ же 1746 году, онъ, вмѣстѣ съ адъюнктомъ Академіи Наукъ Красильниковымъ, ѣздилъ въ командировку опредѣлять берега Балтійскаго моря. Въ 1750 и въ 1752 годахъ профессоръ Гришовъ былъ командированъ той же Академіей Наукъ для астрономическихъ работъ на островъ Эзель; по его желанію, съ нимъ былъ посланъ и Кургановъ. Въ томъ же 1752 году Морская Академія указомъ была преобразована въ Морской корпусъ, куда Кургановъ былъ «написанъ» въ той же должности ученаго подмастерья. Трудно было въ то время человѣку изъ незнати пробиваться педагогіей въ офицерскіе чины; но Кургановъ, очевидно, отличался не заурядными способностями и энергіей. Въ 1756 году онъ получилъ чинъ подпоручика, а въ 1760—поручика. Раньше этого послѣдняго повышенія, онъ началъ свои издательскіе труды: въ 1757 онъ издалъ составленную имъ «Универсаль-

---

водовъ" и т. д. „Nachricht von einigen russischen Schriftstellern" etc. 1768 („Библ. Зап.", т. III, стр. 609 и слѣд.) называетъ его ehemaliger Hofacteur.

ную ариометику», книгу, которой предстояла долгая жизнь и большое распространеніе: она была принята въ Морскомъ корпусѣ и, безъ сомнѣнія, въ другихъ школахъ, гдѣ проходилась математика въ такомъ объемѣ; она вытѣснила хорошую въ свое время, но устарѣвшую ариометику Магницкаго. Кургановъ вовсе не слѣдовалъ примѣру тѣхъ неблагодарныхъ учениковъ-авторовъ, которые, въ видѣ рекомендаціи своимъ книжкамъ, предпосылаютъ упреки предшественникамъ въ невѣжествѣ и нелогичности; напротивъ, эпиграфъ для своей ариометики онъ взялъ изъ книги Магницкаго. Въ 1761 году тотъ же Красильниковъ наблюдалъ прохожденіе Венеры по порученію Академіи; вѣроятно, по его указанію «ученый подмастерье» былъ приглашенъ участвовать въ его работѣ. Въ 1764 году Кургановъ издалъ, переведенное имъ, «Новое сочиненіе о навигаціи» Бугера, которое было переиздано потомъ три раза въ 1785 году, въ 1799 и 1802 годахъ. Въ томъ же году онъ представилъ въ канцелярію корпуса новое математическое сочиненіе, которое въ прошеніи своемъ характеризовалъ такимъ образомъ: «собралъ я изъ новѣйшихъ и иностранныхъ изданій книгу, содержащую въ себѣ основательное ученіе геометріи, тригонометріи и геодезіи»; онъ проситъ сочиненіе это напечатать въ количествѣ 600 экземпляровъ, съ тѣмъ, чтобы 500 пустить въ продажу въ пользу корпуса, а 100 предоставить ему въ видѣ авторскаго гонорара. Такъ скромны были требованія тогдашнихъ составителей учебниковъ! Книга его была напечатана подъ именемъ «Генеральной Геометріи» въ 1765 году, а онъ былъ пожалованъ чиномъ капитана и произведенъ въ учители. «Генеральная Геометрія», не въ примѣръ другимъ литературнымъ трудамъ маленькихъ людей XVIII столѣтія и даже не въ примѣръ другимъ книгамъ самого Курганова, посвящена не какой либо высокой особѣ, а слушателямъ автора. Въ 1767 году начальство корпуса поручило ему разобрать разныя вещи, накопившіяся за долгіе годы подъ куполомъ Адмиралтейства.

1769 годъ, чрезвычайно важный въ исторіи русской мысли и просвѣщенія, имѣлъ большое значеніе и въ научно-литературной дѣятельности Курганова. Онъ издалъ цѣлыя двѣ книги: «Грамматику россійскую, универсальную», превратившуюся впослѣдствіи въ «Письмовникъ», и переведенные съ французскаго «Элементы геометріи по Евклиду», которые вскорѣ были приняты въ качествѣ учебника. Вообще, въ это время учебники Курганова были въ

большомъ ходу въ мѣстѣ его служенія: по программѣ 1765 года, кромѣ ариометики, по его же книгѣ—«Бугеровой Навигаціи» проходятъ астрономію, географію, навигацію плоскую, меркаторскую и круглую. Нельзя думать, чтобы его учебники были въ такомъ ходу вслѣдствіе его служебнаго вліянія: съ 1762 года Морскимъ корпусомъ начальствовалъ Голенищевъ-Кутузовъ, человѣкъ очень образованный, мечтавшій о томъ, чтобы ввести въ курсъ подвѣдомственнаго ему заведенія humaniora; если бы учебники Курганова были изложены варварскимъ языкомъ и не имѣли педагогическихъ достоинствъ, Голенищевъ-Кутузовъ едва ли позволилъ бы сдѣлать ихъ обязательными. О «Письмовникѣ» бы будемъ говорить ниже, а теперь покончимъ съ службой и научными сочиненіями Курганова. Въ маѣ мѣсяцѣ 1770 года капитанъ Кургановъ за переводъ съ англійскаго книгъ Саверьени «О счисленіи ходу корабля» и Гариса «О часахъ для счисленія времени на морѣ» и за календарь «съ астрономическими и эфемеридными табелями» получилъ въ награду сто рублей. Въ 1771 году зданіе Морского корпуса сгорѣло, и онъ былъ переведенъ въ Кронштадтъ, гдѣ кадетамъ было удобно практиковаться въ своей спеціальности, но гдѣ вдали отъ столицы, двора и даже отъ главныхъ своихъ начальниковъ—Голенищевъ-Кутузовъ не счелъ возможнымъ переѣхать въ Кронштадтъ, посѣщалъ корпусъ сравнительно рѣдко, такъ что къ его пріѣзду офицеры подготовляли кадетъ—воспитанники дичали и нравы ихъ грубѣли, какъ видно, между прочимъ, изъ статьи Мельницкаго «Адмиралъ Рикордъ и его современники» («Морской Сборникъ» 1856 годъ, часть 2-я). Кургановъ, который во время пожара, какъ пишетъ самъ въ своемъ прошеніи, лишился домишка въ 16-й линіи, былъ назначенъ исправлять должность инспектора классовъ. Повидимому, начальство поручило ему эту должность не потому, что считало его безусловно способнымъ къ ней, а за неимѣніемъ лучшаго, такъ какъ не всѣ служащіе въ Морскомъ корпусѣ согласились оставить столицу и переселиться въ Кронштадтъ; насъ убѣждаетъ въ этомъ то обстоятельство, что черезъ четыре года, въ 1775 г., Кургановъ былъ отставленъ отъ должности инспектора и остался только профессоромъ. Но особыхъ провинностей на этомъ административномъ посту за нимъ не оказалось, судя по тому, что онъ, въ 1772 г., былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и при оставленіи должности инспектора ему была объявлена благодарность въ

приказѣ. Онъ и во время инспекторства не оставлялъ своихъ литературно-ученыхъ трудовъ: въ 1773—1774 годахъ онъ издалъ переведенныя съ французскаго книги: «О точности морского пути» и «Наука Морская» [1]); въ предисловіи къ которой онъ бранится стихами со своими будущими критиками [2]). Въ томъ же 1774 году, 7-го марта ему былъ выданъ патентъ отъ Академіи Наукъ на званіе профессора, который мы здѣсь приводимъ цѣликомъ:

«Симъ свидѣтельствуемъ, что находящагося въ Морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ Учителемъ, правящаго дѣйствительно должность Профессора высшей Математики и Навигаціи Господина Маіора Николая Курганова, по усмотрѣнію нашему, въ разсужденіе достаточнаго въ тѣхъ наукахъ знанія, и уважая его похвальные труды въ искусномъ сочиненіи и переводахъ многихъ полезныхъ учебныхъ, къ помянутымъ наукамъ принадлежащихъ книгъ, признаваемъ за человѣка ученаго и достойнаго быть дѣйствительнымъ Профессоромъ оныхъ Наукъ».

Подписали: Профессоръ И. Эйлеръ.
Профессоръ С. Котельниковъ.

Берхъ увѣряетъ, что Кургановъ получилъ этотъ патентъ по экзамену; этого не видно изъ самаго текста, да и трудно представить себѣ, какимъ образомъ можно было экзаменовать секундъ-маіора, о знаніяхъ котораго свидѣтельствуютъ его книги и прежнія работы въ сообществѣ съ членами Академіи? Съ этихъ поръ Кургановъ былъ матеріально обезпеченъ: жалованья получалъ онъ 700 руб. и 200 руб. добавочныхъ за классъ морской тактики; по тогдашнему времени, это было содержаніе очень хорошее, въ особенности для человѣка, такъ мало избалованнаго въ молодости. Если прежніе ученые труды Курганова можно было мотивировать желаніемъ выбраться въ люди, добиться приличнаго общественнаго положенія и оклада, то послѣдующія его работы ясно доказываютъ,

---

[1]) „Наука Морская, сирѣчь опытъ о теоріи и практикѣ управленія кораблемъ и военнымъ флотомъ„. Оригиналъ напечатанъ во Франціи въ 1765 году; русскій переводъ посвященъ наслѣднику престола (Берхъ, стр. 14).

[2]) Охота въ васъ дѣла чужія порицать
Понудила перо противъ васъ изощрять:
Нѣтъ въ васъ къ трудамъ любви, слѣпа любовь къ самимъ.
Теряете свою, отъемля честь другимъ и пр.

что это былъ не единственный и даже не главный мотивъ, такъ какъ Кургановъ и теперь издаетъ книжку за книжкой. Въ 1777 г. онъ напечаталъ книгу «О наукѣ военной» [1]), въ предисловіи къ которой выказываетъ замѣчательную литературную откровенность. «Г. читатель!—говоритъ онъ въ самомъ началѣ,—здѣсь ничего нововыдуманнаго мною нѣтъ, что мудрецы называютъ сочиненіемъ, а все старое, потому что издано преложеніе изъ разныхъ иноземныхъ книгъ». Далѣе онъ разъясняетъ, что взялся за эту работу по необходимости, такъ какъ прежнія руководства устарѣли. Указавъ на главныя свои пособія и изложивъ планъ своей книги, онъ пользуется случаемъ, чтобы высказать свою ненависть къ педантскому способу обученія, при чемъ ссылается на любимую свою книгу; «Учрежденія и уставы, касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества» (1774 г.).

Книга Курганова посвящена начальнику корпуса, вице-адмиралу Голенищеву-Кутузову; но въ этомъ скромномъ, свободномъ отъ особенныхъ восхваленій, на которыя такъ были щедры литераторы и переводчики XVIII вѣка, посвященіи нельзя видѣть желанія выслужиться, а лишь покорность обычаю и проявленіе чувства благодарности къ умному и гуманному начальнику, съ которымъ Кургановъ имѣлъ, кромѣ того, и частныя отношенія: судя по тому, что 3-е изданіе своей ариѳметики онъ посвятилъ сыну Кутузова, едва ли послѣдній не былъ его ученикомъ.

Дальнѣйшія біографическія свѣдѣнія о Кургановѣ есть только хронологическій перечень наградъ, имъ полученныхъ, и его изданій.

Въ 1784 году онъ былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры, въ 1785 году получилъ Владимірскій крестъ. Въ 1790 году онъ напечаталъ «Пополненіе къ Бугеровой наукѣ мореплаванія» и занялся 4-мъ изданіемъ «Письмовника», между прочимъ, чтобы сдѣлать его непохожимъ на контрафакцію, вышедшую въ 1788 году. Въ 1791 г. произведенъ онъ въ подполковники, а въ 1792 г., когда Морскому корпусу былъ подаренъ государыней ораніенбаумскій дворецъ и всѣмъ служащимъ были увеличены оклады, Николай Кургановъ былъ сдѣланъ инспекторомъ. Теперь отправленіе этой должности требовало еще большей энергіи и бо́льшаго искусства, чѣмъ два-

[1]) На второмъ листѣ напечатано другое заглавіе: „Книга Морской Инженеръ, т. е. теорія и практика о укрѣпленіи напольныхъ и приморскихъ мѣстъ, о защищеніи флотовъ въ укрѣпленныхъ гаваняхъ“ и пр.

дцать лѣтъ назадъ, такъ какъ съ 1783 г., вмѣсто 360 учениковъ, въ корпусѣ полагалось 600 [1]); но начальство лучше узнало и оцѣнило Курганова, и онъ оставался инспекторомъ до самой смерти.

Въ 1794 г. онъ вновь издалъ свою ариѳметику, при чемъ, какъ пишетъ въ предисловіи, «по совѣту добра человѣка, купца Ивана Петровича Глазунова», рѣшился откинуть всѣ позднѣйшія измѣненія и добавленія и повторить первое изданіе 1757 года. Въ 1796 году, отпечатавъ 6-е изданіе своего «Письмовника», онъ умеръ 70 лѣтъ отъ роду. Женѣ его была назначена пенсія.

О дѣтяхъ Курганова имѣются только крайне скудныя свѣдѣнія: одинъ изъ біографовъ увѣряетъ, что всѣхъ его дѣтей крестилъ Мих. Вас. Поповъ, другой (Калбасинъ [2]) упоминаетъ только объ одномъ его сынѣ Петрѣ, предававшемся излишеству въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ и бывшемъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія субъ-инспекторомъ въ Харьковскомъ университетѣ. Я справлялся объ немъ черезъ проф. А. С. Лебедева въ архивѣ университета. Помощника инспектора Курганова не оказалось, но былъ Кургановъ, имя не обозначено, преподаватель военныхъ наукъ, аттестованый при опредѣленіи его на эту должность (въ 1806 г.), какъ «испытанный въ математическихъ наукахъ, а также довольно знающій и рисовальное искусство»; чиномъ онъ былъ капитанъ 2-го ранга. Послужной списокъ его пропалъ.

Какое же представленіе можемъ мы составить объ авторѣ знаменитаго «Письмовника» на основаніи этихъ скудныхъ біографическихъ свѣдѣній и преданій, сообщенныхъ г. Колбасинымъ? Что Николай Гавриловичъ Кургановъ былъ человѣкъ выдающихся способностей и рѣдкой энергіи, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію: пробить себѣ такую широкую дорогу безъ особенныхъ связей, безъ знатныхъ покровителей не могъ умъ заурядный; 15-тилѣтній унтеръ-офицерскій сынъ прибылъ въ Петербургъ съ такой научной подготовкой, которая давала ему право надѣяться или на должность мастера не въ тогдашнемъ, а въ современномъ значеніи слова, или, при благопріятныхъ условіяхъ, на первый офицерскій чинъ во флотѣ. Въ вѣкъ безусловнаго господства иностранцевъ или ихъ учениковъ въ русской наукѣ, Кургановъ, ученикъ

[1]) Послѣ шведской войны думали комплектъ ихъ довести до 1000 человѣкъ, но это не состоялось.

[2]) Стр. 202.

Магницкаго, избираетъ ученую дорогу. Онъ отлично понимаетъ, что безъ знанія языковъ ничего невозможно сдѣлать, и устремляется за этимъ знаніемъ съ огромной затратой не только своихъ неисчерпаемыхъ силъ, но и съ затратой своихъ скудныхъ денежныхъ средствъ. Результатъ извѣстенъ: онъ не только овладѣлъ четырьмя языками (французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и латинскимъ); но, реалистъ по воспитанію и по природнымъ склонностямъ, онъ пріобрѣлъ филологическую сноровку и вкусъ къ филологическимъ занятіямъ, какъ это показываетъ его универсальная грамматика. Говорятъ, бѣдность закаляетъ человѣка, дѣлаетъ его стойкимъ въ борьбѣ; это вѣрно: при равныхъ условіяхъ, юноша, дѣтство котораго протекло въ наемномъ углу или въ мѣщанскомъ домишкѣ, легче достигнетъ первой цѣли—окончанія курса и независимаго положенія, нежели дитя достаточной семьи; но за то люди, не испытавшіе бѣдности, и представить себѣ не могутъ, какъ трудно удержаться отъ искушенія отдохнуть на лаврахъ, послѣ дорого купленой побѣды. Молодой Кургановъ, получавшій около 200 рублей жалованья, имѣвшій уроки въ «знатныхъ домахъ», не разъ бросаетъ покойный Петербургъ и знатные дома, чтобы ѣхать, то по берегамъ Балтійскаго моря, то на островъ Эзель, гдѣ ему, какъ маленькому подначальному человѣку, конечно, приходилось и нужду терпѣть и видѣть, какъ за его труды награждали другихъ. Но Кургановъ, очевидно, имѣлъ благородную страсть къ работѣ, которая съ годами и съ увеличеніемъ средствъ, какъ умственныхъ, такъ и матеріальныхъ, не слабѣла, а напротивъ крѣпла.

Сдѣлавшись преподавателемъ Морского корпуса, Кургановъ медленно, но вѣрно подвигался впередъ; но это движеніе нельзя сравнивать съ тѣмъ правильнымъ безпрепятственнымъ движеніемъ, которое совершаетъ теперь преподаватель средняго или высшаго учебнаго заведенія: во-первыхъ, Кургановъ былъ русскій, а высшія педагогическія должности въ такомъ спеціальномъ учебномъ заведеніи занимали иностранцы [1]); во-вторыхъ, на занятіе профессуры Кургановъ не имѣлъ и права, какъ это видно изъ того, что потребовался для него особый патентъ отъ Академіи Наукъ. При такихъ условіяхъ только выдающійся ученый педагогъ, снабжавшій корпусъ своими учебниками по всѣмъ главнымъ предметамъ препо-

[1]) См. Ѳ. Ѳ. Веселаго о. с. прим. 185.

даванія, могъ достигнуть званія профессора и должности инспектора. Что касается до его педагогическихъ способностей, въ нихъ убѣдиться легко, имѣя передъ собою составленныя имъ книги. Позволяю себѣ, съ разрѣшенія г. Веселаго, привести нѣсколько строкъ изъ его частнаго письма ко мнѣ: «Разбирая морскія сочиненія Курганова, нельзя не удивляться, кромѣ другихъ достоинствъ, полному отсутствію педантизма и горячему старанію излагать самыя сухія вещи общепонятнымъ и «пріятнымъ» для читателей образомъ. При всесторонней, даже самой строгой оцѣнкѣ трудовъ Курганова нельзя не видѣть, что они на нѣсколько десятилѣтій опередили своихъ современниковъ».

Полагаю, что можно ничего не прибавлять къ мнѣнію такого почтеннаго спеціалиста и такого опытнаго педагога.

Перехожу къ нравственному характеру Курганова. Отсутствіе писемъ и краткость предисловій, въ которыхъ авторъ почти ничего не говоритъ о себѣ, наконецъ, самый родъ его сочиненій дѣлаютъ его характеристику черезвычайно затруднительной и волей неволей заставляютъ обращаться къ преданіямъ, занесеннымъ въ книгу г. Колбасина. Въ этой книгѣ обликъ Курганова не страдаетъ неясностью, но иное дѣло—вопросъ о его вѣрности.

Кургановъ представляется—по крайней мѣрѣ во вторую половину его жизни, когда нравственный обликъ его сложился вполнѣ, однимъ изъ тѣхъ могучихъ, но безобразныхъ русскихъ характеровъ, вышедшихъ изъ народа, которые проявляютъ въ своей дѣятельности большую умственную силу, но губятъ сами себя и свое дѣло отсутствіемъ культуры и исконнымъ русскимъ порокомъ—слабостью къ чаркѣ; огромное большинство такихъ самородковъ кончаетъ жизнь подъ заборами, не додѣлавъ дѣла; другіе, болѣе сильные, успѣваютъ проложить тебѣ дорогу, но далеко не столь широкую, какъ этого можно было бы ожидать по ихъ способностямъ и энергіи; да и на этой дорогѣ, давая волю своему чудачеству, они отталкиваютъ отъ себя людей и представляются не столько полезными дѣятелями, сколько образчиками русской самобытной, но не культивированной силы; передъ этой силой благоговѣютъ патріоты извѣстнаго пошиба, но большинству она скорѣе внушаетъ жалость, чѣмъ удивленіе.

Г. Колбасинъ представляетъ Курганова человѣкомъ огромнаго роста, грубымъ по виду и по обращенію, въ какомъ-то архалукѣ

съ металлическими крючками, въ красномъ плащѣ, съ толстой дубиной въ рукахъ. Онъ держался вдали отъ общества, жилъ по своему, сильно работая и сильно пьянствуя. Кадеты прозвали его шкивидакомъ—такъ называютъ матросовъ, нанимающихся на частную службу.

Анекдоты, приводимые г. Колбасинымъ о томъ, какъ Кургановъ прогналъ отъ себя Эмина, который пришелъ съ нимъ знакомиться послѣ изданія «Письмовника», какъ онъ отзывался о своихъ сочиненіяхъ—«Это пустяки! такую ли еще книжонку можно написать!»—изображаютъ его исключительно чудакомъ, не особенно симпатичнымъ.

Такой портретъ Курганова не совсѣмъ сходится даже съ тѣми скудными біографическими свѣдѣніями, которыя приведены нами выше. Положимъ, что на святой Руси возможно встрѣтить людей, которые, пьянствуя полстолѣтія, сохраняютъ до конца жизни всю силу умственныхъ способностей; но трудно допустить, чтобы образованный и гуманный Голенищевъ-Кутузовъ держалъ профессоромъ, а потомъ сдѣлалъ инспекторомъ такого пьянаго чудака. Еще труднѣе представить себѣ, какимъ образомъ въ франтоватый екатерининскій вѣкъ могъ быть терпимъ подполковникъ, постоянно ходящій въ красномъ плащѣ, съ толстой дубиной. Да и вообще свѣдѣнія, сообщаемыя г. Колбасинымъ, становятся подозрительными, когда мы рядомъ съ этими «сказаніями очевидцевъ» читаемъ, что Кургановъ въ анекдотахъ своего «Письмовника» пишетъ сатиру на вельможъ екатерининскаго времени или изображаетъ собственную неприглядную судьбу, тогда какъ намъ хорошо извѣстно, что эти анекдоты только переведены Кургановымъ.

Къ счастью, мы имѣемъ другой портретъ Курганова, портретъ, написанный не словами,—разумѣю рисунокъ перомъ, сдѣланный въ 1789 году кѣмъ-то изъ слушателей Курганова, воспроизведенный въ книгѣ Ѳ. О. Веселаго. Этотъ портретъ, хоть и сбивается на добродушную карикатуру, вполнѣ подтверждаетъ то, что сказано выше о недостовѣрности сообщеній г. Колбасина.

Передъ нами человѣкъ въ форменномъ кафтанѣ (а не въ архалукѣ), съ пуклями и съ косой, съ сильно развитымъ лбомъ, съ крупными энергическими чертами лица, съ чѣмъ-то въ родѣ иронической усмѣшки на крупныхъ губахъ; въ рукѣ онъ держитъ

книгу собственнаго изданія. Подпись—навигаторъ, обсерваторъ, астрономъ, морской ходитель, корабельный водитель, небесныхъ звѣздъ считатель,—плодъ кадетскаго остроумія—свидѣтельствуетъ о томъ страхѣ, который ученики питали къ великой учености Курганова, можетъ быть, о его страстишкѣ похвалиться этою ученостью, но мы знаемъ, что такая похвальба вовсе не была пустымъ хвастовствомъ. Во всякомъ случаѣ, ни изображеніе, ни подпись не имѣютъ ничего общаго съ медвѣдеподобнымъ чудакомъ въ красномъ плащѣ и съ дубиной въ рукахъ и ничѣмъ не противорѣчатъ фактамъ біографіи Курганова, честнаго и усерднаго дѣятеля, 50 лѣтъ съ огромной энергіей и важными результатами поработавшаго на пользу русскаго просвѣщенія. Въ Кургановѣ особенно симпатичны двѣ черты: неустанное трудолюбіе и прямота характера, поразительная для человѣка, который долженъ былъ бы выслуживаться въ Петербургѣ того времени. Конечно, эти черты—природныя, но, пожалуй, онѣ не сохранились бы въ такой чистотѣ и не развились бы до такой степени, если бы Курганову пришлось пробивать дорогу въ иномъ вѣдомствѣ, а не среди моряковъ. Въ морякахъ даже и теперь, при всей силѣ нивеллирующей культуры, пріятно поражаютъ обѣ эти черты, такъ сказать, разлитыя въ массѣ, пропитывающія все сословіе. Огромная важность науки въ ихъ дѣлѣ заставляетъ ихъ трудиться для ея пользы и уважать всѣ ея отрасли. Опасности во время плаванія, сплоченность человѣческой семьи на небольшомъ кускѣ дерева развиваютъ въ нихъ простоту въ обращеніи, отсутствіе чванства, фатовства, уваженіе къ человѣческому достоинству и дружелюбную откровенность. Понятіе объ интригѣ—хотя, конечно, и тамъ, какъ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ, бываютъ интриги,—какъ-то плохо вяжется съ понятіемъ о морской службѣ и о кружкѣ моряковъ. Строгая дисциплина во время работы, огромная власть начальника и товарищескія отношенія съ тѣмъ же самымъ начальникомъ въ каютъ-компаніи, отсутствіе невѣждъ и трусовъ, жизнь на виду у всѣхъ, рѣзкіе переходы отъ нужды и опасностей къ изобилію и полной свободѣ и, можетъ быть, больше всего этого продолжительное удаленіе отъ большихъ центровъ, жизнь лицемъ къ лицу съ природой и со смертью придаютъ обществу морскихъ офицеровъ нѣчто симпатичное, особенно рѣзко бросающееся въ глаза тому, кто въ первый разъ заглянетъ въ это общество или войдетъ въ сношенія съ нѣ-

сколькими его представителями. Эти симпатичныя черты морского общества услаждали долгіе досуги русскихъ литераторовъ, какъ напримѣръ г. Григоровича и г. Гончарова во время ихъ кругосвѣтныхъ плаваній. Если моряку приходится перемѣнить родъ службы и даже взяться за дѣло, къ которому онъ очень мало приготовленъ (что у насъ бывало сплошь и рядомъ), онъ можетъ надѣлать массу ошибокъ, можетъ проявить вовсе не симпатичныя стороны своего личнаго характера, но уваженіе къ наукѣ, къ труду и прямота, отсутствіе фальши, ненависть къ интригѣ у него остаются въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Примѣромъ этого можетъ служить извѣстный министръ народнаго просвѣщенія и литераторъ Шишковъ, почти такъ же много, какъ и Кургановъ, потрудившійся надъ наукой о морскомъ дѣлѣ [1]).

Еще разъ повторяю: развитіемъ двухъ великихъ достоинствъ— прямоты характера и любви къ научному труду, Кургановъ, какъ и Шишковъ, мнѣ думается, многимъ обязаны тому кружку, въ которомъ пришлось имъ дѣйствовать. Но этотъ отрадный духъ сословія стоитъ въ зависимости не только отъ условій жизни, на которыя указано выше, но и отъ традицій, отъ взглядовъ, которые передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. А такими хорошими традиціями нашъ флотъ обязанъ не только своему великому основателю—какой безумный порицатель можетъ отказать Петру въ прямотѣ характера и въ уваженіи къ научному труду?—но и тѣмъ скромнымъ, сравнительно съ нимъ безвѣстнымъ труженикамъ, которые въ слѣдующихъ поколѣніяхъ поддерживали традиціи своимъ примѣромъ. Въ ихъ рядахъ не послѣднее мѣсто занимаютъ и Кургановъ, и Шишковъ, и люди, еще нынѣ работающіе на пользу русской морской науки.

Первое изданіе знаменитаго «Письмовника» Курганова, вышедшее въ 1769 году, не называется письмовникомъ; книга носитъ заглавіе: «Россійская универсальная грамматика или всеобщее писмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ седьмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно забавныхъ вещей». Эпиграфъ выставленъ латинскій: Clericus es! legito haec, Laicus, legito ista libenter. Crede mihi, invenies hic quod uterque voles. D. Collis.

[1]) Смотри книжку Соколова: „Записки гидрографическаго департамента", т. VII.

Если написать это въ двѣ строки, получится правильный дистихонъ. Виньетка перваго изданія изображаетъ Тритона, что указываетъ на мѣсто служенія Курганова, а можетъ быть въ то же время и на типогрфію морского вѣдомства.

На оборотѣ заглавнаго листа помѣщенъ рядъ изреченій мудрецовъ о значеніи грамматики. Книга начинается съ «Приношенія читателю», подписаннаго инициалами Н. К. За нимъ слѣдуетъ Предисловіе, въ которомъ авторъ разъясняетъ, что онъ взялся не за свое дѣло по необходимости, а именно: начавъ учить дѣтей своихъ грамматикѣ, усмотрѣлъ, что прежде изданная очень трудна для пониманія юношества, и потому задумалъ составить свою. Затѣмъ слѣдуетъ оглавленіе; за нимъ «Краткій повѣстной лѣтописецъ», оканчивающійся 1752 годомъ, годомъ основанія корпуса; а затѣмъ начинается самая грамматика.

Грамматика изложена очень ясно и съ большимъ педагогическимъ тактомъ, хотя и не приспособлена къ пониманію дѣтей. Авторъ ея рѣзко отличаетъ славянскій языкъ и формы отъ русскихъ, пользуется параллелями изъ малорусскаго, цитируетъ распространенные въ то время книги и журналы, вообще популяризируетъ грамматику Ломоносова, приспособленную только для пониманія хорошихъ студентовъ-классиковъ.

Первое присовокупленіе состоитъ изъ довольно большой коллекціи русскихъ пословицъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Второе и самое важное, болѣе всего способствовавшее успѣху грамматики, присовокупленіе называется: «Краткія замысловатыя повѣсти», въ числѣ 321. Николай Кургановъ (ниже, на стр. 185) самъ заявляетъ, что онѣ почти всѣ переведены съ иностраннаго, такъ что большой оригинальности искать въ нихъ нечего и еще съ меньшимъ правомъ можно видѣть въ нихъ важный памятникъ для исторіи сатиры въ вѣкъ Екатерины II, какъ это дѣлаетъ г. Колбасинъ. Нѣкоторыя изъ замысловатыхъ повѣстей, напримѣръ: №№ 17, 120, 130, отличаются изряднымъ неприличіемъ; послѣдній, также какъ и № 154, выкинутъ изъ послѣдующихъ изданій, можетъ быть, изъ опасенія духовной цензуры; нѣкоторыя переданы далеко неудачно, напримѣръ №№ 36, 42, 81, 113, 204 и проч. Нѣкоторые анекдоты, напримѣръ № 31, 36 и др. даже мало понятны; зато во многихъ другихъ, напримѣръ въ №№ 47, 70, 100 и проч., какъ

это чувствуется и при первомъ чтеніи, французское острословіе очень коротко и сильно передано по-русски [1]).

Многіе изъ этихъ, заимствованныхъ съ иностраннаго, анекдотовъ, до появленія «Письмовника» Курганова, имѣли многовѣковую жизнь; иные пришли въ Европу изъ далекой Индіи, пережили въ латинскихъ сборникахъ, французскихъ фабліо и нѣмецкихъ швенкахъ средніе вѣка, попадались въ фацеціяхъ эпохи Возрожденія (напр. у Поджіо), пріурочивались къ разнымъ забавникамъ, въ родѣ Тиля Эйленшпигеля, и не одинъ разъ совершили путешествіе изъ народа въ литературу и обратно. Разбирать обстоятельно ихъ исторію здѣсь неумѣстно, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ нихъ не является у Курганова въ формѣ особенно удачной или искусно распространенной; я ограничусь только указаніемъ на нѣкоторыя замысловатыя повѣсти, русское происхожденіе которыхъ болѣе, чѣмъ вѣроятно, и затѣмъ укажу на вѣроятные, посредственные или непосредственные, источники нѣкоторыхъ другихъ разсказовъ.

№ 79. «Двое ученыхъ, одинъ русакъ, а другой прусакъ, спорились о старомъ и новымъ штилѣ. Прусакъ многими доводами доказывалъ, что Григоріанское счисленіе вѣрнѣе стараго, говоря, что въ 1592 году отъ искусныхъ математиковъ найдено 10 дней излишка въ старомъ календарѣ, начиная отъ Юлія Кесаря по сіе время. «Тѣмъ для насъ лучше, отвѣчалъ русакъ; ибо когда новое счисленіе вѣрно, то послѣдній судъ будетъ у васъ ранѣе, нежели у насъ; когда дойдетъ до насъ, то уже адъ будетъ полонъ». Судя по тому, какъ Курганова занималъ вопросъ о григоріанскомъ календарѣ, анекдотъ принадлежитъ ему самому.

№ 10. «Старуха, хватя добрую чарку вина, пришла къ вечернѣ, и тамъ, задремавъ, всхрапнула; другіе толкнули ее, чтобъ проснулась, тогда она возгласила: «подносите внучкѣ, а я болѣе не стану». № 244, выкинутый уже во второмъ изданіи, есть довольно грубый и для насъ не вполнѣ понятный пасквиль, повидимому, на какихъ-то двухъ товарищей Курганова, учившихся за границею; напротивъ

---

[1]) № 100. «Мошенникъ, увидя богатаго купца, идущаго въ комедію, пошелъ за нимъ и сталъ позади, чтобы обрѣзать у него съ кафтана золотыя пуговицы. По окончаніи перваго дѣйствія, воръ началъ промышлять, а купецъ, усмотря, вынулъ ножичекъ и, улуча свое время, отрѣзалъ у вора ухо. Воръ вскричалъ:—Мое ухо! мое ухо! А тотъ:—Мои пуговицы! мои пуговицы! «Вотъ на, возьми ихъ». «Вотъ изволь и твое ухо!».

того, туземная острота о благородствѣ [1]) должна почесться по тому времени очень удачной.

№ 226. «Нѣкоторый пасторъ приказалъ своему слугѣ Давиду взять въ долгъ у мясника къ обѣду кишокъ, самъ пошелъ въ кирку; будучи въ оной, приводилъ онъ для изъясненія своей проповѣди многихъ пророковъ, и въ заключеніи того сказалъ громко: посмотримъ, слушатели, что̀ намъ скажетъ на то Давидъ. Слуга лишь пришелъ тогда въ кирку и, думая, что попъ говорилъ ему, закричалъ: «батько! вѣдь мясникъ не даетъ безъ денегъ кишокъ».

№ 226, также какъ и № 10, встрѣчается до сихъ поръ въ народѣ, но, какъ будетъ доказано ниже, они попали не въ «Письмовникъ» изъ народа, а изъ «Письмовника» въ народъ,—то же надо полагать и относительно № 262: «Нѣкій мызный пасторъ похоронилъ на кладбищѣ любимую свою собаку. Епископъ хотѣлъ было его наказать за такое беззаконіе. Но попъ, вѣдая, что онъ корыстолюбивъ, объявилъ: «Ваше преподобіе! ежели бы вы знали, какъ эта собака была умна, вы бы ее почли за разумную животную: она сдѣлала духовную, по которой вамъ оставила серебряную чашу, изъ коей она ѣла. И такъ я вамъ ее вручаю». Епископъ, убѣжденной симъ подаркомъ, предалъ тотъ грѣхъ забвенію». Едва ли нужно говорить, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ анекдотѣ, въ народной редакціи пастора замѣняетъ попъ. Весьма распространенный анекдотъ о лучшемъ снѣ (№ 227), пріуроченный Кургановымъ къ русскому и поляку, въ народныхъ устахъ, какъ извѣстно, пріурочивается къ русскому и татарину. Историческій анекдотъ о князѣ Ромодановскомъ (№160) самъ выдаетъ свое происхожденіе. Повѣсти подъ №№ 13 (о подъячемъ и раскольникѣ) и 141 (объ иностранныхъ учителяхъ изъ кучеровъ и парикмахеровъ), если выдуманы не самимъ Кургановымъ, то какимъ нибудь его соотечественникомъ и современникомъ, а № 262, о какомъ-то «подлаго и нищаго отца сынкѣ», женившемся на служанкѣ командира и нажившемся

---

[1]) «Одинъ арлекинъ говорилъ: что ежели бы Адамъ былъ съ приписью подъячей, или бы купилъ комисарскій чинъ, то бы мы были благородные, а когда бы онъ слылъ Мурза, то бы сіятельные». Въ уста арлекину эта острота влагается не безъ литературнаго основанія, какъ это можно видѣть напр. хоть изъ такой библіографической справки: въ 1694 году вышла книга «Arliquiniana» ou les bons mots, les histoires plaisantes et agréables, recueillies des conversations d'Arliquin. Livre sans nom, divisé en 5 dialogues, 2 vv.

взятками «лучше нежели профессорствомъ», лишенный соли, но за то изобилующій желчью, очевидно, есть плодъ личнаго раздраженія Курганова противъ какого-то взяточника.

Въ 1670 году въ Кельнѣ у книгопродавца Pierre Marteau вышла книжка: Roger Bontems en belle humeur, donnant aux tristes et aux affligés le moyen de chasser leurs ennuis et aux joyeux le secret de vivre tousiours (sic) contens. Она была перепечатана тамъ же въ 1708 году съ прибавкою къ титулу словъ: nouvelle édition, augmentée considérablement; третье изданіе вышло въ 1734 году [1]). Авторъ сборника скрылъ свое имя подъ буквою M съ тремя звѣздочками, которая явилась, впрочемъ, только при второмъ изданіи. Въ предисловіи онъ заявляетъ читателю, что цѣль его книги не въ томъ, чтобъ сообщить что нибудь полезное и нужное, а въ томъ чтобъ изгнать скуку со свѣта. Въ книгѣ безъ счету и безъ оглавленія помѣщенъ длинный рядъ анекдотовъ, болѣе или менѣе веселыхъ и далеко не всегда приличныхъ, пересказанныхъ большею частію съ французскимъ изяществомъ и веселостью. Barbier (Dictionaire des ouvrages anonymes, vol. III, № 16,649) говоритъ, что авторомъ слѣдуетъ считать не герцога Рокелора (Roquelaure, ум. 1732 г.), но скорѣе г. ле-Руа, извѣстнаго плагіатора. Дѣйствительно, сравнивъ эту книгу съ болѣе ранними сборниками XVII вѣка, съ Réveille-Matin facétieux (въ Публичной библіотекѣ имѣются изданія 1643 и 1673 гг.), съ Contes du Sieur d'Ouville (изд. 1657 и 1699) и съ разными Contes à rire и Contes aux heures perdues (маловажныя передѣлки Contes d'Ouville), я имѣлъ полную возможность убѣдиться въ этомъ: изъ одного Réveille-Matin сюда заимствована, по крайней мѣрѣ, десятая часть и заимствована безъ всякихъ измѣненій. Между исторіями сборника много фабліо и итальянскихъ новеллъ, разумѣется, въ обезображенномъ и сокращенномъ видѣ.

Довольно внимательное сличеніе Рожера Bontems съ «замысловатыми повѣстями» показало мнѣ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло, съ одной стороны, съ несомнѣннымъ и близкимъ литературнымъ родствомъ, а съ другой—съ довольно смѣлой и искусной попыткой воспользоваться заимствованнымъ матеріаломъ для своихъ цѣлей.

Изъ 300 слишкомъ повѣстей 1-го изданія, по крайней мѣрѣ, 30

[1]) 1-е изданіе я имѣлъ въ рукахъ въ Парижѣ, 2-е и 3-е находятся въ Императорской Публичной библіотекѣ. Въ каталогахъ Грессе и др. поминается еще нѣсколько изданій.

заимствованы Кургановымъ или непосредственно изъ Рожера Bontems, или изъ той неизвѣстной мнѣ книжки, которую жестоко обобралъ Рожеръ, не дававшій себѣ труда передѣлывать заимствованное [1]). А именно:

Roger Bontems.		Кургановъ[2]).	Roger Bontems.		Кургановъ.
I стр.	22	№ 8(?)	II стр.	2	№ 55
— »	78	№ 138	— »	10	№ 314
— »	96	№ 113	— »	10—11	№ 289
— »	100	№ 228	— »	40	№ 85
— »	116	№ 97	— »	50	№ 100
— »	117	№ 221	— »	53	№ 27
— »	119	№ 224	— »	64	№ 153
— »	137	№ 24	— »	102	№ 86
— »	145	№ 72	— »	105	№ 164
— »	149	№ 67	— »	129	№ 183
— »	153	№ 75	— »	129	№ 297
— »	158	№ 80	— »	133	№ 197(?)
— »	164	№ 10	— »	135—136	№ 233
— »	186	№ 166	— »	137	№ 81
— »	194	№ 46	— »	137—138	№ 114
— »	234	№ 171	— »	142	№ 109

Приведемъ хоть одинъ примѣръ анекдота, заимствованнаго съ очень малыми измѣненіями.

Roger Bontems II, 64: Un paysan plaidant contre un autre porta un bon pot de lait à son Procureur, le même jour que sa Partie lui porta un petit cochon. Le premier ayant perdu son Procès se mit à dire en pleurant: Où est mon lait? Le Clerc du Procureur répondit, le cochon l'a tout bû. Pardonnez-moi, Monsieur, repliqua-t-il, c'était une plus grosse bête.

Кургановъ. «Мужикъ будучи обиженъ отъ сосѣда, пошелъ къ воеводѣ жаловаться и подарилъ ему кувшинъ молока, а виноватой

---

[1]) Въ случаяхъ, гдѣ Contes d'Ouville или Réveille-Matin представляютъ иныя редакціи разсказовъ, Кургановъ отъ нихъ дальше, чѣмъ отъ Рожера.

[2]) Рожера я цитирую по 3-му изданію 1734 года, такъ какъ больше вѣроятности, что именно оно было въ рукахъ у Курганова, а «Письмовникъ» по 4-му изданію, которое уже не подвергалось переработкѣ, и стало быть представляетъ «Письмовникъ» именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ пользовался огромнѣйшею популярностью, и теперь находится во множествѣ частныхъ библіотекъ.

снеся поросенка, выкрутился. Тотъ сожалѣя, спросилъ подъячего: ахъ! гдѣ-то мое молоко? Подъячей открывъ тайну сказалъ: выпилъ поросенокъ. Ека мерская скотинка, пострѣлило бы ея горой»

Значительное большинство «повѣстей» подверглось со стороны Курганова передѣлкѣ и, надо отдать ему честь, очень удачной: онъ обыкновенно выпускаетъ болтовню и ненужныя подробности, выдвигаетъ впередъ основной мотивъ и сильными русскими выраженіями придаетъ анекдоту энергію и до нѣкоторой степени на ціональный характеръ. Вотъ, напримѣръ, Рожеръ разсказываетъ: «Одинъ крестьянинъ попросилъ у сосѣда на время осла, тотъ отвѣчалъ, что его нѣтъ у него въ домѣ, такъ какъ два дня назадъ онъ отдалъ его своему двоюродному брату. Пока онъ это говорилъ, оселъ началъ кричать и производить такой шумъ, будто волкъ хваталъ его за ляжки.—Какъ же? – сказалъ крестьянинъ, — а вы увѣряли, будто дали его на время одному изъ вашихъ двоюродныхъ братьевъ?—Чортъ возьми,—отвѣтилъ сосѣдъ,—развѣ вы болѣе вѣрите моему ослу, чѣмъ мнѣ»?

Кургановъ переводитъ: «Мужикъ просилъ своего сосѣда, чтобъ его ссудилъ осломъ. Сосѣдъ на то: я-де его послалъ другому и сожалѣю, что ты не сказалъ прежде. Но въ то время оселъ заблѣялъ. А! молвилъ сосѣдъ: вотъ и твой оселъ говоритъ, что это неправда-видно братъ, какъ ты ссудливъ.—Какъ тебѣ дураку не стыдно,—молвилъ другой, что ты болѣе вѣришь ослу, нежели мнѣ».

Приведенный выше, въ примѣчаніи, анекдотъ о пуговицахъ и ухѣ у Рожера выраженъ много хуже, а именно: «Одинъ дворянинъ, бывши въ соборѣ Парижской Богоматери, поймалъ вора, который у него съ плаща обрѣзалъ золотыя пуговицы и, вынувъ свою шпагу, отрѣзалъ у него совсѣмъ ухо и, показывая ему его, сказалъ: «Держи! вотъ твое ухо; оно не пропало; возврати мои пуговицы, и я тебѣ его возвращу». Хорошо было бы, еслибъ воръ могъ такъ же пришить свое ухо, какъ дворянинъ свои пуговицы».

Кто не согласится, что Кургановъ проявилъ въ передѣлкѣ этого анекдота положительный талантъ? Комедія удачно замѣнила божій храмъ, гдѣ подобныя остроты неумѣстны; злая иронія больше прилична хладнокровному купцу, чѣмъ вспыльчивому дворянину; ножичекъ для такой нѣжной операціи гораздо удобнѣе шпаги; діалогъ, начинающійся крикомъ вора, исполненъ жизни и драматизма; указаніе, что уха нельзя пришить, излишне и ослабляетъ впечатлѣніе.

Имена, мало извѣстныя русской публикѣ, Кургановъ обыкновенно замѣняетъ указаніями на занятіе или свойство человѣка (забавный бѣднякъ, риомачъ, неублюдокъ, шляхтичъ, нѣкоторый шутникъ), старается придать анекдотамъ фривольнымъ болѣе цензурности, а главное — понимаетъ, что сила анекдота въ его сжатости. Кое-гдѣ онъ окрашиваетъ разсказъ своими взглядами (напримѣръ, въ № 297 высказываетъ свое сочувствіе къ Діонисію Тирану за его невѣріе въ идоловъ), и въ одномъ случаѣ (№ 233), если не ошибаюсь, вводитъ фактъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія, именно намекаетъ на Ломоносова. Рожеръ разсказываетъ (II, 135), какъ на собраніи чиновъ Лангедокскихъ пикировались 2 епископа; одинъ упрекнулъ другого низкимъ его происхожденіемъ; тотъ отвѣчалъ: «еслибъ вы были сыномъ моего отца, вы вмѣсто того, чтобъ быть епископомъ, теперь пасли бы свиней». У Курганова «славный Витія» вступаетъ на пиру въ препирательство съ «нѣкоторымъ именитымъ судьей». Тотъ рекомендуетъ Витіи вспомнить свою породу.—Я очень ее помню, отвѣчалъ мудрецъ, ни мало не усумнясь,—и знаю, ежели бы вы были сыномъ моего отца, то бы вы и понынѣ еще ловили съ нимъ моржей, или пасли у него свиней».

Недостатокъ общаго (филологическаго) образованія въ анекдотахъ, заимствованныхъ Кургановымъ изъ Рожера, сказывается въ томъ, что два изъ нихъ въ «Письмовникѣ» лишены не только соли, но почти и смысла. А именно: № 113. «Зѣло брюшистаго, монаха идущаго улицею, спросила нѣкая насмѣшница: «Отче святый! Когда вы родите»?—«Когда найду повивальную бабку,—отвѣчалъ онъ».

По-французски здѣсь непереводимый каламбуръ въ словѣ sage-femme—повивальная бабка и умная женщина.

№ 314. «Нѣкій грубаго свойства кавалеръ, увидя дорогой алмазъ на рукѣ пригожей госпожи сказалъ: «Для меня перстень пріятнѣе руки». Дама, смотря на него, отвѣчала,—а мнѣ нравится ольстра лучше скотины». Во-первыхъ французское слово licou—недоуздокъ, веревка—здѣсь невѣрно переведено словомъ ольстра (кабуръ, кожаный чехолъ), и во-вторыхъ анекдотъ потерялъ смыслъ, такъ какъ Кургановъ забылъ сказать, что этотъ кавалеръ былъ украшенъ орденской голубой лентой.

А между тѣмъ, помимо этихъ ошибокъ, оба анекдота лучше пересказаны у Курганова, чѣмъ въ оригиналѣ.

Два вышеуказанные разсказа (№ 10 и № 226), ставшіе у насъ народными анекдотами, заимствованы Кургановымъ у Рожера, гдѣ они имѣютъ такой видъ: (№ 10) «Одна женщина, порядкомъ подвыпившая за обѣдомъ съ своими кумушками, отправилась слушать проповѣдь. Пары Бахуса начали въ ней дѣйствовать; она заснула и стала храпѣть, такъ что проповѣдникъ, находившійся противъ нея и обезпокоенный ея храпомъ, сказалъ ея сосѣдямъ, чтобъ ее разбудили; когда ее потянули за руку, она, воображая, что все еще находится за столомъ, громко сказала: подносите кумѣ; я не могу пить больше».

(№ 226) «Деревенскій священникъ, имѣвшій простоватаго слугу, сказалъ ему въ воскресенье утромъ, что онъ пойдетъ служить обѣдню, а что тотъ долженъ готовить ему обѣдать. Слуга спросилъ, что ему угодно имѣть къ обѣду; священникъ заказалъ блюдо кишокъ (tripes). Когда слуга спросилъ денегъ, священникъ отвѣчалъ, что денегъ не надо: пусть онъ пойдетъ къ его куму Давиду и скажетъ. что это для него; тотъ повѣритъ ему въ долгъ. Священникъ отправился служить обѣдню, и когда онъ съ каѳедры приводилъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, слова пророковъ; процитировавъ нѣсколькихъ, онъ вдругъ возвысилъ голосъ, говоря: «А что объ этомъ, господа, говоритъ Давидъ»?—Слуга, пришедшій въ это время и подумавшій, что хозяинъ обращается къ нему, сказалъ громко: «Ей Богу, господинъ, онъ говоритъ, что коль нѣтъ денегъ, нѣтъ и кишокъ».

Чтобы покончить съ замысловатыми повѣстями, я перейду прямо къ 4-му изданію «Письмовника» 1790 года, гдѣ ихъ коллекція была значительно пополнена и приняла тотъ составъ, въ которомъ она существовавала болѣе 40 лѣтъ. Въ этомъ изданіи къ 320 разсказамъ прибавлено еще 34, но въ томъ числѣ одинъ въ 40 слишкомъ страницъ. Это—повѣсть о 3-хъ мадридскихъ женщинахъ, которыя на пари обманули мужей своихъ, при чемъ не только не нанесли порухи ихъ чести, но даже исправили ихъ отъ ихъ недостатковъ, вредившихъ счастію ихъ семейной жизни. (Первая—молодая жена фактора, который, имѣя собственное независимое состояніе, проводилъ все время на службѣ у банкира и изнурялъ себя ненужной работой, устроила такъ, что онъ счелъ себя мертвымъ, а потомъ

временно помѣшавшимся отъ усиленныхъ трудовъ; вторая—жена разгульнаго живописца—послала мужа ночью за лѣкаркой, а въ это время измѣнила наружность дома и превратила его въ трактиръ, такъ что мужъ, вернувшись, не узналъ собственнаго своего жилища, былъ отъ него прогнанъ, а на другой день увѣрился, что онъ кутежами довелъ себя до галлюцинацій; третья—жена стараго ревнивца—заключила мужа въ монастырь, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ и самъ сталъ вѣрить, что онъ изстари монахъ, пока голосъ, говорившій ему во мракѣ кельи, не увѣдомилъ его, что все это было наказаніемъ за его безумныя подозрѣнія и грубое обхожденіе съ женою). Эта повѣсть переведена тоже съ французскаго, съ нѣкоторыми очень удачными сокращеніями, изъ книги L'Elite des Contes du Sieur D'Ouville, seconde partie. Rouen 1699 [1]), гдѣ она начинается съ 191 стр. За нею, послѣ двухъ небольшихъ нравоучительныхъ разсказовъ (о побѣдѣ цѣломудрія нѣкой Клои и рѣдкомъ великодушіи одного крестьянина), слѣдуетъ «повѣсть потѣшная о Педантѣ» Гортензіи (стр. 245—252), надъ которымъ насмѣялась одна богатая дѣвица; она переведена изъ того же сборника D'Ouville съ стр. 273; затѣмъ «Повѣсть о юношѣ, котораго его друзья увѣрили, что онъ ослѣпъ» [2]), «Повѣсть о удаломъ молодомъ солдатѣ» и безъ заглавія повѣсть о нѣкоемъ Фабрисѣ, поступившемъ въ лакеи къ старому мужу своей возлюбленной и пользовавшемся, благодаря ея хитрости, неограниченнымъ довѣріемъ своего хозяина. Эти 3 повѣсти переведены довольно близко, но хорошо,

[1]) Она есть въ Публичной библіотекѣ, гдѣ я ею и пользовался. Seconde partie составляетъ она, кажется, къ Contes d'Ouville, изд. въ 1651. Помимо сокращеній, Кургановъ замѣнилъ трактирщика Pierre Mondragon Фаделеемъ Зуевымъ (это въ Испаніи-то!), жену его Катерину Mugnos назвалъ Афросиньей Егупьевой и почему-то прибавилъ имъ дочь Пигасію. Фабльо, изъ которой вышла эта повѣсть, напечатана у Barbazan II, № 9. Des trois dames, qui trouvèrent un anel, а первый эпизодъ изложенъ у Le Grand d'Aussy, т. IV, стр. 218, подъ заглавіемъ: Le vilain de Bailleul, ou de la femme, qui fit croire à son mari qu'il était mort, гдѣ онъ составляетъ отдѣльный фабльо.

[2]) Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить ошибку, которую сдѣлалъ по поводу этой повѣсти Добролюбовъ: въ своей извѣстной статьѣ о книгѣ Аѳанасьева, «Сатирич. Журн.», онъ (Соч. I, 97) увѣряетъ, что „Собесѣдникъ", гдѣ эта повѣсть является въ измѣненной редакціи (юноша провинился не богохульствомъ, а комедіями), заимствовалъ ее у Курганова; но Добролюбовъ не зналъ, что этой повѣсти нѣтъ въ первыхъ 2 изданіяхъ „Письмовника"; она является только въ изд. 1790, стало быть 7 лѣтъ спустя послѣ „Собесѣдника".

опять-таки изъ книги Рожера Bontems (I, 165 и слѣд., I, 44 и слѣд. и I, 56 и слѣд.) [1]); 2-ая и 3-ья изъ этихъ повѣстей чрезвычайно долговѣчные разсказы о невѣрныхъ женахъ, встрѣчающіеся и между наиболѣе популярными фабліо, швенками и у итальянскихъ новеллистовъ. Первой изъ нихъ особенно повезло въ новой русской литературѣ, такъ какъ она превосходно передѣлана Далемъ подъ именемъ сказки о нуждѣ [2]).

Изъ послѣдующихъ разсказовъ, прибавленныхъ въ 4 изданіи, я могу съ достовѣрностью указать источникъ только № 330 (о проповѣди монаха къ разбойникамъ), который переведенъ изъ того же Рожера Bontems I, 105 и слѣд. (Sermon d'un Père Cordelier fait à des brigands, pour sa rançon).

Между замысловатыми повѣстями встрѣчаются остроты античныя, поздніе философскіе миѳы, апофегмы, нисколько не забавныя; часто попадаются стихи, и иные анекдоты существуютъ только ради ихъ; въ другихъ случаяхъ, анекдотъ заканчивается дубоватымъ двухстишіемъ, какъ нравоученіемъ.

Нельзя не обратить вниманія на пестроту стиля, особенно замѣтную въ этомъ отдѣлѣ: Кургановъ, такъ прекрасно умѣвшій излагать научныя истины въ своихъ серьёзныхъ книгахъ, между прочимъ, и здѣсь въ грамматикѣ, иногда такъ удачно владѣвшій стихомъ, тутъ же рядомъ не можетъ передать понятно самого простого анекдота. Это не личная черта Курганова, а черта времени или, по крайней мѣрѣ, общая черта писателей XVIII вѣка, не получившихъ правильнаго филологическаго образованія и упражнявшихся въ литературѣ только отъ времени до времени; извѣстно, какъ тяжелъ и некрасивъ слогъ во многихъ мѣстахъ записокъ Державина, исписавшаго на своемъ вѣку столько бумаги.

Послѣ замысловатыхъ повѣстей, во всѣхъ изданіяхъ слѣдуютъ «различныя шутки», тоже, очевидно, переводныя; ихъ не-

---

[1]) D'un homme qui fut cocu, battu et content.

[2]) Мнѣ помнится, что я встрѣчалъ этотъ разсказъ въ видѣ русскаго народнаго анекдота; но теперь я не могъ найти его у Аѳанасьева; только въ разсказѣ „Дорогая Кожа" (1-го изд. VII, стр. 331) встрѣчается одинъ disjectum membrum этой повѣсти: ловкій малый спроваживаетъ любовника хозяйки придавъ ему видъ чорта.

Объ этой сказкѣ см. недолговѣчный журналъ Archiv für Geschichte deutscher Sprache u. Dichtung, 1873 года, Juni-Juli Heft, стр. 326.

много, и онѣ не отличаются особымъ остроуміемъ; затѣмъ идутъ разномысленныя предложенія, т. е. собственно одно предложеніе о планетахъ, выраженное на разныя манеры; затѣмъ достопамятныя рѣчи (изреченія), небольшая глава о женщинахъ и бракѣ, опредѣленія и сравненія, хорошія мнѣнія, опись качествъ народовъ (тамъ, между прочимъ, голландцамъ приписанъ «золотой демонъ», на сырномъ тронѣ, въ табачной коронѣ), загадки и древнія апоѳегмы и Епиктитово нравоученіе. Все это—главы, за исключеніемъ послѣдней, коротенькія, набранныя случайно, но полезныя и назидательныя для малограмотнаго, медленно читающаго человѣка. Честный составитель въ заключеніе объясняетъ, что древнія апоѳегмы взяты изъ книжки «Витіеватыя и нравоучительныя повѣсти», изданной въ Москвѣ въ 1711 г., и переизданной много разъ Академіей, а Епиктитовы правила выбраны изъ Беллегардова французскаго перевода. Затѣмъ слѣдуютъ Учебные разговоры[1], изъ которыхъ интереснѣе другихъ послѣдній, гдѣ авторъ высказываетъ убѣжденіе своего вѣка, что миѳологія выдумана стиходѣями, но приводитъ съ нѣкоторыми подтвержденіями и мнѣніе, что миѳологія взята изъ св. Писанія; изъ славянскихъ божествъ авторъ приводитъ только одного Перуна, котораго онъ считаетъ равнозначущимъ съ Юпитеромъ[2]); «должности» музъ онъ разграничиваетъ не только прозой, но и стихами, очевидно, собственнаго сочиненія[3]). Затѣмъ слѣдуетъ Разговоръ о различіи изреченія и писанія—нѣчто въ родѣ введенія къ наукѣ о языкѣ, съ прибавленіемъ свѣдѣній о книгопечатаніи, и краткой реторики, піитики и метрики. Съ этой метрикой въ естественной связи слѣдующій крупный отдѣлъ: Сборъ разныхъ стиходѣйствъ[4]). Это очень интересный отдѣлъ: съ одной стороны, составъ его показываетъ, какія произведенія россійской музы считалъ занимательными для

[1]) Въ 1-мъ изданіи ихъ 4: „Между книжникомъ и мальчикомъ“ (тема, извѣстная еще въ санскритской литературѣ — превосходство разсудка надъ ученостью), „Между бодрымъ и сонливымъ“, Кевита, ученика Сократова, о картинѣ (аллегорія, своего рода Roman de la Rose) и о миѳологіи.

[2]) Зато цѣлый рядъ славянскихъ божествъ (въ томъ числѣ Симаергла, Колядо, и пр.) приведенъ въ стихотвореніи „Древнее суевѣріе“ (1-го изд. стр. 290—291).

[3]) Напр. Кліо „точны бытія въ память предаетъ поя“ и т. д.

[4]) Съ 4-го изданія: Сборъ разныхъ стихотворствъ, и тамъ съ него начинается 2-я часть.

своихъ читателей такой умный, опытный человѣкъ и такой искусный педагогъ, какъ Н. Г. Кургановъ, а съ другой стороны, огромная популярность «Письмовника» дѣлала выбранныя Кургановымъ стихотворенія общеизвѣстными и воспитывала на нихъ цѣлыя поколѣнія. Кургановъ, естественно, старался угодить на всякій вкусъ: въ его «Сборѣ» есть и высокая лирика всѣхъ видовъ, и пѣсни, и басни, и эпитафіи, и анекдоты въ стихахъ, и загадки, однимъ словомъ, всѣ виды и роды, кромѣ поэмы и драмы; кое-что бралъ онъ изъ печатнаго матеріала (не подписывая именъ авторовъ), а больше заимствовалъ изъ рукописныхъ сборниковъ и, вѣроятно, изъ своей, весьма хорошей, памяти, а кое-что, повидимому, есть плодъ его собственнаго вдохновенія; кромѣ того, тамъ много его стихотворныхъ переводовъ. Интереснѣе всего, конечно, пѣсни, какъ такой родъ поэзіи, который не прочитывается, а заучивается, усвоивается даже неграмотными людьми; пѣсня есть или мертворожденный продуктъ, или народная (хотя бы и не простонародная) поэзія; она и мотивомъ и содержаніемъ, или хоть однимъ изъ двухъ, выражаетъ поэтическое настроеніе массы людей. Въ «Сборѣ» Курганова есть нѣсколько пѣсенъ или, вѣрнѣе, романсовъ XVIII вѣка, вовсе не народныхъ по своему содержанію, но ународившихся, благодаря популярности «Письмовника». Въ дѣтствѣ я слыхалъ отъ совершенно неграмотной няньки двѣ пѣсни, въ одной изъ которыхъ дѣйствуютъ пастухъ и пастушка, въ другой—Венера, Амуръ и пастушка; онѣ запомнились мнѣ, какъ запоминается все, что слышишь въ дѣтствѣ, и потомъ, вспоминая ихъ и старуху няньку, я недоумѣвалъ, откуда къ ней могли попасть эти памятники архи-псевдо-классической поэзіи, недоумѣвалъ до тѣхъ поръ, пока не познакомился съ «Письмовникомъ» Курганова.

Въ рукописныхъ пѣсенникахъ, которые до сихъ поръ въ ходу въ глухой провинціи, на заводахъ, въ казармахъ и даже въ уѣздныхъ и духовныхъ училищахъ, часто попадается хоровая пѣсня:

Бѣсъ проклятый дѣло намъ затѣялъ;
Страсть картежну въ сердца наши всѣялъ...
Дайте намъ карты: здѣсь олухи есть! и т. д. [1]).

Она тоже обязана своей популярностью «Письмовнику». Обра-

[1]) Въ печатномъ пѣсенникѣ, Москва, 1843 г., она находится въ 5-й части, стр. 120.

щаю вниманіе читателей, напримѣръ, на слѣдующую пѣсню неизвѣстнаго (по крайней мѣрѣ, мнѣ неизвѣстнаго) поэта, на тему о суетѣ мірской:

Только явятся солнца красы,
Всѣмъ одѣваться придутъ часы.
Боже мой, Боже! всякій день то же.

Къ должности водитъ всякаго честь,
Полдень приходитъ: надобно ѣсть.
Боже мой и т. д.

Тамъ разговоры насъ веселятъ,
Вѣсти и ссоры время дѣлятъ.
Боже мой и т. д.

Ложь и обманы сѣетъ злодѣй,
Рвутъ, какъ тираны, люди людей,
Боже мой и т. д.

Строги уставы мучатъ насъ вѣкъ:
Денегъ и славы ждетъ человѣкъ.
Боже мой и т. д.

Тотъ богатится, нагъ тотъ бредетъ,
Тотъ веселится, слезы тотъ льетъ.
Боже мой и т. д.

Щастье находимъ, щастье губимъ,
Чѣмъ жизнь проводимъ? ходимъ да спимъ.
Боже мой и т. д.

Время, о, время! Что ты? мечта.
Вѣкъ нашъ есть бремя, все суета.
Боже мой и т. д.

Сколько ни видимъ въ мірѣ суетъ,
Не ненавидимъ, любимъ мы свѣтъ.
Боже, о Боже! Любимъ и то же.

Если мы примемъ въ расчетъ, что эта пѣсня, можетъ быть, на четверть столѣтія старше Фелицы, Вельможи и пр., мы должны признать, что «забавный русскій слогъ» изобрѣтенъ вовсе не Державинымъ. Нѣкоторыя пѣсни, болѣе книжныя по языку, любопытны, какъ вѣрныя картинки нравовъ эпохи: таковы, напримѣръ,

пѣсни съ указаніями, что пьяныхъ приказныхъ ихъ свѣтское начальство, а пьяныхъ монаховъ—духовное, для вытрезвленія, сажало на цѣпь желѣзную.

Въ «Сборѣ» есть особый отдѣлъ пѣсенъ подъ характернымъ заглавіемъ Кіево-калекскія, —заглавіемъ, которое указываетъ и на школьное (изъ кіевскихъ школъ) происхожденіе нашихъ духовныхъ стиховъ, и на ихъ пѣвцовъ—каликъ перехожихъ; въ этотъ отдѣлъ помѣщена духовная пѣсня, еще не успѣвшая стать стихомъ, и веселыя пѣсни-пародіи: о комарѣ, свалившемся съ дубу, и о тонущей мухѣ.

Въ число свѣтскихъ пѣсенъ, или «дѣла отъ бездѣлья», Кургановъ счелъ нужнымъ внести и нѣсколько пѣсенъ народныхъ, какъ-то: взятіе Казани, «Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ», о бояринѣ Шереметевѣ (слич. Кирѣевскаго, VIII, 133) и проч.; число этихъ пѣсенъ при слѣдующихъ изданіяхъ не уменьшалось, а, напротивъ, увеличивалось; такъ была прибавлена пѣсня: «Что пониже было города Саратова», которая впослѣдствіи примѣнялась къ Аракчееву. Любопытенъ фактъ внесенія въ книгу, предназначенную для большой публики, и именно для просвѣщенія этой публики, нѣсколькихъ образцовъ народной поэзіи; но, какъ извѣстно, фактъ этотъ далеко не единичный: образованные люди екатерининскаго времени относились къ народной поэзіи вовсе не съ такимъ презрѣніемъ, какъ воображали въ сороковыхъ годахъ. Любопытна, кромѣ того, одна пѣсня, именно помѣщенная подъ № 19.

Ты безсчастный добрый молодецъ, (2)
Безталанная твоя головушка,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, братцы, таланту нѣтъ,
Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ,
Что ссылаютъ меня съ корабля долой.
Отъ тебя ли, отъ безсчастнаго,
Сине море взволновалося,
(Всѣ) волны въ морѣ разыгралися.
(Но) какъ возговоритъ безсчастный молодецъ:
Мы притянемте всѣ въ веселочки,
Мы причалимте ко бережку,
Ко часту кусту ракитову,
И мы срѣжемте по прутику,
И мы сдѣлаем(те) по жеребью,
Кои кинемте во сине море;
Ужь какъ всѣ жеребья поверхъ воды,
А безсчастнаго, какъ ключъ, ко дну.

Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ однимъ изъ мотивовъ былины о Садкѣ; это не есть disjectum membrum, но одинъ изъ такихъ бродячихъ эпизодовъ, или общихъ мѣстъ, которыми пользовались составители былинъ. Обращаемъ вниманіе на нѣсколько солдатскихъ пѣсенъ, попавшихъ въ «Сборъ стиходѣйствъ»; онѣ не замѣчательны сами по себѣ, но замѣчателенъ фактъ ихъ распространенія въ прошломъ столѣтіи и ихъ посредствующее мѣсто между лирикой искусственной и народной. Давно бы слѣдовало обратить на нихъ серьезное вниманіе и подвергнуть ихъ обстоятельному изученію, тѣмъ болѣе, что это такой видъ народной поэзіи, который удобно распредѣляется хронологически.

Наконецъ, чтобы покончить съ стихотворною хрестоматіей, обращу вниманіе читателей на чье-то, не особенно остроумное, стихотвореніе противъ масоновъ (№ 43, начинается: «Полны лжи ваши законы оказались, франкмасоны. Въ томъ тайна ваша и честь, что шесть сотъ шестьдесятъ шесть» и т. д.) и на приписку Курганова въ концѣ «Сбора»: «Сверхъ сего съ пріятностью можно читать на русскомъ нравоучительные Попіевы стихи подъ именемъ: «Опытъ о человѣкѣ», переводъ г. Поповскаго»,—за которымъ слѣдуетъ изложеніе содержанія этой поэмы и отрывокъ изъ нея.

Г. Поповскій, ученикъ Ломоносова, высокодаровитый профессоръ Московскаго университета (род. 1730 г., ум. 1760 г.), одинъ изъ первыхъ, облеченныхъ въ мундиръ, борцовъ за свободу русской мысли; его переводъ поэмы Пòпа, изувѣченный духовной цензурой, съ напечатанными особымъ шрифтомъ стихами самого цензора, въ свое время надѣлалъ много шуму.

Затѣмъ въ «Письмовникѣ» слѣдуетъ «Всеобщій чертежъ наукъ и художествъ», нѣчто въ родѣ систематики наукъ и въ то же время краткая энциклопедія. Здѣсь-то Кургановъ могъ вполнѣ проявить свой педагогическій тактъ и, дѣйствительно, проявилъ его: его опредѣленія сжаты и ясны, выборъ фактовъ для того времени очень удаченъ. Изложивъ вкратцѣ науку о поэзіи, онъ переходитъ къ философіи, гдѣ останавливается, какъ и слѣдовало ожидать, главнымъ образомъ на философіи моральной, при чемъ высказываетъ мысли вѣрныя и по тому времени либеральныя. Но особенно долго останавливается онъ на естествознаніи, и преимущественно на томъ его отдѣлѣ, который, будучи знакомъ ему въ подробности, наиболѣе способствуетъ уничтоженію суевѣрій, именно на астрономіи; долго

останавливается онъ на доказательствахъ шаровидности земли; энергично возстаетъ противъ нелѣпаго страха, который внушаетъ появленіе кометъ. Зная, что русскіе книжные люди руководятся болѣе всего св. писаніемъ, и что извѣстный эпизодъ объ Іисусѣ Навинѣ плохо мирится съ астрономіей, онъ возстаетъ противъ буквальнаго пониманія св. писанія и приводитъ рядъ выписокъ изъ отцовъ церкви, примиряющихъ науку и религію. «Правда и Вѣра, говоритъ онъ, родныя сестры, дщери Всевышняго Родителя». Въ концѣ этого отдѣла помѣщенъ небольшой «Наказъ медицинскій» и перепечатанъ откуда-то «Рудометъ нѣмецкій», т. е. изображеніе человѣческой фигуры, съ обозначеніемъ, въ какой мѣсяцъ, изъ какой части тѣла полезно и изъ какой вредно пускать кровь. Въ срединѣ этого отдѣла помѣщена табель затменіямъ солнечнымъ и луннымъ на тридцать лѣтъ впередъ, которая почему-то въ послѣдующихъ изданіяхъ выброшена. Затѣмъ идетъ словарь иностранныхъ и славянскихъ словъ съ русскими толкованіями; словарь этотъ для историка русскаго языка любопытенъ во многихъ отношеніяхъ, хотя далеко не всѣ толкованія можно признать удачными, а нѣкоторыя положительно не вѣрны, напр. амфитеатръ—зрѣлище; амбра—янтарь, антраша—крыжескокъ, бракъ—осмотръ, опытъ, брандмейстеръ—огнеблюдъ, булычъ—мѣхоноша, куминъ мужъ и т. д. За этимъ словаремъ слѣдуетъ прибавокъ къ нему, потомъ «Толкъ днямъ и мѣсяцамъ», потомъ «Оговорка», т. е. объясненіе къ словарю, въ которой авторъ ссылается на знаменитаго писателя въ доказательство ненужности иностранныхъ словъ и, цитируя: «Трутень» и «Адскую почту», насмѣхается надъ модниками, уродующими родной языкъ. Книжку онъ кончаетъ словами:

«Все тутъ. Нѣтъ больше. Только. Конецъ».

Таковъ составъ книги; посмотримъ на ея дѣйствіе, но при этомъ сдѣлаемъ необходимую оговорку, что это дѣйствіе происходило не столько отъ 1-го ея изданія, сколько отъ послѣдующихъ (вышедшихъ до конца столѣтія), о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Время перваго изданія «Письмовника», время знаменательное въ исторіи русской литературы: извѣстно, что въ томъ же 1769 году появилась масса русскихъ сатирическихъ журналовъ [1]), свидѣтель-

[1]) См. Аѳанасьевъ, «Русскіе Сатирическіе журналы» и пр. Москва 1859 года.

ствовавшихъ о пробужденіи русскаго самопознанія, о важномъ поворотѣ въ исторіи нашей цивилизаціи. Но здѣсь объ этомъ поворотѣ говорить не мѣсто, такъ какъ «Письмовникъ» служилъ ему лишь косвенно: сатира, обличеніе играетъ въ немъ слишкомъ слабую роль. Его цѣль увеличить число истинно грамотныхъ людей и пріохотить къ чтенію; появленіе его именно въ годъ рожденія сатирическихъ журналовъ почти случайно.

Что касается до вкуса къ легкому чтенію, который въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія проявился съ такою необычною силою, что даже до сихъ поръ многія классическія произведенія имѣются по-русски исключительно въ переводахъ, сдѣланныхъ въ то время,—во время появленія «Письмовника» онъ былъ развитъ еще довольно слабо, судя по количеству выходившихъ въ свѣтъ книгъ этого рода и по медленному ихъ распространенію. Книги для легкаго чтенія, какъ извѣстно, у насъ стали выходить еще при Петрѣ Великомъ, а къ началу царствованія Екатерины II можно насчитать, можетъ быть, до сотни слишкомъ названій; но что же значитъ эта цифра сравнительно съ количествомъ книгъ дѣловыхъ, назидательныхъ и учебныхъ? Первые годы царствованія Екатерины плодовиты даже и въ этомъ отношеніи: назову, между прочимъ, «Политическія и нравоучительныя басни Пильпая, философа индѣйскаго», съ французскаго переведены Академіи Наукъ переводчикомъ Борисомъ Волковымъ (сокращенная редакція Панчатантры); вышедшія въ 1762 году и появившіяся 2 года спустя «Нравоучительныя басни» извѣстнаго Ѳ. Эмина, который за годъ передъ тѣмъ выпустилъ свой нравоучительный и политическій тенденціозный романъ—«Приключенія Ѳемистокла» и пр. (2 изд. 1781).

Извѣстно, какъ въ обществѣ малограмотномъ смотрятъ на книгу: книга только поучительная—скучна и имѣетъ опредѣленный, не широкій кругъ читателей; книга только забавная—не внушаетъ уваженія,—на нее какъ-то совѣстно тратить и деньги, и время. Книга Курганова понравилась именно тѣмъ, что, заключая въ себѣ массу полезныхъ свѣдѣній для людей самыхъ разнообразныхъ спеціальностей, будучи необходимой книгой для человѣка, стремящагося къ литературному образованію, она въ то же время доставляла и развлеченіе своими «замысловатыми повѣстями», стихотвореніями и пр. Она такимъ образомъ расчищала дорогу серьёзнымъ и поучительнымъ книгамъ, съ одной стороны, съ другой—доказывала воочію

людямъ, которые смотрѣли на чтеніе, какъ на тяжелый трудъ, что чтеніе можетъ доставлять удовольствіе, и подготовляла публику для всякихъ «Сопутниковъ и Собесѣдниковъ веселыхъ людей», «Увеселеній женскаго пола» и пр. и пр. Если Пушкинъ и плохо зналъ «Письмовникъ»,—онъ вѣрно понялъ его значеніе, указавъ, что помѣщичій сынокъ, основательно усвоившій эту книгу, получалъ отъ нея вкусъ къ литературнымъ занятіямъ; мало того, онъ и въ другихъ областяхъ знанія долженъ былъ считаться человѣкомъ для того времени образованнымъ.

«Замысловатыя повѣсти» и «стихотворства» списывались въ особыя тетрадки [1]) и распространялись между людьми, которые «Письмовника» въ цѣломъ видѣ въ глаза не видали, усвоивались, какъ было выше указано, даже людьми безграмотными, проникали въ народъ; а въ то же время универсальная грамматика и статьи по реторикѣ и піитикѣ служили учебникомъ въ школахъ; по словамъ одного изъ младшихъ современниковъ, дѣловая часть «Письмовника» для такого употребленія часто вырывалась и переплеталась отдѣльно. Можетъ ли какая нибудь другая книга XVIII вѣка имѣть притязаніе на бо̀льшую популярность?

Два слова о послѣдующихъ изданіяхъ.

Первое изданіе «Письмовника», вѣроятно, по обычаю того времени небольшое, расходилось цѣлыя восемь лѣтъ. Второе вышло въ 1777 году подъ заглавіемъ «Книга Письмовникъ, а въ ней наука россійскаго языка съ седьмью присовокупленіями»; напечатана она «въ книгопечатнѣ морского общества благородныхъ юношей». Приношеніе читателю почему-то перешло изъ перваго лица въ третье и получило эпитетъ: общее, такъ какъ за нимъ слѣдуетъ приношеніе особое: «Его Высокородія, Статскаго Совѣтника высокопочтеннаго Алексіа Аѳанасьевича г. Дьякова любезнымъ дѣтямъ» (ученикамъ Курганова?). Въ предисловіи, которое тоже перешло въ третье лицо, два иностранныхъ слова: грамматикъ и историкъ, признаться сказать, далеко неудачно переданы русскими словами письментарь и спищикъ. Любопытно это изгнаніе иностранныхъ словъ и замѣна латинскаго эпиграфа русскимъ, не совсѣмъ

---

[1]) Между рукописями князя П. П Вяземскаго, составляющими теперь собственность Общества любителей древней письменности, есть толстая тетрадь XVIII вѣка (№ 291), куда изъ «Письмовника» вошла чуть не половина повѣстей.

удачнымъ его переводомъ [1]), какъ заря будущей дѣятельности Шишкова и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показатель измѣненія круга читателей: успѣхъ выводитъ книгу изъ школьной сферы въ болѣе широкую, общественную.

Въ общемъ измѣненія сдѣланы небольшія: Кургановъ выкинулъ двѣ «повѣсти»; къ чертежу наукъ прибавилъ священную исторію (около 10 страницъ); послѣ этого отдѣла прибавилъ нравоучительныя размышленія изъ сочиненій канцлера графа Оксенштирна. Въ самомъ концѣ онъ прибавилъ небольшую статью о религіи, которая оканчивается указаніемъ полезныхъ книгъ; въ немъ говоритъ онъ: «а изъ свѣтскихъ книгъ первою нравоучительною книгою почитаю божественныя узаконенія о воспитаніи и образованіи россійскаго юношества, изданныя въ двухъ томахъ въ С.-Петербургѣ въ 1774 году».

Это изданіе, вѣроятно, сравнительно большое, расходилось еще дольше; весьма вѣроятно, Кургановъ, отвлеченный другими работами, не имѣлъ досуга заняться имъ и тѣмъ далъ поводъ чуть-чуть не къ контрафакціи: третье изданіе [2]) вышло въ 1788 году; перемѣнъ въ немъ противъ второго ровно никакихъ нѣтъ; на заглавномъ листѣ сказано, что оно печатано съ согласія автора; цѣна за него назначена почти вдвое дороже противъ второго (то стоило 15 гривенъ, а это 2 руб. 95 коп.).

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за 1787 годъ (стр. 900, № 61) напечатано объявленіе Николая Курганова, «Морского Шляхетскаго кадетскаго корпуса профессора и кавалера», что это изданіе сдѣлано самовластно, «безъ его, Курганова, согласія»; но что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ чистой контрафакціей, а съ какимъ-то недоразумѣніемъ (можетъ быть, Кургановъ на словахъ далъ кому нибудь изъ пріятелей условное дозволеніе, которымъ поспѣшили воспользоваться), и что Кургановъ какимъ-то образомъ былъ хотя отчасти удовлетворенъ за потерпѣнные убытки, доказывается тѣмъ, что въ 4 изданіи онъ поминаетъ московское изданіе, вышедшее въ типографіи Фридриха Гиппіуса, безъ всякихъ рѣзкихъ словъ и какъ бы молча признаетъ его своимъ.

---

[1]) «Духовный ли, мірской ли ты? Прилежно ее читай;
«Все найдешь здѣсь тотъ и другой, но разумѣть смекай».

[2]) Его не имѣется въ Публичной библіотекѣ, но я могъ воспользоваться имъ благодаря любезности В. И. Саитова.

4-е изданіе, вышедшее въ 1790 году, подверглось, сравнительно, большимъ перемѣнамъ и дополненіямъ; его полное заглавіе, впослѣдствіи не измѣнявшееся, таково: «Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка, со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вещесловія. N. N. изданіе, вновь, выправленное, пріумноженное и раздѣленное въ двѣ части». Въ этомъ изданіи, кромѣ 30 слишкомъ повѣстей, о которыхъ была рѣчь выше, прибавлено: разсужденіе Сенекино о четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ, три разговора (о любомудріи, о навигаціи и о геральдикѣ), распространена научная часть и, кромѣ того, внесено нѣсколько мелкихъ статей: объ академической библіотекѣ, о кунсткамерѣ, о «знатныхъ изобрѣтеніяхъ послѣдняго времени» и проч.

5-е и 6-е изданія, вышедшія при жизни Курганова, и 7-е, вышедшее въ 1802 году, ничего новаго въ себѣ не заключаютъ. Въ 8-мъ изданіи (въ 1809 году) [1]) прибавленъ новый, довольно большой отдѣлъ: «Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты русскихъ». Это нѣчто въ родѣ хрестоматіи изъ русской исторіи, состоящей изъ 47 разсказовъ, расположенныхъ не вполнѣ хронологически; больше всего анекдотовъ о Петрѣ и о Суворовѣ; есть разсказы и объ иностранныхъ высокихъ особахъ, къ русской исторіи отношенія не имѣющихъ.

Прибавка доказываетъ, что книга въ прежнемъ своемъ составѣ уже не удовлетворяла публику, а ея патріотическій характеръ и широковѣщательное заглавіе если и стоятъ въ зависимости отъ духа того времени, то, съ другой стороны, ясно свидѣтельствуютъ и объ измѣненіи состава читателей. «Письмовникъ» началъ замѣтно спускаться въ низшіе слои, но онъ продолжалъ держаться и много послѣ того: какъ было указано въ началѣ статьи, еще въ 1831 году понадобилось его новое изданіе. Г. Генади указываетъ еще, кромѣ того, 11-е изданіе въ 1837 году; другіе, повидимому, преувеличивая, считаютъ цѣлыхъ 18 изданій.

Нѣтъ сомнѣнія, что когда у насъ еще болѣе разростется интересъ къ памятникамъ нашей отечественной литературы, «Письмовникъ» Курганова вновь увидитъ свѣтъ и на полкахъ ученыхъ библіотекъ заживетъ новою, хотя и скромною жизнью. Извѣстная

---

[1]) Оно такъ же, какъ и предыдущее, напечатано „иждевеніемъ Ивана Главунова“, того самаго „добраго человѣка“, съ которымъ былъ въ сношеніяхъ Кургановъ въ послѣдніе годы своей издательской дѣятельности.

поговорка: «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ» и пр. несправедлива относительно человѣка общественнаго, которому волей неволей приходится сходиться съ множествомъ людей, нисколько ему не симпатичныхъ: точно также варьянтъ ея—«скажи мнѣ, что ты читалъ, и я тебѣ скажу, кто ты»—непримѣнимъ къ современному читателю: чего только неперечитаетъ онъ, и какъ онъ не злопамятенъ относительно прочитаннаго? Не такъ было съ нашими дѣдами и прадѣдами: они читали немногое, но помногу, и прочитанное, дѣйствительно, обусловливало ихъ умственный складъ. Если мы желаемъ знать, кто они были, мы не можемъ отнестись съ пренебреженіемъ къ книгѣ, которая для многихъ изъ нихъ, какъ для Горохинскаго помѣщика, была единственной книгой, энциклопедіей всякой мудрости—моральной, литературной и реальной.

АНТОНІЙ ПОГОРѢЛЬСКІЙ,

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РОМАНТИЗМА.

Пушкинъ, безъ сомнѣнія, сталъ съ 29-го января 1887 г. самымъ народнымъ нашимъ писателемъ. Полное собраніе его сочиненій расходится ежегодно въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Во многихъ небогатыхъ семьяхъ Пушкинъ есть единственная книга для чтенія. Каждая его строка врѣзывается въ память дѣтей и взрослыхъ; поэтому каждая строка его, требующая комментарія, можетъ вызвать цѣлую статью, а иногда и цѣлую литературу

Если бы предлагаемая страничка изъ исторіи русскаго романтизма оказалась имѣющей слишкомъ мало значенія сама по себѣ, она можетъ найти свой raison d'être, какъ камментарій къ одной строчкѣ Пушкина.

Въ повѣсти «Гробовщикъ» Пушкинъ разсказываетъ, что на серебряной свадьбѣ сапожника Готлиба Шульца «изъ русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ — чухонецъ Юрко, успѣвшій пріобрѣсти, несмотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность хозяина. Лѣтъ двадцать пять прослужилъ онъ въ семъ званіи, какъ почтальонъ Погорѣльскаго». Современники Пушкина, безъ сомнѣнія, прекрасно знали этого почтальона, но значительное большинство нынѣшнихъ читателей не только не имѣютъ никакого понятія о добромъ, хотя и ворчливомъ, Онуфричѣ, отцѣ героини фантастической повѣсти «Лафертовская маковница», а забыли и о самомъ Погорѣльскомъ, авторѣ романа «Монастырка», которымъ наши бабушки и матери зачитывались такъ, какъ наши жены и дочери—«Анною Карениной».

Въ небольшомъ, сравнительно, кружкѣ литераторовъ времени Пушкина, всѣмъ и каждому было извѣстно, что Антоній Погорѣльскій есть псевдонимъ оченъ талантливаго и образованнаго человѣка, Алексѣя Перовскаго.

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій родился въ 1787 году, въ лучшее время царствованія императрицы Екатерины II, когда она чувствовала себя крѣпкой и сильной на своемъ полуміровомъ престолѣ, когда вся Европа благоговѣла передъ великой царицей сѣвера и когда ея просвѣтительныя, гуманныя стремленія еще не были запуганы заревомъ французской революціи.

Онъ былъ сынъ одного изъ первыхъ богачей и вельможъ Екатерининскаго времени, графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго и дѣвицы Марьи Михайловны Соболевской (впослѣдствіи по мужу генеральши Денисьевой) [1]).

«Въ Екатерининъ вѣкъ златой» общество смотрѣло снисходительно на все, что ни дѣлали такіе большіе баре, какъ Разумовскій, а на такія отношенія, которыя существовали много лѣтъ между графомъ, женатымъ, по волѣ отца, на богатой, но ограниченной Варварѣ Шереметевой, и дѣвицей Соболевской—тѣмъ болѣе. Графу удалось всѣхъ своихъ дѣтей отъ Соболевской приписать къ дворянству, и ихъ дѣтство и первоначальное воспитаніе онъ, конечно, обставилъ со всевозможною роскошью [2]). Трудно предпола-

---

[1]) Фамилію Перовскихъ ея дѣти получили, безъ сомнѣнія, отъ подмосковнаго имѣнія «Перово», которое было выдѣлено графу Разумовскому отцомъ его (см. Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», II, 39).

[2]) Благодаря любезности С. Н. Шубинскаго, я могъ воспользоваться двумя бумагами изъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, касающимися возведенія Перовскихъ въ дворянство: 28 ноября 1804 г. въ Совѣтѣ было слушано письмо Лопухина къ Трощинскому, въ которомъ сказано, что дѣйств. тайн. сов. графъ А. К. Разумовскій на отношеніе Лопухина «вслѣдствіе Высочайше апробованнаго положенія Государственнаго Совѣта на всеподданнѣйшую просьбу его о пожалованіи дворянскаго достоинства воспитанникамъ Перовскимъ и матери ихъ, отвѣтствовалъ мнѣ, что, чувствуя въ полной мѣрѣ монаршее благоволеніе въ предлагаемомъ удовлетворенія просьбы его относительно воспитанниковъ, находится онъ, однакожъ, въ необходимости лишиться счастья онымъ воспользоваться, не желая возвысить состоянія ихъ передъ ихъ матерью. На докладъ мой о семъ, государь императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ дѣло о семъ оставить».

Итакъ, Разумовскій хлопоталъ о дворянствѣ для Соболевской и своихъ

гать, чтобы будущій романистъ въ первые годы своего сознательнаго существованія могъ тяготиться своимъ недвусмысленнымъ рожденіемъ, такъ какъ самое это обстоятельство удаляло его изъ общества чужихъ дѣтей, равныхъ ему по богатству; а его жизнь въ большой и богатой семьѣ, при матери, текла спокойно и счаст-

---

дѣтей отъ нея; добрый императоръ Александръ I, соглашаясь сдѣлать дворянами Перовскихъ, отказалъ относительно ихъ матери; графъ, который, очевидно, искренно любилъ дѣвицу Соболевскую, обидѣлся за нее и отказался отъ дворянства для дѣтей, но не навсегда. Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца, 16 января 1805 г., снова возбуждается въ Государственномъ Совѣтѣ то же дѣло по иниціативѣ самого государя, но едва ли безъ какихъ-нибудь мѣръ со стороны Разумовскаго. Трощинскій по Высочайшему повелѣнію предложилъ, «что по уваженію знатныхъ пожертвованій, приносимыхъ въ пользу училищъ дѣйств. тайн. сов. графомъ А. Разумовскимъ, государю императору благоугодно, чтобы Совѣтъ примыслилъ способъ, коимъ бы можно было съ приличіемъ удовлетворить прошенію его о дарованіи дворянскаго достоинства воспитанникамъ его Перовскимъ съ ихъ матерью». Совѣтъ предложилъ дать дворянство Соболевской, не называя ее матерью Перовскихъ (sic), а графъ Румянцевъ прибавилъ, что мотивомъ для такого снисхожденія могутъ служить не столько пожертвованія Разумовскаго, сколько «уваженіе къ чувствамъ воспитанниковъ, кои не желаютъ воспользоваться даруемымъ имъ правомъ безъ матери ихъ». Но на это, какъ видно изъ надписи сбоку, Высочайшаго утвержденія не послѣдовало.

Мнѣ неизвѣстно, удалось ли графу Разумовскому добиться своего при новомъ ходатайствѣ, или онъ согласился принять монаршую милость только для Перовскихъ, но въ формулярномъ спискѣ Алексѣя Перовскаго,— за доставленіе копіи съ него приношу глубокую благодарность директору департамента Мин. Нар. Просв. Н. М. Аничкову,—онъ показанъ изъ дворянъ (можетъ быть окончаніе этого дѣла разумѣетъ князь Козловскій подъ «сердечными обязанностями», для которыхъ долженъ быть полезенъ пріѣздъ графа въ Петербургъ въ 1807 г.). Васильчиковъ, 48—49.

Насколько былъ богатъ графъ Алексѣй Разумовскій, мы можемъ получить понятіе, напр., хоть изъ «Записокъ декабриста» А. Бѣляева (Спб, 1882 г., стр. 10), который говоритъ, что въ одномъ изъ многочисленныхъ имѣній графа, Ершовѣ (тамъ отецъ Бѣляева былъ управляющимъ), на случай его пріѣзда «былъ особый домъ въ 20 комнатъ съ богатою мебелью, съ флигелями для пріѣзжающихъ, превосходной баней со всѣми приспособленіями при ней, комнатами для отдохновенія, съ диванами, кушетками и дорогими коврами». По всей вѣроятности, графъ этимъ домомъ никогда не пользовался, такъ какъ обстоятельный Бѣляевъ ничего не говоритъ о его пріѣздѣ; но имъ воспользовалась женская половина семейства Перовскихъ: въ 1812 г. они пріѣхали въ Ершово спасаться отъ французовъ. «Сопровождали ихъ, говоритъ Бѣляевъ (стр. 23), тетка, Пелагея Михайловна Соболевская, родной ихъ дядя

ливо, и отсюда-то вынесъ онъ тотъ неистощимый запасъ веселости, который, по свидѣтельству всѣхъ знавшихъ его, онъ сохранилъ до самой своей смерти. Но какъ въ жизни, такъ и въ его повѣстяхъ, эта веселость носитъ тихій, немного какъ-будто придавленный характеръ, который тоже находитъ себѣ объясненіе въ дѣтской жизни Перовскаго: шумныя игры дѣтской и баловство со стороны многочисленныхъ обитателей людской разнообразились отъ времени до времени явленіемъ передъ грозныя очи родителя, о тяжеломъ, замкнутомъ и придирчивомъ характерѣ котораго мы знаемъ слишкомъ достаточно [1]).

Громы революціи, конечно не коснулись мальчика; но для насъ не безъ значенія тотъ фактъ, что онъ началъ учиться грамотѣ въ то время, когда эти громы вызвали какъ при русскомъ дворѣ, такъ и во многихъ дворянскихъ семьяхъ, реакцію противъ идей просвѣщенія. Ему было 9 лѣтъ, когда умерла Екатерина II и на престолъ вступилъ Павелъ Петровичъ; графъ Разумовскій, уединявшійся отъ двора и общества въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, теперь совсѣмъ зарылся отъ людей въ своихъ палатахъ и дѣлахъ по имѣніямъ, тѣмъ болѣе, что новый императоръ вовсе не такъ легко, какъ его предшественница, смотрѣлъ на незаконныя связи.

Новая перемѣна государя застала Перовскаго уже 14-лѣтнимъ юношей, когда онъ былъ вполнѣ способенъ понять смыслъ совершившагося событія и могъ раздѣлять радость интеллигенціи, увидавшей наконецъ на престолѣ истиннаго наслѣдника дѣлъ и духа Екатерины. Мы ничего не знаемъ ни о системѣ ученія Алексѣя Перовскаго и его братьевъ, ни о томъ, къ какому роду занятій онъ чувствовалъ въ дѣтствѣ особенную наклонность; но нѣтъ сомнѣнія, что учителя у него были хорошіе [2]), и учился онъ очень усердно,

---

Соболевскій, тогда извѣстный живописецъ и художникъ, два двоюродные брата Подчаскіе и цѣлая свита разныхъ гувернантокъ и огромное число прислуги».

Изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что здѣсь дѣвицъ Перовскихъ было три: Елизавета, уже помолвленная за Н. А. Курбатова, Анна, впослѣдствіи графиня Толстая, и Ольга, впослѣдствіи Жемчужникова.

[1]) См. Васильчиковъ, I с. 41 и др.

[2]) Г. Горленко («Кіевская Старина» 1888 г., апрѣль, статья о Перовскомъ, стр. 114) ссылается на «преданіе родныхъ» Перовскаго, будто онъ былъ

такъ какъ намъ документально извѣстно, что 18-ти лѣтъ онъ вступилъ въ Московскій университетъ студентомъ (16-го авг. 1805), а ровно черезъ 2 года и 2 мѣсяца (16-го октября 1807 г.) онъ произведенъ въ доктора философіи и словесныхъ наукъ, т. е. получилъ высшую ученую степень, какая только существовала.

Для полученія докторства Алексѣй Перовскій, согласно § 102 университетскаго устава 1804 г., читалъ три пробныя лекціи, которыя въ слѣдующемъ 1808 г. онъ издалъ отдѣльной книжкой, посвященной графу Льву Кирилловичу Разумовскому [1]). Подносный экземпляръ этой книжки, — съ надписью автора на имя Натальи Кирилловны Загряжской, — въ роскошномъ по тому времени сафьянномъ переплетѣ,—сохранился въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ.

Этотъ первый трудъ будущаго романиста любопытенъ прежде всего тѣмъ, что одна изъ лекцій написана по-нѣмецки, другая по-французски и только послѣдняя по-русски; этого вышеозначенный параграфъ Устава не требовалъ, но и не запрещалъ, конечно [2]); очевидно, прекрасно подготовленный по языкамъ докторантъ желалъ блеснуть своими знаніями. Далѣе интересны темы лекцій [3]):

отданъ въ какой то петербургскій пансіонъ, бѣжалъ оттуда къ Разумовскому и во время бѣгства вывихнулъ себѣ ногу. Я считаю это преданіе очень мало вѣроятнымъ: почему гордому графу Разумовскому могла придти идея вырвать своего незаконнаго сына изъ рукъ матери и отвезти въ Петербургъ въ общественное заведеніе, гдѣ его непремѣнно стали бы дразнить товарищи? Разсказу же о геройскомъ бѣгствѣ изъ пансіона противорѣчитъ вся послѣдующая жизнь скромнаго и послушнаго Перовскаго. Происхожденіе этого преданія легко объяснить изъ сказки того же Перовскаго «Черная курица», герой которой сильно скучаетъ въ пансіонѣ, въ Петербургѣ; это одинъ изъ многихъ случаевъ перенесенія сюжета поэтическаго произведенія на личность автора.

[1]) Левъ Кирилловичъ живъ въ это время въ Москвѣ большимъ бариномъ; по словамъ одного современника, онъ первый завелъ у себя зимній садъ. «Русск. Арх.» 1875, III, 447).

[2]) Этотъ §, кромѣ 3-хъ публичныхъ лекцій, требовалъ еще „диссертацію (не сказано: печатную), для защищенія ея въ публичномъ собраніи". („Полное Собр. Св. Зак.", т. XXVIII, 581). Представилъ ли Ал. Перовскій такую диссертацію или былъ освобожденъ отъ нея въ виду достоинства лекцій—мнѣ неизвѣстно.

[3]) Темы назначались Отдѣленіемъ (см. тотъ же §), но, конечно, съ согласія аспиранта и сообразно съ предметомъ его спеціальныхъ занятій.

1 я озаглавлена такъ: «Wie sind Thiere und Gewächse von einander unterschieden und welches ist ihr Verhältniss zu den Mineralien» (т. е. «Какъ различаются животныя отъ растеній и какое ихъ отношеніе къ минераламъ?») 2-я: «Sur le but et l'utilité du système des plantes de Linné» (О цѣли и пользѣ Линнеевой системы растеній) и 3-я «О растеніяхъ, которыя бы полезно было размножать въ Россіи». Стало быть, всѣ три темы взяты по ботаникѣ, которой Перовскій спеціально занимался въ университетѣ, а можетъ быть, и до университета. Такой выборъ спеціальности былъ, безъ сомнѣнія, обусловленъ страстью къ ботаникѣ графа Алексѣя Кирилловича, который, какъ извѣстно, собралъ въ Горенкахъ коллекцію растеній, цѣнимую въ полмилліона, и оставилъ имя въ наукѣ, выростивъ нѣсколько новыхъ видовъ [2]). Всѣ три лекціи отличаются замѣчательно яснымъ и логичнымъ изложеніемъ, а русская имѣетъ характерное заключеніе, показывающее, что юный докторъ былъ подъ замѣтнымъ вліяніемъ «Писемъ русскаго путешественника». «Примите,—обращается онъ къ профессорамъ,—должную дань справедливой моей благодарности; она пребудетъ во вѣки незабвенною въ душѣ моей. Пока буду чувствовать, что ношу въ себѣ священный долгъ, до тѣхъ поръ не перестану имѣть выгоднаго мнѣнія о собственномъ своемъ сердцѣ». Эта лекція особенно любопытна и по содержанію, такъ какъ она примѣняетъ науку къ практической пользѣ страны; изъ удачныхъ предположеній автора укажу на сорочинское пшено и виноградъ, разведеніе которыхъ онъ считаетъ особенно полезнымъ и выгоднымъ для Россіи. Наконецъ изъ посвященія книги графу Льву Кирилловичу и изъ поднесенія ея Натальѣ Кирилловнѣ очевидно, что знатная родня не чуждалась молодого Перовскаго и почти открыто признавала его.

Погулявъ на свободѣ менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, 9-го января 1808 г., Алексѣй Перовскій въ чинѣ коллежскаго ассессора вступаетъ на дѣйствительную службу въ 6-й департаментъ Сената. Двадцати лѣтъ отъ роду, съ такимъ по тогдашнему крупнымъ чиномъ и съ такой огромной протекціей—отецъ его въ то время былъ сдѣланъ попечителемъ Московскаго округа, а черезъ два года—министромъ народнаго просвѣщенія—онъ могъ бы спокойно наслаждаться пре-

[2]) См. Васильчиковъ, l. c., стр. 43.

лестями столичной жизни и, ничего не дѣлая, быстро подниматься по ступенямъ іерархической лѣстницы. Но Алексѣй Перовскій былъ по природѣ и по воспитанію дѣловой и, пожалуй, съ точки зрѣнія иныхъ, безпокойный юноша; онъ, повидимому, ищетъ не карьеры, а работы и серьезной подготовки къ административной дѣятельности: въ концѣ августа 1809 г., онъ, конечно, не противъ собственнаго желанія, былъ прикомандированъ «для исправленія письменныхъ дѣлъ» къ сенатору Обрѣзкову, ревизовавшему губерніи Пермскую, Казанскую, Нижегородскую и Владимірскую. Находясь въ послѣдней, онъ въ свитѣ Обрѣзкова посѣтилъ Спасо-Евфиміевскую обитель, которая уже давно служила чѣмъ-то въ родѣ политической тюрьмы для лицъ высокопоставленныхъ; здѣсь Алексѣй Перовскій видѣлъ своего единокровнаго брата, «страннаго» Кирилла Алексѣевича Разумовскаго [1]).

По возвращеніи изъ командировки, продолжавшейся болѣе полугода, Алексѣй Перовскій удостоился получить высочайшее благоволеніе «за отличное усердіе и успѣшное исполненіе возложенныхъ на него порученій». Это было 29-го іюня 1810 г.

Служба въ Петербургѣ, очевидно, не удовлетворяла Перовскаго; его тянуло въ родную Москву, гдѣ даже въ самомъ Сенатѣ, какъ ему могло казаться, было больше настоящаго дѣла. Проѣзжая изъ командировки черезъ Москву, онъ обратился съ просьбою къ московскому попечителю, Голенищеву-Кутузову,—устроить его черезъ пріятелей экзекуторомъ въ 6-й департаментъ во 2-е отдѣленіе Сената; изъ Петербурга онъ напомнилъ Кутузову о своей просьбѣ письменно.

Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, креатура новаго министра просвѣщенія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходенъ съ своимъ знаменитымъ тезкою Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ; онъ былъ такой же ловкій, искательный чиновникъ, также умѣлъ клянчить и распинаться передъ начальствомъ и также былъ склоненъ обвинять въ козняхъ враговъ своихъ, будто бы готовыхъ покуситься на самую жизнь его. Читая его частныя «донесенія» министру на злодѣйскіе поступки профессоровъ и жалобы на «опаснаго» Карамзина [2]), нельзя не почувствовать приближенія тяжелыхъ вре-

---

[1]) „Русск. Арх.“, 1875 г., III, 452.

[2]) См. приложенія ко II т. Васильчикова.

менъ Магницкаго и другихъ гасителей просвѣщенія. Это тотъ самый Кутузовъ, который даже шута Воейкова довелъ чуть не до ювеналовскаго паѳоса:

«Вотъ Кутузовъ: онъ зубами
«Бюстъ грызетъ Карамзина..
«Пѣна съ устъ валитъ клубами,
«Кровью грудь обагрена.
«Но напрасно мраморъ гложетъ,
«Тратя время только въ томъ:
«Онъ вредить ему не можетъ
«Ни зубами, ни перомъ».

Не трудно понять, почему такой горячій представитель охранительныхъ началъ показался графу Разумовскому, который теперь мало чѣмъ напоминалъ живого, либеральнаго страсбургскаго студента 60-хъ годовъ, достойнымъ поста попечителя; къ тому же они принадлежали къ одной масонской ложѣ.

Узнавъ о желаніи сына своего «благодѣтеля», Кутузовъ принялся усиленно хлопотать въ Сенатѣ и, конечно, не преминулъ выставить начальнику на видъ свои старанія.

Въ іюлѣ объ Алексѣѣ Перовскомъ пошло представленіе, а въ ноябрѣ 1810 года онъ былъ утвержденъ въ должности. Отправляя сына въ Москву, графъ снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ великому мудрецу московской ложи, Поздѣеву, и, безъ сомнѣнія, рекомендовалъ ему почаще бывать у Кутузова.

Судя по всѣмъ даннымъ, Перовскому скоро пришлось раскаяваться въ томъ, что онъ промѣнялъ новую столицу на древнюю.

Представимъ себѣ положеніе 23-хъ-лѣтняго доктора философіи и коллежскаго ассессора въ Москвѣ; едва ли въ какомъ-нибудь отношеніи, кромѣ развѣ матеріальномъ, можно счесть его вполнѣ соотвѣтствующимъ тѣмъ мечтамъ, съ которыми всякій юноша вступаетъ въ жизнь: экзекуторская служба не могла наполнить его существованія; общество Кутузова и ему подобныхъ и чиновничьи разговоры и пересуды не доставляли ему, конечно, особеннаго удовольствія; самая любезность и услужливость Кутузова, который въ незаконномъ сынѣ министра видѣлъ удобное орудіе для своихъ цѣлей, должны были быть ему противны. Онъ, правда, бываетъ у Кутузова довольно часто, пристроиваетъ черезъ него своихъ родствен-

никовъ по матери, Соболевскихъ [1]) и, уѣзжая въ Петербургъ, беретъ отъ него къ отцу порученія. Но Кутузовъ, очевидно, ошибался, разсчитывая на «любовь» къ нему Перовскаго: возвратившись изъ Москвы въ концѣ 1811 года, Перовскій, несмотря на свое обѣщаніе писать Кутузову, за два мѣсяца прислалъ ему всего одну записку въ шесть строкъ, на что Кутузовъ чуть не слёзно жаловался министру [2]).

Косвеннымъ доказательствомъ недовольства Перовскаго жизнью въ Москвѣ можетъ служить и то, что, едва устроившись на мѣстѣ, онъ сталъ усиленно добиваться поступленія въ масонскую ложу, къ которой принадлежали Кутузовъ, Поздѣевъ и самъ Разумовскій: по оптимизму, свойственному молодости, онъ, очевидно, склоненъ былъ думать, что масонство скрываетъ въ себѣ самую настоящую правду, и что господа въ родѣ Кутузова имѣютъ свою идеальную сторону, только показываютъ ее не въ обыденной жизни, а тамъ, въ тайныхъ собраніяхъ братской ложи.

Какъ мало идеальнаго было въ московскихъ масонахъ того времени, Перовскій могъ бы узнать на собственномъ примѣрѣ, еслибы ему были извѣстны письма Кутузова къ отцу его: услыхавъ заявленіе молодого человѣка о его желаніи вступить въ ложу, Кутузовъ рѣшилъ сообразоваться не съ духовными интересами «ищущаго» и не съ интересами самого общества, а съ волею своего начальника. 28-го февраля 1811 г., онъ сообщилъ министру о просьбѣ Перовскаго и запросилъ его рѣшенія; рѣшеніе было, повидимому, отрицательное, такъ какъ позднѣе Кутузовъ писалъ графу: «Вашъ Алексѣй Алексѣевичъ [3]), можетъ быть, на меня гнѣвается за то, что приписываетъ мнѣ непринятіе его въ ложу. Онъ ошибается. Никто болѣе сего не желалъ, какъ я, а отчего сіе не сдѣлалось, думаю, къ Вамъ писано».

Кутузовъ ошибался: Перовскій вовсе не гнѣвался на него, а просто съ удовольствіемъ забылъ про него, уѣхавъ изъ Москвы.

Выше было упомянуто, что Перовскій имѣлъ отъ отца письмо

---

[1]) Васильчиковъ, стр. 354.

[2]) Васильчиковъ, стр. 382—3.

[3]) Кутузовъ нигдѣ не называетъ Перовскаго сыномъ министра, но, не обинуясь, говоритъ о ихъ близости.

къ Поздѣеву; изъ переписки послѣдняго съ графомъ мы узнаемъ [1]), что молодой человѣкъ ограничилъ свои визиты тѣмъ единственнымъ разомъ, когда явился вручить Поздѣеву это письмо.

Графъ Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ» [2]) воспользовался этой исторической личностью, чтобы сдѣлать изъ нея масона Баздѣева, который своими умными рѣчами на станціи въ Торжкѣ спасъ Пьера Безухаго отъ отчаянія и обратилъ его на новый путь. Онъ, какъ поэтъ, былъ въ полномъ правѣ идеализировать Поздѣева, сколько ему угодно, тѣмъ болѣе, что онъ даже измѣнилъ его фамилію; но историкъ, руководствуясь положительными данными, долженъ сказать, что руководители московскаго масонства наканунѣ Отечественной войны мало чѣмъ напоминали новиковскихъ мартинистовъ и что Поздѣевъ былъ порядочный обскурантъ и крѣпостникъ. Но если бы Поздѣевъ и былъ похожъ на Баздѣева, онъ не могъ бы оказать такого же вліянія на 24-лѣтняго Перовскаго. внутренній миръ котораго, повидимому, ничѣмъ не былъ нарушенъ, какое его идеалъ оказалъ на Пьера, встрѣтившись съ нимъ послѣ измѣны жены и дуэли съ Долоховымъ, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не открывалъ для Перовскаго братскихъ объятій, а ждалъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ «дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженій». графа

Изъ письма того же Поздѣева къ Разумовскому [3]) мы узнаемъ, что, проживая въ Москвѣ, Алексѣй Перовскій былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ богачемъ, сыномъ фаворита Екатерины, графомъ Мамоновымъ, который тоже искалъ себѣ духовной пищи въ масонствѣ. Болѣе подходило къ послѣдующей дѣятельности Перовскаго его знакомство съ молодымъ тогда поэтомъ, кн. П. А. Вяземскимъ, который по поводу его отъѣзда изъ Москвы посвятилъ ему шутливое стихотвореніе, начинающееся словами:

«Прости, проказникъ милый!
«Ты ѣдешь, добрый путь!
«Твой геній златокрылый
«Тебѣ попутчикъ будь [4])».

---

[1]) См. Васильчиковъ, l. c., стр. 493, письмо отъ 18-го марта, и см. письмо отъ 4-го мая.

[2]) Томъ II, стр. 90, томъ III, стр. 42 и слѣд. Баздѣевъ у Л. Толстого, какъ и историческій Поздѣевъ, называется Осипъ Алексѣевичъ.

[3]) Васильчиковъ, 1. с. 512.

[4]) Соч. Вяземскаго, III, 20.

Для характеристики Перовскаго и его литературныхъ симпатій за это время любопытны слѣдующія строки:

«Не замышляй идиллій,
«Мой нѣжный пастушокъ:
«Ни Геснеръ, ни Виргилій
«Теперь тебѣ не въ прокъ».

Очевидно, къ этому же періоду жизни Перовскаго относятся тѣ довольно забавные анекдоты, которые сообщаетъ о немъ кн. Вяземскій [1]). Анекдотъ о стихахъ пріуроченъ къ этому времени самимъ разсказчикомъ; анекдотъ о посвященіи въ масоны стоитъ въ связи съ стараніями Перовскаго поступить въ ложу; а третій разсказъ по самому содержанію своему долженъ быть отнесенъ къ

---

[1]) VIII, стр. 413. Перовскій однажды увѣрялъ одного своего сослуживца, что онъ, Перовскій, великій мастеръ какой-то масонской ложи и властью своею сопричисляетъ его къ членамъ ея. Тутъ выдумывалъ онъ разныя смѣшныя испытанія, черезъ которыя новообращенный покорно и охотно проходилъ. Наконецъ заставилъ онъ его расписаться въ томъ, что онъ бобра не убилъ.

Другой разъ, написалъ amphiguri, т. е. шуточную стихотворную чепуху, въ родѣ

«Авдулъ-визирь
«На лбу пузырь
«И холитъ и лелѣетъ;
«А Палій сынъ,
«Взявъ апельсинъ,
«Восторгомъ пламенѣетъ»,

преподнесъ ее ректору Антонскому, предсѣдателю Общества любителей словесности, съ просьбой дозволить ему прочесть эти стихи въ публичномъ собраніи. «Не должно забывать, говоритъ кн. Вяземскій, что въ то время гр. А. К. Разумовскій былъ попечителемъ Московскаго университета, или уже министромъ народнаго просвѣщенія. Можно вообразить себѣ смущеніе робкаго Антонскаго. Онъ, краснѣя и запинаясь, говоритъ: «Стишки-то ваши очень-то милы и замысловаты-то (онъ имѣлъ привычку прилагать къ словамъ частичку то); но, кажется, не у мѣста читать ихъ въ ученомъ собраніи-то». Перовскій настаиваетъ, что хочетъ прочесть ихъ, увѣряя, что въ нихъ ничего противоцензурнаго нѣтъ. Объясненія и пререканія продолжались съ полчаса. Бѣдный Антонскій блѣднѣлъ, краснѣлъ, изнемогалъ чуть не до обморока».

Третій анекдотъ—какъ Перовскій, прикинувшись влюбленнымъ въ невѣсту своего пріятеля, смущалъ своими вымышленными страданіями ея вотчима и, наконецъ, на его глазахъ бросился въ илистый, но мелкій прудъ.

ранней молодости. Всѣ три анекдота вмѣстѣ вполнѣ объясняютъ эпитетъ проказника, который даетъ Перовскому поэтъ, и свидѣтельствуютъ о его наклонности къ веселой мистификаціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Перовскій былъ знакомъ и съ семействомъ кн. Вяземскаго, а стало быть и съ Карамзинымъ, котораго такъ ненавидѣлъ Кутузовъ.

Въ Москвѣ же Перовскій познакомился и сблизился съ В. А. Жуковскимъ, который впослѣдствіи былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ его младшимъ братомъ В. А. Перовскимъ [1]). Жуковскій, какъ извѣстно, въ это время жилъ уже въ собственной деревенькѣ и энергично работалъ, пополняя свое образованіе; но онъ, безъ сомнѣнія, посѣщалъ Москву, гдѣ у него было столько друзей и дѣла. Знакомство съ молодымъ поэтомъ-романтикомъ должно было оказать сильное вліяніе на Алексѣя Перовскаго; къ сожалѣнію, я не могъ найти никакихъ ближайшихъ указаній на ихъ сношенія.

Въ 1811 г. былъ утвержденъ уставъ Общества исторіи и древностей россійскихъ, неофиціально существовавшаго уже съ 1804 г., и въ 1-й части «Записокъ» и «Трудовъ» его [2]) въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ упоминается и Алексѣй Перовскій «докторъ физическихъ наукъ, коллежскій ассессоръ, Правительствующаго Сената 6 департамента экзекуторъ, Московскаго университета и Общества испытателей природы членъ». Изъ протоколовъ видно, что Перовскій обязался вносить ежегодно въ пользу общества крупную по тогдашнему сумму — 100 рублей въ годъ. Онъ оставался дѣйствительнымъ членомъ этого общества и много позднѣе, въ началѣ 20-хъ годовъ, но не изъ чего не видно, чтобы онъ принималъ въ его трудахъ дѣятельное участіе.

Въ томъ же 1811 г., или въ концѣ 1810, онъ въ числѣ другихъ подписалъ заявленіе объ основаніи Общества любителей россійской словесности, которое устраивалъ тотъ же Голенищевъ-Кутузовъ; но здѣсь его участіе было еще меньше: онъ даже не присутствовалъ на первомъ, такъ сказать, «учредительномъ» собраніи 6-го іюля 1811 г. [3]), и черезъ 8 лѣтъ, въ засѣданіи 20 декабря 1819 г. былъ

---

[1]) „Русск. Ар." 1878 г., I, стр. 373 и слѣд.

[2]) Москва, 1815 г., стр. 30.

[3]) См. „Труды Общества Любителей", Москва, 1812 г. IV, стр. 6.

исключенъ протоколомъ изъ числа членовъ за неявку и неизвѣщеніе о себѣ [1]).

Ни ученыя общества, ни дружескія связи, ни служба, очевидно, не могли удовлетворить Перовскаго; родная Москва обманула его ожиданія и, пробывъ въ ней годъ съ небольшимъ, онъ 9 января 1812 г. снова переходитъ на службу въ Петербургъ секретаремъ министра финансовъ отъ департамента внѣшней торговли [2]).

Мѣсто было лучше, болѣе соотвѣтствовало серьезной подготовкѣ Перовскаго, открывало ему обширные «виды» въ будущемъ; но изъ послѣдующей его карьеры легко убѣдиться, что если онъ и обладалъ частичкой честолюбія, то развѣ въ очень слабой степени, и, по всей вѣроятности, Петербургъ надоѣлъ бы ему еще скорѣе Москвы и онъ могъ бы остаться на службѣ только въ силу инертности, всегда развивающейся подъ вліяніемъ разочарованій, какъ вдругъ, по волѣ судьбы, докторъ философіи и ученый ботаникъ превратился въ казачьяго офицера.

Какъ удобно война 1812 г. разрубила запутанные узлы жизни лучшихъ людей русскаго дворянства, которые недоумѣвали, куда дѣвать богатый запасъ своихъ силъ, гдѣ найти истину, на что отдать себя! Цѣль оказалась такъ ясно поставленной, и средство къ ея достиженію у всѣхъ подъ руками; въ первый разъ послѣ Петра Великаго, русская интеллигенція и русскій народъ соединились въ одномъ стремленіи [3]), и результатомъ ихъ единенія была гибель завоевателя Европы. Во всѣхъ романахъ, изображающихъ эту эпоху, начиная отъ «Петра Выжигина» Булгарина и до великой эпопеи Льва Толстого, огорченная жизнью русская молодежь находитъ себѣ успокоеніе въ дѣятельномъ участіи въ борьбѣ народовъ, и въ данномъ случаѣ поэзія безусловно вѣрно выражаетъ дѣйствительность.

Алексѣй Перовскій, очевидно, съ великою радостью оставилъ канцелярію министра финансовъ и уже 10 іюля былъ зачисленъ въ 3-й украинскій казачій полкъ штабъ-ротмистромъ. Инстинктъ или историческій тактъ, развитый университетомъ (а можетъ быть

---

[1]) Ibid., ч. XX, стр. 35.

[2]) См. формулярный списокъ.

[3]) Чрезвычайно поучительно захѣчаніе Вигеля („Воспоминанія", IV. 39), что въ 1812 году простой народъ сдѣлался гораздо смѣлѣе въ поступкахъ и рѣчахъ; зато въ дѣйствіяхъ никогда не показывалъ такого повиновенія.

и другія неизвѣстныя намъ обстоятельства), направилъ его именно къ тому роду оружія, который долженъ былъ больше всѣхъ другихъ способствовать гибели «двунадесяти языковъ» и ихъ геніальнаго предводителя. Перовскій принялъ участіе въ партизанской войнѣ, и какъ сказано въ его формулярѣ, «кромѣ многихъ авангардныхъ и аріергардныхъ дѣлъ, находился въ дѣйствительныхъ противъ непріятеля сраженіяхъ 1812 г. октября 26-го подъ мѣстечкомъ Морунгеномъ, октября 28-го подъ мѣстечкомъ Лосецы; 1813 г. августа 13, 14 и 15-го въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, августа 17 и 18-го въ сраженіяхъ при Кульмѣ».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ первую половину войны, во время движенія Наполеоновой арміи къ Москвѣ, Перовскій раздѣлялъ всеобщее чувство глубокаго негодованія и томительнаго страха за первопрестольную столицу и свою родину [1]). Армія въ это время чувствовала то же, что народъ, а народъ то же, что и лучшая часть «общества». Но какъ только что французскій авангардъ вступилъ въ Москву, страхъ смѣнился ожесточеніемъ и жаждою отплаты. Извѣстно, что даже простые офицеры сейчасъ же начинаютъ поговаривать о Парижѣ, и знаменитыя слова Мишо о всеобщемъ отвращеніи къ миру вовсе не были фразою. Наполеонъ и Александръ странно перемѣнились ролями: хитрый сынъ революціи оттого и погибъ, что отнесся съ полнымъ презрѣніемъ къ чувствамъ народа, а русскій императоръ, наслѣдникъ столькихъ неограниченныхъ монарховъ, оттого и побѣдилъ, что сталъ за одно съ своими, повидимому, безгласными подданными; онъ даже измѣнилъ на время природной кротости и пропитавшему его до мозга костей европеизму: извѣстно, что онъ не принималъ отъ Наполеона никакихъ писемъ и позднѣе наказывалъ тѣхъ, кто принималъ отъ него должности [2]).

Гибель Наполеоновой арміи была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ разоренія Москвы; но какъ ни остроумны, ни мѣтки сравненія, которыя дѣлаетъ авторъ «Войны и Мира» между этой арміей и

---

[1]) „Мысль, что древняя русская столица съ величественными храмами, съ святыми иконами достанется непріятелю—эта ужасная мысль не можетъ утвердиться въ народѣ. Русское сердце не постигаетъ, какимъ образомъ нечестивый супостатъ осмѣлится вступить въ священные царскіе чертоги“. См. „Исидоръ и Анюта“ по изд. Смирдина, II, 32.

[2]) Михайловскій-Даниловскій, III, 73.

смертельно раненымъ животнымъ или скотиной, выгоняемой изъ огорода умнымъ огородникомъ, и какъ ни поразительны глубиною и новизною его соображенія относительно той жалкой роли, которую играютъ ученые тактики и геніальные полководцы въ серьезной войнѣ, все же послѣднія представляютъ изъ себя такъ называемое противоположное общее мѣсто, а сравненія не уменьшаютъ значенія энергіи и военнаго генія Наполеона, стало быть, не уменьшаютъ и заслугъ его противниковъ. Та самая безсердечность, которую проявляетъ онъ и къ чужимъ и къ своимъ (напр., жертвуя всей арміей для спасенія гвардіи) есть не что иное, какъ оборотная сторона военной и, въ извѣстномъ смыслѣ, политической геніальности. Находчивостью и энергіей Наполеона разбитъ графъ Ожаровскій при Кутьковѣ [1]) и разрушенъ весь планъ дѣйствій противниковъ при Оршѣ. Чтобы не дать такому противнику отступить съ честію, нужны были всѣ силы великаго и въ эту минуту объединеннаго народа.

Сознаніе этихъ силъ и возможности объединенія общества съ народомъ — фактъ величайшей важности. Кутузовъ, снабжающій мужиковъ оружіемъ и выпрашивающій у государя благодарственный манифестъ ко всѣмъ сословіямъ—первый вліятельный провозвѣстникъ новой эры въ нашей духовной жизни. Достаточно хотя бы бѣгло просмотрѣть 10-й выпускъ извѣстнаго сборника пѣсенъ Кирѣевскаго, чтобы видѣть, какъ именно въ то время громко заговорило національное чувство въ культурномъ классѣ общества и какъ горячо, хотя и неискусно, стремилось оно поддѣлаться къ тону народной поэзіи и къ пониманію темной массы.

Сраженія при Лосецахъ и Морунгенѣ, о которыхъ упоминаетъ формуляръ Перовскаго, не встрѣчаются ни въ одномъ извѣстномъ мнѣ описаніи войны 1812 г.; надо полагать, это были стычки изъ числа тѣхъ, о которыхъ говоритъ Чичаговъ, извѣщающій государя отъ 9-го октября [2]), что онъ устроилъ свою главную квартиру въ Брестѣ и оттуда наводнилъ горцогство Варшавское отрядами легкой кавалеріи; изъ дальнѣйшаго видно, что три его летучихъ отряда (одинъ—генерала Дехтерева, другой Мелессино и тре-

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій, IV, 7 и слѣд.

[2]) А. Попова: «Отечественная война». «Русская Старина», 1877 г., № 9, стр. 56.

тій Чернышева) доходили почти до стѣнъ Варшавы и повсюду разсѣивали воззванія къ полякамъ.

За то сраженія, въ которыхъ участвовалъ Перовскій въ 1813 г., имѣютъ міровую извѣстность.

Безполезно спорить о томъ, хорошо ли сдѣлалъ императоръ Александръ I, что, изгнавъ непріятелей, началъ европейскую войну: онъ не могъ, поступить иначе. Война началась при самыхъ благопріятныхъ, повидимому, условіяхъ. У Наполеона нѣтъ арміи; въ распоряженіи Александра цѣлыхъ двѣ; всѣ союзники Наполеона ненадежны: союзники Александра соединены съ нимъ неразрывно; народъ даже въ Саксоніи встрѣчаетъ его съ восторгомъ какъ избавителя. Но только-что показался на театрѣ войны Наполеонъ съ своей необученной арміей, какъ все быстро измѣнилось. 20-го апрѣля произошла битва при Люценѣ, и Наполеонъ остался побѣдителемъ; онъ занялъ Дрезденъ, такъ недавно встрѣчавшій императора Александра, и принудилъ короля саксонскаго отказаться отъ всякой свободы дѣйствій и рѣшительно соединиться съ нимъ. 8—9-го мая онъ при Бауценѣ вторично бьетъ союзниковъ и вгоняетъ ихъ въ Пруссію. Правительство прусское приказываетъ чиновникамъ выѣзжать и вывозить казенное имущество, очевидно, слѣдуя благому примѣру русскихъ; но народъ тамъ другой: частныя лица уѣзжаютъ и увозятъ, что можно, довольно охотно; а домовъ жечь никто не рѣшается.

Императоръ Александръ, который до бауценскаго сраженія отказалъ Коленкуру въ свиданіи, теперь самъ принужденъ предложить перемиріе, во время котораго онъ надѣется поднять Австрію.

Перемиріе заключено 23-го мая [1]), а 27-го мая штабъ-ротмистръ Перовскій былъ откомандированъ къ начальнику главнаго штаба его императорскаго величества князю Волконскому. Причины такого почетнаго и важнаго назначенія [2]) не зачѣмъ искать въ связяхъ и протекціи: если внутри Россіи Перовскій могъ служить казачьимъ офицеромъ, наравнѣ съ другими, то здѣсь, въ Европѣ, образованный молодой человѣкъ, прекрасно знающій языкъ страны,

---

[1]) Первоначально на шесть недѣль, а потомъ, въ виду конгресса, который былъ, впрочемъ, чистой профформой, продолжено еще на три недѣли.

[2]) Кн. Волконскій вмѣстѣ съ Нессельроде былъ въ это время самый близкій человѣкъ къ государю: ему присылали свои донесенія всѣ генералы, прикомандированные императоромъ Александромъ къ полководцамъ союзниковъ.

не говоря уже про французскій, только по недоразумѣнію могъ оставаться въ рядахъ.

По окончаніи перемирія, союзники, теперь подкрѣпленные 74.000 австрійской арміей, немедленно начали наступленіе. 13-го августа они приближаются къ Дрездену, причемъ посланный впередъ съ коннымъ отрядомъ генералъ-маіоръ кн. Кудашевъ завязалъ удачное дѣло съ высланною изъ города французскою кавалеріею и отбилъ у нея 3 пушки; очевидно, при этомъ отрядѣ находился и Перовскій, такъ какъ другого сраженія въ этотъ день не было. Въ этотъ день, по мнѣнію нашихъ военныхъ историковъ [1]), Дрезденъ могъ бы быть взятъ союзниками; но они пропустили моментъ; а 14-го августа противъ нихъ стоялъ уже самъ Наполеонъ. Хотя у него было всего 100.000 человѣкъ, а у союзниковъ—150.000; но у нихъ былъ страшный безпорядокъ вслѣдствіе многовластія, и Наполеонъ остался побѣдителемъ. На слѣдующій день, 15-го августа, при проливномъ дождѣ, онъ самъ аттаковалъ союзниковъ и нанесъ имъ новое пораженіе; въ этотъ день былъ убитъ генералъ Моро, ѣхавшій рядомъ съ императоромъ Александромъ. Въ оба эти дня Перовскій находился въ огнѣ, очевидно, исполняя порученія кн. Волконскаго.

По настоянію австрійскаго фельдмаршала Шварценберга, армія котораго была въ ужасномъ видѣ, союзники начали отступленіе въ Богемію. Но уже черезъ два-три дня, вслѣдствіе того, что императоръ Александръ сталъ больше распоряжаться самъ и меньше уступать австрійцамъ, военное счастье повернулось лицомъ къ союзникамъ; 17-го августа русская гвардія послѣ жестокаго, упорнаго боя при сильномъ недостаткѣ патроновъ, отбила при Кульмѣ нападеніе Вандама, а на другой день тотъ же Вандамъ принужденъ былъ послѣ отчаянной защиты, положить оружіе со всѣмъ своимъ корпусомъ. Это была русская побѣда [2]), одержанная подъ предводительствомъ русскаго императора, начальнику штаба котораго и его адъютантамъ въ эти два кровавые дня было много дѣла.

Между тѣмъ Блюхеръ и шведы бьютъ наполеоновыхъ маршаловъ, и русскіе отряды съ успѣхомъ дѣйствуютъ въ средней Германіи. Въ сентябрѣ 1813 г., армія Наполеона падаетъ духомъ: про-

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій, «Война 1813 г.», I, 315. Богдановичъ, II, 128.

[2]) По Михайловскому-Данилевскому у насъ убито 7000 человѣкъ, у пруссаковъ—1500, у австрійцевъ—800.

довольствіе ея плохо; нѣмцы цѣлыми полками переходятъ къ союзникамъ; Саксонія опустошена и жестоко возбуждена противъ Наполеона. Въ это время императоръ Александръ все болѣе и болѣе беретъ на себя иниціативу и главное руководство; князь Волконскій будитъ его по ночамъ, когда пріѣзжаютъ курьеры.

6-го октября происходитъ великая битва народовъ при Лейпцигѣ и на другой день—штурмъ Лейпцига; захваченный тамъ саксонскій король былъ объявленъ военноплѣннымъ, и въ Саксоніи учреждено русское временное правительство.

Почему Перовскій не участвовалъ въ битвахъ подъ Лейпцигомъ, мы не знаемъ; можетъ быть, онъ уже готовился къ занятію того важнаго для его лѣтъ поста, на который былъ назначенъ на другой же день послѣ взятія города 8 октября—старшаго адъютанта при генералъ-губернаторѣ королевства Саксонскаго, князѣ Репнинѣ [1]).

Съ самаго начала войны 1813 г. въ Германіи все было въ безпорядкѣ: достаточно сказать, что цѣлые округа съ населеніемъ въ десятки тысячъ оказывались никому не принадлежащими; но до Лейпцигскаго сраженія деспотизмъ Наполеона все еще тяготѣлъ надъ потентатами и придавалъ всему нѣкоторый видъ единства. Теперь наступилъ полный разгромъ, тѣмъ болѣе тяжелый, что вся средняя Европа была на военномъ положеніи, и Германія должна была снабжать продовольствіемъ огромныя арміи. Но ни одно изъ государствъ не было въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ разоренная Саксонія, все еще остававшаяся главнымъ театромъ войны и лишенная своего правительства. Князь Репнинъ—онъ былъ прежде резидентомъ въ Касселѣ и пользовался большою любовью нѣмцевъ—долженъ былъ и благоустроивать страну, въ столицѣ которой стоялъ цѣлый французскій корпусъ и которая не знала, кому она будетъ принадлежать завтра, и доставлять провіантъ для войскъ союзниковъ, и заботиться о плѣнныхъ и раненыхъ. Черезъ мѣсяцъ положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось: Сенъ Сиръ 30-го октября вышелъ изъ Дрездена, и туда было перенесено управленіе изъ разореннаго Лейпцига; въ то же время театръ войны перешелъ далѣе на западъ. Перовскій оставался въ Саксоніи почти два года и, судя

[1]) Это Николай Григорьевичъ, князь Репнинъ-Волконскій, женатый на Варварѣ Алексѣевнѣ Разумовской и, стало быть, приходившійся зятемъ Перовскому.

по наградамъ, которыя получалъ онъ за это время, дѣятельно работалъ для умиротворенія страны [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что развѣ только на первые мѣсяцы служебныя обязанности могли поглощать все время Перовскаго: миролюбивые нѣмцы не любятъ волноваться подолгу, и жизнь изящной небольшой столицы скоро стала входить въ свою обычную колею.

Молодой и любознательный докторъ философіи въ русскомъ офицерскомъ мундирѣ, къ тому-же старшій адъютантъ и родственникъ правителя имѣлъ полную возможность наблюдать эту интересную для него жизнь и, безъ сомнѣнія, вездѣ былъ встрѣчаемъ, какъ дорогой и почетный гость. Картинныя галлереи и знаменитыя коллекціи Дрездена, театры, литература, еще не совсѣмъ пережившая свой классическій періодъ, а въ то же время вступившая въ новую и плодотворную фазу развитія романтизма нѣмецкая наука, именно тогда потребовавшая себѣ перваго мѣста въ Европѣ, глубокомысленная философія, горячая публицистика, только-что освободившаяся отъ оковъ военнаго деспотизма—все это Перовскому было доступнѣе и ближе, чѣмъ кому бы то ни было изъ офицеровъ побѣдоносной русской арміи. Упомянемъ еще объ одномъ частномъ фактѣ, который, какъ увидимъ ниже, долженъ былъ оказать вліяніе на направленіе будущей литературной дѣятельности Перовскаго. Именно въ это время въ Дрезденѣ проживалъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей этого богатаго странностями времени—поэтъ и музыкантъ—Амедей Гофманъ.

Гофманъ родился въ Кенигсбергѣ въ 1776 г.; его мать страдала душевной болѣзнью, его отецъ, юристъ, былъ очень способный, но крайне безпутный человѣкъ; ребенка воспитывалъ дядя по матери, большой педантъ и чудакъ съ наклонностью къ мис-

---

[1]) 9-го января 1814 г. онъ получилъ Владиміра 4-й степени. 18-го января переведенъ тѣмъ же чиномъ штабъ-ротмистра въ уланскій лейбъ-гвардейскій полкъ. 30-го октября того же года „назначенъ членомъ россійской императорской комиссіи, учрежденной для сдачи дѣлъ по Саксонскому королевству прусскому правительству и для приведенія въ порядокъ денежныхъ счетовъ по сему королевству между Россіею и союзными державами". 7-го ноября пожалованъ зеленымъ крестомъ, орденомъ, спеціально установленнымъ для саксонцевъ, отличившихся усердіемъ къ Россіи, и для русскихъ чиновниковъ, работающихъ въ Саксоніи. 8-го января 1815 года награжденъ Анной 2-й степени, а 8-го сентября, по случаю окончанія дѣлъ комиссіи, алмазными знаками къ ней.

тицизму и ростилъ его, какъ въ монастырѣ, пока не отдалъ въ латинскую школу, гдѣ мальчикъ оказалъ несравненно больше наклонности къ искусству, къ музыкѣ и рисованію, нежели къ наукѣ; онъ уже компонировалъ въ тѣ годы, когда другіе только проходятъ этюды и копируютъ съ гравюръ. Товарищи не любили насмѣшливаго слабаго мальчика, котораго взрослые считали чудоребенкомъ. Кончивъ курсъ въ школѣ, онъ поступилъ на юридическій факультетъ Кенигсбергскаго университета, и хотя не чувствовалъ къ юриспруденціи ни малѣйшей наклонности, исправно посѣщалъ лекціи, но все остальное время посвящалъ рисованію и музыкѣ, учась и уча другихъ. Въ 1795 году онъ выдержалъ свой первый экзаменъ и переѣхалъ практиковать въ Глогау, и въ этомъ скучномъ мѣстечкѣ прилежно занимался и искусствами, и приготовленіемъ къ второму экзамену. Сдавъ его въ 1798 году и совершивъ небольшое путешествіе, во время котораго въ первый разъ посѣтилъ Дрезденъ, онъ поступилъ на службу въ Берлинѣ. Выдержавъ въ 1800 году третій и послѣдній экзаменъ, онъ получилъ мѣсто въ Познани, гдѣ широкое гостепріимство поляковъ пріучило его къ крайне неправильной жизни.

Гофмана всюду приглашали, какъ остроумнаго собесѣдника и талантливаго карикатуриста. На одномъ маскарадѣ одинъ изъ его пріятелей, одѣтый итальянскимъ разносчикомъ, раздавалъ карикатуры Гофмана присутствующимъ; но когда они дошли до тѣхъ, на кого были направлены, генералъ Цастровъ, сильно задѣтый, послалъ объ этомъ эстафету въ Берлинъ. Тамъ уже лежалъ готовый къ подписи патентъ, назначавшій Гофмана правительственнымъ совѣтникомъ въ Познани; эстафета заставила замѣнить этотъ патентъ другимъ, ссылавшимъ Гофмана въ Плоцкъ на гораздо худшее мѣсто, гдѣ Гофманъ могъ бы совсѣмъ погибнуть; но, къ счастью, онъ женился въ Познани, и это обстоятельство на время сдѣлало его болѣе «порядочнымъ» человѣкомъ: онъ усердно работалъ по должности и началъ писательствовать, не оставляя ни живописи, ни музыки. Въ 1804 году онъ былъ переведенъ совѣтникомъ въ Варшаву. Здѣсь онъ сошелся съ Гитцигомъ и отчаяннымъ чудакомъ Захаріей Вернеромъ. Добросовѣстно исполняя всѣ свои обязанности по службѣ, онъ больше, чѣмъ когда-нибудь, занялся музыкой, устроилъ музыкальное общество, дававшее публичные концерты подъ его управленіемъ и пріобрѣтшее даже собственное

помѣщеніе. Послѣ Іенскаго сраженія всѣ прусскіе чиновники въ Варшавѣ были уволены; Гофманъ отослалъ семью въ Познань, а самъ остался въ варшавской мансардѣ, гдѣ сильно заболѣлъ нервной горячкой. Оправившись, онъ поѣхалъ въ 1807 г. въ Берлинъ съ портфелемъ, биткомъ набитымъ партитурами сочиненныхъ имъ оперъ, съ намѣреніемъ отдаться всецѣло искусству. Ему удалось получить отъ графа Содена ангажементъ театральнаго капельмейстера (Musikdirector) въ Бамбергѣ. Но организація театра была такъ плоха, что скоро все предпріятіе лопнуло. Гофманъ кое-какъ существовалъ частными уроками и музыкальной и литературной дѣятельностью всякаго рода. Въ это время онъ на основаніи пережитаго, набросалъ своего Іоанна Крейслера. Въ 1810 г., одинъ старый знакомый Гофмана, Гольбейнъ, взялся возстановить бамбергскій театръ; Гофманъ дѣятельно помогалъ ему, работая, какъ композиторъ, дирижеръ, декораторъ, машинистъ, архитекторъ и начальникъ репертуара. Дѣло прекрасно пошло въ ходъ, и Гофманъ чувствовалъ себя вполнѣ въ своей сферѣ. Но черезъ два года Гольбейнъ отказался отъ завѣдыванія, и театръ закрылся. Гофманъ снова началъ бѣдствовать; 26-го ноября онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «продалъ старый сюртукъ, чтобъ пообѣдать» [1]). Но въ началѣ 1813 года ему предложили мѣсто капельмейстера въ артистическомъ товариществѣ въ Дрезденѣ. 21-го апрѣля 1813 г., онъ покинулъ Бамбергъ и поѣхалъ въ Дрезденъ, занятый тогда русскими. Не найдя труппы въ Дрезденѣ, онъ поѣхалъ за ней въ Лейпцигъ. Проработавъ тамъ около 4-хъ недѣль, Гофманъ вернулся обратно въ Дрезденъ и пережилъ тамъ, занятый музыкальными и литературными трудами, страшные дни августовскихъ битвъ; въ это время онъ началъ свою милую сказку «Der goldene Topf». Къ концу 1813 года, когда уже Перовскій жилъ въ Дрезденѣ, товарищество начало свою дѣятельность; но Гофманъ простудился и до самой весны 1814 года боролся со смертью. Однако, и лежа въ постелѣ, онъ рисовалъ карикатуры, написалъ «Автомата», 25 марта началъ «Чортовъ элексиръ», а 22-го апрѣля уже окончилъ первый томъ его; въ маѣ написалъ онъ «Принцессу Бландину». Лѣто и начало зимы 1814—1815 гг. Гофманъ дѣйствовалъ съ обычной ему энергіей при театрѣ; а въ слѣдующемъ году,

[1]) Goedeke: Grundriss etc. VIII, стр. 410.

онъ, потерявъ свое мѣсто, перебрался въ Берлинъ и снова поступилъ на службу; въ Берлинѣ, какъ извѣстно, онъ велъ самый нездоровый образъ жизни, отчего и умеръ, далеко не доживъ до 50-ти лѣтъ.

Такимъ образомъ, Перовскій имѣлъ полную возможность знать даровитаго романиста лично, и почти не могъ не подчиниться его литературному вліянію.

Война окончилась, и Алексѣй Перовскій возвратился въ отечество. Нѣтъ сомнѣнія, что, оставшись въ военной службѣ, онъ, при своихъ связяхъ, могъ бы надѣяться къ 40 годамъ достигнуть вожделѣннаго генеральскаго чина и виднаго положенія. Но 29-тилѣтній «герой» былъ, очевидно, свободенъ отъ той нѣжности къ мундиру, которая обуревала въ свое время Чацкаго, и уже въ 1816 году онъ смѣнилъ красивую лейбгвардейскую форму на чиновничій фракъ: въ ноябрѣ онъ перечислился въ надворные совѣтники, а 27-го декабря поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Въ этой должности Перовскій оставался болѣе пяти лѣтъ; на сколько усердно работалъ онъ, мы не знаемъ; судя по тому, что онъ, при всѣхъ своихъ связяхъ, не получилъ за все это время ни одного знака отличія [1]), скорѣе надо думать, что служба мало занимала его. Въ формулярѣ его не обозначены отпуски, но, безъ сомнѣнія, онъ пользовался ими нерѣдко [2]). Когда въ началѣ 20-хъ годовъ бывшій министръ, графъ Алексѣй Разумовскій медленно угасалъ въ Почепѣ, Алексѣй Перовскій почти постоянно находился при отцѣ [3]). Сюда пріѣзжалала дочь графа, княгиня Варвара Алексѣевна Репнина, безъ сомнѣнія, уже давно знакомая съ Перовскимъ, который въ Саксоніи состоялъ адъютантомъ ея мужа, и

---

[1]) Только въ 1819 г. онъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, да при отставкѣ въ 1822 году въ статскіе.

[2]) Г. Горленко (1. с. 116) говоритъ, что Перовскій около 1817 г. переселился въ Малороссію; это оказывается мало вѣроятно при сравненіи съ формулярнымъ спискомъ. Но сообщаемое имъ на основаніи неизвѣстныхъ намъ «фамильныхъ бумагъ», извѣстіе (стр. 112), что въ 1819 г. Перовскій ѣздилъ съ графомъ Разумовскимъ на Роменскую ярмарку, не можетъ внушать недовѣрія.

[3]) Васильчиковъ, 1. с. стр. 110; здѣсь авторъ называетъ Перовскаго старшимъ изъ «воспитанниковъ», а на стр. 112, кажется, болѣе правильно—вторымъ.

здѣсь у постели умирающаго отца, она, по разсказу дочери [1]), примирилась съ «близкою къ графу особою», т. е. съ матерью Перовскихъ. 5 апрѣля 1822 г. умеръ Разумовскій, а 8-го іюля Перовскій уже уволенъ по прошенію въ отставку; очевидно, что въ послѣднее время онъ числился на службѣ только въ угоду отцу.

Мягкая природа и проникнутая тихой поэзіей жизнь малороссійской деревни имѣютъ притягательную силу не для однихъ только уроженцевъ этихъ странъ; часто сѣверянинъ, проживъ нѣкоторое время въ Украйнѣ, привязывается къ ней сильнѣе, чѣмъ къ своей суровой и менѣе поэтичной родинѣ. Такъ было и съ Перовскимъ: природный москвичъ не захотѣлъ возвращаться на сѣверъ и поселился въ сельцѣ Погорѣльцахъ, которое фактически принадлежало ему (хотя по формуляру за нимъ никакого имѣнія не числилось [2]); здѣсь онъ прожилъ около 3-хъ лѣтъ. Вотъ какъ онъ самъ немного позднѣе описываетъ свою деревню: «Въ сѣверной Малороссіи—въ той части, которую по произволу можно назвать и лѣсною и песчаною, потому что названія эти равно ей приличны—находится село П***. Среди онаго на постепенно возвышающемся холмѣ, расположенъ большой садъ въ англійскомъ вкусѣ, къ которому съ сѣверной стороны примыкаетъ пространный дворъ, обнесенный каменной оградою; на дворѣ помѣщичій домъ съ принадлежащими къ нему строеніями. Изъ однихъ окошекъ дома виденъ садъ, изъ другихъ видна улица, а по

---

[1]) См. Васильчиковъ, 1. с. II, 110—111.

[2]) Г. Горленко (1. с. 115) говоритъ, что Перовскій, еще при жизни отца, самъ выбралъ себѣ это имѣніе, удививъ всѣхъ скромностью своего выбора. Здѣсь же сообщаетъ онъ еще слѣдующія интересныя, но, къ сожалѣнію, не подтвержденныя документами подробности: „Въ погорѣльскихъ дачахъ находились корабельные лѣса, изъ которыхъ Перовскій сплавлялъ лѣсъ по притокамъ Днѣпра и по Днѣпру внизъ въ строившійся тогда (?) Николаевъ. Изъ этого матеріала построено было много (?) кораблей на николаевскихъ верфяхъ. Перовскій былъ близокъ съ извѣстнымъ адмираломъ Мордвиновымъ, другомъ и душеприказчикомъ графа Разумовскаго и, вѣроятно, по его указаніямъ и сплавлялъ свои лѣса во вновь строющійся (?) городъ. Назначенный Разумовскимъ ближайшимъ исполнителемъ его воли (а Мордвиновъ?), будущій писатель нажилъ себѣ не мало хлопотъ. Чтобы найти защиту отъ клеветниковъ, онъ обратился съ письмомъ къ императору Александру I. Императоръ поручилъ В. П. Кочубею написать Перовскому, что всѣ дѣйствія его во время болѣзни и кончины графа, какъ основанныя на чести и справедливости, онъ одобряетъ. Въ правахъ наслѣдства Перовскіе были утверждены комитетомъ министровъ съ одобренія императора“.

ту сторону улицы зеленѣются коноплянники, составляющіе главный доходъ жителей тамошняго края. Холмъ окруженъ крестьянскими избами, выстроенными въ порядкѣ и украшенными (на рѣдкость въ той странѣ) каменными трубами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ села, густой сосновый лѣсъ закрываетъ виды вдаль» (изд. Смирдина, II, 7—8).

А вотъ какова была его наружность, тоже по его собственнымъ словамъ:

«Дверь отворилась безъ скрипу и вошелъ въ комнату мужчина среднихъ лѣтъ и росту повыше средняго. Волосы его были кудрявые, глаза голубые, губы довольно толстыя и носъ вздернутый немного кверху. Онъ поклонился весьма ласково, и когда подходилъ ко мнѣ ближе, то я замѣтилъ, что онъ немного прихрамываетъ на правую ногу» (ibid., 12—13).

Въ Погорѣльцахъ Перовскій собралъ хорошую библіотеку, много читалъ и началъ свою самостоятельную литературную дѣятельность подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго [1]).

Въ 1825 году, въ мартовской книжкѣ «Новостей Литературы», издаваемыхъ Воейковымъ, какъ приложеніе къ «Инвалиду», напечатана повѣсть Антонія Погорѣльскаго: «Лафертовская маковница». Вотъ въ двухъ словахъ ея содержаніе:

У московскаго почтальона Онуфрича и его жены Ивановны есть дочка Машенька, хорошенькая дѣвушка, но по бѣдности не имѣющая возможности найти себѣ жениха. У того же Онуфрича въ Лафертовѣ живетъ старая-престарая тетка, имѣющая два промысла, одинъ явный— продажу маковыхъ пряниковъ, а другой тайный и гораздо болѣе доходный — гаданье и ворожбу. Старуху считаютъ колдуньей, и честный Онуфричъ давно уже прервалъ съ ней всякія сношенія,

---

[1]) До тѣхъ поръ, кромѣ вышеуказанныхъ 3-хъ лекцій, сколько я могъ разыскать, при помощи В. И. Саитова, Перовскій напечаталъ только стихотворный переводъ оды Горація къ Тиндаридѣ (I, VI), начинающійся такъ:

„Не рѣдко рѣзвый Фавнъ любезный свой Ликей
„На холмъ пріятнаго Лукретила мѣняетъ;
„Онъ рѣзвыхъ козъ моихъ отъ пламенныхъ лучей,
„Отъ бурь дождливыхъ охраняетъ“ и т. д.

Переводъ съ полною подписью Перовскаго напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ Греча за 1820 годъ (часть 65, стр. 87—89). Любопытно, что та же ода и въ томъ же журналѣ переведена въ другой разъ—Олинымъ. Она, очевидно, нравилась людямъ, расположеннымъ къ деревенской идилліи.

чѣмъ была недовольна Ивановна, сильно озабоченная счастіемъ дочери. Разъ, воспользовавшись отсутствіемъ мужа, она повела свою Машу на поклонъ къ бабушкѣ. Та сперва встрѣтила гостей бранью и проклятіями, но потомъ смягчилась и обѣщала осчастливить Машу, если та будетъ слѣдовать ея приказаніямъ. На другой день, поздно ночью, несмотря на свой страхъ и отвращеніе, Маша должна одна отправиться къ теткѣ. Та приняла ее ласково и скоро начала свои манипуляціи: она подвинула столъ на середину комнаты, зажгла темно-алую свѣчу, отчего все освѣтилось розовымъ свѣтомъ и по воздуху протянулись какія-то красныя нити, и стала съ причитаньями ходить вокругъ стола, водя за собою Машу, которая отъ страха крѣпко зажмурилась. Когда же дѣвушка открыла глаза, она увидала, что черный бабушкинъ котъ стоитъ на заднихъ лапахъ въ зеленомъ мундирномъ сюртукѣ, и лицо у него какъ будто человѣческое; Маша упала въ обморокъ. Когда она опомнилась, старуха пожурила ее за робость, но объявила ей, что дѣло окончено благополучно: она нашла внучкѣ хорошаго жениха, который всему научитъ ее и поможетъ ей увеличить бабушкино богатство; теперь же старуха повѣсила ей на шею ключъ отъ своихъ сокровищъ. Когда Маша разсказала все матери, та была въ полномъ восторгѣ и запретила говорить объ этомъ отцу. Черезъ нѣкоторое время Онуфричъ получилъ извѣстіе о смерти тетки и переѣхалъ съ семьей въ доставшійся ему по наслѣдству домъ маковницы. Между тѣмъ Маша успѣла полюбить одного молодого и небогатаго приказчика, который тоже видимо ухаживалъ за нею съ самыми честными намѣреніями; но мать ея, Ивановна, такъ увлеклась мечтами объ обѣщанномъ богатствѣ, что Маша не рѣшилась открыть ей своего сердца. Въ одинъ прекрасный день Машѣ объявляютъ, что у ея отца находится гость, имѣющій дѣло и до нея. Она входитъ въ комнату и видитъ, что на скамьѣ сидитъ мужчина небольшого роста, въ зеленомъ мундирномъ сюртукѣ. Только Маша увидала его лицо, какъ въ ужасѣ закричала: «Батюшка! да это бабушкинъ черный котъ!»—«Съ ума ты сошла!»—отвѣчаетъ Онуфричъ.—«Какой котъ? Это господинъ титулярный совѣтникъ Аристархъ Фалалѣевичъ Мурлыкинъ, который дѣлаетъ тебѣ честь и проситъ руки твоей».

Дальше можно не разсказывать; достаточно прибавить, что Маша, съ удовольствіемъ отказавшаяся отъ ненавистнаго богатства

и бросившая ключъ въ колодецъ, благополучно выходитъ замужъ за своего возлюбленнаго.

Всякій, кто знакомъ съ Гофманомъ, сейчасъ же увидитъ въ «Маковницѣ» слѣды вліянія знаменитаго нѣмецкаго фантаста. Необходимо признать, что продукты фантастики личнаго поэта тогда только имѣютъ успѣхъ, когда онъ пользуется тѣми же пріемами, какіе употребляла фантазія народа при созданіи миѳовъ и сагъ. Что такое миѳологія, какъ не результатъ перенесенія человѣкомъ своего внутренняго міра, своихъ человѣческихъ свойствъ, на міръ внѣшній, на существа иного порядка? Созданія Гофмана потому и вѣчно юны, что онъ, какъ и народъ въ своихъ сказкахъ, оживляетъ и очеловѣчиваетъ всю природу; звѣри, насѣкомыя, растенія, куклы, по мановенію его волшебной палочки превращаются въ совершенныхъ людей, но удерживаютъ при этомъ специфическія черты и свойства своей прежней формы. То же мы видимъ и въ бабушкиномъ котѣ, который и въ зеленомъ мундирѣ, и въ чинѣ титулярнаго совѣтника удержалъ свои мягкія, коварныя манеры и страхъ передъ чужими собаками.

Не трудно указать сказку Гофмана, канва которой повліяла на «Лафертовскую маковницу»; это, повидимому, «Королевская невѣста» (изъ «Серапіоновыхъ братьевъ»), гдѣ за простую, миленькую дѣвушку сватается очеловѣченная морковь и также сватается неудачно. Но этотъ фактъ литературнаго заимствованія не превращаетъ Погорѣльскаго въ жалкаго подражателя, такъ же какъ связь «Капитанской дочки» Пушкина съ «Эдинбургской темницей» В. Скотта не умаляетъ достоинства Пушкина; какъ «Капитанская дочка»—чисто русская повѣсть, такъ «Лафертовская маковница»—русская по обстановкѣ и тону романтическая сказка, очень милая и забавная даже и теперь.

Очень любопытно примѣчаніе отъ редакціи, которымъ классикъ Воейковъ снабдилъ этого первенца Погорѣльскаго. «Благонамѣренный авторъ сей русской повѣсти, вѣроятно, имѣлъ здѣсь цѣлію показать, до какой степени разгоряченное и съ дѣтскихъ лѣтъ сказками о вѣдьмахъ напуганное воображеніе представляетъ всѣ предметы въ превратномъ видѣ». Затѣмъ редакція пытается дать разумное объясненіе для всѣхъ чудесъ повѣсти: алая свѣча, по ея мнѣнію, вѣроятно, была сдѣлана изъ воску съ примѣсью марены, запахъ которой и одурманилъ суевѣрную дѣвушку; котъ, очевидно,

ходилъ за старухой и мурлыкалъ, и послѣ того бѣдной Машѣ повсюду мерещился этотъ котъ; г. Мурлыкинъ, ненавистный ей женихъ, былъ, на бѣду свою, черноволосъ и т. д. Въ заключеніе редакція извиняетъ суевѣріе простого народа, но глубоко возмущается успѣхомъ ворожей среди свѣтскихъ дамъ.

Какая наивная попытка разсудочной критики противостать начинающемуся разгулу романтической фантазіи!

А вотъ какое впечатлѣніе произвела «Маковница» на величайшаго поэта новой школы.

«Душа моя!»—пишетъ брату Пушкинъ 27 марта, очевидно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что прочитанной книжки «Новостей»: «Что за прелесть бабушкинъ котъ! Я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть; теперь только и брежу Аркадіемъ Фалалѣевичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?»

Въ томъ же 1825 г., когда Антоній Погорѣльскій выступилъ на литературное поприще, Алексѣй Перовскій вновь вступилъ на поприще служебное, на этотъ разъ болѣе обширное и вполнѣ достойное доктора философіи Московскаго университета. Въ то время министромъ просвѣщенія, послѣ удаленія князя Голицына, сталъ извѣстный Александръ Семеновичъ Шишковъ, уже 80-тилѣтній старикъ, но все еще довольно бодрый и энергичный въ дѣлахъ и пользовавшійся за свои прежнія заслуги, а также за свою прямоту и откровенность, большимъ авторитетомъ. На важные посты попечителей онъ естественно желалъ назначать прежде всего людей съ высшимъ образованіемъ, съ любовью къ литературѣ и ему, Шишкову, единомышленныхъ. Перовскій, когда-то усердный посѣтитель Кутузова, человѣкъ гуманный, много учившійся и много видавшій, блистательно доказавшій свой патріотизмъ въ 1812 г., показался ему подходящимъ для должности харьковскаго попечителя. Конечно, Шишковъ велъ сперва по этому поводу съ Перовскимъ переговоры частнымъ путемъ; затѣмъ, 10 іюня, обратился къ нему съ офиціальнымъ письмомъ, которое сохранилось въ архивѣ Харьковскаго университета [1]). Вотъ это письмо:

[1]) За сообщеніе дѣла о попечительствѣ Перовскаго въ Харьковѣ приношу мою глубокую благодарность профессору этого университета, Амфіану Степановичу Лебедеву.

«Милостивый Государь мой, Алексѣй Алексѣевичъ, Его Императорское Величество высочайшимъ указомъ своимъ, въ 3-й день мая сего года Правительствующему Сенату даннымъ, всемилостивѣйше уволивъ г. дѣйств. с. с. Карнѣева отъ должности попечителя Харьковскаго учебнаго округа, высочайше повелѣлъ быть Вамъ исправляющимъ должность попечителя сего округа съ производствомъ Вамъ столовыхъ денегъ по 3600 рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства.

«Посему, препровождая къ Вамъ, Милостивый Государь мой, копію съ полученнаго мною о семъ изъ Правительствующаго Сената указа, предлагаю Вамъ вступить въ должность по новому званію Вашему и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляю Васъ, что я отнесся къ бывшему г. попечителю объ учиненіи распоряженія, чтобы всѣ дѣла по Харьковскому учебному округу и по гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, въ канцеляріи попечителя находящіяся, были препровождены по почтѣ въ Харьковскій университетъ которому предложено отъ меня, по полученіи сихъ дѣлъ, доставить оныя къ Вамъ. Равнымъ образомъ предложилъ я какъ университету, такъ и гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, отнынѣ и во всѣхъ случаяхъ относиться и дѣлать представленія къ Вамъ. Посему остается Вамъ увѣдомить сіи учебныя заведенія, куда они должны адресовать свои представленія, дабы оныя могли безпрепятственно доходить до Васъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ» и пр.

Изъ подчеркнутыхъ словъ очевидно, что предшественникъ Перовскаго не жилъ въ Харьковѣ, и что министръ, не находя въ этомъ ничего дурного, предполагалъ, что и Перовскій можетъ жить у себя въ деревнѣ.

Въ то время подобный абсентеизмъ начальства былъ явленіемъ весьма обычнымъ; извѣстно, напримѣръ, что Пестель нѣсколько лѣтъ генералъ-губернаторствовалъ въ Сибири, проживая въ Петербургѣ.

Перовскій, повидимому, самъ находилъ такой порядокъ на первое время возможнымъ: отвѣчая на письмо министра 28-го іюня, онъ въ тотъ же день увѣдомляетъ о своемъ вступленіи въ должность совѣтъ Харьковскаго университета и проситъ ректора вы-

слать ему въ Погорѣльцы канцелярію его предшественника [1]); но въ томъ же письмѣ къ ректору онъ справляется о попечительской квартирѣ въ Харьковѣ и о возможности меблировать ее.

Проведя около мѣсяца въ Погорѣльцахъ за изученіемъ дѣлъ округа, Перовскій въ началѣ августа отправился въ Харьковъ, гдѣ и познакомился съ чинами университета и студентами; а въ концѣ того же мѣсяца онъ задумалъ предпринять объѣздъ округа.

Нѣтъ сомнѣнія, что по своему образованію, жизненному опыту, положенію и по многимъ душевнымъ качествамъ, Перовскій могъ быть очень хорошимъ попечителемъ: прекрасный классикъ (не въ смыслѣ слѣпого поклонника латинской грамматики, а въ смыслѣ человѣка, развившаго свой умъ и вкусъ на изученіи древнихъ), основательный, по тогдашнему, психологъ [2]), съ большою наклонностью къ наблюденію, съ независимымъ отъ службы состояніемъ и связями въ Петербургѣ, съ искренней любовью къ молодежи, но безъ преклоненія передъ ея естественными слабостями [3]), видавшій въ ранней молодости на примѣрѣ Кутузова, какъ не слѣдуетъ управлять округомъ, узнавшій потомъ лучшую въ то время въ мірѣ школу—саксонскую, онъ могъ бы принести много пользы на этомъ посту, даже не проявляя особенной служебной энергіи (которой, повидимому, не было въ его характерѣ), одною, такъ сказать, инерціей своихъ добрыхъ свойствъ, еслибъ подольше оставался на мѣстѣ и при дѣлѣ. Но обстоятельства не благопріятствовали харьковскому округу.

Прежде чѣмъ заняться осмотромъ учебныхъ заведеній, Перовскому пришлось скакать въ Таганрогъ, чтобы привести «по возможности» въ порядокъ таганрогскую коммерческую гимназію къ пріѣзду императора Александра I. Едва вернувшись въ Харьковъ, онъ узнаетъ, что государь пріѣдетъ въ Таганрогъ раньше, нежели думали прежде, и спѣшитъ его встрѣтить [4]). Государь осмотрѣлъ

---

[1]) Бумаги были высланы ему въ два пріема: одинъ разъ—22 тюка, другой—14.

[2]) См. его разсужденіе о свойствахъ ума и о наклонностяхъ въ „Двойникѣ", вечеръ 4-й.

[3]) См. напр., его разсужденіе о современномъ esprit fort'измѣ по смирд. изд., II, 232.

[4]) Перовскій пріѣхалъ въ Таганрогъ 20-го сентября, одновременно съ гр. Воронцовымъ. См. Воспом. Шенига. «Русск. Арх.», 1880, III, 272.

гимназію только 3-го октября, и Перовскому удалось ее «представить Его Величеству въ довольно хорошемъ порядкѣ, какъ только по ветхости строенія и скудности училища ожидать было можно» [1]).

Возвратившись 10-го октября въ Харьковъ, Перовскій пишетъ министру, что онъ считаетъ необходимымъ какъ можно больше заниматься дѣлами университета и поэтому въ округъ уѣзжать будетъ ненадолго и, осмотрѣвъ одну губернію, будетъ возвращаться снова въ Харьковъ.

Въ самомъ началѣ 1826 г., когда тѣло государя Александра I провозили черезъ Харьковъ, между Перовскимъ и губернскимъ предводителемъ дворянства Квиткою произошло довольно курьезное столкновеніе по поводу участія профессоровъ и дворянъ въ процессіи: кому идти впереди. По словамъ современника Шенига [2]), «положили идти рядомъ оба начальника и оба сословія попарно». Очевидно, что Перовскій уже успѣлъ сжиться съ университетомъ и принималъ къ сердцу его интересы.

Близко ознакомившись съ положеніемъ университета, Перовскій нашелъ его «столь бѣднымъ во всѣхъ почти отношеніяхъ и столь мало соотвѣтствующимъ самымъ умѣреннымъ ожиданіямъ», что онъ не рѣшился даже представить офиціальнаго отчета о его состояніи, не переговоривъ предварительно съ министромъ; вслѣдствіе чего и проситъ отпуска въ Петербургъ [3]). Шишковъ не замедлилъ изъявить свое согласіе, и 9-го марта Перовскій двинулся на сѣверъ, поручивъ завѣдованіе своей канцеляріей экстра-ординарному профессору Байкову.

Находясь въ Петербургѣ, Перовскій, по засвидѣтельствованію

---

[1]) Письмо министру отъ 5-го октября.

[2]) «Русск. Арх.», I. с. 288.

[3]) Бѣдность Харьковскаго университета, такъ поразившая Перовскаго почти 70 лѣтъ назадъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи помѣщенія, сдѣлалась чѣмъ-то традиціоннымъ и неизбѣжнымъ. Авторъ настоящей статьи преподавалъ въ немъ около 9 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ тамъ перебывало не мало начальственныхъ лицъ; всякій новый попечитель, осмотрѣвъ зданіе, непремѣнно поражался бѣдностію помѣщенія «столь мало соотвѣтствующаго даже самымъ умѣреннымъ ожиданіямъ», обѣщалъ употребить самыя энергическія усилія для его улучшенія и, безъ сомнѣнія, употреблялъ ихъ; а помѣщеніе, за исключеніемъ немногихъ прибавокъ, кажется остается все то же самое.

министра о его ревностной и полезной службѣ, былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и утвержденъ въ должности попечителя (1-го мая 1826 г.) [1]).

Черезъ двѣ недѣли послѣ повышенія, Перовскій, очевидно, произведшій хорошее впечатлѣніе въ Петербургѣ, былъ назначенъ членомъ комитета по устройству учебныхъ заведеній.

Петербургская жизнь въ большихъ чинахъ стоила не дешево и, повидимому, для поправленія обстоятельствъ, Перовскій прибѣгъ къ способу, конечно, далеко не аристидовскому, но съ русской чиновничьей точки зрѣнія, очевидно, не представлявшему ничего необычнаго, тѣмъ болѣе ничего безнравственнаго. Офиціальнымъ письмомъ, отъ 11 іюля 1826 г., Перовскій заявляетъ министру, что ему, по дѣламъ службы, нужно ѣхать въ Харьковъ и испрашивалъ на путевыя издержки 3000 рублей; а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ намѣренія ѣхать дальше Москвы, какъ видно изъ его заявленія почтамту, который онъ проситъ всѣ письма, пакеты и пр. пересылать въ Москву, на Басманную, въ домъ генералъ-маіорши Денисьевой (т. е. его матери).

Служба Перовскаго и во время его отсутствія изъ Петербурга шла очень хорошо: въ августѣ 1826 г. онъ получилъ Владиміра 2-й степени, а въ сентябрѣ ему повелѣно быть предсѣдателемъ комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, онъ возвратился въ Петербургъ и оставался тамъ, повидимому, безвыѣздно всю зиму. Отъ октября 1826 г. до февраля 1827 г., комитетъ, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, рѣшалъ судьбу грамматики Греча [2]) и споръ послѣдняго съ академіей. Перовскій, какъ предсѣдатель, внѣшнимъ образомъ руководилъ дѣломъ, но, повидимому, не былъ въ немъ заинтересованъ лично, а

---

[1]) По этому случаю Перовскій получилъ рядъ поздравительныхъ писемъ отъ подчиненныхъ, которыя приложены къ дѣлу о его попечительствѣ. Приводимъ письмо ректора Джунковскаго, какъ прекрасный образецъ... служебной реторики того времени. «В. П—о! м. г. Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю для себя принести В. П—ву усерднѣйшее поздравленіе съ высокомонаршей милостью, которая тѣмъ болѣе обрадовала всѣхъ насъ, что милости, изливаемыя отъ высочайшаго престола на начальниковъ, ободряютъ духъ и въ самыхъ подчиненныхъ, подобно какъ благополучіе родителей радуетъ сердца добрыхъ дѣтей».

[2]) См. проф. Кочубинскаго: «Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія». Одесса, 1887—1888, стр. 191 и слѣд. и Приложенія.

хлопоталъ только о томъ, чтобы ученые мужи не совсѣмъ перегрызлись.

Весною 1827 г., Перовскій просится на три мѣсяца за границу, въ Карлсбадъ. Увѣрившись изъ письма министра, что онъ своевременно получитъ отпускъ, онъ поѣхалъ сперва въ Погорѣльцы, а оттуда въ Харьковъ, гдѣ и далъ предложеніе университету о томъ, что, по Высочайшему повелѣнію, во время его отсутствія всѣ его обязанности будетъ исполнять членъ главнаго училищнаго управленія, графъ М. Ю. Вьельгорскій. Во второй половинѣ іюня Перовскій поѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ не три мѣсяца, а почти вдвое болѣе [1]); по возвращеніи онъ снова поселился въ Петербургѣ, и въ Харьковъ, судя по имѣющимся у насъ подъ руками документамъ, болѣе не ѣздилъ. Чтобы покончить съ службой карьерой Перовскаго, скажемъ только, что послѣ перемѣны министерства (въ 1828 г. Шишкова замѣнилъ генералъ, князь Ливенъ) онъ, повидимому, больше числился на службѣ, чѣмъ служилъ, и 20 марта 1830 г. былъ уволенъ по прошенію въ отставку безъ всякой особой награды.

Но если Перовскій и на этотъ разъ мало былъ увлеченъ петербургской службой, зато онъ отдался литературѣ съ такой энергіей, какой трудно было и ожидать отъ него. Петербургская литература въ моментъ его переселенія въ столицу переживала очень важный кризисъ. Близился конецъ царству Булгарина и Греча и ихъ приспѣшниковъ; не нынче-завтра налетитъ Пушкинъ, который разсыплетъ ихъ, какъ вѣтеръ осенніе листья; газеты и журналы, рекламирующіе купцовъ и булочниковъ, и красивенькіе альманахи скоро смѣнятся «Литературной Газетой» барона Дельвига, а потомъ и «Современникомъ» Пушкина. Въ этомъ-то кризисѣ Перовскій, какъ мы сейчасъ увидимъ, принималъ весьма сильное участіе, отчасти активно, отчасти пассивно.

Въ 1828 г. выходитъ книга Антонія Погорѣльскаго: «Двойникъ или мои вечера въ Малороссіи» [2]). Это рядъ повѣстей и разсказовъ, связанныхъ между собою разговорами автора съ его двойникомъ, то шутливыми, то серьезными, по содержанію крайне разнообразными, форма, хорошо всѣмъ извѣстная

---

[1]) Предложеніе министра о вступленіи Перовскаго снова въ должность помѣчено 10 января 1828 г.

[2]) СПб. При Императорской Академіи Наукъ. 2 части.

изъ «Серапіоновыхъ братьевъ» Гофмана. Между мелкими разсказами много легендъ о привидѣніяхъ, о явленіяхъ послѣ смерти, о сбывшихся и несбывшихся предсказаніяхъ; между повѣстями мы находимъ на третьемъ мѣстѣ старую знакомую—«Лафертовскую маковницу», а прежде нея «Исидора и Анюту», написанную, повидимому, значительно ранѣе, въ слащаво-нѣжномъ тонѣ Карамзина, и повѣсть «Автоматъ», представляющую явное подражаніе Гофману; четвертая и послѣдняя повѣсть, страшная и маловѣроятная исторія о человѣкѣ, воспитанномъ обезьяной. Въ общемъ, «Двойникъ» есть полный манифестъ русской романтической школы, которая отъ своей нѣмецкой матери отличается бо́льшимъ реализмомъ и сдержанностью.

Въ это время борьба между старовѣрами, членами «Бесѣды», и реформаторами, сторонниками Карамзина, была уже давно окончена, и шишковисты, осмѣянные, сходили со сцены. Но въ новомъ литературномъ поколѣніи возникъ въ свою очередь расколъ; двѣ арміи стояли вполнѣ готовыя къ бою и отъ времени до времени обмѣнивались выстрѣлами. Булгаринъ и Гречъ съ непоколебленной еще «Сѣверной Пчелой», какъ представители утилитарнаго и реальнаго направленія, стояли во главѣ одной арміи; баронъ Дельвигъ, Сомовъ и другіе пріятели Пушкина—въ другой. Фаддей Булгаринъ—фигура, въ нравственномъ отношеніи, какъ всѣмъ извѣстно, не очень красивая,—представлялъ довольно крупную литературную силу, съ которой нельзя было не считаться. Онъ не былъ врагомъ романтизма по принципу; какъ человѣкъ очень неглупый и начитанный, онъ ясно видѣлъ, что пѣсенка чистаго классицизма спѣта, и многія его повѣсти по сюжетамъ романтичны до крайности. Булгарину нельзя отказать и въ довольно развитомъ вкусѣ, по крайней мѣрѣ относительно формы, и безспорно изящныя вещи, кромѣ исключительныхъ случаевъ, удостоивались его полнаго одобренія. Но этотъ довольно талантливый и одно время очень вліятельный литераторъ-беллетристъ не только не былъ поэтомъ, а даже былъ лишенъ, если можно такъ выразиться, того органа, которымъ человѣкъ чувствуетъ поэзію. Беллетристика, по его убѣжденію, должна забавлять и поучать, и отъ всякаго поэтическаго произведенія онъ прежде всего требуетъ правильнаго, вполнѣ литературнаго изложенія, а потомъ полезной цѣли.

Это онъ, Фаддей Булгаринъ, спрашиваетъ поэта:

„Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ,
„Напрасно ухо поражая?
„Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?“

И если не получаетъ отвѣта на этотъ вопросъ, или не можетъ самъ найти таковаго, объявляетъ его пѣснь безплодной и пригодной развѣ только для развитія вкуса учащейся молодежи. Вотъ почему онъ становится во главѣ враговъ чистой романтики, и вотъ тотъ интересный въ исторіи литературы пунктъ, гдѣ вымирающій классицизмъ, какъ поэзія разума, сходится съ позднѣйшей реальной и тенденціозной беллетристикой.

Для Погорѣльскаго не могло быть безразлично, какъ отнесется къ его первой книжкѣ органъ Булгарина «Сѣв. Пчела». Булгаринъ, конечно, прекрасно зналъ, кто скрывается подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго, и личныя выгоды, которыхъ Ѳаддей Венедиктовичъ никогда не упускалъ изъ виду, должны были помѣшать ему, что называется, отдѣлать повѣсти дѣйствительнаго статскаго совѣтника и предсѣдателя ученаго комитета; впрочемъ, на этотъ разъ онъ и не долженъ былъ входить въ сдѣлку съ совѣстью: онъ очень высоко цѣнилъ правильный и чистый литературный языкъ, а «Двойникъ» въ этомъ отношеніи былъ безупреченъ.

Вотъ какъ начинаетъ свою рецензію Булгаринъ [1]): «Въ сей книжкѣ заключаются оригинальныя русскія повѣсти, разсказанныя умно, легко, пріятно, слогомъ живымъ, натуральнымъ, языкомъ чистымъ и правильнымъ. Содержаніе ихъ можетъ быть названо правдоподобными небылицами. Авторъ искусно воспользовался разными повѣрьями, темными слухами и суевѣрными разсказами о несбыточныхъ происшествіяхъ, будто бы случавшихся съ людьми въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, и передалъ намъ ихъ еще искуснѣе, умѣя возбуждать любопытство и поддерживать оное до самой развязки» и т. д. Въ этихъ явныхъ похвалахъ нельзя не видѣть скрытнаго желанія уронить книгу за романтичность содержанія.

Въ самомъ концѣ 1828 г., Алексѣй Перовскій былъ предложенъ Шишковымъ въ члены Россійской Академіи вмѣстѣ съ Мордвиновымъ, Казадаевымъ и Броневскимъ, въ виду ихъ «основательныхъ, доказанныхъ сочиненіями, свѣдѣній въ отечественномъ языкѣ».

---

[1]) «Сѣв. Пчела», 1828 г., мартъ, № 38.

Выборъ состоялся 12-го января 1829 г.; очевидно, что Шишковъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не въ интересахъ своей уже разсыпавшейся партіи.

Въ началѣ того же 1829 года, Антоній Погорѣльскій выпустилъ въ свѣтъ небольшую книжку, подъ названіемъ: «Черная курица, или подземные жители, волшебная повѣсть для дѣтей», которую онъ, по преданію, написалъ для своего племянника и воспитанника, будущаго поэта графа Алексѣя Толстого; сюжетъ и нѣкоторыя подробности отчасти заимствованы изъ Ламотъ Фуке, отчасти изъ Гофмана и изъ народныхъ нѣмецкихъ сказаній о гномахъ—подземныхъ жителяхъ, но все это очень недурно приспособлено къ русской жизни. Содержаніе въ двухъ словахъ слѣдующее: воспитанникъ нѣмецкаго пансіона на Васильевскомъ островѣ, очень добрый мальчикъ Алеша спасаетъ отъ поварского ножа черную курочку, принадлежащую директору пансіона; курица оказывается министромъ короля подземнаго царства и въ благодарность показываетъ Алешѣ чудеса этого царства, и потомъ, по настойчивой просьбѣ мальчика, даритъ ему зернышко, обладаніе которымъ даетъ возможность Алешѣ знать всѣ уроки, не уча; но владѣтель никому не долженъ говорить объ этомъ; если онъ нарушитъ это условіе, зернышко потеряетъ свою силу, а жители подземнаго царства подвергнутся великому бѣдствію. Алеша пользуется чудеснымъ даромъ очень неумѣренно: онъ совсѣмъ не учитъ уроковъ, а между тѣмъ, слава о его необыкновенныхъ способностяхъ разносится по всему Петербургу; онъ гордится этими незаслуженными похвалами и шалитъ выше всякой мѣры; развязку угадать не трудно: въ концѣ концовъ Алеша принужденъ разсказать тайну курицы, чѣмъ, конечно, не спасаетъ себя отъ заслуженнаго наказанія. Но авторъ съумѣлъ закончить нравоучительную повѣсть примирительнымъ аккордомъ; наказаніе и сознаніе своей вины передъ курицей-министромъ исправили Алешу отъ его недостатковъ.

Въ этомъ году романтики настолько собрались съ силами, что стали издавать свой журналъ подъ названіемъ «Бабочка», въ самомъ имени котораго уже замѣтно стремленіе противодѣйствовать «Пчелѣ». Въ «Бабочкѣ» много переводовъ съ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго, много разсказовъ о двойникахъ, видѣніяхъ, суевѣріяхъ и, что очень характерно, довольно много этнографиче-

скаго матеріала [1]); въ «Бабочкѣ» участвовалъ и Перовскій, подъ своимъ обычнымъ псевдонимомъ [2]).

Въ «Бабочкѣ» (№ 10), разумѣется, появилась самая похвальная рецензія о «Черной курицѣ», да и «Сѣверная Пчела» на этотъ разъ не отстала отъ органа романтиковъ. Но какъ характерно различны по исходнымъ точкамъ отзывы двухъ журналовъ! Рецензентъ «Бабочки» говоритъ, что онъ нарочно читалъ эту повѣсть дѣтямъ разнаго возраста вмѣстѣ; всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ; когда потомъ рецензентъ спросилъ, на чьемъ мѣстѣ хотѣлъ бы быть всякій изъ слушателей, то самый умный сказалъ, что онъ желалъ бы быть на мѣстѣ автора: «такъ пріятно разсказывать, когда тебя слушаютъ съ удовольствіемъ». Вотъ взглядъ чистаго искусства. А вотъ взглядъ реализма и тенденціозности: «Авторъ «Двойника»,—говоритъ «Сѣверная Пчела», написалъ сію прекрасную нравоучительную сказку, которая пріятно займетъ не однихъ дѣтей, но и взрослыхъ любителей изящной прозы... Малолѣтніе въ ней найдутъ забаву и наставленіе, какъ хорошо дѣлать добро и какъ дурно тщеславиться незаслуженными похвалами».

За эту любезность Перовскій отплатилъ Булгарину, кажется, «черной неблагодарностью»; въ томъ же 1829 году вышелъ давно ожидаемый и когда-то знаменитый романъ Булгарина: «Иванъ Выжигинъ», романъ вполнѣ реальный (генетически связанный съ такъ называемыми мошенническими романами испанцевъ) и, какъ былъ убѣжденъ его авторъ, въ высшей степени поучительный. Друзья, конечно, встрѣтили его хоромъ похвалъ, романтики—презрительной миной. Въ «Бабочкѣ» появилась чья-то очень неглупо и умѣренно написанная статья объ «Иванѣ Выжигинѣ», подписанная тремя буквами: й, ъ, й, которыя какъ разъ подходятъ и къ настоящему имени, и къ псевдониму Перовскаго. Умѣренно похваливъ новый романъ за слогъ, нѣкоторыя описанія и нрав-

---

[1]) Напримѣръ, въ №№ 50 и 51 помѣщена статья Медвѣдева: «Свадебный обрядъ въ Псковской губерніи», за которую редакція печатно выражаетъ свою благодарность составителю.

[2]) Въ №№ 17 и 18 Антоній Погорѣльскій перевелъ съ англійскаго ультра романтическую повѣсть: «Посѣтитель маглка» (Вѣчный жидъ у Агриппы), за которую издатель засвидѣтельствовалъ печатно «почтенному автору «Двойника» свою живѣйшую благодарность».

ственныя мысли, рецензентъ порицаетъ «Выжигина» за массу преувеличеній и несообразностей и за неумѣнье воспользоваться благодарною формою романа. Всего же обиднѣе Булгарину былъ, безъ сомнѣнія, общій тонъ статьи: къ его знаменитому произведенію относятся, какъ къ чему-то заурядному, обыкновенному!

Но романтики могли, сколько имъ угодно, игнорировать «Выжигина», а Булгаринъ все же имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ успѣхомъ романа: онъ принесъ ему массу денегъ, читался всѣми сословіями и уже переводился на нѣмецкій языкъ; враги не могли въ своихъ рядахъ указать ему соперника. Наконецъ, таковой явился въ «Монастыркѣ» того же Антонія Погорѣльскаго. Но прежде чѣмъ перейти къ ней, нужно указать, какъ подготовлялось ея появленіе.

Въ 1830 году «Бабочка» прекратилась, а на мѣсто ея появилась «Литературная Газета», издаваемая барономъ Дельвигомъ, лучшимъ другомъ Пушкина, при ближайшемъ участіи поэта. Въ «Литературной Газетѣ» господствуетъ направленіе романическое: въ ней много переводовъ изъ Вальтера Скотта, Виктора Гюго, изъ Байрона и изъ Гофмана. Уже съ № 1 въ ней появляется Антоній Погорѣльскій съ отрывкомъ романа «Магнетизёръ», который продолжается и въ № 2. «Магнетизёръ» такъ и остался отрывкомъ [1]) и любопытенъ только какъ попытка романа во вкусѣ новой школы. Дѣйствіе происходитъ въ Пермской губерніи въ Екатеринбургѣ и начинается домашней сценкой за чайнымъ столомъ, простого, но интеллигентнаго купца. Дочь этого купца, Пашенька, повидимому, будущая героиня романа, воспитывалась въ Петербургѣ; услыхавъ, что отецъ ея, по поводу прочитаннаго въ книжкѣ журнала, заговорилъ о магнетизмѣ, она разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ магнетизёромъ-итальянцемъ. Очевидно, романъ долженъ былъ рисовать картинки изъ русской жизни, но имѣлъ придать имъ романическій интересъ посредствомъ введенія чудеснаго. Романъ, что называется, не вытанцовался, и Погорѣльскій его бросилъ.

Въ № 11, въ отдѣлѣ смѣси, редакція «Литературной Газеты» сообщаетъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ романа Антонія Погорѣльскаго «Монастырка» и заранѣе расхваливаетъ «живость картинъ, вѣрность описаній, счастливо схваченныя черты нравовъ

---

[1]) По изд. Смирдина см. II, 299—317.

Малороссіи и прекрасный слогъ». Въ №№ 14 и 15 помѣщается начало «Монастырки», а въ № 16—почти восторженная рецензія по поводу выхода въ свѣтъ 1-й части романа: критикъ газеты называетъ «Монастырку» «настоящимъ и, вѣроятно, первымъ у насъ романомъ нравовъ, сравниваетъ автора, къ его выгодѣ, съ Нарѣжнымъ, русскимъ Теньеромъ», въ романахъ котораго какъ будто «не выходишь изъ корчмы», даетъ краткую характеристику всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и предупреждаетъ автора, что теперь, заинтересовавши читателей этими лицами, онъ не имѣетъ права скрыть ихъ отъ глазъ нашихъ. По поводу племянника г-жи Дюндикъ—Прыжкова, рецензентъ указываетъ будто бы на литературное заимствованіе: въ Парижѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, много шуму надѣлала компанія шалуновъ, принявшая «каламбурическое имя» la secte d'Epicure (des picures), наносившая на гуляньяхъ уколы и прожигавшая платья ѣдкой кислотой. Но рецензентъ тутъ же заявляетъ, что по справкамъ, вѣроятно, отъ самого автора, событіе, описанное въ романѣ, оказалось дѣйствительно случившимся, и именно въ Ромнахъ. Въ заключеніе рецензентъ очень хвалитъ языкъ и слогъ романа «за исключеніемъ весьма немногихъ погрѣшностей или, лучше сказать, недосмотровъ».

Очевидно, органъ друзей Пушкина берется защищать «Монастырку» Погорѣльскаго изъ всѣхъ силъ и явно противопоставляетъ ее роману Булгарина.

Какъ же отнеслись къ ней другіе журналы, и прежде всего самъ Булгаринъ въ «Сѣверной Пчелѣ»?

Умные люди познаются въ несчастіи; такъ и Ѳаддей Венедиктовичъ. Разумѣется, что и самое появленіе «Монастырки», и восторженные клики въ честь ея, были ему, какъ говорится, ножъ острый, и еслибъ онъ обошелъ соперника «Выжигина» презрительнымъ молчаніемъ, никто не повѣрилъ бы его искренности. Еще хуже было бы, еслибъ онъ разбранилъ его самъ или черезъ кого-нибудь изъ своихъ приспѣшниковъ. Но безъ колебаній, повидимому [1]) онъ рѣшился похвалить «Монастырку», но сдѣлать это такъ, чтобъ ему, Булгарину, на этой похвалѣ, такъ сказать, нажить нравственно деньги.

[1]) Въ № 31 («Сѣв. Пчела», 1830 года) онъ довольствуется только краткимъ извѣщеніемъ, а съ слѣдующаго № 32 начинаетъ разборъ, продолжающійся въ №№ 34, 36 и 37.

Булгаринъ начинаетъ свою рецензію съ огульнаго обвиненія всѣхъ своихъ литературныхъ собратьевъ въ партіозности и припоминаетъ извѣстную басню Крылова «Прихожанинъ»; затѣмъ продолжаетъ такъ: «Авторъ разруганныхъ знаменитыми писателями книгъ «Иванъ Выжигинъ» и «Дмитрій Самозванецъ» позволяетъ себѣ сказать нѣсколько словъ о своей особѣ, а именно, что онъ не принадлежитъ ни къ какому приходу... хорошее называетъ хорошимъ, а дурное дурнымъ», гдѣ бы это хорошее или дурное не встрѣчалось. Заявивъ, что «Монастырку» онъ считаетъ вообще произведеніемъ хорошимъ, цѣннымъ, онъ высказываетъ слѣдующія положенія: «Это — романъ нраво-описательный, болѣе юмористическій, нежели сатирическій [1]), хотя сатира не изгнана изъ онаго и часто появляется съ грознымъ своимъ прутомъ»... «Монастырка» принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыхъ иначе нельзя назвать, какъ милыми». Авторъ, по словамъ Булгарина, очевидно, un homme du métier, т. е. человѣкъ, хорошо знающій свое дѣло: у него все на своемъ мѣстѣ, и его языкъ и слогъ почти безукоризненны. «Но величайшее достоинство сей книги и ея автора есть очеркъ женскихъ характеровъ». По мнѣнію рецензента, въ этомъ отношеніи авторъ «Монастырки» превзошелъ всѣхъ русскихъ романистовъ безъ исключенія: онъ «совершенно постигъ женское сердце въ нынѣшнемъ нашемъ быту въ кругу дворянскомъ»; по части «анатоміи» этого сердца ему безспорно принадлежитъ «первая медаль» [2]).

Закончивъ изложеніе «Монастырки» по главамъ, Булгаринъ вступаетъ съ авторомъ въ полемику по поводу того, настолько ли въ нашемъ высшемъ обществѣ распространенъ русскій языкъ, какъ увѣряетъ Погорѣльскій, очевидно, въ своей грозной филиппикѣ имѣвшій въ виду «Выжигина», который оклеветалъ нашу аристократію за презрѣніе ко всему родному [3]).

«Сѣверная Пчела» — такъ заканчиваетъ свою рецензію Булга-

---

[1]) «Выжигина» авторъ, очевидно, считаетъ романомъ сатирическимъ.

[2]) Такъ какъ безпристрастный читатель не видитъ въ «Монастыркѣ» никакой особенно поразительной анатоміи женскаго сердца и къ образованному дворянству принадлежитъ только героиня повѣсти, то не слѣдуетъ ли въ этихъ преувеличенныхъ похвалахъ видѣть ядовитый и нечестный намекъ на успѣхи красиваго Перовскаго среди петербургскаго свѣта?

[3]) Въ этомъ случаѣ правда, пожалуй, больше на сторонѣ Булгарина.

ринъ, вооружаясь противу невѣжества, надменной самонадѣянности и поддѣльныхъ достоинствъ, съ радостію отдаетъ должную справедливость таланту, въ каждомъ лицѣ, въ другѣ и недругѣ». Булгаринъ успѣлъ досадить почти всѣмъ журналистамъ, и потому другіе петербургскіе критики относительно «Монастырки» были согласны скорѣе съ «Литературной Газетой», причемъ иные еще рѣзчо, чѣмъ она, противопоставляли романъ Погорѣльскаго произведеніемъ Булгарина вообще и «Выжигину» въ частности. «Русскій Инвалидъ» [1]) называетъ «Монастырку» «необыкновенно пріятнымъ явленіемъ въ русской словесности». Этотъ романъ «богатъ занимательными происшествіями и ярко обрисованными характерами, а потому живъ и любопытенъ». Авторъ его, изучивъ внимательно мѣсто дѣйствія и хорошо обдумавъ ходъ послѣдняго, весело принялся разсказывать; «за то и слушать его весело». Очевидно, имѣя въ виду романы Булгарина, рецензентъ продолжаетъ: «Въ «Монастыркѣ» нѣтъ скучнаго, безпорядочнаго сбора изъ разныхъ книгъ нахватанныхъ и на живую нитку сшитыхъ матеріаловъ, перемѣшанныхъ съ вымыслами ненужными, часто оскорбляющими чувство приличія».

Сомовъ въ «Полярной Звѣздѣ» [2]) переходитъ къ «Монастыркѣ» непосредственно отъ романовъ Булгарина, въ которыхъ онъ не находитъ даже слога; онъ хвалитъ романъ Погорѣльскаго за вѣрность психологическую и этнографическую, за живость красокъ, за юморъ, за прекрасный слогъ и языкъ; жалѣетъ только, что о ней приходится судить, какъ о недостроенномъ зданіи. Противополагая «Монастырку», съ одной стороны, произведеніямъ Булгарина, а съ другой—тоже популярному въ то время роману Павла Сумарокова «Ѳедора», рецензентъ говоритъ въ заключеніе: «Нѣкто сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе на различіе въ воспитаніи лицъ въ нашихъ романахъ: «Монастырка» воспитана въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, «Ѳедора» — въ кабакѣ, а «Иванъ Выжигинъ» — въ собачьей конурѣ».

Московскіе журналы отнеслись къ «Монастыркѣ» гораздо сдержаннѣе, какъ потому, что они не принимали участія въ борьбѣ петербургскихъ романтиковъ съ Булгаринымъ, такъ въ особенности

[1]) 1830 г., № 73.

[2]) Въ Обозрѣніи русской словесности за вторую половину 1829 года и первую 1830 года.

и потому, что московская литература въ то время соперничала съ петербургской и не прочь была позлорадствовать относительно произведеній, которыя были слишкомъ захвалены въ Петербургѣ. Самый извѣстный изъ московскихъ журналовъ того времени, «Телеграфъ» Полевого [1]), начинаетъ свою рецензію сомнительною похвалою: «Мы прочитали, — говоритъ онъ, — первую часть «Монастырки» съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ читывали романы Августа Лафонтена. Тутъ не ищите ни страстей, ни мыслей, ни глубокаго значенія: читайте «Монастырку», какъ разсказъ добраго пріятеля о добрыхъ людяхъ, которымъ встрѣчались иногда непріятности». Полевой приписываетъ Погорѣльскому «какую-то милую простоту души», въ которой онъ немного развѣ отстаетъ отъ Лафонтена, а потомъ начинаетъ язвить его за его наклонность заимствовать безъ указанія источниковъ, а «Литературную Газету»—за то, что она такъ накричала объ этомъ, почти заурядномъ произведеніи. Всѣхъ друзей Погорѣльскаго критикъ называетъ «Ѳеокритами подъ душегрѣйкой новѣйшаго ученія». Относительно слога «Монастырки» онъ охотно соглашается, что «она гладенько написана».

Итакъ, для московскихъ романтиковъ «Монастырка» не достаточно романтична: въ ней нѣтъ ни страстей, ни глубокихъ мыслей. Еще откровеннѣе въ этомъ отношеніи, хотя съ бо́льшимъ доброжелательствомъ къ «Монастыркѣ», высказывается «Атеней» Павлова: его рецензентъ говоритъ, что онъ прочиталъ «Монастырку» съ большимъ удовольствіемъ, но не рѣшается высказать сужденія до выхода послѣдней части; тѣмъ не менѣе, онъ находитъ «во всѣхъ лицахъ портреты, вѣрно списанные съ природы, довольно одушевленные, но, къ сожалѣнію, довольно мелочные». Онъ не признаетъ «Монастырку» романомъ, такъ какъ романъ, какъ поэма, требуетъ «очень много фантазіи и пламеннаго чувства»; «Монастырка» заслуживаетъ только названія повѣсти. «Впрочемъ, заканчиваетъ критикъ, мы ученики еще; должно желать, чтобы литераторы наши дарили насъ по крайней мѣрѣ такими произведеніями, и прежде, нежели отразится въ комъ-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ во всей силѣ разноцвѣтное пламя романтической ге-

---

[1]) 1830 г., ч. 32, стр. 93 и слѣд.

ніальности, мы должны благодарить за каждую искру, могущую болѣе или менѣе способствовать къ его пробужденію».

Но не всѣ московскіе литераторы были такими радикалами романтизма. Въ «Галатеѣ» Раича [1]) было напечатано письмо будто бы какой-то малороссіянки, за подписью Екатерина Институтина; авторъ письма обличаетъ Погорѣльскаго въ клеветѣ на Малороссію, которой якобы онъ совсѣмъ не знаетъ и помѣщиковъ которой онъ выставляетъ въ слишкомъ непривлекательномъ видѣ. Редакція снимаетъ съ себя отвѣтственность за это письмо, а въ выноскѣ высказываетъ такое сужденіе о «Монастыркѣ»: «Романъ Погорѣльскаго принадлежитъ къ небольшому числу русскихъ книгъ, написанныхъ слогомъ правильнымъ и пріятнымъ. При теперешнемъ романтическомъ направленіи нашей литературы такая книга есть истинный подарокъ тѣмъ изъ любителей легкаго чтенія, которые не охотники ни до такъ называемыхъ высшихъ взглядовъ, ни до романтическаго изступленія».

Что же это за романъ, первая часть котораго вызывала столько страстныхъ и въ сущности противурѣчивыхъ отзывовъ въ нашей литературѣ, столь бѣдной въ то время критикой? Я не буду пересказывать его содержанія, такъ какъ онъ даже въ послѣднее время перепечатанъ два раза [2]), но я немогу не сказать два слова о его эстетическомъ и историко-литературномъ значеніи. Волей-неволей приходится сознаться, что характеристика Булгарина, который называетъ «Монастырку» милымъ произведеніемъ, въ сущности вѣрнѣе всѣхъ другихъ. «Монастырка» — милая повѣсть для читателей нашего времени, послѣ всего нами перечитаннаго и нами пережитаго; можно ли удивляться, что она была мила нашимъ бабушкамъ, которыя нашли въ ней рядъ женскихъ характеровъ, прекрасно очерченныхъ и развивающихся въ очень занимательной интригѣ, разсказанной съ добродушнымъ юморомъ? Въ особенности занимала всѣхъ, какъ и теперь занимаетъ, личность героини, ярко выступающая въ 3-хъ письмахъ, которыя составляютъ какъ бы введеніе. Эта героиня—институтка, только-что окончившая курсъ въ Смольномъ монастырѣ (откуда и названіе «Монастырки») въ то давно прошедшее время, когда институтъ отрѣзалъ дѣвушку не

[1]) 1830 г., № 16, стр. 260.

[2]) Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ въ Москвѣ 1884 года и г. Суворинымъ въ «Дешевой библіотекѣ» въ 1888 году.

только отъ семьи, но и отъ жизни вообще. Въ 50—60-хъ годахъ не мало было попытокъ изображать въ формѣ автобіографій и повѣстей болѣе или менѣе печальныя послѣдствія такого отдѣленія русскихъ дѣвушекъ отъ міра; но три письма «Монастырки» Погорѣльскаго, безъ сомнѣнія, въ художественномъ отношеніи выше всѣхъ ихъ. Главная причина этого — вовсе не творческій талантъ Погорѣльскаго. а полное отсутствіе тенденціи: его Анюта Орленко— не манекенъ, служащій для показанія вреда «системы», а очень милая, живая и отъ природы не глупая дѣвушка, и ея институтское «невѣдѣніе», такъ же, какъ и фальшь воспитанія для гостиныхъ и баловъ — только шелуха, которая сейчасъ же спадаетъ съ ея доброй души послѣ перваго столкновенія съ дѣйствительностью.

Эта дѣйствительность, являющаяся ей сперва въ видѣ грубоватой, но доброй тетушки и ея двухъ простодушныхъ дочекъ, потомъ въ видѣ хитраго, безчестнаго, надутаго спѣсью, но трусливаго Дюндика, наконецъ, въ видѣ властителя сердца ея—Блистовскаго, развивается въ кучѣ романтическихъ сценъ и эпизодовъ; но романтическихъ на русскій ладъ, а не на нѣмецкій, т. е. поддающихся самому простому и прозаическому объясненію.

Въ историко-литературномъ отношеніи «Монастырка» имѣетъ большое значеніе, какъ одна изъ самыхъ удачныхъ у насъ попытокъ влить романтическое разнообразіе содержанія и характеровъ въ ту литературную форму, которая была изобрѣтена англичанами еще въ XVIII. вѣкѣ и была на время забыта, или, по крайней мѣрѣ, отодвинута на задній планъ другими видами поэтическаго повѣствованія (Prosadichtung), чтобы потомъ, въ наши дни снова выплыть на поверхность и чуть не заполонить всю поэзію Европы, въ форму семейнаго романа.

Кромѣ того, «Монастырка»—одинъ изъ раннихъ и болѣе удачныхъ продуктовъ нашей этнографической школы, какъ это было замѣчено и современной ей критикой.

Казалось бы, что послѣ такого успѣха, какой имѣла 1-я часть «Монастырки»—извѣстно, что успѣхъ въ литературѣ измѣряется не столько похвалами друзей, сколько нападеніями враговъ и интересомъ массы — Перовскій, теперь вполнѣ свободный человѣкъ,

стоявшій въ наилучшихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Пушкина, долженъ былъ посвятить себя всецѣло литературѣ. Не тутъ-то было. Онъ и въ литературѣ оказался такимъ же непосѣдой, какимъ былъ прежде на службѣ. Помѣстивъ въ «Литературной Газетѣ» въ томъ же 1830 г. шутливо-философское письмо отъ имени буквы Ъ къ барону Гумбольдту [1]) и, напечатавъ черезъ 3 года 2-ю часть «Монастырки» вмѣстѣ съ переизданіемъ 1-й [2]), онъ, кажется, ничего не печаталъ [3]); по крайней мѣрѣ, я ничего не могъ разыскать въ журналахъ 30-хъ годовъ.

Изъ краткой автобіографіи гр. Алексѣя Толстого мы узнаемъ, что Перовскій въ послѣдніе годы своей жизни усердно занимался воспитаніемъ своего племянника и вмѣстѣ съ нимъ и своею сестрою много путешествовалъ. Изъ письма Полѣнова [4]) видно, что въ августѣ 1832 г. Алексѣй Перовскій зачѣмъ-то былъ въ Одессѣ.

Судя по письму Греча къ Пушкину [5]), Перовскій былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ, Гречемъ, съ Крыловымъ и съ Лобановымъ.

Изъ письма Пушкина къ женѣ (отъ 4-го мая 1836 г.) мы узнаемъ, что лѣтомъ 1836 г. Перовскій жилъ въ Москвѣ и жилъ,

---

[1]) № 22, апр. 16. «Новая тяжба о буквѣ Ъ»; перепечатано въ Смирдинскомъ изданіи и въ «Русскомъ Архивѣ» за 1865 г., стр. 1403; по словамъ редактора, Гумбольдтъ думалъ видѣть въ сочинителѣ гр. Д. Н. Блудова и ему послалъ свой отвѣтъ.

[2]) На «Монастырку» въ полномъ видѣ я могу указать только одну современную рецензію, которая стремится быть безпристрастной, но явно выдаетъ свою московскую партіозность; это рецензія газеты «Молва» (1833 г., № 63); авторъ ея припоминаетъ появленіе 1-й части, вышедшей въ свѣтъ «при громкомъ плескѣ пріятельской газеты, которая и сама давно уже прекратила свое существованіе». Онъ называетъ «Монастырку» пріятнымъ литературнымъ явленіемъ, которое легко дочитывается въ часы досуга. Мысль (институтка въ провинціи) онъ считаетъ затѣйливой и богатой, но недостаточно развитой (sic). Ходъ романа «вытканъ въ старинное бердо Дюкредюменилевской и Коттеневской фабрики. Злой опекунъ, подложное завѣщаніе, ночныя явленія, хуторъ въ лѣсу, похищеніе — это узлы слишкомъ тертые». Частныя замѣчанія рецензента еще болѣе придирчивы.

[3]) Пушкинъ въ письмѣ къ Загоскину (отъ 11-го янв. 1830 г.) обѣщаетъ, что о Юріѣ Милославскомъ даютъ отзывъ Погорѣльскій; но Погорѣльскій, очевидно, полѣнился, и самъ Пушкинъ долженъ былъ взять на себя это дѣло.

[4]) «Русскій Архивъ», 1885, III, стр. 99.

[5]) «Русскій Архивъ», 1880 г., III, стр. 453.

повидимому, большимъ бариномъ. Онъ въ это время, очевидно, очень интересовался живописью и, поймавъ знаменитаго Брюлова, «перевезъ его къ себѣ, заперъ подъ ключъ и заставилъ работать. Брюловъ насилу отъ него уѣхалъ». Въ письмѣ отъ 11-го мая Пушкинъ разсказываетъ, что онъ былъ у Перовскаго (съ которымъ онъ на ты), и передаетъ очень комичную сцену, какъ Перовскій, показывая ему картину Брюлова «Взятіе Рима Гензерихомъ», и восхищался ею, и въ то же время ругалъ художника послѣдними словами.

Менѣе, чѣмъ черезъ 2 мѣсяца послѣ этого Перовскаго уже не было въ живыхъ: онъ скончался 9-го іюля 1836 г. [1]) по дорогѣ за границу, въ Варшавѣ, гдѣ захватилъ его острый припадокъ грудной болѣзни, отъ которой онъ ѣхалъ лѣчиться. Онъ проболѣлъ всего 4 дня.

Своимъ небольшимъ этюдомъ я вовсе не желалъ убѣдить читателей, что Алексѣй Перовскій—крупный общественный и литературный боецъ, несправедливо забытый потомствомъ. Онъ, какъ видно изъ сказаннаго, дѣятель довольно скромный и довольно лѣнивый, но—человѣкъ безспорно талантливый. Мнѣніе Пушкина о немъ и двукратная перепечатка его «Монастырки» въ послѣднее время — лучшія доказательства того, что онъ не одна изъ тѣхъ временныхъ знаменитостей, которыя создаются исключительно пріятелями.

Для Малороссіи Погорѣльскій имѣетъ особое значеніе, какъ одинъ изъ первыхъ беллетристовъ, возбудившихъ къ ней интересъ, вскорѣ блистательно оправданный «Вечерами на хуторѣ» Гоголя.

Въ исторіи русской литературы и мысли вообще онъ одинъ изъ вліятельныхъ и даровитыхъ представителей той школы, которая, начавшись съ подражанія нѣмцамъ, потомъ стала базисомъ славы Пушкина и подготовила великій моментъ нашего національнаго самосознанія.

---

[1]) Въ статьѣ г. Горленки и энциклопедическихъ словаряхъ ошибочно показанъ 1839 г. (См. напр. «Одесскій Вѣстникъ», 1836 г., № 65).

ПУШКИНЪ, КАКЪ ЕВРОПЕЙСКІЙ ПОЭТЪ [1]).

Ровно 50 лѣтъ тому назадъ въ этотъ день весь читающій и думающій Петербургъ былъ глубоко взволнованъ. Уже два дня ходили очень опредѣленные слухи о томъ, что Пушкинъ тяжело раненъ на дуэли съ какимъ-то офицеромъ. Кто зналъ въ лицо выдающихся литераторовъ, напримѣръ, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Даля, тотъ могъ удостовѣрить, что они, очевидно чѣмъ-то озабоченные, опечаленные, разъѣзжали по городу, часто въ сопровожденіи докторовъ. Кто зналъ квартиру Пушкина, спѣшилъ къ его дверямъ, чтобы освѣдомиться о справедливости слуховъ. Передъ этой квартирой съ ранняго утра стояла цѣлая толпа, тихо и сдержанно наблюдавшая за входившими и выходившими. Слухи оказались справедливы: Пушкинъ былъ раненъ пулею въ животъ на дуэли съ иностранцемъ неопредѣленной національности, но состоящимъ въ русской службѣ. Въ этотъ день Пушкину было замѣтно хуже, и знаменитый докторъ Арендтъ еще утромъ объявилъ, что ему остается жить не болѣе двухъ часовъ. Толпа передъ подъѣздомъ была такъ велика, что съ трудомъ можно было черезъ нее протискаться, и секундантъ Пушкина—Данзасъ принужденъ былъ просить поставить часовыхъ. Около 3-хъ часовъ дня по этой массѣ людей пробѣжала точно электрическая искра: *Пушкина не стало;* многіе, въ особенности женщины, печально крестились; иные крѣпкіе и сильные мужчины не могли удержать слезъ своихъ...

Толпа разошлась; остались только немногіе любопытные, наблюдавшіе за тѣмъ, какъ разъѣзжались утомленные двумя безсонными

---

[1]) **Рѣчь, читанная 29 января 1887 года.**

ночами друзья поэта, и какъ на мѣсто нихъ ныряли въ квартиру юркіе гробовщики.

Вечеромъ печальная вѣсть разнеслась по всему городу; о Пушкинѣ говорили и во дворцѣ, и въ аристократическихъ салонахъ Англійской набережной, и въ грязныхъ конторахъ петербургскихъ кварталовъ и съѣзжихъ домовъ. Носились слухи, будто молодежь и петербургскіе «либералы» готовятся во время похоронъ произвести политическую манифестацію, и многіе правительственныя лица вѣрили этому: вмѣсто Исакіевской церкви, ближайшей къ квартирѣ Пушкина, велѣли отпѣвать его въ Конюшенной; тѣло было перенесено въ нее ночью, а въ день отпѣванья по улицамъ были разставлены пикеты. Въ перковь пускали только по билетамъ. Такимъ образомъ безпорядки (о которыхъ впрочемъ никто и не думалъ) были предотвращены бдительностью полиціи.

Какого это политическаго дѣятеля хоронили съ такими предосторожностями? Чья это смерть произвела на Петербургъ, а потомъ и на всю Россію такое потрясающее дѣйствіе? Какого благодѣтеля человѣчества такъ оплакивали?

Политическаго значенія Пушкинъ не имѣлъ ровно никакого, даже и въ ранней молодости, когда готовилось движеніе декабристовъ. Какъ человѣка — его любили только немногіе друзья его и скромные начинающіе поэты, которыхъ онъ пріятно поражалъ своею привѣтливостью и добротою. Его цѣнили, его оплакивали только какъ художника. Какъ величайшаго художника чтитъ его и теперь вся Россія; какъ о человѣкѣ о немъ и теперь многіе невысокаго мнѣнія; еще большее число русскихъ образованныхъ людей, знающихъ наизусть десятки страницъ изъ Пушкина, объ авторѣ ихъ имѣютъ смутное и сбивчивое понятіе, и въ этомъ не они виноваты.

Въ то время, какъ въ Англіи, напримѣръ, біографіи Вальтеръ-Скотта считаются чуть не сотнями, въ то время, какъ въ Германіи существуетъ нѣсколько спеціальныхъ органовъ, посвященныхъ собиранію новыхъ данныхъ и обсужденію старыхъ для біографіи и толкованія Гёте, у насъ до сихъ поръ, строго говоря, нѣтъ ни одной біографіи Пушкина, а есть только два-три неудачныхъ *опыта* ея.

Лучшей книгой до сихъ поръ остается первый томъ изданія Анненкова, который самъ назвалъ свой почтенный трудъ не біографіей, а Матеріалами для біографіи. Будемъ надѣяться, что теперь, когда письма Пушкина, которыя старательно собирались въ

продолженіе цѣлаго полустолѣтія, сдѣлаются всѣмъ доступными, благодаря множеству изданій, съ нынѣшняго дня поступающихъ въ продажу, количество *опытовъ* быстро увеличится, и иные изъ нихъ окажутся удачными.

Въ началѣ 60-хъ годовъ мы выносили изъ школы восторженное благоговѣніе къ Пушкину—поэту и естественно переносили его на Пушкина — человѣка. Какъ сейчасъ помню, какое тяжелое, удручающее впечатлѣніе произвело на насъ, студентовъ 1-го курса, вскользь брошенное въ разговорѣ замѣчаніе одного изъ уважаемыхъ нами профессоровъ, что Пушкинъ, какъ человѣкъ, не представляетъ ничего отраднаго. «Хорошъ защитникъ правды и добра (говорилъ этотъ профессоръ), который подставляетъ свой лобъ подъ пулю перваго проходимца изъ-за страха, «что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна».

Я помню: мы пересказали эти слова нашему бывшему учителю словесности, одному изъ безвѣстныхъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, который, впрочемъ, относительно «красивыхъ словъ» и многорѣчія былъ полной противоположностью Тургеневскаго Рудина. Онъ улыбнулся и отвѣтилъ намъ эпиграммой Пушкина:

„Хоть, впрочемъ, онъ поэтъ взрядный,
Эмилій—человѣкъ *пустой*".
Да ты чѣмъ *полонъ*, шутъ нарядный?
А, понимаю: самъ собой!
Ты полонъ дряни, милый мой!".

Но остроумная эпиграмма не уничтожила вліянія словъ профессора, которыя подготовили насъ къ знаменитой статьѣ Писарева.

Мнѣ пришлось убѣдиться именно въ послѣднее время, что за эти 25 лѣтъ дѣло почти не измѣнилось: впечатлительная молодежь по прежнему переноситъ свой культъ съ поэзіи Пушкина на его личность, а такъ называемые anständige Leute, люди съ *положеніемъ*, по прежнему рѣзко отдѣляютъ въ немъ художника отъ человѣка и удивляются восторженной наивности молодежи.

Человѣкъ не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, но если великій наблюдатель и психологъ самъ предлагаетъ свою характеристику, для насъ она, конечно, должна быть важнѣе всѣхъ *домысловъ* призванныхъ и непризванныхъ цѣнителей его личности.

Напомнимъ, какъ изображаетъ самъ себя Пушкинъ съ своей

домашней, такъ сказать, халатной стороны въ такъ называемомъ «Отрывкѣ», въ первомъ наброскѣ Египетскихъ Ночей.

«Пріятель мой происходилъ отъ одного изъ древнѣйшихъ дворянскихъ нашихъ родовъ, чѣмъ и тщеславился со всевозможнымъ добродушіемъ. Онъ столько-же дорожилъ тремя строчками лѣтописца, въ коихъ упомянуто было о предкѣ его, какъ модный камеръ-юнкеръ тремя звѣздами двоюроднаго своего дяди. Будучи бѣденъ, какъ почти все наше старинное дворянство, онъ, подымая носъ, увѣрялъ, что никогда не женится, или возьметъ за себя княжну, именно одну изъ княженъ Елецкихъ, коихъ отцы и братья, какъ извѣстно, нынѣ пашутъ сами и, встрѣчаясь другъ съ другомъ на своихъ бороздахъ, стряхиваютъ сохи и говорятъ: «Богъ помочь, князь Антипъ! сколько твое княжое здоровье сегодня напахало?»— «Спасибо, князь Ерема Авдеевичъ». Кромѣ этой маленькой слабости, которую, впрочемъ, относимъ мы къ желанію подражать лорду Байрону, продававшему также очень хорошо свои стихотворенія, пріятель мой былъ человѣкъ *круглый*, un homme tout rond, какъ говорятъ французы, homo quadratus, человѣкъ четырехъ-угольный, по выраженію латинскому,--по нашему: очень хорошій человѣкъ.

Онъ не любилъ общества своей братьи — литераторовъ. Онъ, кромѣ весьма немногихъ, находилъ въ нихъ слишкомъ много притязаній: у однихъ на колкость ума, у другихъ на пылкость воображенія, у третьихъ—на чувствительность, у четвертыхъ—на меланхолію, на разочарованность, на глубокомысліе, на филантропію, на мизантропію, иронію и пр. Иные казались ему скучными по своей глупости; другіе—несносными по своему тону; третьи—гадкими по своей подлости; четвертые—опасными по своему двойному ремеслу; вообще слишкомъ самолюбивыми и занятыми исключительно собою, да своими сочиненіями. Онъ предпочиталъ общество женщинъ и свѣтскихъ людей, которые, видя его ежедневно, переставали съ нимъ чиниться и избавляли его отъ разговоровъ о литературѣ и отъ извѣстнаго вопроса: «не написали-ли вы чего нибудь новенькаго»?

Одно изъ самыхъ сильныхъ обвиненій противъ Пушкина основано на обстоятельной, но крайне неблагопріятной аттестаціи, которую далъ о немъ директоръ лицея, Энгельгардтъ.

Судя по всѣмъ даннымъ, Энгельгардтъ былъ хорошій педагогъ и очень добрый человѣкъ, лично ничего не имѣвшій противъ своего бывшаго воспитанника; извѣстно, что позднѣе онъ ходатайство-

валъ за него передъ государемъ, и увѣряютъ, что его ходатайство спасло Пушкина отъ монастыря или крѣпости. Какъ-же не вѣрить ему?

Педагогія есть высочайшее служеніе благу человѣчества, и честное исполненіе этой миссіи требуетъ отъ человѣка выдающихся нравственныхъ достоинствъ; но, какъ во всѣхъ дѣлахъ нашихъ, и здѣсь добро не обходится безъ частички зла. Наклонность къ педагогической дѣятельности и усердное отправленіе обязанностей воспитателя обусловливаетъ одинъ недостатокъ, отъ котораго вполнѣ свободны бываютъ только педагогическіе геніи. Человѣкъ, постоянно направляющій юныя души къ тому, что онъ считаетъ благомъ и истиной, естественно пріобрѣтаетъ такую увѣренность въ правотѣ своихъ взглядовъ и вообще въ себѣ, что на всякое противорѣчіе смотритъ какъ на проявленіе злой воли, какъ на нравственную порчу, подобно тому, какъ медикъ, видя въ больномъ припадки, не обусловленные методомъ его лѣченія, смотритъ на нихъ, какъ на проявленіе порчи организма. Энгельгардтъ поступилъ въ лицей съ самыми лучшими намѣреніями и своимъ усердіемъ, соединеннымъ съ удивительной гуманностью обращенія, привлекъ къ себѣ души и умы воспитанниковъ, которые скоро начали смотрѣть на него, какъ на оракула во всѣхъ отношеніяхъ. Среди этихъ воспитанниковъ оказывается одинъ съ выдающимися способностями, властвовать (опять-таки повторяю, съ самыми прекрасными цѣлями) надъ душой и умомъ котораго гуманному воспитателю особенно хотѣлось. И этотъ-то именно воспитанникъ не поддается его вліянію, живетъ своею особою жизнью и рисуетъ каррикатуры на него, воспитателя! Въ человѣческихъ-ли силахъ не почувствовать нѣкоторой антипатіи къ этому воспитаннику? А разъ существуетъ антипатія, честный человѣкъ не выразитъ ее *въ дѣйствіяхъ*, но не скроетъ ея *во мнѣніи*.

Антипатія, несомнѣнно, ослабѣла, когда дальнѣйшая дѣятельность Пушкина показала Энгельгардту, какое *право* имѣлъ юный поэтъ на духовную самостоятельность, и это дѣлаетъ честь и уму и сердцу педагога.

Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ будущіе декабристы отклонили Пушкина отъ вступленія въ союзъ, и отклонили не отъ сожалѣнія къ опасности, угрожающей поэтическому генію, а отъ недовѣрія къ серьезности и нравственной зрѣлости Пушкина. Можно вѣрить этому разсказу и, признавая дальновидность декабристовъ,

не ставить этого въ вину Пушкину. Всякая политическая дѣятельность, связанная съ тайными обществами и заговорами, требуетъ фанатической преданности одной идеѣ, а фанатизмъ—близкій родственникъ ограниченности. Богато одаренная натура должна сжаться, съузиться для вступленія на эту дорогу, а Пушкинъ, въ особенности въ молодости, былъ не способенъ къ такой узости, и благо ему за это! Ни Шекспиръ, ни Гёте, ни Шиллеръ не были и не могли быть заговорщиками, хоть и умѣли геніально изображать заговоры; Данте и Байронъ были заговорщиками крайне неудачными.

Третье и самое сильное обвиненіе, обращаемое къ Пушкину не юношѣ, а мужу, касается его роковой дуэли и всего того, что ее вызвало. Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ и самъ чувствовалъ ложь своего положенія, и что послѣднія минуты жизни величайшаго изъ русскихъ поэтовъ были отравлены сознаніемъ, что онъ умираетъ изъ-за сплетенъ и пересудовъ презираемаго имъ общества, что его смерть недостойна его жизни и дѣятельности. Но кому неизвѣстно, что мелкіе и частые уколы мучатъ болѣе серьезной раны? что глупыя насмѣшки за спиною могутъ довести до иступленія человѣка, котораго не сломитъ открытая борьба съ цѣлымъ свѣтомъ?

Тѣмъ трагичнѣе его смерть, тѣмъ грустнѣе вспоминать о ней.

Но Пушкинъ ни въ какомъ отношеніи не нуждается въ апологіи: человѣка судятъ по дѣламъ его, а «дѣла поэта—слова его».

За 17 лѣтъ до рожденія Пушкина, поэтъ Державинъ, стихами пробивавшій себѣ дорогу къ славѣ и почестямъ, восхваляетъ Екатерину не за покровительство поэтамъ, а за то, что она «не числитъ» пророкомъ того,

Кто только риѳмы можетъ плесть.

Великая императрица имѣетъ на поэзію совершенно здравый, по мнѣнію пѣвца, взглядъ; поэзія ей

любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Остановимся на минуту на этомъ сравненіи, одномъ изъ удач-

ныхъ сравненій Державина, которому самъ Бѣлинскій, такъ жестоко громившій литературное старовѣрство, не отказывалъ въ истинномъ поэтическомъ талантѣ.

Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ. Въ жаркій лѣтній день что можетъ быть пріятнѣе лимонада, да еще вкусно сдѣланнаго? Но замѣнитъ-ли этотъ лимонадъ кусокъ хлѣба для голоднаго? свѣтъ— для того, кто бродитъ въ темнотѣ? Вспомнитъ-ли о лимонадѣ человѣкъ, сильно взволнованный, занятый серьезнымъ дѣломъ? Конечно, нѣтъ. Что-же это? Насмѣшка надъ поэзіей или надъ Екатериной? Ни то, ни другое, а правда, да и такая правда, которую тогда вовсе не считали горькою. Въ это время не только въ русскомъ обществѣ, но и въ массѣ общества европейскаго поэзія считалась забавою празднаго ума, и, за немногими счастливыми исключеніями, она стояла въ уровень съ такимъ пониманіемъ ея. Это была та ходульная, наемная поэзія, которая прославляла побѣды великаго короля Людвика XIV прежде, чѣмъ онѣ были одержаны, поэзія, которая безъ зазрѣнія совѣсти возвеличивала подвиги убійцъ Варѳоломеевской ночи, или потомъ, перемѣнивъ имена, восхваляла Генриха IV и его министровъ; это была та поэзія, которая въ отеляхъ и отеликахъ наполняла досугъ дамъ и кавалеровъ, изъ нея учившихся слагать любовныя письма.

Это была та поэзія, производство которой возлагалось какъ обязанность за извѣстную приплату при дворахъ—на искуснѣйшихъ въ «словесныхъ наукахъ» профессоровъ, а у богатыхъ дворянъ— на домашнихъ учителей, и тѣ, по выраженію Ломоносова, «дѣлали стихи» на разные торжественные случаи: дни рожденія, бракосочетанія, похоронъ, открытія памятниковъ, празднованія побѣдъ и пр. *Стихи* эти *дѣлались* по правиламъ; тощій сюжетъ украшался всевозможными тропами и фигурами, обширными сравненіями и картинами, взятыми напрокатъ изъ классической миѳологіи, искуственными *восторгами* и холоднымъ, придуманнымъ паѳосомъ.

Такъ «пиндарила», по выраженію Дмитріева, масса поэтовъ; изъ этой массы выдѣлялись, конечно, люди съ сильнымъ умомъ, съ богатой фантазіей, съ тонко развитымъ вкусомъ, съ искреннимъ чувствомъ; но и надъ ними тяготѣла стѣснительная и мертвящая теорія. Вольтеръ, не признававшій никакихъ авторитетовъ въ серьезнѣйшихъ вопросахъ жизни, трепеталъ предъ строгими правилами александрійскаго стиха. Въ устахъ этого провозвѣстника

великой свободы народовъ «манеръ деревенскій» въ литературѣ звучитъ такимъ-же страшнымъ осужденіемъ, какъ и въ устахъ скромнаго профессора элоквенціи и піитическихъ хитростей Василія Третьяковскаго.

Говорить о фальшивости и вредѣ этой теоріи послѣ того, что писалъ о ней Бѣлинскій, послѣ того, какъ уже цѣлые десятки лѣтъ поэзія, ею порожденная, во всѣхъ учебникахъ называется *ложно* классической, едва ли для кого-нибудь будетъ теперь поучительно. Можно изслѣдовать ея исторію; можно заинтересоваться психологическимъ вопросомъ: какъ люди, считавшіе себя цивилизованными, обходились цѣлыя столѣтія безъ истинной поэзіи послѣ того, какъ ихъ сравнительно грубые предки не могли жить безъ нея; можно разбирать вліяніе матеріалистовъ римлянъ, которые представляютъ собою рѣдкій примѣръ односторонняго развитія ума безъ чувства, которые совмѣщаютъ въ себѣ въ превосходной степени всѣ недостатки нынѣшнихъ англичанъ, не имѣя ихъ достоинствъ. Но все это завело бы насъ слишкомъ далеко; достаточно сказать, что не только за 17 лѣтъ до рожденія Пушкина, но и въ первые годы его молодости ложно-классическая теорія стояла еще твердо и не только въ школѣ, но въ массѣ такъ называемой интеллигенціи.

Буало, который не придавалъ никакого значенія фантазіи, чудесное допускалъ только въ формѣ антипоэтической аллегоріи, поэзію называлъ «искусствомъ стихотворства», а всякое искусство основывалъ только на разумѣ и *здравомъ смыслѣ*, все еще признавался «законодателемъ Парнаса», какъ тогда выражались. Баттё съ его теоріей изящнаго *вкуса*, выбирающаго прекрасныя части изъ природы (не всегда изящной), считался великимъ теоретикомъ. Лагарпъ, который ставитъ Расина выше греческихъ трагиковъ за пониманіе *приличій* и проповѣдуетъ, что передъ этими приличіями должно преклониться все прекрасное и истинное, признавался высоко-талантливымъ, образцовымъ критикомъ.

Русской и латинской словесности Пушкина училъ Кошанскій, который въ своей Реторикѣ (она служила руководствомъ въ иныхъ изъ нашихъ гимназій и послѣ смерти Пушкина) говоритъ, что цѣль поэзіи—удовольствіе; средства, которыми она достигаетъ этой цѣли—гармонія стиха и языкъ живописный, *необыкновенный*. Характеристическая черта поэзіи, по Кошанскому, есть вымыселъ, не всякій,

конечно, а согласный съ здравымъ умомъ и *вкусомъ*, а вкусъ есть не что иное, какъ знаніе приличій.

Поэзія, основанная на такихъ принципахъ, при самыхъ лучшихъ условіяхъ можетъ быть только

Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

На этихъ-то принципахъ приходилось воспитываться таланту Пушкина, и много нужно было чутья, энергіи и вѣры въ себя, чтобы при такомъ взглядѣ на поэзію съ дѣтства посвятить себя служенію ей.

Одна изъ самыхъ обычныхъ историческихъ иллюзій состоитъ въ томъ, что, видя въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ зарожденіе новаго, которому впослѣдствіи предназначено стать общепризнаннымъ, обычнымъ, мы склонны представлять себѣ, что это новое сдѣлалось господствующимъ съ перваго момента своего появленія на свѣтъ Божій. Въ исторіи политической отъ такой иллюзіи насъ до извѣстной степени предохраняютъ несокрушимые факты, цифры. Въ исторіи духа человѣческаго, въ исторіи литературы, статистика до сихъ поръ еще не имѣетъ значенія, и изслѣдователь, частію по необходимости—явленія устарѣвшія затериваются, не доходятъ до насъ,—частію по отсутствію подготовительныхъ работъ, всегда склоненъ остановить исключительно свое вниманіе на явленіяхъ выдающихся, передовыхъ. Тѣмъ легче впасть въ такую ошибку человѣку изъ публики, не спеціалисту; ему вполнѣ естественно вообразить напр., что въ эпоху Гёте и Шиллера ученіе Готшеда уже давно было сдано въ архивъ, или что съ эпохи Петра наша рукописная литература средняго періода совершенно прекратила свое существованіе.

Также было-бы ошибочно полагать, что ложный классицизмъ (царившій въ передовой Франціи съ легкими модуляціями и въ эпоху имперіи и даже въ первые годы реставраціи) сразу уступилъ давленію новыхъ идей, новыхъ задачъ поэзіи, и что Пушкину уже не пришлось считаться съ нимъ, Пушкину, который зналъ на память половину одъ Державина и которому благожелательный Карамзинъ доставилъ *заказъ* — написать стихотвореніе на пріѣздъ принца Оранскаго!

Но быстро и легко освободился геніальный ребенокъ отъ уз-

кихъ путъ Реторики Кошанскаго, такъ легко, что будто и самъ не замѣтилъ своихъ усилій. Ставъ на ноги, онъ почувствовалъ себя настолько выше этого стараго хламу, что даже злобныя критики литературныхъ старовѣровъ не помѣшали ему взглянуть спокойно на пережитую теорію и ея приверженцевъ, не помѣшали усмотрѣть, что было въ нихъ добраго [1]); а на это не были способны и значительно позднѣйшіе сторонники новой поэзіи; вполнѣ объективное, научное отношеніе къ псевдоклассицизму стало для всѣхъ возможно только *въ наши дни*.

Пережитыя испытанія приносятъ пользу генію и помимо укрѣпленія его силъ; изъ борьбы съ ложью онъ выноситъ и крупинки положительной истины. Пушкинъ воспользовался уроками ложныхъ классиковъ такъ, какъ не съумѣли ими воспользоваться болѣе его образованные нѣмецкіе романтики: отъ классиковъ Пушкинъ унаслѣдовалъ глубокое уваженіе къ силѣ, чистотѣ и правильности языка; только его критерій былъ гораздо шире и разумнѣе; его творческая дѣятельность и въ этомъ отношеніи была плодотворнѣе.

Пушкинъ въ школьные годы свои переживалъ не одинъ только ложный классицизмъ; онъ переживалъ также, посредственно, или непосредственно, и всѣ тѣ разнообразныя литературныя направленія, которыя въ продолженіе полустолѣтія подрывали основанія этого глинянаго колосса. Мѣщанская драма Дидро, античный классицизмъ Лессинга, англійскій семейный романъ, слащавыя идилліи Геснера, сантиментализмъ Бернардена и Стерна, оригинально-увлекательное міровоззрѣніе Руссо, Вертеръ Гёте, страшныя баллады Бюргера, увлеченіе Оссіаномъ, культъ красоты въ Люциндѣ Шлегеля и Коринне М-мъ Сталь, болѣзненный пессимизмъ Рене и Обермана и т. д. и т. д., всѣ эти разнообразныя проявленія новой поэзіи сходятся въ стремленіи разрушить старыя стѣснительныя рамки, сблизить поэзію съ жизнью, дать первой свободу и широту и осмыслить и сдѣлать прекрасной вторую; всѣ поборники этой поэзіи стоятъ за права природы, неподкрашенной искусствомъ и въ то же время всѣ они возвышаютъ поэзію, какъ искусство.

Эту полувѣковую борьбу Пушкинъ какъ бы вновь пережилъ. «Прозябая въ садахъ Лицея», въ томъ возрастѣ, когда другіе юноши только учатъ свои уроки, да кутятъ по воскресеньямъ въ конди-

---

[1]) Напр. Расина онъ всегда считалъ великимъ мастеромъ стиха и стиля.

терскихъ, Пушкинъ перечиталъ цѣлую отборную библіотеку, и не только перечиталъ, но перечувствовалъ и обратилъ въ свое полное умственное и художественное достояніе. Вольтеръ, «*поэтъ въ поэтахъ первый*», по словамъ его [1]), «всѣхъ больше перечитанъ» и сильно вліяетъ на него; но его вліяніе парализуется вліяніемъ *романтика* Жуковскаго, котораго Пушкинъ считаетъ своимъ учителемъ по преимуществу; эллинизмъ Батюшкова и эпикуреизмъ Горація возбуждаютъ его вдохновеніе одновременно съ Оссіаномъ. Печально-настроенный сантиментализмъ бѣдной Лизы и ужасы Бюргеровыхъ балладъ вліяютъ на него одновременно съ чувственнымъ анакреонтикомъ Парни и остроумнымъ Лафонтеномъ, и извѣстный романсъ «Подъ вечеръ осенью ненастный» (единственный, сколько помню, въ исторіи литературы примѣръ огромной популярности стихотворенія 15-лѣтняго поэта), появляется въ одинъ годъ съ посланіемъ «Красавицѣ, которая нюхала табакъ»; прелестное стихотвореніе «Мечтатель», въ которомъ Пушкинъ выражаетъ свое задушевное желаніе жить только для поэзіи и тихихъ радостей, является въ одинъ годъ и даже, можетъ быть, въ одинъ мѣсяцъ съ одой на возвращеніе государя изъ Парижа, гдѣ юный поэтъ восклицаетъ съ глубокой горечью:

Почто жъ, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утро не почилъ!

Но пришлось бы разбирать всѣ лицейскія стихотворенія Пушкина, еслибъ я задумалъ опредѣлять литературныя вліянія, имъ за это время пережитыя. Я только укажу два-три примѣра того, какъ впослѣдствіи, въ пору зрѣлости своего генія, Пушкинъ претворялъ въ себѣ эти школьныя вліянія, возводя ихъ односторонность въ перлы художественности.

Я уже сказалъ, что ложный классицизмъ оставилъ въ немъ наклонность къ изученію родного языка; но онъ пошелъ въ этомъ отношеніи по лучшей дорогѣ и дальше, нежели академики многочисленныхъ академій Европы, вмѣстѣ взятые; онъ обратился къ исторіи языка и къ языку народному.

Сантиментализмъ Бернардена, Карамзина и Ричардсона далъ возможность Пушкину, въ жизни поклоннику свѣтскихъ дамъ, со-

[1]) См. „Городокъ".

здать такіе плѣнительные образы простодушныхъ и любящихъ дикарокъ, какъ Черкешенка, въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, Марья Ивановна, въ Капитанской Дочкѣ. Нужно ли говорить, насколько эти образы живѣе Лизы и Виргиніи?

Баллады Бюргера и Жуковскаго, поэмы Вальтера Скотта воодушевили Пушкина къ созданію Вѣщаго Олега, Утопленника, Русалки. Нужно ли доказывать, что фантастика Пушкина здоровѣе и художественнѣе, нежели у его образцовъ?

Поклоненіе среднимъ вѣкамъ и рыцарству у Пушкина явилось какъ пониманіе ихъ и художественное воспроизведеніе въ Скупомъ Рыцарѣ и Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ.

Критическія положенія Лессинга, хотя бы и узнанныя черезъ третьи руки, обратили его впослѣдствіи къ Шекспиру, дали ему вѣрное понятіе о драмѣ и были косвенною причиною появленія Бориса Годунова.

Апоѳеозъ поэзіи и отвращеніе отъ прозы практической, филистерской жизни, такъ сильно выраженныя въ Вертерѣ и доведенныя до абсурда Шлегелями, у Пушкина выразились твердымъ убѣжденіемъ въ независимости искусства отъ какихъ бы то ни было извнѣ наложенныхъ цѣлей и въ его высоко гуманномъ значеніи.

Обращаюсь къ первому крупному произведенію Пушкина, къ Руслану и Людмиллѣ. Извѣстно, что ни одна изъ болѣе позднихъ и болѣе глубокихъ по мысли его поэмъ не возбудила въ такой степени восторга лучшей части современнаго общества, какъ эта шутливая сказка. Извѣстно, что самъ Пушкинъ считалъ ее плохо построенной и *холодной* [1]), а его знаменитый критикъ Бѣлинскій былъ о ней очень невысокаго мнѣнія и восторгъ читателей объяснялъ ихъ нетребовательностью, которая впослѣдствіи, благодаря тому же Пушкину, замѣнилась излишнею и несправедливою требовательностью.

Это мнѣніе справедливо только отчасти. Русланъ и Людмилла, конечно, произведеніе не совсѣмъ зрѣлое, менѣе глубокое и совершенное, нежели Евгеній Онѣгинъ и Борисъ Годуновъ, и его историко-литературное значеніе, дѣйствительно, выше художественнаго; но все же нельзя согласиться съ Бѣлинскимъ, что Руслана и Людмиллу можно только *перелистывать* [2]) и что въ немъ нѣтъ «ни

[1]) См. его Записки, по изд. Исакова, IV, 43.

[2]) Бѣлинскій, VIII, 431.

призрака романтизма»[1]), который Бѣлинскій во многихъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и здѣсь, отождествляетъ съ поэзіей духа.

Если кто и въ наше время начнетъ «перелистывать» Руслана «отъ нечего дѣлать», непремѣнно увлечется имъ и дочтетъ его до конца съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и другую болѣе зрѣлую поэму Пушкина; только впечатлѣніе будетъ слабѣе.

Въ Русланѣ, дѣйствительно, отразились и Лафонтенъ, и Аріосто, и даже Вольтеръ; но въ немъ еще въ большей мѣрѣ отразилось и все то, что геній Пушкина нашелъ хорошаго въ *раннемъ нѣмецкомъ романтизмѣ*, который популяризировалъ у насъ Жуковскій; а именно: смѣлость образовъ и вольный полетъ фантазіи, широту поэтическаго міросозерцанія и полную свободу отъ стѣснительныхъ школьныхъ правилъ.

Я говорю именно о раннемъ нѣмецкомъ романтизмѣ, такъ какъ романтизмъ вообще есть понятіе слишкомъ растяжимое и неопредѣленное, и всѣ споры, которые велись о его сущности и отличіи отъ классицизма какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ, какъ во время Пушкина, такъ и послѣ него, ничего не выяснили и прекратились, какъ говорится, «изморомъ». Я только приведу два опредѣленія этого трудноуловимаго понятія, данныя самимъ Пушкинымъ. Въ стихотворномъ посланіи къ Родзянко [2]), написанномъ въ 1826 году, Пушкинъ называетъ романтизмъ «парнасскимъ аоеизмомъ», а въ извѣстномъ мѣстѣ своихъ Записокъ онъ опредѣляетъ романтизмъ только *формою*, т. е. онъ считаетъ романтическимъ всякое поэтическое произведеніе, отлитое въ такую форму, которая не была въ употребленіи у древнихъ. Анненковъ полагаетъ [3]), что это «не хитрое» опредѣленіе «обнаруживаетъ малую способность Пушкина къ теоретическимъ тонкостямъ», къ тяжелой работѣ мысли, какой требуетъ отвлеченная теорія искусства. По моему мнѣнію, здѣсь Пушкинъ обнаруживаетъ ясность ума, которая всегда предпочтетъ тощее и формальное, но вѣрное опредѣленіе тонкому и глубокомысленному, но спорному или туманному. Названіе «парнасскаго атеизма» вовсе не игра словъ, не острота, а опредѣленіе, тоже очень ясное и не формальное, но зато отрицательное. Дѣйствительно, всѣ оттѣнки романтической школы сходились въ непри-

[1]) Ibid. 432.

[2]) Изд. Исакова, I, 353.

[3]) Матеріалы, стр. 112 по 1-му изд., 106—по 2-му.

знаніи катехизиса ни Буало, ни Аристотеля, и лучшіе ихъ представители не соглашались стѣснять понятія поэтическаго какими бы то ни было рамками и признавать обязательными мнѣнія какихъ бы то ни было авторитетовъ.

Ранній нѣмецкій романтизмъ опредѣленнѣе, содержательнѣе и болѣе наклоненъ подчиниться теоріи, потому что самые основатели его были люди теоріи.

Человѣчество живетъ тремя великими идеями: *истины*, *красоты* и *пользы*; основатели журнала Athenaeum'а (1798 г.) разочаровались въ возможности найти *истину*, презирали *пользу* [1]) и преклонялись только передъ *прекраснымъ*. Для исканія идеала прекраснаго, этого небеснаго «голубого цвѣтка» на землѣ, они предоставили творческому генію человѣка безграничную свободу не только отъ какой бы то ни было піитики, но и отъ сдерживающаго вліянія противнаго имъ по своей самодовольной ограниченности разсудка.

Воспользовавшись свободой, которую романтическая теорія предоставляла его воображенію, Пушкинъ въ Русланѣ пошелъ дальше своихъ учителей, и именно въ томъ направленіи, въ которомъ туманный романтизмъ превращался въ истинную поэзію: онъ придалъ жизнь его фантастическимъ фигурамъ, и его волшебники, дѣвы и витязи настолько же реальнѣе подобныхъ фигуръ у раннихъ романтиковъ, насколько герои Гомера реальнѣе героевъ позднихъ рыцарскихъ повѣстей. Здоровое художественное чувство заставило его отрѣшиться отъ унылаго пессимизма романтиковъ, и онъ окончилъ свою поэму такимъ же полнымъ аккордомъ жизнерадостнаго и примирительнаго оптимизма, какимъ кончаетъ свои вымыслы *народная поэзія*.

Струю истинной народности подмѣтили и поклонники Руслана и его ожесточенные враги. Но ее отвергаетъ Бѣлинскій, увѣряющій, что въ Русланѣ народнаго, кромѣ именъ, ничего нѣтъ. Я не могу согласиться съ Бѣлинскимъ, хотя, кромѣ Владиміра, не нахожу въ поэмѣ *ни одного* русскаго имени и хотя теперь дознано, что сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ не русская, а заимствованная.

Изученіе родной старины и народности въ германской Европѣ началось еще со второй половины XVII столѣтія; а къ концу XVIII

---

[1]) По Ф. Шлегелю, *прилежаніе* и *польза*—это два ангела смерти, убивающіе геній человѣка.

оно уже дѣлается моднымъ въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ. Въ эпоху Клопштока и въ такъ называемый Бурный періодъ (Sturm-und Drangperiode) это изученіе, связанное съ восторженнымъ, хотя не особенно разумнымъ (*квасным*—по-нашему) патріотизмомъ, служило одною изъ основъ для борьбы съ галломаніей; а въ періодъ вертеризма искренняя вѣра въ нравственную чистоту крестьянина и ремесленника была укоромъ испорченности высшихъ классовъ. Руссо, какъ извѣстно, проводилъ ту же мысль.

Поднятію идеи о художественности народной поэзіи, къ которой ложный классицизмъ относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ, способствовали три почти одновременныя явленія: два изъ нихъ хорошо извѣстны всѣмъ образованнымъ людямъ; а сущность третьяго, которое пользовалось огромной популярностью во время дѣдовъ нашихъ, теперь забыта. Я разумѣю: критическіе взгляды Гердера, споръ о происхожденіи Гомеровыхъ поэмъ и Оссіана. Всякій знаетъ Оссіана и его издателя Макферсона по имени, но немногіе имѣли желаніе познакомиться съ ними обстоятельно. И въ самомъ дѣлѣ, что за охота изучать продуктъ фальсификаціи, проще говоря: литературнаго мошенничества? Но для историка новой литературы эта фальсификація имѣетъ огромное значеніе. Нѣтъ другого факта, который нанесъ бы такой сильный и положительный ударъ аристократической поэзіи ложныхъ классиковъ, какъ эта несовсѣмъ ловкая фальсификація. Чтобъ не ходить за доказательствомъ далеко, укажу только на русскаго переводчика Оссіановыхъ поэмъ, очень извѣстнаго въ свое время баккалавра Ермила Кострова, о которомъ и Пушкинъ записалъ нѣсколько анекдотовъ [1]). Этотъ типичный одописецъ, взявшись переводить Фингала, былъ пораженъ силой творчества въ немъ, и въ предисловіи къ переводу съ удивленіемъ спрашиваетъ себя и читателей: вѣроятно ли, чтобъ непросвѣщенный человѣкъ [2]) былъ творцомъ столь изящныхъ поэмъ? Онъ объясняетъ эту странность сравнительно высокой культурой горныхъ шотландцевъ, но приходитъ къ заключенію, что и у другихъ народовъ были свои «стихотворческія изустныя преданія». Если у кельтовъ были свои барды, безъ пѣсенъ которыхъ душа павшаго героя не допускалась въ чертоги облачные, отчего-жъ и у насъ не могло

---

[1]) См. Записки въ изд. Исакова, IV, 109.

[2]) Оссіанъ, по увѣренію Макферсона, жилъ въ III—IV вѣкѣ послѣ Р. Х.

быть своихъ «баяновъ»? И можно ли относиться съ пренебреженіемъ къ остаткамъ ихъ поэзіи, дошедшимъ до насъ въ формѣ сказокъ и пѣсенъ?

Но до 1789 г. всѣ идиллическія заигрыванія съ народомъ были, по выраженію Карамзина, скорѣе «мечтою добраго сердца», нежели выраженіемъ искренней вѣры въ силу народную, и самые пылкіе ученики Руссо все же продолжали смотрѣть на народъ, какъ на покорное стадо, лишенное прошлаго. Революція, и въ особенности паденіе Наполеона, радикально измѣнили этотъ взглядъ. Когда коалиція могущественныхъ государей оказалась безсильна, безсловесныя и безправныя массы взяли на себя дѣло правительствъ и однимъ порывомъ негодованія стряхнули съ себя ненавистное иго.

Ни въ какой другой странѣ народъ съ его прошлымъ не былъ такъ презираемъ, какъ у насъ въ Россіи, гдѣ реформа Петра разверзла бездну между массой и интеллигенціей; а именно русскій-то народъ, эта орда татарскихъ рабовъ, какъ его называли въ Европѣ, и оказался впереди другихъ въ этой великой борьбѣ за свободу національностей. Онъ больше всѣхъ принесъ жертвъ, и онъ нанесъ первый роковой ударъ великану Запада.

Теперь трудно и представить, сколько нужно было имѣть въ себѣ рутинной тупости, чтобы и послѣ этого презирать народъ, не желать унизиться до его изученія и издѣваться надъ нимъ; многіе изъ офранцуженныхъ русскихъ были виновны въ этомъ, только не Пушкинъ, который возглашаетъ Наполеону *хвалу* за то, что онъ

— русскому народу
Высокій жребій указалъ.

Русланъ и Людмилла—не народная поэма въ томъ смыслѣ, въ какомъ народны пѣсни Кольцова, Никитина или позднѣйшія сказки Пушкина и Лермонтовская пѣсня о купцѣ Калашниковѣ; это вовсе не «гость въ сѣромъ армякѣ, ввалившійся въ благородное россійское собраніе», какъ увѣрялъ «бутырскій» критикъ; но она народнѣе всего, что до нея выходила изъ подъ пера нашей интеллигенціи (за исключеніемъ нѣсколькихъ малоизвѣстныхъ пѣсенъ). Историко-литературное явленіе надо сравнивать не съ послѣдующими, а съ предыдущими и современными ему. Можно ли по степени народности поставить рядомъ съ Русланомъ Громобоя Жуковскаго, не говоря уже объ Ильѣ Муромцѣ Карамзина?

Положимъ, очаровательное введеніе, какъ бы собравшее въ ма-

ленькій изящный букетъ всю фантастику русскихъ сказокъ, явилось только въ изданіи 1828 г.; но столъ ласковаго князя Владиміра, поѣздка богатырей въ разныя стороны для отысканія похищенной красавицы, чудесные помощники, живая и мертвая вода, шапка-невидимка, чудесный сонъ героини, заколдованный мечъ, битва Руслана съ цѣлымъ войскомъ, благополучная развязка — все это дѣйствительно «преданья старины глубокой», и именно русской сказочной старины; эти преданія искусно переплетены съ позднѣйшей фантастикой романской поэзіи и изложены съ лафонтеновской живостью и изяществомъ. Языкъ поэмы такой же красивый и такой же пестрый, какъ и содержаніе; онъ также пересыпанъ чисто народными выраженіями, которыя до тѣхъ поръ не имѣли доступа на благородный россійскій геликонъ.

Но, скажутъ намъ: три-четыре десятка подслушанныхъ у народа и удачно примѣненныхъ фразъ и нѣсколько сказочныхъ мотивовъ, заимствованныхъ у Арины Родіоновны—немного для народности; *немного* для послѣ-пушкинской эпохи; но, судя по злостнымъ нападеніямъ бутырскихъ критиковъ, для 1820 г. слишкомъ довольно. Вѣдь и Колумбъ не сразу открылъ Америку.

Пушкинъ не остановился на этомъ. На крайнемъ югѣ Россіи, въ періодъ увлеченія наслажденіями жизни и творчества, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ Байрона, аристократическое пренебреженіе котораго къ толпѣ слишкомъ извѣстно, Пушкинъ по книгамъ и наблюденіямъ изучалъ чуждыя народности и въ изображеніи кавказскихъ горцевъ, крымскихъ татаръ, цыганъ учился примѣнять колоритъ мѣста и времени (couleur local, Localfarbe), который составляетъ важнѣйшую заслугу французскихъ и англійскихъ романтиковъ. Истинный поэтъ, онъ творилъ только подъ впечатлѣніемъ дѣйствительности, и онъ не былъ бы Пушкинымъ, еслибъ, бродя по горамъ Кавказа, могъ обдумывать Бориса Годунова. Но онъ продолжалъ работать надъ роднымъ языкомъ и горько упрекалъ брата за всеобщую тогда страсть примѣшивать къ русской рѣчи французскія фразы; а когда въ 1822 г. онъ узналъ о выходѣ въ свѣтъ перваго на Руси ученаго сборника народныхъ пѣсенъ [1]), онъ проситъ брата немедленно выслать ему эту книгу.

Только въ Кіевѣ Пушкинъ всецѣло проникается національнымъ

---

[1]) Кн. Цертелева: „Малороссійскія пѣсни и думы“.

чувствомъ и народностью и подъ этимъ впечатлѣніемъ создаетъ «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ», которой одной было бы достаточно, чтобъ признать его художникомъ первой величины.

Но вотъ судьба снова гонитъ его въ глубь Великороссіи, засаживаетъ его подъ тройной надзоръ въ деревню, въ Псковской губерніи. Выдержавъ страшную семейную бурю, которая заставила его проситься подъ арестъ, въ крѣпость, Пушкинъ наконецъ остается на цѣлые два года почти одинъ. Онъ выписываетъ, несмотря на свое вѣчное безденежье, массу книгъ, работаетъ вплоть до поздняго обѣда, а потомъ бесѣдуетъ съ своей старой няней, знаменитой Ариной Родіоновной. Осенью 1824 г. пишетъ онъ брату: «Вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ *недостатки проклятаго воспитанія.* Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма».

Конечно, Пушкинъ счастливъ, что у него была такая няня, еще съ дѣтства имѣвшая на него сильное и благотворное вліяніе, но и у многихъ русскихъ писателей и до и послѣ Пушкина были такія няни; только они не такъ воспользовались ихъ разсказами. Напомню Гончарова, который сказки няни ставитъ не на послѣднемъ мѣстѣ въ числѣ печальныхъ обстоятельствъ, сдѣлавшихъ изъ добраго и умнаго Ильюшеньки Обломова негоднаго лежебока и тряпку. Едва ли надо доказывать фальшивость такого взгляда.

Но Пушкинъ не только *слушалъ* сказки; онъ записывалъ ихъ; онъ также записывалъ и пѣсни [1]) и, судя по упоминанію о коллекціи *Разинскихъ* пѣсенъ, сортировалъ ихъ по сюжетамъ.

Въ то же время, для изученія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ, онъ ходилъ во Псковѣ по базарамъ, толкался въ народѣ, между людьми, и для этого, какъ свидѣтельствуетъ Анненковъ, даже переодѣвался мѣщаниномъ.

Такимъ образомъ, этотъ вѣтренный баричъ, получившій прозвище *француза* отъ офранцуженныхъ дворянъ, учениковъ Лицея, сходился во взглядахъ и въ задачѣ съ скромными нѣмецкими труженниками, братьями Гриммами, которые за 12 лѣтъ до тѣхъ поръ выпустили 1-й томъ своего собранія сказокъ, до признанія важности которыхъ они дошли путемъ долгаго и упорнаго изученія старины, а Пушкинъ—своимъ геніемъ.

---

[1]) П. В. Кирѣевскій упоминаетъ о цѣлой тетради пѣсенъ, записанныхъ Пушкинымъ. См. Анненковъ, Мат., стр. 144.

Такимъ образомъ этотъ баричъ, учившійся «чему нибудь и какъ нибудь», на много десятковъ лѣтъ опередилъ своихъ учителей французовъ, которые только послѣ франко-прусской войны согласились выйти изъ своего китайскаго самодовольства цивилизаціей парижскихъ бульваровъ и обратились массою къ изученію старины и народности. Такимъ образомъ этотъ баричъ черезъ полстолѣтія протягиваетъ руку народнымъ учителямъ, записывавшимъ сказки для Аѳанасьева и пѣсни для Шеина.

Но Пушкинъ записывалъ пѣсни и сказки и изучалъ простонародный складъ рѣчи не для ученаго изданія, а для художественнаго пользованія. На основаніи одного изъ разсказовъ Арины Родіоновны, онъ создалъ лучшую балладу, какая только есть на Руси, «Женихъ», балладу, вполнѣ народную и въ то же время художественную. Съ какимъ вниманіемъ относился онъ къ сказочнымъ сюжетамъ, какъ дорожилъ онъ образами народной фантазіи, видно, напримѣръ, изъ того, что когда онъ въ Сказкѣ о царѣ Салтанѣ не воспользовался однимъ поэтическимъ украшеніемъ [1]) и замѣнилъ его вымышленнымъ, онъ утилизировалъ его въ поэтическомъ предисловіи къ Руслану.

Когда въ 1831 г. онъ состязается съ Жуковскимъ въ переработкѣ сказокъ, его учитель пользуется матеріалами ученика—сказка о царѣ Берендеѣ написана по записи Пушкина за Ариной Родіоновной,—и какъ ни мало подготовлены были тогдашніе читатели для сужденія о степени народности, поддѣлка Жуковскаго, который въ этомъ случаѣ проявилъ никакъ не меньшее, а скорѣй большее пониманіе дѣла, чѣмъ нѣмецкіе романтики, не понравилась; а Сказка о царѣ Салтанѣ вызвала извѣстное восторженное стихотвореніе Гнѣдича [2]). Въ этой сказкѣ лучшіе люди видѣли зародышъ новаго періода русской литературы.

---

[1]) Котомъ-баюномъ.

[2]) Пушкинъ-Протей!
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей.
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній иль Гёте, Шекспира—
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ;
Ты же, постигнувшій таинства русскаго духа и міра,
Ты—нашъ баянъ,

За царемъ Салтаномъ послѣдовалъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ сказокъ, и двѣ изъ нихъ: Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ и Балда уже разошлись среди народа въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Такъ Пушкинъ расплатился съ многомилліонной родней Арины Родіоновны за ея вечерніе разсказы.

Въ историко-литературномъ отношеніи чрезвычайно интересны геніально-удачныя попытки поддѣлокъ Пушкина подъ народный складъ, въ родѣ напр. недоконченной поэмы о Медвѣдѣ. Анненковъ [1]) недоволенъ такимъ смѣшеніемъ творчества личнаго и общенароднаго, хотя и самъ признаетъ за этими попытками «тайну особаго наслажденія».

Я не могу согласиться съ Анненковымъ. «Общенародное творчество» есть полупоэтическая, полуученая фикція, которую давно-бы пора сдать въ архивъ. Развѣ можетъ цѣлый народъ или часть его работать надъ созданіемъ цѣльнаго поэтическаго произведенія, въ родѣ того, какъ 30 сотрудниковъ Дюма работали надъ его романами? Но вѣдь и тамъ все же распоряжался одинъ Дюма. Нѣтъ сомнѣнія, что и всякую народную пѣсню сочинялъ одинъ человѣкъ, одаренный большею степенью творчества; онъ не выдѣлялся изъ массы ни образованіемъ, ни оригинальными идеями; онъ творилъ вполнѣ въ духѣ народномъ, пѣлъ *то* и пѣлъ *такъ*, *что* и *какъ* чувствовали всѣ окружающіе; вслѣдствіе чего его пѣсня становилась общимъ достояніемъ, и каждый слѣдующій пѣвецъ могъ видоизмѣнять ея подробности по-своему, могъ сокращать ее или удлинять вставками; но все же первая концепція принадлежала одному поэту.

Поэзія достигаетъ высшей ступени развитія, оставаясь въ то же время вполнѣ народной, когда эти поэты начинаютъ выдѣляться изъ массы силою творческой мысли и фантазіи, знаніемъ жизни, большею широтою взглядовъ и ясностью идеаловъ, но при этомъ остаются вѣрными всѣмъ преданіямъ и всему міровоззрѣнію массы. При такихъ условіяхъ создались Иліада и Одиссея, Пѣснь о Роландѣ, Нибелунги, поэма о Сидѣ.

Съ развитіемъ цивилизаціи и съ неравномѣрностью распредѣ-

Небомъ роднымъ вдохновенный,
Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный!

[1]) Матер., стр. 145.

ленія ея по слоямъ общества, такія условія въ общемъ становятся невозможными; но если истинный художникъ проникается теплою любовью къ своему народу и его поэзіи, онъ становится народнымъ пѣвцомъ, не переставая быть руководителемъ высшихъ классовъ общества.

Пушкинъ не окончилъ своего Медвѣдя и не придавалъ серьезнаго значенія передѣлкамъ сказокъ по винѣ своего французскаго «проклятаго», какъ онъ выражался, воспитанія; требовать, чтобы человѣкъ, хотя-бы и геніальный, безусловно отрѣшился отъ взглядовъ современниковъ, было-бы нелѣпостью. И то онъ обогналъ ихъ въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ на цѣлое поколѣніе: онъ составляетъ сборники пословицъ, пѣсенъ, сказокъ больше, чѣмъ за десять лѣтъ до Сахарова и относится къ нимъ съ бо́льшимъ пониманіемъ, съ большею ученою добросовѣстностью, нежели этотъ заслуженный собиратель [1]). Изученіе живой народной поэзіи Пушкинъ съ тактомъ опытнаго ученаго ведетъ рядомъ съ изученіемъ родной старины: онъ серьезно работаетъ надъ русской исторіей, пишетъ комментаріи на Слово о Полку Игоревѣ, интересуется Изборникомъ Святослава, собираетъ и объясняетъ термины соколиной охоты и т. д. А между тѣмъ ни теперь, ни послѣ никто не былъ дальше Пушкина отъ *квасного* патріотизма и отъ наклонности кичиться передъ Европой [2]).

Плодотворны были послѣдствія этого обращенія Пушкина къ народности: именно въ это время выработались его художественные взгляды, ставшіе теперь общимъ убѣжденіемъ; именно въ это время созналъ и объяснилъ онъ, насколько Шекспиръ выше Байрона; съ этого времени начинается періодъ полной силы его творчества, въ которомъ эту струю животворной народности замѣчаетъ и самъ поэтъ и умнѣйшіе изъ его современниковъ [3]); въ это время

---

[1]) И впослѣдствіи, когда изъ родной деревни Пушкинъ переселился въ Петербургъ, его симпатія къ народной пѣснѣ нисколько не ослабѣла: сохранилась его тетрадка, гдѣ онъ для одного своего пріятеля-иностранца перевелъ на французскій языкъ часть своего сборника пѣсенъ. (См. Рус. Арх. 1885 г.).

[2]) См. напр. статью о г-жѣ Сталь въ Моск. Тел. 1835 г. (соч. V, 145).

[3]) Въ 1829 г. Пушкинъ пишетъ: „Мы вообразили, что утомленный блѣдными образами классической поэзіи вкусъ публики требуетъ иныхъ сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ источникахъ новой *народной* поэзіи“.

Въ 1828 г. критикъ Моск. Вѣстн., въ статьѣ о Пушкинѣ, новый періодъ творчества поэта называетъ *русско-пушкинскимъ* и находитъ въ немъ *живо-*

создается Борисъ Годуновъ, въ которомъ Пушкинъ сознательно хочетъ дать образецъ русской народной драмы, и наконецъ въ это время стихъ Пушкина достигаетъ своей вѣчно *неувядаемой классической красоты и силы.*

Какъ ни странно можетъ это показаться съ перваго взгляда, но я твердо убѣжденъ, что Пушкинъ сталъ вполнѣ европейскимъ писателемъ именно съ той поры, какъ сдѣлался русскимъ народнымъ поэтомъ. Любовь, какъ и страхъ, можетъ возбудить и существо, безсознательно дѣйствующее; но уваженіе себѣ подобныхъ можетъ пріобрѣсти только человѣкъ, который самъ себя уважаетъ. Русскіе интеллигентные люди, презиравшіе свою національность, могли дѣлаться французами, англичанами; но европейцами они не могли быть, хотя и переставали быть русскими. Наши поэты, копировавшіе французовъ, не были европейскими, потому что не могли сказать Европѣ ничего новаго. Европеецъ тотъ, кто чувствуетъ и сознаетъ свою роль, какъ представителя извѣстной національности въ общемъ дѣлѣ европейской, т. е. общечеловѣческой цивилизаціи. Европейскимъ или міровымъ мы называемъ того поэта, черезъ посредство котораго геній его народа освѣщаетъ и просвѣщаетъ все человѣчество. «Счастливъ тотъ народъ», говоритъ проф. Буслаевъ, «который въ національныхъ основахъ своей литературы, *вмѣстѣ съ любовью къ родинѣ*, можетъ воспитывать въ себѣ высшія общечеловѣческія стремленія, народъ, который, *раскрывая свою національность*, двигаетъ впередъ исторію человѣчества» [1]). Не однѣ передовыя націи имѣютъ право говорить *свое слово*, какъ и въ каждой отдѣльной литературѣ или наукѣ не одни великіе таланты приносятъ пользу; кто хорошо дѣлаетъ свое маленькое дѣло, дѣлаетъ въ то-же время и дѣло общее. Теперь, когда имена Тургенева, Достоевскаго, Льва Толстого гремятъ по всей Европѣ, и ихъ произведенія читаются во всѣхъ углахъ ея, мы можемъ откинуть излишнюю скромность и сказать съ увѣренностью, что и русская литература двигаетъ впередъ мысль человѣчества; а первымъ вліятельнымъ проводникомъ русской народности въ Европѣ былъ Пушкинъ.

Онъ могъ исполнить это высокое назначеніе и, дѣйствительно,

нискую народность. См. Весинъ: „Очерки исторіи русской журналистики". СПб. 1881, стр. 82—83.

[1]) См. „Русскій богатырскій эпосъ".

исполнилъ его не только потому, что онъ любилъ свою родину [1])— были и до него и при немъ люди, проникнутые не менѣе искреннимъ чувствомъ и даже засвидѣтельствовавшіе свой патріотизмъ мученичествомъ, — но и потому, что онъ съ громаднымъ поэтическимъ талантомъ соединялъ почти небывалое у насъ по широтѣ своей литературное образованіе, безъ котораго для младшихъ сыновей цивилизаціи нѣтъ доступа въ Европу; только знаніе ея прошлаго открываетъ намъ дорогу къ ея настоящему.

Хоть и много разъ было говорено о начитанности Пушкина, все же, просмотрѣвъ его письма, писанныя вовсе не на показъ учености, и критическія статьи, нельзя не выразить своего удивленія по поводу широты и глубины литературнаго образованія и развитости вкуса этого будто-бы лѣниваго петербургскаго дэнди. Онъ принесъ съ собою въ Лицей знаніе французской литературы XVII и XVIII столѣтій. Въ Лицеѣ онъ со страстію занимался исторіей. Во время изгнанія онъ выучивается свободно читать по-англійски и по-итальянски. Онъ переводитъ Аріосто, воспроизводитъ Данта. Уже въ Одессѣ онъ изучаетъ Гёте [2]) и Шекспира. Онъ едва ли не первый изъ русскихъ поэтовъ обращаетъ вниманіе на поэзію Востока, изучаетъ коранъ. Въ деревнѣ онъ собираетъ огромную библіотеку. «Книгъ! ради Бога, книгъ!» вопіетъ онъ почти въ каждомъ письмѣ; онъ не только знаетъ Вальтеръ-Скотта, какъ свои пять пальцевъ, но и угадываетъ его вліяніе на французскую исторіографію. Онъ хорошо знаетъ и вѣрно понимаетъ Мильтона не только какъ творца «Рая», но и какъ автора «Defensionis populi». Онъ, такъ не выносившій скуки, читаетъ многотомную «Клариссу» Ричардсона, бранится, но читаетъ. Онъ читалъ Монтеня, Рабле, Гудибраса; онъ знаетъ Buovo d'Antona, о которомъ даже многіе русскіе спеціалисты узнали въ первый разъ изъ книги А. Н. Пыпина; онъ знаетъ многое изъ старой французской литературы, о

---

[1]) Злобныя выходки противъ Россіи въ его письмахъ относятся не къ самой Россіи, но къ существовавшимъ тогда въ ней порядкамъ; отчасти же онѣ объясняются его юношеской страстью къ парадоксамъ и гиперболамъ. Очень характерна въ этомъ отношеніи его извѣстная фраза: „Я, *конечно,* презираю мое отечество съ ногъ до головы, но мнѣ досадно, когда иностранцы раздѣляютъ со мною это чувство".

[2]) Впрочемъ, вѣроятно, во французскомъ переводѣ: по-нѣмецки читалъ онъ неохотно.

чемъ даже образованные французы услыхали въ первый разъ въ 60-хъ годахъ: онъ знаетъ бретонскія lais, фабльо. Только истинное знаніе даетъ чувство силы, увѣренность въ себѣ, и какъ твердъ въ своихъ критическихъ взглядахъ Пушкинъ Литературной Газеты и Современника по отношенію къ всемогущей тогда французской литературѣ! Онъ защищаетъ ее, какъ «власть имѣющій» отъ нападеній академическихъ старовѣровъ, но возмущается развивающимся на его глазахъ *индустріализмомъ* ея, стремленіемъ наживать деньги, пользуясь слабостью публики къ эффектамъ, ужасамъ и сальностямъ [1]). Онъ зло издѣвается надъ тѣмъ искаженіемъ, которому подвергся великій Мильтонъ въ рукахъ Альфреда де Виньи и Виктора Гюго; не опасаясь ни враговъ, ни обожателей Гюго, онъ называетъ его поэтомъ, но поэтомъ второстепеннымъ, конечно, не по вліянію, котораго онъ не могъ провидѣть, а по силѣ творчества. Сравните съ этими рѣзкими и твердыми сужденіями колебанія русскихъ журналовъ 40-хъ годовъ, когда въ отдѣлѣ критики издѣваются надъ Дюма, а въ отдѣлѣ изящной словесности преподносятъ его совсѣмъ бездарныхъ подражателей. А вѣдь это было лучшее время нашей журналистики, время Бѣлинскаго!

Переживъ крайности романтизма, переживъ безотрадный пессимизмъ Байрона и недолговѣчное возрожденіе классицизма въ такъ называемой школѣ «здраваго смысла» (bon sens), воспользовавшись благими, хотя и односторонними уроками реализма, питаемая живымъ духомъ изученія народности и старины, міровая поэзія въ лучшихъ своихъ представителяхъ, отъ Андерсена до Диккенса и отъ Жоржъ-Санда до Рунеберга, обратилась къ великимъ соціальнымъ задачамъ, къ разъясненію общественныхъ недуговъ, къ защитѣ «униженныхъ и оскорбленныхъ» всякаго рода, къ пробужденію милосердія къ падшимъ. Это благотворное направленіе, остающееся господствующимъ и до нашего времени, несмотря на всѣ толчки, которые испытывало и еще испытываетъ оно то отъ крайняго реализма, то отъ анти-художественной тенденціозности, вполнѣ естественно вызывающихъ реакцію, начинается именно съ 30-хъ годовъ, къ концу которыхъ его уже удачно эксплоатируютъ ловкіе авторы фельетонныхъ романовъ.

Существуетъ небезосновательное, но, по моему убѣжденію, въ

---

[1]) См. напр. V, 162 и др.

сущности ложное мнѣніе, что Пушкинъ, такъ сказать, не доросъ до этого направленія, до этой степени развитія поэзіи, остановившись на такъ называемой чистой художественности. Еще у многихъ свѣжа въ памяти та буря, которая именно по этому поводу поднялась въ 60-хъ годахъ противъ нашего великаго поэта. Но было бы несправедливо взваливать всю отвѣтственность за нее на критиковъ и публицистовъ этого времени, тѣмъ болѣе на одного, даровитѣйшаго изъ нихъ. Хотя Писаревъ въ одной и той же знаменитой статьѣ своей возсталъ и на Пушкина, и на его критика Бѣлинскаго, эта статья есть не что иное, какъ развитіе одного изъ положеній вдохновеннаго изслѣдованія Бѣлинскаго о Пушкинѣ. Вотъ это положеніе [1]): «Пушкинъ, по своему воззрѣнію, принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное любви и вражды мышленіе сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные, болѣзненные вопросы настоящаго».

Я назвалъ это мнѣніе небезосновательнымъ потому, что оно основывается на значительной части произведеній Пушкина, на многихъ задушевныхъ письмахъ его, наконецъ на знаменитомъ его поэтическомъ исповѣданіи вѣры «Чернь». Я называю его въ сущности ложнымъ, и мой главный аргументъ—неопровержимый фактъ: это московскій праздникъ 1880 года и нынѣшнее чествованіе памяти Пушкина. Итоги этихъ дней, конечно, еще не могутъ быть подведены, но праздникъ 80-го г. у всѣхъ на памяти; высшимъ его моментомъ была рѣчь теперь уже покойнаго Ѳедора Достоевскаго о Татьянѣ Пушкина и соціальномъ значеніи этого идеала; въ этой рѣчи самый даровитый и самый пылкій представитель «страстнаго, полнаго вражды и любви мышленія» (больше *любви*, чѣмъ *вражды*, по особенностямъ мягкаго славянскаго характера) провозглашаетъ своимъ учителемъ Пушкина, указываетъ «животрепещущій интересъ» въ его произведеніяхъ, находитъ въ нихъ

[1]) VIII, стр. 402.

отвѣтъ на тревожные и болѣзненные вопросы настоящаго. Если бы Пушкинъ былъ представителемъ устарѣвшей поэтической школы, открытіе его памятника было бы тихимъ академическимъ торжествомъ, а не русскимъ народнымъ праздникомъ. Или, можетъ быть, представители прессы, депутаціи изъ городовъ и отъ всѣхъ университетовъ, вѣнки отъ адвокатовъ, думъ, земствъ, Достоевскій, Тургеневъ явились тогда въ Москву только изъ желанія пошумѣть на законномъ основаніи, какъ они явились бы и на открытіе памятника Ломоносову или Карамзину, и рѣчь Достоевскаго была только блестящей софистикой?

Едва-ли кто съ этимъ согласится. Масса лирическихъ пьесъ Пушкина, шутливыя строфы Онѣгина написаны имъ, дѣйствительно, въ то время, когда не онъ одинъ, а весь міръ еще не доросъ до новой поэзіи. Фразы въ его письмахъ и статьяхъ на тему, что цѣль поэзіи есть сама поэзія, что она есть *высокое служеніе*, ровно ничего не доказываютъ; это—прекрасно выраженныя общія мѣста, которыя можно защищать съ точки зрѣнія любой школы, любого направленія. Знаменитое стихотвореніе «Чернь» написано въ 1828 г. выражаетъ не то міровоззрѣніе, которое выработалъ Пушкинъ на всю свою остальную жизнь, а то, съ которымъ онъ покончивалъ въ это время, подобно тому, какъ Вертеръ Гёте выражаетъ окончаніе вертеризма въ жизни и произведеніяхъ Гёте. Зародышъ поэта гражданина слышенъ въ Пушкинѣ съ первыхъ его шаговъ; онъ уже въ ранней юности мечтаетъ быть «эхомъ русскаго народа». 20-ти лѣтъ отъ роду онъ пророчески восклицаетъ:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію Царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Около 1830 г., по мнѣнію лучшаго знатока Пушкина—Анненкова, совершается переломъ въ его поэтической дѣятельности именно въ этомъ направленіи [1]); если не согласиться съ Анненковымъ, какъ объяснить, что всегда искренній поэтъ, недавно сравнивавшій исправленіе сердецъ своихъ согражданъ съ мятеніемъ грязныхъ улицъ, высшей заслугой своей считаетъ, что онъ «милость къ *падшимъ* пробуждалъ?». Гражданское значеніе

[1]) «Русалкой» онъ прощается съ *свободнымъ* творчествомъ.

послѣднихъ главъ Онѣгина доказано Достоевскимъ. Въ Галубѣ ясна глубокая идея о борьбѣ личности съ предразсудками общества; въ Мѣдномъ Всадникѣ благо милліоновъ сталкивается съ благосостояніемъ отдѣльныхъ единицъ; въ Капитанской Дочкѣ поэтъ, оставаясь истиннымъ художникомъ, сознательно заступается за униженныхъ и оскорбленныхъ и «извергу естества», Пугачеву, придаетъ доброе сердце и глубоко-поэтическую душу, а героиней, возстановительницей правды, дѣлаетъ необразованную дѣвушку, которая двухъ словъ связать не умѣетъ. Въ Дубровскомъ его герой— отверженникъ общества, придорожный разбойникъ, жертва кляузы и дикаго произвола. Но это все факты, слишкомъ извѣстные, о которыхъ даже и неловко говорить съ этой каѳедры... Именно къ этому времени у Пушкина выясняется идеалъ независимости писателя [1]), какъ руководителя общества, литературы, какъ потребности народной [2]). Тогда-то онъ расширяетъ свое творчество прозой и свою дѣятельность — критикой, и какъ онъ заботился объ этомъ отдѣлѣ въ своемъ журналѣ! и какой громадный критическій талантъ проявляетъ онъ самъ въ своихъ немногихъ статьяхъ! Съ неудержимой злобой преслѣдуетъ онъ русскаго индустріалиста Оаддея Булгарина; Богдановича и Дмитріева онъ не любитъ именно за легкость и безцѣльность ихъ творчества; Державина считаетъ въ немногихъ его одахъ истиннымъ поэтомъ именно за силу и *правдивость*. Въ молодости Пушкинъ хотѣлъ слыть исключительно свѣтскимъ человѣкомъ, стыдился своего писательства и даже, прикидываясь циникомъ, объяснялъ его нуждою въ деньгахъ; въ этотъ короткій періодъ зрѣлости онъ освободился отъ этого ложнаго стыда и являлся въ свѣтѣ, какъ писатель. Онъ вполнѣ ясно сознавалъ, какую огромную политическую силу представляетъ талантливый и честный писатель въ обществѣ, пробуждающемся къ самосознанію.

Въ 1828 г. вышелъ первый, подписанный полнымъ именемъ и имѣвшій большой успѣхъ, романъ до сихъ поръ популярнаго и вліятельнаго даже и въ русской публикѣ Эдуарда Бульвера, впослѣдствіи лорда Литтона [3]) (род. 1805 г., ум. 1873 г.), Пельгамъ или

---

[1]) См. напримѣръ заключеніе статьи о Вольтерѣ V, 268.

[2]) Ibid. 428.

[3]) Анненковъ (Вѣстн. Европ. 1881 г. № 7), ошибочно относитъ его къ 1835 г.

приключеніе джентельмена (Pelham or the adventures of a gentlman). Въ немъ Бульверъ съ бо́льшимъ жаромъ, нежели искусствомъ и знаніемъ жизни (автору было всего 23 года), стремится осуществить идеалъ современнаго, соціальнаго романа, показать всѣ пружины, которыми движется общество, то спускаясь до самыхъ подонокъ общества, то поднимаясь до верхнихъ слоевъ его сливокъ. Пушкинъ прочелъ этотъ романъ, плѣнился его идеей, сталъ обдумывать русскій соціальный романъ, конечно, совершенно самостоятельный; общею была только задача: провести героя, русскаго дворянина, по всѣмъ слоямъ русской жизни. Отысканы два сходные плана, набросанные Пушкинымъ; въ первомъ онъ называетъ героя *русскій Пеламъ*, во 2-мъ—*Пелымовъ* [1]). Въ обоихъ планахъ герой очищается страданіемъ и тѣмъ, что считается паденіемъ въ глазахъ общества (онъ сидитъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ уголовномъ преступленіи); злодѣя романа Пушкинъ характеризуетъ словами—très comme il faut.

Всѣмъ извѣстна превосходно набросанная, но далеко не отдѣланная историческая драма Пушкина: *Сцены изъ рыцарскихъ временъ*. Изъ бумагъ его оказывается, что планъ ея, также не одинъ разъ передѣланный, былъ очень широкъ и глубокъ, что братъ Бертольдъ, занимающійся алхиміей, введенъ сюда вовсе не для пополненія средневѣковой обстановки; но его знаменитое открытіе должно было обусловить развязку, что Пушкинъ задумалъ изобразить не средніе вѣка, когда народъ былъ въ угнетеніи, а гибель ихъ подъ ударами пробужденнаго народа и знанія [2]).

Наконецъ еще одинъ фактъ, на который, сколько знаю, до сихъ поръ слишкомъ мало обращали вниманія: это начало Пушкинской повѣсти «Марія Шонингъ» [3]) и историческая основа ея изъ уголовнаго дѣла, записанная Пушкинымъ по-французски. Въ 1778 Нюренбергѣ были казнены 2 женщины: одна—за дѣтоубійство, другая—какъ укрывательница и пособница дѣтоубійцы; обѣ онѣ были невинны, и ребенокъ, изъ за котораго онѣ погибли, никогда не существовалъ. Марія Шонингъ взвела на себя и на свою подругу небывалое преступленіе, измученная нуждою и угрожаемая незаслуженнымъ, позоромъ наказаніемъ. Ея подруга, бѣдная вдова,

[1]) Анненковъ, l. c. Ср. Приложенія Г. Геннади, стр. 121 и слѣд.

[2]) Анненковъ, l. c.

[3]) IV, 83 и слѣд. (по изд. Исакова).

измученная и за себя и за дѣтей и испуганная пыткою, признала себя виновной. Только передъ плахой онѣ покаялись во лжи; но казнь не была остановлена.

Отъ повѣсти сохранились только два начальныхъ письма, когда и кроткая героиня и ея подруга еще не успѣли столкнуться съ нуждою и притѣснительными законами, и еще пользуются полнымъ душевнымъ миромъ; гроза только издали надвигается; и подруги еще интересуются косынками; но уже началась война между несчастной сиротой и безсердечнымъ обществомъ [1]).

Могъ-ли избирать такія темы поэтъ, который «не носилъ въ себѣ идеала лучшей дѣйствительности?». Можно-ли сказать про Пушкина, что кротость, «елейность», какъ выражается Бѣлинскій, его направленія помѣшали бы ему сдѣлаться великимъ мастеромъ новой школы европейской поэзіи, если бы смерть не прервала его дѣятельности на 38-мъ году?

Великая семья европейскихъ народовъ благосклонно принимаетъ всякаго новаго члена, который скромно и почтительно проситъ о своемъ допущеніи. Но намъ до послѣдняго времени не везло въ Европѣ, вѣроятно потому, что мы не просили въ ней мѣста, а захватили его силою, и не успѣли наши новые родичи оглянуться, какъ мы потребовали себѣ чуть не первенства.

Что въ политической жизни совершилось въ прошломъ столѣтіи, то въ жизни духовной совершается въ нынѣшнемъ. *Пушкинъ—нашъ первый европейскій поэтъ, какъ Петръ Великій—нашъ первый европейскій Государь.* Какъ Петръ, точно расплачиваясь за досуги и забавы своихъ «тишайшихъ» предковъ, «на тропѣ вѣчный былъ работникъ», и въ себѣ одномъ соединялъ всѣ министерства и всѣ спеціальности, нужныя для управленія ими, такъ и Пушкинъ расплачивался съ Россіей лихорадочнымъ трудомъ и былъ въ одно время и лирикомъ, и эпикомъ, и драматургомъ, и критикомъ, и историкомъ. Какъ иностранцы начинали обозрѣніе русской исторіи и цивилизаціи съ Петра Великаго, такъ позднѣе исторію русской литературы и русской мысли они начинали съ Пушкина.

---

[1]) „Я стала на колѣни, чтобы издали проститься съ отцомъ. Г-жа Ротбергъ сказала: какая комедіантка! Вообрази, что эти слова кольнули меня“, пишетъ Шонингъ.

Европа признала Пушкина, какъ 100 лѣтъ назадъ она признала Петра Великаго. Переводить Пушкина на нѣмецкій и французскій языки начинаютъ еще въ двадцатыхъ годахъ [1]) и тогда же появляются разборы его большихъ поэмъ. Въ 1834 году Кавказскій Плѣнникъ уже переведенъ на итальянскій языкъ, въ 1835 г. отдѣльныя стихотворенія переведены на англійскій. Въ 1840 г. по нѣмецки уже выходятъ избранныя его сочиненія въ 2-хъ томахъ; въ 1848 г. появляются независимо другъ отъ друга два нѣмецкихъ перевода Капитанской Дочки; съ 1854 г. начинаетъ выходить нѣмецкій переводъ всѣхъ сочиненій Пушкина извѣстнаго Боденштедта. Нѣсколько позднѣе Капитанская Дочка попадаетъ во всѣ коллекціи лучшихъ иностранныхъ повѣстей, не только въ Германіи и Франціи, но и въ Италіи и даже Испаніи. Превосходный прозаическій переводъ Бориса Годунова я встрѣтилъ въ Италіи въ Biblioteca Universale, предназначенной къ самому широкому распространенію [2]) Съ 1880 г. круглымъ счетомъ выходитъ въ Германіи и Франціи по одному стихотворному переводу Евгенія Онѣгина въ годъ. Многія пьесы Пушкина переведены на голландскій, шведскій и другіе малораспространенные языки. Молодыя славянскія литературы, какъ сербская и болгарская, въ значительной степени воспитаны на Пушкинѣ, который такимъ образомъ доплачиваетъ имъ старинный долгъ— временъ Владиміра Святого.

Короче сказать, въ недавно вышедшей Puschkiniana г. Межова переводы Пушкина и статьи о немъ на иностранныхъ языкахъ занимаютъ почти *четырсста* нумеровъ; вѣдь это цѣлая библіотека [3]). Нельзя сказать, чтобы Пушкина не читали въ Европѣ!

---

[1]) Puschkiniana г. Межова.

[2]) Томикъ ея, изящно изданный, стоитъ на наши деньги 10 коп., слѣдовательно можетъ окупиться только при условіи расхода десятка тысячъ экземпляровъ.

[3]) Положимъ, многіе переводы и статьи, помѣченные г. Межовымъ между 3175 и 3566 нумерами, выходили изъ рукъ петербургскихъ или одесскихъ полуиностранцевъ русской службы; положимъ, въ этомъ числѣ считаются переводы на молдавскій, латышскій, грузинскій и др. языки, на которыхъ говорятъ русскіе подданные; но зато книга г. Межова, вообще не претендующая на безусловную полноту, въ этомъ отдѣлѣ имѣетъ особенно большіе пробѣлы. Достаточно сказать, что въ ней не помѣчено ни одного перевода Пушкина на греческій и ни одной статьи на этомъ языкѣ.

У меня подъ руками находится 5-й томъ изданія Константинопольскаго

Легко понять, какое благотворное вліяніе имѣло это признаніе на насъ русскихъ, какъ поднимало оно насъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ. Еще при жизни Пушкина не враждебная ему критика ставитъ его рядомъ съ Шекспиромъ, Гете, Шиллеромъ, Байрономъ и при его фамиліи уже стыдится ставить букву Г. (см. напр. руководящую статью Сенковскаго въ № 1 Библіотеки для чтенія за 1834 г. Критика, стр. 37). Чтобы убѣдиться въ этомъ вліяніи, достаточно прочесть предисловіе русскаго переводчика къ талантливой и глубоко прочувствованной статьѣ о Пушкинѣ извѣстнаго нѣмецкаго критика Варнгагена фонъ Энзе. Предисловіе это и переводъ напечатаны въ Отеч. Записк. 1839 г., журналѣ, который въ это время никакъ нельзя было заподозрить въ *квасномъ* патріотизмѣ. «Мы твердо убѣждены и ясно сознаемъ, говоритъ переводчикъ, что Пушкинъ — поэтъ не одной какой-нибудь эпохи, а цѣлаго человѣчества, не одной какой-нибудь страны, а цѣлаго міра; не лазаретный поэтъ, какъ думаютъ многіе, не поэтъ страданія, но великій поэтъ блаженства и внутренней гармоніи. Онъ не убоялся

Силлога (Ο εν Κωνσταντινουπολει Ελληνικος Φιλολογικος Συλλογος. Συγγραμμα περιοδικον. Τομος Ε', 1870 — 71), гдѣ помѣщена большая (стр. отъ 60 — 87) рѣчь извѣстнаго Стефана Каратеодори „о русской литературѣ" (Περι Ρωσσικης Φιλολογιας), около половины которой посвящено Пушкину, и мнѣнія талантливаго и высокообразованнаго грека, какъ о дѣятельности Пушкина въ цѣломъ, такъ и объ отдѣльныхъ его произведеніяхъ, основанныя на внимательномъ чтеніи переводовъ изъ Пушкина, если не всегда вѣрны, то всегда интересны; онъ разсматриваетъ Пушкина, главнымъ образомъ, какъ національно-русскаго соціальнаго поэта.

Извѣстно, что иностранцевъ занимала и жизнь или, вѣрнѣе, смерть Пушкина, и что итальянскій поэтъ Пьетро Косса, знакомый русской публикѣ, главнымъ образомъ какъ авторъ Мессалины, въ 1869 году сдѣлалъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Пушкина трагедію. Здѣсь, въ Одессѣ, у одного букиниста я нашелъ томикъ повѣстей (Διηγημματα) какого-то Деліяниса (Δελιγιανις), изд. въ 1847 году. Тамъ, среди нѣсколькихъ заимствованій изъ французской беллетристики и собственныхъ болѣе или менѣе неудачныхъ подражаній ей, оказался разсказъ о дуэли и смерти Пушкина, котораго Деліянисъ считаетъ великимъ историкомъ. Въ немъ убійца Пушкина, Антисъ (Д'Антесъ) оказывается жертвою истинно-восточной страсти, которую отъ тщетно старался потушить бракомъ съ свояченицей поэта; а поэтъ—ревнивцемъ тоже восточнаго пошиба. Приведены 2 небывалыя письма Антиса къ женѣ Пушкина и „подлинныя" рѣчи поэта, составленныя по всѣмъ правиламъ греческой реторики. Все это, конечно, не особенно назидательно, но любопытно, какъ свидѣтельство о широкой извѣстности Пушкина въ Европѣ.

низойти въ самые сокровенные тайники русской души.... Глубока русская душа! Нужна гигантская мощь, чтобы *изслѣдить* ее: Пушкинъ изслѣдилъ ее и побѣдоносно вышелъ изъ нея и извлекъ съ собою на свѣтъ все затаенное, все темное, крывшееся въ ней. *Какъ народъ Россіи не ниже ни одного народа въ мірѣ, такъ и Пушкинъ не ниже ни одного поэта въ мірѣ*» [1]).

Конечно, и послѣ Пушкина насъ не перестали огульно и, что называется, *зря* ругать въ западной Европѣ, и мы большею частію отмалчивались; но если сильно задѣвали Пушкина,—а его задѣвали именно какъ европейски знаменитаго русскаго поэта, какъ виновника извѣстности нашей литературы въ Европѣ,—мы обижались и покидали на время свое смиреніе. Такъ, наприм., книга маркиза де Кюстина [2]) вызвала нѣсколько рѣзкихъ опроверженій.

Такимъ образомъ Пушкинъ—европейскій поэтъ не только потому, что онъ воспиталъ свой высокій талантъ на европейской поэзіи и, оставаясь поэтомъ національнымъ по преимуществу, въ совершенствѣ усвоилъ ея идеи и формы, не только потому, что онъ шелъ не въ хвостѣ, а въ передовомъ полку европейской мысли и прогресса; но и потому, что съ нимъ и благодаря ему русская литература вошла, какъ равноправный членъ, въ великую семью литературъ европейскихъ. Тѣмъ глубокимъ интересомъ, который внушаютъ въ послѣдніе годы лучшимъ людямъ западной Европы произведенія Тургенева, Достоевскаго, Льва Толстого, тѣмъ вліяніемъ, которое оказываютъ и окажутъ они на ходъ европейской мысли, Россія и Европа прежде всего обязаны Пушкину. Онъ первый далъ намъ право смѣло смотрѣть въ глаза Европѣ, полагаясь не на одну только силу штыковъ нашихъ.

Пушкинъ—европейскій поэтъ и потому, что мы подъ вліяніемъ его поэзіи стали европейцами, не переставая быть русскими, что

---

[1]) Эти юношески восторженныя слова написаны М. Н. Катковымъ...., но написаны имъ въ 1839 г. (Отеч. Зап. т. III). Статья Варнгагена фонъ Энзе (род. 1785, ум. 1858), явившаяся въ Jahrbücher für wissensch. Kritik, имѣла еще другой переводъ, въ Сынѣ Отеч. 1839 г. № 1 (т. VII). Она такъ хороша, такъ умна и правдива, что заслуживала-бы переизданія. Если явится сборникъ критическихъ отзывовъ иностранныхъ писателей о Пушкинѣ, она, разумѣется, будетъ занимать въ немъ лучшее мѣсто.

[2]) La Russie en 1839, par Marquis de Custine, 1843; см. о ней въ статьѣ В. Шульца: «Пушкинъ въ переводахъ французскихъ писателей». Древн. и Нов. Россія 1880 г., passim.

мы сознали силу родной мысли, въ первый разъ преклонились передъ нею.

И это выразилось прежде всего въ сознаніи потери, которую понесли мы въ Пушкинѣ.

Дикарь воздаетъ поклоненіе умершему властителю или богатырю и приноситъ жертвы на его могилѣ; но только цивилизованный человѣкъ чтитъ героя мысли и властителя слова.

Ровно 50 лѣтъ назадъ, 1-го февраля 1837 г., огромная толпа народу стояла въ Петербургѣ передъ Конюшенной церковью; церковь же, въ которую пускали по билетамъ, была наполнена знатью и иностранными посланниками; въ ней отпѣвали не полководца, не государственнаго человѣка, а только писателя — Пушкина. Когда вѣсть о его смерти разнеслась по обширной землѣ русской, она отозвалась глубокой печалью въ каждомъ городѣ, въ сердцахъ всѣхъ лучшихъ людей русскихъ. Эта смерть «пала тугою по русской землѣ».

И теперь, черезъ полстолѣтіе, преждевременность этой смерти отзывается такою же душевною болью.

Но сознаніе, что трудъ Пушкина не пропалъ даромъ, что русскій народъ не обманулъ его ожиданій, что теперь, черезъ полстолѣтіе, слава его не померкла, а горитъ ярче, чѣмъ когда-нибудь, что имя его въ эти дни славятъ милліоны, это сознаніе обращаетъ боль въ радость и печальную годовщину смерти его—въ великое торжество народное, соединяющее въ одну семью всѣхъ, кому дорого имя русское, всѣхъ, кто способенъ цѣнить истинное и прекрасное. Если въ этотъ стройный хоръ хваленій и вмѣшается шипѣніе тупого и самомнительнаго невѣжества или худо скрытой злобы къ просвѣщенію, оно не измѣнитъ его гармоніи, а только себя пристыдитъ.

Чествованіе памяти великихъ дѣятелей прошлаго, справедливая и *благодарная* оцѣнка заслугъ ихъ — лучшій залогъ свѣтлаго будущаго.

ОДЕССА И ПУШКИНЪ [1]).

Вотъ что разсказываетъ одна старая мусульманская легенда. Жилъ нѣкогда благочестивый человѣкъ по имени Хызръ. Господь Богъ продлилъ его жизнь несравненно больше жизни другихъ людей, чтобы онъ могъ лучше уяснить себѣ смыслъ бытія человѣческаго. Хызръ странствуетъ по землѣ; разъ проходитъ онъ по одной мѣстности, которую онъ зналъ прежде, какъ ненаселенную пустыню. Къ своему удивленію, онъ видитъ теперь здѣсь прекрасно обработанную страну и въ ней—большой, богатый городъ.

— Давно-ли построенъ этотъ городъ? — спрашиваетъ онъ у одного изъ жителей.

— Какъ давно-ли? Да онъ *всегда* стоялъ здѣсь!

Улыбнулся Хызръ и пошелъ своей дорогой. Прошло пятьсотъ лѣтъ. Хызръ опять былъ на томъ же мѣстѣ. Смотритъ: города нѣтъ и слѣдовъ; снова кругомъ пустыня, по которой рыщутъ дикіе звѣри, да кое-гдѣ бродятъ пастухи съ своими стадами.

— Давно-ли погибъ стоявшій здѣсь городъ? — спрашиваетъ Хызръ самаго стараго пастуха.

— Никакого города никогда здѣсь и не бывало, — отвѣчаетъ пастухъ,—здѣсь *всегда* была пустыня.

Проходитъ еще пятьсотъ лѣтъ, и Хызръ опять на томъ же мѣстѣ. Снова тамъ раскинулся городъ, еще лучше прежняго, и его жители снова считаютъ его вѣчнымъ: они ничего не слыхали ни о пустынѣ, ни о древнемъ городѣ.

Трудно указать на земномъ шарѣ уголокъ, къ которому лучше подходила бы эта легенда, чѣмъ подходитъ она къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, древняго Понта Эвксинскаго.

За четыре столѣтія до Рождества Христова, когда вся равнина

---

[1]) **Рѣчь, читанная при открытіи памятника Пушкину въ Одессѣ, 16-го апрѣля 1889 г.**

нынѣшней Россіи представляла «хаоса бытность довременну», когда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ стоятъ самые обширные и населенные города ея, рыскали стадами дикіе звѣри, эти берега были покрыты греческими колоніями, посредствомъ которыхъ великій народъ древности повсемѣстно распространялъ культуру своей славной родины. Греки строили не однѣ торговыя конторы и жилища для купцовъ и ихъ приказчиковъ, но и храмы, и театры, и палестры для упражненія молодежи, а окрестности своихъ колоній украшали изящными дачами. Во всѣ стороны отъ нынѣшней Одессы были города, населенные свободнымъ и умнымъ народомъ; приблизительно въ 40 верстахъ отъ устьевъ Днѣпра стоялъ богатый и славный городъ Ольвія; еще ближе къ намъ, у устьевъ Тилигула, былъ Odessós, а на этомъ самомъ мѣстѣ былъ какой-то торговый поселокъ, называвшійся *Гавань истріанская* [1]). И здѣсь, конечно, были изящныя дачи, и здѣсь 2000 слишкомъ лѣтъ назадъ, можетъ быть, читали діалоги Платона и разбирали политику Аристотеля.

Прошло 700—800 лѣтъ, и отъ этой высокой цивилизаціи, повидимому, не осталось и слѣдовъ: въ землѣ и мусорѣ были скрыты греческія вазы, обломки колоннъ, монеты и изящныя золотыя украшенія. На пустынныхъ берегахъ только изрѣдка появлялись отряды дикихъ всадниковъ, рыщущихъ за добычей, да кое-когда заѣзжали въ бухты рыбацкія лодки, чтобы раскинуть свои сѣти. Только уцѣлѣвшія мѣстами группы одичавшихъ плодовыхъ деревьевъ свидѣтельствовали о прежней культурѣ; если подъ этими деревьями заводился поселокъ, готы, выѣзжавшіе въ море на лодкахъ-однодеревкахъ, или наши предки спѣшили разграбить его.

Прошло еще 800 лѣтъ. На сѣверъ отъ степей нынѣшней Новороссіи сложились сильныя государства, которыхъ не могло разрушить, а развѣ только временно ослабить, даже татарское нашествіе; въ Крыму уже погибъ послѣдній оплотъ грековизантійской культуры, Херсонесъ; сама Византійская имперія замѣтно клонится къ упадку, а полоса черноморскаго берега между Днѣстромъ и Днѣпромъ вновь оказывается заселенною, и на мѣстѣ Истріанской гавани стоитъ, повидимому, довольно важный торговый портъ, который поляки называли *Кочубеемъ*, а татары *Хаджибей* [2]), и ко-

[1]) Ἰστριανῶν λιμήν. См. у Арріана.

[2]) У польскихъ историковъ Cacybei, Caczibei, Kaczibei, Koczubiniow, Kaczuklenow и даже Cacutius.

торый, можетъ быть, не одинъ разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ 1415 г. отсюда польскій король Владиславъ II посылаетъ хлѣбъ стѣсненному Константинополю; въ 1540 г. Хаджибей уже принадлежитъ татарамъ, а черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого онъ лежитъ въ развалинахъ [1]).

Прошло еще около 200 лѣтъ, Хаджибей, вполнѣ отатарившійся, опять оказывается густо населеннымъ, прекрасно укрѣпленнымъ и настолько богатымъ мѣстечкомъ, что запорожскіе казаки, получившіе отъ русскаго правительства право «чинить поискъ» надъ татарами, два года подъ рядъ [2]) забираютъ въ форштадтѣ и окрестностяхъ огромную добычу, но крѣпости ни въ тотъ, ни въ другой разъ, взять не могутъ, не имѣя пушекъ.

14-го сентября 1789 г. Хаджибей взятъ русскими войсками и разрушенъ до основанія; его жители бѣжали къ своимъ единовѣрцамъ въ Крымъ или въ Турцію, а остальные были перебиты или взяты въ плѣнъ.

Завоеватели Хаджибея пришли издалека; ихъ безграничная родина была заселена очень недостаточно; во вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ у устьевъ многоводныхъ рѣкъ ими только-что основано или возобновлено нѣсколько городовъ, тоже нуждающихся въ рабочихъ силахъ. Не естественно-ли было ожидать, что они надолго, если не навсегда, покинутъ это разоренное гнѣздо татарское, безводное и безлѣсное, и что пророкъ божій Хызръ, посѣтивъ это мѣсто черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, также напрасно будетъ искать слѣдовъ Хаджибея, какъ когда-то напрасно искалъ Истріанской гавани?

Но въ Россіи въ это время царствовала геніальная женщина, которая и сама умѣла пользоваться уроками исторіи и въ высокой степени обладала главной добродѣтелью государей—умѣньемъ выбирать людей; на наше счастье такъ случилось, что чуть-ли не самые зоркіе изъ *орловъ екатерининскихъ* обратили свои вѣщіе взоры на эту, повидимому, неприглядную мѣстность: говорятъ [3]), что Потемкинъ былъ занятъ мыслью о будущности Хаджибея еще

---

[1]) См. Орловъ. „Историческій очеркъ Одессы съ 1794 по 1803 г.", стр. XIII.

[2]) 1769 и 1770 г. См. статью Брупа, I выпускъ „Трудовъ одесскаго статистическаго комитета" (Одесса, 1865 г.), стр. 42.

[3]) См. „Любопытная исторія славнаго города Одессы", Левашева, 1819 г. Перепечатана въ „Одесск. Вѣстн.", 1844 г., № 90.

прежде, чѣмъ онъ попалъ въ наши руки, а великій Суворовъ въ іюнѣ 1793 г. самъ заложилъ здѣсь русскую крѣпость. Но еще за годъ до того Екатерина твердо рѣшила, что на этой самой «полувозвышенности», гдѣ мы теперь находимся, «полагается быть городу» [1]).

Исторія войнъ Екатерины съ Турціей есть исторія пріобрѣтенія и закрѣпленія Новороссіи и Крыма, лучшаго алмаза въ коронѣ русской имперіи.

115 лѣтъ назадъ, по окончаніи первой турецкой войны, Россія получила земли по Черному морю между Днѣпромъ и Бугомъ; завоеванный Крымъ она возвратила, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ сдѣлался независимымъ отъ Турціи: она знала, что свобода не послужитъ въ прокъ политически вымирающему народу и что Крымъ скоро падетъ къ ея ногамъ. Черезъ годъ къ имперіи присоединено Запорожье, т. е. 100.000 сильныхъ и энергичныхъ людей. Тогда же въ нашъ край въ большомъ количествѣ выселяются утѣсняемые турками греки и славяне и здѣсь находятъ себѣ новое отечество.

Въ 1778 г. Екатерина спѣшитъ закрѣпить за собою новое пріобрѣтеніе и начинаетъ строить Херсонъ. Черезъ 5 лѣтъ безъ войны занятъ Крымъ, а черезъ 9 лѣтъ Екатерина совершаетъ свое знаменитое путешествіе по югу Россіи. Пусть это путешествіе стоило дорого, пусть чиновники Потемкина обманывали, или, по крайней мѣрѣ, старались обмануть государыню, это была мудрая мѣра. Я убѣжденъ, что еслибы англійскіе короли совершили нѣсколько путешествій въ свои сѣверо-американскія колоніи, штаты не могли бы такъ скоро отдѣлиться отъ метрополіи.

Въ томъ же 1787 г. началась вторая турецкая война, во время которой взятъ Хаджибей и съ которой начинается исторія Одессы.

Трудно найти во всей Европѣ городъ, прошлое котораго было бы такъ поучительно и, смѣю сказать, такъ утѣшительно для всякаго, кто живетъ вѣрою въ прогрессъ своего народа и всего человѣчества. Въ исторіи новой Россіи основаніе Одессы и быстрый ростъ ея—фактъ огромной важности, такой же, какъ и основаніе Петербурга за 100 лѣтъ до того.

Въ далекомъ прошломъ Русь знала оба моря, и южное, и Ва-

---

[1]) Донесеніе Каховскаго отъ 5 мая 1792 г.

ряжское, и оба могла считать своими; великія бѣды, которыя способны были сломать на вѣки силы всякаго другого менѣе живучаго народа, заперли насъ съ той и съ другой стороны и затолкали насъ вглубь материка. Петръ I, послѣ неудачной попытки укрѣпиться на Черномъ морѣ, прорубаетъ окно въ Европу на морѣ Балтійскомъ и тѣмъ приводитъ насъ «изъ небытія въ бытіе».

Екатерина II, возвращая намъ наше исконное русское море и устраивая въ бывшемъ Хаджибеѣ «военную гавань купно съ пристанью для купеческихъ судовъ» [1]), не только приводитъ въ исполненіе замыселъ своего великаго предшественника, но и открываетъ намъ великое будущее.

Что Петръ и Екатерина дѣйствовали не въ силу личныхъ желаній, а въ силу яснаго пониманія задачъ Россіи, очевидно на ранней исторіи городовъ, ими основанныхъ. Какъ не хотѣлось боярамъ изъ своихъ палатъ московскихъ переселяться въ холодную и сырую Ингерманландію, и съ какой радостью при Петрѣ II они покидали Васильевскій островъ! А все же Петербургъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Сколько бѣдъ перенесла Одесса въ свой короткій вѣкъ, а все же она крѣпла и хорошѣла и исполняла свою историческую миссію! Ее создалъ геній Екатерины, а геній народа ее выростилъ.

Смотрите, какъ быстро, совсѣмъ по сказочному, растетъ эта дочка великой императрицы. Въ 1793 г., когда мысль основать на мѣстѣ Хаджибея русскій городъ уже совсѣмъ созрѣла, и начались работы для постройки большой крѣпости, въ поселкѣ хаджибейскомъ было всего 28 жителей (22 мужского пола и 6 женскаго). Въ 1794 г. 27-го мая является знаменитый указъ о Хаджибеѣ, а 22-го августа митрополитъ уже освящаетъ городъ, въ которомъ насчитываютъ 600 домовъ и землянокъ. Въ слѣдующемъ 1795 году въ городѣ, уже носящемъ названіе Одессы, почти 2400 жителей (1625 мужчинъ и 734 женщинъ), кромѣ войска, матросовъ и чиновниковъ; въ ея гавань въ этомъ году пришло 39 кораблей и 22 уѣхали съ грузомъ, а въ слѣдующемъ 1796 году число экспортирующихъ кораблей почти утроилось. На работы въ одесскомъ портѣ императрица въ этомъ году затратила огромную по тому времени сумму въ 312000 рублей. Городъ уже былъ благоустроенъ: въ немъ былъ магистратъ (съ 14-го января 1796 г.), городской

---

[1]) Указъ Зубову въ маѣ 1794 г.

голова и бургомистры, а высшимъ правительственнымъ лицомъ былъ завоеватель Хаджибея и градостроитель Одессы: вице-адмиралъ Де-Рибасъ. Тогда же въ Одессѣ была учреждена цензура для иностранныхъ книгъ: очевидно, она уже тогда доставляла Россіи и умственные товары Европы. Въ ноябрѣ того же 1796 года Одесса получила печальную вѣсть о смерти своей великой основательницы.

При императорѣ Павлѣ, Одессѣ, какъ извѣстно, жилось плохо: уже въ декабрѣ 1796 г. пріостановлены постройки въ портѣ, отозванъ цензоръ, распущенъ греческій легіонъ, уничтожена верфь (въ Кичкасахъ, учрежденная Де-Рибасомъ), а черезъ 2 года, по просьбѣ не русскихъ одесситовъ, закрытъ русскій магистратъ и введены, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, остзейскіе и шведскіе законы, въ которыхъ почти никто не понималъ ни слова.

Въ 1799 году, пятилѣтняя Одесса совсѣмъ пропадала, вслѣдствіе открытія порто-франко въ Крыму и запрещенія вывоза хлѣба. Но младенецъ былъ живъ и отчаянно боролся за свое существованіе. Въ 1800 году, одесситы посылаютъ ходоковъ въ далекій Петербургъ и подарокъ государю —300 апельсиновъ. Павелъ милостиво принялъ подарокъ и благодарилъ одесситовъ письмомъ, но прошеніе ходоковъ возвратилъ «съ наддраніемъ, яко не дѣльное». Одесситы и тутъ не опустили рукъ! они вторично обратились съ моленіемъ къ императору—дать имъ хоть средства портъ застроить. Павелъ уступилъ ихъ настояніямъ, пожертвовалъ имъ матеріалы и далъ 250000 р. взаймы.

Но вотъ на престолъ вступаетъ истинный наслѣдникъ дѣлъ Екатерины, Александръ I, и Одесса можетъ смѣло смотрѣть въ глаза будущему. Сейчасъ же одесситы командируютъ въ столицу одного изъ лучшихъ гражданъ своихъ, Кирьякова; онъ хотѣлъ-было ѣхать на свой счетъ, но городъ не согласился на такое великодушіе и опредѣлилъ ему и двумъ его помощникамъ на издержки 100.000 руб. Поѣздка Кирьякова увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: сенатъ отмѣнилъ неисполнимые остзейскіе законы, государь продолжилъ льготы, которыя даровала новорожденной Одессѣ его великая бабка, съ 10 лѣтъ на 25, велѣлъ обращать $^1/_{10}$ часть таможенныхъ сборовъ въ пользу города, а что всего важнѣе: далъ 10-лѣтнему многообѣщающему ребенку-городу въ воспитатели истин-

наго отца—герцога Ришельё, сдѣлалъ его отвѣтственнымъ только передъ нимъ, императоромъ.

Теперь судьба Одессы была вполнѣ обезпечена; но изъ той вѣдомости, которую потребовалъ себѣ Ришельё, сейчасъ же по пріѣздѣ, оказалось, что и въ царствованіе Павла, при всѣхъ невзгодахъ, Одесса все же росла и крѣпла. Жителей въ ней было уже почти 9000 человѣкъ, и торговый оборотъ съ 1800 г. по 1802 г. болѣе, чѣмъ удвоился.

Одиннадцать лѣтъ управленія Ришельё—одиннадцать ступеней развитія Одессы. Ришельё съ полнымъ основаніемъ могъ бы сказать про себя, что онъ принялъ городъ глинянымъ, а оставилъ—каменнымъ. Число жителей, несмотря на страшную чуму 1812 г., которая унесла $^1/_9$ часть населенія (а безъ энергіи Ришельё могла бы унести половину) болѣе, чѣмъ утроилось; торговый оборотъ, несмотря на войны, несмотря на трехсотъ-тысячное пожертвованіе одесситовъ во время нашествія Наполеона, увеличился, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ; городъ сталъ административнымъ центромъ для всего обширнаго края; въ 1804 г. основана коммерческая гимназія, а въ 1811 г.—при ней институтъ, въ томъ же году—институтъ для дѣвицъ и т. д., и т. д.

Кто изъ насъ не читалъ, какъ 27-го сентября 1814 г. одесситы, массою болѣе, чѣмъ въ 10.000 человѣкъ провожали своего дюка за нѣсколько верстъ отъ города съ воплями и слезами, и кто можетъ заподозрить искренность этихъ слезъ? Въ этотъ день разноплеменная толпа жителей Одессы проявила лучшее чувство толпы: признательность за честный и великодушный трудъ. Да и какъ бы одесситы могли не жалѣть объ отъѣздѣ Ришельё? Сынъ далекой Франціи, принадлежавшій и по рожденію, и по убѣжденіямъ къ тому классу, въ которомъ, по общему мнѣнію, воплотился старый порядокъ, такъ холодно относившійся къ интересамъ массы, аристократъ-эмигрантъ, начальствуя въ юной Одессѣ, живетъ, какъ спартанецъ, работаетъ, какъ Петръ Великій, входитъ въ интересы всѣхъ и каждаго, зорко вглядывается въ будущее города и края, устанавливаетъ строгій порядокъ въ буйной массѣ разнопленныхъ пришельцевъ и изгнанниковъ, усердно добивается для нихъ всякихъ льготъ и милостей, и все это дѣлаетъ такъ кротко, гуманно, такъ по-французски любезно и такъ по-европейски обдуманно! Можно ли послѣ этого удивляться, что первый монументъ, который столица

Новороссіи воздвигла у себя, былъ памятникъ иноземцу? Люди труда и дѣятельной любви къ ближнимъ, на какомъ бы языкѣ ни говорили они, всѣ принадлежатъ къ одной великой націи—къ человѣчеству.

Герцога Ришельё замѣнилъ во всѣхъ должностяхъ тоже французъ, Ланжеронъ (но уже русскій подданный). Онъ идетъ по слѣдамъ своего предшественника, и городъ прогрессируетъ такъ же быстро. Въ 1817 году, въ Одессѣ открытъ Ришельёвскій лицей [1]) и объявлено porto-franco. На сѣверѣ у многихъ существуетъ убѣжденіе, что нашъ городъ всѣмъ своимъ значеніемъ и богатствомъ обязанъ исключительно этой рѣдкой привилегіи. Насколько оно неосновательно, видно не только изъ нынѣшняго состоянія Одессы, но и изъ того, что раньше открытія дѣйствій этой привилегіи городъ могъ безъ всякаго отягощенія затратить 300.000 руб. на проведеніе таможенной линіи.

Около того же времени Одесса начинаетъ свою политическую миссію, какъ ближайшее убѣжище для нашихъ гонимыхъ единовѣрцевъ и передовой постъ Россіи противъ тогда могущественной Турецкой имперіи. Еще въ концѣ 1814 года въ нашемъ юномъ городѣ образовалось тайное общество, которое играло такую важную роль въ исторіи освобожденія греческаго народа, я разумѣю гетерію [2]).

Съ 1821 года одесскіе греки посылаютъ людей и оружіе возставшимъ единоплеменникамъ [3]), а въ Одессу цѣлыми кораблями ѣдутъ греческіе эмигранты, на пособіе которымъ императоръ Александръ ассигнуетъ огромныя суммы [4]). Сюда привезено тѣло замученнаго константинопольскаго патріарха Григорія и торжественно погребено въ греческой церкви. Дѣти изъ семействъ эмигрантовъ принимаются на казенный счетъ въ лицеѣ и въ институтѣ, а вскорѣ является и особое греческое училище.

Какъ бы ни былъ уменъ и добръ гувернеръ-иностранецъ, онъ

---

[1]) Первый его начальникъ—тоже французъ: аббатъ Николь.

[2]) Основатель гетеріи былъ одесскій приказчикъ, Николай Скуфасъ. См. Gervinus, Insurrection et régénération de la Grèce I, 146. Paris 1863.

[3]) См., между прочимъ, письмо Пушкина къ Раевскому. (Изд. литер. фонда VII, стр. 19).

[4]) 150.000 рублей единовременно и, кромѣ того, 13.000 рублей ежегодно изъ таможенныхъ доходовъ.

можетъ оставаться при юношѣ только до тѣхъ поръ, пока послѣдній не дѣлается гражданиномъ и политическимъ дѣятелемъ. Такъ и для Одессы наступила такая пора, когда иностранцы-правители должны были уступить мѣсто природнымъ русскимъ. Съ 1823 года высшимъ правительственнымъ лицомъ въ городѣ и во всемъ краѣ становится графъ Воронцовъ; начинается русскій періодъ въ нашей исторіи, и въ этомъ же году въ Одессу переселяется великій русскій поэтъ, которому сегодня мы открыли памятникъ.

Когда лѣтомъ 1823 года запыленная тройка ввезла въ Одессу коллежскаго секретаря Александра Пушкина, прикомандированнаго къ канцеляріи мѣстнаго генералъ-губернатора, одесситы, присматриваясь къ его черной, невзрачной фигуркѣ, конечно, не могли ожидать, что черезъ 66 лѣтъ ихъ внуки не одинъ день своей дѣловой жизни посвятятъ чествованію его памяти, что его монументъ будетъ стоять на томъ же бульварѣ, гдѣ стоитъ бронзовая фигура ихъ дюка и что рядомъ съ Ришельевской улицей черезъ весь городъ протянется улица Пушкинская. Вообще одесситы, слишкомъ мало въ то время интересовавшіеся судьбами русской литературы, вовсе не были обрадованы пріѣздомъ Пушкина; зато Пушкинъ былъ очень радъ своему переѣзду въ Одессу.

Молодой поэтъ зналъ нашъ городъ еще прежде, и уже въ мартѣ 1821 года, сейчасъ же по переселеніи въ Кишиневъ, собирается съѣздить въ Одессу [1]). Въ маѣ онъ исполнилъ свое намѣреніе [2]) (прожилъ въ Одессѣ достаточно долго, чтобы дописать своего «Кавказскаго Плѣнника»). Одесса, кромѣ моря, привлекала Пушкина прежде всего, какъ онъ выражается, чистымъ европейскимъ воздухомъ, въ которомъ ему легко дышется, внѣшней и внутренней культурой лучшей части своего общества, а, наконецъ, отсюда онъ могъ лучше слѣдить за судьбою греческаго возстанія, которое на столько интересовало его, что онъ велъ ему спеціальный дневникъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ постоянно рвался сюда изъ Кишинева.

Въ іюлѣ 1823 года, онъ пріѣхалъ въ Одессу на время, чтобы покупаться въ морѣ, и сейчасъ же почувствовалъ, что европейская

---

[1]) Письмо къ Дельвигу отъ 23 марта (изд. литер. фонда, VII, 15): «Недавно пріѣхалъ въ Кишиневъ и скоро оставляю благословенную Бессарабію: есть страны еще благословеннѣе».

[2]) Анненковъ, Матеріалы и пр., стр. 80.

жизнь «обновила ему душу» [1]). Между тѣмъ въ Одессу пріѣхалъ графъ Воронцовъ, принялъ Пушкина очень ласково и объявилъ ему, что онъ переведенъ на службу въ Одессу [2]). Пушкинъ погоревалъ о Кишиневѣ, какъ о тюрьмѣ, къ которой онъ привыкъ, съѣздилъ туда проститься съ близкими людьми и потомъ вернулся въ Одессу на житье. Какъ извѣстно, онъ оставался здѣсь всего одинъ годъ и потомъ, вслѣдствіе перехваченнаго на пути письма, съ которымъ совпалъ дурной отзывъ о немъ Воронцова, онъ былъ отрѣшенъ отъ службы и высланъ въ имѣніе матери, село Михайловское.

Какую роль игралъ этотъ одесскій годъ въ жизни Пушкина и какое вліяніе имѣлъ онъ на развитіе его творческаго генія?

Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я позволю себѣ сказать два слова о томъ, что́ такое представляла изъ себя Одесса въ это время.

Городъ былъ несравненно меньше и бѣднѣе теперешняго: онъ не имѣлъ воды, почти круглый годъ страдалъ или отъ пыли, или отъ невылазной грязи; населеніе его отличалось неимовѣрной пестротой, и на его улицахъ и площадяхъ слышались языки чуть не со всѣхъ концовъ міра. Какъ во всѣхъ портовыхъ городахъ, въ немъ, рядомъ съ роскошью богачей, была и поразительная, неприкрытая бѣдность и страшный развратъ. Но въ общемъ простой народъ чувствовалъ себя здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, какъ вслѣдствіе хорошаго заработка, такъ и вслѣдствіе значительныхъ льготъ и свободы, которой правительство еще съ екатерининскихъ временъ старалось привлечь сюда жителей: здѣсь позволяли раскольникамъ строить свои церкви; здѣсь сквозь пальцы смотрѣли на безпаспортныхъ и даже на бѣглыхъ крѣпостныхъ.

Господствующимъ классомъ здѣсь были купцы, и дворянскія семьи какъ-бы поглощались коммерческимъ духомъ города. Оттого, несмотря на южное небо и море, несмотря на богатство и разнообразіе эстетическихъ удовольствій, общій характеръ одесской жизни страдалъ нѣкоторой сухостью и прозаичностью: люди слишкомъ много думали о своихъ дѣлахъ и слишкомъ мало жили сердцемъ.

---

[1]) Изд. литер. фонда, VII, стр. 51.

[2]) Изъ письма Пушкина къ А. И. Тургеневу отъ 1-го декабря 1823 года видно, что это случилось по ходатайству послѣдняго.

Такъ бываетъ всегда въ торговыхъ центрахъ, гдѣ практическая жизнь бьетъ ключемъ, гдѣ время—деньги, и матеріальные интересы подавляютъ всѣ остальные [1]).

Вначалѣ Пушкинъ чувствовалъ только отрадныя стороны одесской жизни: онъ увлекался ея европейскими удовольствіями и больше всего театромъ, который посѣщалъ очень часто, чутко прислушивался и присматривался ко всему окружающему. Но этотъ медовый мѣсяцъ былъ непродолжителенъ. Уже въ ноябрѣ этого года Пушкинъ жалуется на Одессу за отсутствіемъ русскихъ книгъ [2]), завидуетъ петербургскимъ удовольствіямъ [3]); въ письмѣ къ Тургеневу (отъ 1 декабря) онъ называетъ Одессу прозаической [4]); въ январѣ 1824 г. онъ, полушутя полусерьезно, мечтаетъ убѣжать не только изъ Одессы, но и изъ Россіи, а весною у него начались служебныя непріятности, которыя заставляютъ его домогаться отставки, какъ милости. Взглядъ Пушкина на греческое возстаніе сильно измѣнился именно въ Одессѣ, и хотя онъ здѣсь написалъ свое извѣстное стихотвореніе: «Возстань, о Греція, возстань» [5]), въ частныхъ письмахъ онъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ со всѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ прежде [6]).

Подводя итоги письмамъ и воспоминаніямъ о Пушкинѣ, гово-

---

[1]) Объ одесской жизни при Пушкинѣ см. Воспоминанія Вигеля ч. VI, стр. 60. 76—89, 100, 101, 104—109, 137. Ср. ч. VII, 106—108.

[2]) VII, 56.

[3]) 59.

[4]) Впрочемъ въ томъ же письмѣ онъ хвалитъ Одессу, но только сравнительно съ Кишиневымъ.

[5]) Того же изд. I, 298.

[6]) См. письмо къ Вяземскому (стр. 80). Впрочемъ, по моему мнѣнію, принимать это письмо за выраженіе убѣжденія Пушкина мы не имѣемъ права: рѣзкія выраженія его доказываютъ не холодность Пушкина къ дѣлу грековъ, а, напротивъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ горячо принималъ онъ къ сердцу неудачи несчастнаго народа, бывшія результатомъ его недостатковъ, которые въ свою очередь были результатомъ долговременнаго рабства. Пушкинъ могъ бранить съ такой страстностью только того, кого онъ сильно любилъ и кто временно приводилъ его въ отчаяніе; онъ самъ въ этомъ письмѣ ссылается на мнѣніе Байрона, который дѣйствительно бранитъ грековъ, что не помѣшало ему отдать за дѣло ихъ жизнь свою. Кромѣ того, письмо это написано, очевидно, въ такую минуту, когда поэтъ былъ недоволенъ и самимъ собою и всѣмъ на свѣтѣ, а кому неизвѣстно, что въ раздраженіи Пушкинъ въ письмахъ къ пріятелямъ увлекался до крайности? Наконецъ, Пушкинъ опровергаетъ самъ себя въ черновомъ письмѣ, писанномъ (къ Раевскому? стр. 83) около того же времени.

рятъ, что одесскій періодъ жизни Пушкина былъ одинъ изъ самыхъ печальныхъ, что здѣсь не нашелъ онъ людей, съ которыми могъ бы жить душа въ душу, которые могли бы имѣть благотворное вліяніе на его все еще не установившійся характеръ, что здѣсь вмѣсто добродушнаго старика Инзова, который любилъ его какъ отецъ сына, онъ попалъ подъ начальство англомана Воронцова, который бѣсилъ поэта своей холодною чопорностью, оскорблялъ его самолюбіе и даже въ немъ, демократѣ Пушкинѣ, вызывалъ аристократическую спѣсь; указываютъ на сознаніе самого Пушкина, что здѣсь онъ бралъ уроки чистаго «аѳеизма», на политическій скептицизмъ, который развивался въ немъ именно въ эту пору и который такъ рельефно выразился въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ [1]); указываютъ, наконецъ, на его одесскіе кутежи и на его ухаживанія за «негоціантками», которыя могли дѣйствовать на него развѣ только внѣшнею красотою.

Во всемъ этомъ есть своя доля правды, но только одна доля. Защищать 24-лѣтняго поэта отъ проповѣдниковъ прописной морали, которые, гордясь своей дешевой добродѣтелью трусости и безстрастія, обвиняютъ Пушкина за то, что онъ находилъ поэзію въ дружеской пирушкѣ или поддавался обаянію женской красоты, было бы слишкомъ наивно Что Пушкинъ въ это время переживалъ періодъ скептицизма и сомнѣній во всемъ, (а больше всего въ самомъ себѣ), это положительно извѣстно. Но такой періодъ есть необходимое испытаніе для всякаго сильнаго человѣка; Пушкинъ долженъ былъ пережить его и долженъ былъ выйти изъ него побѣдителемъ, и одесскій годъ жизни Пушкина, какъ я постараюсь сейчасъ доказать, значительно приблизилъ его къ побѣдѣ.

Отношенія Пушкина съ гр. Воронцовымъ, дѣйствительно, очень печальный фактъ. Кто виноватъ, что они приняли подъ конецъ такой непріятно острый характеръ? По-моему, ни та, ни другая, сторона, а обстоятельства. Гр. Воронцовъ, несмотря на свою англоманію, былъ русскій вельможа и русскій государственный человѣкъ въ лучшемъ значеніи этихъ словъ. Его управленіе Одессою и краемъ будетъ всегда вспоминаться съ признательностью; оно было и энергично, и гуманно въ одно и то же время. При немъ въ Одессѣ открыта масса обществъ и благотворительныхъ учрежденій,

---

[1]) Напр. «Свободы сѣятель пустынный».

дѣйствующихъ и до сихъ поръ, открыто много учебныхъ заведеній; при немъ и въ значительной степени благодаря ему началась одесская литература и одесская наука, и нашъ городъ сталъ крупнымъ интеллигентнымъ центромъ. Что онъ сдѣлалъ для Крыма, для всего края, извѣстно всѣмъ и каждому. Виноватъ ли онъ, что на чиновниковъ, которыхъ опредѣляли къ нему, онъ смотрѣлъ какъ на людей, обязанныхъ исполнять его предписанія? Виноватъ ли онъ, что на коллежскаго секретаря Пушкина, который, ничего не дѣлая на службѣ, позволялъ себѣ насмѣхаться надъ почетными дѣловыми людьми и вести себя въ обществѣ такъ, какъ будто онъ выше всѣхъ цѣлою головою, онъ смотрѣлъ, какъ на человѣка самомнительнаго и вреднаго? Виноватъ ли, съ другой стороны, молодой поэтъ, что онъ обижался, когда ему указывали мѣсто по табели о рангахъ и когда у него являлось желаніе показать начальству, что онъ нѣчто поболѣе коллежскаго секретаря? Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Воронцовъ встрѣтилъ Пушкина въ Англіи, познакомился бы съ нимъ, какъ съ многообѣщающимъ національнымъ поэтомъ, онъ съумѣлъ бы оцѣнить его по достоинству; нѣтъ сомнѣнія, что если бы Пушкинъ со стороны или въ качествѣ историка наблюдалъ дѣятельность Воронцова въ краѣ, онъ отнесся бы къ нему съ уваженіемъ. Виноваты условія жизни того времени, когда и поэтовъ заставляли служить, такъ какъ человѣкъ внѣ государственной службы былъ тогда нулемъ, и всякій цѣнился только по табели о рангахъ. Съ этого дня, въ одномъ и томъ же городѣ, на разстояніи 10 минутъ ходьбы, будутъ стоять два монумента, поставленные гражданами Одессы раздраженному начальнику и раздражительному подчиненному. Такъ настоящее исправляетъ ошибки прошлаго.

Въ Одессѣ Пушкинъ, дѣйствительно, не пріобрѣлъ друзей; но занятая и пестрая толпа ея общества доставила ему рядъ интересныхъ и неотяготительныхъ знакомствъ, отъ которыхъ легко было уединиться и заняться своимъ дѣломъ. Пушкинъ воспользовался этимъ отсутствіемъ провинціализма въ Одессѣ, и въ нашемъ шумномъ городѣ онъ работалъ больше, чѣмъ когда-нибудь до сихъ поръ. Здѣсь пристрастился онъ къ пріобрѣтенію книгъ и положилъ начало своей впослѣдствіи огромной библіотеки [1]); здѣсь онъ, несмотря на свои жалобы на недостатокъ русскихъ книгъ, столько

[1]) Анненковъ I. с. 95.

прочелъ по русской литературѣ, что задумалъ написать рядъ статей о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго [1]). Здѣсь онъ доучился по-англійски, выучился по-итальянски, учился, кажется, и по-испански. Здѣсь онъ окончилъ «Бахчисарайскій фонтанъ», «Братьевъ-разбойниковъ»; здѣсь написалъ онъ «Цыганъ», нѣсколько лирическихъ пьесъ, указывающихъ на полную зрѣлость таланта, и здѣсь онъ дописалъ первую половину своей великой эпопеи «Евгеній Онѣгинъ». Здѣсь же покончилъ онъ съ нѣкоторыми вопросами, которые до тѣхъ поръ мучили его и какъ бы связывали ему крылья.

Для человѣка, сильнаго духомъ, хуже всѣхъ другихъ сомнѣній сомнѣніе въ самомъ себѣ, неувѣренность, нуженъ ли онъ на что-нибудь на этомъ свѣтѣ. Пушкинъ страдалъ этимъ сомнѣніемъ съ ранней юности и не зналъ, что́ съ собой дѣлать. Онъ не имѣлъ ни достаточно средствъ, ни эгоизма, чтобы отказаться отъ всякой серьезной цѣли и жить только для личныхъ наслажденій. Къ службѣ онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія. Онъ страстно любилъ поэзію и вѣрилъ въ свои творческія силы; но преданія прошлаго только проходимцамъ, людямъ изъ черни, дозволяли извлекать матеріальныя выгоды изъ поэзіи и дѣлать изъ нея спеціальность, а сливки общества, дворяне, могли заниматься литературой такъ, между прочимъ, и только для собственнаго удовольствія. Пушкинъ уже прежде старался освободиться отъ этого узкаго (и неразумнаго) взгляда, но это удалось ему только въ Одессѣ, и удалось не только потому, что онъ достигъ здѣсь большой умственной зрѣлости и что именно въ этотъ годъ стала прочно его литературная слава; но, какъ я убѣжденъ, и потому, что въ прозаической, архипрактической, пшеничной Одессѣ самая обстановка способствовала выработкѣ иного убѣжденія. Одесскія письма Пушкина даютъ намъ полную возможность прослѣдить за его борьбой съ воспринятымъ по наслѣдству предразсудкомъ.

Въ письмѣ отъ 26 авг. къ брату, Пушкинъ жалуется на отца, который не посылалъ ему денегъ, и увѣряетъ, что жить перомъ для него нѣтъ никакой возможности. Въ янв. 1824 г. въ одномъ изъ самыхъ отчаянныхъ писемъ (онъ хочетъ бѣжать въ Константинополь, говоритъ, что у него нѣтъ отечества, что русская слава

---

[1]) VII, 75.

для порядочнаго человѣка гроша мѣднаго не стоитъ); онъ увѣряетъ брата, что пишетъ «за деньги, за деньги, за деньги» и прибавляетъ: «таковъ я въ наготѣ моего цинизма [1])». По 8 февраля онъ пишетъ Бестужеву съ большой искренностью, хотя все же не безъ нѣкотораго циническаго преувеличенія, что «Бахчисарайскій фонтанъ» онъ писалъ для себя, а напечаталъ потому, что были нужны деньги [2]). Эта мысль, очевидно, ему понравилась, и онъ черезъ мѣсяцъ (при измѣнившихся обстоятельствахъ: Вяземскій только-что продалъ «Бахчисарайскій фонтанъ» за 3000 руб.) повторяетъ ее почти слово въ слово [3]); «я не принадлежу къ писателямъ XVIII в.: я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола». Выгодная продажа «Бахч. фонтана», которая выручила его изъ сѣти долговъ, и крайне лестное предложеніе нѣкоего Сленина (тотъ предлагалъ заплатить Пушкину за «Евгенія Онѣгина», сколько онъ, Пушкинъ, пожелаетъ) переполнили поэта радостными надеждами и благородной гордостью: онъ шутя выхваляетъ книгопродавцевъ и Русь, которая, дѣйствительно, оказывается въ Европѣ, и серьозно увѣряетъ Вяземскаго, что вопросъ о гонорарѣ за стихи для него—вопросъ о всей будущей судьбѣ и о независимости [4]): онъ, очевидно, хочетъ жить собственнымъ трудомъ, а не милостями родственниковъ или правительства. Успѣхъ могъ бы вызвать такія мысли и такія надежды въ Пушкинѣ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, но я думаю, что высказывать ихъ съ такою настойчивостью и послѣдовательностью ему было легче въ нашей дѣловой Одессѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Мало этого: отзывчивый на все окружающее, поэтъ становится у насъ совсѣмъ практическимъ человѣкомъ; у него является то, что купцы называютъ дѣловою хваткой. Онъ мылитъ голову брату [5]) за то, что тотъ распространяетъ въ рукописи уже проданный, но еще не напечатанный «Бахчисарайскій фонтанъ». Онъ пишетъ ему: «Мнѣ скажутъ: а тебѣ какое дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хоть трава не рости. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по европейски, обдернутся и останутся

---

[1]) VII, 68—9.
[2]) VII, 72.
[3]) VII, 73.
[4]) VII, 75.
[5]) Письмо отъ 1 апрѣля

въ накладѣ; да впередъ не возможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ». Онъ желаетъ перекупить у Всеволожскаго рукопись своихъ стихотвореній, проданную или проигранную ему нѣсколько лѣтъ назадъ: онъ напечатаетъ ихъ и выплатитъ Всеволожскому долгъ.

Но, можетъ быть, Пушкинъ такъ откровенничаетъ только съ друзьями и братомъ, а передъ обществомъ все же стыдится званія писателя и своего литературнаго заработка? Позднѣе это, дѣйствительно, бывало съ нимъ, но не въ Одессѣ.

25-го мая, онъ пишетъ правителю канцеляріи графа Воронцова Казначееву полуоффиціальное письмо, которое могло быть показано и самому графу. «Не думайте,—говоритъ онъ въ немъ,—чтобы я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риѳмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость». Еще съ бо́льшимъ сознаніемъ своего достоинства онъ выражается во французскомъ письмѣ тому же Казначееву: «Я уже побѣдилъ мое отвращеніе продавать мои стихи и жить на это; самый важный шагъ сдѣланъ; я пишу подъ вліяніемъ вдохновенія, но разъ стихи написаны, они для меня только товаръ [1])... Я мечтаю о независимости, которой и добьюсь отвагой и настойчивостью».

Сантиментальный отрокъ, читая эти письма, можетъ разочароваться въ Пушкинѣ, по крайней мѣрѣ въ Пушкинѣ одесскомъ, и пожалуй предастъ проклятію нашъ меркантильный городъ за то, что онъ заразилъ своею меркантильностью и великаго поэта. Гдѣ же его высокія гражданскія стремленія? служеніе народу? борьба съ тьмою? прославленіе разума и свободы? пробужденіе милости къ падшимъ? Стало быть, для Пушкина поэзія есть искусство самоуслаждающееся, а продукты его дѣлаются общедоступными только въ силу какихъ-либо личныхъ цѣлей художника?

---

[1]) Мысль эта настолько крѣпко засѣла въ головѣ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Михайловскомъ онъ развилъ ее въ цѣлую пьесу («Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ»), имѣющую важное автобіографическое значеніе. Слова:

«Не продается вдохновенье,
«Но можно рукопись продать»,

превосходное выраженіе той же мысли, которую онъ высказывалъ и Вяземскому, и Казначееву.

Во-первыхъ, отвѣчу на это, что Пушкинъ въ письмѣ къ Казначееву не говоритъ, что онъ съ отвращеніемъ печатаетъ свои стихи, а что онъ съ отвращеніемъ продаетъ ихъ, дѣлаетъ изъ нихъ средства къ жизни. Онъ пишетъ не на заказъ, не для продажи, а по внутреннему побужденію, по вдохновенію (sous l'influence capricieuse de l'inspiration), и внутренняя цѣнность, значеніе его произведеній для современниковъ и для потомства, кромѣ таланта, опредѣляется тѣмъ, что вдохновляетъ его. Если его вдохновляетъ свобода, милость къ падшимъ, борьба съ тьмою—мы знаемъ, что уже и въ это время это такъ было,—мы можемъ только радоваться тому, что наша меркантильная Одесса побуждала его заботиться о выгодномъ помѣщеніи произведеній и о большемъ ихъ распространеніи. Если вліяніе Одессы на Пушкина выразилось въ томъ, что онъ отказался, какъ онъ выражается въ письмѣ къ Казначееву, отъ «пайка ссыльнаго», отъ жалованья, котораго онъ не заслуживалъ, что въ немъ пробудилась честная гордость труженника, зарабатывающаго себѣ хлѣбъ и съ негодованіемъ отклоняющаго отъ себя покровительство вельможи [1]), мы должны видѣть въ этомъ результатъ не только меркантилизма, но и европеизма Одессы, и за такое вліяніе Россія должна быть вѣчно благодарна ей.

Что же касается дружескихъ писемъ Пушкина, въ которыхъ онъ бранитъ публику и клянетъ необходимость печататься, въ которыхъ онъ, по собственному его выраженію, является «въ наготѣ цинизма», вотъ какъ я понимаю ихъ:

Всѣмъ и каждому извѣстно, что чѣмъ человѣкъ пошлѣе и ниже по своей внутренней цѣнности, тѣмъ больше онъ наклоненъ цѣнить себя выше достоинства, тѣмъ болѣе стремится онъ даже самые некрасивые свои поступки и самыя грязныя побужденія прикрывать, по мѣрѣ силъ ума своего, красивыми словами. Чѣмъ тоньше духовная организація человѣка, чѣмъ выше его нравственныя требованія, тѣмъ строже относится онъ къ самому себѣ и тѣмъ больше наклоненъ видѣть въ себѣ бездну недостатковъ и даже пороковъ, въ особенности въ періодъ юности, когда формируется характеръ. Припомнимъ, какъ доволенъ собой тупоумный Полоній, и какими

---

[1]) Въ этомъ же французскомъ письмѣ къ Казначееву (стр. 78): «Je ne puis ni ne veux prétendre à l'amitié du comte Woronzow, encore moins à sa protection... rien que je sache ne dégrade plus que le patronage».

эпитетами въ разговорѣ съ Офеліей и съ самимъ собою награждаетъ себя Гамлетъ! Самый наблюдательный человѣкъ не можетъ составить вѣрнаго понятія о самомъ себѣ и, даже при полномъ желаніи быть правдивымъ, необходимо погрѣшаетъ въ ту или другую сторону, или подчеркиваетъ худшіе изъ своихъ мотивовъ или лучшіе, обѣщаетъ или больше, чѣмъ сдѣлаетъ, или меньше, чѣмъ сдѣлаетъ. Что же лучше? На это 1800 лѣтъ назадъ отвѣтилъ намъ Спаситель притчей о непослушномъ сынѣ.

Пушкинъ былъ человѣкъ крайне впечатлительный, живой и экспансивный. Онъ писалъ въ силу внутренняго побужденія, какъ всякій истинный поэтъ, писалъ то, что думалъ и чувствовалъ, и писалъ не для одного себя; онъ стремился «глаголомъ жечь сердца людей», проповѣдывалъ ближнимъ, а не звѣздамъ и камнямъ. Деньги ему были нужны, какъ средства къ жизни и свободѣ; онъ зналъ, что въ Европѣ талантливый поэтъ получаетъ эти средства отъ продажи книгъ своихъ и, поживъ въ европейскомъ городѣ, Пушкинъ сталъ предпочитать этотъ европейскій способъ пріобрѣтенія денегъ. Испытывая радость отъ удачи или огорченіе отъ неудачи въ своихъ литературныхъ дѣлахъ, онъ въ дружескихъ письмахъ умышленно подчеркиваетъ эгоистическую сторону своей радости или горя, и въ этомъ проявляетъ чисто русскую характерную черту: антипатію къ хвастовству и красивымъ словамъ и страсть къ самобичеванію.

Почти 65 лѣтъ назадъ такая же почтовая тройка, какая привезла въ Одессу Пушкина, увезла его на далекій сѣверъ, въ глушь псковской деревни. Онъ уѣхалъ недовольный своей одесской жизнью и черезъ 4 мѣсяца писалъ Княжевичу, что если здѣсь, въ Михайловскомъ, нѣтъ голубого неба полудня и итальянской оперы, за то нѣтъ и саранчи, которую посылаютъ истреблять, и «милордовъ Уоронцовыхъ» [1]). Противъ Одессы, какъ города, онъ ничего не имѣлъ и черезъ нѣсколько лѣтъ съ большимъ юморомъ, но еще съ большей душевной теплотой, живописалъ одесскую жизнь въ извѣстныхъ всѣмъ присутствующимъ строфахъ Онѣгина.

А Одесса и послѣ отъѣзда Пушкина осталась такова же по характеру, только съ каждымъ днемъ росла и хорошѣла. И теперь, когда она близится къ своему столѣтнему юбилею, когда умствен-

[1]) VII. 96.

ная жизнь въ ней, повидимому, бьетъ ключемъ, когда и по количеству періодическихъ изданій она стала третьимъ городомъ въ Россіи, она все же остается городомъ торговымъ и промышленнымъ по преимуществу; населеніе въ ней по прежнему разноплеменное и по прежнему больше пришлое. И теперь, какъ при Пушкинѣ, пріѣзжему здѣсь легко найти европейскія удовольствія, легко завести кругъ знакомыхъ, но трудно найти друзей. Какъ и при Пушкинѣ, одесская жизнь по-южному жива, по-европейски изящна и удобна и по-коммерчески непривѣтлива. Какъ и при Пушкинѣ, одесскіе богачи охотно жертвуютъ деньги на пользу и украшеніе родного города и на благотворительныя учрежденія, но въ обыкновенное время масса одесскаго общества непріятно поражаетъ наблюдателя какою-то холодною, дѣловою сдержанностью.

Но какъ слезливая чувствительность не всегда доказываетъ сердечную доброту, такъ и холодная дѣловитость не всегда есть доказательство безсердечія и сухости, и еслибъ одесситы жили только для себя, Одесса не была бы тѣмъ, что̀ она есть. Въ практическомъ, торговомъ человѣкѣ труднѣе вызвать воодушевленіе, но если оно проявится въ немъ, то проявится съ большею энергіею, нежели въ идеалистѣ и праздномъ мечтателѣ. Тридцать пять лѣтъ назадъ Одесса была гораздо менѣе русскимъ городомъ, чѣмъ теперь; на приморскомъ бульварѣ русскій языкъ слышенъ былъ рѣже, чѣмъ французскій, итальянскій и польскій. Но когда въ началѣ апрѣля 1854 г. передъ городомъ появилась англо-французская эскадра, Одесса защищалась, какъ самый русскій городъ, и геройски вынесла огненное крещеніе. Да и въ послѣднюю турецкую войну она не постыдила себя, и по количеству пожертвованій, по энергичной и плодотворной дѣятельности Краснаго Креста, удержала свое мѣсто третьей столицы Россіи.

Съ тѣхъ поръ обрусѣніе Одессы идетъ впередъ гигантскими шагами, идетъ безъ борьбы и жертвъ, безъ угнетенія поглощаемыхъ національностей, а путемъ добровольной и естественной ассимиляціи и взаимныхъ уступокъ; здѣсь русскій человѣкъ, оставаясь вѣренъ самъ себѣ, легко и нечувствительно дѣлается европейцемъ по преимуществу. Здѣсь, стоя на окраинѣ родной земли, какъ бы на стражѣ ея, онъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, что̀ дѣлается по ту сторону границы и, преслѣдуя свои личныя цѣли, работаетъ въ то же время и для великихъ задачъ національныхъ.

Нынѣшній день, гг.,—знаменательный день въ исторіи Одессы. Въ первый разъ нашъ молодой, но богатый силами и надеждами городъ открываетъ памятникъ не одному изъ своихъ строителей и благодѣтелей, а великому художнику. Торжество его открытія, тысячная толпа, которую мы видѣли на площади, вѣнки и депутаціи будутъ такъ же памятны нашимъ дѣтямъ, какъ намъ памятно огненное крещеніе Одессы во время Крымской войны.

Этотъ мирный тріумфъ человѣка мысли и идеаловъ надъ людьми дѣла, этотъ памятникъ, воздвигнутый гражданами Одессы геніальному русскому поэту, глашатаю правды народной, красоты и милости къ падшимъ, будетъ вѣчно охранять нашихъ потомковъ отъ односторонняго увлеченія матеріальными интересами и возроститъ въ нихъ сознаніе силы свѣтлой мысли, любовь къ родинѣ и къ человѣчеству.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О КРЫЛОВѢ.

(Открытое письмо будущимъ его издателямъ *).

И. А. Крыловъ находится, повидимому, въ особо благопріятныхъ условіяхъ, какія выпали на долю немногимъ изъ нашихъ писателей: онъ былъ вполнѣ оцѣненъ при жизни своей, а жизнь его была долгая, и проводилъ онъ послѣднюю ея половину не въ отдаленной деревнѣ и не въ маленькомъ городкѣ, а въ Петербургѣ, на виду у всѣхъ. Около полустолѣтія находился онъ на государственной службѣ и, такъ сказать, прочныя *вехи* для его біографіи сохранились въ его формулярахъ. Главныя свои произведенія— басни издавалъ онъ самъ, тщательно выправляя ихъ при каждомъ новомъ изданіи и отличая заимствованныя отъ оригинальныхъ. Начавъ свою самостоятельную жизнь съ должности канцелярскаго писца, онъ навсегда удержалъ умѣнье и охоту владѣть перомъ, и, при всей его лѣни и неплодовитости его послѣднихъ лѣтъ, мы имѣемъ массу его автографовъ. Сейчасъ же послѣ смерти онъ находитъ двухъ хорошихъ біографовъ изъ людей, близко его знавшихъ. Обширная извѣстность его произведеній вызываетъ массу замѣтокъ и воспоминаній со стороны его младшихъ современниковъ [1]). Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ новой русской литературы, А. Д. Галаховъ, посвящаетъ ему цѣлое изслѣдованіе въ своемъ обширномъ курсѣ [2]); по поводу 100-лѣтняго юбилея со дня его рожденія Академія Наукъ издаетъ обширный томъ статей, мате-

---

*) Рефератъ, читанный въ Обществѣ Любителей россійской словесности въ Москвѣ въ 1895 г.

[1]) Списокъ ихъ см. въ VI т. Сборн. Ак. Наукъ, стр. 249—282.

[2]) По 1-му изд., т. II, отъ 290 до 331 стр.; по 2-му отъ 292—351.

ріаловъ и изслѣдованій, и въ него же включаетъ примѣчанія къ баснямъ, составленныя съ изумительной любовью къ дѣлу и усердіемъ; въ то же время всѣ выдающіеся спеціалисты пишутъ о немъ цѣлыя монографіи. Повидимому, все это должно бы сдѣлать почти безполезною такъ называемую *черную* или *архивную* работу надъ Крыловымъ и предоставить широкое поприще для историко-литературныхъ изслѣдованій объ источникахъ и взаимодѣйствіяхъ и для блестящихъ обобщеній и этюдовъ. Но это только *повидимому.*

Всего недѣлю поработалъ я въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки, при довольно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ (отъ 21-го октября 1894 года), и безъ особаго напряженія добылъ результаты, съ которыми не могутъ не считаться будущіе критики и издатели произведеній Крылова, и которые въ то же время не лишены, смѣю думать, интереса для всѣхъ любителей русской словесности.

Первое по времени вполнѣ законченное произведеніе И. А. Крылова есть оставшаяся ненапечатанной при его жизни комическая опера «Кофейница». Содержаніе ея сообщено еще М. Е. Лобановымъ, а вполнѣ она напечатана съ подновленіемъ орѳографіи, по собственноручной рукописи Крылова, академикомъ Я. К. Гротомъ въ VI т. Сборника (стр. 219—272). Всѣ согласны въ томъ, что въ этомъ грѣхѣ ранней юности Крылова есть проблески истиннаго таланта, но въ то же время почти всѣ утверждаютъ, что по несовершенству формы, по невыработанности стиха и слога, по отсутствію выдержки въ характерахъ, по неестественной развязкѣ «Кофейница» — произведеніе дѣтски наивное. Послѣ сличенія подлинной рукописи съ академическимъ изданіемъ оказывается, что вполнѣ справедливъ только упрекъ относительно характеровъ и развязки [1]); что же касается до слога и стиха, то вина во многихъ случаяхъ падаетъ не на Крылова, а на издателя [2]) «Кофейницы», въ столь многихъ, что пожалуй придется измѣнить и общее заключеніе о юношескомъ произведеніи Крылова и признать за нимъ талантливость, для 16-лѣтняго юноши удивительную.

---

[1]) Доброта Новомодовой въ развязкѣ является ничѣмъ не мотивированной; смѣлый и находчивый плутъ приказчикъ вдругъ обращается въ мокрую курицу и т. д.

[2]) Вѣроятно, Я. К. Гротъ поручилъ кому-нибудь снять копію и не имѣлъ возможности провѣрить ея.

Рукопись «Кофейницы» представляетъ довольно толстую тетрадку сѣрой бумаги, написанную скорѣй разборчиво и старательно рукою Крылова [1]); но старательность эта, впрочемъ, не исключаетъ недосмотровъ, повтореній, описокъ и ошибокъ въ мелочахъ [2]). Издатель, конечно, имѣлъ такое же право исправить всѣ эти погрѣшности, какъ и подновить и упорядочить орѳографію; но и только. Къ сожалѣнію, дѣло этимъ не ограничилось. «Кофейница» предстала передъ нами далеко не вездѣ въ томъ видѣ, какъ была написана, и эти произвольныя измѣненія послужили къ ея невыгодѣ.

Опера начинается съ монолога «злодѣя» пьесы, приказчика, который разъясняетъ зрителямъ свои чувства къ героинѣ и герою; послѣдняго за глаза онъ презрительно называетъ *Петрушкой*. Но вотъ Петръ появляется на сцену.

Въ изд. (стр. 220) мы читаемъ:

Прикащикъ. А! здравствуй, *Петрушка*.

Петръ. Здравствуй, Фролъ Сидоровичъ.

Въ рукоп. же стоитъ:

Прикащикъ. А, здравствуй, *Петруша*.

Петръ. *Здорово*, Фролъ Сидорычъ [3]).

Кто не согласится, что ред. автора гораздо лучше? Въ ней нѣтъ однообразія въ привѣтствіи; форма *здорово* больше подходитъ наивному и простому парню; а главное: быстрая смѣна уничижительнаго *Петрушка* на ласкательное вполнѣ соотвѣтствуетъ и характеру и намѣреніямъ приказчика.

На стр. 223 Петръ говоритъ: «Да какъ вчера я отъ васъ вышелъ»...

Въ рукоп. (л. 3 об.) стоитъ: «Да какъ *вчерась* отъ васъ вышли»... а далѣе Петръ мѣняетъ множественное число на единственное, что́ составляетъ вполнѣ естественный переходъ въ простонародной рѣчи.

---

[1]) На ней помѣтка рукою Лобанова: „Подлинная рукопись и сочиненіе Ивана Андреевича Крылова (16-лѣтняго). Лобановъ".

[2]) На л. 3 об. непонятное слово: *точная;* на л. 4 два раза написано слово *можно*: *ib.* пропущена надпись: Петръ; на л. 8 об. *штакое* вдѣлалось сударыня; приказчикъ называется то Фролъ Сидоровичъ, то Сидоръ Фроловичъ и пр.

[3]) Мы также подновляемъ орѳографію, но нѣсколько въ меньшемъ размѣрѣ. Образцы почерка и орѳографіи Крылова см. въ томъ же VI т. Записокъ.

Въ изд. на стр. 223—4 мы находимъ такую невозможную риѳму:

Не стыдись меня, *Анюта*;
Я вѣдь здѣшній, не чужой
Иль забыла, что *Петруша*
Говоритъ теперь съ тобой?

А дѣло объясняется очень просто: вмѣсто *Анюта*, надо читать *Анюша*, какъ написано въ рукописи (л. 4). Такимъ же образомъ рукоп. (л. 28 об.) исправляетъ куплетъ барыни на стр. 265.

Коли въ лакеяхъ будетъ онъ послушенъ
У меня, ретивъ и не лѣнивъ,
То и еще успѣетъ быть анютинъ:
Мой парольдонеръ не лживъ,

Гдѣ опять-таки вмѣсто *анютинъ* надо читать *анюшинъ*.

На стр. 229 въ изд. мы читаемъ:

Прикащикъ: «*За чѣмъ* же тебѣ прикащицкая то жизнь не нравится?»

Въ рук. (л. 7 об.) стоитъ: «*Да чѣмъ* же тебѣ прикащицкая то жизнь не нравится?» На стр. 234: «Да я ихъ и *испрашивать* не буду». Въ рук. (л. 10 об.): «Да я ихъ и спрашивать не буду».

Можетъ быть, это—опечатки, но во всякомъ случаѣ онѣ значительно ухудшаютъ языкъ пьесы.

Зато ужъ никакъ нельзя объяснить опечаткой невѣрное чтеніе на слѣд. (11) листѣ. Приказчикъ разсказываетъ барынѣ объ искусствѣ гадалокъ по кофейной гущѣ; по его словамъ, онѣ

И лишь взглянуть *въ чашку*, въ мигъ
Скажутъ, ложки кто подстригъ.

Издатель печатаетъ (стр. 235).

И лишь взглянутъ, *тайну* въ мигъ
Скажутъ, ложки кто подстригъ.

На стр. 236. Новомодова поетъ:

Мнѣ не впервой съ ними драться.
Прикащикъ: Мнѣ не впервой ихъ учить.
Новомодова: Лихо-бъ только что *додраться*.
Прикащикъ: Мнѣ изволь лишь поручить.

Драться и *додраться*—ужасная риѳма, да и отдѣльно взятая строка нелѣпа. — Но на л. 11 об. написано явственно: Лихо-бъ только что *добраться*...

Въ изд. на стр. 237 мы читаемъ: «Они (родители Анюты) было

согласились, да это видѣла Анюта, сказала имъ, что она сама на себя руки подниметъ».

Какъ Анюта могла *видѣть* согласіе своихъ родителей!? Да и вся постройка фразы очень некрасива. Въ рукоп. же мы читаемъ: «Они было согласились, да *эта вѣдьма* Анюта сказала имъ, что она сама на себя руки подниметъ».

Въ издан. на стр. 242 мы находимъ: «Ахъ! да мнѣ... вотъ тебѣ»... А въ рукоп. вполнѣ явственно: «Ахъ да инъ вотъ тебѣ»... (л. 15) [1]).

На стр. 239 издатель предлагаетъ поправку къ явной ошибкѣ текста, но поправка его не можетъ быть признана удачной и должна быть замѣнена другою. А именно:

Въ текстѣ (л. 13 об.) написано:

Да ужъ я те не забуду:
Какъ женой Анютѣ буду,
Такъ хорошій хлѣбъ добуду;
Будешь насъ благодарить.

Я. К. Гротъ предлагаетъ читать.

Да ужъ я те не забуду:
Какъ Анютѣ мужемъ буду,
Такъ хорошій хлѣбъ добуду:
Будешь насъ благодарить.

Явная нелѣпость такимъ образомъ, дѣйствительно, устраняется, но черезъ то получается строфа, совершенно невозможная, съ разрушенной риѳмой, да и описка автора въ двухъ словахъ — дѣло немыслимое. Очевидно, читать слѣдуетъ:

Да уже я те не забуду:
Какъ (либо *коль*?) *женой Анютѣ быть*,
Такъ хорошій хлѣбъ добуду;
Будешь насъ благодарить.

По удаленіи такихъ недосмотровъ издателя и явныхъ описокъ юнаго поэта, который въ *этой* рукописи еще не совсѣмъ отдѣлалъ

---

[1]) Есть измѣненія текста и безвредныя, но, конечно, ненужныя. Въ изд. стр. 258: «Да за что *вы хотите его* отдать то?» Въ рук. (л. 24 об.): «Да за что *вы его хотите* отдать то?» На стр. 259:

Коли всѣ то полюбили,
Чтобъ была за нимъ она...

Въ рук. л. (25): „Коли вы то полюбили“...

свою оперу [1]), стихи «Кофейницы» едва ли могутъ заслуживать эпитетъ *неуклюжихъ* [2]), а попытка показать, что *новомодность* и ультралиберальныя воззрѣнія на бракъ и нравственность, напоминающія совѣтницу въ «Бригадирѣ», вовсе не исключаетъ жестокости и безчеловѣчія Скотининыхъ и грубѣйшаго суевѣрія, такъ же какъ и множество прекрасно подобранныхъ народныхъ поговорокъ (въ родѣ: «грози богатому, онъ денежку дастъ», «съ твоихъ то угрозъ я великъ возросъ» и пр.) дѣлаютъ «Кофейницу» для того времени явленіемъ выдающимся.

Если вѣрить Лобанову—а не вѣрить ему мы не имѣемъ никакого основанія, — «Кофейница» написана Крыловымъ въ 1784 г., когда онъ служилъ въ с.-петербургской Казенной палатѣ. Подлинное дѣло объ этой службѣ находится теперь въ Публичной библіотекѣ (F. XVIII, № 27), и ознакомленіе съ нимъ убѣждаетъ окончательно и рѣшительно [3]), что аттестатъ, выданный Крылову 30 сент. 1810 г при увольненіи отъ службы въ монетномъ департаментѣ [4]), полонъ грубѣйшихъ ошибокъ. Какъ онѣ возникли, мы не знаемъ; нельзя предположить, чтобы самъ Крыловъ диктовалъ его (онъ не могъ забыть фактовъ, столь близко его касающихся, и не имѣлъ разсчета измѣнять ихъ), а вѣроятно, чиновникъ монетнаго департамента писалъ аттестатъ какъ попало.

---

[1]) Кромѣ вышеуказанныхъ, во второмъ куплетѣ Анюты на стр. 224 поэтъ предлагаетъ какъ бы на выборъ издателю Брейткопфу два чтенія: напечатанное и слѣдующее:

А то ужъ и не годится,
Коль она ужъ такъ плоха.

Если дѣйствительно мы имѣемъ теперь въ рукахъ ту самую рукопись, которую Крыловъ продалъ Брейткопфу за 60 рублей (въ чемъ можно сомнѣваться именно въ виду ея недодѣланности: начинающіе авторы не въ такомъ видѣ представляютъ издателямъ свои произведенія), то очевидно, что онъ надѣялся выправить ее при напечатаніи.

Кстати по поводу Брейткопфа небольшое дополненіе къ словамъ Л. Н. Майкова (Историко-лит. очерки стр. 9—10); въ общеизвѣстной книгѣ Кенига (Deutsche Literaturgeschichte): воспроизведенъ листъ его нотъ. (Neue Lieder in Melodien gesetzt von Bernhard Theodor Breitkopf. Lpz. Bernhard Christoph Breitkopf und Sohn. 1770), сопровождающихъ первое *печатное* произведеніе Гёте.

[2]) См. статью А. И. Лященко въ Ист. Вѣстн. 1894, ноябрь, стр. 494.

[3]) Сборн. VI, 345 и слѣд.

[4]) Сборн. VI, 296.

Въ этомъ аттестатѣ сказано, что Крыловъ 1) вступилъ на службу 2-го февр. 1781 г.; 2) 4-го декабря того же 1781 г. перешелъ въ тверской магистратъ канцеляристомъ; 3) 10 янв. 1782 г. опредѣленъ канцеляристомъ въ С.-Петербургскую Казенную палату; 4) уволенъ оттуда по болѣзни 7-го дек. 1790 г.

А между тѣмъ изъ *дѣла* явствуетъ, что Крыловъ 1) началъ службу въ 1777 г. [1]); 2) въ Тверь перечислился 15 іюня 1778 г.; а чиномъ канцеляриста награжденъ только при отставкѣ въ 1783 г.; 3) въ Казенную с.-петербургскую палату принятъ на службу 9-го сентября 1783 г.; 4) уволенъ оттуда по прошенію (онъ мотивируетъ его своимъ намѣреніемъ служить въ «другихъ должностяхъ») 11 декабря 1786 г.

Эти обстоятельства «дѣла» вполнѣ совпадаютъ съ актами тверского магистрата, напечатанными первоначально въ Сѣв. Пчелѣ 1846 г. (№ 292) [2]), на которые біографы баснописца до сихъ поръ мало обращали вниманія. А между тѣмъ акты эти очень любопытны и представляютъ начало служебной дѣятельности Крылова въ Петербургѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

Въ 1782 г. Крыловъ числился въ тверскомъ магистратѣ подканцеляристомъ, но «у онаго Крылова на рукахъ никакихъ дѣлъ не имѣлось», и жалованья онъ, очевидно, не получалъ. Скучая этой безплодной службою, въ іюлѣ 1782 г. Крыловъ взялъ отпускъ въ Петербургъ на 29 дней, но по неизвѣстнымъ причинамъ воспользоваться имъ не сейчасъ, а только среди зимы 1782—3 года. Въ Петербургъ поѣхалъ онъ, конечно, съ матерью, которая намѣревалась хлопотать о пенсіи и, вѣроятно, о лучшемъ устройствѣ судьбы сына. Крыловы оставались въ столицѣ до августа 1783 г., и хлопоты ихъ были, повидимому, не совсѣмъ безплодны. Такъ какъ подканцеляристъ Иванъ Крыловъ долгое время не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей магистрату, то послѣдній въ апрѣлѣ 1783 г. принялся «сыскивать» его и послалъ пристава Никифора Иванова на его квартиру. Тамъ оказалась только бабка Крылова Матрена Иванова (домовладѣлица?), которая и сообщила чиновнику Иванову объ отъѣздѣ Крылова въ Петербургъ. Долготерпѣливый магистратъ

---

[1]) Такъ опредѣляетъ начало его службы и Л. Н. Майковъ (l. c. 6), а А. И. Лященко (l. c. 493) безъ всякаго основанія расходится съ нимъ.

[2]) Перепеч. въ Сб. VI, 273—5.

подождалъ еще 3 мѣсяца слишкомъ; но 24 іюля принялъ суровыя мѣры: онъ рѣшилъ сообщить о пропавшемъ подканцеляристѣ въ с.-петербургское губернское правленіе и требовать присылки его за *присмотромъ* (т. е. по этапу) въ намѣстническое правленіе. Еслибъ Крыловъ вернулся изъ столицы ни съ чѣмъ, ему, безъ сомнѣнія, досталось бы за самовольное промедленіе; а теперь что̀ мы видимъ? Крыловъ смѣло является въ августѣ къ генералъ-губернатору гр. Брюсу, доводовъ въ свое оправданіе (кромѣ вышеуказаннаго, что на его рукахъ никакихъ дѣлъ не имѣлось) не приводитъ, и тѣмъ не менѣе безпрепятственно получаетъ отставку *съ награжденіемъ его за безпорочную службу чиномъ канцеляриста*, ѣдетъ въ Петербургъ, безъ малѣйшаго замедленія [1]) поступаетъ тамъ на службу, и черезъ 2 мѣсяца (17 ноября) производится *въ провинціальные секретари* [2]).

Итакъ, Крыловы за эти нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія въ столицѣ нашли возможность пріобрѣсти покровителей и нѣкоторыя связи. Тогда же, безъ сомнѣнія, будущій драматургъ успѣлъ побывать и въ театрахъ и заинтересоваться ими до стремленія къ авторству [3]). Средства у Крыловыхъ, очевидно, кое-какія были [4]), и увѣренія нѣкоторыхъ біографовъ, будто мать и сынъ жили на ничтожное жалованье послѣдняго, лишены основанія: въ Твери Крыловъ, очевидно, не получалъ ни копѣйки, да и въ Петербургѣ первые два года, надо думать, былъ въ такомъ же положеніи; по имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ ему начали давать жалованье только съ начала 1786 г., жалованье по тому времени не совсѣмъ ничтожное, 80 или 90 [1]) руб. въ годъ; но оно не прельстило Крылова: еще не получивъ денегъ за послѣднюю треть, онъ въ декабрѣ по-

---

[1]) 8-мъ августа помѣченъ его *паспортъ*, въ сентябрѣ (безъ числа) подано его прошеніе, а 11 сентября оно уже заслушано и исполнено.

[2]) См. Сб. 349: „а въ нынѣшнемъ чинѣ 783 ноября съ 17 числа“.

[3]) Крыловъ могъ видѣть „Мельника“ Аблесимова, который на вольномъ Книпперовомъ театрѣ шелъ 27 разъ къ ряду. См. П. Аранова: Лѣтопись русскаго театра, Спб. 1861 г., стр. 112. О положеніи театральнаго дѣла въ Петербургѣ въ 1782—83 г. см. ibid. 86, 89 и др.

[4]) Во всякомъ случаѣ о „крайней нищетѣ“ (Кеневичъ, 2-е изд., стр. 304) не можетъ быть и рѣчи.

[1]) Почему-то за первую треть оно вычисляется отъ 90 р., а за вторую и третью отъ оклада въ 80 р. (Сб. 349).

даетъ прошеніе объ увольненіи [1]) и устремляется на поиски лучшаго мѣста. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что не полуребенокъ Крыловъ содержалъ мать свою своими трудами, а она не жалѣла крохъ, оставшихся послѣ смерти мужа, чтобы обучить и пристроить получше двухъ сыновей своихъ; напомнимъ, что и младшій братъ Левъ началъ свою службу въ гвардіи и, какъ видно изъ переписки его съ братомъ (Кеневичъ, 2-е изд., стр. 374), зналъ французскій языкъ, которому выучился, конечно, не на службѣ, а дома, живя съ матерью и братомъ въ Петербургѣ.

22-хъ лѣтъ отъ роду И. А. Крыловъ написалъ и издалъ на свой счетъ Оду на заключеніе мира Россіи съ Швеціей, которая въ полномъ собраніи его сочиненій помѣщается не на мѣстѣ и поэтому не обращала на себя вниманія біографовъ [2]). Это произведеніе слабое, написанное ex officio и въ томъ родѣ, къ которому Крыловъ не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія; языкъ оды плохой и дѣланный, съ латинизмами, которые подъ перомъ будущаго баснописца не имѣютъ ни малѣйшаго оправданія [3]); поэтъ начинаетъ съ искусственнаго «паренія» и кончаетъ такимъ же. Но все же нѣкоторыя мысли и отдѣльныя выраженія показываютъ въ авторѣ развитого человѣка и будущаго художника слова. Крыловъ начинаетъ, какъ и Ломоносовъ въ своей знаменитой одѣ Елизаветѣ, съ восхваленія *тишины*; только здѣсь это восхваленіе косвенное:

Доколь сынъ гордыя Юноны,
Врагъ свойства мудрыхъ—тишины,
Ничтожа естества законы,
Ты будешь возжигать *войны*?

спрашиваетъ онъ Марса.

Въ концѣ онъ искусно варьируетъ мысль пѣвца Фелицы о гу-

---

[1]) Сб. 348.

[2]) Одой я пользовался по экземпляру Румянцевскаго Музея; вотъ полное ея заглавіе: «Ода всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, на заключеніе мира Россіи со Швеціей, которую всеподданнѣйше приноситъ Иванъ Крыловъ 1790 г. августа дня. Въ Спб. у Шнора». Ода напечатана въ м. 4°; въ началѣ и въ концѣ виньетка (бюстъ Минервы); печать красивая; орѳографія плохая.

[3]) Напр. «дивясь *дѣла* ея велики»; Крыловъ здѣсь дерзаетъ употреблять полногласныя формы, напр. *города*, но только ради размѣра: рядомъ стоятъ *класы*, *грады* и даже *града*.

манности Екатерины, мысль, которая, увы! въ 1790 г. уже готова была сдѣлаться анахронизмомъ. Онъ говоритъ:

О! сколь блаженны тѣ державы,
Гдѣ, къ подданнымъ храня любовь,
Монархи въ томъ лишь ищутъ славы,
Чтобъ, какъ свою, щадить ихъ кровь!
Народъ въ царѣ отца тамъ видитъ,
Гдѣ царь раздоры ненавидитъ,
Законы давъ, хранитъ ихъ самъ.

Отмѣчу двѣ красивыя и сильныя, хотя и придуманныя (а можетъ быть, даже вычитанныя) антитезы. Описывая морское сраженіе, Крыловъ говоритъ:

Тамъ тьма подобна тьмѣ геенны,
Тамъ свѣтъ ужаснѣй самой тьмы.

Марсу поэтъ влагаетъ въ уста слова:

Я богомъ былъ первѣйшимъ Рима:
Мной Римъ – вселенной богомъ сталъ.

Возвращаюсь къ рукописямъ Публичной Библіотеки; на важное значеніе варьянтовъ къ баснямъ указалъ еще В. О. Кеневичъ въ первомъ изданіи своихъ примѣчаній (стр. XIII), и по изданіямъ онъ подобралъ ихъ съ такой добросовѣстностью, что имѣетъ нѣкоторое право не бояться «упрека въ невнимательности». Но не мало автографовъ Крылова поступило въ Публичную библіотеку въ послѣдніе годы, да и въ тѣхъ, которыми пользовался В. О. Кеневичъ, осталось кое-что, имъ не замѣченное. Постараюсь дополнить его усердный трудъ нѣкоторыми небезъинтересными указаніями.

Подъ № F. XIV, 13, хранится цѣлая тетрадь басенъ, писанная рукою Крылова, поступившая въ Публичную библіотеку отъ Лобанова, но почему-то не попавшая въ руки В. Ѳ. Кеневича. Въ ней между прочимъ находится басня: Конь и Всадникъ, тенденція которой вызывала столько разнообразныхъ толкованій [1]); здѣсь форма этой басни уже близка къ нынѣшней печатной, но еще не совсѣмъ додѣлана; такъ, въ ней еще нѣтъ картиннаго выраженія: «*Дрожащею рукой* (узду накинуть покушался)», Конь, освобожденный отъ узды, пускается, «какъ бурный *вѣтръ*» (въ изд. *вихрь*; Крыловъ даже написалъ *буйный вѣтръ*, но зачеркнулъ и переправилъ на *бурный*); онъ «*скинулъ* наконецъ съ себя его

[1]) Кеневичъ, 1-е изд. стр. 135. Галаховъ, 2-е изд. II, 325—6.

долой» (въ изд. *сбросилъ*). Два варьянта: «Но конь въ оврагъ со всѣхъ *попавши* ногъ» (теперь читается: *махнувши*) и «*Узнавши смерть его* сѣдокъ» (нынѣ: «тутъ въ горести сѣдокъ»..., что концентрируетъ разсказъ, сводитъ его къ единству времени, хотя и нарушаетъ законъ вѣроподобія) общи у нашей рук. съ изд. 1834 г., отличія котораго отъ позднѣйшихъ не указаны В. О. Кеневичемъ. Но наиболѣе любопытный фактъ усматривается изъ сличенія позднѣйшихъ изд. съ изданіемъ 1825 г.: въ немъ эта басня помѣщена въ самомъ началѣ и сопровождается картинкою, вслѣдствіе чего на нее обращали особое вниманіе и пріурочивали ее къ декабристамъ; въ изд. 1834 г. Крыловъ, очевидно, не желавшій ругаться надъ побѣжденными, убралъ ее въ середину и уничтожилъ картинку.

Басня *Туча* въ нашей рук. называется *Гора и Туча* и начинается описаніемъ засухи:

Въ жары, когда пожгло и рощи и поля,
И камнемъ сдѣлалась земля
И отъ засухи и отъ зною,
Большая туча поднялась,
Черезъ лѣса, луга и нивы пронеслась,
И надъ моремъ остановясь,
Дождемъ обильнымъ пролилась.
„Что пользы сдѣлала ты щедростью такою“?
Сказала ей и пр.

Позднѣе эти 8 стиховъ сокращены въ 4 (Крыловъ, очевидно, не находилъ нужнымъ рисовать обстоятельную картину въ такой короткой баснѣ, да и глагольныхъ риомъ онъ, какъ членъ Бесѣды, не долюбливалъ), и на мѣсто выпущенныхъ внесены 2 стиха вновь, изъ которыхъ одинъ подчеркиваетъ безполезность тучи для земли, а другой похвальбою Тучи мотивируетъ упреки Горы.

По нашей рук. видно, что Крыловъ пытался подвести къ этой баснѣ нравоученіе, но изъ этого ничего не вышло, и поэтъ сильно зачеркнулъ неразборчиво набросанныя строки.

Въ этой же тетради имѣется почти отдѣланная ред. басни «Сочинитель и Разбойникъ», изъ варьянтовъ которой видно, съ какимъ стараніемъ работалъ Крыловъ надъ этимъ архитенденціознымъ произведеніемъ [1]).

[1]) Вотъ эти вар. ст. 8. Вселялъ *безбожіе*, укоренялъ развратъ. (Въ изд. безвѣріе).

Въ 1884 г. Публичная библіотека пріобрѣла 18 басенъ-автографовъ изъ позднихъ (1829 и 1830 гг.), которыми, конечно, не могъ воспользоваться В. Ѳ. Кеневичъ. Это—черновыя (хотя и первыя) ред., написанныя часто крайне неразборчиво; онѣ очень интересны, такъ какъ вводятъ насъ въ самую лабораторію уже состарѣвшагося, облѣнившагося, но все еще сильнаго умомъ и талантомъ Крылова.

Въ баснѣ: *Бѣлка* здѣсь только 2 варьянта, которые тутъ же Крыловымъ зачеркнуты и замѣнены очень удачно.

Ст. 8. И скалитъ *при царѣ* зубки свои сквозь слезъ.

(Изд. И скалитъ передъ львомъ и пр.).

Ст. 29. Что справедливости въ богахъ ни *малой* нѣтъ (изд. ни мало).

Ст. 60. И связи разрывалъ святыя обществъ? — Ты! (Изд. И связи общества рвался расторгнуть? Ты!).

Ст. 67 и 68. Раздорами и мятежами,

Убійствами и грабежами. (Въ изд. обратный порядокъ стиховъ).

Ст. 72 и слѣд. А сколько впредь еще *случится*

Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ,

Ужель ты счелъ? (Въ изд. послѣдняго стиха нѣтъ: вм. *случится—родится)*.

Вотъ изъ той же рук. варьянты къ другимъ баснямъ, неизвѣстные Кеневичу:

Лягушка и Юпитеръ. Ст. 10. *По нихъ* бродили мухи.

(Рук. вар. у Кеневича: Могли въ ней ползать мухи. Въ изд. *по нимъ* бродили мухи).

Лань и Деревцъ. Ст. 19. Такъ *добродѣтельный,* любя едину благость,...

(Рук. вар. у Кеп. *благодѣтельный.* Изд. Такъ истинная благость).

Крестьяне и Рѣка. Ст. 16. Крестьяне разсуждали. (Изд. Между собой крестьяне разсуждали).

(Добрая) Лисица. Ст. 36 — 37. *Когда малюточекъ ко сну потянетъ,* Тыбъ *прибаюкивалъ*... (Изд. Межъ тѣмъ пока зефиръ ихъ съ гнѣздышкомъ качаетъ, Тыбъ *убаюкивалъ*... (Кстати отмѣчу нѣсколько недосмотровъ у В. Ѳ. Кеневича. Въ рук. 12 мая 1814 г., по которой онъ отмѣчаетъ вар. этой басни, Кр. написалъ сперва: «*пастухъ* весной малиновку убилъ», потомъ зачеркнулъ *пастухъ.* Ошибочно Кеневичъ говоритъ (стр. XI), что въ этой рук. *Конь и Всадникъ, Чижъ и Ежъ,* помѣщены въ *двухъ* спискахъ, и будто здѣсь есть *Добрая* лисица; здѣсь есть просто *Лисица* подъ № 12).

Конь и Всадникъ. Ст. 6. *Мой всадникъ* нѣкогда сказалъ. (Изд. *Хозяинъ).*

Ст. 2-й отъ конца. Не *менѣ* гибельна она. (Изд. Не меньше и пр.).

Орелъ и Кротъ. Ст. 4. Въ *тѣнистый* лѣсъ... (Изд. Въ дремучій лѣсъ).

Ст. 7. *Гнѣздо въ его вершинѣ* стали вить. (Изд. Гнѣздо *себѣ* въ его и пр.).

Ст. 9. *Узнавши* кротъ про это. (Изд. Услыша и пр.).

Ст. 23. У Бѣлки ужъ давно ни зуба *во ртѣ* нѣтъ.

(Изд. Давно зубовъ у Бѣлки нѣтъ).

Къ баснямъ: *Щука* и *Пушки и Паруси* есть два такіе варьянта (не зачеркнутые потомъ), которые всякій издатель, не запуганный тѣмъ, что Крыловъ самъ редактировалъ изданія басенъ, я думаю, предпочелъ бы общепринятымъ.

Щука въ изданіяхъ оканчивается такъ:

„Такъ утопить ее *въ рѣкѣ*".—„Прекрасно!"
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно,
И Щуку бросили въ рѣку.

Даже умненькихъ дѣтей смущаетъ — сужу по своимъ учительскимъ воспоминаніямъ — эта крайняя наивность судей и необходимость дѣлать удареніе на словахъ: *въ рѣкѣ*, а черезъ строчку: *въ рѣку*.

Въ нашей рук. написано:

„Такъ *утопить ее*". „Прекрасно!"
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно.
И Щуку бросили въ рѣку.

Такъ и для чтеца, я полагаю, удобнѣе (послѣднее слово даетъ ему эффектъ, неожиданный для слушателей), да и для судей—не такъ обидно.

Въ баснѣ *Пушки и Паруса* въ ст. 3 печатается:

Вотъ Пушки, выставясь *изъ бортовъ* вонъ носами...

Ст. 14. Не бралъ Орелъ напраснаго труда (вар. у Кеневича: Не принималъ Орелъ напраснаго труда. Новыя изд.: Такъ что Орелъ гнѣзда на немъ не вилъ).

Ст. 19. *Къ тому же*, какъ Кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла... (Изд. И что за стать Кротамъ и пр).

Ст. 21. Такъ *лишняго* съ Кротомъ не говоря. (Изд. Такъ многаго и пр.).

Тришкинъ кафтанъ. Ст. 16. Видалъ я иногда:

Такимъ же образомъ, иные господа...

(Изд Такимъ же образомъ, видалъ я иногда,
Иные господа...)

Фортуна и Нищій. Ст. 14. Такъ, напримѣръ, того хозяинъ дому... (Изд Вонъ бывшій, напримѣръ, того хозяинъ дому).

Папкой съ 22 баснями Крылова, поступившей въ Публичную Библіотеку отъ того же Лобанова (не помѣчена №), В. Ѳ. Кеневичъ воспользовался очень старательно; только въ баснѣ *Огородникъ и Философъ* пропустилъ 2 незначительные варьянта.

Ст. 12. И *также* огурцы садить. (Изд. И тоже и пр.).

Ст. 50. И *все изрость*, пересадитъ. (Изд. Все перероетъ и пр.).

А въ нашей рукоп. написано:

Вотъ Пушки, выставясь *изъ люковъ* вонъ носами...

Положимъ, моряки не признаютъ *люкомъ* того отверстія, изъ котораго выглядываетъ пушка, и *бортъ* именно въ такомъ значеніи указанъ въ словарѣ Даля. Но вѣдь басня писана для публики, а ей рукописная редакція понятнѣе и ближе. Что же касается собственной редакціи Крылова, то вѣдь и рукопись—его же автографъ, а когда онъ былъ внимательнѣе: за письменнымъ ли столомъ или при исправленіи корректуры, это—вопросъ.

Басня: «Бѣдный богачъ» въ этой папкѣ имѣется если не въ первоначальномъ наброскѣ, то во всякомъ случаѣ не въ томъ видѣ, въ какомъ она была напечатана въ 1829 г. въ «Сѣв. Цвѣтахъ» (Кеневичъ, 1-е изд. 217), и со многими помарками. Въ рукоп. басня значительно длиннѣе и въ двухъ мѣстахъ вмѣсто одного стиха мы находимъ по два; да и отдѣльные стихи въ рукоп. длиннѣе [1]). Заглавіе ея здѣсь иное: *Скупой богачъ*, и слѣдъ этого остался въ ст. 11 печатной редакціи («А богачей скупыхъ на муку жизнь похожа»).

Въ баснѣ: «Пушки и Паруса», кромѣ вышеуказаннаго, есть два варьянта. ст. 11: Какъ будто *графскаго иль княжескаго* сану. (По изд. 1829 г. Какъ будто *равнаго намъ сану*; послѣд. изд. Какъ будто важнаго какого сану).

---

[1]) Ст. 21 и слѣд. здѣсь читаются:

Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой;
Имъ нѣтъ конца. И такъ пріятель, мой,
Богатымъ быть теперь въ твоей лишь волѣ.

(Въ изд. нѣтъ словъ: „имъ нѣтъ конца“ и вм. „Богатымъ быть“—„Разбогатѣть“).

Въ ст. 40. „То правда“, говоритъ, „довольно я богатъ“.

(Въ изд. „теперъ я сталъ богатъ“).

Ст. 48. Такъ удержу *еще* чудесный кошелекъ.

(Въ изд. *еще* исключено).

Въ ст. 60. (Въ изд. „Какъ можно“, говоритъ, „отъ кошелька отстать“).

Мы читаемъ:

„Нѣтъ“, говоритъ, „еще деньковъ хоть пять...
А впрочемъ не грѣшно-ль отъ кошелька отстать,

Когда и пр. (Написано очень неразборчиво; я могъ прочесть только при помощи И. А. Бычкова).

Ст. 63—4. И, наконецъ, бѣднякъ мой *похудѣлъ*,
Бѣднякъ мой *посѣдѣлъ* (въ изд. порядокъ обратный).

Ст. 23-я. По волѣ вѣтра и валовъ
Сталъ по волнамъ носиться какъ колода.

(Изд. Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ
И носится онъ въ морѣ какъ колода).

Эта ред. не зачеркнута, но послѣ нравоученія приписана нынѣшняя.

Къ баснямъ: *Булатъ*, *Миронъ*, *Крестьянинъ и Лисица*, варьянтовъ почти нѣтъ [1]); но въ послѣдней баснѣ можно видѣть, какъ Крылову даже въ это время иногда приходилось бороться съ фразой, чтобы добиться желательнаго оттѣнка: послѣдній стихъ ея онъ два раза написалъ такимъ образомъ: «Да чтобъ *боялася* кнута» и два раза зачеркнулъ; наконецъ нашелъ нынѣшнюю ред.

Да чтобы *слушалась* кнута.

Очень любопытенъ варьянтъ къ концу нравоученія въ баснѣ *Оселъ* (ср. Кеневичъ, 1-е изд. 224) [2]). Въ изд. мы читаемъ:

Но важный чинъ на плутѣ, какъ звонокъ:
Звукъ отъ него и громокъ и далекъ.

Въ рукоп. вмѣсто этихъ двухъ стиховъ мы находимъ *четыре*:

Но важный чинъ на плутѣ, какъ звонокъ:
Какъ въ плутняхъ онъ ни укрывайся
И честнымъ слыть надеждой ни ласкайся,
Звукъ отъ него и громокъ и далекъ.

То же самое явленіе, но въ еще болѣе характерномъ видѣ мы встрѣчаемъ и въ слѣд. баснѣ: *Филинъ и Оселъ*. Въ изд. она вовсе не имѣетъ нравоученія и оканчивается эффектнымъ стихомъ:

И—бухъ Оселъ и съ Филиномъ въ оврагъ.

Въ нашей рукоп. нравоученіе заключаетъ въ себѣ 6 стиховъ:

Иному также и ученье
Не пользу, но одно наводитъ ослѣпленье:

---

[1]) „Булатъ" въ ст. 14—15-хъ рукоп. И дѣти ѣздятъ ужъ на немъ *конькомъ*.
(Изд. *верхомъ*; это одинъ изъ немногихъ случаевъ, гдѣ Крыловъ, въ угоду литературному языку, уничтожилъ народное выраженіе).
Ст. 13. Скажи, на что *твоя вся жизнь* похожа?
(Изд.—вся жизнь твоя)
„Миронъ" ст. 21. Жаль только, что собакъ онъ *держитъ столь лихихъ*.
(Изд.—такихъ онъ держитъ злыхъ).

[2]) Незначительный варьянтъ въ той же баснѣ, въ ст. 6: Надулся мой Оселъ: *сталъ важенъ и гордится*.
(Изд.: сталъ важничать, гордиться).

До книгъ онъ все еще бредетъ прямымъ путемъ;
А съ книгами чѣмъ болѣе знакомъ,
Тѣмъ болѣе голова его идетъ кругомъ.
Не дай Богъ въ путь идти съ такимъ проводникомъ!

Судя по многочисленнымъ варьянтамъ въ эпической части басни, рукоп., бывшая въ рукахъ Кеневича, представляетъ ред., еще болѣе раннюю; въ ней разсказъ оканчивается безъ всякаго эффекта [1]); нравоученіе начиналось словами:

Затѣмъ Крыловъ зачеркнулъ эти строки и написалъ:

Иному также просвѣщенье
Не пользу, но одно наводитъ ослѣпленье;
Чѣмъ болѣе онъ съ книгами знакомъ,
Тѣмъ болѣ голова его идетъ кругомъ.
Не дай Богъ въ путь идти съ такимъ проводникомъ![2])

Басня: *Левъ* также имѣетъ въ нашей рукоп. добавочные стихи противъ изд.; послѣ стиха:

И на зиму себѣ запасся тюфякомъ,

мы читаемъ въ ней:

А кажется, когда бъ усердье говорило
Ихъ языкомъ,
Не худо бы примѣръ подать собою было [3]).

---

[1]) 1-е изд. стр. 225.

И втюрился Оселъ всей харею въ оврагъ;
А Филипъ такъ въ него вцѣпился,
Что вмѣстѣ съ нимъ и самъ убился.
Есть люди, коимъ просвѣщенье
Не пользу, но одно наводитъ ослѣпленье.

[2]) Крыловъ также исключаетъ нравоученіе изъ басни *Змѣя* (см. Кеневичъ, 1-ое изд. стр. 226—7). Болѣе растянутыя и потому болѣе слабыя нравоученія раннихъ ред. см. *ib.* 92—93, 214, 219, 222 и др.

[3]) Въ той же папкѣ находится: *Змѣя*, помѣченная рукою Крылова, какъ № 18, и *Лещи* безъ №. Въ *Змѣѣ* находимъ варьянтъ въ ст.:

На деревѣ одномъ опасно быть съ тобой.

(Изд. Намъ страшно вмѣстѣ быть съ тобой)

А въ баснѣ: *Лещи* въ ст. 12.

Иль *прожорливости* ты щукъ не знаешь?

(По рукоп. Кеневича: Или ты *свойства* и пр.

По изд. Иль *жадности* и пр.)

На свободномъ полулистѣ басни *Змѣя* находится записка Крылова (къ Жуковскому?), которую воспроизвожу съ соблюденіемъ орѳографіи оригинала:

„Посылаю и послѣднія три басни да нельзяль чтобъ *ихъ* переписалъ тотъ кто переписывалъ булатъ его рука очень четка прощай до понедѣльника!“

Итакъ, въ трехъ басняхъ подъ рядъ Крыловъ сокращаетъ окончанія и тѣмъ будто ослабляетъ поучительный элементъ басни, усиливая энергію и мѣткость сатиры; стало быть, онъ вполнѣ сознательно упорнымъ трудомъ доходилъ до своихъ острыхъ, какъ стилетъ, заключеній, которыя именно потому и переходили въ пословицы; да и въ серединѣ разсказа, какъ мы видѣли выше, Крыловъ часто сокращалъ и исключалъ вполнѣ правильные и красивые стихи, если только могъ безъ нихъ выразить мысль и нарисовать картину. Вотъ источникъ той силы, которая такъ рѣзко отличаетъ его отъ Хемницера и Дмитріева.

Столь же характерный примѣръ находимъ въ баснѣ *Муравей*, черновой автографъ которой пріобрѣтенъ Публичной библіотекой въ 1893 г. Въ ней нравоученіе читается такъ:

Такъ дворянинъ или чиновникъ тамъ иной,
Въ уѣздѣ у себя и славенъ и завиденъ
И всѣхъ славнѣй
И всѣхъ умнѣй;
Въ столицу жъ пріѣзжай, какъ этотъ Муравей,
Чуть-чуть онъ будетъ виденъ.

Послѣдняя строчка зачеркнута, и написано нынѣшнее нравоученіе, которое быстро становится пословицей [1]).

Если не ошибаюсь, одновременно съ баснею *Муравей* пріобрѣтены автографы басенъ: *Раздѣлъ*, *Чижъ и Ежъ*, *Конь и Всадникъ*. Раз-

---

Въ той же папкѣ находится чисто переписанная басня *Крестьянинъ и Лошадь*, гдѣ имѣются 2 поучительные варьянта, зачеркнутые Крыловымъ и замѣненные, какъ въ изд. Ст. 3: Такъ про себя *болтала* разсуждая;

(Изд.—ворчала).

Ст. 1 Б. *Скормилъ бы* онъ его иль мнѣ или гнѣдому.

(Изд. *Стравилъ* и пр.).

Сличивъ №№, проставленные Крыловымъ на басняхъ этой папки, съ изд. 1830 г., нельзя не убѣдиться, что папка составлена именно для этого изданія. Крыловъ, очевидно, хотѣлъ ее закончить баснею *Змѣя*, но потомъ нашелъ возможнымъ прибавить еще 3 басни, чтобы уравнять 8-ую книгу съ предыдущими.

[1]) Другіе варьянты той же рукоп.

Ст. 3. Онъ даже (*говоритъ навѣрно*)...

(Изд.—говоритъ его историкъ вѣрный).

Ст. 19. *Чтобы* и тамъ повеличаться.

(Изд. Чтобъ силой тамъ и пр.).

Ст. 28. Мой Муравей *то листикъ вдругъ потянетъ*.

(Изд.—то, взявъ листокъ, потянетъ).

дѣлъ—черновая рукопись, хотя эпическая часть уже вполнѣ отдѣлана [1]); вмѣсто нынѣшняго нравоученія въ 5 стиховъ здѣсь было набросано длинное (стиховъ 10 — 12), но оно перечеркнуто такъ старательно, что невозможно разобрать ни строчки. *Чижъ и Ежъ* и *Конь и Всадникъ* старательно переписаны вмѣстѣ, вѣроятно для публичнаго чтенія, можетъ быть при дворѣ (чему соотвѣтствуетъ и содержаніе ихъ); варьянты въ нихъ незначительны [2]).

Въ Румянцевскомъ музеѣ (рукоп. отд. № 1026) имѣется экз. басенъ изд. 1811 г. съ собственноручными поправками Крылова, [3]) которыя предназначались для слѣдующаго изданія. Любопытно, что нѣкоторыя изъ этихъ поправокъ такъ и остались рукописными варьянтами, хотя онѣ мѣстами и лучше печатныхъ [4]). В. Ѳ. Кеневичъ незнакомъ съ этими любопытными варьянтами, которые слѣдовало бы вводить во всѣ полныя изданія.

---

[1]) Въ ст. 6 есть варьянтъ.

Заводятъ шумъ они *про* деньги, *про* товаръ.

Но *про* оба раза зачеркнуто и поставлено *за*, какъ въ изд.

[2]) *Чижъ и Ежъ.*

Ст. 13. *Кумъ милый*, не поешь.

(Изд. Пріятель, не поешь).

Конь и Всадникъ.

Ст. 17. *Взыграла* кровь его...

(Рукоп. Кеневича, стр. 133. Въ немъ разыгралась кровь. Изд. Вскипѣла кровь его).

Въ ст. 21. Здѣсь вписаны слова:

Дрожащею рукой.

Въ ст. 23. Слово: *поколь* поправлено на *Доколь.*

Ст. 25. Узнавши смерть его, сѣдокъ... (см. выше).

Ст. 26: „Мой *добрый* конь!“ сказалъ и пр.

(Рукоп. и изд. Мой бѣдный конь)

Кстати отмѣчу, что въ числѣ автографовъ Крылова въ Публ. Библ. находится экз. книжки „Три новыя басни Крылова“ (Спб. 1817) съ слѣдующей его надписью: „Елизавете Ивановне Полторацкой отъ сочинителя.

За милую прелестную кружку
Которой отвожу отъ жажды душку
Съ которой только что не сплю
И такъ люблю
Какъ маленькой дитя игрушку“.

[3]) Пріобрѣтенъ покупкою въ 1868 г. за 25 руб.

[4]) Въ баснѣ *Воронеокъ* Крыловъ зачеркнулъ 3 ст. (И выхватилъ ягненка) и замѣнилъ:

Ясно, что вывести общеинтересные итоги изъ варьянтовъ басенъ Крылова, такіе итоги, которые сдѣлались бы достояніемъ исторіи литературы (т. е. опредѣлить съ точностью, въ какомъ направленіи и подъ какими вліяніями Крыловъ видоизмѣнялъ свои вѣковѣчныя творенія), возможно будетъ только впослѣдствіи, когда эти варьянты будутъ собраны съ полной тщательностью. Но нѣкоторыя

И, подхватя, унесъ ягненка (нѣтъ въ изд.).

Подагра и Паукъ:

Ст. 39. Но только *что* съ работою убрался...

Кр. вычеркнулъ *что* и написалъ *лишь*.

Въ ст. 41 Кр. вычеркнулъ слова: *Паукъ мой терпѣливъ*.

Въ ст. 42 вм. *Оттолѣ паука метлой*.

Кр. написалъ: Оттоль его метлой.

Ст. 43. Кр. вычеркнулъ и поставилъ (*), но поправки не оказывается.

Ст. 69. Къ Превосходительству сѣдому сѣла.....

Кр. вычеркнулъ *Превосходительству* и написалъ *Сіятельству*.

Ни одна изъ этихъ поправокъ не вошла въ изд. и не отмѣчена у Кеневича.

Въ баснѣ *Лисица и Виноградъ* есть двѣ поправки въ ст. 4. Вм. Запрыгали глаза и зубы *разомлѣлись* (этотъ вар. изд. 1811 г. у Кеневича не отмѣченъ) Кр. поправляетъ *разгорѣлись*.

Въ ст. 5 вм. какъ яхонты *горятъ*, Кр. пишетъ: *висятъ* (повтореніе этого слова въ слѣд. ст. не должно насъ смущать: его слѣдуетъ читать другимъ тономъ).

Въ баснѣ *Слонъ на воеводствѣ* есть поправка, вошедшая въ слѣд. изд. (въ ст. 11 *Вотъ* вм. *Вдругъ*); тоже и въ баснѣ *Крестьянинъ въ бѣдѣ* (ст. 4 *всѣ* вм. *тамъ*); тоже и въ баснѣ *Волкъ и Волченокъ*, вм. ст. 6. „На счетъ сосѣдній отобѣдать" здѣсь три стиха:

Хоть захватя грѣха,
На счетъ бы пастуха
Позавтракать иль пообѣдать.

Тоже въ баснѣ *Совѣтъ мышей* ст. 14 (*по платью иль по бородѣ*; въ изд. 1811 г. было только: *по бородѣ*).

Въ баснѣ *Совѣтъ мышей* въ ст. 36 и 37 вм. У всѣхъ

По ней одной подымутъ насъ на смѣхъ.

Крыловъ поправляетъ:

По ней одной у всѣхъ
Подымутъ насъ на смѣхъ.

Въ баснѣ *Мѣшокъ*, ст. 31, сдѣлана поправка: „Хоть онъ такую дичь нетъ" (вм. *Хоть такъ онъ вретъ*) и принята въ изданіяхъ.

Тоже ст. 40: „Мы басней ни на чье лицо не намекали" (вм. Мы басней никого обидѣть не хотѣли).

обобщенія можно сдѣлать и теперь. Прежде всего, какъ мы видѣли, Крыловъ стремится къ возможной краткости, въ особенности въ послѣднихъ строкахъ басни; прибавлять лишніе стихи онъ рѣшается только въ томъ случаѣ, если черезъ это онъ можетъ ввести мѣткій народный оборотъ [1]); зато обороты книжные и искусственную конструкцію онъ гонитъ изъ всѣхъ силъ. Стремясь къ пластичности, онъ замѣняетъ неопредѣленныя выраженія точными и картинными[2]). Что касается до постройки стиха, то изъ сличенія многихъ мѣстъ оказывается, что Крыловъ вовсе не гордится разнообразіемъ числа стопъ, напротивъ, старается подвести ихъ къ возможно большему равенству. Въ общемъ же, всякій, кто хоть немного присмотрится къ многочисленнымъ варьянтамъ басенъ, непремѣнно долженъ поступиться ходячимъ мнѣніемъ о дѣдушкѣ-Крыловѣ, какъ человѣкѣ во всѣхъ отношеніяхъ облѣнившемся и равнодушномъ къ славѣ, доставшейся ему слишкомъ легко.

---

[1]) Примѣръ см. выше въ баснѣ *Волкъ и Волченокъ*; въ этихъ случаяхъ онъ даже не останавливается передъ необычностью выраженій (напр. въ баснѣ *Булыжникъ и Алмазъ*: *Набитый братъ*); но слова *простонародныя*, напр. *опричь* и т. п. Крыловъ не считаетъ нужнымъ удерживать.

[2]) Одинъ изъ множества примѣровъ: въ баснѣ *Муха и Пчела* было сказано: И *въ близости* Пчелу увидя...

Крыловъ поправляетъ: *И на цвѣтки* Пчелу увидя.

Но въ ст. 43, гдѣ вм. *въ подпощикахъ бывали*—

Крыловъ поправилъ: *за стойкою сидѣли*; въ слѣд. изд. мы читаемъ: *въ подпощикахъ сидѣли*.

Ст. 49. Кр. исправляетъ: Которы нынѣ съ тѣмъ вельможей (вм. Которые теперь не рѣдко съ тѣмъ вельможей).

(Изд.: которые теперь съ вельможей...).

Огородникъ и Философъ.

Ст. 17 исправлено: „И огородъ твой при моемъ" (вм. И подлѣ моего твой огородъ во всемъ)...

Ст. 42. За заступъ взялся свой (какъ въ рукоп. Кеневича), но въ изд. не исправлено: *Взялъ заступъ свой*.

Воспитаніе Льва ст. 66. исправлено: „Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ" (вм. И такъ я съ радостью тебѣ правленье сдамъ.

(Кстати замѣчу, что въ изд. Кеневича варьянты стр. 92—3, приведенные будто бы изъ изд. 1811 г., на самомъ дѣлѣ въ немъ не оказываются).

Какъ объяснить, что однѣ изъ сдѣланныхъ поэтомъ поправокъ, и въ томъ числѣ довольно длинныя—вошли въ слѣдующія изд., другія нѣтъ? Надо думать, что Крыловъ выправлялъ свои басни по нѣсколькимъ экз. и потомъ сводилъ эти поправки вмѣстѣ, но дѣлалъ это не особенно внимательно.

В. Ѳ. Кеневичъ много потрудился надъ историко-литературнымъ и историческимъ объясненіемъ басенъ, но полагать, что онъ исчерпалъ этотъ безконечный рядъ вопросовъ, было бы жестокой ошибкой. Даже при первомъ чтеніи его обширнаго и добросовѣстнаго комментарія, по отношенію ко многимъ баснямъ являются недоумѣнія, и приходитъ мысль о необходимости и важности дать объясненіе такимъ сюжетамъ, относительно которыхъ В. Ѳ. Кеневичъ ограничивается библіографическими указаніями и сводомъ (какъ мы видѣли, часто неполнымъ) варьянтовъ. Такъ, напр., можно ли признать *правдоподобнымъ*[1]), что Крыловъ въ баснѣ *Орелъ и Паукъ* подъ паукомъ, взобравшимся наверхъ «держась за хвостъ вельможи», разумѣлъ Сперанскаго? Иль можно ли признать *несомнѣннымъ*[2]), что въ баснѣ *Ворона и Курица* подъ видомъ безпечной вороны изображенъ Наполеонъ? Съ другой стороны, не ясно ли, что басня: *Котъ и Поваръ*, напечатанная въ 8-мъ чтеніи Бесѣды, которое одобрено цензурою 16 августа 1812 г., т. е. *наканунѣ* пріѣзда Кутузова къ русской арміи, имѣетъ тѣснѣйшую связь съ политическими событіями и выражаетъ убѣжденіе патріотовъ въ необходимости болѣе крутыхъ мѣръ сперва по отношенію къ Наполеону, съ которымъ деликатничали до самаго его вторженія, а потомъ по отношенію къ малоспособнымъ генераламъ, ведшимъ къ гибели армію и страну? Или напр. развѣ можно оставить безъ объясненія странный, повидимому, сюжетъ *Синицы*, съ чего-то вздумавшей зажигать море, и не указать на длинную литературную исторію борьбы маленькой птички (въ Панчатантрѣ—*турухтана*, у древнихъ—*алкіона*, у малороссовъ—*ремеза*) съ моремъ-Океаномъ, борьбѣ сперва серьезной и даже побѣдоносной, а потомъ комичной? [3]) Само собою разумѣется, что ставить эти пропуски въ вину В. Ѳ. Кеневичу мы не имѣемъ никакого права: вѣдь онъ только положилъ солидный фундаментъ важной работѣ; его ли упрекать за то, что въ продолженіе 26 лѣтъ къ ней почти ничего не прибавили?

---

[1]) Кеневичъ, 1-ое изд., стр. 97.

[2]) *Ib.* 111.

[3]) См. 12-й разсказъ Панчатантры и у Бенфея въ Einleitung, § 82 (Lpz. 1859, стр. 235 и слѣд.). Ср. Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης ὑπὸ Δημητρίου Γαλανοῦ Ἐν Ἀθήναις. 1851, стр. 27 и слѣд. Книга Калила и Димна пер. Аттая и Рябинина, М. 1889, стр. 89 и слѣд. А. А. Потебня: Р. Фил. Вѣстн. 1883 г., III, стр. 68 и слѣд. Кирпичниковъ: Къ вопросу о птицѣ Страфилъ. Ж. М. Н. Пр. 1890, ч. CCLXX, отд. 2, стр. 104.

В. И. ГРИГОРОВИЧЪ

И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ НАУКИ *).

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ октябрѣ 1842 года [1]), въ Казанскомъ университетѣ, на словесномъ факультетѣ происходилъ очень интересный магистерскій диспутъ. Магистрантъ былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, всего 27 лѣтъ отъ роду, но уже не новичекъ въ наукѣ: онъ успѣлъ побывать и поработать за границей [2]); еще въ 1840 г. онъ представилъ обширное кандидатское сочиненіе [3]), которое факультетъ, несмотря на противодѣйствіе одного изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ своихъ, призналъ не только вполнѣ удовлетворительнымъ, но и достойнымъ печати, а въ слѣдующемъ 1841 году былъ напечатанъ въ «Ученыхъ Запискахъ» университета его трудъ: «Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ». Студенты филологи, тогда довольно многочисленные, хорошо знали магистранта, такъ какъ съ 1839 года, за отсутствіемъ профессора, онъ преподавалъ имъ одинъ изъ основныхъ предметовъ факультета, греческій языкъ; знали его за человѣка несомнѣнно ученаго, страстно преданнаго наукѣ и ожидали диспута съ большимъ интересомъ. До нихъ дошли слухи, что профессоръ русской исторіи Ивановъ, человѣкъ очень бойкій и самоувѣренный, извѣстный говорунъ и искусный діалектикъ и насмѣшникъ, намѣревается «отдѣлать» магистранта, который, при всей своей учености, отличался крайней

---

*) Рѣчь, сказанная при открытіи памятника В. И. Григоровичу въ Елисаветградѣ.

[1]) 11-го октября, см. Слав. Обозр., 1892 г., іюль—августъ, стр. 246.

[2]) См. Воспоминанія о Григоровичѣ проф. Успенскаго, Лѣтописи Историко-филолог. Общ., т. I, стр. 20—21.

[3]) Изслѣдованія о церковно-славянскомъ нарѣчіи, основанныя на изученіи его въ древнѣйшихъ памятникахъ, и пр.

непаходчивостью, застѣнчивостью и робостью, говор лъ плохо и даже не совсѣмъ чисто по-русски: онъ родился въ юго-западномъ краѣ, и хотя былъ воспитанъ въ православной вѣрѣ, но на польскомъ языкѣ: по-польски говорилъ онъ въ семьѣ; исключительно по-польски говорилъ онъ въ базиліанской школѣ, гдѣ получилъ среднее образованіе. Профессоръ Ивановъ прекрасно зналъ слабыя стороны магистранта и, безъ сомнѣнія, былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ. Ивановъ встрѣчался съ нимъ въ Дерптѣ (гдѣ они вмѣстѣ учились) и даже былъ ему обязанъ: будущій магистрантъ, тогда еще дѣйствительный студентъ Харьковскаго университета, перевелъ диссертацію Иванова на латинскій языкъ; это было, можетъ быть, одной изъ причинъ нерасположенія Иванова къ молодому ученому: извѣстно, что самолюбивые люди иногда болѣе оскорбляются услугой, имъ оказанной, чѣмъ непріятностью, имъ сдѣланной. Ивановъ былъ тотъ самый вліятельный членъ факультета, который возсталъ противъ признанія кандидатской диссертаціи молодого слависта. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, онъ дѣйствовалъ не только изъ личной антипатіи, но также и изъ принципа. Ивановъ принадлежалъ, повидимому, къ числу тѣхъ скептическихъ умовъ, которые не любятъ никакихъ новшествъ въ наукѣ, часто потому, что сами слишкомъ мало работаютъ надъ нею, а молодой ученый выступилъ въ кандидатскомъ сочиненіи именно съ защитой (хотя и не безусловной) новшества: такъ называемой паннонской теоріи; да и самая каѳедра, которую готовился занять онъ, была въ то время тоже новшествомъ въ русскихъ университетахъ, и если она возбуждала особенно теплое сочувствіе въ лучшихъ, передовыхъ людяхъ, тѣмъ болѣе косились на нее люди отсталые и лѣнивые.

Еще болѣе оригинальнаго и новаго было въ той диссертаціи, которую молодой славистъ долженъ былъ защищать въ октябрѣ 1842 г. Она называлась: «Опытъ изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ». Это было «первое ученое сочиненіе въ Россіи о славянской литературѣ съ точки зрѣнія славянской взаимности» [1]), первая попытка «осмыслить отдѣльные факты славянской исторіи и литературы и показать необходимость ихъ и логическую послѣдовательность» [2]). Въ этомъ «опытѣ» не только русская и

---

[1]) Котляревскій, Сочиненія, II, 396.

[2]) Успенскій, l. c. 19.

польская литературы разсматривались параллельно, какъ части одного цѣлаго, но и сопоставлялись литературные факты, принадлежащіе такимъ народностямъ, за которыми до сихъ поръ не признавали никакой литературы. Въ немъ самое понятіе литературы опредѣлялось по-новому, и авторъ пользовался такимъ матеріаломъ, который до тѣхъ поръ совсѣмъ не считался литературнымъ, а развѣ только палеографическимъ. Понятно, почему проф. Ивановъ, который и мнѣніе Копитара считалъ продерзостнымъ, шелъ на диспутъ съ намѣреніемъ жестоко казнить новатора, а такъ какъ силы для борьбы были далеко неравныя, да и самое положеніе оппонента несравненно выгоднѣе, вполнѣ естественно, что и публика была заранѣе увѣрена въ посрамленіи молодого слависта.

Но на диспутѣ произошло нѣчто совершенно неожиданное и, надо думать, до тѣхъ поръ небывалое. Не то, чтобы магистрантъ обрѣлъ внезапно даръ слова и смѣлость; напротивъ, онъ путался и заикался, навѣрно, гораздо больше обыкновеннаго; не то, чтобы проф. Ивановъ проявилъ неожиданную кротость; напротивъ, онъ такъ и осыпалъ своего противника ядовитыми сарказмами... Но Ивановъ показывалъ свою діалектическую ловкость, придирался и острилъ, а магистрантъ говорилъ дѣло, и въ словахъ его была такая сила убѣжденія и въ доводахъ столько знанія и научной добросовѣстности, что, по словамъ очевидца, диспутъ окончился полнымъ торжествомъ магистранта и рѣшительнымъ пораженіемъ Иванова, и молодой славистъ «сразу завоевалъ себѣ уваженіе и симпатію студентовъ» [1]).

Этотъ молодой славистъ былъ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Фактъ, мною сейчасъ разсказанный, въ то время внѣ Казани, конечно, не обратилъ на себя ничьего особаго вниманія; важный въ личной жизни Григоровича, котораго удачный диспутъ ободрилъ къ дальнѣйшимъ работамъ въ томъ же направленіи, этотъ фактъ, отдѣльно взятый, не представляется и теперь крупнымъ историческимъ фактомъ, но, сопоставленный съ другими, онъ оказывается характернымъ признакомъ времени и является показателемъ новой ступени развитія нашего общества, моментомъ закрѣпленія серьезной науки въ русскихъ университетахъ.

Какъ извѣстно, на Руси наука была водворена главнымъ обра-

---

[1]) „Древняя и Новая Россія“, 1877 г., № 5, стр. 75, статья А. С.

зомъ съ педагогическими цѣлями; были вызваны заграничные ученые, чтобы изъ россійскаго юношества образовать

Собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумовъ Невтоновъ.

Понятно, что на первое время въ нашей некультурной странѣ умѣніе передать небольшое количество свѣдѣній должно было цѣниться выше, нежели обладаніе большими знаніями безъ умѣнія передавать ихъ.

Исключительно съ педагогическими цѣлями основаны и первые русскіе университеты; отъ профессоровъ ихъ требовалось, конечно, солидное общее образованіе и достаточная подготовка по своему предмету, но не требовалось особенной глубины учености и упорно всю жизнь продолжающейся работы надъ спеціальностью. Если кто предъявлялъ большое усердіе къ наукѣ, копилъ библіотеку, печаталъ томы трудовъ своихъ, начальство, разумѣется, ничего не имѣло противъ этого и даже поощряло такого труженника наградами; но это вовсе не было обязательно: начальство, по крайней мѣрѣ, въ такой же степени цѣнило и награждало такого профессора, который, составивъ при началѣ своей педагогической карьеры «курсъ», читалъ его изъ года въ годъ безъ измѣненія, а свое свободное время употреблялъ на труды чисто литературные или на исполненіе какихъ-либо административныхъ обязанностей. Часто профессоръ даже и курса не составлялъ, а прямо или излагалъ, или читалъ на лекціяхъ чужой учебникъ, и это не только никого не шокировало, но считалось самымъ простымъ и обычнымъ дѣломъ: въ XVIII в. и въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX-го профессора Московскаго университета обязаны были сообщать начальству, по какимъ именно руководствамъ читаютъ они свои предметы.

При такомъ положеніи дѣлъ нечего и удивляться, что одинъ и тотъ же профессоръ могъ преподавать русскую словесность и высшую математику, и латинскій языкъ, и это было вполнѣ естественно, когда въ университетъ въ большинствѣ случаевъ поступали почти мальчики, которымъ о серьезной наукѣ нечего было и думать. Припомнимъ, что Григоровичъ окончилъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ 18 лѣтъ отъ роду, то-есть въ томъ возрастѣ, который теперь считается среднимъ для ученика послѣдняго класса гимназіи.

Но вотъ въ 30-хъ годахъ наши четырехклассныя гимназіи пре-

образовываются въ семиклассныя, курсъ преподаванія въ нихъ значительно расширяется. Студенты теперь въ состояніи работать болѣе самостоятельно, и хотя очень немногіе пользуются этою возможностью, а большинство довольствуется исполненіемъ минимума своихъ обязанностей, т. е. усвоеніемъ профессорскихъ лекцій, все же въ общемъ замѣчается значительный прогрессъ. Этотъ прогрессъ прежде всего сказывается въ томъ, что студенты начинаютъ критически относиться къ формѣ преподаванія, и ихъ критика далеко не безразлична и для самихъ профессоровъ. Никто уже не читаетъ по учебнику, и всякій, кто дорожитъ вниманіемъ и расположеніемъ слушателя, считаетъ нужнымъ обдумывать и обдѣлывать свои лекціи и придавать имъ цѣльность и по возможности, изящество.

Краснорѣчиваго профессора, читающаго живо, картинно, охотно слушаютъ студенты всѣхъ факультетовъ и курсовъ, а если онъ затрогиваетъ жизненные общіе вопросы и разрѣшаетъ ихъ въ духѣ передовыхъ идей, его любятъ, имъ гордятся и объ его лекціяхъ всѣ вспоминаютъ впослѣдствіи съ глубокой благодарностью, какъ о лучшихъ минутахъ золотой поры своей жизни, своего студенчества.

Но студенты въ общемъ были недостаточно подготовлены, слишкомъ мало и поверхностно работали въ университетѣ для того, чтобы судить, съ какимъ количествомъ научнаго багажа является профессоръ, насколько самостоятельны и оригинальны его лекціи, насколько силенъ онъ, какъ критикъ и изыскатель истины. Можетъ быть, весь ученый аппаратъ его курса состоитъ изъ двухъ-трехъ скорѣе бойкихъ, чѣмъ серьезныхъ книгъ; можетъ быть, красивыя картины, имъ воспроизводимыя, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, факты, имъ сообщаемые, — только пикантные анекдоты, обобщенія—произвольны, тирады о міровыхъ вопросахъ взяты имъ напрокатъ; можетъ быть, его сближенія съ современностью именно свидѣтельствуютъ о полномъ непониманіи имъ отдаленнаго прошлаго. Что кому за дѣло? Все это красиво и привлекательно, а, стало быть, и сильно дѣйствуетъ на слушателей; они съ восторгомъ поглощаютъ это легкое и пріятное кушанье, а на кухню не заглядываютъ и не желаютъ знать, изъ какого матеріала оно приготовлено. Красота формы и общія идеи—вотъ что̀ было единственнымъ критеріумомъ достоинства профессора не только для студентовъ, но и

для общества, которое именно въ это время все больше и больше интересуется университетомъ. Да и могло ли быть иначе? Это былъ періодъ эстетики и общихъ идей; это былъ періодъ, когда философская мысль, оказавшая такъ много услугъ цивилизаціи, но теперь готовившаяся уступить свое мѣсто положительной наукѣ, ярко блеснула въ послѣдній разъ; это былъ періодъ, когда всякій молодой ученый, ѣхавшій за границу, хотя бы съ цѣлью заниматься полицейскимъ правомъ, финикійскими древностями или токсикологіей, направлялся прежде всего въ Берлинъ послушать Гегеля. И кто скажетъ, что школа Гегеля была совсѣмъ таки безполезна для этихъ токсикологовъ и полицеистовъ?

Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что, при такомъ взглядѣ на дѣло, серьезной наукѣ не было надлежащаго мѣста въ русскихъ университетахъ; а между тѣмъ лучшіе умы чувствовали въ ней потребность, работали надъ ней и только поневолѣ мирились съ тѣмъ, какъ къ ней относились студенты и общество. Если честный и усердный работникъ случайно соединялъ съ глубокимъ знаніемъ и страстью къ истинѣ талантъ изложенія, ему прощали за этотъ талантъ серьезность его лекціи, но только прощали; большинство же истинныхъ «ученыхъ» не пользовалось популярностью и работало исключительно въ тиши своихъ кабинетовъ не для современниковъ, а для потомства.

Конечно, это должно было измѣниться, и случай, разсказанный мною, диспутъ, съ котораго начинается самостоятельно научная карьера Григоровича, есть одинъ изъ характерныхъ фактовъ, можетъ быть, самый характерный, указывающій на этотъ поворотъ въ жизни нашихъ университетовъ; положимъ, университетская молодежь и въ тридцатыхъ годахъ, и прежде нихъ, всегда имѣла инстинктъ, который давалъ ей возможность отличать истинное знаніе и любовь къ наукѣ отъ фразерства и остроумія; положимъ, и прежде пользовались ея уваженіемъ и сочувствіемъ нѣкоторые труженики науки; но, во-первыхъ, то было въ Москвѣ, въ Петербургѣ и, во-вторыхъ, эти труженики должны были имѣть и какія-либо внѣшнія достоинства, и уваженія достигали они постепенно, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія; часто студенты оцѣнивали ихъ только впослѣдствіи, по окончаніи курса; къ молодымъ студентамъ, начинающимъ, это уваженіе переходило по традиціи. Здѣсь же мы видимъ не то: Григоровичъ еще слишкомъ молодъ для того, чтобы выказать преподавательскія

способности на немногихъ лекціяхъ, имъ прочитанныхъ, да еще по чужому предмету; внѣшнія условія у него самыя неблагопріятныя: робость, заиканіе, плохая русская рѣчь; предметъ диссертаціи мало понятенъ даже членамъ факультета; противникъ опытенъ, находчивъ, остроуменъ, пользуется большою извѣстностью, преподаетъ популярный, модный предметъ—русскую исторію; дѣло происходитъ въ отдаленной Казани, гдѣ студенты, конечно, хуже подготовлены и менѣе развиты, чѣмъ въ столицахъ. И при всѣхъ этихъ условіяхъ «диспутъ закончился полнымъ торжествомъ Григоровича»! Научная правда, истинное знаніе, смѣлость мысли и въ отдаленной Казани побѣдили фразерство и остроуміе. Конечно, въ этой побѣдѣ многое нужно отнести на счетъ времени, на счетъ наступающей зрѣлости университетскаго общества, но, чтобы эта зрѣлость могла проявиться, Григоровичу надо было быть ученымъ изъ ряду вонъ.

Что зрѣлость общества только наступала, видно изъ словъ того же очевидца, который разсказалъ намъ о диспутѣ. Магистръ Григоровичъ сейчасъ же открылъ курсъ по славянскимъ нарѣчіямъ. Слушателей у него было немного, дѣйствительно занимающихся между ними и того меньше, хотя молодой профессоръ дѣлалъ все съ своей стороны, чтобъ заохотить ихъ къ дѣлу: онъ въ теченіе одного года познакомилъ ихъ и съ этнографіей, и съ исторіей славянскихъ племенъ, и съ главными особенностями важнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій; онъ переводилъ съ ними отрывки изъ народной поэзіи и охотно снабжалъ ихъ книгами изъ своей библіотеки.

Что Григоровичъ былъ ученый, выдающійся и по страстной любви къ наукѣ, и по энергіи, и по таланту, видно изъ всей его послѣдующей дѣятельности. Магистерская степень въ то время давала право на полученіе всѣхъ высшихъ университетскихъ почестей, такъ какъ докторство было обставлено такими условіями, что его искали весьма немногіе, а большинство числилось исправляющими должность ординарныхъ профессоровъ вплоть до самой отставки. Магистръ Григоровичъ имѣлъ полную возможность опочить на лаврахъ, получить ординатуру, жестоко отомстить своему бывшему противнику и, если угодно, съѣздить на годъ, на два, въ Берлинъ, въ Вѣну, въ Парижъ, отдохнуть и посмотрѣть Европу. Извѣстно, что Григоровичъ поступилъ не такъ: онъ, правда, усиленно хлопочетъ о заграничной командировкѣ и скоро на два съ

половиной года покидаетъ Казань, но не для отдыха и не для наслажденія Европой, а для ученаго мученичества, которое мало чѣмъ легче и безопаснѣе путешествія во внутренность Африки. Вы слышали сегодня на могилѣ Григоровича, какіе богатые результаты для излюбленной имъ научной области принесъ этотъ подвигъ. Вы знаете, что съ Балканскаго полуострова вернулся Григоровичъ съ массой свѣдѣній и массой документовъ, добытыхъ изъ первыхъ рукъ, и вернулся не для того, чтобы отдыхать, а для того, чтобы работать изъ всѣхъ силъ, и работать не только для науки, но и для своихъ слушателей. Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ съ ними этотъ теперь уже извѣстный ученый, уважаемый Шафарикомъ и другими звѣздами славяновѣдѣнія, мы узнаемъ изъ разсказа того же его казанскаго слушателя, который сообщилъ намъ объ его диспутѣ: «Григоровичъ,—говоритъ онъ [1]),—привлекалъ къ себѣ студентовъ необыкновенной въ то время простотой обращенія съ ними, чисто товарищеской близостью къ нимъ. Это рѣзко отличало его отъ другихъ тогдашнихъ профессоровъ, которые большею частію держали себя по отношенію къ студентамъ чисто по-начальнически. Въ опредѣленные дни мы собирались у него запросто. Онъ принималъ всякаго приходящаго къ нему студента радушно, снабжалъ его книгами, давалъ совѣты въ занятіяхъ, съ полною готовностью дѣлалъ для него все, что могъ сдѣлать».

Почти двадцать пять лѣтъ проработалъ Григоровичъ въ Казани: въ университетѣ, въ духовной академіи и въ обществѣ любителей словесности, и образовалъ тамъ цѣлую школу ученыхъ; насколько помнитъ его Казань до сихъ поръ, черезъ 27 лѣтъ послѣ его выѣзда оттуда, вы знаете: вы сейчасъ слышали, какое горячее участіе принимала она въ устройствѣ ему памятника.

Въ 1865 г., съ открытіемъ Новороссійскаго университета, Григоровичъ является работать къ намъ на югъ. Ему уже 50 лѣтъ, но энергія у него та же, что и при началѣ его карьеры, та же беззавѣтная любовь къ наукѣ и та же умственная свѣжесть; на новой землѣ онъ самъ дѣлается новымъ человѣкомъ, измѣняетъ направленіе своихъ занятій: изъ филолога становится географомъ, этнографомъ и археологомъ.

Между вами, господа, есть нѣсколько непосредственныхъ уче-

---

[1]) «Древняя и Новая Россія», 1. с., стр. 76.

никовъ Григоровича и еще большее число лицъ, которыя хорошо помнятъ его; вы и сейчасъ услышите о немъ, какъ о профессорѣ, живое слово отъ одного изъ его благодарныхъ слушателей. Я же только позволю себѣ выразить то общее впечатлѣніе, какое производятъ устные и печатные «разсказы очевидцевъ» на насъ, новыхъ членовъ той все еще молодой университетской семьи, для подъема и упроченія которой такъ много сдѣлалъ Григоровичъ.

Говорятъ, что подъ земною корою есть такіе пласты, въ которыхъ органическое тѣло сохраняетъ всѣ краски, всю свѣжесть свою, хотя бы оно пролежало тамъ цѣлыя столѣтія. Для истинныхъ своихъ адептовъ, всецѣло себя ей отдающихъ, наука есть именно такой пластъ, сохраняющій человѣку вѣчную юность, и нравственный обликъ Григоровича, какъ онъ рисуется въ разсказахъ его студентовъ, чрезвычайно яркое тому доказательство. Съ юношеской энергіей носится почти 60-тилѣтній старикъ по степямъ и балкамъ Новороссіи; пристаетъ съ разспросами къ мѣстнымъ жителямъ, роется въ архивахъ и сидитъ мѣсяцами надъ такими рукописями, о научномъ значеніи которыхъ не подозрѣвалъ никто другой, не подозрѣвалъ и онъ самъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Какъ совсѣмъ юный доцентъ, чуть не вчера соскочившій съ университетской скамьи, добытыми открытіями онъ дѣлится прежде всего со своими студентами, не взирая на то, насколько они подготовлены къ такимъ откровеніямъ; онъ всегда готовъ бесѣдовать съ своими студентами до глубокой ночи (несмотря на свою привычку рано ложиться спать), готовъ раздать имъ чуть не всю свою библіотеку; въ каждомъ студентѣ, который, что называется, ударилъ палецъ объ палецъ, онъ видитъ «молодого спеціалиста», «молодого ученаго», гордится его крохотными успѣхами, будто невѣсть какими открытіями. Студенты—семья его; у него нѣтъ другой; съ ними дѣлится онъ и горемъ и радостью; имъ сообщаетъ онъ самыя интимныя мысли свои и намѣренія; съ ними и на лекціи говоритъ онъ просто, ясно и живо. Онъ совсѣмъ другой человѣкъ, когда выходитъ къ «чужимъ», въ публику; только тамъ у него напускной паѳосъ, возвышенная темнота слога, неестественный голосъ съ повышеніями и пониженіями и до смѣшнаго театральные жесты; только тамъ у него это «смиреніе паче гордости», тамъ вѣчное подчеркиваніе своего чернорабочаго ничтожества, тамъ у него наивное, полудѣтское лицемѣріе и чинопочитаніе, основы котораго, вѣ-

роятно, были вынесены имъ изъ католической монашеской школы и укрѣплены суровыми испытаніями конца сороковыхъ годовъ.

Чисто по-юношески мечтаетъ Григоровичъ о задачахъ румыно-византійскаго славяновѣдѣнія въ Одессѣ въ 1860 г., мечтаетъ объединить изъ нашей красавицы юга весь юго-восточный уголъ христіанской Европы, создать литературно-ученый органъ [1]); чисто по-юношески же онъ приходитъ въ отчаяніе отъ первыхъ неудачъ въ пшеничной, коммерческой Одессѣ, отъ недостатка солидарности между болгарскими и сербскими купцами Одессы.

Но молодость тѣмъ и хороша, что ея огорченія проходятъ скоро и скоро замѣняются новыми восторгами. Такъ и Григоровичъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ переходитъ отъ одного восторга къ другому: не удался журналъ, онъ восторгается славянскимъ обществомъ, своими этнографическими и археологическими изысканіями, архивомъ генеральнаго штаба, своими лекціями и «молодыми учеными», ихъ слушающими, восторгается постоянно и непрерывно.

Прослуживъ 10 лѣтъ, Григоровичъ разстался съ университетомъ и студентами, разстался и съ значительной частью своихъ рукописей, которыя онъ любилъ почти также, какъ и студентовъ; онъ удрученъ и угнетенъ до послѣдней возможности, и жизнь, повидимому, теряетъ всякій смыслъ для него. Но вотъ въ немъ крѣпнетъ идея переселиться въ Елисаветградъ, центральный въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи пунктъ Новороссіи и при этомъ истинно-русскій городъ, свободный отъ пшеничнаго, коммерческаго духа полуиностранной Одессы. Здѣсь, освободившись отъ служебныхъ обязанностей и мелочныхъ заботъ, будетъ онъ подводить итоги своимъ почти 40-лѣтнимъ трудамъ; отсюда будетъ онъ дѣлать экскурсіи во всѣ концы южной Россіи, рыться и въ землѣ, и въ архивахъ, и въ памяти человѣческой и собирать новый матеріалъ, тесать новые крѣпкіе камни для великаго зданія. Но здѣсь неожиданно для всѣхъ смерть скосила этого старца-юношу.

Нынѣшній день—яркое, безусловно убѣдительное доказательство того, какое огромное значеніе имѣлъ Григоровичъ для научной культуры всего нашего края. Одесскому университету, центру этой культуры, въ первый періодъ его дѣятельности нужны были, съ одной стороны, юныя, свѣжія силы, съ другой—крупныя имена,

---

[1]) Успенскій, l. c., 36.

крупныя ученыя заслуги, выдающіяся знанія для того, чтобы на первое время поставить дѣло, какъ слѣдуетъ, пріобрѣсти довѣріе общества; нужны были профессора, которые, не гордясь передъ студентами, могли вести ихъ впередъ, какъ старшіе товарищи, могли работать вмѣстѣ съ ними, возбуждать въ нихъ любовь къ дѣлу черезъ дружбу къ себѣ; съ другой стороны, нужны были профессора съ громкими именами, съ большою опытностью, съ развитымъ, испытаннымъ методомъ, съ великими идеями, наконецъ. Григоровичъ былъ и тѣмъ и другимъ въ одно время; оттого-то и легъ онъ какъ краеугольный камень, въ основаніи Новороссійскаго университета и для этого юнаго учрежденія создалъ славное прошлое.

Но Григоровичъ, написавшій такъ мало, что всѣ его статьи легко помѣстятся въ два небольшіе тома, всю жизнь только собиравшійся «подвести итоги», создать большой трудъ, не есть мѣстная казанско-одесская знаменитость. Онъ имѣетъ огромное значеніе и во всероссійской наукѣ.

Уроженецъ московской округи, воспитанникъ московскаго университета 60-хъ годовъ, я никогда въ глаза не видалъ Григоровича, но я слышу о немъ чуть не съ перваго дня поступленія въ университетъ. Незабвенные учители наши, Буслаевъ и Тихонравовъ, говорятъ о немъ съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіей не только какъ о знаменитомъ славистѣ, но и какъ объ одномъ изъ первыхъ знатоковъ древне-русской письменности и народной поэзіи; старшіе товарищи разсказываютъ намъ чудеса о томъ, какъ Григоровичъ собиралъ свою коллекцію рукописей; въ этихъ полумиѳическихъ разсказахъ Григоровичъ до поразительности напоминаетъ тѣхъ гуманистовъ XV вѣка, которые изъ глубины монастырскихъ подваловъ извлекали на божій свѣтъ забытыхъ классиковъ, не останавливаясь для этой благородной цѣли ни передъ какими трудами и лишеніями, ни даже передъ благочестивымъ обманомъ невѣжественныхъ владѣльцевъ-губителей этихъ сокровищъ.

Стали мы, что называется, подниматься въ научномъ отношеніи на ноги, то-есть стремиться дополнять лекціи своей работой,—одна изъ первыхъ книгъ, которую рекомендуютъ намъ для серьезнаго чтенія: «Очеркъ путешествія по Европейской Турціи», того же Григоровича: изъ нея прежде всего знакомимся мы со смысломъ такихъ страшныхъ словъ, какъ хрисовулъ, идіоритмъ, типикарница

и проч.; изъ нея узнаемъ мы, какія новыя америки для изслѣдователей старины скрываются на Балканскомъ полуостровѣ и какъ много можетъ сдѣлать даже одинокій, хорошо подготовленный и энергичный путешественникъ; сквозь сжатый до лаконизма слогъ «Очерка», напоминающій слогъ древнихъ сказаній, намъ рисуется могучій образъ этого піонера науки, и мы мечтаемъ идти толпою по его слѣдамъ. Когда мы въ концѣ курса готовимся работать по рукописямъ, мы постоянно слышимъ о четвероевангеліи Григоровича, о листкахъ Григоровича, о Паремейникѣ Григоровича, и мы, московскіе студенты, которымъ открыты коллекціи графа Румянцева и Синодальной библіотеки, завидуемъ казанцамъ и одесситамъ...

Не многочисленны и не обширны научные труды Григоровича, но они всѣ безъ исключенія безусловно самостоятельны и глубоко проникнуты единствомъ оригинальнаго, научнаго міровоззрѣнія. Скромный провинціальный профессоръ яснѣе, чѣмъ большинство его столичныхъ собратьевъ и академиковъ, сознаетъ особыя задачи русской науки: въ то время, какъ одни изъ нихъ расширяютъ до безконечности ея предѣлы, сливая ее съ наукой европейской, гдѣ она, безъ сомнѣнія, затеряется по своей молодости, другіе слишкомъ съуживаютъ ее, заставляя работать только надъ своимъ, туземнымъ, и тѣмъ лишая ее главнаго орудія для добыванія истины, сравненія,—Григоровичъ въ изученіи Византіи и славянства указываетъ ей обширное и плодотворное поле, предоставленное ей если не въ исключительное. то въ преимущественное пользованіе самой исторіей, и всякимъ ударомъ своей искусной руки въ эту почти дѣвственную почву открываетъ для наслѣдниковъ цѣлыя скрытыя сокровища. Григоровичъ вмѣстѣ съ Буслаевымъ и другими лучшими умами своего времени есть основатель научнаго, историческаго славянофильства, въ противоположность московскому славянофильству, полуфилософскому, полупоэтическому.

Григоровичъ любилъ называть себя чернорабочимъ науки; онъ былъ дѣйствительно чернорабочимъ въ противоположность бѣлоручкамъ, которые сами не умѣютъ или не хотятъ добывать факты, а умѣютъ только краснорѣчиво излагать и обобщать добытые другими. Онъ чернорабочій въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть названъ чернорабочимъ всякій истинный мастеръ, который умѣетъ самъ и матеріалъ приготовить, самъ и планъ составить,

самъ и исполнитъ его. Такъ и Григоровичъ умѣлъ самъ и найдти фактъ, и оцѣнить его, и указать ему мѣсто въ общей схемѣ, имъ же созданной. Короче сказать: онъ чернорабочій въ томъ смыслѣ, въ какомъ долженъ быть чернорабочимъ всякій великій ученый.

Площади и сады большихъ городовъ Запада украшены памятниками знаменитыхъ ученыхъ всевозможныхъ спеціальностей; тѣмъ же способомъ чтимъ и мы память своихъ законодателей, государственныхъ людей, полководцевъ. Послѣ открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, послѣ похоронъ Достоевскаго, Тургенева, никто не назоветъ насъ неблагодарными къ памяти нашихъ великихъ поэтовъ. Но общественныхъ памятниковъ ученымъ, которые не были въ то же время извѣстными писателями или основателями благодѣтельныхъ учрежденій, у насъ, сколько знаю, еще нѣтъ. Это первый случай и, смѣло можемъ надѣяться, далеко не послѣдній.

Честь и слава Григоровичу, который и изъ-за гроба поднимаетъ наше самосознаніе! Честь и слава жертвователямъ! Честь и слава городу, который кладетъ первый камень для пантеона русской науки.

Н. В. ГОГОЛЬ.

(БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ *).

Послѣ Пушкина ничье имя не раздается въ этой аудиторіи такъ часто, какъ имя Гоголя. Пушкинъ и Гоголь — это двѣ наши гордости, два имени, которыми каждый изъ насъ можетъ утѣшить себя въ минуты безразсуднаго, но возможнаго отчаянія въ силахъ и способностяхъ русскаго народа; у насъ были Пушкинъ и Гоголь, наши дѣти воспитываются на нихъ; стало быть, мы не бездарны и не дики, и не напрасно живемъ на свѣтѣ. Эти два имени равно знаменательны, только не въ одномъ и томъ-же отношеніи. Пушкинъ — поэтъ европейскій и общечеловѣческій; положимъ, другіе народы цѣнятъ и любятъ его не такъ, какъ мы, но только потому, что поздно его узнали и что намъ онъ все-же ближе, какъ Шиллеръ ближе всего нѣмцу, Мольеръ—французу; а дайте вы умному литературно-образованному нѣмцу точный, и красивый переводъ Пушкина, и онъ найдетъ въ немъ столько-же наслажденія, сколько и въ поэмахъ Байрона. Не то съ Гоголемъ: главныя его произведенія почти не переводимы на другіе языки, и кто не знаетъ по русски, для того они въ значительной степени потеряны; зато *русскую* жизнь захватилъ онъ съ самаго корня, *русскій* характеръ изучилъ до самой глубины его, *русскимъ* недостаткамъ приклеилъ на вѣки ярлыки, яркіе до паразительности. Кто изъ насъ при именахъ Хлестакова, Поздрева, Плюшкина, Собакевича не рисуетъ себѣ совершенно ясныхъ, живыхъ образовъ? Кто не употребляетъ ихъ какъ мѣткія прозвища? Даже трудно повѣрить, что этихъ

---

*) Общедоступная лекція, прочитанная въ Народной Аудиторіи Одессы.

людей никогда не было на свѣтѣ, что ихъ *сочинилъ* Гоголь. Да и въ самомъ дѣлѣ: онъ не сочинилъ ихъ и не выдумалъ; *этихъ* людей не было, но *такіе* были въ огромномъ количествѣ, и не только были, но и теперь есть. Развѣ не Хлестаковъ этотъ молодой франтъ, который готовъ у всякаго просить взаймы безъ отдачи, готовъ не обѣдать, только-бы щегольнуть моднымъ сюртучкомъ передъ купеческою дочкою, который, попавъ въ общество попроще, смѣло несетъ такую околесицу, что уши вянутъ, и когда его поймаютъ, вывертывается еще болѣе наивно-наглымъ враньемъ. А эта милая старушка, которой ничего не растолкуешь, какъ говорится, хоть колъ ей на головѣ теши, которая копитъ денежки по мелочамъ, собирая отдѣльно гривеннички и двугривенные, и которая, при всей своей осторожной скаредности, непремѣнно попадется на удочку всякому мошеннику, прельщающему ее легкой наживой,—развѣ это не Коробочка? А этотъ бѣднякъ-милліонеръ, отказывающій себѣ и другимъ въ чашкѣ чаю и трясущійся на морозѣ въ ожиданіи конки, чтобы не истратить лишнихъ 15 коп. на извозчика,—развѣ это не Плюшкинъ? и т. д., и т. д. Все это Гоголевскіе *типы*, извлеченные изъ самыхъ нѣдръ русской природы и жизни.

Но этого мало: Гоголь не только живописалъ и на вѣки вѣчные заклеймилъ всѣ недостатки нашего такъ называемаго *общества*: чиновниковъ большихъ и малыхъ, помѣщиковъ, купцовъ, барынь всѣхъ видовъ; онъ сдѣлалъ болѣе, сдѣлалъ то, чего никто до него и не пытался дѣлать.

Русскій народъ, какъ и всякій народъ, играющій видную роль въ исторіи, сложился изъ многихъ элементовъ, изъ многихъ племенъ. Но главныхъ составныхъ частей въ немъ двѣ; главнымъ образомъ его составили два племени, одинаково способныя и одинаково историческія; это—дѣловитые, энергичные, закаленные въ борьбѣ съ своей суровой природой великороссы и мечтательные, пѣвучіе, болѣе мягкіе и впечатлительные малороссы. До Гоголя наша литература была исключительно великорусской и почти исключительно столичной. Гоголь ввелъ въ нее провинцію и съ горячимъ чувствомъ симпатіи, но въ то же время съ полной правдивостью, живописалъ Малороссію.

Почему громадный талантъ его принялъ такое исключительно, но не узко-національное направленіе, должна объяснить его біо-

графія, которую я и изложу вамъ въ главныхъ чертахъ, пользуясь по возможности новѣйшими работами.

Николай Васильевичъ Гоголь родился 19 марта 1809 г. въ мѣст. Сорочинцахъ, въ Полтавской губерніи; онъ происходилъ изъ стариннаго малороссійскаго рода, пользовавшагося значеніемъ уже при Хмельницкомъ (тогда упоминается полковникъ Остапъ Гоголь, владѣлецъ села Гоголева). Въ смутныя времена Малороссіи Гоголи перешли-было въ ряды польской шляхты, но скоро возвратились къ православію. Одинъ изъ предковъ поэта, Янъ Гоголь, передалъ своимъ дѣтямъ и внукамъ прибавку къ фамиліи — Яновскіе. Родной дѣдъ поэта, Аѳанасій Гоголь-Яновскій, отчасти послужившій прототипомъ для Аѳанасія Ивановича въ повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики», учился въ кіевской академіи и занималъ должность полкового писаря. Сынъ его, Василій Аѳанасьевичъ, получилъ воспитаніе только въ семинаріи (другихъ учебныхъ заведеній даже и для дворянства въ томъ краю тогда не было), но былъ человѣкъ очень начитанный и литературный и чрезвычайно легко писалъ стихи. Служилъ онъ недолго и потомъ жилъ при родителяхъ, исполняя ихъ немудреныя порученія. 27 лѣтъ отъ роду, онъ счастливо влюбился въ барышню-сосѣдку, Марью Ивановну Косяровскую, писалъ ей чувствительныя письма слогомъ повѣстей Карамзина и въ 1808 году, съ согласія своихъ и ея родителей, женился на ней. Молодые поселились на хуторѣ родителей мужа, Васильевкѣ, и жили счастливо и согласно. Николай Гоголь былъ старшимъ ихъ сыномъ и, конечно, баловнемъ всей семьи. Это обстоятельство имѣло и свою хорошую, и дурную сторону: нѣжность окружающихъ давала возможность развиваться его недюжиннымъ способностямъ, абаловство ихъ вселяло въ ребенка излишнее самомнѣніе и даже эгоизмъ; самъ Гоголь впослѣдствіи жалуется на это матери, говоря: «Я ничего сильно не чувствовалъ, глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого я особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохновила это чувство».

Отецъ поэта, ставши главою дома, не сдѣлался бариномъ: онъ оставался всю жизнь мягкимъ, уступчивымъ человѣкомъ, большимъ любителемъ поэзіи, садоводства и красотъ природы и не очень искуснымъ и твердымъ хозяиномъ; помнятъ только одинъ случай, гдѣ онъ упорно проявлялъ свою волю: онъ не позволялъ на пруду по-

лоскать бѣлье, чтобы не отогнать соловьевъ изъ сада. Жена его, Марья Ивановна, вышедшая замужъ почти дѣвочкой, оказалась женщиной очень не глупой и глубоко религіозной, но тоже не особенно практичной. Хозяйство шло не блистательно, зато литературные интересы не оскудѣвали въ скромномъ домикѣ Васильевки, владѣтель котораго во всемъ околоткѣ славился, какъ прекрасный расказчикъ малороссійскихъ анекдотовъ и преданій. Около этого времени, недалеко отъ Васильевки, въ своемъ имѣніи Киберцахъ, поселился на покой бывшій министръ юстиціи, старый вельможа Трощинскій; красивый домъ его, великолѣпно отдѣланный и наполненный всѣми предметами искусства и роскоши, скоро сдѣлался сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ и заѣзжихъ гостей. Василій Гоголь былъ въ родствѣ съ Трощинскимъ и, благодаря своимъ литературнымъ талантамъ, пользовался его особымъ благоволеніемъ. Въ то время въ Малороссіи начинаетъ пробуждаться интересъ къ поэзіи на родномъ языкѣ, въ особенности къ малороссійскимъ шутливымъ пьесамъ съ пѣніемъ, въ родѣ «Наталки-Полтавки» Котляревскаго (1819). У Трощинскаго былъ свой домашній театръ, и Василій Гоголь сочинилъ для него нѣсколько такихъ пьесъ и самъ поставилъ ихъ. Проживая по долгу въ Киберцахъ, онъ бралъ туда съ собою и свою семью, и будущій поэтъ получалъ массу сильныхъ впечатлѣній и отъ театра, и отъ картинъ, и отъ общества умныхъ людей, а созерцаніе величественнаго Трощинскаго, который вышелъ изъ простыхъ казаковъ и передъ которымъ теперь все преклонялось, какъ передъ благодѣтелемъ Малороссіи, должно было возбудить честолюбіе самомнительнаго ребенка. Учился Николай Гоголь сперва у наемнаго семинариста, потомъ его вмѣстѣ съ его младшимъ братомъ Иваномъ отправили въ Полтаву, къ одному учителю гимназіи; когда мальчики на каникулы вернулись домой, Ваня заболѣлъ и умеръ, послѣ чего Никошу— такъ звали дома будущаго поэта — не пустили въ Полтаву. Въ 1820 г. въ г. Нѣжинѣ, на средства кн. Безбородки была открыта для дѣтей мѣстнаго дворянства «гимназія высшихъ наукъ», впослѣдствіи переименованная въ лицей. Въ маѣ 1821 г. Николай Гоголь былъ отвезенъ въ Нѣжинъ и принятъ, несмотря на плохую подготовку (хорошо выдержалъ онъ экзаменъ только изъ закона Божьяго). Онъ поступилъ сперва своекоштнымъ ученикомъ, а по-

томъ, такъ какъ его родители не имѣли возможности платить за него 1000 руб. въ годъ, былъ принятъ казеннымъ пансіонеромъ.

Въ «гимназіи высшихъ наукъ» программа была очень высокая: она обнимала и часть университетскаго курса, но исполнялась она крайне поверхностно, и воспитанники не выучивались даже свободно читать по-французски и по-нѣмецки, хотя на теорію и практику этихъ языковъ по программѣ обращалось особое вниманіе. За то ученики и въ своихъ музеяхъ—такъ назывались ихъ рекреаціонные залы,—и въ огромномъ гимназическомъ саду пользовались значительною свободою, и кто хотѣлъ чѣмъ-нибудь заниматься, имѣлъ къ тому полную возможность.

Въ первые годы своего пребыванія въ гимназіи Гоголь ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся изъ среды товарищей. Это былъ болѣзненный, золотушный мальчикъ, часто страдавшій безсонницей и тоской по родному хутору, не особенно общительный съ товарищами (которые за то и прозвали его «таинственный карла») и не очень усердный на урокахъ. Позднѣе, когда ученики вздумали занимать свое свободное время театральными представленіями, И Гоголь-Яновскій выдвинулся впередъ, какъ отличный актеръ на комическія роли — между прочимъ, онъ превосходно игралъ Простакову—и даже какъ находчивый и ловкій режиссеръ. Тогда-же стала у него проявляться охота къ чтенію, наблюдательность и остроуміе; прозвища, которыя давалъ онъ товарищамъ, отличались удивительною мѣткостью. Смѣшныя стороны учителей и воспитателей подмѣчалъ и воспроизводилъ онъ превосходно. Онъ не столько копировалъ, сколько *угадывалъ* человѣка; воспроизводилъ не то, что говорилъ или дѣлалъ человѣкъ, а то, что онъ *долженъ* говорить и дѣлать въ извѣстномъ случаѣ.

Гоголю было 15 лѣтъ, когда надъ его семьей стряслось большое горе: его добрый отецъ, всегда болѣзненный и крайне мнительный, скончался 44 лѣтъ отъ роду; молодая жена его такъ была потрясена этимъ ударомъ, что на нѣкоторое время впала въ совершенную апатію; оправившись, она тѣмъ сильнѣе привязалась къ сыну, который теперь остался главою всей семьи. Въ послѣднихъ классахъ Гоголь заинтересовался исторіей, но особенно словесностью, въ которой одной, если не считать рисованія, и оказывалъ значительные успѣхи. Онъ даже въ письмахъ къ матери явно заботится о красотѣ слога и часто находитъ удачныя образныя выраженія; онъ

вмѣстѣ съ другими издаетъ ежемѣсячный (конечно, рукописный) журналъ «Звѣзда», гдѣ пишетъ и стихами и прозой. Онъ такъ любитъ книги, что добровольно беретъ на себя обязанность библіотекаря «общественной библіотеки» литературныхъ журналовъ и книгъ, которые гимназисты выписывали въ складчину, строго наблюдаетъ за исполненіемъ ея устава, и, чтобы читатели не пачкали и не мусолили книгъ, собственноручно завертываетъ въ бумажки каждому изъ нихъ указательный и большой пальцы. Его классныя сочиненія, написанныя красивымъ, по модѣ того времени высокимъ слогомъ, заслуживаютъ одобренія профессора Никольскаго, но въ литературныхъ вкусахъ профессоръ и его ученикъ сильно расходятся. Это было любопытное время въ томъ отношеніи, что тогда ученики по литературѣ знали больше, чѣмъ преподаватели; послѣдніе остановились на Ломоносовѣ и Державинѣ, а много-много, что на Карамзинѣ; а ученики знали наизусть и Жуковскаго, и Козлова, и даже Пушкина. Надъ профессоромъ Никольскимъ, не слѣдившимъ за новѣйшей поэзіей, Гоголь и его товарищи подшучивали иногда довольно ядовито, подсовывая ему, какъ свои «опыты», стихотворенія корифеевъ русской словесности, и тотъ добродушно поправлялъ ихъ или писалъ свое заключеніе «*изряднехонько*».

Съ конца 1827 года Гоголь начинаетъ энергично готовиться къ послѣднему экзамену, искренно жалѣетъ, что онъ такъ мало и плохо занимался прежде — онъ переходилъ изъ класса въ классъ только благодаря своей великолѣпной памяти и предъэкзаменному зубренію— и надѣется въ полгода пополнить всѣ пробѣлы въ своихъ знаніяхъ. Въ это время Гоголь уже былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ силахъ, терпѣніи и способностяхъ, и это мнѣніе раздѣляетъ значительная часть его товарищей; въ ихъ глазахъ онъ возвышался постепенно, и теперь иными считался за будущаго генія. Онъ еще самъ не знаетъ, на какомъ поприщѣ онъ пріобрѣтетъ славу: государственная служба, литература, театръ представляются ему одинаково открытыми; мысль о томъ, что онъ можетъ сойти съ жизненной сцены, не оставивъ по себѣ слѣда, приводитъ его въ ужасъ; людей, которые мирятся на скромной долѣ провинціальнаго чиновника, офицера, сельскаго хозяина, называлъ онъ «существователями» и глубоко презиралъ ихъ. Его тянуло въ Петербургъ и даже заграницу. Онъ знаетъ, что ему, вслѣдствіе недостатка средствъ, придется многое претерпѣть и много потрудиться, но увѣренъ, что въ

концѣ концовъ онъ одолѣетъ всѣ препятствія. Въ нравственномъ отношеніи онъ представляетъ въ это время любопытную смѣсь: онъ недовѣрчиво и насмѣшливо относится къ большинству людей, даже изъ тѣхъ, кого онъ прежде уважалъ безгранично; но избраннымъ онъ вполнѣ открываетъ свою душу. Онъ великодушно отказывается въ пользу матери и сестеръ отъ своего небольшого наслѣдства, а въ то же время ужасно любитъ франтить и мечтаетъ о первомъ петербургскомъ портномъ. Но не забудемъ, что ему въ это время всего 19 лѣтъ.

Въ іюнѣ 1828 года Гоголь окончилъ экзамены и былъ выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ. Отдохнувъ около полугода въ Васильевкѣ, онъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Данилевскимъ, въ декабрѣ отправился прямо въ Петербургъ.

Столица и резиденція встрѣтила молодого малоросса довольно непривѣтливо; во-первыхъ, онъ простудился при самомъ въѣздѣ въ нее и принужденъ былъ сидѣть дома въ то время, какъ его спутникъ и другъ знакомился съ чудесами столицы; во-вторыхъ, неопытные провинціалы съ своими тощими кошельками не умѣли устроиться и не мало претерпѣли отъ разныхъ коммиссіонеровъ и мошенниковъ. Это — бѣдствія, обычныя для всякаго пріѣзжаго съ юга. Но съ болѣзненно-самолюбивымъ и избалованнымъ Гоголемъ случилось и нѣчто худшее: онъ оказался въ положеніи извѣстнаго крыловскаго муравья, который прославился геройствомъ въ своемъ муравейникѣ,

И вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.

Разнообразные таланты и недюжинная энергія Гоголя оказались, повидимому, совершенно непримѣнимы, и онъ испытывалъ одну неудачу за другою. Онъ привезъ съ собою идиллическую поэму «Гансъ Кюхельгартенъ», отдѣлалъ ее, какъ могъ лучше, тайно отъ всѣхъ пріятелей напечаталъ ее на свой счетъ подъ красивымъ псевдонимомъ В. Алова, разослалъ по редакціямъ, роздалъ книгопродавцамъ на коммиссію и ждалъ покупателей и славы. Но покупателей не было, а Н. Полевой презрительно обругалъ поэму въ «Моск. Телеграфѣ» (за іюнь 1829 г.). Тогда Гоголь съ своимъ слугою отправился по магазинамъ, отобралъ книжку и, нанявъ номеръ въ гостиницѣ, сжегъ своего Ганса до послѣдняго экземпляра (поэма дѣйствительно была слаба, и мы теперь, только по нѣкото-

рымъ описаніямъ и сравненіямъ, можемъ угадывать въ ней будущаго Гоголя). Гоголь заявилъ театральному начальству о своемъ желаніи поступить на сцену, былъ испытанъ въ кабинетѣ директора, въ присутствіи 2-хъ актеровъ, и впечатлѣніе отъ его читки оказалось настолько слабо, что онъ самъ замѣтилъ это и за отвѣтомъ уже не являлся. Былъ-ли онъ очень сконфуженъ и не въ ударѣ, или высокая простота его чтенія не была оцѣнена по достоинству, мы не знаемъ. Несмотря на рекомендательныя письма Трощинскаго, мѣста на службѣ ему тоже не удавалось достать такъ скоро, какъ онъ мечталъ объ этомъ.

Гоголь былъ юноша крѣпкій духомъ, и этотъ рядъ неудачъ не сломилъ его: въ письмахъ къ матери онъ бодрится и возлагаетъ на будущіе блестящія надежды; но онъ сильно чувствовалъ всю тягость настоящаго и, какъ говорится, метался изъ стороны въ сторону. Послѣ 7-ми-мѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, онъ неожиданно для матери уѣхалъ на англійскомъ параходѣ въ Любекъ, сославшись на какую-то безнадежную любовь и воспользовавшись деньгами, присланными изъ деревни для уплаты въ опекунскій совѣтъ; но онъ пробылъ за-границей всего только мѣсяцъ и на томъ же пароходѣ вернулся назадъ, стосковавшись по родинѣ. По возвращеніи, онъ крѣпче прежняго борется съ жизнью и орудіемъ для борьбы избираетъ, между прочимъ, родную и теперь издали имъ столь любимую Малороссію. Еще до поѣздки въ Любекъ, замѣтивъ, что публику интересуетъ все малороссійское, онъ мечтаетъ поставить на сцену пьесы покойнаго отца, настойчиво проситъ мать, родныхъ и знакомыхъ высылать ему малорусскія пѣсни и преданія, доставлять ему свѣдѣнія о народныхъ обычаяхъ, одеждахъ и ихъ названіяхъ, отыскивать семейныя хроники старинныхъ родовъ и проч. и проч. Просьба его, разумѣется, не встрѣтила отказа; матеріалу получилось достаточно, и Гоголь, пользуясь имъ, создаетъ свой первый совершенно оригинальный разсказъ: «Бисаврюкъ или ночь наканунѣ Ивана Купала» и сдаетъ его въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ»; разсказъ принятъ и напечатанъ (въ февральской и мартовской книжкахъ за 1830 г.), но съ сильными, большею частью крайне неудачными, поправками редакціи. Немного позднѣе Гоголь разсовываетъ по другимъ журналамъ нѣсколько статей и исправленныхъ отрывковъ изъ своихъ нѣжинскихъ произведеній. Въ томъ же 1830 г. онъ получаетъ ма-

ленькое казенное мѣсто въ департаментѣ удѣловъ, рублей на 40 въ мѣсяцъ.

Стало быть, Гоголь устроился въ Петербургѣ? Да, конечно, если назвать *устройствомъ* возможность прозябать гдѣ-нибудь на чердакѣ въ 15-й линіи Васильевскаго острова, весь день до 4-хъ часовъ сидѣть въ департаментѣ и переписывать измышленія гг. столоначальниковъ и начальниковъ отдѣленія, а потомъ, пообѣдавши щами съ кашей, садиться за переводы и компиляціи для журналовъ, редакторы которыхъ будутъ принимать безымяннаго литератора чуть не въ передней и кончиками пальцевъ будутъ передавать ему отъ времени до времени 2 — 3 синенькихъ бумажки гонорара. А вѣдь Гоголь избалованъ съ дѣтства обожаніемъ матери, избалованъ въ школѣ разнообразными успѣхами, дававшимися ему безъ всякаго труда, избалованъ привольной помѣщичьей жизнью въ богатой Малороссіи. А вѣдь ему, едва онъ поднялся на ноги, жизнь *существователя*, — человѣка, который не сдѣлаетъ ничего великаго, не оставитъ своего имени потомству, — кажется хуже смерти. А къ тому же здоровье у него слабое; бѣганье въ холодной шинели и 20-ти-копѣечные обѣды не могли не отразиться на немъ крайне неблагопріятно. Короче сказать, какъ ни былъ силенъ Гоголь умственно, какъ ни былъ онъ предпріимчивъ и настойчивъ, такой борьбы съ жизнью онъ не могъ вынести долго: или его свезли бы на Смоленское кладбище, или онъ, разбитый физически и нравственно, вернулся бы угасать въ родную Васильевку.

И не имѣла бы Россія ни «Мертвыхъ Душъ», ни «Ревизора», ни Достоевскаго, ни Писемскаго, ни Щедрина, и не была бы русская литература тѣмъ, что она теперь есть.

Но Богъ и добрые люди не допустили до этого.

Гоголь, между прочимъ, отдалъ нѣсколько своихъ статей въ журналы барона Дельвига: «С. Пчелу» и «Литературную Газету». Товарищъ и другъ Пушкина, Дельвигъ, былъ истинный поэтъ въ душѣ, умный и очень добрый человѣкъ. Онъ замѣтилъ талантъ и вкусъ въ молодомъ малороссѣ. Повидимому, именно онъ далъ Гоголю рекомендательное письмо къ Жуковскому. Благодушный Жуковскій, бывшій въ то время соединительнымъ звеномъ между императорскимъ дворцомъ и русской литературой, принялъ Гоголя очень ласково, почуявъ въ немъ талантъ, горячую любовь къ искусству, вѣрное его пониманіе и родственное себѣ религіозное

міровоззрѣніе, и самымъ теплымъ образомъ рекомендовалъ его вліятельному въ аристократическихъ сферахъ проф. Плетневу съ просьбой позаботиться объ немъ. Плетневъ доставилъ Гоголю нѣсколько частныхъ уроковъ въ лучшихъ домахъ, потомъ мѣсто учителя исторіи въ патріотическомъ институтѣ, гдѣ онъ самъ былъ инспекторомъ, и рѣшилъ непремѣнно «подвести его подъ благословеніе Пушкина», который въ то время собирался переѣхать въ Петербургъ. Это благословеніе совершилось въ маѣ 1831 г.

Извѣстно, какъ чутокъ и простъ въ обращеніи былъ Пушкинъ; робкій и неловкій 22-хъ-лѣтній хохолъ, до сихъ поръ преклонявшійся передъ солнцемъ русской поэзіи изъ безвѣстнаго далека, съ перваго же свиданія почувствовалъ себя товарищемъ и пріятелемъ этого солнца. Пушкинъ и Жуковскій вводятъ Гоголя въ свой аристократическій кружокъ, гдѣ нашлось и нѣсколько горячихъ поклонниковъ Малороссіи; Пушкинъ даетъ ему дружескія порученія, сообщаетъ ему свои литературные новинки и планы, рекомендуетъ ему сюжеты и вообще всячески поощряетъ и направляетъ его оригинальный талантъ. Гоголь расцвѣлъ душою; Гоголь былъ спасенъ для Россіи.

Осенью того же 1831 г. выходитъ первая книжка «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Вотъ что писалъ Пушкинъ по поводу этихъ «Вечеровъ»: «Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности; а мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумлюсь».

А вотъ что разсказываетъ самъ Гоголь: «Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей: только-что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнѣ. Это меня нѣсколько удивило; я—къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ, сказалъ, что штучки, которыя вы изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву».

Такимъ образомъ, и царь русской поэзіи, и малограмотные наборщики были одинаково довольны книжкой Гоголя; съ удовольствіемъ читали ее и въ петербургскихъ дворцахъ. Довольна была ею и вся читающая Россія, судя по тому, что первое изданіе первой части, несмотря на высокую цѣну, разошлось въ 4 мѣсяца и

ко времени выхода второй части, въ февралѣ 1832 г., первую пришлось допечатывать. Благодаря похвальнымъ отзывамъ «С. Пчелы», въ то время наиболѣе распространенной газеты, и «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду», слава ея проникла и въ самые отдаленные уголки Малороссіи, и можно себѣ представить, какое могучее дѣйствіе произвели тамъ разсказы Рудого Панька.

Литературная карьера Гоголя было сдѣлана, и великое, общеполезное дѣло, о которомъ онъ мечталъ еще въ Нѣжинѣ, благополучно начато.

Съ этого момента начинается самый свѣтлый періодъ жизни Гоголя, къ нашему горю, очень непродолжительный. Департаментскую службу Гоголь покинулъ на вѣки, взявъ съ нея великую дань въ лицѣ Акакія Акакіевича и др. типовъ петербургскаго чиновничества. Дѣятельность его теперь распадается на два отдѣла: какъ преподаватель исторіи, онъ талантливо, хотя и неровно, даетъ уроки, усердно читаетъ доступныя ему историческія сочиненія, готовитъ рядъ статей; какъ извѣстный литераторъ, онъ участвуетъ во многихъ литературныхъ предпріятіяхъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, кн. Одоевскимъ и др. Слава его растетъ и крѣпнетъ; еще въ 1832 г., проѣздомъ на родину, онъ остановился въ Москвѣ, гдѣ сошелся съ профессорами Погодинымъ, Максимовичемъ, актеромъ Щепкинымъ, Сергѣемъ Аксаковымъ, которые сразу сдѣлались его близкими друзьями и поклонниками, болѣе горячими и искренними, чѣмъ большинство петербуржцевъ. Да и самъ Гоголь теплѣе и проще относится къ своимъ московскимъ друзьямъ, чѣмъ къ петербургскимъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Пушкина. Новые пріятели такъ ему понравились, что онъ заѣхалъ въ Москву и на обратномъ пути, хотя пропустилъ 3 мѣсяца сверхъ отпуска и ѣхалъ не одинъ, а съ двумя маленькими сестрами, которыхъ везъ въ Петербургъ для помѣщенія въ патріотическій институтъ.

Тяжесть пережитыхъ въ Петербургѣ испытаній въ это время сказывалась въ Гоголѣ необычной въ такіе юные годы практичностью, изрѣдка—наклонностью поважничать, похвастаться своими успѣхами и положеніемъ и иногда болѣзненной обидчивостью; но въ общемъ онъ былъ въ ту пору веселый и добрый юноша: маленькія сестры, предоставленныя на его попеченіе, не могли нахвалиться его заботливостью и ласками: «рѣдкій у насъ былъ

братъ»—вспоминали онѣ впослѣдствіи; онъ смотрѣлъ за ними, какъ мать родная, и баловалъ ихъ, какъ любящая бабушка.

А изъ своей милой родины, которая въ Петербургѣ рисовалась ему въ такихъ радужныхъ краскахъ, Гоголь вынесъ на этотъ разъ довольно тяжелыя впечатлѣнія: съ благопріобрѣтенной въ Петербургѣ практичностью онъ ясно увидалъ, какъ разорялись малороссійскіе помѣщики вслѣдствіе своего неумѣнья хозяйничать; какъ даровитый и добрый народъ, забывъ свое славное прошлое, коснѣлъ въ лѣни и невѣжествѣ, подъ гнетомъ безсовѣстныхъ и глупыхъ чиновниковъ; какъ благословенная Богомъ страна бѣднѣла и теряла свою производительность. Конечно, всѣ эти явленія существовали и прежде; но тогда Гоголь въ своей юной жизнерадостности не замѣчалъ ихъ. А теперь горькій опытъ умудрилъ его и состарилъ: въ 23 года онъ чувствовалъ себя совсѣмъ зрѣлымъ мужемъ, минутами—чуть не старикомъ; онъ привыкъ всматриваться вглубь фактовъ и людей и не обольщаться блестящей наружностью. Къ тому же, мнительность, унаслѣдованная имъ отъ болѣзненнаго отца, заставляла его считать себя неизлѣчимо больнымъ. Все это отразилось въ его новыхъ повѣстяхъ изъ малороссійской жизни, собранныхъ имъ немного позднѣе, подъ названіемъ «Миргородъ»: въ противоположность «Вечерамъ на хуторѣ», всѣ онѣ безъ исключенія, несмотря на поразительное разнообразіе въ тонѣ и содержаніи, оканчиваются печально. Авторъ и теперь наклоненъ смѣяться и смѣшить читателей; но этотъ смѣхъ не похожъ на прежній, юношескій; это тотъ смѣхъ сквозь слезы, который въ исторіяхъ литературы обыкновенно называютъ *юморомъ*. Самую шутливую изъ повѣстей «Миргорода», сносное чтеніе которой заставляетъ всѣхъ смѣяться до упаду, «Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», Гоголь оканчиваетъ печальной картиной осенней дороги и глубокопрочувствованнымъ восклицаніемъ: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа!»

Но печальный взглядъ на современное состояніе Малороссіи не заставилъ Гоголя отвернуться отъ нея. Напротивъ, онъ теперь еще съ бо́льшимъ жаромъ, чѣмъ прежде, собираетъ ея пѣсни и занимается ея исторіей и мечтаетъ, какъ о высшемъ счастіи, о переселеніи въ центръ гетманщины, въ Кіевъ.

Въ 1834 г. было предположено открыть кіевскій университетъ. Гоголь, далеко не ученый, но временами хорошій учитель, написавшій

нѣсколько блестящихъ историческихъ статей, желаетъ занять въ немъ каѳедру всеобщей исторіи. Изъ Петербурга гонитъ его невыносимый для его слабаго здоровья климатъ; профессуру онъ считаетъ недурной карьерой. Но основныя побужденія его вовсе не эгоистическія. «Много можно надѣлать добра», восклицаетъ онъ въ самомъ откровенномъ письмѣ; онъ хочетъ отчаянно работать, составить всеобщую исторію, какой и за-границей нѣтъ; онъ собирается обратить Кіевъ въ «русскія Аѳины». Министръ народнаго просвѣщенія, читавшій съ удовольствіемъ статьи Гоголя, побуждаемый Пушкинымъ и кн. Вяземскимъ, искренно желаетъ отдать каѳедру Гоголю. Стало быть, обѣ стороны согласны; зачѣмъ же дѣло стало? Самъ Гоголь виноватъ въ неудачѣ: онъ слишкомъ долго торговался, выпрашивая себѣ наилучшія условія и давъ возможность попечителю фонъ-Брадке подсунуть на это мѣсто другое лицо. Гоголь былъ въ отчаяніи.

Каѳедра исторіи, однако-же, не ушла отъ него, только не въ Кіевѣ, а въ Петербургѣ. Онъ занялъ ее въ сентябрѣ 1834 г. и возбудилъ восторгъ студентовъ своей вступительной лекціей. Но послѣдующія его чтенія вовсе не соотвѣтствовали этому блестящему началу: дѣло въ томъ, что у Гоголя оказалось слишкомъ мало научнаго багажа, и лекціи его скоро сдѣлались до крайности вялыми и малосодержательными. Замѣчая охлажденіе слушателей, онъ сталъ ходить на нихъ очень рѣдко и то на 20 минутъ, на полчаса; только однажды, когда въ университетъ пришли Жуковскій и Пушкинъ, Гоголь прочелъ для нихъ нарочно приготовленную, совсѣмъ не связанную съ курсомъ, прекрасную лекцію объ арабской цивилизаціи, а потомъ опять начались тѣ же рѣдкія и вялыя чтенія. Въ концѣ 1835 года Гоголь оставилъ каѳедру; около того же времени онъ потерялъ и свое учительское мѣсто въ институтѣ, гдѣ относился къ дѣлу такъ же небрежно. Да ему въ это время и не до того было: онъ былъ всецѣло погруженъ въ свои литературныя и особенно драматическія работы.

Въ томъ же 1835 г. Гоголь выпустилъ въ свѣтъ цѣлыхъ 2 сборника своихъ произведеній, каждый въ 2-хъ частяхъ: «Арабески», гдѣ, кромѣ нѣсколькихъ научно-популярныхъ статей, были помѣщены три знаменитыя повѣсти: Портретъ, Невскій проспектъ и Записки сумасшедшаго, и уже упомянутый мною «Миргородъ»,

включавшій, между прочимъ, поэму-романъ «Тарасъ Бульба», въ такъ называемой первоначальной редакціи.

Въ авторѣ «Вечеровъ на хуторѣ» только Пушкинъ и немногіе московскіе друзья Гоголя увидѣли огромный талантъ и новое слово въ русской поэзіи; всѣ другіе, даже люди, хорошо расположенные къ Гоголю, считали его остроумнымъ, веселымъ разсказчикомъ, и только. «Арабески» и «Миргородъ» блистательно оправдали чуткость Пушкина; къ тому-же въ Москвѣ появился молодой талантливый критикъ Бѣлинскій, осязательно разъяснившій всѣмъ лучшимъ людямъ, *почему* они находятъ такое наслажденіе въ этихъ повѣстяхъ, и Гоголь сталъ также безспорно первымъ русскимъ прозаикомъ, какъ Пушкинъ былъ безспорно первымъ русскимъ стихотворцемъ.

Почти никто не зналъ, чего это стоило Гоголю; даже самому великому критику эти красивые, сильные и проникновенные очерки души человѣческой и человѣческой жизни казались вылившимися на бумагу сразу, безъ обдумыванія, — такъ геніально-легки были они въ чтеніи. Только теперь, когда изслѣдованы черновыя бумаги Гоголя, узнали мы, какъ упорно и настойчиво *работалъ* надъ ними Гоголь. Онъ готовился къ созданію очерка цѣлыми годами, всматривался въ сотни людей, записывалъ подслушанныя удачныя выраженія и словечки, обдумывалъ сюжетъ мѣсяцами; не по 2—3 раза переписывалъ онъ свои повѣсти, а по 10, по 15 разъ; думалъ надъ каждой фразой, надъ каждымъ прилагательнымъ; вычеркивалъ цѣлыя прекрасныя страницы, если находилъ возможность замѣнить ихъ еще болѣе прекрасной, но по краткости своей болѣе сильной строчкой. Только развѣ великій Пушкинъ могъ *отчасти* понимать Гоголя; извѣстно, что онъ самъ по многу разъ передѣлывалъ свои даже самыя легкія по формѣ стихотворенія, по нѣскольку лѣтъ носилъ въ портфелѣ самыя совершенныя свои созданія, отъ времени до времени пересматривая и поправляя ихъ. Но Пушкинъ получилъ лучшее образованіе, нежели Гоголь, больше читалъ, раньше его подпалъ вліянію истинно-хорошихъ образцовъ; воспитанный въ столицахъ, онъ не былъ принужденъ бороться съ провинціализмами своего языка. Да и жилось ему на свѣтѣ легче и привольнѣе...

Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего поучительнѣе біографій великихъ писателей, особенно для молодежи.

«У другихъ на это *талантъ*, а у меня его нѣтъ», говоритъ не къ мѣсту скромный юноша и складываетъ руки, отказывается отъ дѣла. «Я талантливъ и способенъ», думаетъ про себя другой: «стоитъ-ли мнѣ лѣзть изъ кожи, какъ мои товарищи?!» и тоже складываетъ руки; результаты выходятъ одинаково плачевные.

Біографіи Гоголя, Пушкина, Гёте наглядно показываютъ намъ, что даже огромный талантъ, чтобы проявиться, чтобы сдѣлать что нибудь истинно великое, долженъ неусыпно, отчаянно работать. Талантъ безъ работы еще болѣе безплоденъ, чѣмъ работа безъ таланта. Только самомнительная посредственность, довольствующаяся поклоненіемъ 2 — 3 тетушекъ и глупыхъ пріятелей, презираетъ трудъ и творитъ экспромтомъ; зато и твореніямъ ея—грошъ цѣна.

Ни надъ чѣмъ Гоголь не работалъ съ такимъ упорствомъ и съ такой самозабвенной энергіей, какъ надъ своими драматическими произведеніями. Еще въ 1832 г., проѣзжая въ Малороссію черезъ Москву, Гоголь только и думаетъ, что о созданіи истинно-русской комедіи, которая должна быть «правдивымъ и яркимъ изображеніемъ повседневной жизни». Онъ, по словамъ его друзей, въ это время просто помѣшался на комедіи; изъ-за этого-то онъ и дорожитъ между прочимъ такъ сильно знакомствомъ съ первымъ комическимъ актеромъ—Щепкинымъ; съ нимъ ведетъ онъ нескончаемые разговоры не только о дорогой имъ Малороссіи, но и о сценическомъ искусствѣ. Изъ-за того, чтобы облегчить своей будущей комедіи доступъ на сцену, онъ дѣлаетъ визиты театральнымъ магнатамъ. Изъ Малороссіи привезъ онъ планъ *легкой* комедіи «Женихи», изъ которой впослѣдствіи развилась «Женитьба», причемъ мѣсто дѣйствія было перенесено изъ малороссійской помѣщичьей среды въ петербургскую купеческо-чиновничью — и былъ введенъ новый герой, знаменитый Подколесинъ.

Въ 1833 г. онъ упорно работаетъ надъ *серьезной* комедіей «Владиміръ 3-й степени», пишетъ и вычеркиваетъ и злится на себя за то, что у него ничего не выходитъ. А не выходитъ ничего не по недостатку образовъ и идей, а изъ страха передъ театральной цензурой: ему хочется какъ можно глубже захватить жизнь, какъ можно злѣе осмѣять то, что лучшіе люди считаютъ достойнымъ осмѣянія. «Что за комедія безъ правды и злости?» пишетъ онъ, а именно правда и злость и не допускались въ то время на сценѣ. «Владиміръ 3-й степени» такъ и не явился на

свѣтъ Божій; отъ него остались только обломки, отдѣльныя сцены, которыя при всей своей талантливости даютъ только слабое понятіе о цѣломъ: это «Утро дѣловаго человѣка», «Тяжба» и «Лакейская». Тогда Гоголь принимается за новый планъ, за обработку анекдота, сообщеннаго ему Пушкинымъ о самозванцѣ-ревизорѣ. Дѣйствіе будетъ не въ Петербургѣ, а въ провинціи; на сценѣ будутъ не начальники отдѣленій, а мелкіе чиновники въ уѣздныхъ городкахъ, надъ глупостью и подлостью которыхъ давно уже позволялось издѣваться.

Тогда создается безсмертный «Ревизоръ».

19-го апрѣля 1836 г. Александринскій театръ въ Петербургѣ, тогда единственный казенный театръ резиденціи, былъ наполненъ избранной публикой; въ ложахъ и партерѣ блистали генеральскіе мундиры и звѣзды; почти всякій, кто мнилъ себя образованнымъ человѣкомъ, считалъ своимъ долгомъ не пропустить этого спектакля. Въ обществѣ ходили слухи о томъ, будто Государь очень имъ интересуется, будто онъ уже знакомъ и съ пьесой, стоявшей нынѣ на афишѣ, а черезъ Жуковскаго—и съ ея 27-ми-лѣтнимъ, но уже знаменитымъ авторомъ.

Многимъ было извѣстно, что Гоголь долженъ былъ употребить невѣроятные труды и усилія, чтобы его пьесу допустили на сцену; острили, что ему легче было написать «Ревизора», чѣмъ поставить его. Вотъ какъ разсказываетъ одинъ изъ друзей Гоголя (впослѣдствіи извѣстный критикъ) Анненковъ о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ «Ревизоръ» на публику: «Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ, словно никто не зналъ, какъ должно думать о картинѣ, только что представленной; недоумѣніе возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостью. Однако же, въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной истины, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ 4-мъ актѣ: смѣхъ по временамъ еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какой-то робкій смѣхъ, тотчасъ-же и пропадавшій;

аплодисментовъ почти совсѣмъ не было; зато напряженное вниманіе, слѣдованіе за всѣми оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію, другіе за то, что виденъ талантъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, простая публика за то, что смѣялась, но общій голосъ избранной публики былъ: «это невозможность, клевета и фарсъ».

Что Анненковъ нисколько не преувеличилъ негодованія чиновной публики, видно изъ дневника инспектора репертуара Храповицкаго, который записалъ: «19-го апрѣля въ первый разъ «Ревизоръ»—оригинальная комедія въ 5 дѣйств., сочиненія Н. Гоголя. Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ внезапно изволилъ присутствовать и былъ чрезвычайно доволенъ, хохоталъ отъ всей души. Пьеса чрезвычайно забавна». Еще-бы показалась она не забавна г-ну Храповицкому, когда самъ Государь «хохоталъ отъ всей души!» Но и Высочайшее одобреніе не вполнѣ примирило почтеннаго чиновника съ содержаніемъ пьесы: послѣ этихъ лестныхъ отъ такого строгаго судьи словъ, Храповицкій прибавляетъ: «Только нестерпимое ругательство на дворянъ, чиновниковъ и купечество». Удивительно, недоумѣвалъ онъ, какимъ образомъ Высочайшая власть могла терпѣть такое ругательство и хохотать при этомъ. Еще въ большее пришелъ-бы онъ недоумѣніе, если-бы зналъ, что императоръ Николай Павловичъ нашелъ время выслушать пьесу предварительно и остался ею вполнѣ доволенъ, хотя и понялъ всю глубину гражданскаго значенія «Ревизора» и, какъ заявляетъ г. Бурдинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, впослѣдствіи говаривалъ: «въ этой пьесѣ досталось всѣмъ, а мнѣ—въ особенности».

Но простая публика смѣялась и была чрезвычайно довольна, что доказывается безконечными повтореніями «Ревизора» на всѣхъ русскихъ сценахъ; этотъ смѣхъ—тотъ самый знаменательный и благодѣтельный *смѣхъ*, который самъ Гоголь называетъ единственнымъ идеальнымъ лицомъ своей пьесы.

Это честное, благородное лицо. «Онъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмогря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ». Это не желчный, раздражительный смѣхъ ипохондрика и не легкій смѣхъ, излетающій изъ души веселонравной мо-

лодости; это, если можно такъ выразиться, серьезный смѣхъ, исправляющій человѣка, но при серьезности своей онъ свѣтелъ. «Многое, говоритъ Гоголь, возмутило-бы человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; озаренное силою смѣха, оно несетъ уже примиреніе въ его душу... Засмѣяться свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна истинно-добрая душа». И такія добрыя души «Ревизоръ» встрѣтилъ въ простой публикѣ. Эту простую публику, нашихъ дѣдовъ и отцовъ, воспиталъ «Ревизоръ» Гоголя, а она воспитала насъ въ уваженіи къ этому благородному, благодѣтельному смѣху.

Огромный успѣхъ «Ревизора» утѣшилъ Гоголя во всѣхъ его прежнихъ неудачахъ; онъ чувствуетъ въ себѣ «львиную силу», съ полуискреннимъ презрѣніемъ относится ко всему, что имъ сдѣлано до сихъ поръ, и готовится къ великому подвигу. Этотъ подвигъ «Мертвыя Души», отъ широкаго плана которыхъ онъ самъ приходитъ въ восторгъ.

Но гигантскій трудъ созданія и постановки на сцену «Ревизора» страшно утомилъ его и разстроилъ, и онъ въ іюнѣ 1836 г. уѣхалъ за-границу. Онъ жилъ въ Германіи, Швейцаріи, Парижѣ и съ марта 1837 г. поселился въ Римѣ, который привелъ его въ положительный восторгъ своими памятниками древности и искусства, своими художественным интересами и своей тихой, удаленной отъ всякой политики жизнью.

Тамъ Гоголь почти безвыѣздно прожилъ около двухъ лѣтъ, совершая свой *подвигъ*, а для отдыха изучалъ вѣчный городъ и наслаждался имъ. Онъ считалъ Римъ вторымъ отечествомъ, и ему доставляло огромное удовольствіе показывать его пріѣзжимъ знакомымъ; онъ хвастался *своимъ Римомъ*, какъ помѣщикъ—благоустроеннымъ имѣніемъ; многіе памятники его и кварталы онъ, дѣйствительно, изучилъ превосходно. Съ иностранцами Гоголь сходился туго, и *постоянное* его общество составляли молодые русскіе художники. Гоголь, какъ я сказалъ, успѣшно занимался рисованіемъ еще въ Нѣжинѣ; еще не успѣвъ устроиться въ Петербургѣ, онъ усердно посѣщаетъ классы Академіи художествъ, охотно дружится съ художниками и восхищается характерами нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вотъ отчего герои двухъ раннихъ повѣстей его: «Портретъ» и «Невскій Проспектъ»—художники, и вотъ отчего описанія его такъ точны и живописны. Теперь, на художественной почвѣ Рима, къ нему вернулась его прежняя любовь къ живописи, и въ студіяхъ своихъ пріятелей онъ является умнымъ и понимающимъ цѣнителемъ.

Въ эти два года Гоголь набросалъ всю первую часть «Мертвыхъ душъ» и окончательно обработалъ нѣкоторыя главы.

Осенью 1839 г. онъ поѣхалъ въ Петербургъ и Москву, чтобы взять сестеръ изъ института и устроить нѣкоторыя другія дѣла; онъ читалъ отдѣланное въ пріятельскихъ кружкахъ, и восторгъ его поклонниковъ не зналъ предѣловъ. Вернувшись въ Римъ, онъ снова, несмотря на плохое состояніе здоровья, засѣлъ за работу, и лѣтомъ 1841 г. 1-й томъ знаменитой поэмы былъ готовъ окончательно. За то же время Гоголь, въ виду предстоящаго перваго полнаго изданія своихъ сочиненій, переработалъ многое изъ напечатаннаго отъ начала до конца, обдѣлалъ нѣкоторыя изъ набросанныхъ и неоконченныхъ своихъ вещей и обдумывалъ новыя произведенія, между прочимъ трагедію изъ малороссійской исторіи.

Въ сентябрѣ 1841 г. Гоголь возвращается въ Россію, чтобы печатать поэму и полное собраніе. Хлопотъ оказалось безъ конца, почти столько же, какъ и при постановкѣ «Ревизора»; московская цензура запретила «Мертвыя души» безусловно. Гоголь обратился въ Петербургъ и пустилъ въ ходъ всѣ свои аристократическія связи. Петербургская цензура разрѣшила печатаніе, но съ значительными пропусками.

Появленіе книги составило эпоху въ исторіи Россіи и вознесло Гоголя въ глазахъ всѣхъ передовыхъ людей на такую высоту, на какой никогда не стоялъ и самъ Пушкинъ. Я не буду говорить о значеніи поэмы Гоголя, въ надеждѣ, что мнѣ удастся когда-нибудь посвятить разбору его произведеній особое чтеніе, но укажу только на разсказъ Достоевскаго о томъ, какъ во время его юности молодежь читала «Мертвыя души»: «придетъ-бывало одинъ пріятель къ другому, поговоритъ о томъ, о семъ, увидитъ на столѣ «Похожденія Чичикова» и давай читать въ пятидесятый разъ; гость устанетъ, книгу возьметъ хозяинъ и продолжаетъ чтеніе, *и такъ до 3—4 час. утра*».

Утомленный хлопотами и сильными впечатлѣніями, лѣтомъ 1842 г. Гоголь опять уѣзжаетъ за-границу. Казалось, теперь, послѣ такого небывалаго успѣха, послѣ благополучнаго устройства денежныхъ дѣлъ своихъ, Гоголю оставалось только отдыхать, а отдохнувши, опять наслаждаться силою своего творчества. Но здѣсь въ его жизни и взглядахъ произошелъ тотъ ужасный переломъ, который лишилъ Россію великаго художника, а самого Гоголя—возможности

душевнаго спокойствія. На Гоголя стали находить припадки безпричиннаго болѣзненнаго раздраженія и ужасной тоски; на все, написанное имъ, онъ сталъ смотрѣть минутами, какъ на дѣло грѣховное, почти дьявольское; только восторженная молитва и чтеніе религіозныхъ книгъ успокаивали его, да и то далеко не всегда: мысли его приняли крайне мистическое направленіе; онъ сталъ съ презрѣніемъ смотрѣть на всѣ интересы земной жизни; онъ убѣжденъ, что «на свѣтѣ нѣтъ высшаго идеала, какъ званіе монаха». Тонъ его писемъ къ друзьямъ и даже къ матери совершенно измѣнился: въ нихъ слышится необычайное смиреніе, и онъ проситъ укоровъ и порицанія, какъ милости; но чаще онъ читаетъ поученія и возносится надъ всѣми, какъ пророкъ, какъ избранникъ Божій, которому совершенно ясны пути Провидѣнія. Онъ настойчиво требуетъ, чтобы всѣ смотрѣли на вещи его глазами, и не терпитъ противорѣчія.

Отчего произошелъ этотъ страшный переломъ? Причинъ на это много, и нѣкоторыя изъ нихъ намъ извѣстны. Главную роль играло, конечно, состояніе его здоровья, слабаго еще въ дѣтствѣ, не окрѣпшаго въ юности и сильно надорваннаго работами и непріятностями. Его природная мнительность и одиночество постоянно заставляли его прислушиваться къ себѣ и чуть не взвѣшивать каждый кусокъ пищи; но довольно часто онъ не былъ въ состояніи сдержать своего аппетита, естественно платился за это, а воображеніе преувеличивало маленькое нездоровье до крайнихъ предѣловъ. Онъ постоянно совѣтовался съ докторами и постоянно лѣчился, но рѣдко у него хватало терпѣнія выдержать курсъ лѣченія до конца.

Не малую роль играли и причины нравственныя и, прежде всего, раннія его неудачи въ Петербургѣ. Не его перваго, не его послѣдняго встрѣтила такъ сурово столица, но немногіе изъ молодыхъ людей, которымъ удалось впослѣдствіи устроиться, были такъ избалованы и такъ самолюбивы, и потому немногіе въ такой сильной степени пострадали отъ мѣсяцевъ испытаній и такъ долго и такъ озлобленно вспоминали о нихъ. Гордому и самонадѣянному малороссу пришлось переломить себя, смириться, подлаживаться къ людямъ, а такія переработки своей натуры не проходятъ даромъ. Затѣмъ слѣдовали годы непомѣрной работы и напряженія ума и фантазіи. Въ 1837 г. его страшно поразила въ Парижѣ неожиданная вѣсть о смерти Пушкина, единственнаго человѣка, предъ которымъ онъ благоговѣлъ искренно. Въ послѣднее пребываніе въ

Россіи его ужасно огорчали споры и несогласія съ его московскими и петербургскими друзьями, интересы которыхъ стали ему чужды, вслѣдствіе долгаго пребыванія за-границею: всякій старался втянуть его въ свою партію, а Гоголь считалъ себя выше всѣхъ партій, уклонялся и читалъ нравоученія. За это его упрекали, бранили, а самолюбіе его, непомѣрно возросшее вслѣдствіе успѣховъ и болѣзненной раздражительности, не выносило ни малѣйшихъ уколовъ. Все это привело его къ такому душевному состоянію, которое было близко къ полной ипохондріи. А подъ вліяніемъ религіознаго настроенія, вынесеннаго еще изъ дома родительскаго, эта ипохондрія приняла направленіе мистическое.

Душевное состояніе Гоголя было тѣмъ тяжеле, что въ немъ все еще великій художникъ боролся съ религіознымъ мистикомъ; образы, задуманные имъ для второй части «Мертвыхъ душъ», рвались на бумагу, и онъ набросалъ 2-ю часть поэмы, но остался ею недоволенъ и сжегъ ее; онъ рѣшилъ подготовить себя и русское общество къ той великой тайнѣ, которую онъ надѣялся высказать въ слѣдующихъ частяхъ поэмы, и началъ собирать письма, писанныя за послѣднее время друзьямъ, чтобы переправить ихъ и издать въ свѣтъ. Въ 1845 г. онъ чувствуетъ себя опасно больнымъ. «Здоровье мое плохо совершенно, пишетъ онъ: силы мои гаснутъ, отъ врачей и искусства не жду никакой помощи». Даже царская милость и связанное съ нею обезпеченіе (императоръ Николай назначилъ ему выдавать ежегодно по 1000 руб. сер.) не обрадовала его, а судя по его письму къ министру, и какъ будто опечалила. Тогда онъ написалъ свое духовное завѣщаніе, которое рѣшилъ предпослать письмамъ. Почти весь 1846 г. уходитъ на переработку и приготовленіе къ печати этихъ писемъ, которыя онъ считаетъ своей «единственной дѣльной книгой» и отъ которыхъ ожидаетъ наибольшей славы и вліянія. Какъ извѣстно, «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» совсѣмъ не оправдали ожиданій автора. Эта болѣзненная и самомнительная, при кажущемся смиреньствѣ, книга, въ которой Гоголь самъ осуждаетъ свои прежнія великія творенія и свои прежніе взгляды и преклоняетъ голову передъ критикой Булгарина и К°, признаетъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ крѣпостное право, къ уничтоженію котораго стремились всѣ русскіе государи и всѣ лучшіе русскіе люди, начиная съ Екатерины II; книга, въ которой Гоголь крайне односторонне и сплеча рѣшаетъ всѣ

важнѣйшіе вопросы нашей общественной и духовной жизни, повергла въ глубокую печаль друзей его, горько разочаровала его убѣжденныхъ поклонниковъ и не понравилась публикѣ. Цѣлые 4 мѣсяца «Переписку» бранятъ и письменно и печатно; Гоголь пытается защищаться, обвиняетъ своихъ критиковъ въ самомнѣніи и жестокости, стремится доказать, что его не поняли, старается утѣшить себя тѣмъ, что эти нападки, какъ испытаніе, полезны для души его и для ума; но онъ не можетъ не сознаться, что онъ разбитъ на голову. «Я размахнулся въ моей книгѣ, пишетъ онъ Жуковскому, *такимъ Хлестаковымъ*, что не имѣю духу заглянуть въ нее». Ему остается одно утѣшеніе—молитва, и онъ спѣшитъ выполнить уже нѣсколько лѣтъ назадъ задуманное путешествіе въ св. Землю. Въ концѣ 1847 года Гоголь ѣдетъ въ Неаполь, въ январѣ 1848 года отправляется въ Палестину, а ранней весной черезъ Константинополь и Одессу возвращается на отдыхъ въ родную Васильевку. Но поѣздка не принесла Гоголю ни физическаго, ни нравственнаго успокоенія. Во время пути въ Палестину онъ такъ капризничалъ, что спутникъ его, дипломатъ, долженъ былъ одинъ разъ прикрикнуть на него, чтобы не потерять своего достоинства въ глазахъ окружающихъ арабовъ, а на возвратномъ пути изъ Одессы Гоголь пишетъ своему духовнику: «Еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима; только развѣ что больше увидѣлъ черствость свою и свое себялюбіе, вотъ и весь результатъ». Съ этихъ поръ Гоголь уже не выѣзжалъ изъ Россіи и въ печали и тоскѣ доживалъ многострадальную жизнь свою. Двѣ слѣдующія зимы провелъ онъ въ Москвѣ, лѣто 1850 года прожилъ съ матерью, осенью поѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда, по совѣту докторовъ, въ октябрѣ пріѣхалъ въ нашу Одессу. Онъ поселился здѣсь въ домѣ Трощинскаго (на углу Надеждинской) и работалъ надъ тою-же 2-й частью Мертвыхъ Душъ. Но скоро ему показалось, что Одесса обманула его насчетъ климата; онъ пришелъ къ заключенію, что зима здѣсь будетъ не легче московской и уже 7 ноября собрался было уѣзжать отсюда на сѣверъ; потомъ раздумалъ, остался до весны, составилъ себѣ небольшой кругъ знакомыхъ, преимущественно между профессорами лицея, самъ ставилъ «Ревизора» на одесской сценѣ и восхищался игрою актера Николаева въ роли Осипа. Но въ общемъ состояніе его духа было крайне мрачное и скорбное и, судя по письмамъ къ

сестрамъ, его религіозная нетерпимость возростала со дня на день. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ уже въ Полтавѣ, откуда проѣхалъ въ Васильевку и прожилъ начало лѣта съ матерью. Къ ней и къ сестрамъ онъ былъ по прежнему добръ и ласковъ, по прежнему работалъ все утро въ своемъ флигелькѣ; но самыя мрачныя предчувствія уже не покидали его.

Осенью 1851 года онъ собрался ѣхать изъ Москвы на свадьбу сестры, намѣреваясь изъ Малороссіи проѣхать въ Одессу, но на дорогѣ почувствовалъ припадокъ невыразимой тоски и вернулся обратно. Зиму жилъ у гр. Толстого, былъ очень занятъ печатаніемъ новаго изданія своихъ сочиненій и отдѣлкой 2-й части Мертвыхъ Душъ, нѣкоторыя главы которой онъ читалъ еще прежде друзьямъ, и тѣ не могли нарадоваться, видя, что талантъ его нисколько не ослабѣлъ, а даже какъ будто созрѣлъ и углубился. Но къ серединѣ зимы здоровье Гоголя стало значительно хуже, и онъ постоянно жаловался на недостатокъ свѣжихъ минутъ, *которыя «такъ необходимы ему для окончанія задуманнаго»*. Въ январѣ 1852 года его страшно поразила смерть жены Хомякова, и онъ призналъ себя больнымъ тою-же болѣзнью, отъ которой умеръ отецъ его: на него напалъ *страхъ смерти*. Несмотря на масляницу, онъ немедленно пожелалъ говѣть, благополучно исполнилъ свое намѣреніе, но до того изнурилъ себя усиленнымъ постомъ, что едва держался на ногахъ. Увѣренность въ близкой кончинѣ не оставляла его; онъ позвалъ своего хозяина, гр. Толстого, и просилъ его взять на сохраненіе его бумаги; Толстой отказался, чтобы не показать, что и онъ считаетъ Гоголя безнадежно-больнымъ. Ночи Гоголь проводилъ теперь безъ сна, въ молитвѣ; однажды въ 3 часа утра онъ разбудилъ своего мальчика-служителя, велѣлъ ему тихонько открыть трубу въ каминѣ и приготовился сжигать свои рукописи. Мальчикъ упалъ передъ нимъ на колѣни и умолялъ его не дѣлать этого, чтобы не жалѣть потомъ.

— Не твое дѣло!—отвѣтилъ Гоголь, и самъ зажегъ бумаги.

Мальчикъ плакалъ и говорилъ:

— Что вы сдѣлали?

— Тебѣ жаль меня?—сказалъ Гоголь, обнялъ его, поцѣловалъ и самъ заплакалъ.

Такъ погибло одно изъ величайшихъ созданій человѣческаго творчества, 2-я часть Мертвыхъ Душъ или, по крайней мѣрѣ, семь

отдѣланныхъ главъ ея; до насъ дошли только отрывки и черновые наброски.

На другой день Гоголь разсказалъ объ этомъ Толстому, горько раскаивался, «жалѣлъ, что отъ него не приняли бумагъ и приписывалъ сожженіе ихъ злому духу».

Послѣ этого Гоголь «впалъ въ мрачное уныніе», не хотѣлъ никого видѣть, и скоро слегъ въ постель въ нервической горячкѣ; 26 февраля его не стало.

Попробую подвести итоги сказанному и опредѣлить, что́ такое представлялъ изъ себя Гоголь, какъ человѣкъ, въ лучшую пору своей жизни, во время созданія повѣстей и Ревизора.

Что онъ былъ одаренъ отъ природы огромнымъ умомъ и героически-сильнымъ характеромъ, въ этомъ, конечно, никто не можетъ сомнѣваться, также, какъ и въ томъ, что онъ былъ любящій сынъ и братъ, вѣрный другъ, и вообще въ основѣ крупная и хорошая натура, всѣ силы свои отдававшая на служеніе родинѣ. Но на этомъ основномъ фонѣ неумѣренное баловство въ дѣтствѣ, плохое воспитаніе или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія въ отрочествѣ, тяжелая борьба съ жизнью въ юности и ранніе припадки болѣзненной мнительности начертали много несимпатичнаго. Сергѣй Аксаковъ, такъ благоговѣвшій передъ его талантомъ и такъ глубоко привязавшійся къ нему, какъ къ человѣку, долженъ былъ сознаться, что и въ наружности Гоголя, и въ его манерѣ держать себя «было что-то плутовское» и иногда негуманно-презрительное; точно онъ говорилъ всѣмъ окружающимъ; вы,—молъ, дрянь; вы мизинца моего не стоите; захочу—казню васъ своимъ невниманіемъ; захочу—пожалую своей милостью.

А между тѣмъ онъ и въ ранней юности умѣлъ ловко льстить тѣмъ, въ комъ нуждался: онъ и въ письмахъ къ матери Трощинскаго иначе не называетъ, какъ *благодѣтелемъ*, такъ какъ знаетъ, что мать непремѣнно покажетъ эти письма богачу-сановнику; онъ завѣдомо льститъ «патріарху русской поэзіи» Дмитріеву, въ виду его вліянія, и поддерживаетъ съ нимъ вовсе не интересную для себя переписку. Онъ никогда ни съ кѣмъ не бываетъ совсѣмъ «на распашку», даже съ самыми близкими друзьями держится всегда «на сторожѣ». Вообще онъ былъ черезчуръ практиченъ для своего возраста и положенія; зато иногда, побуждаемый желаніемъ похвастать, порисоваться, онъ бывалъ черезчуръ наивенъ и болтливъ.

При всей силѣ своего характера, онъ иногда даже самыхъ заурядныхъ людей поражалъ своими неумѣстными колебаніями и сомнѣніями; при своей изумительной энергіи въ работѣ, онъ иногда подвергался припадкамъ самой возмутительной лѣни. Короче сказать, въ его богатой и хорошимъ и дурнымъ натурѣ есть въ нѣкоторой степени и эгоизмъ, и скрытность Чичикова, и слабовольная нерѣшительность Подколесина, и тщеславіе и наивная фальшь Хлестакова, и даже лѣнь Тентетникова. Онъ самъ говоритъ о себѣ: «Никто изъ читателей моихъ не зналъ, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною. Во мнѣ не было какого-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который-бы высунулся виднѣе всѣхъ прочихъ... но зато во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ недостатковъ, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ... Взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало».

Это говоритъ онъ въ «Перепискѣ съ друзьями», послѣ извѣстнаго перелома; но здѣсь нѣтъ преувеличенія и напускного смиренія. Вотъ что пишетъ онъ другу-матери въ свѣтлую пору ранней юности: «Часто думаю я о себѣ, зачѣмъ Богъ создалъ сердце, можетъ, единственное, по крайней мѣрѣ, рѣдкое въ мірѣ, чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному, душу, зачѣмъ онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? Зачѣмъ онъ одѣлъ все это въ такую странную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія?!»

Отъ недостатковъ Гоголя-человѣка иногда страдали близкіе ему люди, но больше всего страдалъ онъ самъ. А для насъ, для всей Россіи, и прошедшей и будущей, эти недостатки—источникъ художественнаго наслажденія и великой пользы. И признаніе ихъ не можетъ въ нашихъ глазахъ унизить Гоголя. Не тотъ святъ, кто никогда не грѣшилъ; не тотъ великъ, кто никогда не падалъ; а великъ тотъ, кто возсталъ послѣ паденія и этимъ самымъ паденіемъ воспользовался на благо своимъ ближнимъ; кто при всѣхъ жизненныхъ испытаніяхъ сохранилъ въ себѣ «чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу» и до самаго тяжкаго конца устремлялъ всѣ силы ея на служеніе общему благу и истинѣ.

А. В. ДРУЖИНИНЪ.

HABENT sua fata libelli—одна изъ поговорокъ, обязанныхъ своею популярностью чрезвычайной неопредѣленности или растяжимости своего содержанія. Что она собственно означаетъ? И все, и ничего. Переведемъ ее буквально: «и книжки имѣютъ свою судьбу». Разумѣется; что же существующее не имѣетъ своей судьбы, т. е. не подвергается извѣстнымъ перемѣнамъ и уничтоженію? Придадимъ слову «fatum» болѣе спеціальное значеніе, не будемъ его переводить, а только перепишемъ его русскими буквами—получится миѳологическое воззрѣніе, которое не должно бы имѣть мѣсто въ той сферѣ, гдѣ занимаются исторіею книгъ. Сдѣлаемъ логическое удареніе на словѣ sua и спеціализируемъ всю поговорку съ иной стороны; получится противоположное общее мѣсто: «судьба книжекъ и судьба ихъ авторовъ—двѣ вещи разныя», пошлая сентенція, примѣнимая и примѣняемая ко множеству разнообразныхъ случаевъ: и къ поздней славѣ сочиненій пренебреженнаго при жизни автора, и къ писателямъ, которыхъ болѣе почитаютъ, чѣмъ читаютъ, и къ подражателямъ, которые оказываются вліятельнѣе оригиналовъ и т. д., и т. д.

Вышеприведенному изреченію можно указать болѣе опредѣленное мѣсто въ книжной торговлѣ, и тогда придется истолковать его такимъ образомъ: курьёзна иногда бываетъ судьба книгъ, и дѣйствія публики часто опровергаютъ всѣ разсчеты издателя. Случается это и въ другихъ странахъ съ болѣе высокой книжной культурой, но, само собой разумѣется, у насъ на пространствѣ 20—30 лѣтъ можно найти цѣлый рядъ такихъ курьёзовъ, передъ которыми стушевывается все, на что можетъ указать исторія нѣмецкой книжной торговли за два столѣтія. Укажу 2—3 случая, которые первыми придутъ на память: въ 40-хъ годахъ въ Москвѣ выходилъ сборникъ статей по классической древности «Пропилеи», выходилъ, вы-

ходилъ, да и прекратился, за неимѣніемъ сбыта, на 5-мъ, кажется, томѣ. Проходитъ немного лѣтъ, время для изученія классической древности нисколько не становится благопріятнѣе, а «Пропилеи» переиздаются нѣсколько разъ. Наступаетъ гимназическая реформа; въ подобныхъ книгахъ чувствуется сильная потребность, а ихъ ни за какія деньги достать нельзя, и гимназическія библіотекари, у которыхъ случайно находятся во владѣніи 2—3 тома, должны давать ихъ читать, не выпуская изъ рукъ. Въ 50-хъ—60-хъ годахъ, въ той же Москвѣ выходилъ другой спеціальный журналъ: «Лѣтописи русской литературы». Редакторъ-издатель на нихъ потерпѣлъ страшный убытокъ, а въ провинціи онѣ уже и теперь продаются въ полтора раза дороже; скоро дойдутъ до двойной и тройной цѣны. Всѣ 4 выпуска изданныхъ графомъ Кушелевымъ «Памятниковъ» имѣютъ приблизительно одинаковое научное значеніе; но первый и второй выпуски стóятъ у букинистовъ 7—10 рублей, а третій и четвертый —рубль, полтора рубля.

Тѣмъ не менѣе и у насъ книжное кладбище, именуемое въ просторѣчіи толкучкою, имѣетъ свои незыблемые законы: если на немъ появляется въ большомъ количествѣ, въ неразрѣзанныхъ экземплярахъ, какая-нибудь книга, ясно, что она не понравилась публикѣ, или, по крайней мѣрѣ, была издана въ бóльшемъ числѣ, нежели требовалось; если лежатъ въ аккуратныхъ пачкахъ орега omnia какого-нибудь изъ умершихъ литературныхъ дѣятелей, очевидно, друзья, издавшіе ихъ, увлеклись, перецѣнили, и писатель умеръ вторично и навсегда; современному поколѣнію онъ ничего давать не можетъ; въ журналистикѣ о немъ не пишутъ, а только изрѣдка упоминаютъ.

Лѣтъ 5—6 тому назадъ появились на прилавкахъ именно въ такихъ красивыхъ пачкахъ 8 толстыхъ томовъ сочиненій Дружинина, изданные подъ редакціей П. В. Гербеля. Плохо они расходятся; едва-ли высоко чтятъ его память букинисты, прельстившіеся громадной уступкой и изящнымъ видомъ книгъ. Въ журналистикѣ за послѣднія 10—15 лѣтъ, сколько помнится, не было ни одной статьи о Дружининѣ [1]), и имя его только изрѣдка мелькнетъ въ «воспоминаніяхъ». Несмотря на то высокое уваженіе, съ

[1]) Статья С. А. Венгерова появилась много позднѣе предлагаемаго этюда.

которымъ относились къ Дружинину такіе вліятельные люди, какъ Некрасовъ. Дружининъ вторично умеръ и погребенъ.

Заслуживалъ ли онъ этого? Увлеклись ли его друзья, уговорившіе Гербеля предпринять изданіе сочиненій Дружинина? Или это одинъ изъ тѣхъ курьезовъ, къ которымъ подходитъ поговорка: habent sua fata libelli?

Дружининъ—несомнѣнно крупный литературный талантъ, много и съ великой пользою потрудившійся для русской литературы; пренебреженіе къ нему—дѣло временное, объясняющееся рядомъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ напр. распаденіемъ кружка, къ которому принадлежалъ онъ, непопулярнымъ именемъ единственнаго его біографа (Лонгинова), нашимъ исключительнымъ вниманіемъ къ критикамъ-публицистамъ и т. д. Думать, что онъ такъ и останется забытымъ и сочиненія его такъ и будутъ гнить на рынкѣ—значило бы отчаяться въ человѣческой справедливости.

Цѣль настоящей статьи—познакомить читателей съ одной изъ сторонъ таланта Дружинина, съ однимъ изъ 8-ми томовъ его сочиненій и заявить всѣмъ, кто лично зналъ А. В. Дружинина, или имѣетъ въ рукахъ его письма и др. документы, что нижеподписавшійся собираетъ матеріалы для работы о Дружининѣ, какъ поэтѣ, критикѣ и историкѣ литературы. Насколько трудно составить такую работу, не имѣя никакихъ біографическихъ данныхъ, объяснять, конечно, не нужно; а тѣ жалкія свѣдѣнія, которыя даютъ о личности Дружинина статейка М. Лонгинова (при VIII т. Сочиненій) и кое-какія воспоминанія, только способны раздражить любопытство, не удовлетворяя его.

Итакъ, въ ожиданіи матеріаловъ и указаній, начинаемъ нашъ походъ въ пользу заживо погребеннаго покойника.

Если бы все, написанное Дружининымъ, имѣло только интересъ минуты и послѣ его смерти могло бы интересовать однихъ присяжныхъ историковъ литературы, Дружинина не слѣдовало забывать, какъ человѣка, какъ характеръ, какъ отрадное явленіе въ страшно тяжелую эпоху. Александръ Васильевичъ Дружининъ (род. 8-го октября 1824 г., ум. 19 го января 1864 г.) воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, слѣдовательно былъ аристократъ по происхожденію и воспитанію. Дорога передъ нимъ лежала ровная и гладкая, ничего общаго съ литературой не имѣющая. Не имѣя полныхъ 19 лѣтъ отъ роду, онъ уже офицеръ гвардіи. Кому, хотя бы по ро-

манамъ, неизвѣстна жизнь гвардейцевъ того времени, и кто можетъ себѣ представить тогдашняго преображенца или финляндца за письменнымъ столомъ, въ кабинетѣ ученаго или библіофила? Лермонтовскія традиціи дозволяли убивать досугъ на легкое чтеніе, пожалуй при талантѣ на сочинительство, но не на изученіе языковъ и исторіи литературы. Между тѣмъ Дружининъ именно въ это время положилъ начало своей замѣчательно обширной эрудиціи.

21-го года, когда въ наше время молодые люди только держатъ экзаменъ зрѣлости, Дружининъ оставляетъ полкъ и поступаетъ въ канцелярію военнаго министерства; служилъ ли онъ тамъ въ самомъ дѣлѣ или только числился, мы не знаемъ, да это и не важно: главный интересъ его жизни былъ, во всякомъ случаѣ, не служба, а литература.

Въ 1847 году, стало быть 23-хъ лѣтъ отъ роду, онъ выступаетъ на литературное поприще повѣстью «Полинька Саксъ», которая обратила на себя всеобщее вниманіе и привела въ восторгъ Бѣлинскаго.

Я не буду говорить о другихъ повѣстяхъ и романахъ Дружинина, хотя «Разсказъ Алексѣя Дмитріевича» возбудилъ еще большій восторгъ Бѣлинскаго, но не могу не сказать два слова о «Полинькѣ Саксъ», такъ какъ по опыту убѣдился, что молодому поколѣнію имя Дружинина извѣстно только, какъ имя автора «Полиньки Саксъ».

«Полинька Саксъ» — небольшая повѣсть изъ жизни такъ называемаго большого свѣта, написанная изящнымъ языкомъ не безъ примѣси французскихъ фразъ, повѣсть, обработывающая избитую тему о такъ называемомъ паденіи женщины. Такія повѣсти въ тогдашнихъ журналахъ появлялись десятками и забывались сейчасъ же по прочтеніи. Въ повѣсти, кромѣ того, много юношескаго, незрѣлаго; характеръ князя Галицкаго не ясенъ или не выдержанъ; окончаніе отзывается мелодрамой. Что же выдвинуло эту повѣсть изъ ряда подобныхъ ей произведеній?

Во-первыхъ, если можно такъ выразиться, сердечность, которой проникнутъ весь разсказъ: авторъ не только дѣлаетъ для насъ симпатичнымъ бѣднаго Сакса, который такъ сильно любитъ свою маленькую жену со всѣми ея маленькими слабостями и дѣлаетъ по своей вспыльчивости рядъ самыхъ непростительныхъ ошибокъ; не только саму Полиньку, женщину-ребенка, которой

приходится испытывать, съ ея слабенькими душевными силами, безпримѣрное бѣдствіе—полюбить своего перваго мужа послѣ того, какъ она измѣнила ему, развелась съ нимъ и вышла замужъ за другого, но до извѣстной степени и самого обольстителя, князя Галицкаго, который, послѣ великодушнаго поступка Сакса, высказываетъ въ откровенномъ письмѣ къ сестрѣ, что онъ готовъ молиться на этого человѣка, и который потомъ дѣйствительно молится на свою несчастную жену, хотя и чувствуетъ, что она его не любитъ; даже взяточникъ и казнокрадъ, статскій совѣтникъ Писаренко, на одну минуту симпатиченъ читателю; вліяніе, которое имѣетъ на него умная и хорошая жена, до извѣстной степени примиряетъ насъ съ его мерзкимъ поведеніемъ. Доброе сердце, оптимизмъ автора, не дѣлаетъ его сантиментальнымъ, не мѣшаетъ художественной правдѣ, какъ это можно видѣть на томъ же Писаренкѣ: получивъ 30.000 за то что онъ удержалъ Сакса на слѣдствіи и далъ возможность князю Галицкому обольстить жену Сакса, онъ въ негодованіи бросаетъ билетъ на землю, но, успокоившись, поднимаетъ его и бережно прячетъ въ карманъ.

Далѣе, повѣсть, при своемъ незначительномъ объемѣ и шаблонности темы, имѣетъ и гражданское значеніе: Саксъ по своей служебной дѣятельности—прототипъ Калиновича, безъ слабостей и мелочности послѣдняго; онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей русскихъ (несмотря на нѣмецкую фамилію), которые въ тяжелое время казнокрадства, взяточничества и преступнаго ко всему равнодушія, боролись, какъ умѣли, за правду и поддерживали чуть тлѣющій огонь среди непроглядной тьмы.

Наконецъ, и это на мой взглядъ всего важнѣе, эта повѣсть—своего рода подвигъ, и что особенно дорого, подвигъ безсознательный. Авторъ мимоходомъ, не придавая этому значенія, устами своего героя, мужа Полиньки Саксъ, высказываетъ убѣжденіе, что такъ называемое паденіе женщины, вслѣдствіе минутной вспышки, для человѣка, искренно любящаго—вздоръ, т. е. въ томъ смыслѣ вздоръ, что это не можетъ разбить его жизнь окончательно, а только временно, хоть и глубоко, огорчить его.

«Или, пишетъ Саксъ своему пріятелю, это одна неосторожная вспышка, «кончившаяся паденіемъ», какъ говорятъ романисты? О, еслибъ это было такъ! Я бы съумѣлъ воротить прошедшее, за-

жать ротъ Галицкому! Такая любовь, какъ моя, не распадается съ одного разу».

Припомнимъ, чему тогда учили нашихъ барышень, какъ готовили ихъ къ жизни, какъ выдавали ихъ замужъ. Подумаемъ, въ чемъ молодая женщина, такъ воспитанная, но не лишенная душевной силы и самолюбія, могла выказать себя, какъ не въ томъ, чтобы пріобрѣсти хвостъ поклонниковъ и одерживать «побѣды». Подумаемъ, сколько женщинъ въ то время, и женщинъ въ сущности порядочныхъ, могли очутиться въ положеніи Полиньки Саксъ. Сколько изъ нихъ, разъ попавши на эту дорогу, потомъ дѣлались чуть не Мессалинами, вслѣдствіе установившагося взгляда въ обществѣ, установившагося до того прочно, что повидимому не было силы, способной поколебать его! И сколько порядочныхъ женщинъ спаслось бы отъ обмана и нравственной гибели, еслибъ этотъ взглядъ измѣнился? Какъ много нужно было смѣлости, исходящей изъ сердца, а не изъ самолюбія, какъ много любви къ истинѣ, чтобы сдѣлать въ 1847 году героемъ свѣтской повѣсти рогатаго мужа, выдающаго свою жену замужъ за обольстителя?

Вдумаемся въ этотъ моментъ повѣсти, и мы невольно вспомнимъ извѣстную сцену съ блудницей: кто первый броситъ въ нее камень? Иди и не грѣши!...

За «Полинькой Саксъ» вскорѣ послѣдовали двѣ повѣсти и романъ въ двухъ частяхъ. Что похвалы читателей и критики, знакомство съ лучшими представителями литературы могли воодушевить юнаго гвардейца къ творческой дѣятельности—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; къ тому же, по словамъ современниковъ, именно тогда насчетъ цензуры—на время полегчало. Но вотъ что удивительно: когда въ 1848 году надъ литературой и просвѣщеніемъ русскимъ грянули громы небесные, когда члены литературнаго петербургскаго кружка самымъ существованіемъ своимъ уже совершали государственное преступленіе, бывшій пажъ и гвардеецъ не только не отказался отъ «баловства», а напротивъ, отдался литературѣ всѣми силами своего бойкаго ума и слабаго тѣла; мало того, онъ, очевидно, безъ всякаго внѣшняго понужденія сдѣлался журнальнымъ поденщикомъ въ самое страшное для литературы время.

Говорятъ: кто не переживалъ этой поры, тотъ не можетъ судить о всѣхъ ея прелестяхъ. Весьма вѣроятно; но чтобы получить

общее представленіе, достаточно и разсказовъ, достаточно даже прочесть внимательно послѣднія страницы Пыпинской біографіи Бѣлинскаго, которая изображаетъ только предвкушеніе послѣдующаго.

И въ это-то время, когда, по грубоватому выраженію Алмазова, всякій практичный человѣкъ «нѣмъ былъ какъ чурбанъ», 25-ти-лѣтній гвардеецъ выступаетъ въ особенно подозрительномъ «Современникѣ», какъ наслѣдникъ нарочито подозрительнаго Бѣлинскаго.

Это уже не смѣлость, а отчаянная дерзость: съ одной стороны, небывалая придирчивость цензуры, съ другой—непомѣрно высокія требованія избалованныхъ читателей. Какъ онъ справлялся съ первой, мы узнаемъ изъ некролога, составленнаго Некрасовымъ: «Онъ обладалъ, между прочимъ, удивительною силою воли и замѣчательнымъ характеромъ. Услыхавъ о затрудненіи къ появленію въ свѣтъ статьи, только что оконченной, онъ тотчасъ же принимался писать другую. Если и эту постигала та же участь, онъ, не разгибая спины, начиналъ и оканчивалъ третью»...

Какъ онъ послѣ Бѣлинскаго удовлетворялъ требованіямъ публики, объ этомъ въ настоящей статьѣ говорить не мѣсто; во всякомъ случаѣ, «Письма иногороднаго подписчика» не посрамили журнала, а статьи о старыхъ романахъ были пріятной новинкой для читателей «Современника».

Разборы пяти романовъ, напечатанные въ «Современникѣ» за 1850 годъ, и затѣмъ рядъ статей по исторіи англійской литературы («Джонсонъ и Босвель», «Жизнь и произведенія Шеридана», «Георгъ Краббъ», «Вальтеръ-Скоттъ и его современники» и т. д.)—другая важная причина не забывать Дружинина. Наша литература двѣсти лѣтъ въ тѣснѣйшей связи съ литературами западной Европы; долго жила она только чужимъ умомъ. А между тѣмъ много ли у насъ сдѣлано для ознакомленія нашей публики съ духовной жизнью Запада? Такія классическія произведенія, какъ исторія нѣмецкой поэзіи Гервинуса, у насъ остаются не переведенными, а про оригинальныя статьи—и говорить нечего. Что и было написано ex officio, то или такъ небрежно сдѣлано, что тогда же не имѣло значенія, или изложено такъ тяжело, что нѣкоторая устарѣлость фактовъ уже черезъ 10 лѣтъ лишала книгу всякаго значенія. Иначе сказать: писали по иностранной литературѣ или

спеціалисты или диллетанты; первые писали скучно и тяжело; вторые—ужъ слишкомъ легковѣсно; первые стремились сказать что-нибудь свое, оригинальное, и въ читателяхъ предполагали больше знаній, нежели у нихъ было на самомъ дѣлѣ; вторые понимали читателей какъ слѣдуетъ, но не знали предмета, о которомъ писали, и компилировали, перевирая факты изъ двухъ, трехъ популярныхъ книжекъ. Дружининъ не былъ присяжнымъ ученымъ, но по широтѣ литературнаго образованія, по начитанности, даже въ тогдашнемъ литературномъ кружкѣ, такъ требовательномъ въ этомъ отношеніи, представлялъ феноменальное явленіе; о той небрежности, неопрятности въ работѣ, которая вошла у насъ въ моду съ начала 60-хъ годовъ, тогда не имѣли и понятія; а со стороны изложенія статьи такого мастера дѣла, какъ присяжный фельетонистъ «Современника», разумѣется, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Вотъ почему статьи Дружинина объ англійской литературѣ, статьи, составляющія два почтенныхъ тома по 800 страницъ каждый, до сихъ поръ, черезъ 30 слишкомъ лѣтъ послѣ своего появленія, можно съ бо́льшимъ правомъ и надеждой на успѣхъ рекомендовать студентамъ и студенткамъ, нежели десятки книгъ, вышедшихъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.

Мало того: этими статьями Дружининъ принесъ косвенно пользу нашей наукѣ, нашимъ университетамъ: 10 лѣтъ въ двухъ популярнѣйшихъ журналахъ человѣкъ пробуждалъ интересъ не только къ Шекспиру и Вальтеръ-Скотту, но и къ Босвелю и даже къ романамъ XVI и XVII вѣковъ; когда въ 60-хъ годахъ составляли новый уставъ для университетовъ, конечно, расширяя программу филологическаго факультета, сообразовались не съ его статьями; но въ томъ, что основаніе новой каѳедры—исторіи всеобщей литературы было такъ сочувственно принято нашимъ обществомъ и печатью, мы видимъ отчасти результатъ дѣятельности Дружинина.

Наше время—царство фельетона; ученый, который черезъ 100—200 лѣтъ пожелаетъ изслѣдовать среду, въ которой жили дѣятели 80-хъ годовъ XIX столѣтія, долженъ будетъ обратить главное вниманіе не на «Сборникъ Государственныхъ Знаній», не на «Вѣстникъ Европы», а на газетные фельетоны и фельетонныя газеты. Въ столицахъ газеты послѣдняго рода расходятся въ невѣроятномъ количествѣ; въ читальныхъ кабинетахъ провинціи они треплются болѣе всѣхъ другихъ; въ большой газетѣ фельетонъ читается вслѣдъ

за телеграммами и главнымъ образомъ обезпечиваетъ успѣхъ отдѣльнаго нумера и цѣлой газеты; нѣкоторые изъ нашихъ первоклассныхъ романистовъ приспособляютъ свои повѣсти къ размѣру и отчасти къ тону фельетона; литературная критика исключительно сосредоточилась въ фельетонѣ; нашъ наиболѣе выдающійся писатель [1]), который окраситъ своимъ именемъ цѣлый періодъ, въ послѣднія 5—6 лѣтъ высказывается исключительно въ формѣ фельетона, и только благодаря этой невинной формѣ можетъ высказываться; нашъ романъ, наша драма приняли фельетонный характеръ; всякій начинающій писатель имѣетъ успѣхъ постольку, поскольку онъ обладаетъ талантомъ фельетониста—легко говорить о серьезныхъ вещахъ. Короче сказать, фельетонъ есть единственный пунктъ, гдѣ еще бьется пульсъ нашей умственной жизни.

Къ несчастію, количество фельетонныхъ талантовъ у насъ отнюдь не соотвѣтствуетъ потребности въ нихъ, и по необходимости за фельетонъ берутся люди, способные писать въ какомъ угодно другомъ родѣ, только не въ этомъ. Многіе изъ этихъ фельетонистовъ поневолѣ даже представленія не имѣютъ о тѣхъ въ сущности очень высокихъ требованіяхъ, которыя должны прилагаться къ ихъ произведеніямъ; одни изъ нихъ готовы печатать въ нижнемъ этажѣ газетъ не только передовыя статьи, но чуть не диссертаціи; другіе, своимъ балаганнымъ гаэрствомъ и нравственной неопрятностью, сдѣлали слово фельетонный почти браннымъ.

Дружининъ—царь фельтонистовъ; «блескъ, живость, занимательность» его фельетоновъ признаетъ Некрасовъ, въ этомъ дѣлѣ судья, какъ извѣстно, очень компетентный; фельетоны Дружинина, собранные въ VIII томѣ его сочиненій, можно читать съ пользою и удовольствіемъ теперь, 35 лѣтъ спустя, читать не одинъ разъ, а 3—4 раза, читать до тѣхъ поръ, пока каждое остроумное сравненіе, каждая свѣжая мысль врѣжется въ память, читать почти такъ, какъ мы читаемъ великаго фельетониста древности—Лукьяна или фельетониста вѣка просвѣщенія—Вольтера. Разница въ томъ, что великіе остроумцы прошлаго: Лукьянъ, Эразмъ Роттердамскій, Свифтъ, Вольтеръ, въ общемъ производятъ тяжелое впечатлѣніе, внушаютъ презрѣніе къ человѣку и человѣческому обществу; не претендующій на широкое міровое значеніе «Петербургскій Туристъ»—человѣкъ съ золотымъ сердцемъ, и чтеніе его замѣтокъ

[1]) Щедринъ (писано въ началѣ 80-хъ годовъ).

примиряетъ читателя съ жизнью и съ человѣкомъ, успокоиваетъ, утѣшаетъ, научаетъ любить и прощать. Какъ ни странно можетъ это показаться для многихъ, я рѣшаюсь утверждать, что въ отношеніи вліянія на душу, на нравственные взгляды читателя, легковѣрный «Туристъ», крайній западникъ, сходится съ великимъ гуманистомъ-художникомъ—Ѳ. М. Достоевскимъ.

Съ этого пункта я и начну свое обозрѣніе восьмого, фельетоннаго, тома сочиненій Дружинина.

Какъ бы ни расходились критики въ пониманіи и оцѣнкѣ романовъ Достоевскаго, едва ли кто-нибудь изъ нихъ будетъ спорить противъ того, что защита правъ сердца и антипатія къ холодному практическому разсудку, къ поклонникамъ успѣха, къ самодовольному ограниченному эгоизму, есть одна изъ наиболѣе выдающихся его характерныхъ особенностей. Въ то время, какъ авторъ «Обыкновенной исторіи» заставляетъ читателя колебаться между тупоидеальнымъ племянникомъ и слишкомъ практичнымъ дядей, а черезъ нѣсколько лѣтъ приклеиваетъ къ русскому благодушію и мягкосердечію позорный ярлыкъ Обломовщины; въ то время, какъ Писемскій превращаетъ это благодушіе въ Баклановскую преступную безхарактерность и распутство, Ѳ. М. Достоевскій отъ «Бѣдныхъ людей» и до «Братьевъ Карамазовыхъ» включительно освѣщаетъ дивнымъ свѣтомъ любви, истины и красоты убогихъ, забитыхъ, неразумныхъ идеалистовъ.

Насколько можно по сочиненіямъ и некрологу составить понятіе о личности Дружинина, онъ, по первому впечатлѣнію, и въ хорошемъ и въ дурномъ—полная противоположность Достоевскому: блестяще образованный, горячій поклонникъ западной культуры, грѣшащій подчасъ индифферентизмомъ, подчасъ способный зубоскалить надъ тѣмъ, что̀ должно бы вызывать не смѣхъ, а слезы, человѣкъ, «на видъ холодный и принужденный, щеголевато одѣтый и съ изящными манерами», что̀ могъ имѣть онъ общаго съ геніальнымъ Христа-ради юродивымъ, вдохновеннымъ, необузданнымъ пророкомъ, разрывавшимъ свое и чужое сердце, вѣчно плакавшимъ кровавыми слезами, при своемъ громадномъ художественномъ талантѣ, лишенномъ малѣйшей капли остроумія?

А, между тѣмъ, была общая черта, именно та черта, которая, прежде всего остального, превращаетъ **слово** писателя въ **дѣло**,

дѣлаетъ забавника подвижникомъ и героемъ—это любящее сердце и «безконечная доброта души».

У Достоевскаго и у Дружинина общая антипатія — положительный человѣкъ.

Вотъ что̀ пишетъ Дружининъ по поводу появленія 1-й части «Обыкновенной исторіи»:

«Нѣчто о положительномъ человѣкѣ:

На свѣтъ взиралъ онъ очень строго,
Пройдохой слылъ,
И денегъ накопилъ онъ много,
Но жить забылъ».

(стр. 182).

«Что̀ такое положительный человѣкъ? отчего этого слова не было слышно до настоящаго девятнадцатаго столѣтія, и почему человѣкъ петербургскій привыкъ себя считать особливо положительнымъ человѣкомъ, нарочито положительнымъ человѣкомъ, человѣкомъ положительнѣйшимъ, въ ущербъ всѣмъ другимъ смертнымъ? Послѣдній пунктъ изъ всѣхъ трехъ вопросныхъ пунктовъ занимаетъ меня въ особенности—можетъ быть потому, что кромѣ меня никто имъ не интересуется! Положительные люди ликуютъ и кичатся, не встрѣчая ни откуда ни отпора, ни запроса, ни шутки; все преклоняется передъ положительнымъ человѣкомъ и даетъ ему дорогу не безъ подобострастія. Даже самые дэнди и фаты, на которыхъ я нападалъ недавно, трепещутъ положительнаго человѣка и серьезно кланяются положительному человѣку! Онъ всюду идетъ смѣло, на всѣхъ смотритъ свысока, знаетъ, что ему всѣ удивляются и что всѣ пишутъ съ него портреты. Талантливый авторъ «Обыкновенной исторіи» пытался-было позвать на судъ положительнаго человѣка, олицетворилъ его въ лицѣ своего Петра Ивановича, и что же? кончилъ тѣмъ, что самъ преклонился передъ своимъ созданіемъ, и мало того, принесъ ему въ жертву своего молодого героя! И всѣ нашли автора правымъ, и всѣ пустились гладить по головкѣ его Петра Ивановича, признавая въ немъ идеалъ положительныхъ людей, чадо нашего столѣтія, вѣрнаго собрата образованному читателю. Племяннику Петра Ивановича досталась одна насмѣшка: дядя получилъ лавровые вѣнки, племянника отдули лавровымъ прутомъ! Одинъ я, Петербургскій Туристъ, отказалъ въ своей хвалѣ Петру Ивановичу и вполнѣ перешелъ на сторону Адуева. Я сознавалъ правоту и разумность юноши; я видѣлъ ясно, что посреди жизнен-

ной комедіи не Петръ Ивановичъ, но его вѣтряный племянникъ оказывался мудрецомъ, счастливцемъ, побѣдителемъ,—произнесемъ слово: положительнымъ человѣкомъ. Такъ, господинъ авторъ «Обыкновенной Исторіи», вашъ юный герой есть истинно-положительный человѣкъ, ибо онъ жилъ, страдалъ, наслаждался, запасался воспоминаніями, любилъ и плакалъ, провелъ свою молодость не по пустому, въ то время, какъ вашъ ложно-положительный, Петръ Ивановичъ, прозябалъ на бѣломъ свѣтѣ, зѣвалъ, скучалъ, убивалъ свое сердце и умъ на пріобрѣтеніе капитала, имѣющаго достаться, послѣ его смерти, молодому Адуеву, и хорошо еще, если Адуеву, а не троюродному племяннику нетрезваго поведенія! Къ чему же привели Петра Ивановича его положительность, его знаніе коммерческихъ дѣлъ? Къ чему привели его связи, шатанье по переднимъ? Надъ его прахомъ прольетъ слезу одинъ лишь человѣкъ—тотъ же молодой племянникъ, наслѣдникъ дядюшкиныхъ имуществъ и бывшій страдалецъ ферулы положительнаго человѣка! Кто же изъ двухъ выигралъ партію? Кто прожилъ жизнь не напрасно? Кто, слѣдовательно, стóитъ имени положительнаго человѣка!»

«Петербургскій Туристъ» увѣряетъ, будто онъ съ юности интересовался положительнымъ человѣкомъ и рядомъ опытовъ пришелъ къ заключенію, что нѣтъ на свѣтѣ ничего нелѣпѣе, безумнѣе положительнаго человѣка. Петръ Ивановичъ вѣчно скученъ. Отчего? Онъ слишкомъ положительный человѣкъ, чтобы смѣяться. Петръ Ивановичъ ничего не читаетъ, кромѣ торговыхъ объявленій, добровольно лишаетъ себя одного изъ высокихъ наслажденій жизни. Отчего? Онъ слишкомъ положительный человѣкъ, чтобы тратить время на пустяки. Петръ Ивановичъ, имѣя собственное состояніе, женился изъ разсчета на вдовѣ, «отъ вида которой становится за человѣка страшно». Зачѣмъ? Онъ слишкомъ положителенъ, чтобы жениться по любви. Кому же хуже? «Послѣдній школьникъ, издерживающій свой послѣдній гривенникъ на покупку леденцовъ съ патокой, практичнѣе этого новобрачнаго: школьникъ любитъ леденцы съ патокой; онъ счастливъ въ тѣ минуты, когда карманъ его полонъ сказанными леденцами. И Петръ Ивановичъ зоветъ себя положительнымъ человѣкомъ! Да гдѣ же тутъ положительность? Не фантазёръ ли онъ, плачевнѣйшій изъ фантазёровъ? Принимать желтое, старое, кислое лицо за прелестное личико, развѣ это не манія, не безуміе? Искать чужого состоянія, имѣя свое—развѣ это не то же, что, кон-

чивъ обѣдъ у себя дома, идти, наперекоръ природѣ, на обѣдъ къ своему пріятелю?» и т. д.

По свойственной ему манерѣ, Дружининъ иллюстрируетъ свою мысль разсказомъ; онъ выводитъ на сцену двухъ братьевъ Пигусовыхъ; старшій былъ когда-то милымъ юношей, но въ Петербургѣ слишкомъ понабрался положительности и сталъ невыносимымъ для автора. У него есть младшій братъ, Сережа, котораго онъ точитъ за недостатокъ положительности. Этотъ Сережа — очевидная попытка очистить молодого Адуева отъ смѣшной наивности и ложной, фразистой сантиментальности, такъ мѣтко схваченныхъ реалистомъ Гончаровымъ. Въ настоящемъ разсказѣ старшій Пигусовъ ругаетъ младшаго за то, что онъ просидѣлъ лишній мѣсяцъ въ деревнѣ, внезапно увлекшись Шекспиромъ. Услыхавъ о преступленіи Сергѣя Пигусова, авторъ расцѣловалъ его и сказалъ:

«Милый, добрый, славный юноша, ты правъ, и болѣе, чѣмъ правъ; ты молодъ такъ, какъ всякій человѣкъ долженъ быть молодъ въ свое время. Проси Бога о томъ, чтобы онъ надолго сохранилъ въ тебѣ свѣжую юность духа; проси Его о томъ и, не дремля самъ, храни свою молодую воспріимчивость, какъ священный огонь, какъ лучшее благо всей жизни! Я тебя оправдываю вполнѣ. Ты упалъ во мнѣніи графа Антона Борисыча, ты пропустилъ аферы Лимонщикова, не видалъ выгодныхъ невѣстъ; но ты провелъ мѣсяцъ своей жизни въ компаніи лицъ, передъ которыми прахъ всѣ Антоны Борисовичи и богачи Лимонщиковы. Передъ тобой прошелъ плѣнительный образъ Корделіи; ты присутствовалъ при ссорѣ Кассія съ Брутомъ; ты рыдалъ, глядя, какъ мать Коріолана кидается на колѣни передъ непреклоннымъ сыномъ; ты пѣлъ серенаду подъ мраморнымъ балкономъ Джульеты; ты пировалъ въ таверне съ сэромъ Джономъ Фальстафомъ... Тебѣ скажутъ, что ты рыдалъ и хохоталъ надъ фантазіями — не вѣрь подобной рѣчи: такая фантазія выше дѣйствительности, особенно, если дѣйствительность является намъ въ видѣ Лимонщикова и дѣвицъ страшнаго вида, но съ богатымъ приданымъ. Антонъ Борисычъ есть фантазія, а Пукъ и Титанія — дѣйствительность. И, наконецъ, резюмируя весь споръ, можно сказать одно только: ты былъ счастливъ около 30 дней сряду. Пусть твои обвинители найдутъ въ своей жизни за послѣдній годъ тридцать счастливыхъ дней, и еще тридцать счастливыхъ дней сряду!»

Сережу Пигусова Дружининъ выводитъ еще въ двухъ фельето-

нахъ: онъ находитъ его безконечно счастливымъ поздней осенью на холодной дачѣ съ молодой женой безприданницей и еще позднѣе добываетъ для него хорошее, вполнѣ обезпечивающее его, мѣсто у честнаго, хоть и слабохарактернаго начальника.

Уже изъ приведенныхъ мѣстъ очевидно, съ какой оговоркой слѣдуетъ принимать положеніе о тожествѣ одного изъ главныхъ мотивовъ у Достоевскаго и Дружинина: Достоевскій клянетъ, рветъ на части положительнаго человѣка, изображаетъ его извергомъ, приносящимъ несчастіе и другимъ и себѣ, копается въ его демонской душѣ, какъ въ отвратительномъ, гніющемъ трупѣ, и только до извѣстной степени примиряется съ нимъ тогда, когда ставитъ его въ положеніе невмѣняемости; Дружининъ благодушно и поверхностно подсмѣивается надъ его тупостью и ограниченностью; міръ перваго—«стонъ погибающихъ за великое дѣло любви»; міръ второго — веселые, добродушные люди, не гонящіеся за приманками тщеславія, умѣющіе пользоваться всѣми благами цивилизованной жизни въ удовольствіе себѣ и другимъ. Дружининъ самъ прекрасно понимаетъ, что по крайней мѣрѣ здѣсь, въ фельетонахъ, сфера его—исключительно шутка (см. стр. 467); но шутка умнаго фельетониста не должна быть безцѣльна и эфемерна: у ней высокая задача «казнить людскіе пороки и располагать своихъ ближнихъ къ веселой философіи» (стр. 465).

Опредѣляя такъ свои заслуги, Чернокнижниковъ (фельетонная подпись Дружинина) беретъ на себя, съ одной стороны, слишкомъ много, съ другой—слишкомъ мало: пороковъ онъ не казнитъ и не касается, а преслѣдуетъ мелкіе недостатки петербургскаго и вообще русскаго человѣка (недостатки, отъ которыхъ, впрочемъ, общество страдаетъ болѣе, чѣмъ отъ пороковъ), но зато философія, къ которой онъ располагаетъ читателя, не только веселая, но, если можно такъ выразиться за непереводимостью нѣмецкаго gemüthlich, *задушевно-добрая*, размягчающая сердце.

Укажу нѣсколько примѣровъ. Какимъ диккенсовскимъ юморомъ и душевною теплотою дышетъ незатѣйливый по замыслу разсказъ о томъ, какъ нѣсколько добродушныхъ весельчаковъ, ненавистниковъ хорошаго тона, устроили на масляницѣ импровизированный пикникъ въ какомъ-то подгородномъ трактирѣ и мимоходомъ сдѣлали доброе дѣло: откупили у нѣмца, содержателя балагана, полу-

замерзшихъ танцовщицъ изъ подгородныхъ крестьянокъ и, угостивъ ихъ, отправили домой! [1]).

Какой пріятной неожиданностью поражаетъ примирительное заключеніе Музыкальнаго Фельетона № 2 (стр. 431), о томъ, какъ авторъ, принявъ хорошенькую горничную бѣдной концертантки за саму музыкантшу, прокричалъ о ней въ газетахъ и собралъ массу публики на концертъ къ ней! Какъ трудно удержаться отъ дрожанія голоса, читая въ слухъ разсказъ изъ пансіонскихъ годовъ автора (стр. 485), разсказъ, который въ Германіи или Англіи былъ бы десять разъ передѣланъ въ дѣтскую повѣсть! Какой задушевностью проникнутъ весь фельетонъ о гуляньи на вербахъ (стр. 203), въ которомъ антипатія къ людямъ моды и разсудка, и симпатія къ добродушнымъ, полнымъ чувства и поэзіи, чудакамъ въ родѣ Перефинуса Тика (иначе сказать — къ героямъ Достоевскаго), высказана съ замѣчательной тонкостью анализа и убѣдительностью! Да, наконецъ, все «Сантиментальное путешествіе Ивана Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ», заставлявшее до упаду хохотать нашихъ отцовъ и старшихъ братьевъ, есть лучшее доказательство способности Дружинина отыскивать добрыя человѣческія чувства, идеализмъ и высокую честность въ петербургскихъ гризеткахъ и фланерахъ и въ то же время умѣнья казнить все ложное, напускное, искусственно-вздутое

Чрезвычайно характерно и оригинально отношеніе Дружинина къ Петербургу. Извѣстно, что сѣверная Пальмира послѣ блаженной памяти классическихъ лириковъ рѣдко удостоивалась похвалъ со стороны нашихъ литераторовъ. Петербургъ и петербургскую жизнь беллетристы берутъ или, какъ необходимое зло, или поносятъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и городъ и его жителей. Дружининъ, конечно, не можетъ хвалить петербургскую природу и подчасъ подсмѣивается надъ ней очень остроумно (см. стр. 66 и др.); не можетъ возбуждать его симпатіи ни петербургскій бомондъ съ надутыми Антонъ Борисычами и ломаными Идами Богдановнами, ни большинство петербургскаго средняго общества, живущее напоказъ, ради журъфиксовъ и другихъ проявленій тщеславія (см. стр. 247). Но въ сущности Дружининъ страстно любитъ Петербургъ и

---

[1]) Стр. 222, «Масляничная исторія о моей поѣздкѣ въ Мадагаскаръ съ господами въ теплыхъ фуражкахъ».

искренно поэтизируетъ его въ такой степени, что у провинціала, который внимательно перечтетъ его фельетоны, непремѣнно явится на нѣкоторое время сильное желанія посмотрѣть мѣста подвиговъ Ивана Чернокнижникова и его остроумныхъ друзей. Петербургскій Туристъ, можно сказать, Колумбъ поэтическаго Петербурга; въ темныхъ углахъ Васильевскаго острова, въ забытыхъ палаццо за Нарвской заставой, въ грязныхъ подгородныхъ трактирахъ, на дачахъ Черной рѣчки и Крестовскаго острова Туристъ открылъ неизсякаемые родники юмора и безконечныя гирлянды поэтическихъ картинокъ и силуэтовъ. Съ замѣчательной дерзостью онъ объявляетъ устами одного товарища по профессіи, что петербургскія дачи и «Минеральныя воды» Излера для него милѣе всѣхъ деревенскихъ красотъ.

«Вы, люди, имѣющіе возможность жить на Черной рѣчкѣ, уѣзжаете въ провинцію!.. Неужели вы не увлекаетесь этими милыми мѣсяцами, когда весь Петербургъ живетъ на воздухѣ, рѣзвится и наслаждается, когда цвѣты пестрѣютъ повсюду, милыя дамы въ прюнелевыхъ ботинкахъ порхаютъ по аллеямъ, многолюдныя семейства пьютъ чай на балконахъ, дилижансы трубятъ, пароходы пыхтятъ, и зданіе Минеральныхъ водъ потрясается отъ общихъ ликованій? Если вы не любите Петербурга въ это время, то вы изверги! Что проку, что мы сидимъ здѣсь посреди горъ и озеръ, въ красивомъ мѣстоположеніи, возлѣ лѣсу и пустого саду, похожаго на лѣсъ? Кто сыграетъ намъ польку, кто пропоетъ намъ хоромъ «изъ подъ камешка»? Какая прюнелевая ботинка мелькнетъ по дорожкѣ? Деревня — дрянь, и я отдаю всевозможныя красоты природы за раскрашенный кактусъ изъ холстины, одинъ изъ тѣхъ кактусовъ, какіе бывали у Излера во время «настоящихъ индѣйскихъ ночей». Я былъ молодъ, сидя подъ этимъ кактусомъ, и много драмъ разыграно было подъ кактусомъ изъ крашенной холстины! На что мнѣ ваши жасминные кусты и бѣлыя розы? Они не дадутъ мнѣ юности, не перенесутъ на Минеральныя воды, не замѣнятъ мнѣ холстиннаго кактуса!» (287)... «И я былъ въ Аркадіи, прибавляетъ авторъ: и у меня былъ свой крашенный кактусъ изъ холстины»!

Способность отыскивать высшую духовную красоту въ некрасивомъ есть характерная черта всѣхъ лучшихъ представителей поэзіи нашего вѣка: Диккенса, В. Гюго и Достоевскаго.

Бывшій пажъ и гвардеецъ, самъ, по словамъ Лонгинова, одѣтый какъ дэнди и отличавшійся изяществомъ манеръ, Дружининъ ненавидитъ хорошій тонъ, если онъ проявляется не въ деликатности по отношенію ко всѣмъ и каждому, не въ высшей культурѣ, а въ погонѣ за модою, въ нелѣпомъ обезьянничаньѣ передъ Западомъ, въ презрѣніи ко всему родному, начиная съ языка, и въ особенности въ страхѣ уронить себя передъ безсмысленнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Онъ преслѣдуетъ этотъ хорошій тонъ чуть не на всѣхъ 750 страницахъ своихъ фельетоновъ. Нѣтъ возможности удержаться отъ смѣха, читая, какъ Чернокнижниковъ и его пріятели, нарядившись въ теплыя фуражки и подпоясавши кушаками скверныя шубы, ловили своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ и позорили ихъ своимъ сообществомъ. Всякая нелѣпая мода, отъ невинной потишоманіи (поддѣлки фарфора) до спиритизма включительно, подвергались его невинной по виду, но въ сущности очень ядовитой насмѣшкѣ. Фельетонъ о спиритизмѣ, въ которомъ онъ пользуется старымъ, но всегда дѣйствительнымъ орудіемъ доведенія до абсурда, можно было перепечатать съ огромнымъ успѣхомъ 10 лѣтъ назадъ и, можетъ быть, окажется полезнымъ перепечатать еще черезъ 5 или 10 лѣтъ. Доброе сердце его оказывается и въ этихъ, по преимуществу злобныхъ, фельетонахъ: жестоко казня моду, онъ, если можетъ, щадитъ людей, хотя эти люди—плоды его же фантазіи. Разсказавъ въ одномъ изъ первыхъ фельетоновъ за 1855 годъ о своемъ зазнавшемся пріятелѣ, который, выйдя въ люди, сталъ подбирать въ своей вазѣ аристократическія карточки и былъ за то казненъ Чернокнижниковымъ и его друзьями (они на большомъ балу подмѣнили всѣ эти карточки архиплебейскими), онъ заставляетъ новоиспеченнаго аристократа повиниться и извлечь полезный урокъ изъ посрамленія. Наивный, но симпатичный пріемъ.

Зато, если Дружининъ создаетъ типъ нераскаяннаго жреца хорошаго тона и аристократическаго чванства, онъ преслѣдуетъ его неустанно и безъ жалости. Такимъ типичнымъ лицомъ является у него графъ Антонъ Борисовичъ. Съ нимъ онъ окончательно сводитъ свои счеты за-границею (Русскіе за границею: эпизодъ третій: «Туристъ величавый»), гдѣ графъ, невѣжливо отказавшій его спутнику въ дозволеніи закурить папиросу, принужденъ былъ съ своими величественными дамами бѣжать изъ поѣзда, такъ какъ невинная фраза спутника Туриста, что графъ «высо-

кая обоего пола особа» дала поводъ сидѣвшему тутъ же нѣмцу составить самое странное понятіе о русскомъ вельможѣ и сдѣлала его предметомъ нелестнаго любопытства всего поѣзда.

Два слова по поводу манеры Дружинина обрисовывать типы. Во всѣхъ его фельетонахъ, написанныхъ не для одного, а для многихъ журналовъ, дѣйствуютъ постоянно одни и тѣ же лица, только въ разныхъ положеніяхъ: иныя изъ нихъ вводятся постепенно съ характеристиками; другія становятся понятными и характерными послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ и явленій; манера, какъ извѣстно, старая, практиковавшаяся еще въ первыхъ англійскихъ журналахъ, практикуемая и до сихъ поръ съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ юмористами всѣхъ странъ. Но немного юмористовъ, у которыхъ эти постоянные персонажи одѣвались бы въ такой степени плотію и кровью. Здѣсь я не намѣренъ говорить о Дружининѣ, какъ романистѣ; замѣчу только, что если бы онъ не написалъ ни одной повѣсти, по типамъ его фельетоновъ въ немъ признали бы значительный художественный талантъ и, можетъ быть, признали бы охотнѣй, чѣмъ признаютъ теперь.

Дружининъ, какъ было сказано выше,—западникъ; до-петровскую Русь, очевидно, онъ не одобряетъ; онъ не восторгается русской самобытностью и русскимъ духомъ и убѣжденъ, повидимому, что Россія должна пройдти всѣ тѣ же самыя ступени развитія, какія прошла западная Европа. Въ разсказѣ «Туристъ веселый» (стр. 547) онъ открыто заявляетъ, что въ каждомъ австрійскомъ бюргерѣ больше истиннаго благородства, деликатности и, такъ сказать, внутренней культуры, чѣмъ въ русскомъ архикультурномъ дворянинѣ; въ этомъ частномъ случаѣ онъ несомнѣнно увлекается и преувеличиваетъ. Но въ общемъ — онъ разумно умѣренный западникъ. Онъ не одинъ разъ бывалъ за-границей, но вовсе не считаетъ нужнымъ надоѣдать своимъ петербургскимъ читателямъ описаніемъ прелестей западной цивилизаціи; невѣжество и самохвальство нашихъ самозванныхъ учителей французскаго происхожденія онъ хлещетъ весьма чувствительно; тупость и ограниченность нѣмцевъ осмѣиваетъ очень остроумно, и всю свою политику по отношенію къ западнымъ сосѣдямъ резюмируетъ такимъ образомъ (стр. 568):

«Совершенная ваша правда, либеръ герръ, сказалъ я, хлопнувъ пруссака по животу: руссъ вовсе не желаетъ умерщвлять прусса,

и пруссъ, по всей вѣроятности, менѣе думаетъ о руссѣ, нежели о жителяхъ Нука-Гивы. Злиться намъ другъ на друга не за что, да и цѣловаться—некогда: у всякаго своихъ собственныхъ дѣлъ по горло. Если наши отцы когда-то вмѣстѣ били Наполеона, зато ихъ отцы и дѣды при Фридрихѣ расточали другъ другу самые яростные подзатыльники. А главное, все это было очень давно, и никто этого не помнитъ».

Необходимость пройти ступени западной цивилизаціи вовсе не обязываетъ насъ безумно скакать черезъ эти ступени и сломить себѣ шею, вовсе не заставляетъ насъ отказаться отъ своей національности и старины, по совершенно справедливому разсужденію Дружинина. Напротивъ, русскій ученый, русскій художникъ, русскій литераторъ у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ должны прежде всего научиться уваженію къ своему родному.

«Если мы съ вами родились тамъ, гдѣ растутъ березы, значитъ намъ слѣдуетъ и жить, и трудиться, и мыслить, и наслаждаться въ своемъ собственномъ краѣ, сидѣть подъ березами, рисовать березы и не скорбѣть объ апельсинахъ. Пока вы и вамъ подобные люди будете рваться въ даль и кисло глядѣть вокругъ себя—не выйдетъ изъ васъ ничего путнаго. Исторія всей науки и всего художества покажетъ вамъ, что человѣкъ долженъ и обязанъ дѣйствовать и жить тамъ, гдѣ судьба его поставила. Величайшіе художники Италіи по полустолѣтію не покидали своего родного города, часто маленькаго и вовсе некрасиваго, изучали его, любили его, брали себѣ натурщиковъ изъ ближайшей улицы къ своему дому, не мечтая ни объ Испаніи, ни о Франціи. Взгляните, что сдѣлали фламандцы изъ своей родины, изъ ровной, болотистой, полупотопленной поляны! Станете ли вы отрицать поэзію Голландіи, ея пейзажей, ея деревень, съ которыми вы знакомы, какъ съ своей квартирой, ея кермессовъ, ея комнатныхъ сценъ, всего того, что заставили любить васъ Теньеръ и Рембрантъ, и Брегаль, и Рюисдаль, и Мецу и Доу?» (стр. 116).

Дружининъ—горячій западникъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ не откажетъ западничеству въ огромномъ значеніи ни одинъ разумный славянофилъ: онъ настойчиво популяризируетъ западную литературу и искусство. Современные ему читатели журналовъ были въ общемъ развитѣе, образованнѣе нынѣшнихъ—это грустный, но неоспоримый фактъ—(да и грустенъ онъ не Богъ знаетъ какъ: въ

силу общаго закона, культура, выигрывая въ количествѣ, непремѣнно на первое время теряетъ въ качествѣ и глубинѣ); но и значительная часть читателей того времени вовсе не были такъ близко знакомы съ именами Клодъ-Лорреней, Дольчи, Драйденовъ и проч. Дружининъ настойчиво требуетъ отъ нихъ такого знакомства. Представимъ себѣ положеніе такого читателя, который когда-то кончилъ курсъ хоть въ дворянскомъ пансіонѣ, откуда вынесъ нѣсколько сотъ именъ и фактовъ, въ молодости служилъ и веселился, а вотъ теперь (въ 50-хъ годахъ) пріобрѣлъ досугъ и наклонность къ чтенію. Сыплятся на него эти имена дождемъ, и откуда же? Не изъ отдѣла: «Науки и искусства», отдѣла, который онъ предоставляетъ спеціалистамъ, а изъ фельетона, который пишется именно для большой публики, который читаютъ даже тѣ, у кого не хватитъ терпѣнія на большой романъ, изъ фельетона бойкаго, живого, остроумнаго. Надоѣстъ читателю дѣлать видъ понимающаго, и онъ нѣтъ, нѣтъ да и заглянетъ въ Эрмитажъ, или въ серьезную книжку; когда имена Гольдсмита и Рюисдаля примелькаются ему въ фельетонѣ, онъ заглянетъ и въ отдѣлъ критики, или въ отдѣлъ наукъ и искусствъ, увидавъ тамъ то же имя; да наконецъ и при условіи полной лѣни, Дружининъ чему-нибудь выучитъ, такъ какъ онъ, какъ высокодаровитый фельетонистъ, умѣетъ объяснять, не тратя на это лишнихъ строкъ и не впадая въ профессорскій тонъ; и когда читатель «Замѣтокъ Туриста» попадетъ за-границу, онъ будетъ ходить по музеямъ съ бо́льшей пользой и удовольствіемъ, чѣмъ его «Туристъ степнякъ».

Само собою разумѣется, что Дружининъ вовсе не имѣлъ ясно сознанной педагогической цѣли (въ такомъ случаѣ онъ ничему и не научилъ бы, такъ какъ его фельетоновъ читать не стали бы): онъ просто бесѣдовалъ съ публикой о томъ, что занимало его и образованнѣйшихъ людей того времени, и о чемъ въ то суровое время дозволено было бесѣдовать.

Дружинину въ фельетонахъ неудобно было развивать подробно и обстоятельно свои задушевные, литературные и художественные взгляды. Если онъ и посвящаетъ цѣлый фельетонъ искусству или литературѣ, то облекаетъ свои идеи въ форму разсказа или спора (см. напр., «Фельетонъ спеціальный или споры диллетантовъ о живописи старой и современной», стр. 275): такіе фельетоны пришлось бы комментировать обширными выписками изъ другихъ томовъ,

которыхъ въ этой статьѣ я не намѣренъ касаться. Современники и мы, потомки, должны быть благодарны ему и его собратьямъ за то, что въ то время, какъ

... отъ губы Анадырской
Вплоть до финскихъ скалъ,
Погрузясь въ сонъ исполинскій,
Русскій умъ молчалъ,

Дружининъ старался будить его, не позволялъ этому сну перейти въ мертвый сонъ, безъ сновидѣній, и даже для фельетоновъ умѣлъ находить живыя и развивающія темы, увертываясь отъ драконовской цензуры напряженіемъ всѣхъ своихъ умственныхъ силъ и энергіи.

Но вотъ наступила иная пора, лучше которой въ русской исторіи, можетъ быть, и не было. Все заговорило и задвигалось, переполнившись самыми пылкими юношескими надеждами; чѣмъ сильнѣй былъ предшествующій гнетъ, тѣмъ больше было теперь увлеченія и энтузіазма. 50-ти-лѣтніе люди становились пылкими студентами; люди среднихъ лѣтъ какъ бы вторично рождались на свѣтъ. Послѣ долговременнаго поста начался такой кутежъ русскаго ума, что у него до сихъ поръ съ похмѣлья голова болитъ. Дѣятелей на всѣ поприща потребовалось невѣроятное количество, и вчерашніе покорнѣйшіе слуги графа Мусина-Пушкина и Фрейганга стали вліятельными либеральными писателями.

Можно было ожидать, что Дружининъ, великій знатокъ европейской жизни вообще и англійской въ особенности, человѣкъ умный, бойко, какъ никто, владѣвшій перомъ, постарается вознаградить себя за долгую сдержку и выступитъ передовымъ борцомъ либеральной прессы, оставитъ вопросы литературные и художественные и устремится на внутреннюю политику. Если кто ожидалъ этого, тотъ жестоко ошибся. Дружининъ очень мало расширилъ темы своихъ серьезныхъ статей, и внутреннюю политику, судя по списку статей, приложенному ко 2-му тому его сочиненій, оставлялъ почти въ прежнемъ пренебреженіи. Первая причина этого—чисто субъективная: Дружининъ не по необходимости, а по страсти писалъ объ искусствѣ и литературѣ; еслибъ это было иначе, онъ не могъ бы писать такъ, какъ писалъ. Другая причина имѣетъ болѣе общій характеръ. Гейне, въ одномъ изъ своихъ писемъ въ 1848 году, плачется, что онъ не можетъ писать безъ цен-

зуры, что это слишкомъ необычно для него, что онъ привыкъ писать и думать только подцензурно. А его біографъ, Штродтманъ, совершенно основательно доказываетъ, что слишкомъ строгая цензура дѣлаетъ человѣческую мысль рабомъ-мошенникомъ, порождаетъ особый стиль и особую манеру выражаться, такъ, чтобы публика читала между строками, дѣлаетъ серьезныхъ мыслителей гаэрами и плутами, и когда узда снимается, многіе, дѣйствительно, не могутъ попасть въ настоящій тонъ. Въ значительной степени это примѣнимо и къ Дружинину; гаэромъ онъ никогда не былъ, но долгое давленіе заставило его какъ бы потерять вкусъ къ извѣстному роду умственной дѣятельности.

Онъ не сдѣлался, подобно нѣкоторымъ, а въ послѣдствіи, увы! очень многимъ, бывшимъ либераламъ и страдальцамъ за правду, врагомъ новыхъ порядковъ, но и не спѣшилъ воспользоваться вновь пріобрѣтеннымъ правомъ (признававшимся впрочемъ только tacite) говорить болѣе или менѣе откровенно о животрепещущихъ вопросахъ дня.

Тѣмъ нужнѣе отмѣтить въ его фельетонахъ, гдѣ не могъ же онъ совсѣмъ игнорировать окружающаго, нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ отражается новый порядокъ вещей.

Дружининъ-фельетонистъ не ушелъ, конечно, отъ тогдашняго повѣтрія (принесшаго, несмотря на нѣкоторыя смѣшныя крайности, огромную пользу)—обличать. По особенностямъ своего темперамента и по свойству своего рода, онъ, обличая, не металъ громовъ, а представлялъ обличаемое въ смѣшномъ видѣ и избралъ для обличенія не столько вредное, сколько глупое, да и вредное онъ выставлялъ главнымъ образомъ съ его нелѣпой стороны. По тѣмъ же причинамъ онъ заканчиваетъ свои обличенія, облеченные въ форму разсказа, отрадно для читателя. Изобразитъ онъ, напр., мошенническую акціонерную компанію, гдѣ директора запасаются огромными окладами съ намѣреніемъ выпустить въ скоромъ времени своихъ акціонеровъ въ трубу, и создаетъ пріятеля, который своей настойчивостью заставитъ директоровъ бѣжать изъ Петербурга или заболѣть съ досады. Изобразитъ прожившагося фата, который протекціей разныхъ княгинь и графинь отбиваетъ мѣсто у труженика, и въ концѣ заставитъ генерала раскаяться и пренебречь ходатайствомъ знатныхъ барынь. Изобразитъ онъ юбилей мошенника эконома Гальгенкнехта, и пошлетъ туда своихъ буйныхъ пріятелей, кото-

рые осрамятъ юбиляра и уложатъ его въ обморокъ. Единственное исключеніе составляетъ фельетонъ объ институтской пищѣ (стр. 602)—очевидно, доброе сердце автора очень страдало за бѣдныхъ голодныхъ дѣвочекъ,—который оканчивается почти трагически.

«Въ знаменитомъ пансіонѣ я болѣе не былъ. Но я еще доберусь до него! Иногда по ночамъ мнѣ грезится бѣдная, голодная, черноглазая пиголица съ сырой картофелиной въ карманѣ. Бѣдняжка глядитъ на меня унылымъ взглядомъ, какъ бы прося помощи. Я еще за нее заступлюсь и выручу ее, выручу, выручу, клянусь въ томъ славою и именемъ петербургскаго туриста».

Выражаться Дружининъ сталъ, конечно, смѣлѣе, и мѣстами его остроуміе пріобрѣтаетъ новый, политическій характеръ. Вотъ какъ французъ, долго жившій въ Россіи, передаетъ судьбы русскаго народа (стр. 578): «Перенесемся въ Россію прошлаго столѣтія. Во второй половинѣ сказаннаго вѣка царствовалъ въ Россіи кцаръ Петръ Великій; супруга его, которую Вольтеръ называлъ Catherine la grande, состояла въ перепискѣ съ фернейскимъ философомъ; по душѣ и остроумію то была истинная парижанка—другихъ похвалъ ей не нужно, это одно слово лучше всякой лести. До кцара Петра русская земля находилась въ пучинѣ варварства и безобразія: одеждой бояръ были звѣриныя кожи, сынъ могъ жениться на матери, народъ питался мохомъ и дикими каштанами, дома строились изо льда. Кцаръ Пьерръ и супруга его поняли, что дѣло такъ оставаться не можетъ. Чтобы озарить свою родину блескомъ просвѣщенія, они обратились къ иностранцамъ; но первыя попытки были неудачны. Сначала прибыла партія грубыхъ англичанъ, но вмѣсто того, чтобы просвѣщать край, напилась до безчувствія, завела драки и была изгнана. За ней послѣдовали нѣмцы. Нѣмцы не напились, не набуянили, — но они заняли академію, выжили изъ нея русскихъ литераторовъ, выписали изъ дома своихъ племянниковъ, надавали имъ казенныхъ квартиръ, жалованья, а затѣмъ стали совѣщаться о томъ, откуда происходитъ русское нарѣчіе. Такъ ихъ и оставили; говорятъ, что они и до сей поры сидятъ и разсуждаютъ. Кцаръ Пьерръ уже началъ приходить въ отчаяніе, но Catherine la grande, не унывая, обратилась къ своему другу Вольтеру. Съ его помощью, по его указанію, небольшая колонія французовъ переселилась въ Россію, провела тамъ нѣсколько

лѣтъ, и вы могли видѣть за короткое время вашей жизни въ Петербургѣ, что́ они сдѣлали изъ Россіи».

Изрѣдка и сдержанный Дружининъ позволяетъ себѣ ликовать по поводу того, что прошли тѣ времена, когда эпитетомъ «неблагонадежный» губили человѣка на вѣки, и что теперь «лучше стали цѣнить людей, въ старые годы считавшихся безпокойными» (стр. 151).

Крестьянская реформа радуетъ его не только за крестьянъ, но и за помѣщиковъ, у которыхъ найдется капля энергіи. У кого ея не окажется, тѣ должны погибнуть. «Пока еще были капиталы на разные промышленные и тому подобные обороты, еще было возможно танцовать на паутинѣ или стоять кверху ногами на булавочной головкѣ, но теперь не то. Теперь, мой счастливый читатель, пришла горькая пора для всѣхъ этихъ акробатовъ, еще такъ недавно съ [презрѣніемъ ухмылявшихся въ ту минуту, когда мы съ тобою, имѣя на головахъ теплыя фуражки, а на ногахъ высокія калоши, отраду и экипажъ пѣшеходовъ, попадались на встрѣчу ихъ горделивому оку. Теперь подобнымъ господамъ пришла пора думать и работать. И того, кто изъ нихъ не возьмется за умъ, надобно пожалѣть, но никогда не оскорблять—фуй! По крайней мѣрѣ за себя и за своихъ друзей я ручаюсь по этой части» (стр. 616).

А въ то время кидать камнями въ этихъ несчастныхъ было много любителей, и гуманность, «джентельменство», какъ тогда выражались, Дружинина многимъ было не по сердцу.

Съ другой стороны и Дружининъ въ обличительной литературѣ видѣлъ не однѣ свѣтлыя стороны: очарованіе прошло слишкомъ скоро. «Пускай себѣ потѣшаются, гласитъ чиновникъ, оканчивая какое-нибудь обличительное повѣствованіе; пускай себѣ потѣшаются, басомъ гремитъ суровый помѣщикъ, собираясь на травлю и, въ ожиданіи лошади, заглянувшій въ неразрѣзанную книжку журнала. Кто виноватъ въ этомъ безнадежномъ, добра не обѣщающемъ «пускай себѣ потѣшаются»? Сами обличаемыя личности или, быть можетъ, обличители, съумѣвшіе потерять общее довѣріе черезъ свое непониманіе дѣлъ житейскихъ?» (стр. 677).

Это охлажденіе къ обличеніямъ и слишкомъ строгая воздержность отъ публицистики были, какъ мы говорили выше, первой и главной причиной равнодушія читающей публики къ извѣ-

стію о смерти Дружинина (19-го января 1864 г.) и скораго забвенія его заслугъ.

Но теперь и 60-е года отошли въ область исторіи, и ихъ публицистика можетъ подвергнуться почти объективной критикѣ; что для нея было злобой дня, для насъ иногда неважно, и, наоборотъ: обстоятельства понуждаютъ признать значеніе того, что 60-мъ годамъ не внушало интереса.

Пренебреженный въ 60-хъ годахъ, талантливый литературный дѣятель, десять самыхъ тяжкихъ лѣтъ трудившійся для русской мысли и просвѣщенія, теперь можетъ и долженъ быть оцѣненъ по заслугамъ.

ДОСТОЕВСКІЙ И ПИСЕМСКІЙ

(ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ).

Русская литература во второй половинѣ XIX столѣтія не богата поэтическими талантами, но зато русскій романъ достигъ въ это время такого высокаго развитія, что весь цивилизованный міръ не только заинтересовался имъ, но и преклонился передъ нимъ. Это фактъ общеизвѣстный. Между дѣятелями этого романа Достоевскій и Писемскій занимаютъ очень видное мѣсто: они стоятъ почти рядомъ съ Тургеневымъ, Л. Толстымъ и Гончаровымъ; но послѣдніе пишутъ мало, когда и какъ хотятъ; а Достоевскій и Писемскій всю жизнь оставались литературными работниками, которые должны были думать не о потомствѣ, а объ современникахъ. Оба они—литераторы по призванію и по страсти; оба—люди съ образованіемъ выше средняго, но безъ особой глубины и послѣдовательности; оба—поклонники Пушкина и ученики Гоголя; оба выступаютъ въ передовыхъ изданіяхъ, оба считаются либеральными писателями и оба терпятъ отъ преслѣдованій цензуры; въ началѣ 60-хъ годовъ оба они оказываются въ лагерѣ консервативномъ и остаются въ немъ до конца своей дѣятельности. Но какъ различенъ этотъ конецъ и какъ различно отношеніе къ нимъ ближайшаго потомства! Смерть Достоевскаго была бѣдствіемъ, которое оплакивала вся Россія; смерть Писемскаго (они оба умерли въ январѣ 1881 г.) едва была замѣчена. Достоевскій превознесенъ и поставленъ рядомъ съ Тургеневымъ и Л. Толстымъ; Писемскій забитъ, униженъ и почти забытъ. Въ то время, какъ незнаніе крупныхъ произведеній Достоев-

---

[1]) Публичныя лекціи, читанныя въ Одессѣ 14 и 17 марта 1893 г.

скаго, которыя читаются тяжело, съ напряженіемъ, почти съ болью, считаются позоромъ для образованнаго человѣка, усердное чтеніе Писемскаго, котораго въ концѣ 50-хъ годовъ признавали несравненно болѣе талантливымъ, для молодого человѣка чуть не свидѣтельство безнравственности. И такъ смотрятъ на нихъ не только у насъ, но и заграницей, гдѣ о міровоззрѣніи Достоевскаго пишутъ цѣлыя книги, а имя Писемскаго извѣстно только немногимъ спеціалистамъ, да и то больше по статьѣ Юліана Шмидта о романѣ «Тысяча душъ».

Разъясненіе причинъ этого явленія, которое, конечно, не можетъ быть случайнымъ, должно дать матеріалъ для разрѣшенія общаго вопроса о томъ, какія особенности писателя, кромѣ таланта, дѣлаютъ его симпатичнымъ для младшихъ современниковъ и вліятельнымъ для ближайшаго потомства.

Я не буду подробно излагать біографій Писемскаго и Достоевскаго, но не могу не упомянуть о тѣхъ условіяхъ и о тѣхъ литературныхъ вліяніяхъ, подъ которыми слагался ихъ характеръ и развивались ихъ взгляды и вкусы.

Начинаю съ Достоевскаго, который раньше выступилъ на литературное поприще.

Ѳед. Мих. Достоевскій род. 30 октября 1821 г. въ Москвѣ, въ зданіи марьинской больницы, гдѣ отецъ его служилъ штабъ-лѣкаремъ; мать его, урожденная Нечаева, происходила изъ московскаго купечества, изъ семьи, очевидно, интеллигентной, судя по ея связямъ съ средой профессорской. Семья Достоевскаго была многочисленная (всѣхъ дѣтей было семеро; Ѳедоръ былъ вторымъ сыномъ, а старшимъ Михаилъ, тоже не безъизвѣстный литераторъ), а средства не большія. Жизнь въ семьѣ шла необыкновенно правильно, точно заведенные часы; удовольствія и гости составляли большую рѣдкость. Въ маленькой казенной квартирѣ дѣти проводили большую часть времени на глазахъ у родителей и рано начали учиться, конечно, съ русской азбуки, которой обучала ихъ сама мать. Затѣмъ къ старшимъ мальчикамъ ходили два учителя: «отецъ дьяконъ», для преподаванія закона божія, и М-г Сушардъ (впослѣдствіи Драшусовъ)—для французскаго языка. Отецъ, придававшій большое значеніе образованію, пользовался всякимъ случаемъ, даже лѣтней прогулкой, чтобы сообщать дѣтямъ полезныя свѣдѣнія; но какъ воспитатель, онъ былъ слишкомъ суровъ и тре-

бователенъ; хотя онъ никогда не билъ дѣтей, но сыновья боялись его какъ огня, не смѣли при немъ рѣзвиться и шалить; а когда онъ началъ учить ихъ латинской грамматикѣ, они во время длиннаго урока стояли передъ нимъ на вытяжку. Онъ часто повторялъ дѣтямъ, что онъ человѣкъ бѣдный, что дѣти сами себѣ должны пробивать дорогу, что они послѣ смерти его останутся нищими и т. д. Угрюмость отца и подобныя рѣчи не могли не придавать семейной жизни Достоевскихъ оттѣнокъ нѣкоторой мрачности и неприглядности.

Ѳедоръ Достоевскій былъ ребенокъ очень живой, впечатлительный и способный, первый выдумщикъ въ дѣтскихъ играхъ и шалостяхъ. Онъ, конечно, и учился хорошо и рано началъ читать, тѣмъ болѣе, что въ семействѣ были въ обычаѣ вечернія чтенія. Ему было около 11 лѣтъ, когда его родители пріобрѣли въ Тульской губ. небольшое имѣніе, гдѣ стали проводить лѣтніе мѣсяцы. До тѣхъ поръ Ѳедоръ, какъ и братья его, зналъ изъ «природы» только больничный садъ да Марьину рощу, но о «народѣ» они уже имѣли нѣкоторое понятіе черезъ няню, а особенно черезъ деревенскихъ кормилицъ, которыя разсказывали имъ страшныя сказки. Домъ въ деревнѣ былъ маленькій, и мальчики все время проводили на воздухѣ и въ полѣ, часто среди крестьянъ. Это было лучшее время для Ѳедора Достоевскаго, но оно пролетало слишкомъ скоро. Зимой въ этомъ же году началось болѣе серьозное ученье. Михаилъ и Ѳедоръ сперва поступаютъ въ небольшой подготовительный пансіончикъ, а въ 1834 г.—въ извѣстный въ то время въ Москвѣ пансіонъ Чермака, гдѣ преподавали и нѣкоторые профессора университета. Достоевскіе были тамъ полными пансіонерами и только по субботамъ и на праздники пріѣзжали домой. Въ пансіонѣ братья особенно увлекались уроками преподавателя словесности, а дома—вслѣдствіе «мнительности родителей, особенно отца» [1]) они почти не имѣли знакомыхъ и никогда не выходили одни—они все время отдавали чтенію. Ѳ. Достоевскій перечиталъ не одинъ разъ исторію Карамзина, его повѣсти, Жуковскаго, рядъ романовъ В. Скотта, Загоскина, Лажечникова, Нарѣжнаго, Вельтмана, а Пушкина, что можно было достать, оба брата знали почти все наизусть.

Ѳ. Достоевскому шелъ 16-й годъ, когда онъ лишился матери;

---

[1]) Біографія и пр., стр. 25.

чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ его, только что оправившагося отъ серьозной горловой болѣзни, и его брата Михаила отецъ отвезъ въ Петербургъ, для отдачи въ казенное учебное заведеніе. Позанявшись нѣсколько мѣсяцевъ въ подготовительномъ пансіонѣ совершенно особаго петербургскаго типа, гдѣ за довольно дорогую плату готовятъ въ точности по программѣ опредѣленнаго высшаго учебнаго заведенія и въ виду конкурса напрягаютъ до нельзя всѣ способности учащагося, О. Достоевскій въ началѣ 1838 г. былъ принятъ въ инженерное училище, а братъ его, забракованный по слабости здоровья, поѣхалъ доучиваться и служить въ Ревель.

Инженерное училище считалось одной изъ лучшихъ высшихъ школъ того времени: отсутствіе тѣлесныхъ наказаній, сравнительная свобода учащихся, близость къ нимъ начальства, духъ товарищества, не исключавшій впрочемъ безусловной покорности младшихъ передъ старшими, серьозное преподаваніе математики, внесеніе нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ въ курсъ низшихъ классовъ, все это ставило его высоко среди другихъ военно-учебныхъ заведеній, и масса лицъ, окончившихъ въ немъ курсъ, вспоминаютъ о школьныхъ годахъ своихъ съ самымъ теплымъ чувствомъ. Но для Достоевскаго трудно было и выдумать условія антипатичнѣй тѣхъ, въ какія онъ былъ тамъ поставленъ: нервный, впечатлительный, болѣзненный юноша, онъ не могъ примириться съ военной дисциплиной и математикой; для чертежей, которыми заваливали учениковъ, у него не хватало терпѣнія; къ математикѣ сердце его совсѣмъ не лежало: у него уже совершенно ясно опредѣлились чисто литературныя стремленія. Мнительность отца совсѣмъ не пріучила его къ товариществу, а съ братомъ онъ долженъ былъ разстаться; полуофицерское положеніе будущихъ инженеровъ и состоятельность большинства ихъ, при отсутствіи денегъ, доставляли самолюбивому Достоевскому только унизительное страданіе.

Результаты понятны: 17-лѣтній юноша держится особнякомъ отъ класса, пріобрѣтаетъ репутацію нелюдима, чудака, всецѣло уходитъ въ себя; а всѣмъ извѣстно, каково живется такимъ пустынникамъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Еслибъ Достоевскій былъ послабѣй, его забили бы нравственно; но онъ уменъ и упоренъ; онъ страшно много работаетъ хоть и не надъ математикой, онъ просиживаетъ съ книжкою ночи на пролетъ въ учебное время

и съ нею же проводитъ всякую свободную минуту въ праздникъ и въ лагерѣ. Онъ скоро становится выше своихъ товарищей на три головы и руководитъ чтеніемъ и занятіями тѣхъ, кто хочетъ заняться литературой (напр. Григоровича) [1]). У него развивается болѣзненное и мучительное для него самого самолюбіе; природная впечатлительность, скрываемая отъ окружающихъ, доходитъ до крайней степени, и способность жить здоровой молодой жизнью падаетъ до минимума.

Вотъ въ какомъ видѣ вступаетъ Достоевскій въ жизнь, произведенный въ 1841 г. въ офицеры; но съ инженернымъ училищемъ и ненавистными ему инженерными науками онъ разстался только чрезъ 2 года, по окончаніи полнаго курса, да и то съ зачисленіемъ въ инженерную команду.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій слишкомъ на полтора года старше Достоевскаго; онъ родился 10 марта 1820 года въ деревнѣ отца (Раменье), въ Чухломскомъ уѣздѣ Костромской губ. Онъ происходилъ изъ стариннаго, но захудалаго и сильно обѣднѣвшаго дворянскаго рода; онъ считалъ между своими предками и посланниковъ, и святыхъ, а дѣдъ его, какъ самъ онъ говоритъ, ходилъ въ лаптяхъ и пахалъ землю. Его отецъ, едва выучившись грамотѣ, поступилъ въ полкъ солдатомъ 14 лѣтъ отъ роду. Прослуживъ чуть не 30 лѣтъ на Кавказѣ, онъ въ чинѣ маіора вздумалъ побывать на родинѣ и женился тамъ на довольно состоятельной дворянкѣ Шиповой. Это былъ военный служака, «человѣкъ поля, боя и нужды», суровый и требовательный къ себѣ и къ подчиненнымъ. Мать романиста была женщина очень нервная, тонко-умная и, несмотря на недостатокъ образованія, очень общительная. Черезъ нее Писемскій былъ въ родствѣ съ извѣстнымъ масономъ александровскаго времени Ю. Бартеневымъ [2]) и съ другими высокообразованными людьми. Когда Писемскій сталъ подростать, у него не было ни братьевъ, ни сестеръ, и его наперерывъ баловали и родители, и двѣ тетки, старыя дѣвицы Шиповы. Учиться ребенка не нудили, и самъ онъ къ наукѣ не чувствовалъ влеченія; никакимъ иностраннымъ языкамъ, кромѣ латинскаго, онъ не обучался; зато перечиталъ массу романовъ безъ всякаго разбора и порядка. 14

[1]) См. «Воспоминанія Григоровича». Русская Мысль 1892, № 12.

[2]) Очевидно его изображаетъ онъ въ самомъ талантливомъ и умномъ лицѣ Взболомученнаго Моря—Ливановѣ.

лѣтъ онъ поступилъ во 2-й классъ костромской гимназіи и оказался ученикомъ понятливымъ и сравнительно прилежнымъ. Въ гимназіи начинаютъ раскрываться въ немъ художественныя наклонности, сперва къ театру, а потомъ и къ литературѣ; въ старшихъ классахъ учитель считаетъ его прекраснымъ стилистомъ и, будучи въ 7-мъ классѣ, Писемскій уже посылаетъ свою повѣсть, «Чугунное кольцо» въ журналъ (впрочемъ безъ всякаго результата). 20 лѣтъ онъ, насилу уговоривъ отца, поступаетъ въ московскій университетъ на физико-математическій факультетъ.

Итакъ, дѣтство и отрочество двухъ романистовъ проходятъ въ условіяхъ нѣсколько сходныхъ, но далеко не тождественныхъ; ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ ни бѣдности, ни большого богатства; и тамъ, и здѣсь—любящіе родители; но здѣсь—деревенское приволье, баловство отца, матери и тетокъ, потомъ свой губернскій городъ и необременительныя занятія въ гимназіи; тамъ—маленькая казенная квартира и тощій больничный садъ, потомъ пансіонъ и, наконецъ, закрытое военно-учебное заведеніе въ Петербургѣ. Неученый отецъ Писемскаго думаетъ прежде всего о томъ, чтобы мальчикъ не заучился, только 14 лѣтъ отдаетъ его во 2-й классъ и по окончаніи курса въ гимназіи тянетъ его домой; ученый, требовательный и мнительный отецъ Достоевскаго стремится набить головы сыновей науками, языками и литературой и развиваетъ въ нихъ нервную напряженность и самолюбіе, а потомъ почти дѣтьми отправляетъ ихъ въ Петербургъ дѣлать карьеру.

Понятно, что Писемскій, привыкшій заниматься, не затрудняя себя, никогда не будетъ надрывать силъ своихъ, но зато никогда не выработаетъ въ себѣ той нервной способности провидѣть глубину явленій жизни и человѣческаго духа, которая одна только и дѣлаетъ великаго поэта. Съ другой стороны, болѣзненно-впечатлительному, вѣчно одинокому, Достоевскому трудно будетъ отрѣшиться отъ самого себя и, даже при огромномъ творческомъ талантѣ, отнестись объективно и спокойно къ окружающимъ его людямъ и ихъ дѣйствіямъ. Одинъ лучше будетъ понимать здороваго, нормальнаго и притомъ, такъ сказать, внѣшняго человѣка, живущаго по разсудку, другой будетъ анализировать человѣка внутренняго, полнаго противорѣчій и болѣзненныхъ колебаній настроенія и чувства.

Конечно, въ послѣдующей жизни двухъ писателей могли явиться

условія, способныя видоизмѣнить эти, такъ сказать, предварительныя данныя: Писемскій могъ бы въ университетѣ увлечься наукой и зарыться въ книги и мысли; Достоевскій, по выходѣ въ офицеры, могъ попасть въ кружокъ умныхъ и добрыхъ, въ то же время простыхъ и веселыхъ пріятелей и увлечься ихъ здоровой жизнью. Но ничего подобнаго не случилось.

Писемскій поступаетъ не на филологическій факультетъ, какъ можно бы ожидать по его литературнымъ наклонностямъ, а на физико-математическій; занимается онъ не усиленно, живетъ въ свое студенческое удовольствіе и получаетъ среди товарищей извѣстность, какъ хорошій актеръ и чтецъ Гоголя. Окончивъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, онъ уѣзжаетъ въ родную Костромскую губернію на службу.

Въ 1841 г. Достоевскій произведенъ въ офицеры, но остается въ училищѣ для дальнѣйшаго прохожденія наукъ. Онъ и въ офицерскихъ классахъ училища и потомъ на службѣ въ канцеляріи продолжаетъ свою отшельническую жизнь. Живетъ онъ безрасчетнымъ «чудакомъ» и быстро попадаетъ въ денежныя затрудненія. Его антипатія къ «чертежничеству» только усиливается отъ времени. Исполняя съ «отвращеніемъ» обязательную работу, онъ страшно много работаетъ для себя, для своего литературнаго образованія, можно сказать, изводитъ себя надъ чтеніемъ и надъ попытками творчества.

Самый важный пунктъ въ біографіи писателя и неизбѣжный вопросъ въ его историко-литературной оцѣнкѣ—это его юношеское чтеніе: что читалъ онъ и какъ читалъ?

Писемскій говоритъ о себѣ, что онъ въ университетѣ «познакомился съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гёте, Корнелемъ, Расиномъ, Руссо, Вольтеромъ, Гюго и Ж. Зандомъ и сознательно оцѣнилъ русскую литературу».

Курсъ, какъ видите не малый, и подборъ хорошій, но вопросъ въ томъ, какъ это все усвоено. Полный жизни и съ недурными средствами студентъ начала 40-хъ годовъ и надъ чтеніемъ, очевидно, не убивалъ себя, какъ не убивалъ надъ наукой. Классиковъ, Гюго съ Ж. Зандомъ, онъ читалъ, конечно, съ пониманіемъ, но въ переводахъ; слѣдилъ, какъ и всѣ болѣе развитые товарищи его, за немногочисленными въ то время русскими журналами, но и только; чтеніе было для него образовательнымъ средствомъ, удо-

вольствіемъ, но не жизнью. И все это послѣ 20 лѣтъ, когда формировка ума и опредѣленіе наклонностей у многихъ уже закончены.

Не то съ Достоевскимъ. Изъ его писемъ къ брату видно, что уже въ 17 лѣтъ этотъ инженерный кондукторъ весь ушелъ въ литературу, даже до нѣкотораго извращенія мыслей и языка [1]). Вотъ напр., что прочитано имъ въ короткія лѣтнія ваканціи до 9 августа: «Весь Гофманъ русскій и нѣмецкій (т. е. не переведенный Котъ Муръ), почти весь Бальзакъ, Фаустъ Гете и его мелкія стихотворенія, исторія Полевого, Уголино, Ундина, В. Гюго, кромѣ Кромвеля и Эрнани» (стр. 9). А главное: какъ это все прочитано: не для наполненія празднаго времени—едва ли его и было много при обязательныхъ лагерныхъ занятіяхъ, — а для душевнаго питанія, для «восторга» [2]) и для непосредственнаго воздѣйствія на душу впечатлительнаго до болѣзненности юноши [3]).

Я обращаю ваше вниманіе на глубоко-знаменательное соединеніе двухъ такихъ противоположностей, какъ чистокровный романтикъ и фантастъ Гофманъ и крайній реалистъ Бальзакъ. Къ этимъ двумъ именамъ слѣдуетъ прибавить еще третье женское — Жоржъ Занда, романами которой Достоевскій зачитывался около того же времени. Чрезъ много, много лѣтъ вспоминаетъ онъ, что послѣ чтенія Ускока онъ провелъ всю ночь въ лихорадкѣ [4]). Его поражала въ ней «цѣломудренная, высочайшая чистота типовъ и идеаловъ и скромная прелесть строгаго сдержаннаго тона разсказа». Онъ считаетъ ее «женщиной почти небывалой по силѣ ума и таланта» и восхищается ею за то, что она «проповѣдуетъ красоту

---

[1]) См. Письма отъ 9 авг. 1838 (Біогр. и пр., стр. 7 — 8) и отъ 31 окт. (стр. 9—11). Восторженность чувствъ и ихъ выраженіе въ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ письмахъ напоминаютъ знаменитый Tugendbund 1772 г. и письма Фосса.

[2]) „Бальзакъ великъ! восклицаетъ Д—ій. Его характеры — произведенія ума вселенной! Но духъ времени, но цѣлыя тысячелѣтія приготовили боревьемъ своимъ такую развязку въ умѣ человѣка“.

[3]) „У меня есть прожектъ, пишетъ онъ въ припискѣ: — сдѣлаться сумасшедшимъ. Ежели ты читалъ всего Гофмана, то навѣрно помнишь характеръ Альбина. Какъ онъ тебѣ нравится? Ужасно видѣть человѣка, у котораго во власти непостижимое, человѣка, который не знаетъ, что дѣлать ему, играетъ игрушкой, которая есть Богъ!“

[4]) Дневн. Писателя. Май 1876 по изд. 1882 г. XI, 187.

въ милосердіи, терпѣніи и справедливости», за то, что она предчувствуетъ болѣе счастливое будущее человѣчества.

Ко времени выхода изъ училища Достоевскій—замѣчательно начитанный юноша. Онъ не «познакомился съ Шиллеромъ», какъ Писемскій; онъ «вызубрилъ Шиллера, бредилъ имъ» [1]); онъ знаетъ сонеты Шекспира; Шатобріанъ, даже Низаръ для него свои люди. Стихи Пушкина не сходятъ съ языка его; онъ цитируетъ наизусть не только Гоголя и Грибоѣдова, но и Расина съ Корнелемъ, которыхъ онъ сравниваетъ съ Гомеромъ, а Гомера называетъ «человѣкомъ, воплощеннымъ Богомъ и къ намъ ниспосланнымъ»; онъ не только воспринимаетъ въ себя—я не могу сказать: читаетъ—всѣ художественныя произведенія, какія только можетъ достать на 3-хъ языкахъ, но интересуется и ихъ авторами, и критикой, и исторіей литературы, и всѣми вспомогательными къ ней науками. Самъ писать онъ началъ еще въ училищѣ, когда чувствовалъ «взрывы вдохновенія» [2]); положимъ, кто въ 17 лѣтъ не сочинялъ стиховъ и не задумывалъ драмы? но Достоевскій, и выйдя въ офицеры, когда передъ нимъ открылись всѣ прелести петербургской жизни, бредитъ одной литературой. Голова его переполнена планами изданій своихъ и чужихъ переводовъ; ими мечтаетъ онъ уплатить свои долги и даже нажиться; онъ и любимаго брата убѣждаетъ поддерживать увеличивающуюся семью литературными трудами..... Можно думать, что на сцену русской литературы выходитъ какой то литературный промышленникъ. Но, читая его расчеты относительно цѣнности бумаги, печати, обертки, всякій чувствуетъ, что Достоевскій самъ себя обманываетъ: дѣло совсѣмъ не въ деньгахъ, а въ страстномъ, непобѣдимомъ влеченіи къ литературной дѣятельности.

Осенью 1844 г. Ѳ. Достоевскій подаетъ въ отставку. Почему? Потому, что «служба отнимаетъ у него лучшее время даромъ» [3]), потому, что его хотятъ командировать, а онъ пропадетъ вдалекѣ отъ Петербурга, какъ отъ литературнаго центра. Чѣмъ будетъ жить онъ? Конечно, литературнымъ трудомъ; онъ будетъ «адски работать». Покамѣстъ онъ зарабатывалъ только по 25 руб. асс. за пе-

---

[1]) Письма, стр. 15.
[2]) Ibid. 11.
[3]) Письмо отъ 30 сентября, стр. 30.

чатный листъ перевода изъ Ж. Занда [1]), но теперь онъ переписалъ свою первую повѣсть и уже сравниваетъ себя съ Пушкинымъ и Гоголемъ, мечтаетъ о ихъ монументахъ и для себя, и такъ же, какъ они, желаетъ «крѣпиться и не писать на заказъ» [2]). Онъ жалѣетъ, что будетъ принужденъ отдать свое первое произведеніе въ Отеч Зап., «разумѣется, за безцѣнокъ», но утѣшаетъ себя тѣмъ, что его прочтутъ по крайней мѣрѣ 100.000 человѣкъ, и что чрезъ мѣсяцъ онъ выпуститъ его отдѣльной книжкой, и ее купятъ всѣ, кто покупаетъ романы [3]). Во всякомъ другомъ случаѣ такое самомнѣніе 23-лѣтняго юноши было бы наивно и смѣшно, но здѣсь насмѣшливая улыбка невольно застынетъ на губахъ у всякаго; вѣдь эта повѣсть «Бѣдные люди». Какъ ни избитъ разсказъ о первомъ появленіи «Бѣдныхъ людей» въ кружкѣ Бѣлинскаго, я не могу не повторить его въ двухъ словахъ. Я убѣжденъ, что онъ будетъ повторяться и чрезъ 100 лѣтъ во всѣхъ курсахъ исторіи литературы, какъ внѣшнее выраженіе вступленія ея на новый путь [4]).

Въ маѣ 1845 г. Достоевскій отдалъ свою повѣсть не въ Отеч. Зап., какъ предполагалъ прежде, а, по указанію своего товарища по училищу Д. В. Григоровича, который тогда только выступалъ на литературное поприще, поэту Некрасову, собиравшемуся печатать сборникъ. Вечеромъ въ этотъ день Достоевскій былъ у кого-то изъ товарищей и за чтеніемъ Мертвыхъ Душъ засидѣлся до 4-го часу утра. Вернувшись домой, онъ не хотѣлъ спать и сѣлъ у окна. Вдругъ раздался сильный звонокъ. Достоевскій отпираетъ; передъ нимъ Григоровичъ и Некрасовъ, которые бросаются обнимать его: они всю ночь читали его повѣсть и рѣшили сейчасъ же подѣлиться съ нимъ восторгомъ. «Чтожъ такое, что спитъ», разсуждали они: «это важнѣе сна».

---

[1]) Стр. 29.

[2]) Стр. 33.

[3]) Стр. 35.

[4]) Разсказъ Д. В. Григоровича (Русская Мысль 1883 № 1, стр. 10—11) въ частностяхъ противорѣчитъ разсказу Д—аго (Дневн. Пис. 1877. № 1. Ср. Восп. Панаева 404 и слѣд.): Григоровичъ, по его словамъ, жилъ въ это время съ Д—имъ, а по словамъ Д—аго—съ Некрасовымъ; по Григоровичу, онъ читалъ «Бѣдныхъ людей» прежде совмѣстнаго чтенія съ Некрасовымъ, по Д—ому—нѣтъ; по Д—ому авторъ самъ далъ повѣсть Некрасову, по Григоровичу, Д—ій и Некрасовъ никогда не видались до этого ночного визита. Но во всемъ существенномъ обѣ версіи сходятся.

Въ тотъ же день Некрасовъ отнесъ рукопись Бѣлинскому, «Новый Гоголь явился», закричалъ онъ ему.—«У васъ Гоголи-то, какъ грибы ростутъ», строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ.

Бѣлинскій прочелъ повѣсть всю разомъ, не отрываясь [1]) и немедленно потребовалъ къ себѣ Достоевскаго. Когда Достоевскій пришелъ, Бѣлинскій встрѣтилъ его «серьезно, сдержанно, изъ уваженія къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ излить», но скоро весь воспламенился и закричалъ: «Да вы понимаете ли сами-то, что̀ это вы написали? Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, могли это написать, но осмыслили ли вы сами-то эту страшную правду, на которую вы намъ указали?... Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась, какъ даръ; цѣните же вашъ даръ, и оставайтесь вѣрны ей, и будете великимъ художникомъ». Это была самая восхитительная минута во всей молодости Достоевскаго. На каторгѣ онъ вспоминалъ о ней и укрѣплялся духомъ.

Позднѣе члены того-же литературнаго кружка далеко не съ такимъ восторгомъ говорили о «Бѣдныхъ людяхъ»; извѣстно, что Бѣлинскій къ послѣдующимъ произведеніямъ Достоевскаго относился совсѣмъ иначе, называлъ ихъ «нервическою чепухой», и даже еще хуже [2]), и не только не мечталъ о томъ, что Достоевскій пойдетъ много дальше Гоголя, какъ увѣрялъ онъ въ первые мѣсяцы знакомства [3]), но со свойственной ему стремительностью готовъ былъ совсѣмъ разжаловать его изъ крупныхъ писателей. Но дѣло было сдѣлано, и Достоевскій отдалъ себя литературѣ безповоротно, съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ можетъ и долженъ служить своей родинѣ именно на этомъ поприщѣ.

Я сказалъ, что съ появленіемъ «Бѣдныхъ людей» русская литература вступила на новый путь, сдѣлала крупный шагъ впередъ.

---

[1]) По Д—ому, въ тотъ-же день; по Панаеву, онъ взялся за нее черезъ нѣсколько дней, ложась спать, чтобы прочесть нѣсколько страницъ, но прочиталъ всю ночь. Вѣроятно, Панаевъ смѣшалъ, и безсонную ночь Григоровича и Некрасова перенесъ на Бѣлинскаго.

[2]) Пыпинъ: Бѣлинскій II, 297. Ср. Тургенева «Восп. о Бѣлинск.», Вѣстн. Евр. 1869, 720—1.

[3]) Письма, стр. 44.

Въ чемъ же значеніе этого шага? Это не трудно уяснить себѣ по средствомъ такого предполагаемаго опыта.

Представимъ себѣ умнаго, впечатлительнаго юношу, еще не знающаго жизни, но предугадывающаго ее по тому немногому, что онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ получилъ хорошее литературное образованіе, изучалъ Гомера, Софокла и Горація, читалъ Шекспира, Сервантеса, Гёте, Шиллера, знаетъ Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, но совсѣмъ не знакомъ ни съ Тургеневымъ, ни съ Толстымъ, ни съ Островскимъ, не видѣлъ новыхъ пьесъ, не читалъ новыхъ журналовъ. Дадимъ ему въ руки Бѣдныхъ людей и попросимъ у него отчета въ его впечатлѣніи.

Я убѣжденъ, что впечатлѣніе будетъ очень сильное, и представленіе о томъ, что такое художественное произведеніе, будетъ поколеблено въ самомъ основаніи. Юноша сразу замѣтитъ близкое родство Бѣдныхъ людей и Шинели Гоголя и въ отношеніи искусства изображенія, конечно, отдастъ предпочтеніе Акакію Акакіевичу передъ Макаромъ Дѣвушкинымъ. Какъ у Гоголя все ясно, пластично, сильно, и, главное, какъ весело и живо разсказана вся немногосложная жизнь героя до великаго событія—пріобрѣтенія новой шинели включительно! Какъ здѣсь, напротивъ, все вяло, тоскливо, растянуто! Но скоро юноша начнетъ понимать, что Акакій Акакіевичъ все-таки же только комическая фигура, хоть и написанная геніальнымъ художникомъ. Его сердечно жаль по человѣчеству, и только; онъ—братъ нашъ, но братъ младшій, обиженный судьбою, доведенный ею почти до идіотизма. Читателю никогда не приходитъ охота поставить себя на его мѣсто или хоть посмотрѣть на него, какъ на равнаго. Всякій улыбается при мысли представить себѣ Акакія Акакіевича влюбленнымъ или великодушнымъ, вообще тѣмъ, что въ романахъ называется героемъ. Ну какой онъ герой? Куда ему? Вся жизнь его, хоть и не по его винѣ, такая пустая и ничтожная, что и жизнью-то ее нельзя назвать, а развѣ прозябаніемъ. Въ этомъ, положимъ, трагедія, но трагедія человѣческой жизни вообще; трагедія въ томъ, что масса человѣчества поставлена въ такія условія, что даже и страданія людей и самая смерть ихъ кажутся жалкими и ничтожными.

Не то у Достоевскаго: у него маленькій, забитый «чиновникъ для переписки», изъ имени котораго въ министерствѣ сдѣлали бранное слово, оказывается не только равнымъ намъ, но лучше всѣхъ

насъ; такое дѣвственно-чистое, любящее сердце бьется подъ его заштопаннымъ вицмундиромъ и столько пониманія и тонкой изобрѣтательности выказываетъ онъ въ услажденіи жизни несчастной, совсѣмъ для него чужой, дѣвушки! А между тѣмъ, при этой сильной идеализаціи самой сущности его натуры, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Макаръ Алексѣевичъ остается живымъ, выхваченнымъ изъ сѣренькой дѣйствительности типомъ: онъ и пьянъ напивается до безобразія, и зароки даетъ и не исполняетъ ихъ; передъ близкимъ человѣкомъ онъ не прочь и похвастаться своимъ почеркомъ и своими успѣхами по службѣ; у него и языкъ рабій, и мнительность рабья, и рабья наклонность соглашаться съ сильнѣйшимъ во всемъ, кромѣ того, что̀ для него святыня; здѣсь онъ умретъ, а не уступитъ; какъ насѣдка, распушитъ онъ свои мокрыя перья и кинется въ бой съ цѣлымъ стадомъ враговъ.

Макаръ Дѣвушкинъ бѣднѣе всякаго нищаго, потому что нищій чѣмъ хуже будетъ одѣваться, чѣмъ для него лучше, а чиновнику необходимъ и крѣпкій вицмундиръ и сапоги «для поддержки чести и добраго имени». Но Дѣвушкинъ, не задумываясь, беретъ подъ свое покровительство несчастную дѣвушку и лелѣетъ ее, какъ любящая мать и какъ самый нѣжный и чуткій сердцемъ любовникъ вмѣстѣ. Его одинокая, безрадостная жизнь вдругъ освѣтилась на старости лѣтъ глубокой и чистой привязанностью. Онъ такъ трогательно счастливъ, когда ему удается чѣмъ-нибудь побаловать и на минуту развеселить ее! Еслибъ онъ могъ цѣною жизни вернуть ей разрушенное здоровье и душевное спокойствіе, онъ не задумался бы ни на минуту и даже не счелъ бы этого за жертву. Еслибъ она, возродившись къ новой жизни его заботами, оказалась способна полюбить какого-нибудь хорошаго человѣка, выдти за него за мужъ, шевельнется ли у Макара Дѣвушкина хоть на минуту завистливое чувство? упрекнетъ ли онъ Вареньку, хоть мысленно, въ неблагодарности къ нему, Дѣвушкину? Конечно, нѣтъ: онъ будетъ счастливъ чужимъ счастьемъ. Выше этой любви нѣтъ, и быть не можетъ.

Героиня не недостойна такой любви; она обрисована слабѣй, но и она живой человѣкъ: добрый, умный и цѣломудренный. Грязь, черезъ которую прошла она, не прилипла къ ней, а напротивъ: тѣмъ рѣзче выдѣлила ея душевную чистоту. Въ ней еще много жизненныхъ силъ, и теплое участіе одного хорошаго человѣка

могло бы спасти ее. Но вотъ бѣда: денегъ нѣтъ, а чѣмъ быть другому въ тягость, она лучше себя погубитъ. Отъ 30 рубл. ассигнаціями зависитъ все счастіе двухъ человѣкъ. И какъ они бѣдные бьются, борются изъ-за этого счастія! Какъ мучится читатель, слѣдя за этой трагедіей изъ-за рваныхъ сапогъ и неоплаченнаго угла! А оторваться нѣтъ силъ: горе стряслось надъ людьми, которые успѣли стать намъ дорогими и симпатичными. Какъ радъ читатель, когда Достоевскій сжалился надъ героями и послалъ добраго генерала, который не только сторублевую бумажку подарилъ, но и съумѣлъ это сдѣлать по-человѣчески и деликатно: передъ этимъ всѣхъ изъ кабинета выслалъ, а Макару Алексѣевичу «руку потрясъ, словно ровнѣ своей, словно такому же, какъ онъ, генералу».

Кончились всѣ бѣды! думаетъ читатель и вздыхаетъ съ облегченіемъ. Не тутъ-то было: на сцену является г. Быковъ, виновникъ несчастія Вареньки, который со смѣхомъ признается ей, что онъ передъ ней «подлецомъ оказался». «Да вѣдь дѣло житейское» [1]). Въ этой фразѣ и въ этомъ смѣхѣ Быковъ сказался весь: это хищный типъ: сухой, безжалостный, циничный, злой, почти всегда эгоистичный; это будущій Свидригайловъ, но не настолько отдѣланный. При всѣхъ своихъ огромныхъ недостаткахъ, онъ не лишенъ чувства правды, но рѣшительно лишенъ способности сдѣлать кого-нибудь счастливымъ; жену свою, хотя бы онъ и любилъ ее, онъ непремѣнно заколотитъ нравственно, если не физически. Варенька предчувствуетъ это и идетъ за него, покидая Дѣвушкина на тоску одиночества. «Зачѣмъ?» готовъ воскликнуть читатель, озлобившійся, наконецъ, на мучителя Достоевскаго. А подумайте сами: что же прикажете ей дѣлать? Лишиться навсегда возможности «возстановить свою честь» и остаться на рукахъ у нищаго Дѣвушкина? Развѣ на долго хватитъ генеральскихъ ста рублей? А выйдутъ они—опять рваные сапоги Макара Алексѣевича, опять насмѣшки хозяйки, сплетни на дворѣ, дерзости ловеласовъ, опять запой Дѣвушкина; а тамъ—для него изгнаніе со службы, а для нея, въ лучшемъ случаѣ, смерть отъ чахотки. А вѣдь жить-то хочется!

Идея повѣсти выражена не въ однихъ герояхъ: ее поясняютъ и чиновникъ Горшковъ, который, послѣ долгихъ лѣтъ страданій, не вынесъ маленькой доли счастія и умеръ — отъ радости, и пья-

[1]) Изд. 1882 г. II, 118.

ница Покровскій, благоговѣйно любящій своего названнаго сына студента, и растрогавшій до слезъ при первомъ чтеніи далеко не слезливаго Некрасова, и самъ озлобленный, но честный до болѣзненности студентъ Покровскій. Эту идею легко выразить въ двухъ словахъ: какъ бы ни былъ человѣкъ забитъ и изуродованъ жизнью, какъ бы ни былъ онъ жалокъ и ничтоженъ на видъ, въ немъ можно найти цѣлую сокровищницу беззавѣтной, о себѣ забывающей, христіанской любви. Эта любовь есть высшее благо и высшая красота на землѣ; но она неразлучна съ страданіемъ, и чѣмъ кто больше любитъ, тѣмъ мучительнѣй и страдаетъ онъ.

Повѣсть написана истиннымъ, хотя еще и малоопытнымъ художникомъ [1]); но только свой талантъ употребляетъ онъ не на то, на что другіе повѣствователи: для нихъ на первомъ планѣ—красота и сила впечатлѣнія, а для него—вѣрность. Оттого его повѣсть мѣстами и кажется растянутой и скучной, какъ часто бываетъ скучна и однообразна сама жизнь. Но его нельзя считать реалистомъ чистаго типа, простымъ наблюдателемъ, фотографомъ жизни: онъ беретъ не среднихъ людей и не обыденную дѣйствительность, а людей особенныхъ, и именно—самыхъ несчастныхъ и забитыхъ и въ то же время съ самой тонкой душевной организаціей, и анатомируетъ ихъ душу до крайней ея глубины, въ моменты особенно сильнаго возбужденія ея. Онъ дѣйствуетъ анализомъ, а не синтезомъ, какъ онъ самъ говоритъ, со словъ Бѣлинскаго [2]),

Но возвратимся къ нашему юношѣ, которому мы дали Бѣдныхъ людей непосредственно послѣ Софокла, Гёте, Пушкина и Гоголя. Онъ не чувствовалъ наслажденія, читая ихъ; минутами ему было тяжело и больно, минутами — томительно и тоскливо; но онъ не могъ оторваться отъ чтенія, какъ человѣкъ не можетъ оторваться отъ зрѣлища страданій больного друга. По прочтеніи онъ не сталъ свѣтлѣе смотрѣть на міръ божій; но онъ сталъ вдумчивѣй, сталъ глубже и задушевнѣе относиться къ человѣку; онъ лучше понялъ жизнь души; онъ узналъ эту душу не только въ ея здоровомъ равновѣсіи, но и въ состояніи тяжкаго страданія, и притомъ такого, которое происходитъ не изъ какихъ-либо исключительныхъ, тра-

[1]) Посмотрите, какъ онъ съумѣлъ диференцировать языкъ корреспондентовъ! или какъ онъ въ письмѣ Вареньки описываетъ осень въ деревнѣ!

[2]) Письмо отъ 1 февр. 1846 г.

гическихъ причинъ, а отъ мелочной обыденной жизни; а главное: онъ сталъ добрѣе, гуманнѣе. Онъ понялъ, что «нельзя презирать падшихъ, а напротивъ: должно отыскивать и возстановлять», понялъ, какъ «невѣрна общепринятая мѣрка добра и нравственности»[1]. Онъ готовъ воззвать къ сытымъ и довольнымъ людямъ вмѣстѣ съ Дѣвушкинымъ: «Полно о себѣ одномъ думать, для себя одного жить!» Онъ пойметъ и воззваніе Достоевскаго на пушкинскомъ праздникѣ: «Смирись, гордый человѣкъ! Поработай, праздный человѣкъ!»

Таковы благіе выводы для жизни; а что дали «Бѣдные люди» для художественнаго развитія юноши? Его понятіе о поэзіи должно измѣниться или, по крайней мѣрѣ, расшириться: онъ увидѣлъ, что поэтическое произведеніе можетъ доставлять вовсе не наслажденіе, а муку; онъ понялъ, что кромѣ поэзіи психологической можетъ быть и поэзія паталогическая, и что пробужденіе милости къ падшимъ—ея святая цѣль. Теперь и Misérables Гюго и повѣсти Гаршина будутъ вполнѣ доступны и понятны ему.

Успѣхъ, выпавшій на долю Бѣдныхъ людей, могъ бы вскружить голову и самому флегматичному, вполнѣ зрѣлому человѣку; болѣзненно-самолюбивый и отъ природы и отъ воспитанія, чуть не съ дѣтства страстно преданный литературѣ, 25-лѣтній Достоевскій былъ возбужденъ имъ до крайней степени. А къ тому же и время для русской литературы было замѣчательно хорошее. Пушкинъ именно тогда былъ оцѣненъ всей Россіей[2]); были поняты и Лермонтовъ и Гоголь. Достойный истолкователь ихъ, Бѣлинскій, былъ наверху своей славы. Благодаря ему, въ лучшей части нашего общества пробудилось и окрѣпло такое сознательное отношеніе и такой глубокій интересъ къ произведеніямъ своей и чужой словесности, какого мы, пожалуй, напрасно стали бы искать и въ западной Европѣ. Именно въ моментъ появленія «Бѣдныхъ людей» «закипѣла литература», по выраженію Достоевскаго[3]): появился Гончаровъ, привлекъ всеобщее вниманіе талантливый Герценъ; послышались имена Григоровича, Некрасова, Тургенева. Цензура была строга, но довольно послѣдовательна, и литераторы умѣли примѣняться къ ней, а до страшнаго 1848 г. было еще далеко.

---

[1]) Изд. 1882 III. 316—7.

[2]) Извѣстно, что въ 1837 г. изъ дворянства цѣлой губерніи не нашлось ни одного подписчика на полное собраніе его сочиненій.

[3]) Письма, стр. 47.

Закрыты или съужены были всѣ другія сферы умственной дѣятельности, и все, что есть на Руси лучшаго, рвется въ литературу.

Юный тріумфаторъ, авторъ «Бѣдныхъ людей» бросается въ нее со всѣмъ пыломъ своей скрытно-страстной натуры. Планы самые грандіозные такъ и кипятъ въ его головѣ. Не кончивши одной работы, онъ хватается за нѣсколько новыхъ. Въ каждомъ послѣдующемъ произведеніи онъ мечтаетъ сдѣлать огромный шагъ впередъ: «заткнуть за поясъ» и самого себя и всѣхъ другихъ. До своего ареста въ 1849 г. Достоевскій, по прежнему страшно много читавшій и отдававшій не мало времени «политикѣ», написалъ десять повѣстей, которыя заключаютъ въ себѣ 600 стр. самаго убористаго шрифта, не считая множества набросковъ и вещей неоконченныхъ, надъ которыми онъ сидѣлъ иногда цѣлыми мѣсяцами.

Самая обширная изъ этихъ повѣстей, непосредственно слѣдующая за «Бѣдными людьми» — «Двойникъ». На нее самъ авторъ возлагалъ огромныя надежды и вначалѣ былъ ужасно ею доволенъ. Это одна изъ наиболѣе тяжелыхъ, сильнѣе скажу, мучительныхъ вещей Достоевскаго для чтенія и одна изъ самыхъ характерныхъ по содержанію; какъ «Бѣдные люди»—«Шинелью», такъ «Двойникъ» вдохновленъ «Записками сумасшедшаго» Гоголя, но отличается отъ нихъ крайнею растянутостью и несравненно болѣе глубокимъ анализомъ. И здѣсь и тамъ маленькій чиновникъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, некрасивой наружности и очень недальняго ума, къ тому же отупѣвшій отъ канцелярской безсмысленной работы, на глазахъ читателя лишается разсудка. Психологическая причина сумасшествія одна и та-же: раздраженное самолюбіе и самомнѣніе, проявленіе одно и то-же — галлюцинаціи. У Гоголя коротенькій, живой разсказъ блещетъ поразительнымъ остроуміемъ; читатель смѣется до упаду, смѣется, забывая невеселую тему, забывая пожалѣть въ Поприщинѣ человѣка даже и въ то время, когда несчастнаго бьютъ палками и обливаютъ водой; до того смѣшонъ и ничтоженъ герой въ своей чиновничьей гордости передъ «подлыми ремесленниками» и «хамами» и въ своемъ раболѣпіи передъ Его Превосходительствомъ. Вдругъ—смѣхъ замираетъ и смѣняется глубокимъ состраданіемъ, когда проблескъ разсудка извлекаетъ изъ души испанскаго короля крикъ оскорбленія и душевной боли, и комедія переходитъ въ трагедію. Не разсмѣшитъ и шишка алжирскаго бея, но она, какъ эффектный аккордъ, заканчиваетъ стройную пьеску.

Если «Двойникъ» Достоевскаго прочитать непосредственно послѣ «Записокъ сумасшедшаго», невольно явится мысль, что Достоевскій задумалъ поправить Гоголя, будто онъ обидѣлся на Гоголя за то, что тотъ такую серьезную тему трактовалъ такъ легко и поверхностно. Достоевскій углубилъ характеръ героя «человѣка-тряпки, съ неимовѣрной амбиціей», удалилъ всѣ черты соціальной сатиры, которыя придаютъ столько щедринской соли гоголевской повѣсти, прослѣдилъ развитіе психической болѣзни часъ за часомъ, день за днемъ, и вмѣсто красивой маленькой пьесы у него вышелъ серьозный этюдъ въ формѣ разсказа, подробный анализъ, глубинѣ и тонкости котораго удивляются психіатры. Онъ, такимъ образомъ, осуществляетъ то, о чемъ давно уже мечтали романтики—объединеніе поэзіи и науки.

Я глубоко убѣжденъ, что на «Двойникъ» и другія повѣсти Достоевскаго этого періода (а отчасти и на способъ изложенія его великихъ романовъ) имѣлъ вліяніе самый талантливый и популярный у насъ изъ нѣмецкихъ романтиковъ — Гофманъ. Достоевскій подобно ему отмежевалъ себѣ особую психическую область, дѣйствительно очень интересную: область неопредѣленныхъ и несогласныхъ чувствъ и стремленій, необыкновенныхъ болѣзненныхъ ощущеній, предчувствій, противорѣчій мысли и слова, мысли и дѣла, раздвоенія человѣческой личности и проч. Въ «Двойникѣ» я вижу непосредственное, хотя, можетъ быть, и несознанное самымъ авторомъ, вліяніе «Крошки Цахеса», гдѣ точно также дѣйствія одного лица переносятся окружающими на другого, гдѣ также ловкій пронырa присвоиваетъ чужія заслуги.

Отъ Гофмана Достоевскій заимствуетъ, опять-таки, можетъ быть, для себя нечувствительно, и манеру писать. Всѣ, даже и не читавшіе Гофмана, слышали, что работалъ онъ не въ часы полной ясности ума и чувства, а взвинтивъ свои нервы виномъ и безсонницей. Это была не только его личная особенность, но и результатъ теоріи романтиковъ, по которой вдохновеніе обусловливалось отдѣленіемъ художника отъ прозы жизни и отъ ненавистнаго имъ разсудка. Достоевскій самъ говоритъ [1]), что онъ пользовался моментами болѣзненнаго разстройства нервовъ, чтобы писать: «всегда въ такомъ состояніи напишешь лучше и больше».

Любопытно, что «Двойника» и «Прохарчина« печатаютъ тѣ же

[1]) См. письмо изъ крѣпости къ брату отъ 27 авг. 1849 (стр. 69—70).

Отеч. Записки, въ которыхъ до тѣхъ поръ напечатаны: «Мейстеръ Фло» (1840 г.) и «Крошка Цахесъ» 1844).

Но и отъ Гофмана Достоевскій удаляется въ томъ же направленія, какъ отъ Гоголя: и Гофманъ прежде всего художникъ, хотя и съ иными задачами; и онъ старается о томъ, чтобы доставить читателю эстетическое наслажденіе; а Достоевскій думаетъ прежде всего о правдѣ, какъ бы она ни была однообразна, некрасива и мучительна для читателя.

Въ «Двойникѣ» и слѣдующихъ повѣстяхъ: «Прохарчинѣ», «Слабомъ сердцѣ», «Чужой женѣ», «Романѣ въ девяти письмахъ», «Елкѣ и свадьбѣ» («Елка и свадьба»—наиболѣе стройное и изящное его произведеніе этого періода; «Романъ въ девяти письмахъ»—самое слабое и безцвѣтное) Достоевскій изучаетъ тотъ же чиновничій міръ, на который натолкнулъ его Гоголь; но ученикъ идетъ дальше учителя въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, типы у него гораздо разнообразнѣе: рядомъ съ жалкими, придавленными до отупѣнія или опустившимися до безпробуднаго пьянства «чиновниками для письма» и надутыми важностью до потери человѣческихъ чувствъ «Ихъ Превосходительствами», онъ выводитъ чиновниковъ средней величины, обезпеченныхъ матеріально и претендующихъ на бонтонность, и болѣзненно-чувствительныхъ мечтателей, въ родѣ Васи («Слабое сердце»), и грубоватыхъ на видъ, но добродушныхъ и преданныхъ, счастливыхъ чужимъ счастьемъ людей, въ родѣ Аркадія (тамъ-же), и генераловъ, злобно-безсердечныхъ, и генераловъ—благодѣтелей, и чиновницъ разнообразныхъ ранговъ и видовъ. А во-вторыхъ, Достоевскій глубже изслѣдуетъ эти типы и ихъ душевныя движенія, такъ сказать, въѣдается въ самые сокровенные тайники души ихъ, вытаскивая оттуда на свѣтъ божій и всевозможныя мерзости и нелѣпости, и крупинки, а иногда и самородки чистаго золота. Съ ревностію пылкаго изслѣдователя, у котораго, что называется, духъ захватываетъ отъ обилія почти нетронутаго матеріала, онъ бросается отъ одной разновидности къ другой и создаетъ интереснѣйшіе психологическіе этюды, то ужасные по своей нагой беззастѣнчивости, то глубоко, до болѣзненности трогательные, но никогда не достигающіе художественной ясности, прелести и законченности повѣстей Гоголя.

Особую группу представляютъ «Хозяйка» [1]), «Бѣлыя ночи» и

[1]) Авторъ цѣнилъ эту повѣсть чрезвычайно высоко; въ ней, по его сло-

«Неточка Незванова». Это не этюды съ натуры, не физіологическія картины служащаго Петербурга, а первые наброски пробуждающагося творчества великаго художника. Въ рукѣ его пока нѣтъ вѣрности и твердости; онъ еще не можетъ найти надлежащаго тона; образы его еще не выношены въ душѣ, еще неясны ему самому; но въ нихъ уже чувствуется создающая сила; она слышится даже и въ самомъ тонѣ рѣчи, въ оригинальномъ и сильномъ языкѣ. Еслибъ Достоевскій не вернулся изъ Сибири, онъ, конечно, былъ бы давно забытъ, и «Хозяйка», и «Неточка», и «Бѣлыя ночи» такъ и гнили бы въ пыли библіотекъ, въ старыхъ Отеч. Запискахъ, и только ввергали бы въ недоумѣніе своего случайнаго читателя. Но теперь эти наброски—драгоцѣнность, и не только для историка литературы, а для всякаго, кто хочетъ понять и оцѣнить «Униженныхъ и оскорбленныхъ», «Преступленіе и наказаніе» и «Братьевъ Карамазовыхъ».

Въ «Хозяйкѣ» при всѣхъ ея выдающихся недостаткахъ, мы впервые встрѣчаемъ красавицу женщину изъ народа, будущую Грушеньку Карамазовыхъ, характеръ небывалой силы и оригинальности; въ «Бѣлыхъ ночахъ» и «Неточкѣ»—высоко поэтическое выраженіе себя забывающей, всепоглощающей любви, въ которой и самое страданіе доставляетъ невыразимо сильное наслажденіе. Въ добропорядочномъ и сдержанномъ Петрѣ Александровичѣ «Неточки» [1]) нельзя не видѣть князя «Униженныхъ и оскорбленныхъ», такого злодѣя, передъ которымъ минутами и самъ шекспировскій Яго кажется благодушнымъ бонвиваномъ. Въ больной и злобной отъ горя страдалицѣ матери Неточки уже провидится Г-жа Мармеладова; въ самой Неточкѣ—въ зародышѣ Нелли и т. д.

Во всѣхъ этихъ 3-хъ повѣстяхъ рѣзко выступаютъ особенности будущаго Достоевскаго; его люди—«люди съ судорожно напряженной волей и внутреннимъ безсиліемъ», люди, которымъ обида и униженіе доставляютъ болѣзненное наслажденіе, люди, которые въ себѣ самихъ не могутъ отдѣлить любви отъ ненависти, сами себя

вамъ, „рудникъ вдохновенія выбивается прямо изъ души". А Бѣлинскій ту же самую „Хозяйку" въ письмѣ къ Анненкову называетъ „страшной ерундой"! Такъ мстилъ себѣ великій критикъ за свое прежнее увлеченіе.

[1]) По обработкѣ формы въ цѣломъ «Неточка» ниже самой заурядной повѣсти того времени; но въ нѣкоторыхъ сценахъ и деталяхъ (напр. изображеніе собаки Фальстафа на стр. 628) видны проблески геніальной силы.

не понимаютъ, сами себя пугаютъ, себя самихъ «вмѣстить не могутъ».

«Неточка Незванова» осталась неоконченной вслѣдствіе катастрофы, постигшей Достоевскаго: въ ночь на 23 апрѣля 1849 г. онъ былъ арестованъ по дѣлу Петрашевскаго, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, а черезъ 8 мѣсяцевъ, послѣ выслушанія смертнаго приговора и помилованія, сосланъ въ каторжныя работы, откуда черезъ 4 года вышелъ рядовымъ въ сибирскіе батальоны. Я не буду говорить ни о дѣлѣ петрашевцевъ, ни объ участіи въ немъ Достоевскаго, такъ какъ не излагаю его біографіи. Но я не могу не коснуться все еще спорнаго вопроса о томъ, какъ повліяло на его характеръ, на его убѣжденія, а стало быть и на его творческую дѣятельность это страшное испытаніе.

Достоевскій до несчастія былъ не только оригинальный и крупный писатель, но и на рѣдкость хорошій человѣкъ: безукоризненно честный, правдивый, отзывчатый на чужое горе до полнаго забвенія собственныхъ интересовъ [1]), замѣчательно развитой, тонко чувствующій и энергичный въ излюбленной имъ работѣ; но онъ не былъ счастливъ и не умѣлъ дѣлать счастливыми окружающихъ его. Онъ былъ болѣзненно раздражителенъ и самолюбивъ. Онъ еще въ ранней юности любилъ мучить себя, какъ самъ разсказываетъ: получитъ давно ожидаемое письмо отъ нѣжно любимаго брата и четверть часа не распечатываетъ его [2]). Онъ самъ не одинъ разъ ловитъ себя въ непозволительномъ самохвальствѣ, а его біографъ не можетъ не замѣтить въ его письмахъ постоянныхъ скачковъ отъ крайней самонадѣянности къ полному паденію духа, какъ не можетъ не замѣтить мнительности, нетерпѣливости, неумѣнья справляться съ собою и наклонности оцѣнивать людей по мѣрѣ того уваженія, съ которымъ они къ нему относятся. Онъ, конечно, преувеличиваетъ, называя свой характеръ «сквернымъ и отталкивающимъ», но то, что пишетъ онъ о своихъ дурныхъ минутахъ, когда онъ злится на самыхъ близкихъ и дорогихъ людей и оскорбляетъ своей заносчивой гордостью кроткаго Михаила [3]),

---

[1]) Припомнимъ, какъ по разсказу Ризенкампфа онъ, будучи кругомъ въ долгахъ, знакомился съ бѣдняками, будто-бы для изученія ихъ быта, и раздавалъ имъ свои послѣднія деньги.

[2]) См. письмо отъ 1 янв. 1840 г.

[3]) Письмо отъ 1847 г.? (стр. 62—3).

непремѣнно правда. Оттого онъ и умѣетъ такъ хорошо изображать такіе болѣзненно-раздражительные, неровные, если можно такъ выразиться, истерічные характеры, что самъ, на свое несчастіе, обладаетъ таковымъ. Для людей съ такимъ характеромъ, если они обладаютъ душевной силой,—серьозное испытаніе и даже страданіе можетъ принести огромную пользу. Но все хорошо въ мѣру; Достоевскому же на долю выпало нѣчто чрезмѣрное, и если и признать, что судьба оказалась къ нему не мачихой, а «суровой матерью», то необходимо добавить, что суровость ея дошла до жестокости. Достоевскій выказалъ силу безпримѣрную: онъ выдержалъ, не сломился, но не надломиться онъ не могъ.

Восьмимѣсячное одиночное заключеніе, приговоръ на Семеновскомъ плацу, зимнее путешествіе по безчисленнымъ этапамъ, а тамъ на мѣстѣ жизнь, полная невообразимыхъ для непривычнаго человѣка лишеній, грязь нравственная и физическая, одиночество въ толпѣ невольныхъ сожителей, ежеминутная опасность подвергнуться оскорбленію отъ каждаго унтера, позорному наказанію отъ всякаго капризнаго офицера—все это выдержалъ Достоевскій, и со всѣмъ этимъ онъ справился; въ немъ оказалась такая нравственная цѣпкость, такое настойчивое желаніе и такое умѣнье жить, какихъ онъ самъ не ожидалъ отъ себя. Онъ сказалъ себѣ, что желаетъ выйти изъ каторги не калѣкой, а здоровымъ человѣкомъ, и ради этого, несмотря на насмѣшки товарищей, онъ работалъ гораздо больше, чѣмъ отъ него требовалось, чтобы развить въ себѣ силу мускуловъ, старался быть какъ можно чаще на воздухѣ; и онъ достигъ цѣли: изъ мертваго дома онъ вышелъ болѣе здоровымъ физически, чѣмъ вошелъ туда. Чтеніемъ Евангелія и размышленіемъ онъ поддерживалъ въ себѣ по возможности бодрость духа, и, какъ самъ говоритъ, излѣчился отъ своей ипохондріи [1]). Мало этого: въ то время, какъ его товарищи по несчастію силились уйти въ себя, ничего не видѣть и не слышать, что дѣлалось въ отвратительной казармѣ, и вслѣдствіе этого выносили съ каторги только озлобленіе и сожалѣніе о безвозвратно погибшихъ лучшихъ годахъ жизни, Достоевскій усиленно работалъ умомъ и сердцемъ, зорко присматриваясь къ окружающимъ его людямъ, старательно изучая ихъ и анализируя, и онъ вынесъ изъ каторги такое знаніе рус-

---

[1]) Письмо 9 марта 1857 ср. 30 іюля 1854 г.

скаго человѣка, какое имѣли немногіе, и вынесъ наиболѣе художественное, единственное свое классическое произведеніе—«Записки изъ Мертваго дома».

Тѣмъ не менѣе я утверждаю, что перенесенное имъ страшное несчастіе надломило его: непосредственно по выходѣ ихъ каторги это чувствуется въ его письмахъ къ братьямъ и друзьямъ.

Странное впечатлѣніе производятъ эти письма: отрадное и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое; живая и хорошая душа точно вышла изъ могилы на свѣтъ божій; она осталась такой же хорошей, даже пожалуй еще лучше стала, но она какъ-то принижена, придавлена; свѣтлый умъ будто отдыхаетъ послѣ своей ужасной борьбы за существованіе и только постепенно расправляетъ свои крылья.

Сперва Достоевскій погруженъ всецѣло въ мелочи обыденной жизни, въ устройство своего солдатскаго быта и въ свои семейныя дѣла: братъ Михаилъ для него «благодѣтель»; сестры, которыя не забыли его «горемычнаго»—ангелы; онъ убѣдительно проситъ свѣдѣній о московскихъ родственникахъ, которыми прежде, повидимому, не интересовался. Скоро начинаются усиленныя просьбы и хлопоты о деньгахъ, впрочемъ не для себя а для другого.....

Черезъ 5 лѣтъ отсутствія, авторъ «Бѣдныхъ людей» и другъ Бѣлинскаго возвращается къ русской литературѣ. Можно себѣ представить, съ какою жадностію накидывается онъ на все, что появилось новаго во время этого отсутствія.

Въ письмахъ изъ Семипалатинска (къ сожалѣнію, очень немногочисленныхъ) Достоевскій сообщаетъ свои сужденія о новыхъ для него писателяхъ, и сужденія эти доказываютъ, что умъ его не ослабѣлъ и не притупился, напротивъ, будто пріобрѣлъ особенную прозорливость.

Въ письмѣ къ А. Н. Майкову отъ 18 янв. 1856 г. онъ высказываетъ между прочимъ свое мнѣніе и о Писемскомъ, съ произведеніями котораго онъ только что познакомился. Я приведу этотъ отрывокъ цѣликомъ: «Скажу вамъ и свои наблюденія: Тургеневъ мнѣ нравится наиболѣе—жаль только, что при огромномъ талантѣ въ немъ много невыдержанности [1]). Левъ Толстой мнѣ

---

[1]) Тургенева Д—ій зналъ и до катастрофы, восхищался его Андреемъ Колосовымъ и восхищался самимъ авторомъ до «влюбленности». См. письмо отъ 16 ноября 1845 г. (42 стр.).

очень нравится, но, по моему мнѣнію, много не напишетъ (впрочемъ, можетъ быть, я ошибаюсь). Островскаго совсѣмъ не знаю, ничего не читалъ въ цѣломъ, но читалъ много отрывковъ въ разборахъ о немъ. Онъ, можетъ быть, знаетъ извѣстный классъ Руси хорошо, но, мнѣ кажется онъ не художникъ. Къ тому же, мнѣ кажется, онъ поэтъ безъ идеала [1]). Разувѣрьте меня пожалуйста; пришлите мнѣ, ради Бога, что̀ получше изъ его сочиненій, чтобъ я могъ знать его не по однѣмъ критикамъ. Писемскаго я читалъ «Фанфаронъ» и «Богатый женихъ»—больше ничего. Онъ мнѣ очень нравится. Онъ уменъ, добродушенъ и даже наивенъ; разсказываетъ хорошо. Но одно въ немъ грустно: спѣшитъ писать. Слишкомъ скоро и много пишетъ».

Окрѣпнувъ духомъ, начавъ усиленно работать, Достоевскій изъ своего непрекраснаго далека зорко слѣдитъ за Писемскимъ. Онъ, повидимому, въ немъ преимущественно усматриваетъ себѣ соперника. Свое мнѣніе о немъ онъ измѣняетъ къ худшему. Вотъ что онъ пишетъ брату, спустя два года слишкомъ (31 мая 1858 г.), по прочтеніи двухъ первыхъ частей «Тысячи душъ»:

«У васъ теперь даютъ большую плату. Значитъ, Писемскій получилъ за «Тысячу душъ» 200 или 250 руб. съ листа. Этакъ можно жить и работать не торопясь. Но неужели ты считаешь романъ Писемскаго прекраснымъ? Это только посредственность, и хотя золотая, но только все-таки посредственность. Есть ли хоть одинъ новый характеръ, созданный, никогда не являвшійся? Все это уже было и явилось давно у нашихъ писателей—новаторовъ, особенно у Гоголя. Это все старыя темы на новый ладъ. Превосходная клейка по чужимъ образцамъ. Сазиковская работа по рисункамъ Бенвенуто Челлини».

Чтобы оцѣнить объективную справедливость этихъ сужденій, мы должны обратиться къ началу литературной дѣятельности Писемскаго. Писемскій дѣлается извѣстнымъ писателемъ въ томъ самомъ году, когда Достоевскій совершаетъ свой путь по этапамъ Сибири въ мертвый домъ.

По окончаніи курса въ 1844 г. Писемскій сейчасъ же поступилъ на службу въ родную Кострому и съ небольшими перерывами служилъ тамъ до 1853 г.; онъ былъ и чиновникомъ особыхъ пору-

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

ченій при губернаторѣ, и ассесоромъ губернскаго правленія, служилъ и въ палатѣ государственныхъ имуществъ. Онъ дѣйствительно служилъ, а не числился, и служба давала ему возможность сталкиваться съ самыми разнообразными типами и изъ губернскаго общества, и изъ помѣщиковъ, и изъ народа. Одинъ изъ его пріятелей (Алмазовъ) говоритъ, что онъ особенно былъ полезенъ, какъ слѣдователь по уголовнымъ дѣламъ. «Тутъ онъ изучалъ каждаго преступника, какъ изучаетъ добрый и старательный врачъ каждаго больного; оставаясь буквально и неумолимо вѣренъ закону, онъ относился къ допрашиваемому преступнику съ такимъ участіемъ, съ такою любовью, что и тотъ начиналъ любить его, и разсказывалъ про себя все, потому только, «что ужъ онъ больно хорошій и умный баринъ». Нужно ли говорить, какой драгоцѣнный матеріалъ представляли для будущаго знаменитаго реалиста эти откровенныя признанія?

Вступить на литературное поприще Писемскій пытался еще въ 1847 г.: онъ послалъ въ Отеч. Записки большую повѣсть: «Боярщина» и въ менѣе уважаемый, почти умирающій Сынъ Отечества—разсказъ «Нина». «Боярщина» была съ удовольствіемъ принята редакціей, но запрещена цензурой, а «Нина» хотя и была напечатана (іюль 1848 г.), но въ такомъ изуродованномъ видѣ, что авторъ никогда не перепечатывалъ ея впослѣдствіи. Вскорѣ послѣ этого Писемскій женился (1848 г.) и всецѣло отдался службѣ, оставивъ пока надежду сдѣлаться писателемъ.

Мимоходомъ замѣчу: Писемскій впослѣдствіи заявилъ, что «Боярщина» была запрещена, какъ «протестъ противъ брака». Это словечко было подхвачено критикой, и изъ Писемскаго, въ романахъ и повѣстяхъ котораго часто встрѣчаются несчастные браки (желалъ бы я знать, въ чьихъ семейныхъ романахъ они не встрѣчаются?) сдѣлали какого-то жоржъ-зандиста и протестанта противъ этой основы общества. Но всякій, кто читалъ «Боярщину»—она была напечатана въ 1857 г., можетъ быть, и въ исправленномъ нѣсколько видѣ, но, конечно, безъ измѣненія основной идеи и характеровъ—согласится, что героиня Анна Павловна вовсе не изъ тѣхъ неудержимо-свободныхъ натуръ, которыя не могутъ выносить стѣсненій, налагаемыхъ бракомъ: это—доброе, кроткое, привязчивое созданіе, къ тому же нѣмка по происхожденію и по сантиментальности, не только не способная возмущаться противъ краеугольнаго

установленія, но готовая претерпѣть все за идею семьи; она и отъ мужа сторонится только потому, что тотъ ругаетъ при ней ея отца, для котораго она принесла себя въ жертву. Со всякимъ сколько нибудь сноснымъ мужемъ, она прожила бы всю жизнь безъ малѣйшей попытки «бунтовать». Виновата ли она, что судьба послала ей звѣря, который ее больную выбрасываетъ изъ дому, въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ ни гостиницъ, ни друзей, гдѣ ей буквально некуда дѣваться, кромѣ дома Ельчанинова? А когда она умерла, ее пожалѣлъ только бѣднякъ Савелій да ея разбитый параличемъ мужъ. Гдѣ же здѣсь протестъ противъ брака? Нѣтъ никакого протеста и въ другихъ романахъ Писемскаго, гдѣ всѣ женщины, которыхъ авторъ выставляетъ порядочными, остаются вѣрны долгу даже и при легкомысленныхъ и плохихъ мужьяхъ; а въ повѣсти: «Виновата ли она?» авторъ прямо заявляетъ отъ себя (конечно, не изъ страха цензуры): «измѣнить своему долгу, на какомъ бы то ни было основаніи,—проступокъ для женщинъ, за который ихъ осудитъ и общественное мнѣніе и собственная совѣсть» (Изд. Стелл., стр. 253—4).

Я не знаю обстоятельствъ дѣла: можетъ быть цензоръ и сослался на нарушеніе брака героемъ и героиней; но я глубоко убѣжденъ, что это только наивная придирка, возможная потому, что подсудимый, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, былъ безотвѣтенъ, а причина запрещенія—графъ Сапѣга, вельможа, чуть не министръ, отдающій приказанія губернскимъ властямъ и изъ деревни распоряжающійся опредѣленіемъ чиновниковъ въ Петербургѣ. Ну какъ, разсуждалъ робкій цензоръ, кто-нибудь изъ вельможъ съ польской фамиліей приметъ это на свой счетъ: ой! ой! что со мной будетъ! Да и помимо того: какъ можно государственнаго мужа выставить въ такомъ некрасивомъ видѣ? Вѣдь это потрясеніе основъ! Запретить непремѣнно, а приличія спасти и предлогъ выставить какой попало!

Какъ бы то ни было, но «Боярщина» не прошла; цензура съ 1848 г. сдѣлалась гораздо строже прежней, а Писемскій въ то время вовсе не горѣлъ такою страстью къ литературѣ, какъ Бѣлинскій или Достоевскій; онъ бросилъ начатую имъ большую повѣсть «Тюфякъ» и отдался другой дѣятельности.

Въ 1850 г. старый Москвитянинъ попадаетъ въ руки кружка молодыхъ литераторовъ; нѣкоторые изъ нихъ знали «Боярщину»

въ рукописи и предложили Писемскому, недавно смѣнившему постъ чиновника-слѣдователя на болѣе спокойную и однообразную службу ассесора, принять участіе въ журналѣ. Писемскій согласился; онъ окончилъ «Тюфякъ» и послалъ его. Повѣсть была напечатана и имѣла успѣхъ, далеко не столь громкій, какъ «Бѣдные люди», но тѣмъ не менѣе несомнѣнный. Поощренный этимъ, Писемскій проявляетъ необыкновенную энергію и плодовитость и въ продолженіе четырехъ лѣтъ печатаетъ рядъ повѣстей, очерковъ и разсказовъ, одинъ романъ («Богатый женихъ») и двѣ комедіи.

Онъ настолько увлеченъ литературой, что въ 1853 г. выходитъ въ отставку и переселяется въ Петербургъ.

Чѣмъ понравилась публикѣ и критикѣ первая повѣсть Писемскаго? Разнорѣчія быть не можетъ: вѣрностью и живостью воспроизведенія нашей неприглядной дѣйствительности.

Сюжетъ повѣсти простъ до пошлости: молодой человѣкъ, честный, неглупый, добрый, но лишенный энергіи и совсѣмъ незнающій жизни, необдуманно женится на пошлой провинціальной барышнѣ, которая выходитъ за него почти съ отвращеніемъ, по приказу родителей; узнавъ настоящій характеръ своей красавицы жены и ея чувства къ себѣ и другимъ, Бешметевъ спивается съ кругу. Также проста и второстепенная интрига: сестра Бешметева, которую судьба соединила съ легкомысленнымъ кутилой и хвастуномъ (очень напоминающимъ Ноздрева) любитъ другого, но послѣ борьбы остается вѣрна своему долгу и—переводитъ имѣніе на дѣтей.

Но дѣло здѣсь, конечно, не въ сюжетѣ, а въ необыкновенно тонкой обрисовкѣ характеровъ и въ такомъ изображеніи жизни, которое, представляя значительный эпическій интересъ, доводитъ читателя до полнѣйшей иллюзіи. Съ первыхъ же страницъ вы забываете, что у васъ въ рукахъ романъ, вымыселъ: все, что разсказываетъ авторъ—а разсказываетъ онъ, какъ замѣтилъ Достоевскій, мастерски: просто, безъ претензій, но съ большимъ юморомъ—вамъ представляется до того жизненнымъ, будто это происходитъ съ людьми, которыхъ вы только случайно не знаете, но подобныхъ имъ вы встрѣчали цѣлыя сотни.

Вотъ какъ начинается «Тюфякъ»:

«Однажды—это было въ концѣ августа—Перепетуя Петровна уже очень давно наслаждалась послѣобѣденнымъ сномъ. Въ спальнѣ было темно, какъ въ закупоренной бочкѣ. Средство это употребля-

лось ради спасенія отъ мухъ, необыкновенно злыхъ въ этомъ мѣсяцѣ. Часу въ шестомъ Перепетуя Петровна проснулась и пробыла нѣсколько минутъ въ томъ состояніи, когда человѣкъ не знаетъ еще хорошенько, проснулся онъ или нѣтъ, а потомъ старалась припомнить, день былъ это или ночь; однимъ словомъ, она заспалась: что, какъ извѣстно, часто случается съ здоровыми людьми, легшими послѣ сытнаго обѣда успокоить свое бренное тѣло. Это полусознательное состояніе Перепетуи Петровны было прервано приходомъ горничной дѣвки со свѣчей.

— Палашка! Это ты? сказала барыня, жмуря глаза, которымъ, видно, было непріятно ощущеніе свѣта.

— Я, матушка.

— Что тебѣ?

— Ѳеоктиста Савишна пріѣхали.

— Что же ты, дура, давно мнѣ не скажешь, проговорила Перепетуя Петровна, вставая проворно съ постели, насколько можетъ проворно встать женщина лѣтъ около 50-ти и пудовъ шести вѣса, а потомъ, надѣвъ передъ зеркаломъ траурный тюлевый чепецъ, съ печальнымъ лицомъ, медленнымъ шагомъ вышла въ гостиную. Гостья и хозяйка молча поцѣловались и усѣлись на диванѣ.

— Я въ моемъ горестномъ положеніи, сказала печальнымъ тономъ Перепетуя Петровна, сижу больше тамъ у себя, даже съ закрытыми окнами: какъ-то при свѣтѣ-то еще грустнѣе!» И т. д.

И вотъ Перепетуя Петровна передъ вами вся на лицо, какъ живая. Въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа эта Перепетуя Петровна (тетка героя) при всей своей ничтожности играетъ видную и даже фатальную роль: она, дѣйствуя свойственнымъ ей грубымъ нахрапомъ и наивнымъ лицемѣріемъ, заставляетъ Павла порвать всѣ свои записки и конспекты и отказаться отъ мысли готовиться на магистра (а онъ изъ такихъ людей, что только въ кабинетной работѣ и былъ бы на своемъ мѣстѣ); она знакомитъ Павла съ Кураевыми; она впослѣдствіи является виновницею серьезной ссоры супруговъ и т. д. А между тѣмъ она вовсе не злая женщина и посвоему искренно любитъ и мать Павла, и сестру его, и даже его самого, несмотря на его непочтительность. Даже и глупой ее нельзя назвать; а только она—пошлость воплощенная; вотъ и все тутъ.

Въ этомъ отношеніи на нее очень похожи почти всѣ остальныя лица повѣсти, всѣ они вовсе не злодѣи; напротивъ: по мнѣнію

своихъ знакомыхъ и друзей—очень, очень порядочные люди; а по-нашему—мелкіе эгоисты и пошляки до послѣдней степени; но при этомъ каждое изъ нихъ имѣетъ и свою совершенно особую физіономію. Подобно тому, какъ въ «Ревизорѣ», всѣ уѣздныя власти—и взяточники и пошляки, а развѣ кто можетъ смѣшать Ляпкина-Тяпкина съ Земляникой?

Писемскій — прямой ученикъ и наслѣдникъ Гоголя, который опредѣляетъ программу всей послѣдующей реальной литературы знаменитыми словами: «Легко изображать характеры большого размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно: черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный или алый, какъ огонь, плащъ,—и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ виду очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуловимыхъ особенностей,—эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ».

У Писемскаго есть такой «изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ», и онъ, какъ способный ученикъ, въ одномъ отношеніи идетъ даже дальше геніальнаго учителя: Гоголь нѣтъ — нѣтъ да и покажетъ изъ-за выводимыхъ имъ на сцену фигуръ свой длинный и острый носъ и свои проницательные, насмѣшливые глаза, а Писемскій до того уходитъ въ свою работу приглядыванія, выпытыванія и потомъ возсозданія, что совсѣмъ скрывается за своими созданіями. Онъ всѣми мѣрами открещивается отъ претензіи поучать читателя, а только даетъ ему факты: «на-ка, молъ, клади въ мѣшокъ, а дома разберешь, что тебѣ пригодно и что нѣтъ!» [1]).

Вотъ это-то и разумѣлъ, я думаю, Достоевскій, говоря, что Писемскій «уменъ, добродушенъ, даже наивенъ». Эта наивность иначе называется объективностью; она—неотъемлемое свойство всякаго здороваго, вполнѣ эпическаго произведенія. Это — наивность Гомера, наивность народныхъ сказокъ и былинъ, наив-

---

[1]) Письмо его къ Ѳ. И. Буслаеву отъ 3-го ноября 1847 (Пантеонъ, 1889. Совр. Лѣт. 2). Ср. статью Писемскаго о Гоголѣ.

ность Сервантеса. Достоевскій не чувствуетъ себя способнымъ къ ней, да и не желаетъ этого. Но онъ настолько уменъ и справедливъ, что цѣнитъ ее въ другихъ.

Такимъ же способнымъ ученикомъ Гоголя является Писемскій и въ послѣдующихъ своихъ повѣстяхъ и романахъ изъ дворянскаго и чиновничьяго быта: «Бракъ по страсти», «Комикъ», «Богатый женихъ», «Мг Батмановъ», «Фанфаронъ»; онъ почти нигдѣ не повторяетъ учителя, но усвоиваетъ его методъ и разрабатываетъ темы, мало имъ затронутыя или выдвинутыя послѣ него русской жизнью.

Вы помните, конечно, знаменитое раздѣленіе губернскаго общества въ 1-й главѣ Мертвыхъ Душъ на тоненькихъ и толстыхъ; Гоголь въ своей знаменитой поэмѣ, по крайней мѣрѣ въ 1-й ея части, занимается толстыми; Писемскій же принимается за тоненькихъ, а такъ какъ эти тоненькіе все больше «увиваются около дамъ» и, преимущественно въ ихъ обществѣ, «проявляютъ каждый свои наклонности», то—и за русскихъ дѣвицъ и барынь, которыхъ Гоголь обѣгалъ такъ старательно.

Зато въ этой области Писемскій встрѣтился съ геніальными предшественниками, съ которыми онъ не могъ не считаться, тѣмъ болѣе, что на произведеніяхъ ихъ онъ и самъ былъ воспитанъ: разумѣю авторовъ Онѣгина и Героя нашего времени, и здѣсь же столкнулся онъ съ высоко даровитыми сверстниками, продолжателями Пушкина и Лермонтова; назову хоть Тургенева и Гончарова. Результатъ получился такой: Писемскій воспользовался богатымъ (не по количеству, а по качеству) матеріаломъ, ему указаннымъ, обставилъ его новыми данными, доставленными ему жизнью, но остался вѣренъ методу и точкѣ зрѣнія излюбленнаго учителя.

Уже въ первой повѣсти Писемскаго роль генія разрушителя въ двухъ супружествахъ играетъ Бахтіаровъ, близкое родство котораго съ Печоринымъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Немного позднѣе Писемскій посвящаетъ тому же типу цѣлую повѣсть («Мг Батмановъ») и разрабатываетъ его съ свойственными его таланту тщательностью и рельефностью, но, вотъ что любопытно: безъ обычной ему объективности или, какъ называетъ Достоевскій, наивности: видна тенденція; видно стремленіе истребить запоздавшихъ Печориныхъ или, по крайней мѣрѣ, сорвать съ нихъ лохмотья ихъ чайльдгарольдова плаща и показать ихъ нравственный

индиферентизмъ и ихъ безсовѣстный эгоизмъ во всей неприглядной наготѣ. Писемскій въ этой повѣсти вовсе и не скрываетъ своего намѣренія развѣнчать «героя нашего времени»: у Батманова-Печорина здѣсь есть свой Грушницкій — Капринскій; здѣсь есть и Вѣра — М-ше Наумова, и княжна Мери — М-ше Бетси, и все это ярко написанныя, живыя фигуры; но различіе между ними и ихъ прототипами то же, что между поэзіей и грязненькой прозой, то различіе, которое такъ мѣтко и сильно выражено въ монологѣ сатаны у Алексѣя Толстого:

Вѣдь каждый данный пунктъ, характеръ или ликъ,
Мы можемъ мысленно, по нашему капризу,
И кверху продолжать и книзу.
Я часто самъ отъ скуки наблюдалъ,
Какъ иногда моя мѣняется натура;
Взберусь наверхъ — я мрачный идеалъ;
Спущуся внизъ — карикатура и т. д.

Писемскій и успѣваетъ спустить всѣ эти идеалы, какъ можно ниже, не переходя однако предѣловъ вѣроподобія. Въ соотвѣтствіи съ характерами и развязка: княжна Мери съ превеликимъ удовольствіемъ выходитъ замужъ по разсчету; Вѣра кокетничаетъ съ Грушницкимъ; самъ Грушницкій лишается—не жизни на дуэли, а фрака на провинціальномъ балу; а всего характернѣе судьба самого Печорина. Вотъ чѣмъ онъ кончилъ: «Года черезъ полтора Батмановъ сдѣлался кореннымъ сибирякомъ. Онъ управляетъ дѣлами одной пожилой и очень богатой вдовы, купчихи, живетъ у нея въ домѣ, ходитъ весь залитой въ брилліантахъ, носитъ черкесское платье, ѣздитъ по городу на кровныхъ рысакахъ и поитъ общество на убой шампанскимъ. Чѣмъ, подумаешь, не разрѣшалось русское разочарованіе!»

Итакъ, не удержался, какъ вы видите, и Писемскій отъ стремленія поучать читателей, за которое онъ такъ жестоко возстаетъ на 2-ю часть «Мертвыхъ душъ». Но пока у него это рѣдкій случай, объясняемый соперничествомъ двухъ поколѣній: уже слишкомъ злили университетскихъ людей 40-хъ годовъ подражатели Печориныхъ изъ отставныхъ офицеровъ.

Но Писемскій не щадитъ и новаго человѣка, который пришелъ на смѣну Печоринымъ и Грушницкимъ. Этотъ новый человѣкъ образованнѣй и какъ будто благороднѣй прежнихъ героевъ:» науку

страсти нѣжной» онъ въ грошъ не ставитъ; ухаживать за женщинами ради удовлетворенія своего самолюбія и властолюбія онъ считаетъ подлостью. Онъ признаетъ въ себѣ гражданина и возмущается грязнымъ эгоизмомъ окружающаго его общества. Если у него есть крестьяне, онъ собирается заняться устройствомъ ихъ быта; онъ собирается заняться и наукой, и литературой, и серьозной общественной дѣятельностью; но, къ сожалѣнію, все только собирается, какъ Тентетниковъ собирался писать книгу о Россіи. Онъ хорошо говоритъ и о дѣлѣ и о чувствахъ, но дѣла не дѣлаетъ, а чувства имѣетъ только пассивныя и отрицательныя. Онъ свободенъ отъ беззастѣнчиваго эгоизма Печориныхъ и Батмановыхъ, но лишенъ ихъ молодечества, удали и смѣлой правдивости. Онъ также любитъ рисоваться, позировать и, позируя, обманываетъ не только другихъ, но и самого себя. Въ сущности онъ также безполезенъ для общества и также пагубенъ для женщины, которая имѣетъ несчастіе полюбить его. Разница только въ томъ, что Печорина или Батманова обманутая женщина будетъ ненавидѣть, а Ельчанинова или Шамилова—презирать и, пожалуй, отчасти жалѣть. Но такая жалость, смѣшанная съ презрѣніемъ, едва ли не больше разбиваетъ вѣру въ людей, чѣмъ ненависть.

Ельчаниновъ и Шамиловъ — разновидности того же типа, который всѣмъ намъ такъ хорошо извѣстенъ по «Дневнику лишняго человѣка», «Гамлету Щигровскаго уѣзда» и, главное,—по Рудину. Какъ уже давно указано, Писемскій по времени обогналъ Тургенева, а по способу обрисовки между Рудинымъ и Шамиловымъ такая же разница, какъ между Печоринымъ и Батмановымъ: и здѣсь мы видимъ идеалъ, спущенный книзу; и здѣсь будто картина рафаэлевской школы перерисована ученикомъ Теньера. Очевидно, дѣло не въ преднамѣренности автора, а въ направленіи *его* таланта. При такомъ направленіи трудно рисовать хорошихъ людей, такъ называемые положительные типы, и ихъ, дѣйствительно, мало у Писемскаго, да и тѣ нѣсколько напоминаютъ отзывъ Собакевича о прокурорѣ. Хорошій и умный у него человѣкъ Рымовъ въ «Комикѣ», да горькій пьяница; хорошій юноша Леонидъ въ повѣсти «Виновата ли она?» [1]), да лѣнтяй отчаянный; хорошій человѣкъ Савелій въ «Боярщинѣ», да ужъ слишкомъ ограниченный.

[1]) Повѣсть эта вышла въ 1855 г., и Чернышевскій въ Современникѣ назвалъ ее лучшимъ произведеніемъ за этотъ годъ.

Женщины у Писемскаго, какъ и у Тургенева и у Гончарова, лучше и нравственно чище мущинъ; и онѣ, конечно, написаны той же теньеровской кистью, но въ нихъ больше порядочности и искренности, и въ нихъ больше силы сопротивленія окружающей грязи и пошлости. Онѣ часто колеблятся, иногда даже падаютъ, но доброе начало все же подъ конецъ беретъ верхъ. Таковы его «героини». Второстепенныя и третьестепенныя лица бываютъ, какъ говорится, со всячинкой; есть и провинціальныя нравственно неопрятныя кокетки; есть и столичныя «львицы», которыхъ довольно ѣдко преслѣдуетъ авторъ за ихъ наивную и внѣшнюю эманципацію, состоящую въ куреніи крѣпкихъ папиросъ и истребленіи шампанскаго стаканами. Но и въ нихъ указываетъ Писемскій проблески искренняго чувства и свѣтлаго ума, и съ ними миритъ онъ читателя. Непримиримо-злобнымъ оказывается онъ къ старухамъ и полустарухамъ пуританкамъ, которыя съ великимъ наслажденіемъ распинаютъ чужія репутаціи, а свои прошедшіе и настоящіе грѣхи прикрываютъ лицемѣріемъ и ханжествомъ. Читатель, конечно, не сердится на автора за этотъ праведный гнѣвъ.

Гораздо болѣе сильное и полное впечатлѣніе производятъ раннія повѣсти и очерки Писемскаго изъ народнаго быта: въ умѣньѣ изображать великорусскаго мужика положительно въ то время не было ему равнаго, да и можно сомнѣваться въ томъ, далеко ли ушли отъ него впередъ наши народники 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Здѣсь Писемскій уже не ученикъ Гоголя, а самъ по себѣ. Можно ли сравнивать каррикатурныя гоголевскія фигуры дядей Митяевъ и Миняевъ съ мастерскими, написанными съ такой душевной теплотой изображеніями костромскихъ мужиковъ Писемскаго? Онъ какъ будто совсѣмъ преображается, когда входитъ въ этотъ родной и симпатичный ему міръ (недаромъ хорошо знавшій и искренно любившій его Анненковъ самого его называетъ чистымъ типомъ умнаго великорусскаго мужика): онъ оказывается способнымъ создавать характеры высоко героическіе, моменты глубоко трогательные, страсти сильныя и въ то же время цѣломудренныя.

Да, какъ ни страннымъ кажется это слово въ примѣненіи къ Писемскому, я рѣшаюсь утверждать, что его Петръ въ «Плотничьей артели» и даже его кутила—Питерщикъ—люди съ цѣломудренными страстями, несмотря на всю наивную рѣзкость рѣчей своихъ. Но онъ остается самимъ собою въ томъ отношеніи, что ни на іоту не

подкрашиваетъ дѣйствительности, не допускаетъ никакихъ натяжекъ и слащавости. Что мужицкая рѣчь у Писемскаго обладаетъ необыкновенной типичностью и мѣткостью, это признали и въ концѣ 60-хъ годахъ самые горячіе его противники. Что его мужицкіе характеры отличаются почти монументальной законченностью и выразительностью, признаетъ всякій, кто хоть пробѣжитъ его «Плотничью артель». И теперь, черезъ 40 лѣтъ, дѣлается ужасно досадно, что Писемскій не позналъ, въ чемъ его главная, почти исполинская сила; что онъ не сдѣлался художникомъ этнографомъ и вмѣсто неисчерпаемо богатыхъ розсыпей народной жизни сталъ разработывать тонкій пластъ нашей интеллигенціи, высшіе интересы которой по своей эоирности и противорѣчивости были и не симпатичны и не вполнѣ понятны его сильной и умной, но немного грубоватой натурѣ.

Но мы еще возвратимся къ его изображенію народа по поводу его «Горькой судьбины».

Достоевскій выходилъ изъ каторги и обучался военному артикулу, когда Писемскій началъ работать надъ самымъ крупнымъ и самымъ знаменитымъ своимъ произведеніемъ: «Тысяча душъ».

Идея этого романа будетъ вполнѣ ясна, когда мы припомнимъ отношеніе автора къ героямъ сороковыхъ годовъ, къ слабовольнымъ, тряпичнымъ людямъ, которымъ

Суждены лишь благіе порывы.
А свершить ничего не дано.

Эти господа въ его изображеніи—типы несомнѣнно отрицательные (Шамиловъ въ «Богатомъ женихѣ» оказывается негодяемъ даже по сравненію съ полуидіотомъ Степой), а между тѣмъ у него должно же было существовать стремленіе создать типъ положительный, по крайней мѣрѣ настолько положительный, насколько допускалъ это его беззавѣтный реализмъ, замѣтно усилившійся послѣ того, какъ онъ увидалъ въ 1855 году, какъ пострадалъ его великій учитель, пытаясь во второй части «Мертвыхъ душъ» стать идеалистомъ и пророкомъ.

Представимъ себѣ, что Писемскій разсуждалъ такимъ образомъ: у насъ все идетъ гадко. Чтобы измѣнить это, намъ нужны истинно образованные и хорошіе люди. Откуда взять ихъ? Не изъ-за границы же выписывать?! Да и незачѣмъ: у насъ есть свои университеты. Что же даютъ они? Изъ 100 молодыхъ людей, оканчиваю-

щихъ тамъ курсъ, одинъ можетъ достигнуть профессорства, какъ достигъ бы его Бешметевъ, еслибъ его не женили на пошлой кокеткѣ; одинъ можетъ сдѣлаться писателемъ, какъ сдѣлался я. А остальные 98, куда они дѣваются? Скажемъ, что $^1/_3$ изъ нихъ дворяне помѣщики, болѣе или менѣе обезпеченные; изъ нихъ выходятъ Ельчаниновы и Шамиловы, т. е. люди, ни на что не годные; $^2/_3$—семинаристы и другіе бѣдняки; эти сейчасъ же стремятся получить кусокъ хлѣба и съ головой опускаются въ тину, именуемую службой; лучшіе изъ нихъ спиваются съ горя; слабѣйшіе начинаютъ «жить, какъ люди живутъ», т. е. гнуть спину передъ начальствомъ, подставлять другъ другу ножку, брать взятки, спать послѣ обѣда до одурѣнія, вечеромъ играть въ карты, мечтать о выгодной невѣстѣ, о собственномъ домикѣ и пр.

Если кто-нибудь изъ нихъ лѣтъ черезъ 20 и доберется до вліятельнаго мѣста—раньше онъ «выдти въ люди» не можетъ: у него нѣтъ для этого ни связей, ни денегъ, ни даже манеръ порядочныхъ,—то оказывается, что университетскій «духъ» уже давно вывѣтрился изъ него безъ остатка и «печать позорнаго опошлѣнія горитъ на его челѣ» [1]),

Гдѣ же найти дѣятелей? На кого надѣяться? А если я возьму такой случай: способный и умный юноша, воспитанный изъ милости въ барской обстановкѣ (слѣдовательно, имѣющій манеры и раздраженное самолюбіе) попадаетъ въ университетъ и пропитывается честными идеями. Запасъ характера и воли у него достаточный, но средствъ никакихъ.

Можетъ ли онъ по окончаніи курса добиться такого служебнаго положенія, чтобы примѣнить къ дѣлу свои силы и убѣжденія? Отвѣтъ ясенъ: никоимъ образомъ; до того у насъ все застыло въ своеобразной китайщинѣ. Онъ можетъ только существовать службой да и то очень плохо; а желаніе широкой дѣятельности будетъ грызть его выше всякой мѣры.

Предположимъ, что ему представляется возможность пріобрѣсти богатство и связи, но для этого ему надо сдѣлать крупную, хотя и ненаказуемую подлость, напр. жениться на уродѣ. Затруднимъ его положеніе тѣмъ, что ему для этого надо бросить хорошую дѣвушку, которую онъ любитъ, любитъ по крайней мѣрѣ на столько, на

---

[1]) Писемскій: „Старческій грѣхъ“ изд. Стелловскаго, 294.

сколько можетъ любить честолюбивый, завистливый къ благамъ жизни человѣкъ (не забудемъ про его воспитаніе въ богатомъ домѣ, гдѣ его и лакеи обносили кушаньями за столомъ; не забудемъ, что зависть, привычку къ роскоши безъ правъ на роскошь, и уязвленное самолюбіе онъ вынесъ въ жизнь изъ дѣтскихъ лѣтъ). Устоитъ ли онъ противъ искушенія? Нѣтъ, отвѣчаетъ скептикъ и реалистъ Писемскій; какъ умный человѣкъ, онъ въ концѣ концовъ непремѣнно разсудитъ, что, если онъ откажется отъ «случая», онъ вѣчно будетъ жалѣть объ этомъ; онъ и самъ будетъ несчастенъ и отравитъ жизнь любимаго человѣка. Какіе будутъ фазисы борьбы? Писемскій, хоть и прожилъ болѣе половины жизни въ столицѣ, былъ кровный и, если можно такъ выразиться, убѣжденный провинціалъ и терпѣть не могъ Петербурга; по его представленію, пока герой въ провинціи, онъ будетъ сопротивляться: въ провинціи подлость слишкомъ на виду, и человѣкъ больше отдается живымъ и натуральнымъ инстинктамъ. Попадетъ герой въ блестящій, шумный Петербургъ, гдѣ даже капитанъ Копѣйкинъ сталъ мечтать объ англичаночкахъ и сторублевыхъ арбузахъ, судьба его свершится: онъ покинетъ преданную ему дѣвушку и продастъ себя за тысячу душъ. Вотъ канва первой части романа.

Что будетъ дальше? Если герой, пріобрѣтя богатство и видное положеніе, почіетъ на лаврахъ, онъ не герой, а дрянь, и заниматься имъ не стоило. Но характеръ взятъ сильный и умъ недюжинный; для такого человѣка средство не можетъ сдѣлаться цѣлью; если онъ и продалъ душу свою дьяволу, то не за сторублевые арбузы, а за нѣчто большее. Цѣль его не широка, но ясна и опредѣленна; у него есть идея государственной пользы и правды, и онъ будетъ проводить ее со всей свойственной ему энергіей и честными, по возможности, средствами.

Будетъ ли онъ счастливъ или по крайней мѣрѣ доволенъ? Конечно, нѣтъ: онъ не Сквозникъ-Дмухановскій, котораго «красная кавалерія» и возможность задавать тону передъ городничими могутъ осчастливить даже въ перспективѣ, и, съ другой стороны, онъ слишкомъ эгоистиченъ, чтобы всецѣло уйдти въ свою идею, тѣмъ болѣе, что и самъ не можетъ признавать за ней мірового значенія.

Будетъ ли онъ имѣть успѣхъ?

Въ отдѣльныхъ случаяхъ и не надолго—да; а потомъ его непремѣнно сломаютъ: слишкомъ мало правды и сознанія общей пользы

въ тѣхъ сферахъ, гдѣ ему придется дѣйствовать. Но дѣятельность его нельзя будетъ назвать пустой и безцѣльной: она имѣетъ значеніе, какъ попытка и примѣръ; его прогонятъ со службы, но набранные имъ чиновники останутся, а взяточники послѣ его погрома хоть и будутъ брать взятки и грабить казну, но не съ прежней свободой духа и беззастѣнчивости.

Изложеніе администраторской дѣятельности Калиновича, безъ сомнѣнія, именно тѣ страницы романа, которые наиболѣе воодушевляли автора. Читатель не можетъ не чувствовать, съ какимъ наслажденіемъ создавалъ эти сцены Писемскій; вѣдь онъ самъ девять лѣтъ прослужилъ въ провинціи на маленькихъ мѣстахъ, и въ безсильной, хотя и праведной злобѣ созерцалъ гадости, которыя дѣлались кругомъ него, и только про себя мечталъ о томъ, какъ было бы хорошо явиться туда въ качествѣ лица, имѣющаго власть и связи въ Петербургѣ, и разнести все это стоячее болото, прикрытое глубокой пародіей на законность и культуру.

До искренняго паѳоса, до своеобразной героической эпопеи возвышается холодный скептикъ Писемскій, когда онъ вмѣстѣ съ своимъ героемъ борется противъ «милаго взяточника» губернатора, разрушаетъ все міросозерцаніе откупа, сажаетъ въ острогъ мошенника князя, нагоняетъ паническій ужасъ на всѣ губернскія власти своей знаменитой рѣчью о злоупотребленіяхъ, которыхъ «конечно, и сотой доли не существуетъ въ здѣшней губерніи», потомъ избиваетъ взяточниковъ и казнокрадовъ цѣлыми «увалами-перевалами», какъ Васька Буслаевъ мужиковъ новгородскихъ, и наконецъ, гибнетъ, подавленный множествомъ, какъ Тарасъ Бульба, когда «чуть не тридцать человѣкъ повисли на рукахъ у стараго».

Но все же «Тысяча душъ» не административная поэма, а романъ: надо его украсить любовью, и Писемскій заставляетъ своего героя снова встрѣтиться съ брошенной имъ дѣвушкой. Авторъ поступаетъ здѣсь съ большимъ умомъ и тактомъ, а что еще того важнѣе, съ теплымъ человѣческимъ чувствомъ. Во-первыхъ—судьба этой дѣвушки: она не погибла, но и не выплыла наверхъ; она стала провинціальной актрисой, и осталась женщиной честной. Во-вторыхъ, моментъ встрѣчи. Если-бъ Калиновичъ еще дѣлалъ свою карьеру, и Настенька ему помѣшала бы, и онъ явился бы передъ нею въ очень неприглядномъ свѣтѣ заурядного карьериста. Если-бъ Калиновичъ былъ уже сокрушенъ врагами, ему при его громадномъ

самолюбіи было бы страшно тяжело принять сострадательную любовь Настеньки; онъ мучился бы самъ и мучилъ ее. А въ романѣ такъ: карьера уже сдѣлана, и цѣль Калиновича обозначилась ясно; молва о его суровой энергіи и честности гремитъ и достигаетъ Настеньки. Калиновичъ по виду наслаждается недолговѣчнымъ успѣхомъ, а на душѣ у него страшная тоска одиночества; онъ окруженъ врагами даже въ семьѣ своей. [И въ это-то время онъ получаетъ записку отъ Настеньки. Когда онъ распрашиваетъ о ней суфлера, у этого высохшаго честолюбца-чиновника «перехватывается голосъ», какъ у восемнадцати-лѣтняго юноши. Настенька и Калиновичъ встрѣчаются въ первый разъ послѣ десятилѣтней разлуки въ театрѣ, и встрѣчаются въ такихъ условіяхъ, что ни тотъ ни другая не могутъ стыдиться своего прежняго увлеченія: она—прекрасная эктриса, умѣющая извлекать слезы даже у толстыхъ провинціальныхъ чиновницъ; онъ—честный дѣятель на вершинѣ своего могущества; они еще любятъ другъ друга, такъ какъ только другъ съ другомъ знали счастье. Но жизнь прожита, и прожита не радостно... Мало знаю я въ новѣйшей литературѣ такихъ сурово трогательныхъ сценъ, какъ этотъ дебютъ актрисы Миняевой въ плохой драмѣ Коцебу: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе»; много плохихъ романовъ и драмъ можно за нее простить Писемскому!

Немедленно послѣ этой встрѣчи начинаются служебныя несчастія Калиновича: въ ту же ночь узнаетъ онъ, что жена его уѣхала въ Петербургъ поддерживать его враговъ своими деньгами и связями. Онъ посылаетъ за Настенькой, и та второй разъ приноситъ себя въ жертву Калиновичу. Но не собачья привязанность руководитъ ею, какъ увѣряли критики будто бы со словъ самого Писемскаго; собачьей называетъ ея любовь эгоистъ Калиновичъ [1]), а Писемскій 50-хъ годовъ не смѣлъ и не могъ такъ назвать цѣломудренное чувство женщины (увы, рѣдко знакомое муж-

---

[1]) Писемскій и Калиновачъ далеко не одно и то же: авторъ любитъ своего героя, любитъ, можетъ быть, больше, чѣмъ тотъ этого заслуживаетъ (одинъ разъ изъ-за этой любви Писемскій даже опускается до мелодрамы, какъ замѣтилъ это и О. Ѳ. Миллеръ), но не щадитъ его и ставитъ въ Петербургѣ въ такія унизительныя положенія и часто рисуетъ его такимъ безсердечнымъ, что о полномъ тождествѣ ихъ взглядовъ не можетъ быть и рѣчи. Отношеніе между ними приблизительно такое же, какъ между Грибоѣдовымъ и Чацкимъ.

чинамъ), которое заставляетъ ее остаться вѣрной предмету своей юной любви, если она хоть чѣмъ-нибудь, хоть съ натяжкою можетъ оправдать свое увлеченіе; изъ того же чувства въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Грушенька уѣзжаетъ къ своему «прежнему»; изъ того же чувства и Татьяна любитъ Онѣгина до конца жизни.

Романъ кончается поразительнымъ по своей рѣзкости манифестомъ реализма:

«Черезъ полгода послѣ смерти жены, Калиновичъ женился на Настенькѣ. Фактъ этотъ, казалось-бы, развязывалъ для меня, какъ для романиста, всѣ нити, но въ то же время я никакъ не могу, подобно старымъ повѣствователямъ, сказать, что главные герои мои, послѣ долговременныхъ треволненій, пристали наконецъ въ мирную пристань тихаго семейнаго счастія. Далеко это было не такъ на самомъ дѣлѣ! Сломанный нравственно, больной физически, Калиновичъ рѣшился на новый бракъ единственно потому только, что ни на что болѣе не надѣялся и ничего уже болѣе не ожидалъ отъ жизни; да и Настенька, болѣе ужъ, кажется, любившая Калиновича по воспоминаніямъ, оставила театръ и сдѣлалась дѣйствительною статскою совѣтницею скорѣе изъ сознанія какого-то долга, что она одна осталась въ мірѣ для этого человѣка и обязана хоть сколько нибудь поддержать и усладить жизнь этой разбитой, но все-таки любезной для нея силы, и такимъ образомъ одинъ только капитанъ сталъ вполнѣ наслаждаться жизнію, заправляя по всему дому хозяйствомъ и постоянно называя племянника и племянницу: «ваше превосходительство».

О такой беззавѣтной и горькой правдѣ почти понятія не имѣла европейская поэзія до введенія въ нее русскаго романа. Оттого въ 1869 г. такъ и поразилъ нѣмецкую критику переводъ «Тысячи душъ» [1]).

А въ Россіи «Тысяча душъ», помимо своего художественнаго достоинства, была и гражданскимъ подвигомъ: Писемскій явился въ этомъ романѣ однимъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей такъ называемой литературы обличительной. Понятіе это, какъ извѣстно, очень скоро опошлилось и сохраняетъ нѣкоторый запахъ

---

[1]) Писемскій и самъ прекрасно понималъ, что сила его таланта именно въ его поразительной правдивости и въ 1863 г. такъ опредѣлилъ себя: „Вашъ полетъ не высокій, не орлиный, но не лживый", говоритъ ему „умный" Лившовъ. (Взбалом. Море III, 59).

пошлости и до сихъ поръ, но въ 1858 г. было иное дѣло: «Губернскіе Очерки» только что начали привлекать вниманіе.

Къ роману «Тысяча душъ» по силѣ и направленію таланта непосредственно примыкаетъ повѣсть «Старческій Грѣхъ» (1860 г.). Этой небольшой и мѣстами не совсѣмъ обдѣланной повѣстью можетъ гордиться русская литература, какъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и цѣлостныхъ произведеній кануна освобожденія крестьянъ и великой эпохи преобразованій. Я увѣренъ, что черезъ 40—50 лѣтъ «Тысяча душъ», «Горькая судьба» и «Старческій Грѣхъ» будутъ расходиться въ дешевыхъ изданіяхъ и возстановлять имя Писемскаго, погубленное его послѣдующими произведеніями. А читая Писемскаго, наши внуки оправдаютъ и страшную ломку, которую вынесло общество, и поймутъ всѣ крайности и даже безобразія, которыя выплыли на свѣтъ при этой ломкѣ.

«Старческій грѣхъ»—глубоко трогательная и страшная, хотя нисколько не «фантастическая» исторія честнаго и богатырски-сильнаго идеалиста 40-хъ годовъ, который свою безрадостную жизнь заканчиваетъ самоубійствомъ въ острогѣ, куда онъ посаженъ по обвиненію въ покражѣ казенныхъ денегъ. Писемскій и въ этой трагической исторіи является ученикомъ творца «Мертвыхъ душъ» и даже изъ нихъ, можетъ быть, безсознательно заимствуетъ схему для одной части своей повѣсти (объѣздъ Іосафомъ помѣщиковъ и купцовъ для займа денегъ, какъ объѣздъ Чичикова, даетъ автору возможность вывести на сцену разнообразные типы). Но типы здѣсь другіе, и цѣль автора другая: не веселый смѣхъ, а ужасъ внушаютъ эти безобразники и эгоисты, имѣющіе власть надъ сотнями и тысячами живыхъ людей; нѣтъ и слѣда той патріархальности, которая до нѣкоторой степени мирила читателей съ несовершенствомъ нашихъ порядковъ: не по канвѣ вышиваетъ губернаторъ, а «какъ тигръ свирѣпствуетъ»; не закуски устраиваетъ взяточникъ полицмейстеръ, а людей пытаетъ на законномъ основаніи. У всякаго другого романиста при такой точкѣ зрѣнія вышло бы страшное преувеличеніе, своего рода «Тайны инквизиціи», и дѣйствующія лица оказались бы театральными масками небывалыхъ злодѣевъ; у Писемскаго все это—«дѣло житейское», все это—добрые граждане и усердные администраторы, достойные очередныхъ наградъ. Только въ самомъ концѣ повѣсти изъ души автора вырывается крикъ: «Жить въ такомъ обществѣ, гдѣ Ферапонтовы являются преступ-

никами, Бжестовскіе—людьми правыми, и судьи—въ родѣ полицмейстера: чтобы жить въ этомъ обществѣ, какъ хотите, надобно имѣть большой запасъ храбрости».

Дальше идти некуда: необходимо повернуть на иную дорогу. Не могъ идти дальше и художественный пессимизмъ Писемскаго.

Въ томъ-же году, когда Писемскій дописывалъ «Старческій грѣхъ», его драма «Горькая судьбина» была увѣнчана академіей и обошла всѣ сцены Россіи.

«Горькая судьбина» не изъ тѣхъ произведеній, которыя живутъ столѣтіями и доставляютъ эстетическое наслажденіе всему человѣчеству. Переведите ее теперь по-французски, и она пожалуй покажется мало понятной въ главныхъ характерахъ и плохо построенной мелодрамой. Но въ свое время и на своемъ языкѣ это—сильная, красивая и честная пьеса, дѣлающая честь народу, изъ котораго она вышла, и художнику, который съумѣлъ такъ хорошо понять свой народъ. 25-ть лѣтъ идетъ «Горькая судьбина» на русской сценѣ и еще долго будетъ идти, пока крѣпостное право не отойдетъ въ область археологіи.

«Горькая судьбина» вмѣстѣ съ «Записками охотника»—самый сильный протестъ противъ крѣпостного права; тѣмъ сильнѣе этотъ протестъ, что авторъ вовсе не задавался мыслью протестовать, а только старался остаться вѣрнымъ дѣйствительности.

Только тенденціозное невѣжество могло думать, что образованные представители правящаго класса въ Россіи были когда-нибудь довольны варварствомъ крѣпостныхъ порядковъ. Слезы императрицы Екатерины въ спорѣ съ Сумароковымъ очень краснорѣчивое доказательство того, какъ тяжело было покоряться этой горькой необходимости. Суровыя мѣры противъ потрясателей этой «основы» объясняются именно сознаніемъ ея непригодности и антипатичности въ принципѣ: извѣстно, что люди больше всего раздражаются тогда, когда ихъ упрекаютъ въ недостаткѣ, ими вполнѣ и съ болью сердца сознаваемомъ.

Не рѣшаясь устранить вѣковое зло, правительство возлагало всѣ надежды на русское благодушіе, обусловленное отсутствіемъ побѣдителей и побѣжденныхъ, на частныя ограничивающія и сдерживающія мѣры, а главное, на образованіе дворянства, на распространеніе среди него гуманныхъ идей посредствомъ институтовъ, гимназій, универ-

ситетовъ. Ближайшая цѣль, повидимому, достигалась. Отошло въ вѣчность поколѣніе екатерининскихъ дворянъ, культурныхъ только по внѣшности, а на дѣлѣ безсовѣстно пользовавшихся своими противоестественными правами. Сходятъ со сцены и дворяне абсентеисты александровской эпохи, смотрѣвшіе на мужика, какъ на доходную статью. Выступаетъ новое поколѣніе, образованное, гуманное, проникнутое сознаніемъ своего долга по отношенію къ крестьянамъ. Представьте себѣ, что встала бы изъ гроба Екатерина II съ своими либеральными совѣтниками и увидала бы, какъ Чеглоковы—Соковины, окончивъ курсъ наукъ въ университетахъ, разъѣзжаются по своимъ деревнямъ; да она заплакала бы на этотъ разъ уже отъ радости за счастіе Россіи. Такіе помѣщики, проживая безвыѣздно въ деревняхъ, будутъ совѣтниками, помощниками, естественными защитниками своихъ крестьянъ, которые подъ ихъ разумнымъ управленіемъ будутъ умнѣть и богатѣть не по днямъ, а по часамъ; помѣщики настроятъ школъ, больницъ, банковъ и пр., и Россія, разбитая на массу мелкихъ общинъ, руководимыхъ просвѣщенными землевладѣльцами, процвѣтетъ на зависть всѣмъ сосѣдямъ.

Все это было бы возможно, еслибъ въ основѣ отношеній не лежало вѣковое проклятіе, именуемое крѣпостнымъ правомъ. А какіе результаты получаются при этомъ условіи — отвѣтъ даетъ драма Писемскаго.

Я уже говорилъ, что Писемскій дѣлается неузнаваемъ, когда переходитъ изъ барскаго, городского общества въ деревенское, мужицкое: изъ пессимиста и циника становится идеалистомъ.

Въ «Горькой судьбинѣ» всѣ главныя дѣйствующія лица — прекрасныя люди. Лучше всѣхъ, конечно, Ананій: умный, работящій, идеально честный, богатырь по силѣ характера, онъ въ то же время довѣрчивъ и добръ, какъ ребенокъ; онъ такъ далекъ отъ всякой мысли о преступленіи, что и послѣ ужасной бѣды, которая стряслась надъ нимъ, прежде всего идетъ совѣтоваться къ священнику. Жена его Лизавета—кроткое, доброе, любящее созданіе, изъ тѣхъ не особенно умныхъ и храбрыхъ, но беззавѣтно привязчивыхъ женщинъ, которыя бываютъ идеальными женами именно при сильныхъ мужьяхъ. Хорошая и справедливая женщина и ея мать; большинство мужиковъ—хорошіе и честные люди. А лучше и справедливѣй всѣхъ самъ гуманный баринъ, который горячо и искренно защищаетъ своего соперника—мужика передъ Золотиловымъ.

Что-же вышло изъ этого сожительства столькихъ прекрасныхъ людей? Добрый и умный баринъ допивается съ горя до чахотки; лучшій мужикъ его деревни идетъ подъ кнутъ и въ Сибирь съ грѣхомъ убійства на душѣ, а несчастная Лизавета остается на позоръ и поношеніе доплакивать свою жизнь.

Правдоподобенъ ли такой сюжетъ? Безусловно правдоподобенъ. Начнемъ съ того, что онъ не выдуманъ Писемскимъ, а взятъ имъ изъ жизни, изъ уголовнаго дѣла. Это, конечно, далеко не безспорное доказательство типичной, художественной правдивости, но и ея здѣсь даже больше, чѣмъ необходимо. Чеглоковъ вовсе не подготовленъ и не способенъ къ серьезной заботѣ о хозяйствѣ и о судьбѣ своихъ мужиковъ; но именно въ силу своей гуманности и своихъ либеральныхъ убѣжденій онъ можетъ, а въ силу своей молодости и недовольства обществомъ помѣщиковъ долженъ увлечься красивой и симпатичной крестьянкой. Лизавета не лжетъ барину, когда говоритъ, что еще дѣвушкой заглядывалась на него; но не лжетъ и мужу, когда оправдываетъ свою измѣну насиліемъ и угрозами: въ ней настолько сильно чувство долга, что безъ посторонняго давленія она легко совладала бы съ капризомъ своего сердца. Чеглоковъ, конечно, не способенъ къ насилію; но тутъ есть бурмистръ, который привыкъ и умѣетъ «служить господамъ», и исполнять ихъ желанія даже раньше, чѣмъ они ихъ выскажутъ. Но и бурмистръ по натурѣ своей вовсе не злодѣй, не Маринелли изъ Эмиліи Галотти, а только продуктъ крѣпостного права.

Такова завязка; что въ такой же степени правдоподобенъ весь ходъ драмы, доказывается ея огромнымъ успѣхомъ на сценѣ.

Въ композиціи пьесы есть недостатки [1]); но въ общемъ «Горькая судьбина» оставляетъ сильное, стройное и необыкновенно законченное впечатлѣніе, въ особенности благодаря финальной сценѣ появленія Ананія съ повинной и его прощанія съ женой и со всею деревней.

Зрителю безусловно ясно будущее всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: умретъ добрый и умный баринъ послѣ надѣланныхъ имъ мерзостей и глупостей; заклюютъ сосѣдки Лизавету за ея

---

[1]) Въ первомъ актѣ наивная обидчивость дяди Никона плохо мотивируетъ страшное открытіе; въ четвертомъ актѣ губернаторскій чиновникъ дѣйствуетъ неестественно дерзко и глупо и пр.

грѣхъ, замучитъ ее новый баринъ, какъ виновницу смерти своего брата. Не пропадетъ только одинъ Ананій несмотря на кнутъ и каторгу. Искупивъ свой грѣхъ страданіемъ, онъ и въ «Мертвомъ домѣ» будетъ живымъ и хорошимъ человѣкомъ, однимъ изъ тѣхъ хорошихъ людей, изученіе которыхъ излѣчило Достоевскаго отъ его ипохондріи [1]) и вселило въ него несокрушимую вѣру въ русскій народъ.

Я заканчиваю нынѣшнюю лекцію нѣсколькими замѣчаніями о «Запискахъ изъ Мертваго дома», которыя Достоевскій вывезъ съ собой изъ Сибири въ самый годъ появленія «Горькой судьбины» (для мотивированной оцѣнки ихъ мало было бы и цѣлой лекціи).

Въ 1881 г. потрясенный извѣстіемъ о смерти Достоевскаго, Левъ Толстой вспоминаетъ не о «Преступленіи и наказаніи», не о «Братьяхъ Карамазовыхъ», а именно о «Запискахъ изъ Мертваго дома». «Я не знаю, пишетъ онъ, лучше книги во всей новой литературѣ, включая Пушкина» [2]).

Не будемъ взвѣшивать ее, положивъ на другую чашку вѣсовъ всего Пушкина, но признаемъ, что это одна изъ самыхъ правдивыхъ, самыхъ задушевныхъ и нравственныхъ и самыхъ прекрасныхъ книгъ, какія есть на свѣтѣ; она одна могла бы оправдать всѣ оваціи надъ могилой Достоевскаго и упрочить для него высокое мѣсто въ исторіи литературы.

Куда только ни заглядывало досужее воображеніе французскихъ романистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ? Съ какой готовностью водили они читателей по самымъ ужаснымъ притонамъ подонокъ человѣчества! Какой параграфъ уголовнаго кодекса не иллюстрированъ ими? Въ уголовныхъ романахъ, которые и до сихъ поръ расходятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, преступники всевозможныхъ разновидностей встрѣчаются цѣлыми десятками; совершивъ преступленіе, они скрываются отъ глазъ читателя на нѣсколько лѣтъ на галеры и потомъ вновь выходятъ оттуда на свѣтъ, истомленные, изможденные или озлобленные. Что было съ ними тамъ, отъ читателя скрыто; даже французскій реализмъ послѣдняго времени едва дерзаетъ заглядывать въ этотъ земной адъ.

Правда, есть одно блестящее исключеніе, которое, конечно, вамъ

---

[1]) Письма, стр. 110.

[2]) Памяти Достоевскаго, стр. 30.

теперь приходитъ на память: В. Гюго посвятилъ нѣсколько превосходныхъ страницъ изображенію жизни и типовъ каторжныхъ. Но черезъ сравненіе этихъ поэтическихъ страницъ съ «Записками изъ Мертваго дома» всего рельефнѣе опредѣляется превосходство послѣднихъ, а до извѣстной степени характерныя черты русскаго искусства вообще: тамъ фантазія и красота—здѣсь правда; тамъ паѳосъ—здѣсь задушевность; тамъ героизмъ—здѣсь человѣчность.

Ровно 60 лѣтъ назадъ явилась на свѣтъ книга сходнаго съ «Записками изъ Мертваго дома» содержанія и тона, имѣвшая важное историческое значеніе и до сихъ поръ повсемѣстно читаемая, книга грубоко правдивая и нравственная, написанная талантливымъ художникомъ, который, какъ и Достоевскій, писалъ не по разсказамъ, а по горькому опыту, ибо также за политическое преступленіе «къ злодѣямъ причтенъ былъ». Я разумѣю: «Мои темницы» Сильвіо Пеликко. Это—очень хорошая книга, что и говорить, вполнѣ заслуживающая свою популярность. Но сравните ее съ «Записками изъ Мертваго дома»: какъ она бѣдна содержаніемъ и мыслями! Въ ней человѣкъ въ тяжкомъ заключеніи перерождается нравственно, производитъ своей искренностью благотворное дѣйствіе и на читателя; но онъ самъ все время занятъ только собой и читателя какъ бы уединяетъ отъ міра; остальные, не политическіе преступники, такъ и остаются для него грязными отбросками человѣчества, полузвѣрями, и онъ отворачивается отъ нихъ съ презрѣніемъ.

Не то у Достоевскаго: глубоко вѣруя въ человѣка, считая преступленіемъ подобное отношеніе къ падшему, онъ съ перваго же дня хочетъ войти въ многочисленную семью каторжныхъ, но войти такъ, чтобы не подлаживаться къ ея тону, не поступиться ничѣмъ своимъ. Съ глубокимъ интересомъ онъ въ первый же вечеръ всматривается въ эти клейменыя лица и уже любитъ ихъ, любитъ въ нихъ людей. Они отталкиваютъ его, издѣваются надъ нимъ; онъ не навязывается, отдаляется на время, но про себя оправдываетъ ихъ и продолжаетъ любить ихъ. И вотъ онъ постепенно начинаетъ различать между ними безпорядочныхъ, пустыхъ хвастуновъ и серьозныхъ людей, слабохарактерныхъ, лишенныхъ инициативы, и героевъ, добрыхъ и злыхъ; но въ самомъ отъявленномъ злодѣѣ онъ видитъ брата и въ его загрязненную душу проникаетъ любящимъ взоромъ.

Результатомъ этой великой работы любви явилась книга, а въ

книгѣ—великое открытіе, которое смѣло можно поставить по крайней мѣрѣ на ряду съ величайшими открытіями вѣка. Подозрѣвалъ ли кто-нибудь до выхода въ свѣтъ «Записокъ изъ Мертваго дома», сколько благодушныхъ, истинно хорошихъ людей, при иныхъ условіяхъ идеально добрыхъ гражданъ, находится между бритыми кандальниками? Зналъ ли кто-нибудь, что и масса ихъ состоитъ изъ преступниковъ случайныхъ, и что имя, которое имъ даетъ русскій народъ: несчастные, вовсе не евфемизмъ, не свидѣтельство о благодушіи этого народа, а скорѣе свидѣтельство его здраваго смысла, что и въ тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, въ которыя они поставлены тамъ, въ Мертвомъ домѣ, они остаются людьми со всѣми человѣческими слабостями, со способностью сильно чувствовать добро, красоту и истину?

Каторжники-товарищи рѣшили наконецъ, что Достоевскій хорошій человѣкъ. И теперь черезъ 40 лѣтъ ихъ приговоръ подтвердитъ вся грамотная Россія: онъ высоко талантливый художникъ, но онъ прежде всего—хорошій человѣкъ, правдивый, искренній, безконечно любящій.

II.

Въ прошлой лекціи я прослѣдилъ дѣятельность Достоевскаго и Писемскаго до начала великой эпохи преобразованія, и въ заключеніе я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о «Запискахъ изъ Мертваго дома», которыя Достоевскій, такъ сказать, перенесъ съ собою изъ конца 50-хъ годовъ въ 60-ые. Эти «Записки изъ Мертваго дома» наиболѣе художественное, единственное безусловно художественное произведеніе Достоевскаго, такъ какъ въ нихъ великая идея и прекрасная форма вполнѣ уравновѣшены между собою, такъ какъ въ нихъ нельзя ни выкинуть, ни исправить ни одной черты. Во всѣхъ его послѣдующихъ произведеніяхъ идея какъ будто подавляетъ самого автора и беретъ надъ формою верхъ; онъ стремится выразить эту идею именно съ такою же силою и убѣдительностью, съ какою самъ сознаетъ и чувствуетъ ее, а это ему удается не сразу. Добившись, наконецъ, выраженія точнаго и достаточно сильнаго, онъ не рѣшается исключить всѣ прежнія попытки, такъ какъ въ иныхъ изъ нихъ извѣстная сторона идеи выражена съ большею

ясностью, нежели въ окончательной формѣ. Онъ, конечно, сознаетъ, что отъ этого страдаетъ стройность композиціи, но онъ всегда наклоненъ жертвовать красотою для истины.

По той же причинѣ Достоевскій, столь ревнивый къ оригинальности своихъ произведеній со стороны идеи, не задумываясь, повторяетъ свои типы и положенія, если находитъ, что эти типы и положенія можно выразить еще сильнѣй и рельефнѣй, нежели онъ сдѣлалъ это прежде.

Но очень часто Достоевскій не имѣлъ физической возможности выправить свое произведеніе и сдѣлать его болѣе сильнымъ и стройнымъ: 1-ая часть была уже въ рукахъ читателя въ то время, когда онъ писалъ 2-ую [1]).

Причины, почему такъ исключительно посчастливилось «Запискамъ изъ Мертваго дома», двѣ: первая, конечно, содержаніе, не выдуманное, а данное собственной жизнью, что̀ для поэта правды всегда представляетъ огромныя выгоды; а вторая та, что, работая надъ ними, Достоевскій не могъ имѣть въ виду скоро напечатать ихъ по цензурнымъ условіямъ, писалъ ихъ почти для себя и такимъ образомъ имѣлъ полную возможность, такъ сказать, выносить ихъ въ душѣ своей.

Работая для печати, какъ до ссылки, такъ и послѣ нея, Достоевскій всегда ужасно торопился, былъ въ крайне нервномъ и возбужденномъ состояніи духа. Положимъ, онъ увѣрялъ, что такъ выходитъ лучше [2]), но онъ же самъ въ 1856 г. пишетъ Майкову [3]), что для большой работы нужно спокойствіе духа. Видимое противорѣчіе онъ самъ же превосходно объясняетъ въ письмѣ къ брату (отъ 31 мая 1858 г.) [4]), который выразилъ мысль, что хорошія вещи создаются сразу: «Ты явно смѣшиваешь вдохновеніе, т. е.

---

[1]) Часто же бывало и хуже, какъ онъ самъ говоритъ въ 1864 году (См. Матеріалы, стр. 208): „начало главы романа или повѣсти было уже въ типографіи и наборѣ, а окончаніе еще сидѣло въ моей головѣ, но непремѣнно должно было написаться къ завтрему“.

[2]) См. выше въ письмѣ изъ крѣпости и ср. „Униженные и оскорбленные“, 5-ое изд. стр. 447. „У меня выработывается, въ такую напряженную работу какое-то особенное раздраженіе нервовъ; я яснѣе соображаю, живѣе и глубже чувствую, и даже слогъ мнѣ вполнѣ подчиняется, такъ что въ напряженной-то работѣ и лучше выходитъ“.

[3]) Письма, стр. 86.

[4]) Письма, стр. 113.

первое, мгновенное созданіе картины или движенія въ душѣ (что всегда такъ и дѣлается) съ работой. Я, напримѣръ, сцену тотчасъ же и записываю такъ, какъ она мнѣ явилась впервые, и радъ ей; но потомъ, цѣлые мѣсяцы, годъ, обработываю ее, вдохновляюсь ею по нѣскольку разъ, а не одинъ (потому что люблю эту сцену) и нѣсколько разъ прибавляю къ ней или убавляю что-нибудь, какъ и было у меня, и повѣрь, что выходило гораздо лучше».

Къ сожалѣнію, эту программу въ цѣломъ Достоевскій, повидимому, только и примѣнилъ, что къ «Бѣднымъ людямъ» и къ «Запискамъ изъ Мертваго Дома». Работая надъ другими своими произведеніями, Достоевскій отчасти по своей винѣ, а больше по винѣ обстоятельствъ оказывался почти всегда въ такомъ положеніи, что, хотя идея являлась свободно и зрѣла долго, исполнять ее приходилось на заказъ, наскоро и часто при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что если всмотрѣться въ нихъ, просто словъ не найдешь, чтобъ выразить свое удивленіе къ гигантской духовной мощи больного человѣка, который могъ работать въ такихъ жизненныхъ тискахъ.

Я позволяю себѣ забѣжать впередъ и разсказать по несомнѣннымъ документамъ, какъ Достоевскій писалъ «Идіота», одно изъ самыхъ глубокихъ по идеямъ и одно изъ самыхъ мучительныхъ, если можно такъ выразиться, кошмарныхъ, истеричныхъ по исполненію, своихъ произведеній.

Весною 1867 г. Достоевскій почти сейчасъ же послѣ свадьбы уѣзжаетъ за-границу. Это не свадебная поѣздка для удовольствія, а добровольная ссылка; въ это время «за-граница» совсѣмъ не интересуетъ Достоевскаго, и ему и нужно и хочется жить въ Россіи, такъ же какъ и его молодой женѣ; это—бѣгство отъ долговъ, которые онъ принялъ на себя послѣ смерти брата, отъ кредиторовъ, которые уже подали ко взысканію. Достоевскій ничего не имѣлъ бы и противъ долгового отдѣленія [1]): но здоровье его до того разстроено, припадки падучей болѣзни [2]) до того участились, мозгъ такъ потрясенъ, что въ знаменитомъ домѣ Тарасова онъ не вынесъ бы и мѣсяца, а стало быть и долги остались бы невыплаченными. Чтобъ обвѣнчаться и уѣхать, онъ сдѣлалъ новый долгъ, и для него огромный: взялъ впередъ у Каткова подъ ненаписанный романъ

[1]) Письма, стр. 169.

[2]) Онъ чувствовалъ наклонность къ ней съ ранней юности; въ Сибири болѣзнь выразилась вполнѣ опредѣленно.

3000 рублей. Но изъ этихъ 3-хъ тысячъ едва-ли и третья часть переѣхала съ нимъ границу: вѣдь въ Петербургѣ на его попеченіи остается сынъ его первой жены и вдова его брата съ дѣтьми. Направляясь на югъ, въ Швейцарію, онъ заѣзжаетъ въ Баденъ, гдѣ рулетка, и рѣшаетъ рискнуть десяткомъ луидоровъ въ надеждѣ выиграть тысячи двѣ франковъ: [1]) «вѣдь это на 4 мѣсяца житья со всѣмъ, со всѣми петербургскими», мечтаетъ онъ. Достоевскій сперва выигралъ 4000 франковъ, не могъ остановиться и проигралъ все, что съ нимъ было, не исключая и своего платья и вещей жены [2]). Чтобы выѣхать изъ Бадена, онъ снова занимаетъ у Каткова, а сейчасъ же по пріѣздѣ на мѣсто, въ Женеву, долженъ просить 150 рублей у многосемейнаго и небогатаго Майкова, такъ какъ у него, Достоевскаго, всего 18 франковъ въ карманѣ; просить же опять у Каткова у него не хватаетъ духу: «Пройдетъ два мѣсяца, дѣло другое; тогда я вышлю ему тысячи на полторы романа и опишу свое положеніе».

Почти годъ живетъ Достоевскій въ Женевѣ, работая отчаянно (онъ пишетъ по $3^1/_2$ листа въ мѣсяцъ) и иногда нуждаясь въ самомъ необходимомъ. У него родится первый ребенокъ; онъ въ 3 мѣсяца успѣваетъ страстно привязаться къ нему; ребенокъ умираетъ; Достоевскій въ неописуемомъ отчаяніи: жена плачетъ по цѣлымъ ночамъ [3]), а мужъ долженъ писать по 8 часовъ не вставая. «Не думаю, чтобъ было порядочно, замѣчаетъ онъ: потому что очень тяжело было писать» [4]). Нужно бы переѣхать въ другой городъ, развлечь себя и жену; но средствъ нѣтъ (даже похороны 3-хъ мѣсячной крошки для нихъ большой «сверхсмѣтный» расходъ) [5]); да и времени нѣтъ на переѣздъ: надо отработывать долгъ. Наконецъ Достоевскому удается перебраться въ Веве, а оттуда въ Миланъ; но настроеніе его духа не лучше, и романъ отъ этого не выигрываетъ; онъ самъ крайне недоволенъ его формой; по его мнѣнію,

---

[1]) Этотъ странный расчетъ на выигрышъ и игорный азартъ со стороны такого серьезнаго и безусловно честнаго человѣка вмѣстѣ съ усилившеюся болѣзнью слѣдуетъ, мнѣ кажется, считать результатомъ той надломленности, которую Достоевскій вынесъ изъ каторги.

[2]) Письма, стр. 173.

[3]) Стр. 178.

[4]) Ibid.

[5]) Стр. 189.

она до того плоха, что даже «идея романа почти лопнула» [1]); но что жъ дѣлать: «Надо спѣшить изо всѣхъ силъ, работать, не перечитывая, гнать на почтовыхъ и, въ концѣ концовъ, все-таки не поспѣю» [2]). Неудача романа сильно его огорчаетъ, но онъ до того задавленъ нуждой, что сокрушается не о гибели оригинальной и сильной идеи, а объ невозможности отдѣльнаго изданія, которое принесло бы нѣсколько сотъ рублей! Деньги для него въ это время до такой степени все, что онъ даже считается съ покойнымъ братомъ Михаиломъ, котораго въ письмахъ изъ Сибири называлъ «благодѣтелемъ»; теперь онъ доказываетъ, что еще при жизни отдалъ ему весь свой долгъ [3]). Когда близкій его пріятель Н. Н. Страховъ приглашаетъ его участвовать въ новомъ журналѣ «Заря», первая его мысль—получить впередъ часть денегъ за повѣсть, за которую онъ еще и не принимался. Всѣ его письма къ Ап. Майкову переполнены денежными расчетами, запросами и судбищемъ, изъ за недоплаты нѣсколькихъ сотъ рублей, съ Стелловскимъ, съ котораго онъ мечтаетъ «сорвать» неустойку, хотя, видимо, и самъ конфузится своихъ мечтаній. Нужно ли доказывать, что не алчность и не мстительность руководитъ Достоевскимъ, а крайняя необходимость: въ каждую данную минуту онъ или нуждается до послѣдней степени, до униженія, или заранѣе трепещетъ въ ожиданіи безденежья, которое среди чужихъ за-границей во сто разъ тяжеле, нежели у себя дома, гдѣ всегда найдутся и друзья, и заработокъ Все время безъ перерывовъ стремится онъ въ Россію, куда его тянетъ и тоска по родинѣ, и увеличивающаяся семья, и необходимость устроить денежныя дѣла, и вполнѣ законная потребность романиста, изображающаго русскую дѣйствительность, знать эту дѣйствительность не по газетамъ, а по собственнымъ наблюденіямъ. И въ такихъ-то ужасныхъ условіяхъ живетъ онъ четыре года и, отрабатывая забранныя впередъ деньги, пишетъ два романа и большую повѣсть!

Можно ли требовать отъ «Идіота» и «Бѣсовъ» соразмѣрности частей, художественности? Можно ли удивляться этимъ надрывамъ ума и воображенія, этой смѣси «кошмара и безумія» съ «мучи-

---

[1]) Стр. 196.
[2]) Стр. 195.
[3]) Стр 203.

тельной правдивостью» и страдальческой задушевностью?[1]). Можно ли удивляться, что и въ семидесятыхъ годахъ, при полной зрѣлости огромнаго таланта Достоевскаго, мы встрѣчаемъ въ его романахъ психопаталогію, вмѣсто психологіи, и нервическую, болѣзненную фантастику, вмѣсто художественнаго воспроизведенія дѣйствительности?

Не такъ написаны «Записки изъ Мертваго дома», и вотъ отчего онѣ и останутся вѣчной книгой, которой никогда не начитаешься досыта, какъ не начитаешься Пушкинымъ, Гоголемъ и Записками Охотника.

Въ 1859 г. Достоевскій прощенъ, и ему дозволено выдти въ отставку и вернуться въ Россію. Въ этомъ же году онъ печатаетъ двѣ большія повѣсти: «Дядюшкинъ сонъ» (Русское Слово) и «Село Степанчиково и его обитатели» (От. Зап.).

«Дядюшкинъ сонъ»—одно изъ наименѣе субъективныхъ произведеній Достоевскаго. Тема его до крайности невинная, не имѣвшая ни малѣйшаго отношенія къ жгучимъ вопросамъ дѣйствительности: это—исторія неудачной попытки женить полуразвалившагося старика на красивой и умной барышнѣ. Интересна общая идея о томъ, что и самая лучшая дѣвушка можетъ продать себя за деньги «по сложившимся обстоятельствамъ»; интересно и сопоставленіе развалины, любезника-аристократа XVIII столѣтія, и хорошей сильной современной дѣвушки. Но самъ Достоевскій былъ, очевидно, недоволенъ тѣмъ, какъ онъ обработалъ это оригинальное положеніе, и черезъ 15 лѣтъ онъ переработалъ его вновь въ »Подросткѣ», значительно реальнѣе и глубже. А что касается до общей идеи, то въ ней нельзя не видѣть тѣснаго литературнаго сродства съ Онѣгинымъ Пушкина.

Достоевскій при всей своей нервности и впечатлительности — человѣкъ, замѣчательно устойчивый въ своихъ задушевныхъ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ. Поэтому, исходя изъ любого крупнаго его произведенія, можно разсматривать всю его предыдущую жизнь и дѣятельность, какъ подготовленіе къ этому произведенію, и все послѣдующее, какъ дальнѣйшее совершенно логическое послѣдствіе. Это одна изъ важнѣйшихъ причинъ его обаятельнаго вліянія на друзей и на все общество; въ этомъ его сила, особенно поражав-

[1]) Идіотъ, стр. 450.

шая во время того перелома въ русскомъ обществѣ, который произошелъ въ 60-хъ годахъ, перелома, послѣ котораго вчерашніе столпы отечества готовы были сегодня сочувствовать анархистамъ, а вчерашніе либералы, даже мученики свободомыслія, сегодня дѣлались крайними консерваторами и съ пѣной у рта требовали казни своихъ же учениковъ.

Достоевскій остался чуждъ этой почти повальной слабости своего вѣка: онъ каковъ въ колыбельку, таквъ и въ могилку. Онъ былъ религіозенъ въ дѣтствѣ; онъ въ 25 лѣтъ до глубины души огорчался нападками на религію самыхъ уважаемыхъ имъ людей; онъ горячо молился въ каторгѣ и умеръ съ текстомъ Евангелія на устахъ,

Въ 22 года онъ идеализируетъ русскую учащуюся молодежь въ студентѣ Покровскомъ и въ 50 лѣтъ, когда большинство его сверстниковъ готово смотрѣть на нее, какъ на какую-то язву, онъ относится къ ней съ той же душевной теплотой и симпатіей. 13-тилѣтнимъ мальчикомъ онъ поклоняется Пушкину, и 60-ти-лѣтнимъ старикомъ онъ выражаетъ тотъ же безграничный восторгъ передъ нимъ. Его знаменитая рѣчь посвящена, какъ вы знаете, апоѳеозу Татьяны въ Онѣгинѣ. Татьяна—именно тотъ идеальный типъ, который занимаетъ Достоевскаго всю его жизнь; черезъ эту поэтическую призму онъ смотритъ на русскую женщину вообще, и оттого такъ идеально благородны, такъ страстны къ самопожертвованію, такъ прекрасны душою всѣ женщины Достоевскаго.

«Дядюшкинъ сонъ», на мой взглядъ,—этюдъ на тему пушкинской Татьяны. Достоевскаго мучитъ мысль, какимъ образомъ такая благородная дѣвушка, какъ Татьяна, могла поддаться уговорамъ родныхъ и, любя Онѣгина, могла выдти замужъ за важнаго генерала. И вотъ онъ возсоздаетъ современную ему Татьяну въ лицѣ Зины, напитываетъ ее Шекспиромъ и свѣтлыми идеями, влюбляетъ ее въ хорошаго, но слабовольнаго человѣка, болѣзненно самолюбиваго мечтателя, котораго, какъ и героя «Бѣлыхъ ночей», списываетъ съ одной стороны своего характера, разочаровываетъ ее въ немъ, не истребляя любви въ ея сердцѣ—такія женщины, какъ она, любятъ только одинъ разъ и навсегда—и ставитъ ее въ такое положеніе, что она готова выдти замужъ за развалину—князя. Заключительная сцена, гдѣ Зина является женой сибирскаго генералъ-губернатора,

конечно, женой вѣрной и вполнѣ достойной своего положенія — прямо комментарій въ повѣствовательной формѣ на послѣднюю часть Онѣгина.

«Село Степанчиково»—произведеніе вполнѣ оригинальное, и тема эта у Достоевскаго уже никогда не повторялась. Обрабатываетъ его Достоевскій еще въ Сибири и, кажется, въ 1856 г. О немъ, я полагаю, говоритъ Достоевскій въ письмѣ къ Ап. Майкову отъ 18 января 1856 г. «Я шутя началъ комедію и шутя вызвалъ столько комической обстановки, столько комическихъ лицъ и такъ понравился мнѣ мой герой, что я бросилъ форму комедіи, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствія какъ можно дальше слѣдить за приключеніями моего новаго героя и самому хохотать надъ нимъ. Этотъ герой мнѣ нѣсколько сродни. Короче, я пишу комическій романъ, но до сихъ поръ все писалъ отдѣльныя приключенія, написалъ довольно, теперь все сшиваю въ цѣлое».

Если мое предположеніе справедливо (а опровергнуть его можно только, допустивъ другое предположеніе, ни на чемъ не основанное, что Достоевскій въ 1856 года работалъ надъ другимъ комическимъ романомъ, который потомъ забросилъ и истребилъ), въ вышеприведенныхъ словахъ мы имѣемъ ключъ къ пониманію главнаго характера «Села Степанчикова» — и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ интереснѣйшихъ примѣровъ того, какъ поэтъ пользуется дѣйствительностью для созданія типовъ, повидимому, совсѣмъ не похожихъ на эту дѣйствительность.

Что общаго между прямодушнымъ, правдивымъ Достоевскимъ и приживальщикомъ Ѳомою Ѳомичемъ, безобразнымъ ломакой, капризнымъ эгоистомъ и деспотомъ, избалованнымъ почти идіотскимъ поклоненіемъ старой генералыши и благодушнаго до непростительной слабости дядюшки? Повидимому, ничего. Но Достоевскій усматриваетъ въ себѣ болѣзненно раздражительное самолюбіе, провидитъ его связь съ капризничаньемъ, съ заносчивостью, съ желаніемъ властвовать надъ окружающими посредствомъ притворнаго уничиженія, съ эгоизмомъ, наконецъ, который былъ всегда до крайности противенъ ему, и рѣшается раздѣлаться съ собою за эти антипатичныя качества. И вотъ онъ создаетъ творческой фантазіей такія условія, при которыхъ это самолюбіе достигаетъ высшей, почти патологической степени развитія, и выводитъ на сцену въ высшей степени ориги-

нальный типъ, не комическій—онъ не способенъ къ этому по свойству своего таланта,—а тригикомическій и безусловно отрицательный, нѣчто въ родѣ русскаго Тартюфа.

Но Достоевскій слишкомъ любитъ людей, чтобы не попытаться возбудить въ читателѣ жалость даже къ этой испорченной душѣ, чтобы хоть на минуту не сдѣлать своего героя добрымъ, хотя бы на половину изъ расчета, и онъ заставляетъ Ѳому устроить счастье идеальнѣ добраго дяди.

На одномъ изъ второстепенныхъ лицъ этой повѣсти можно наглядно показать противоположность міровоззрѣнія и связанную съ этимъ разность пріемовъ творчества Достоевскаго и Писемскаго. Здѣсь дѣйствуетъ старая дѣва, Татьяна Ивановна, вѣчно мечтающая о любви и замужествѣ. Въ повѣсти Писемскаго «Виновата ли она?» (которую Чернышевскій назвалъ лучшимъ произведеніемъ за цѣлый 1855 г.), дѣйствуетъ М-lle Марасѣева, тоже дѣвица «не совсѣмъ пріятной наружности и достаточнаго числа лѣтъ», тоже имѣющая необыкновенно сильное желаніе составить себѣ партію. Обѣ дѣвицы—живыя фигуры, но похожія другъ на друга также мало, какъ Донъ-Кихотъ на контрабандиста и придорожнаго разбойника. М-lle Марасѣева—заурядная хитрая проныра и эгоистка, но при этомъ дѣвица вполнѣ приличная, изъ которой, при удачѣ ея исканій, можетъ выдти гоголевская «дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ»; Татьяна Ивановна—исключительное явленіе: несчастная полупомѣшанная, смѣшная своими претензіями нравиться, но въ душѣ—ангелъ доброты и кротости [1]).

Изъ повторяющихся у Достоевскаго характеровъ здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на самолюбиваго лакея Видоплясова, въ которомъ впервые мелькаютъ черты будущаго Смердякова, и на «заѣденнаго фортуной», добровольнаго шута Ежевикина, который представляетъ разновидность того же безсмертнаго типа, какой мы имѣемъ въ

---

[1]) Оригинальность „Села Степанчикова» въ цѣломъ не исключаетъ, конечно, возможности предполагать невольныя и безсознательныя заимствованія въ частности: эпизодъ о похищеніи Татьяны Ивановны очень напоминаетъ подобное же неудачное похищеніе старой дѣвы въ „Запискахъ Пиквикскаго Клуба“ Диккенса.

Кстати замѣтимъ, что Писемскій не любилъ и не понималъ Диккенса и напротивъ преклонялся передъ его соперникомъ, пессимистомъ Теккереемъ (см. статью о Гоголѣ 1885 г.).

чиновникѣ Покровскомъ, знаменитомъ Мармеладовѣ и капитанѣ, отцѣ Илюши.

Въ 1861 г. Достоевскій уже окончательно основался въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ братомъ издаетъ ежемѣсячный журналъ «Время», въ которомъ печатаетъ свой первый большой романъ «Униженные и Оскорбленные», и «Записки изъ Мертваго дома».

«Время» въ исторіи русской журналистики незабвенной памяти 60-хъ годовъ займетъ, безъ сомнѣнія, видное и самостоятельное мѣсто. Надо было имѣть большую дозу гражданскаго мужества, чтобы въ эпоху такой ожесточенной борьбы крайностей выступить съ проповѣдью середины, съ проповѣдью того гуманнаго либерализма, который въ то время внушалъ чуть не омерзеніе обоимъ лагерямъ и однимъ казался добродѣтелью Молчалина, а другимъ— только маской самыхъ разрушительныхъ и антипатріотичныхъ началъ; публикѣ же—повтореніемъ задовъ, лишеннымъ перцу и соли. Что же касается до идеи народности, которую журналъ Достоевскаго написалъ на своемъ знамени, это была растяжимая и въ то время до того неустановившаяся идея, что всякій понималъ ее по-своему и всякій былъ убѣжденъ, что его пониманіе есть единое истинное; для массы же она была хорошимъ словомъ, не болѣе; вопросъ былъ въ томъ, какъ новый органъ будетъ выяснять и проводить ее.

«Время», какъ извѣстно, имѣло успѣхъ положительный. Но я говорю о Достоевскомъ, какъ о художникѣ, и ограничиваюсь утвержденіемъ, что его романъ, а тѣмъ болѣе «Записки» способствовали этому успѣху въ наибольшей степени.

Романъ «Униженные и Оскорбленные» не очень высоко ставили и самые близкіе друзья Достоевскаго; это фельетонный романъ, говорили они; въ немъ куклы, а не люди, ходячія книжки, а не лица, принявшія художественную форму [1]), и самъ авторъ соглашался съ ними, называлъ свой романъ произведеніемъ дикимъ [2]). Самый даровитый и вліятельный критикъ того времени Добролюбовъ поставилъ его ниже эстетической критики и поставилъ не голословно и не изъ духа партіи, а съ очень и очень вѣскими доводами и при полной симпатіи къ автору.

---

[1]) Матеріалы и пр., 208.

[2]) Но признавалъ, что въ немъ есть полсотни страницъ, которыми онъ можетъ гордиться, и два серьезныхъ характера.

А мнѣніе публики, очевидно совсѣмъ другое: въ нѣсколько лѣтъ романъ этотъ выдержалъ 5 изданій и до сихъ поръ читается почти такъ-же усердно, какъ «Преступленіе и Наказаніе» и «Карамазовы» и значительно больше, чѣмъ «Подростокъ», «Идіотъ» и «Бѣсы».

Романъ, дѣйствительно, имѣетъ вопіющіе недостатки вслѣдствіе той страшной поспѣшности, съ которой писалъ его Достоевскій (онъ въ то же время велъ и нѣсколько другихъ отдѣловъ въ журналѣ и несъ на себѣ, по крайней мѣрѣ, половину заботъ по редакціи) [1]; а все-таки, скорѣй права публика, чѣмъ друзья Достоевскаго, и «Униженные и Оскорбленные» займутъ высокое мѣсто въ исторіи литературы.

Дѣло въ томъ, что здѣсь впервые развернулось нравственное міросозерцаніе вполнѣ созрѣвшаго Достоевскаго, и здѣсь оно не затемнено политикой и публицистикой. Основа этого міровоззрѣнія одинаково доступна и мудрецу и ребенку: это вѣра въ человѣка, въ чистоту его сердца, и глубокое убѣжденіе, что спасеніе отъ всѣхъ золъ жизни въ нашей власти: надо только исполнить евангельскую заповѣдь: возлюби ближняго какъ самого себя. Люди такъ добры по природѣ и всѣмъ такъ хочется счастія. Люди ссорятся и дѣлаютъ зло только по недоразумѣнію; поймемъ это, и зло исчезнетъ. «Пусть о н и проклинаютъ насъ,—говоритъ Алеша,—а мы будемъ любить ихъ, и они не устоятъ и простятъ намъ», и мы всѣ будемъ счастливы.

Этотъ Алеша—одинъ изъ тѣхъ характеровъ, оригинальностью которыхъ справедливо гордился Достоевскій; это дѣйствительно его созданіе, а не «старая погудка на новый ладъ». Алеша—взрослый ребенокъ, чистый сердцемъ, несмотря на свое воспитаніе въ аристократическомъ домѣ негодяя-отца, несмотря на свою жизнь въ кругу петербургской золотой молодежи; онъ настолько невиненъ и прекрасенъ душою, что никакая грязь къ нему не пристанетъ, и что бы онъ ни дѣлалъ,—а онъ можетъ дѣлать и дурные поступки—всѣ хорошіе люди, всѣ дѣти и всѣ животныя всегда будутъ любить его. Онъ ограниченъ, легкомысленъ, вѣчно подъ чужимъ вліяніемъ, а все-таки же всегда и во всемъ правъ, потому что не знаетъ зла

[1]) Романъ написанъ до того небрежно, что разсказчикъ Иванъ Петровичъ въ началѣ заявляетъ, что онъ умираетъ въ больницѣ, а въ концѣ оказывается почти здоровымъ и полнымъ надеждъ на счастіе.

и не можетъ понять его. Алеша одновременно любитъ двухъ дѣвушекъ и одновременно любимъ ими обѣими, и такова сила его душевной чистоты и правдивости, что онъ заставляетъ этихъ дѣвушекъ-соперницъ любить и уважать другъ друга, и каждая изъ нихъ готова пожертвовать собою и своею любовью для его счастья съ другою. Кто не читалъ романа или забылъ его, тому такая фабула покажется смѣшной и нелѣпой; но въ томъ-то и сила Достоевскаго, что онъ сдѣлалъ возможной и вѣроятной эту святую нелѣпость [1]).

Идея чистой отъ эгоизма, всепрощающей любви выражена въ разсказчикѣ Иванѣ Петровичѣ [2]). Какъ бы ни былъ мужчина добръ и благороденъ, но если любимая имъ и когда-то любившая его женщина объявляетъ ему, что она полюбила другого, онъ считаетъ своимъ долгомъ отшатнуться отъ нея; если же онъ будетъ помогать ея новой любви, способствовать ея счастью съ другими, его назовутъ тряпкой, человѣкомъ безъ самолюбія. Иванъ Петровичъ, недавно почти женихъ Наташи, безъ борьбы съ собою остается ея вѣрнымъ другомъ, помощникомъ и защитникомъ, когда она любитъ Алешу, и не чувствуетъ при этомъ никакого униженія, хотя онъ человѣкъ самолюбивый и мнительный. И при этомъ имъ руководитъ вовсе не собачья привязанность, не слѣпая патологическая страсть (какую, напр., изображаетъ Тургеневъ въ «Вешнихъ Водахъ») и не низкій расчетъ на то, что Наташа когда-нибудь все же возвратится къ нему, а именно забывающая о себѣ любовь и сознаніе, что онъ необходимъ для Наташи, которая не можетъ быть вполнѣ счастлива, убѣжавъ отъ отца съ матерью.

Ту же идею въ большей или меньшей степени выражаютъ и другія лица романа: и старики Ихменевы, и милліонерша Катя, ребенокъ-женщина, и пьяный шантажистъ Маслобоевъ, и Александра Семеновна, и когда-то болѣзненно-озлобленная, но подъ

---

[1]) Изъ предшественниковъ Достоевскаго такое отношеніе между соперницами, встрѣчается, сколько помню, только у Гофмана („Роковая связь событій" въ Серапіоновыхъ братьяхъ). На «Униженныхъ и Оскорбл.» видно вліянія Гофмана и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ: Смитъ съ своей собакой, какъ указываетъ и самъ Достоевскій,—совершенно гофмановская фигура.

[2]) Она мелькала уже въ „Бѣлыхъ ночахъ", а теперь черезъ 15 лѣтъ нашла болѣе яркое выраженіе.

первымъ прикосновеніемъ любви и добра быстро переродившаяся Нелли [1]).

Всѣ эти лица совсѣмъ не похожи между собою, но всѣ они горячо любящіе и «душевные» люди. Если у Гоголя и у Писемскаго читатель изумляется тонкимъ оттѣнкамъ, которые отличаютъ массу пошлыхъ и дрянныхъ человѣчковъ другъ отъ друга, у Достоевскаго, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ романахъ, онъ поражается количествомъ такъ называемыхъ положительныхъ типовъ. Въ этомъ противоположность Достоевскаго и Писемскаго. А вотъ въ чемъ ихъ существенное сходство. Въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» на всѣхъ хорошихъ людей выставленъ только одинъ злодѣй—князь; но зато это такой злодѣй, какихъ Достоевскій не видалъ и на каторгѣ: безъ всякихъ признаковъ чести и совѣсти. Достоевскій самъ былъ слишкомъ пылкій человѣкъ, слишкомъ идеалистъ, чтобы умѣть соблюдать мѣру при изображеніи зла. Но если мы откинемъ преувеличеніе, смягчимъ густоту красокъ, князь, отецъ Алеши, окажется холоднымъ, безжалостнымъ эгоистомъ, циникомъ въ душѣ и по подкладкѣ своихъ дѣйствій, но чрезвычайно приличнымъ и деликатнымъ съ виду, къ тому же человѣкомъ, замѣчательно умнымъ и пріятнымъ въ обхожденіи—т. е. двѣ капли воды княземъ изъ «Тысячи душъ» [2]), который играетъ такую роковую роль въ судьбѣ Калиновича и къ которому объективный Писемскій относится съ нескрываемой злобой. Я полагаю, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о литературномъ заимствованіи, о вліяніи «Тысячи душъ» на «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» [3]), а только естественное совпаденіе. Какъ ни несходны Писемскій и Достоевскій по темпераментамъ, по условіямъ жизни, оба они че-

---

[1]) Это одинъ изъ самыхъ граціозныхъ и поэтическихъ характеровъ Достоевскаго, характеръ вполнѣ оригинальный по существу, хотя и нельзя, я думаю, отвергать въ немъ вліянія чуднаго созданія Гёте—Миньоны. Къ этому характеру Достоевскій подходилъ еще въ Неточкѣ Незвановой; онъ уже и тогда любилъ и понималъ дѣтей „съ мрачнымъ впечатлѣніемъ въ юной душѣ". Нелли такъ удалась Достоевскому, что онъ уже не повторялъ ея, но пользовался отдѣльными чертами и въ „Подросткѣ" и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» (Лиза Хохлакова).

[2]) Первый болѣе слабый очеркъ того же типа у Писемскаго—Владиміръ Андреевичъ въ „Тюфякѣ".

[3]) Хотя не могу не отмѣтить, что оба князя изливаютъ свою душу бѣднякамъ въ сходной обстановкѣ.

стные русскіе писатели 60-хъ годовъ, ученики однихъ и тѣхъ же учителей, люди съ сильной демократической жилкой [1]), съ ненавистью къ лицемѣрію и любовью къ правдѣ.

Романъ Достоевскаго, какъ и «Тысяча душъ», оканчивается полнымъ благополучіемъ для негодяя князя: князь Писемскаго вышелъ сухъ изъ воды, низвергъ губернатора Калиновича и благополучно обобралъ Полину. Князь Достоевскаго женилъ сына на милліонершѣ, благополучно надулъ Маслобоева и самъ собирается жениться на молоденькой дѣвушкѣ; правда, одинъ изъ нихъ имѣетъ пріятное воспоминаніе о заключеніи въ острогѣ, а другой носитъ пощечину отъ Ивана Петровича; но они люди безъ предразсудковъ и для нихъ это совершенные пустяки.

Иная судьба положительныхъ типовъ: Ихменевы проиграли процессъ; Наташа опозорена, и жизнь ея разбита. Но читатель не промѣняетъ участи несчастнаго отца ея на участь побѣдителя князя: «Пусть мы униженные, пусть мы оскорбленные, но мы опять вмѣстѣ, и пусть, пусть теперь торжествуютъ эти гордые и надменные, унизившіе и оскорбившіе насъ! Пусть они бросятъ въ насъ камень! Мы пойдемъ рука въ руку, и я скажу имъ: это моя дорогая, моя возлюбленная дочь . . . которую я благословляю во вѣки вѣковъ».

Въ томъ же 1861 г., когда Достоевскій возстановилъ былую славу автора «Бѣдныхъ людей» своимъ романомъ («Дядюшкинъ сонъ» и «Село Степанчиково» мало были замѣчены критикой и публикой вслѣдствіе своей отдаленности отъ интересовъ дня), а «Записками изъ Мертваго дома» пріобрѣлъ глубокую симпатію всѣхъ партій, Писемскій, въ качествѣ фельетониста Библіотеки для Чтенія Никиты Безрылова, вызвалъ противъ себя бурю негодованія со стороны прогрессивной петербургской печати насмѣшками надъ литературными вечерами и воскресными школами. Насмѣшки были въ сущности довольно благодушны, и гоненіе на Писемскаго, безъ сомнѣнія, скоро окончилось бы пустяками. Но бѣда въ томъ, что Писемскій почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, объединилъ своихъ преслѣдователей съ врагами Россіи, рѣшилъ вступить съ ними въ борьбу и изъ объективнаго художника сдѣлался писателемъ партіи. Еслибъ онъ сталъ для этого газетнымъ сотрудникомъ, онъ, конечно, скоро излилъ бы свое негодованіе и успокоился. Къ

[1]) Припомнимъ, что князь у Достоевскаго совсѣмъ не исключеніе изъ своего общества, напротивъ, самый даровитый представитель его.

несчастію, онъ воспользовался, какъ орудіемъ, своимъ творческимъ талантомъ и засѣлъ за большой романъ, который и напечаталъ въ 1863 г.

«Взбаломученное море», которымъ Писемскій погубилъ свою славу,—плохой романъ, но написанъ мѣстами талантливо и умно. Относительно задачи своей авторъ не оставляетъ насъ въ сомнѣніи. «Если здѣсь не отразилась вся Россія, говоритъ онъ въ заключеніи, то зато тщательно собрана вся ея ложь». Разъ самъ поэтъ признаетъ за своимъ романомъ такую односторонность, критика и исторія литературы, конечно, не имѣютъ права ожидать отъ него художественной полноты и объективности. Романъ, какъ видъ эпоса, требуетъ всесторонняго воспроизведенія жизни, которая никогда и нигдѣ, а тѣмъ болѣе въ эпоху великихъ реформъ, не можетъ состоять изъ одной лжи и безобразія.

«Взбаломученное море» изображаетъ жизнь Россіи въ 40-хъ годахъ, въ эпоху освобожденія крестьянъ и сейчасъ же послѣ нея. Въ приснопамятныя времена крѣпостного права по «Взбаломученному морю» въ Россіи все гадко и мерзко: чиновники всѣ поголовно взяточники; крупные баре—низкіе сластолюбцы, мелкіе—грубые невѣжды и дураки, лишенные всякаго чувства человѣческаго достоинства; женщины или развратницы или ханжи; мужики и дворовые—рабы угнетенные и звѣреподобные. Слабымъ, слабымъ свѣтомъ мерцаетъ что-то въ учащейся молодежи, въ студентахъ московскаго университета; они кое-чему учатся, кое о чемъ думаютъ и мечтаютъ; но ихъ протесты противъ гадкой дѣйствительности сводятся только къ бросанію дохлыхъ кошекъ нелюбимымъ танцовщицамъ и къ неуваженію родителей, и ихъ юныя силы уходятъ на пустую болтовню и зубреніе тетрадокъ къ экзаменамъ. Кончился послѣдній экзаменъ, и молодежь разбѣгается по обширной землѣ русской; бѣднота стремится получить мѣстечко, чтобы пьянствовать и грабить народъ; а юные помѣщики ѣдутъ въ деревню соблазнять крѣпостныхъ дѣвушекъ, или въ Петербургъ—служить по протекціи. Близится эпоха реформъ; для реформъ нужны люди, а гдѣ взять ихъ? Есть люди умные и ловкіе, какъ Никтополіоновъ; но они безчестные христопродавцы; есть люди съ нѣкоторымъ образованіемъ и пониманіемъ добра, какъ Баклановъ; но они фразеры, лѣнтяи и жуиры; а всѣ остальные и невѣжды и мошенники вмѣстѣ.

Такимъ образомъ «благодѣтельная гласность» переходитъ въ

руки недоучившихся кадетъ, которые дѣлаютъ изъ нея шантажъ; освобожденіе крестьянъ только подаетъ поводъ къ созданію новыхъ формъ грабительства народа. Подпольныя изданія и разнузданная литература фанатизируютъ недоучившуюся молодежь, и та идетъ бунтовать народъ, и лучшіе, самые смѣлые и правдивые представители ея попадаютъ на каторгу; остаются только негодяи и трусы.

Ужасная картина, еслибъ она не страдала такимъ явнымъ преувеличеніемъ и желчной односторонностью! Самый предубѣжденный въ пользу Писемскаго читатель не пойметъ, откуда дѣти жуировъ 40-хъ годовъ набрались духу крайняго отрицанія, и самый довѣрчивый не повѣритъ, чтобы русское общество великой эпохи преобразованія все было такъ мерзко и глупо; реформа не могла совершаться безъ людей, а вѣдь она все-таки же совершилась.

Писемскій, повидимому, самъ это чувствовалъ и вывелъ одного порядочнаго чиновника и энергичнаго дѣятеля въ лицѣ мирового посредника Варегина; но онъ не живой человѣкъ, а ходячая мораль, хотя авторъ и пытался придать ему плоть и кровь едва ли достойнымъ такого крупнаго романиста пріемомъ: онъ пріурочилъ къ нему одну много надѣлавшую въ то время шуму университетскую исторію.

Въ чемъ же сказался талантъ и трезвый умъ Писемскаго въ этомъ памфлетномъ произведеніи? Конечно, въ художественной его части и именно въ изображеніи людей 40-хъ годовъ, которыхъ онъ хорошо зналъ и къ которымъ онъ самъ принадлежалъ. Лучше всѣхъ у него вышелъ самъ герой Баклановъ, жизнь и направленіе котораго Писемскій изображаетъ слѣдующими мѣткими словами:

«Онъ праздно выросъ, недурно поучился, поступилъ по протекціи на службу, благородно и лѣниво послужилъ, выгодно женился, совершенно не умѣлъ распоряжаться своими дѣлами, и больше мечталъ, какъ бы пошалить, порѣзвиться и попріятнѣй провести время.

Онъ—представитель того разряда людей, которые до 1855 г. замирали отъ восторга въ итальянской оперѣ и считали, что это высшая точка человѣческаго назначенія на землѣ, а потомъ сейчасъ же стали, съ увлеченіемъ и вѣрою школьниковъ, читать потихоньку Колоколъ. Внутри, въ душѣ у этихъ господъ нѣтъ, я думаю, никакого самодѣланія, но зато натираться чѣмъ угодно снаружи величайшая способность».

Баклановъ, правда, набросанъ слишкомъ широкими мазками, не

отдѣланъ, не вырисованъ; но онъ все-таки же типъ и живой человѣкъ, живой въ своей избалованности и самодовольствѣ, въ своихъ юношескихъ увлеченіяхъ, въ благородныхъ порывахъ и часто безчестныхъ дѣйствіяхъ, живой въ искренности и недолговѣчности своихъ мученій совѣсти, въ своихъ вспышкахъ энергіи и въ своей полнѣйшей безхарактерности. Нельзя уважать такого человѣка, нельзя вѣрить словамъ его и обѣщаніямъ, и въ его раздорѣ съ женой, конечно, всякій встанетъ на ея сторону; но никто и не удивится, если впослѣдствіи дѣти будутъ больше любить своего безпутнаго и слабаго отца, чѣмъ всегда правдивую и строгую къ себѣ мать.

Неживой человѣкъ Баклановъ только тогда, когда Писемскій его устами обличаетъ фантастическія теоріи молодежи 60-хъ годовъ и заставляетъ его возмущаться ихъ безнравственностью. Романистъ до того увлеченъ борьбою партій, до того ему самому говорить хочется, что онъ забываетъ, какимъ легкомысленнымъ жупромъ и рабомъ модныхъ мнѣній выставлялъ онъ все время Бакланова.

И это тотъ самый Писемскій, котораго въ началѣ 50-хъ годовъ даже поклонники упрекали за излишнюю объективность, за полное укрывательство себя и своихъ мнѣній. Вотъ до чего доводитъ человѣка тенденціозность въ горячую эпоху борьбы!

Живой человѣкъ и несчастная героиня романа, кончающая свою карьеру въ парижской долговой тюрьмѣ, Софи Ленева, въ изображеніи физической красоты которой Писемскій достигаетъ гомеровскаго эффекта: онъ не говоритъ ни объ одной чертѣ ея, кромѣ толстой черной косы, но онъ такъ живо рисуетъ ея чарующее дѣйствіе на всѣхъ мужчинъ, умныхъ и глупыхъ, молодыхъ и старцевъ, государственныхъ людей и писателей, откупщиковъ и офицеровъ, что читатель не можетъ не понять, какое это «прелестное Божье созданіе».

И это прелестное Божье созданіе въ 17 лѣтъ добровольно выходитъ замужъ за богатаго старика, который ей противенъ; въ 26 л. продается откупщику, а потомъ мѣняетъ своихъ возлюбленныхъ, какъ перчатки, и даже одновременно ведетъ нѣсколько интригъ.

Что-же? Отъ природы ли она такая развратница, или внѣшнія условія ея жизни такъ страшно тяжелы, что толкаютъ ее въ этотъ омутъ.

Ни то, ни другое. Въ 17 лѣтъ она только дурно воспитанная

и избалованная дѣвочка, слишкомъ высоко цѣнящая богатство, какъ, впрочемъ, и всѣ вокругъ нея. Она вовсе не считаетъ себя обязанною говорить всегда правду, а вывернуться ловкой ложью считаетъ даже достоинствомъ; но это потому, что и въ домѣ, и въ пансіонѣ, гдѣ ее ничему не обучили, кромѣ французской болтовни, всѣ вокругъ нея лгали, кто какъ умѣлъ. Она не прочь пококетничать съ кѣмъ угодно, но только потому, что легкое кокетство для всякой хорошенькой дѣвушки считаетъ обязательнымъ: это ея естественное орудіе для успѣха въ жизненной борьбѣ. У нея нѣтъ никакихъ нравственныхъ правилъ, но потому, что ей никто не внушалъ ничего. У нея есть только инстинктивное пониманіе добра и зла; но этотъ инстинктъ остается неразвитымъ всю жизнь; она болѣе всего любитъ свои удобства, роскошь, всеобщее поклоненіе, и у нея нѣтъ силы противиться внѣшнимъ толчкамъ.

Въ объятія старика Ленева ее толкаетъ провинціальное общество и флигель-адъютантъ, который поухаживалъ за ней ровно настолько, чтобы возбудить въ ней надежды и потомъ равнодушно ушелъ отъ нея изъ страха за свою карьеру. Въ объятія откупщика толкаетъ ее Баклановъ, который, на основаніи провинціальныхъ сплетенъ, устраиваетъ ей возмутительную грубую сцену и безжалостно покидаетъ ее въ самую ужасную для нея минуту. Черезъ нѣсколько лѣтъ она мечтаетъ возродиться къ новой жизни, сойдясь съ тѣмъ же Баклановымъ; но онъ женатъ, отецъ семейства, а, главное, ужасно безхарактеренъ, и изъ его слабыхъ и холодныхъ объятій она, пользуясь своей свободой, бросается, что называется, «во всѣ тяжкія».

Кто броситъ камень въ эту невмѣняемую женщину? Конечно, прежде всего то общество, которое проводило такіе пріятные вечера въ ея гостиной, убранной на деньги откупщика, и склонялось передъ нею даже на генералъ-губернаторскихъ балахъ.

Авторъ «Взбаломученнаго моря» до того увлекся тенденціозностью, что и въ изображеніи Софи Леневой впалъ въ одномъ мѣстѣ въ непростительную ошибку: онъ приписываетъ ей сознательное намѣреніе «посмѣяться надъ таинствомъ брака» [1]) и такимъ образомъ подготовляетъ въ ней будущій центръ нигилистическаго кружка.

Но развѣ такая женщина-ребенокъ, да еще въ 17 лѣтъ, въ со-

---

[1]) I, 141.

стояніи имѣть такія злостныя намѣренія? Авторъ, повидимому, и самъ почувствовалъ неумѣстность ея политической роли и не впуталъ ее въ заговоръ противъ существующаго порядка.

Для историка литературы—а къ «Взбаломученному морю», я полагаю, уже можно отнестись съ исторической объективностью—драгоцѣнна всякая черта сходства въ изображеніи русскаго культурнаго человѣка двумя романистами съ такимъ несходнымъ міросозерцаніемъ, какъ Достоевскій и Писемскій. Ничего подобнаго Бакланову и Софи Леневой мы, конечно, не встрѣчаемъ и не можемъ встрѣтить у Достоевскаго: онъ не знаетъ такихъ людей, да и знать не хочетъ. Но у этихъ эгоистичныхъ, легкомысленныхъ и безпутныхъ субъектовъ есть одна черта,—и черта не второстепенная,—которая роднитъ ихъ съ героями Достоевскаго, это — русское благодушіе, готовность поступиться своимъ интересомъ, чтобы не нанести другому явнаго и существеннаго вреда. До чего Софи Ленева любитъ деньги! за нихъ отдаетъ она свою свободу и честь и свое столь нѣжнолюбимое прекрасное тѣло. И все-таки, когда говорятъ ей, что на крестьянъ, отказавшихся признать ея право наслѣдства, идетъ «команда», она падаетъ къ ногамъ Бакланова и кричитъ:

— Не надо, не надо! Я отъ всего лучше отступлюсь! [1]).

А замѣтьте, что эти самые крестьяне только вчера разобидили ее и разозлили до того, что она готова была вцѣпиться своими холеными ручками въ бороду старосты.

И замѣтьте, что Баклановъ, обладающій, какъ мужчина, болѣе крѣпкими нервами, вполнѣ понимаетъ ее и ссылается только на посредника, который уже не м о ж е т ъ отступиться. Очевидно, Баклановъ и самъ на ея мѣстѣ поступилъ бы также, хотя и онъ, такъ же мало, какъ Софи, умѣетъ жить безъ денегъ. Не такъ дѣйствовалъ бы деликатный и краснѣющій, какъ дѣвица, лордъ Плумбокъ, еслибъ кто-нибудь осмѣлился задѣть его имущественныя права [2]).

Софи Ленева, жрица свободной любви, противополагается въ романѣ женѣ Бакланова Евпраксіи, женщинѣ долга и семейнаго

---

[1]) V, 91.

[2]) Достоевскій въ Дневникѣ Писателя (XII, 310) ведетъ эту черту даже и дальше предѣловъ желательнаго: „Въ большинствѣ порядочныхъ русскихъ людей царитъ потребность уступить, согласиться... И это вовсе не отъ добродушія и не отъ трусости, а такъ, деликатность какая-то“.

очага. Въ ней Писемскій попытался создать идеалъ русской женщины, но, какъ реалистъ, положилъ въ основу этого идеала живое лицо (свою жену, какъ онъ самъ говоритъ въ своей автобіографической запискѣ, женщину, дѣйствительно, рѣдкихъ достоинствъ по отзывамъ всѣхъ ее знавшихъ). Попытку нельзя назвать очень удачной: ледяная Евпраксія, которая «съ удивленіемъ» [1]) смотритъ на своего жениха, расточающаго ей нѣжности, Евпраксія, съ которой и въ любви объясняться надо черезъ сваху, вышла какимъ-то нравственнымъ уродомъ, отъ которой немудрено сбѣжать и не такому мужу, какъ Баклановъ. Ея необыкновенная нравственная сила, самообладаніе, удивительная проницательность ея ума покажутся явнымъ преувеличеніемъ самому нетребовательному читателю.

Устами этой-то Евпраксіи Писемскій высказываетъ очень трезвую и въ то же время глубоко гуманную мысль, которой не захотѣла замѣтить враждебная ему критика, мысль, которую позднѣе съ такой настойчивостью въ длинномъ рядѣ образовъ проводилъ Достоевскій, ею и помирившій съ собою молодое поколѣніе: русскіе юные матеріалисты и революціонеры 60-хъ годовъ—въ сущности самые чистые сердцемъ и умомъ идеалисты, способные отдать себя за идею на всѣ муки [2]).

Не захотѣла замѣтить этого критика и прямо причла Писемскаго къ лику Клюшниковыхъ и Авенаріусовъ, у которыхъ эти революціонеры были поголовно или мерзавцами или идіотами.

«Взбаломученное море» вызвало противъ Писемскаго такую бурю брани и насмѣшекъ, что для большинства русской публики онъ какъ будто умеръ съ тѣхъ поръ. А Писемскій былъ не изъ тѣхъ пророковъ, которые могутъ удалиться въ пустыню и бесѣдовать съ небесными звѣздами, и онъ не имѣлъ возможности, какъ Тургеневъ, отрясти отъ ногъ прахъ неблагодарнаго отечества и уѣхать за-границу. Онъ переѣхалъ въ Москву, поступилъ вновь на службу, но продолжалъ писать до конца жизни своей.

Я ничего не скажу о позднѣйшихъ произведеніяхъ Писемскаго: о его большихъ романахъ и обличительныхъ и историческихъ драмахъ не потому, чтобы я всецѣло раздѣлялъ мнѣніе враждебной ему критики: по моему мнѣнію, во всякомъ романѣ его есть живые

---

[1]) II, 133.

[2]) Взбалом. море, II, 224—5.

типы и живыя и сильныя сцены и во всякой даже памфлетной его драмѣ есть одно величайшее для драмы достоинство—сценичность,—но потому, что въ моемъ бѣгломъ очеркѣ я долженъ ограничить себя или произведеніями, вполнѣ художественными, въ которыхъ сказался цѣлый талантъ, а не крупинки его, или такими, которыя при крупныхъ недостаткахъ имѣли большое вліяніе на современниковъ. Здѣсь же не было ни того ни другого. Хотя романы и драмы Писемскаго были значительно выше десятковъ произведеній, которыя прогремѣли въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ установившихся въ критикѣ взглядовъ, ихъ мало смотрѣли и мало читали, да и читая только «покивали главами».

Въ 70-хъ годахъ я познакомился съ Писемскимъ и бывалъ у него почти во всякій свой пріѣздъ въ Москву; видалъ его и въ мрачныя и въ свѣтлыя минуты; всегда поражалъ онъ меня ясностью своего огромнаго ума, силою своего рѣзкаго чисто народнаго остроумія. Но всегда послѣ бесѣды съ нимъ получалось въ общемъ тяжелое, тоскливое чувство. Нельзя было не сознавать, что это—остатки былого величія, что богатырскій талантъ сошелъ со старой дороги, а новой не можетъ найти; что преслѣдованіе однихъ, равнодушіе другихъ, жалостныя или неумѣлыя похвалы третьихъ не даютъ ему осмотрѣться, бѣсятъ его и ослѣпляютъ. А годы все уходятъ, и все громче звучатъ въ душѣ печальныя слова: моя пѣсенка спѣта!

И не мало другихъ, хоть и меньшаго объема талантовъ и честныхъ литературныхъ дѣятелей погибло преждевременно по разнымъ причинамъ въ приснопамятную эпоху 60-хъ годовъ. Что дѣлать! Таково непремѣнное условіе всякаго крупнаго историческаго перелома.

Но не погибъ Достоевскій; онъ даже не подвергся временной опалѣ, какъ Тургеневъ. Этотъ болѣзненно-нервный и самолюбивый человѣкъ въ опасную минуту оказался остороженъ и мудръ «яко змій», остороженъ не изъ эгоистическаго чувства самосохраненія, а изъ уваженія къ печатному слову художника. Небрежно относясь къ формѣ, онъ очень дорожилъ идеями своихъ произведеній, и пока идея не выносилась въ душѣ его, онъ не пытался обработывать ея. Движеніе 1861—6 гг. было слишкомъ сложно, и слишкомъ болѣзненно захватывало современниковъ, чтобы они могли немедленно разобраться въ немъ. До курьезнаго затуманилось сознаніе у ста-

рыхъ, опытныхъ государственныхъ людей. Какъ же могъ художникъ, видѣвшій только то немногое, что всплывало на поверхность, схватить типы двигателей, уяснить себѣ ихъ цѣли, понять отношеніе къ нимъ общества, когда само общество только глухо волновалось, и часто сами двигатели не знали, куда они двигаются?

Правда, Тургеневъ выступилъ съ превосходнымъ романомъ «Отцы и дѣти». Но Тургеневъ въ немъ вовсе не пытался изобразить движеніе, а только создалъ типъ, который могъ бы быть двигателемъ, еслибъ захотѣлъ; но пока онъ вовсе этого не хочетъ и живетъ про себя. Что же касается Ситникова, Кукшиной, то едва ли бы романъ много потерялъ, еслибъ ихъ исключить изъ него. Да и многіе ли въ то время поняли «Отцовъ и дѣтей» такъ, какъ ихъ понималъ самъ авторъ?

Достоевскій цѣлыя 6 лѣтъ молчитъ о «новыхъ людяхъ» [1]), присматривается къ нимъ и въ 1866 г. выступаетъ съ «Преступленіемъ и Наказаніемъ».

Еслибъ я вздумалъ разбирать этотъ дѣйствительно великій романъ, мнѣ не хватило бы на него двухъ лекцій, да и въ тѣхъ, боюсь, я не сказалъ бы ничего новаго. Кто не изумлялся невѣроятной силѣ и яркости его психологіи? Какой даже съ крѣпкими нервами человѣкъ не переселялся до того въ душу Раскольникова, что самъ начиналъ себя чувствовать виновнымъ въ тайномъ убійствѣ? Кто не признаетъ, что въ проповѣди величайшей идеи нашего вѣка— гуманности нельзя идти дальше Сонички Мармеладовой, ея пьяненькаго отца и ея больной мачихи? Кого не поражалъ блестящій умъ и страшная логичность знаменитой статьи Раскольникова о правѣ на преступленіе? и т. д., и т. д.; такими фигурами вопрошенія, продолжая ихъ хоть цѣлый часъ, не исчерпаешь и десятой доли значенія этого романа, который и романомъ какъ-то странно назвать, какъ Фауста Гёте странно назвать драмою. Я ограничусь только указаніемъ на историческо-литературное значеніе его идеи, воплощенной въ Раскольниковѣ, какъ она мнѣ

---

[1]) Онъ, впрочемъ, не скрываетъ своей антипатіи ко многимъ частнымъ явленіямъ времени: къ пустословію „Леона и Бореньки“ (Униж. и Оскорбл.), къ модному либеральничанью генераловъ и пошлости обличителей („Скверный анекдотъ“), къ пустозвонной болтовнѣ новоявленныхъ либераловъ изъ чиновниковъ „средней руки“ („Крокодилъ“) и къ старому злу, но теперь особенно обострившемуся—человѣку „по книжкѣ“ („Подполье“).

представляется по сравненію съ другими произведеніями Достоевскаго.

Реформа Петра, вызванная неотложной необходимостью, оторвала правящій классъ отъ народа. Разрывъ отъ времени идетъ все дальше и дальше (что́ уже вовсе не такъ необходимо). Русская поэзія, начиная съ Пушкина, воспроизводитъ это постепенное удаленіе интеллигенціи отъ народа и увеличивающееся вслѣдствіе безпочвенности внутреннее страданіе лучшихъ представителей этой интеллигенціи. Дворяне екатерининскаго времени носятъ французскіе кафтаны, говорятъ и думаютъ по-французски, но они еще близки народу: они тѣшатся «кулачными боями и греблей удалыхъ гребцовъ»; большинство ихъ вѣруетъ народную вѣру, да и волтеріанцу Швабрину стоитъ только остричься въ кружекъ, и онъ войдетъ, какъ равный, въ толпу пугачевцевъ. Хуже стоитъ дѣло при Александрѣ I. 1812-й годъ, правда, соединилъ насъ на время съ почвою (оттого-то мы и побѣдили), но походъ за-границу и заграничныя идеи и книжки скоро расширили яму въ цѣлую пропасть. Чацкій и Онѣгинъ оттого и несчастны, оттого и скитальцы, что они «носятся, какъ листья, оторванные отъ дерева». Чацкій и декабристы глубоко чувствуютъ свою оторванность отъ земли и не жалѣютъ головъ своихъ, чтобы стать заодно съ народомъ, но—результаты извѣстны. Чѣмъ дальше, тѣмъ дѣло идетъ все хуже и хуже. Печоринъ непонятенъ уже и Максиму Максимычу; Рудинъ, даже и Лаврецкій совсѣмъ уже заграничные люди, хотя и за-границей они, конечно, не дома. Дѣло кончается страшнымъ взрывомъ: передовой русскій человѣкъ разрываетъ не съ русской только вѣрой и нравственностью, но и со всякой вообще и идетъ на бой съ общечеловѣческимъ закономъ; оставаясь въ душѣ добрымъ, великодушнымъ, любящимъ, даже глубоко-нравственнымъ, вѣрующимъ, онъ становится злодѣемъ нераскаяннымъ, злодѣемъ, который противенъ и самимъ каторжнымъ. Помните сцену, слабую въ художественномъ отношеніи (конечно, отъ поспѣшности въ работѣ), но важную и глубокую по идеѣ, сцену, когда каторжники бросаются бить Раскольникова за то, что онъ «въ Бога не вѣруетъ».

Дальше идти некуда. Здѣсь-то и начинается благодѣтельный переломъ.

Евангеліе и всепрощающая любовь едва грамотной Сони излѣ-

чиваютъ Раскольникова отъ его страшной умственной болѣзни и соединяютъ его съ народомъ.

«Тутъ ужъ начинается новая исторія, исторія постепеннаго обновленія человѣка, исторія постепеннаго перерожденія его, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, знакомство съ новой, совершенно невѣдомой дѣйствительностью» [1]).

Не могу не сдѣлать еще одного замѣчанія въ виду того, что я взялся дать сравнительную характеристику Достоевскаго и Писемскаго: какъ ни далеки, повидимому, другъ отъ друга карьеристъ и поклонникъ комфорта Калиновичъ и нищій студентъ Раскольниковъ, между ними есть одно общее: оба они выше толпы и оба страшно самомнительны; оба считаютъ себя «большими кораблями», тѣми Наполеонами, «необыкновенными» людьми, которые могутъ «перешагнуть». Но одинъ изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ, хоть и грошевый, потому что онъ прежде всего эгоистъ; а другой, добрый и любящій, только сбившійся съ пути, глубоко несчастный человѣкъ; одинъ—молотъ, другой—наковальня; одинъ—практикъ и матеріалистъ, другой — восторженный идеалистъ, какъ и его создатель.

Черезъ 2 года послѣ «Преступленія и Наказанія» выходитъ «Идіотъ». Это одно изъ самыхъ глубокихъ, по идеѣ, произведеній Достоевскаго и одно изъ самыхъ слабыхъ—по исполненію. Идея лежитъ, конечно, въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ: больномъ князѣ Мышкинѣ, этомъ Иванушкѣ-дурачкѣ русскихъ сказокъ.

Въ основѣ его характера—та же душевная чистота и правдивость, та же потребность безграничной любви и непониманіе злыхъ чувствъ, что и у Алеши «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» и у Алеши Карамазова. Но оба Алеши—почти мальчики, мало развитые, мало думавшіе, а Алеша «Униженныхъ» кромѣ того и умственно ограниченный мальчикъ, воспитанный въ пустомъ, безнравственномъ обществѣ. Князь Мышкинъ—человѣкъ съ такой же душевной чистотой, съ такимъ же мягкимъ сердцемъ, но при этомъ съ глубокимъ и тонкимъ, всесторонне развитымъ умомъ, человѣкъ, много видавшій и много страдавшій.

Достоевскій начинаетъ разсказъ съ того, что ввозитъ героя въ совершенно незнакомую ему, хотя и родную Россію, ввозитъ въ ва-

---

[1]) VI, 514.

гонѣ III класса, гдѣ знакомитъ его съ двумя необыкновенно богатыми и по объему и по содержанію чисто русскими типами: купеческимъ сыномъ Рогожинымъ и чиновникомъ Лебедевымъ, пьянымъ, ломаннымъ шутомъ, не пропившимъ, однако, замѣчательно сильнаго и яснаго ума. Затѣмъ въ первый же день авторъ вводитъ его въ домъ генерала Епанчина и на вечеръ къ Настасьѣ Филипповнѣ, гдѣ знакомитъ его съ самыми разнообразными представителями русскаго общества и въ томъ числѣ съ двумя идеальными женскими типами, которые потому играютъ роковую роль въ судьбѣ героя. Мысль, такъ сказать, «открыть Россію» для человѣка съ такими данными, какъ князь Мышкинъ—мысль геніальная. Но Достоевскій не провелъ ее послѣдовательно: мы видимъ героя въ Петербургѣ, а какъ онъ прожилъ 6-ть мѣсяцевъ въ Москвѣ и внутри Россіи, мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что онъ вернулся убѣжденнымъ народникомъ и исповѣдникомъ православія.

Я не буду слѣдовать за драматической фабулой романа, опять таки глубокой по плану, но наскоро, со многими повтореніями исполненной; не буду говорить и объ оригинальномъ характерѣ Настасьи Филипповны, такъ какъ Достоевскій повторилъ его черезъ нѣсколько лѣтъ съ существенными поправками въ Грушенькѣ Карамазовыхъ; но не могу не отмѣтитъ Пароена Рогожина, въ изображеніи котораго Достоевскій показалъ, какимъ необыкновенно сильнымъ реалистомъ могъ онъ быть, когда хотѣлъ.

Вспомните ухватки этого купеческаго сынка, безудержнаго, но мрачнаго кутилы, вспомните его типичный языкъ, типичное соединеніе грубости, даже цинизма съ младенческимъ простодушіемъ и правдивостью, его покорность своимъ страстямъ и капризамъ и страшную силу воли, и вы признаете что у самого Островскаго, Колумба русскаго купечества, нѣтъ настолько выразительной фигуры. А какая была богатая мысль сопоставить этого кряжистаго сына допетровской Руси съ воспитанникомъ швейцарскаго педагога, свести ихъ въ дружбѣ и противопоставить въ любви къ одной женщинѣ! Но болѣзненный надрывъ Достоевскаго, а, главное, поспѣшность работы не дали ему возможности разработать эту мысль и наполовину.

Слабѣй всего тенденціозная часть романа—изображеніе полупомѣшанныхъ соціалистовъ: Бурдовскаго и К°.

Слѣдующій романъ Достоевскаго «Бѣсы», по моему мнѣнію,

самый слабый изъ его крупныхъ романовъ и именно потому, что въ немъ больше всѣхъ другихъ политики и тенденціи.

Кромѣ того, едва ли можно назвать удачной мысль вывести въ смѣшномъ или полусмѣшномъ видѣ Грановскаго и Тургенева [1]). Въ изображеніи Кармазинова разсказъ переходитъ въ злобный личный памфлетъ, а памфлеты не удаются и пессимисту Писемскому. Я увѣренъ, что еслибъ «Бѣсы» появились въ свѣтъ 10—12 годами раньше, они вызвали бы болѣе осмысленный и болѣе громкій протестъ всей литературы, нежели «безобразный поступокъ Вѣка», а изображеніе русскихъ заблудшихъ «политиковъ» въ видѣ стада бѣсноватыхъ свиней, предводимыхъ мерзавцемъ Петромъ Верховенскимъ, вызвало бы такой свистъ, передъ которымъ встрѣча «Взбаломученаго моря» могла показаться тихою музыкой. Но времена измѣнились . . . . . Способъ изложенія въ «Бѣсахъ», эти вѣчныя: «тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное» до поразительности напоминаетъ манеру Гофмана въ наименѣе удачныхъ повѣстяхъ его.

Конечно, и въ «Бѣсахъ» есть ярко очерченные и оригинальные характеры (въ особенности женскіе), сильныя сцены, умныя мысли, и въ умѣньѣ изображать душевныя страданія Достоевскій всегда Достоевскій. Но вѣдь и въ послѣднихъ романахъ Писемскаго есть хорошія и сильныя мѣста.

Другая причина слабости романа—въ условіяхъ, при которыхъ онъ писанъ: послѣдніе два года за-границей были особенно тяжелы для Достоевскаго [2]). Зная эти условія, скорѣй надо удивляться тому, что ему такъ удалась повѣсть «Вѣчный мужъ», гдѣ оба главные характера совершенно оригинальны, а дѣйствіе драматично и колоритно до поразительности. Вѣроятно, она была хорошо обдумана раньше.

Въ началѣ іюля 1871 г. Достоевскіе переѣхали границу и поселились навсегда въ Петербургѣ. Теперь начинается самый свѣтлый періодъ въ жизни романиста, въ горячо любимой семьѣ, съ доброй и умной женой, которая взяла въ свои руки денежныя

---

[1]) „Грановскій изъ честнѣйшихъ Степановъ Трофимовичей", говоритъ Достоевскій въ Дневн. Пис. за 1876 г. (XI, 225).

Разсказъ Кармазинова о гибели парохода производитъ на разсказчика буквально то же впечатлѣніе, что Тургеневскій разсказъ о казни Тропмана произвелъ на Достоевскаго.

[2]) Матер., стр. 298.

(издательскія) дѣла и скоро освободила мужа отъ долговъ. Въ первый разъ 50-лѣтній поэтъ оказался въ сносномъ денежномъ положеніи и въ состояніи работать не «изъ-подъ палки», не «на почтовыхъ»; онъ уже не чувствовалъ себя «почтовой клячей» и не смущался заботами о завтрашнемъ днѣ [1]). Первый романъ, который создаетъ онъ при этихъ условіяхъ; несравненно лучше отдѣланъ чѣмъ «Идіотъ» и «Бѣсы».

«Подростокъ» высказываетъ свою задачу самымъ заглавіемъ и точнѣе опредѣляетъ ее заключительнымъ письмомъ воспитателя Долгорукова. Изъ подростковъ, говоритъ авторъ (стр. 544), выходятъ дѣятели; стало быть и вопросъ о настроеніи ихъ—вопросъ о будущемъ Россіи. Подростковъ, какъ и взрослыхъ, Достоевскій дѣлитъ на безразличную массу и на людей съ идеаломъ. Такіе держатся всегда особнякомъ, «въ уединеніи». Ихъ способности и характеръ «угрожаютъ развиться къ худшему», часто «въ стремленіе къ безпорядку». Но это желаніе «безпорядка происходитъ изъ затаенной жажды порядка и благообразія. Юность чиста уже потому, что она юность». Таковы въ романѣ всѣ (кромѣ негодяя Ламберта) представители молодежи. Оля грубо бранится съ матерью и кончаетъ самоубійствомъ; но источникъ ея озлобленности чистый: она не можетъ перенести разочарованія въ людяхъ; не хочетъ унижаться и несправедливо обижать другихъ; лучше уничтоженіе, нежели жизнь не по ея идеалу. Крафтъ слѣпо вѣритъ въ науку, а наука будто бы пришла къ заключенію, что русскіе—второстепенная порода людей; конецъ тотъ же: самоуничтоженіе. «Нетерпѣлива она современная молодежь и малаго пониманія дѣйствительности», говоритъ Достоевскій устами Версилова [2]),

Но это—менѣе умные представители подростающаго поколѣнія, неспособные къ борьбѣ. Не таковъ герой — Долгорукій. Это самъ Достоевскій въ юности въ собственномъ не очень лестномъ изо-

[1]) Многолѣтняя привычка, конечно, не могла изчезнуть при измѣнившихся обстоятельствахъ, и Достоевскій продолжаетъ работать по ночамъ, когда всѣ улягутся спать, въ сообществѣ съ холоднымъ самоваромъ. Онъ и теперь подгоняетъ работу къ послѣднему сроку и тѣмъ искусственно возбуждаетъ свой мозгъ и нервы. У него и теперь встрѣчаются небрежности (напр. герой «Подростка» накопилъ себѣ въ Москвѣ 60 рубл. по стр. 21; они возрастаютъ до 70 на стр. 79 и до 72 на стр. 82, а на стр. 104 опять падаютъ до 60). Но это—мелочи сравнительно съ прежнимъ.

[2]) Стр. 174—5.

браженіи. Онъ «сбродъ всѣхъ самолюбій» [1]). Онъ всего больше мучитъ тѣхъ, кого больше всего любитъ. Сердце его переполнено любви къ людямъ, а онъ старается «держать себя какъ можно мрачнѣе»; онъ ненавидитъ себя за желаніе «прыгать людямъ на шею». Онъ не мстителенъ, но страшно злопамятенъ: онъ желаетъ отомстить великодушіемъ, чтобы обидчикъ почувствовалъ свою вину передъ нимъ [2]). Уединеніе и большая развитость сравнительно съ товарищами мѣшаютъ ему стать въ ряды политическихъ дѣятелей [3]), и онъ изобрѣтаетъ себѣ собственную идею, въ сущности нелѣпую, но зато оригинальную (литературный ея источникъ—Скупой рыцарь, конечно, не уничтожаетъ этой оригинальности). Но живая жизнь, любовь къ отцу и матери и полудѣтская страсть къ Катеринѣ Николаевнѣ отвлекаютъ его отъ ней, а въ концѣ-концовъ и излѣчиваютъ его отъ исключительности.

Въ романѣ есть другой герой — это Версиловъ, въ лицѣ котораго Достоевскій, такъ сказать, расплачивается съ собою за свое прежнее отрицательное отношеніе къ русскому образованному дворянству [4]).

Версиловъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ и при своемъ эгоизмѣ, самый умный и самый порядочный человѣкъ не только въ нашемъ обществѣ, но и единственный европеецъ въ самой Европѣ; онъ представитель міровой идеи, «высшій культурный типъ болѣнія за всѣхъ» [5]). Такихъ какъ онъ, по его словамъ, можетъ быть, тысяча по всей Россіи, которая только и существовала для того, чтобы произвести эту тысячу, и существовала не даромъ: благодаря имъ она живетъ не для себя, а для идеи, а только это и есть настоящая жизнь.

Въ этой мысли и въ выражающемъ ее типѣ есть нѣчто парадоксальное; но нельзя не признать въ ней большой глубины и оригинальности.

Архиевропеецъ Версиловъ въ то же время и совсѣмъ русскій

---

[1]) Стр. 63 ср. стр. 84.

[2]) Ср. 479.

[3]) Сцена у Дергачева, изображающая агитаторовъ, едва ли не самая слабая во всемъ романѣ.

[4]) „Только одно дворянство, говоритъ онъ на стр. 542, выработало у насъ законченныя формы чести и долга“.

[5]) Стр. 449—53.

человѣкъ: его благодушіе, широкость его ума [1]); его вѣчное исканіе правды, его впечатлительность и его способность совмѣщать высочайшій идеалъ съ величайшею подлостью—чисто-русскія черты (стр. 369), т. е. черты русской интеллигенціи.

И въ «Подросткѣ» поражаетъ мѣстами духовное родство Достоевскаго съ нѣмецкими романтиками начала столѣтія; ни въ какомъ другомъ произведеніи онъ не возстаетъ съ такимъ ожесточеніемъ на жизнь разсудочную, безъ идеала, на занятіе «полезнымъ». Техники-спеціалисты, которые въ послѣднее время у насъ «такъ подняли носъ», по его убѣжденію, люди грубо-необразованные [2]), Знаменитые стихи:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ

для него—«святая аксіома« [3]).

Вотъ ужъ съ чѣмъ никогда не согласится Писемскій.

Романъ оканчивается счастливо для Версилова, который освобождается отъ своей фатальной любви къ Катеринѣ Николаевнѣ и возвращается къ любви «общечеловѣческой», къ кроткой матери Долгорукова (одинъ изъ лучшихъ поэтическихъ образовъ Достоевскаго), а черезъ нее возвращается къ народу и его идеаламъ.

Кстати замѣчу, что у Достоевскаго въ сущности всегда окончаніе счастливое (какъ у Писемскаго въ сущности всегда несчастное): если главныя дѣйствующія лица кончаютъ преступленіемъ и Сибирью, даже и смертію и сумасшествіемъ, романистъ всегда указываетъ надежду въ слѣдующемъ поколѣніи: и въ «Идіотѣ» и въ «Карамазовыхъ» остаются умныя и добрыя дѣти, которыя исправятъ ошибки отцовъ и старшихъ братьевъ. Исключеніе составляютъ только «Бѣсы».

«Братья Карамазовы»—излюбленное дѣтище Достоевскаго; онъ мечтаетъ объ нихъ еще въ Дрезденѣ 1870 г. [4]). Тогда онъ думалъ написать 5 отдѣльныхъ повѣстей подъ общимъ заглавіемъ: «Житіе

---

[1]) Онъ силенъ „непосредственной силой уживчивости". Его „ничѣмъ не разрушить, ничѣмъ не удивить и ничѣмъ не истребить" (стр. 205).

[2]) Стр. 339.

[3]) Стр. 148—9.

[4]) См. Письма, стр. 237, ср. 288—9.

великаго грѣшника». Это житіе должно было изобразить жизнь нѣсколькихъ поколѣній, начиная со временъ Чаадаева и до нашихъ дней и представить параллель къ «Войнѣ и миру» Толстого, подъ вліяніемъ чтенія котораго оно, повидимому, и задумано. Впослѣдствіи планъ измѣнился: эпоха Чаадаева оставлена, и 5 повѣстей превратились въ два связанныхъ единствомъ лицъ романа, между дѣйствіями которыхъ проходитъ 13 лѣтъ. Достоевскій успѣлъ написать только первый романъ, совершенно самостоятельный и внутренно законченный.

Я и здѣсь ограничусь только указаніемъ общей исторической идеи, какъ я ее понимаю, и немногими частными замѣчаніями.

Карамазовъ-отецъ—отвратительный продуктъ воздѣйствія Европы на полудикую въ глубинѣ провинціи Россію XVIII и начала XIX вѣка.

Люди лучшіе и находившіеся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, какихъ изображаетъ Толстой въ «Войнѣ и мирѣ», воспринимали европейскую культуру, не теряя вполнѣ хорошихъ русскихъ чертъ. Худшихъ эта заимствованная культура освобождала отъ сдержки національной религіи и нравственности, разнуздывала ихъ капризы и страсти, не давая имъ ничего взамѣнъ. Есть свое «благообразіе» въ западномъ баронѣ и бюргерѣ; есть свое—и въ русскомъ мужикѣ и мѣщанинѣ. Ѳедоръ Карамазовъ не имѣетъ ни того, ни другого, и соединяетъ въ себѣ безобразіе разнузданнаго эгоизма и скептицизма худшаго изъ учениковъ Вольтера съ безобразіемъ пьянаго и распутнаго мужика. У него три сына: двое старшихъ подѣлены между Европой и Россіей, подѣлены, конечно, не равномѣрно, такъ какъ по крови и по обстановкѣ они оба русскіе люди. Иванъ, по развитію и образу мыслей, европеецъ; на Руси же—это оторванный отъ почвы несчастный искатель идеала, тотъ же Раскольниковъ, геройски смѣлый въ мысляхъ и вѣчно колеблющійся въ дѣйствіяхъ, человѣкъ съ яснымъ сознаніемъ зла безъ сознанія добра, вѣчный мученикъ безъ надежды на царство небесное. Дмитрій—натура почвенная, человѣкъ чисто-русскій, но изломанный вслѣдствіе вѣчной борьбы между «благообразіемъ» своего идеала и безобразіемъ своей жизни. Иванъ ненавидитъ Дмитрія, какъ Европа ненавидитъ Россію; Дмитрій благоговѣетъ передъ Иваномъ, какъ Россія благоговѣетъ передъ Европой.

Третій сынъ, Алеша, настоящій герой романа во второй ненаписанной его половинѣ, это—Россія будущаго, прилѣпившаяся «къ

народнымъ началамъ», какъ говоритъ прокуроръ [1]), но не исключая ими начала общечеловѣческаго: вѣры въ человѣка и христіанской всепрощающей любви. Эту Россію всѣ возлюбятъ.

Таковы герои; героиня тоже прилѣпилась «къ народнымъ началамъ», «къ народной правдѣ» уже и потому, что она сама изъ народа. Достоевскій съ ранней молодости знаетъ только одинъ идеалъ «чарующей» женской красоты, физической и нравственной, и постоянно ищетъ для него художественнаго выраженія. Эта красота чисто русская: физически — нѣкоторая полнота, мягкость линій и тихая грація; большіе глаза, обыкновенно задумчивые, какъ бы подернутые влагой, минутами загорающіеся огнемъ желѣзной рѣшимости. Умъ ясный и веселый, но «безъ всякихъ прекрасъ» [2]). Въ основѣ характера—наклонность къ самопожертвованію, къ любви беззавѣтной, къ страданію; въ обращеніи—то дѣтское простодушіе, простота и робость, то сознаніе безграничной силы и удаль до отчаянности; то доброта безконечная, то злоба неудержимая, то правдивость и откровенность, самая задушевная, то кокетство самое безжалостное [3]). Одно изъ главныхъ свойствъ такой женщины: инстинктивная способность различать добро и зло, безошибочно опредѣлять людей: она хитра до коварства съ тѣмъ, кто хочетъ покорить ее; она кротка, какъ голубь, съ добрымъ и правдивымъ [4]).

Эту страстную волшебную красавицу со всѣми хорошими и дурными чертами вполнѣ развившейся женственности Достоевскій любитъ сводить лицомъ къ лицу съ дѣвушкой чистой, экзальтированной, благородной, но гордой и самолюбивой безъ мѣры, съ нѣкоторой примѣсью душевной сухости [5]). Симпатіи Достоевскаго всегда на

---

[1]) Т. II, стр. 408. Ни Достоевскій, ни читатели не повѣрятъ, конечно, прокурору, что эти народныя начала выродятся въ мрачный мистицизмъ и тупой шовинизмъ.

Рѣчь прокурора—верхъ художественности въ томъ смыслѣ, что показываетъ способность Достоевскаго всецѣло, до полной иллюзіи, входить въ образъ мыслей и способъ выраженія создаваемаго имъ лица даже тогда, когда эти мысли совершенно противоположны его собственнымъ.

[2]) Подростокъ, стр. 243.

[3]) Самыя свѣтлыя женщины бываютъ подлы въ этомъ отношеніи, говоритъ Подростокъ; кокетство—ихъ «непреоборимый инстинктъ».

[4]) Настасья Филипповна и кн. Мышкинъ, Грушенька и Алеша.

[5]) Настасья Филипповна и Аглая въ «Идіотѣ», Катерина Николаевна и Анна Андреевна въ «Подросткѣ», Грушенька и Катерина Ивановна въ «Карамазовыхъ».

сторонѣ болѣе женственнаго типа. Грушеньку я считаю наиболѣе удачной обработкой этого типа потому, что основныя черты его больше подходятъ къ женщинѣ изъ народа, нежели къ свѣтской или полусвѣтской барынѣ.

По удивительной до пророчества глубокой психологіи, по мастерской обрисовкѣ всѣхъ лицъ, не исключая и третьестепенныхъ, «Братья Карамазовы» стоятъ рядомъ съ «Преступленіемъ и Наказаніемъ» и выше всѣхъ другихъ романовъ Достоевскаго.

Одинъ изъ самыхъ сильныхъ эпизодовъ романа и при первомъ чтеніи самыхъ странныхъ—«Великій Инквизиторъ». Мысль, положенная въ основу этого видѣнія, давно уже назрѣла у Достоевскаго и выражалась въ другихъ его произведеніяхъ проще и яснѣе, но съ меньшей обстоятельностью и энергіей. Истинный христіанинъ, Достоевскій всегда до душевной боли возмущался кровью, пролитой ad majorem Christi gloriam. Религія любви и всепрощенія и потоки крови, какъ служеніе ей! Что можетъ быть нелѣпѣй этого? Уже въ «Подросткѣ» [1]) Достоевскій объявляетъ, что настоящіе враги христіанства—не современные атеисты—это только жалкіе, ищущіе истины и заблудшіеся люди,—а тѣ, которые приходятъ съ именемъ Божіимъ на устахъ, а на дѣлѣ, уничтожая Бога, ставятъ вмѣсто него папу съ міровою властію [2]).

Мнѣ остается только сказать о «Дневникѣ писателя» и о знаменитой рѣчи Достоевскаго на пушкинскомъ праздникѣ. «Дневникъ писателя» [3]) при жизни нажилъ Достоевскому всего больше и горячихъ приверженцевъ и враговъ, приверженцы были изъ массы читателей, враги—изъ присяжныхъ публицистовъ; первые радовались, услыхавъ откровенное, умное, но донельзя простое слово хорошаго, стоящаго внѣ партій, человѣка о вопросахъ дня; вторые—негодовали на дерзкаго самозванца, который вздумалъ вдругъ, что называется, съ оника, рѣшать самыя трудныя задачи безъ надлежащей подготовки и внѣ обычныхъ журнально-газетныхъ формъ. Теперь прочесть подъ рядъ всѣ №№ «Дневника»—трудъ не малый; но этотъ трудъ съ избыткомъ вознаграж-

---

[1]) Стр. 363.

[2]) Ср. рѣчь князя Мышкина противъ католичества, «Идіотъ», стр. 587—9.

[3]) Я разумѣю, конечно, самостоятельное изданіе Достоевскаго съ 1876 г. «Дневникъ писателя» въ Гражданинѣ (1873 г.) сравнительно очень мало обратилъ на себя вниманіе.

дается перлами ума, доброты и поэзіи, которыя тамъ встрѣчаются среди повтореній и парадоксовъ.

«Дневникъ писателя» драгоцѣненъ для насъ, во-первыхъ, какъ комментарій къ произведеніямъ Достоевскаго, какъ Wahrheit und Dichtung драгоцѣнно для пониманія Гёте [1]); во-вторыхъ, какъ превосходный матеріалъ для выясненія процесса творчества поэта, такъ какъ мы здѣсь находимъ и фактъ, который далъ толчокъ фантазіи, и—иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, иногда сейчасъ же—встрѣчаемъ художественное произведеніе, которое возникло изъ этого факта [2]), и въ-третьихъ, наконецъ, какъ собраніе превосходныхъ повѣстей и очерковъ, изъ которыхъ иные (напр. Мальчикъ у Христа на елкѣ) уже успѣли сдѣлаться народными книжками.

Всего слабѣй Достоевскій въ вопросахъ политическихъ, гдѣ, дѣйствительно, нужна подготовка, и вовсе не литературнаго характера, и гдѣ ему мѣшаетъ сила его воображенія и страстность его патріотизма [3]). Глубоко убѣжденный въ нашемъ внутреннемъ превосходствѣ передъ Европою, онъ твердо вѣруетъ, что она не нынче, такъ завтра постучится къ намъ и будетъ требовать, чтобъ мы шли спасать ее отъ нея же самой [4]).

Конечно, мысль эта и въ то время казалась слишкомъ мечтательною, да и теперь черезъ 15 лѣтъ эта мечта слишкомъ еще далека отъ осуществленія; но средство, которое указываетъ Достоевскій для внушенія Европѣ уваженія, не только патріотично, но и глубоко мудро.

---

[1]) Здѣсь есть и общій комментарій, т. е. изложеніе міровоззрѣнія автора, и спеціальный; напр. XI, 8 къ Подростку, XI, 101 къ будущимъ Братьямъ Карамазовымъ и пр.

[2]) Напр. въ окт. нумерѣ 1876 г. (XI, 316) Достоевскій разсказываетъ о швеѣ, которая отъ безработицы выбросилась изъ окна съ образомъ въ рукахъ. Это представленіе не даетъ ему покоя и черезъ 2 мѣсяца изъ него, но при совершенно другой идеѣ, онъ создаетъ повѣсть «Кроткая» (съ знакомымъ намъ по Идіоту и Подростку типомъ идейнаго закладчика и съ характеромъ до самоубійства правдивой женщины-ребенка). Разсказъ о 104-лѣтней старухѣ сейчасъ же облекается въ поэтическую форму.

[3]) Въ 1876 г. онъ предвидитъ легкую побѣду надъ турками, которые будто бы только беззащитныхъ рѣзать горазды (впрочемъ, кто изъ публики въ то время не предвидѣлъ ея?); Франціи предрекаетъ скорую рѣзню; католичеству—побѣду надъ демагогіей; въ 1877 г. онъ предсказываетъ на дняхъ войну Германіи съ Франціей; задачу Кавура считаетъ ничтожной и т. д.

[4]) XI, 104—5 и passim.

Это средство—перестать быть международной общмыгой, какъ выражается Достоевскій [1]), стать русскимъ во-первыхъ и прежде всего, а стать русскимъ значитъ перестать презирать народъ свой. И какъ только европеецъ увидитъ, что мы начали уважать народъ нашъ и національность нашу, какъ тотчасъ же онъ начнетъ насъ самихъ уважать [2]).

Проповѣдь народности, конечно, не была новостью въ 70-хъ годахъ; но идея эта такова, что чѣмъ больше повторять и развивать ее, тѣмъ лучше. А что ее слѣдовало развивать и даже доказывать, видно изъ того, что и тогда многіе умные русскіе люди рукоплескали тургеневскому Потугину и издѣвались надъ Достоевскимъ. Да и теперь далеко ли ушли мы на пути народности, напримѣръ, хоть относительно мертваго, какъ остроумно доказываетъ Достоевскій, французскаго языка, употребляющагося въ нашемъ такъ называемомъ «свѣтѣ»?

Достоевскій вовсе не закрываетъ глазъ на недостатки нашего народа; онъ видитъ въ немъ и грязь и даже грубый матеріализмъ [3]), но считаетъ это явленіемъ наноснымъ и преходящимъ. Что касается до средства очиститься, оно у Достоевскаго тоже самое, что, и у всѣхъ лучшихъ людей 40-хъ, 60-хъ и 80-хъ гг. «Я не хочу, говоритъ Достоевскій [4]), мыслить и жить иначе какъ съ вѣрой, что всѣ наши 90 милліоновъ русскихъ будутъ когда-нибудь образованы

---

[1]) По поводу этого слова приведу еще нѣсколько подобныхъ, типичныхъ по своей силѣ и оригинальности выраженій Достоевскаго: «вьюнить», «зла и сверлива, какъ буравчикъ», «опрокинутое лицо (можетъ быть, это и варваризмъ, но очень картинный), «сейчашній», «безудержъ желаній», «подымчивое сердце», «ссорная минута», «виситъ надъ каждымъ словомъ» и т. д. Иногда Достоевскій однимъ оборотомъ рѣчи измѣняетъ самое отношеніе понятій. Напр., въ «Вѣчномъ Мужѣ» онъ говоритъ: «Онъ былъ не только умный, но даже иногда толковый человѣкъ». Кто въ самомъ дѣлѣ не согласится, что толковыхъ людей между русскими интеллигентами меньше, чѣмъ умныхъ?

Въ общемъ, слогъ Достоевскаго въ романахъ и повѣстяхъ—слогъ крайняго реалиста, натуральный до послѣдней степени. Онъ не одинъ разъ заявляетъ, что ненавидитъ «литературныя красоты». Напротивъ, Писемскій, когда онъ говоритъ отъ себя, говоритъ замѣчательно гладкимъ литературнымъ слогомъ, и обычныхъ въ романахъ «красотъ» не чуждается.

[2]) 1877 г. XII, 25.

[3]) XI, 47.

[4]) X, 36.

очеловѣчены и счастливы. Я знаю и твердо вѣрую, что всеобщее просвѣщеніе у насъ никому повредить не можетъ» [1]).

Достоевскій настойчиво требуетъ для всѣхъ права на высшее образованіе, и прежде всего для будущихъ матерей, для нашихъ женщинъ. «Только лишь высшая наука, пишетъ онъ въ 1876 г. [2]), имѣетъ въ себѣ столько обаянія и силы, чтобъ усмирить это почти волненіе, начавшееся среди нашихъ женщинъ». Родители, по его убѣжденію, не только не должны препятствовать стремленію дочерей на «курсы», но сами должны посылать ихъ, чего бы имъ это ни стоило. Онъ видитъ въ современной русской женщинѣ, которую вообще ставитъ много выше мужчины, великій недостатокъ—зависимость отъ мужскихъ идей и наклонность принимать ихъ на вѣру, и для этой болѣзни указываетъ то же лѣкарство — высшее образованіе [3]).

Достоевскій никогда не давалъ уроковъ, да едва ли и былъ способенъ давать ихъ; но какъ писатель, онъ великій педагогъ, потому же онъ человѣкъ великой любви къ дѣтямъ.

Въ своихъ романахъ, онъ, какъ мы видѣли, выводитъ дѣтей исключительныхъ: съ болѣзненной впечатлительностью, съ глубокимъ горемъ въ юномъ сердцѣ. Для ихъ излѣченія у него одна панацея —любовь, которая мгновенно изгоняетъ изъ сердца ребенка самую застарѣлую злобу и раздражительность (припомните въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» сцену между Нелли и старымъ докторомъ нѣмцемъ; въ «Карамазовыхъ» — первую встрѣчу Алеши съ Илюшенькой). Въ «Дневникѣ писателя» громкіе процессы того времени даютъ Достоевскому поводъ поднимать вопросъ о воспитаніи вообще [4]). Основа всякой педагогіи, по его убѣжденію, есть дѣятель-

---

[1]) Достоевскій, по нашему мнѣнію, слишкомъ увлекается нашими хорошими свойствами, увѣряя, что только у насъ идеалъ выше всего мірского (XI, 47), что только у насъ святыни дѣйствительно святы, и мы стоимъ за нихъ искренно, а не во имя «порядка (XI, 82 — 3), что у насъ скорѣе, чѣмъ на Западѣ, настанетъ царство мысли и свѣта, такъ какъ у насъ нѣтъ сословной ненависти (X, 36). Но это увлеченіе идетъ изъ чистаго источника и никому шовинизма и косности внушить не можетъ.

[2]) XI, 214.

[3]) XI, 182—185.

[4]) Разборъ громкихъ процессовъ—лучшія главы Дневника, которыя могутъ быть поставлены рядомъ съ лучшими страницами романовъ Достоевскаго; здѣсь глубокій и гуманный психологическій анализъ Достоевскаго достигалъ

ная и неустанная любовь. Мѣры насильственныя, тѣлесныя наказанія есть продуктъ лѣни родителей. Дѣти—великій и страшный долгъ, ни съ чѣмъ не сравнимый, и честные отецъ съ матерью должны прежде всего перевоспитать самихъ себя. Трудный это подвигъ, но чтожъ дѣлать: за то плоды будутъ благіе.

Но Достоевскій не приводитъ въ отчаяніе и тѣхъ, кто слабъ для подвига: дѣти гораздо больше понимаютъ, чѣмъ мы объ нихъ думаемъ, и расположены къ любви самой природой; если родители добры къ нимъ, они простятъ всякія отклоненія, всякія безобразія [1]), и если не будутъ уважать родителей, то будутъ любить ихъ, забудутъ испытанное горе и вынесутъ изъ дѣтства хоть нѣсколько свѣтлыхъ воспоминаній; а нѣтъ ничего на свѣтѣ выше, сильнѣе и полезнѣе впередъ для жизни, какъ эти воспоминанія [2]).

Не могу не привести одного частнаго замѣчанія Достоевскаго относительно преподаванія словесности въ нашей средней школѣ. Въ «Дневникѣ писателя» [3]), приведя одну цитату изъ Донъ Кихота, Достоевскій говоритъ: «Какъ бы желалось, чтобы съ этими великими произведеніями всемірной литературы основательно знакомилось наше юношество. Чему учатъ теперь въ классахъ литературы — не знаю, но знакомство съ этой величайшей и самой грустной книгой изъ всѣхъ, созданныхъ геніемъ человѣчества, несомнѣнно возвысило бы душу юноши великою мыслію, заронило бы въ сердце его великіе вопросы и способствовало бы отвлечь его умъ отъ поклоненія вѣчному и глупому идолу средины, вседовольному самомнѣнію и пошлому благоразумію».

Глубоко вѣрная мысль, выраженная съ замѣчательной энергіей и убѣдительностью! Кто не согласится, что для общаго, гуманнаго образованія такія вѣчныя книги, какъ Донъ Кихотъ, король Лиръ, Макбетъ, даже Дантъ необходимѣе, чѣмъ «Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ» и «Похвальное слово Петру Великому»?

Лучшая минута въ молодости Достоевскаго — его первое свиданіе съ Бѣлинскимъ. Величайшая минута въ старости—его рѣчь на пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ. Я слышалъ эту рѣчь, и

поразительной силы, а иногда, какъ въ дѣлѣ Корниловой, спасалъ людей отъ грѣха и Сибири.

[1]) XII. 217.

[2]) «Братья Карамазовы», рѣчь Алеши на могилѣ Илюшеньки.

[3]) XII, 282—3.

я вмѣстѣ съ толпою безумствовалъ отъ восторга. Черезъ нѣсколько недѣль, прочитавъ эту рѣчь въ печати, я значительно разочаровался въ ней: нашелъ въ ней преувеличенія, неосуществимыя мечтанія, неясности, нѣсколько громкихъ фразъ. Но теперь, черезъ 12 лѣтъ, я горжусь своимъ безграничнымъ восторгомъ и стыжусь своей близорукой и придирчивой критики. Что за дѣло до частностей, когда общее такъ хорошо? Теперь всѣмъ ясны благія послѣдствія этого великаго момента примиренія и объединенія всего, что было на Руси лучшаго и идейнаго; всѣмъ ясно, что съ этого праздника нѣтъ на Руси ни ультрареалистовъ, доказывающихъ, что сапоги лучше Шекспира, ни ультраидеалистовъ, отдѣляющихъ китайской стѣною поэзію отъ жизни; нѣтъ вражды между руссофилами и космополитами западниками, а есть, какъ и вездѣ, невѣжды и образованные, равнодушные ко всему, кромѣ личныхъ выгодъ, эгоисты, «ликующіе и праздно болтающіе, омывающіе руки въ крови», и есть идейные энтузіасты, и что рѣчь Достоевскаго, самаго горячаго изъ такихъ энтузіастовъ, была глубоко искреннимъ и блестящимъ выраженіемъ этого момента.

Пушкинъ собралъ всѣхъ воедино; а Достоевскій сдѣлалъ то, что собравшіеся на поминки Пушкина остались въ единеніи, и вотъ отчего, пока чтутъ Пушкина, будутъ помнить и восторженнаго жреца его, Достоевскаго.

Рѣчь о Пушкинѣ безсознательно для оратора оказалась подведеніемъ итоговъ всей лучшей стороны литературной дѣятельности самого Достоевскаго. Онъ превозноситъ поэта-прозорливца за его горячее стремленіе къ идеалу и за умѣнье находить этотъ идеалъ въ родной землѣ. Достоевскій былъ всю жизнь «неисправимый идеалистъ» (XI, 83), вѣчно искавшій святынь и умѣвшій находить ихъ у себя дома. Онъ превозноситъ Пушкина за созданіе въ лицѣ Онѣгина типа русскаго скитальца и страдальца, тоскующаго по потерянной правдѣ. Онъ самъ всю жизнь болѣлъ за русскихъ страдальцевъ, и всю жизнь указывалъ имъ потерянную правду, говоря: «Смири свою гордость, гордый человѣкъ! Поработай на родной нивѣ, праздный человѣкъ!» Онъ видитъ въ Татьянѣ апоѳеозъ русской женщины, которая не можетъ основать своего счастія на несчастіи другого. Онъ самъ, начиная съ «Бѣдныхъ людей», доказывалъ, что счастье только въ томъ, чтобъ доставлять другимъ минуты счастья, чтобъ возстановлять падшихъ, чтобъ утѣшать уни-

женныхъ и оскорбленныхъ. Пушкинъ любилъ Россію и гордился ею, хотя и сознавалъ всѣ темныя стороны нашей жизни. Достоевскій говоритъ: «наша земля нищая, но вѣдь и Христосъ въ ясляхъ родился». Пушкинъ не былъ ни славянофиломъ, ни западникомъ, а былъ одновременно и русскимъ и міровымъ человѣкомъ. Достоевскій проповѣдывалъ объединеніе національныхъ и гуманныхъ стремленій, всеобщее братство и народовъ, и сословій, и отдѣльныхъ людей: «Главное, люби другихъ, какъ себя, вотъ что главное и это все больше ровно ничего не надо» [1]).

Я кончилъ. Если вы согласны со мною хоть въ нѣкоторыхъ изъ моихъ положеній, вы признаете, что мы несправедливо забыли Писемскаго. Но вы не будете удивляться тому, что судьба двухъ высокодаровитыхъ романистовъ-современниковъ такъ различна.

Писемскій въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ — талантливый художникъ-реалистъ, давшій цѣлый рядъ живыхъ яркихъ образовъ и указавшій намъ язвы наши.—Мы должны сохранять благодарную память о томъ, кто намъ скажетъ, чѣмъ мы дурны.

А Достоевскій—нашъ утѣшитель въ минуты «скорби и гнѣва» на себя и на жизнь, проповѣдникъ дѣятельной любви, глубокой вѣры въ человѣка и свѣтлой надежды на его лучшее будущее. Онъ — поэтъ-учитель, указующій намъ путь правды и высшей духовной красоты.

---

[1]) XII, 134.

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ ГРИБОѢДОВА И ГРАФА Л. ТОЛСТОГО [1]).

Многіе, безъ сомнѣнія, помнятъ, какое странное впечатлѣніе произвелъ двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ романъ Достоевскаго «Подростокъ» одной изъ основныхъ идей своихъ: авторъ «Бѣдныхъ людей», защитникъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ», русскій Гюго, какъ иные тогда называли его, горячо убѣжденный народникъ, въ этомъ романѣ неожиданно выступаетъ на защиту русскаго дворянства, какъ единственнаго носителя не только русской, но и европейской цивилизаціи. По мнѣнію Достоевскаго, у насъ «только одно дворянство выработало законченныя формы чести и долга». Созданный Достоевскимъ представитель этого дворянства, Версиловъ, оказывается носителемъ міровой идеи, высшимъ культурнымъ типомъ болѣнія за всѣхъ. Такихъ, какъ онъ, можетъ быть, всего тысяча во всей Россіи, которая только и существовала для того, чтобы произвести эту тысячу, и существовала не даромъ: благодаря Версиловымъ, она живетъ не для себя, а для общечеловѣческой идеи, а только это и есть настоящая жизнь.

Архиевропеецъ Версиловъ въ то же время и совсѣмъ русскій человѣкъ: его благодушіе, его умъ, его впечатлительность и его способность совмѣщать высочайшій идеалъ съ величайшею подлостью, по убѣжденію автора, чисто русскія черты.

Въ этомъ взглядѣ Достоевскаго на всемірно-историческую роль русскаго дворянства много парадоксальнаго, но нельзя не признать въ немъ зерна глубокой правды.

---

[1]) Публичная лекція, читанная въ пользу Московскаго Комитета Грамотности 25 марта 1895 г. въ Историческомъ Музеѣ.

Во всѣхъ другихъ странахъ Европы съ самаго начала XIX вѣка, и даже раньше, дворянство есть только сословіе, сословіе немногочисленное, болѣе или менѣе замкнутое и вовсе не передовое, а часто, напротивъ, враждебное прогрессу; у насъ же до середины XIX столѣтія дворянство есть единственный культурный слой, есть вся интеллигенція.

Гордиться этимъ, какъ добровольной заслугой, русское дворянство не имѣетъ основанія: иначе это и не могло быть. У насъ не было средняго сословія, а дворянство, классъ многочисленный и разнообразный по составу, включавшій въ себѣ почти всѣхъ служилыхъ людей, одно только и давало образованіе своимъ дѣтямъ, сперва въ силу необходимости, а потомъ добровольно. Если членъ другого сословія получалъ образованіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣталъ права и переходилъ въ дворянство. Умственная жизнь и ея наиболѣе яркое выраженіе—литература у насъ были возможны почти исключительно въ дворянствѣ.

Приближаясь къ концу столѣтія, мы можемъ, я полагаю, отнестись съ исторической объективностью къ первой его половинѣ и безъ горькаго чувства признаться, что художественная производительность той половины сильнѣе, оригинальнѣй и совершеннѣй нашей. Я думаю, мы можемъ согласиться, что между срединою 20-хъ годовъ и концомъ 50-хъ заключается классическій періодъ русской литературы, соотвѣтствующій эпохѣ Гёте и Шиллера у нѣмцевъ. Это 35-лѣтіе начинается первыми главами «Евгенія Онѣгина» и трагедіею «Борисъ Годуновъ», а заканчивается романомъ Тургенева «Отцы и Дѣти» [1]).

Этотъ классическій періодъ нашей литературы есть въ то же время періодъ по преимуществу дворянскій, не по тенденціи, конечно, — напротивъ: лучшіе люди изъ русскаго дворянства (а въ литературѣ выступали, безъ сомнѣнія, лучшіе люди), если проводили какую тенденцію, то именно архи-всесословную или антисословную, но по происхожденію и образованію дѣятелей и отчасти по предметамъ изображенія.

Въ западной Европѣ какъ и въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи почти всѣ выдающіеся дѣятели литературы выходятъ

---

[1]) **Въ исторіи нашей общественной жизни начальный моментъ совпадаетъ съ дѣломъ декабристовъ, а появленіе «Отцовъ и Дѣтей»—съ освобожденіемъ крестьянъ.**

изъ средняго класса: въ Германіи и Англіи это дѣти пасторовъ, педагоговъ, медиковъ, юристовъ, книгопродавцевъ и ремесленниковъ; во Франціи и другихъ романскихъ странахъ — адвокатовъ, купцовъ, подрядчиковъ, чиновниковъ; рѣдко-рѣдко мелькнетъ аристократическое имя въ родѣ графа Альфіери, лорда Байрона. А у насъ въ это классическое 35-лѣтіе дѣйствуютъ почти исключительно или члены старинныхъ родовъ дворянскихъ, какъ Пушкинъ Лермонтовъ, Гоголь-Яновскій, Тургеневъ, князь Вяземскій, князь Одоевскій, графъ Соллогубъ, графы Толстые, графиня Растопчина, графиня Сальясъ, Бестужевъ, Огаревъ, Щедринъ-Салтыковъ и мн., мн. др., или дѣти небогатыхъ помѣщиковъ или, наконецъ, дѣти такъ называемыхъ личныхъ дворянъ, но получившіе образованіе въ дворянскихъ пансіонахъ, институтахъ и гимназіяхъ, гдѣ въ то время дворянскій элементъ имѣлъ перевѣсъ. Купецъ Полевой и мѣщанинъ Кольцовъ были необыкновеннымъ явленіемъ; даже крупные литературные дѣятели изъ такой незнати (хотя все же дворянской), какъ Бѣлинскій и Достоевскій,—рѣдкость. По разсказамъ современниковъ, въ тогдашнихъ журналахъ даже смѣсь, даже обозрѣніе модъ составляли любители, то-есть люди, обезпеченные или службою, или независимымъ состояніемъ; настоящіе журнальные работники, живущіе литературнымъ трудомъ, у насъ появляются съ 50-хъ годовъ.

Лучшіе русскіе дворяне дѣйствительно отличаются замѣчательною «широкостью ума», по выраженію Достоевскаго, и они, несомнѣнно, вполнѣ русскіе люди, несмотря на французское воспитаніе. Именно они начали изучать русскій народъ, собирать его пѣсни, сказки, преданія и воспроизводить его типы; лучшіе мужицкіе типы созданы Тургеневымъ, Григоровичемъ, Достоевскимъ и Писемскимъ. Но наиболѣе крупными и характерными произведеніями классическаго періода являются тѣ, въ которыхъ изображается дворянская жизнь и дворянскіе типы: онъ начинается Онѣгинымъ, Ленскимъ, Лариными и оканчивается Рудинымъ, Лаврецкимъ, Еленою Инсаровой, Кирсановыми.

По обѣ стороны классическаго 35-лѣтія русской литературы стоятъ два великія произведенія, опять-таки дворянскія—и по авторамъ и по предмету изображенія: комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума» и романъ Толстого «Война и Миръ»; оба они представляютъ картину жизни русскаго общества въ царствованіе Александра I

и главнымъ образомъ общества московскаго [1]); стало быть, предметъ изображенія въ нихъ одинъ и тотъ же [2]). Но различіе по способу и пріемамъ изображенія огромно.

Авторъ «Горе отъ ума», человѣкъ съ необыкновенно сильнымъ умомъ и тонкой наблюдательностью, съ глубокимъ и благороднымъ чувствомъ, но съ посредственной творческой фантазіей, — я убѣжденъ, что не будь на свѣтѣ «Горя отъ ума», всѣ другія произведенія Грибоѣдова черезъ 20 лѣтъ послѣ его смерти были бы забыты безъ остатка,—человѣкъ, жестоко огорченный противорѣчіемъ между своими яркоопредѣленными идеалами и пошлой, безсмысленной дѣйствительностью, изображаетъ современное ему общество въ комедіи-сатирѣ, для которой онъ собиралъ краски въ продолженіе всей своей недолгой, но многодумной жизни, которую писалъ онъ, какъ говорится, лучшей кровью своего изстрадавшагося сердца.

Въ другомъ случаѣ—истинный художникъ образовъ, эпическій поэтъ изъ тѣхъ, какіе родятся вѣками, уходитъ изъ шумной современости великой эпохи реформъ, зарывается въ записки, въ груды старыхъ писемъ, въ разсказы старожиловъ, въ историческія сочиненія всѣхъ родовъ и видовъ, и въ то время, какъ кругомъ его рушатся послѣдніе остатки крѣпостной старины, всѣми поносимой и проклинаемой, возсоздаетъ картину дворянскаго общества того времени, когда крѣпостной «порядокъ» казался вполнѣ нормальнымъ и неизмѣннымъ; онъ рисуетъ своихъ дѣдушекъ и ба-

---

[1]) Въ „Войнѣ и Мирѣ" дѣйствіе переносится и въ Петербургъ, и въ провинцію, и даже за границу; но центральная въ романѣ семья Ростовыхъ по складу своему—совсѣмъ московскіе люди.

[2]) Дѣйствіе романа Толстого начинается въ 1805 г. (въ первой ред., напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», романъ такъ и назывался: «1805-й годъ») и заканчивается въ 1813 г.; только эпилогъ перенесенъ въ 1820 г. Первая ред. комедіи была задумана и набросана въ 1816 г. (извѣстіе о наброскѣ 1812 года представляется мнѣ болѣе, чѣмъ сомнительнымъ), а окончательная редакція относится въ 1823—1824 годамъ, и дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, уже совсѣмъ отстроившейся послѣ пожара. Стало быть, въ комедіи передъ нами то же поколѣніе, нѣсколько постарѣвшее. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что Грибоѣдовъ съ 1812 г. не живетъ въ Москвѣ, а бываетъ наѣздомъ; присматривался же онъ къ московскому свѣту съ дѣтства до поступленія въ университетъ; это обстоятельство дѣлаетъ разницу по времени изображаемаго еще менѣе ощутительной.

бушекъ съ теплымъ чувствомъ любящаго внука, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ объективной справедливостью честнаго историка. Онъ также глубоко проникнутъ изображаемымъ предметомъ, какъ его предшественникъ; но онъ не страдаетъ отъ темныхъ сторонъ давно сошедшаго въ могилу общества; онъ изъ далека-далека любуется его свѣтлыми образами; онъ слабѣе чувствуетъ, но онъ лучше понимаетъ его и описываетъ полнѣй и разностороннѣй; къ тому же и форма романа, обнимающаго цѣлую 15-лѣтнюю эпоху, несравненно удобнѣе для этого, нежели форма старинной комедіи, въ которой все дѣйствіе втиснуто въ 24 часа.

Въ драматической литературѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ нѣтъ пьесы, судьба которой представляла бы столько неожиданностей и странностей, какъ судьба комедіи Грибоѣдова. 28-лѣтній молодой человѣкъ, воспитанникъ московскихъ салоновъ, хорошій знатокъ литературы и театра, но до тѣхъ поръ не выдвигавшійся среди другихъ драматурговъ-любителей, обдумываетъ на бивакахъ, на границахъ Азіи, нелестную картину жизни того общества, къ которому принадлежалъ онъ. Вернувшись потомъ на родину, онъ сознаетъ, какой алмазъ лежитъ въ его портфелѣ, спѣшитъ отшлифовать его и употребляетъ огромныя усилія, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ публикѣ. Но ни на сцену, ни въ печать [1]) не можетъ онъ пристроить свое несчастное дѣтище; оно только навлекаетъ на него цѣлый рядъ непріятностей, чрезвычайно разнообразныхъ и иногда очень крупныхъ. Тогда махнулъ рукой молодой сатирикъ на литературу и театръ и отдался службѣ. Ему повезло, и въ тѣ годы, когда люди съ огромными связями только мечтаютъ о подобномъ постѣ, онъ былъ уже посланникомъ въ Персіи. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и оттуда возвратился только обезображенный трупъ его. За то не погибла его запрещенная комедія: въ невѣроятномъ количествѣ списковъ разошлась она по всей Россіи; мало того, что разошлась: наизусть была выучена, и, какъ предсказалъ Пушкинъ, чуть не половина стиховъ ея перешла въ поговорки. Наконецъ, въ 30-хъ годахъ цензура сжалилась не столько надъ комедіей, сколько надъ своимъ недвусмысленнымъ положеніемъ, и великодушно разрѣшила всѣмъ извѣстную пьесу (хоть и съ огромными

---

[1]) Кромѣ небольшихъ отрывковъ, напечатанныхъ въ альманахѣ Булгарина «Русская Талія»,

урѣзками). Слѣдовало ожидать, что теперь-то критика наперерывъ примется расхваливать всеобщую любимицу. Не тутъ-то было: почти всякій, кто писалъ о ней, находилъ въ ней крупнѣйшіе промахи и вопіющіе недостатки. Въ 1840 г. нашъ великій критикъ Бѣлинскій жестоко отдѣлалъ тѣхъ, кто бранилъ «Горе отъ ума», а самъ, хотя и расхвалилъ частности: отдѣльныя сцены, чудный стихъ, живой языкъ и яркія картины нравовъ, но, какъ художественное произведеніе, разнесъ комедію, какъ говорится, въ пухъ и прахъ. Въ ней, по его убѣжденію, нѣтъ цѣлостности, потому что нѣтъ идеи. Герой ея Чацкій—полоумный чудакъ, до крайности безтактный, къ тому же человѣкъ неблагородный и съ холоднымъ, неспособнымъ къ истинному чувству сердцемъ; по его поступкамъ его всякій принялъ бы за помѣшаннаго, и 3-й актъ пьесы много выигралъ бы, если бы изъ него выкинуть его нелѣпые монологи. Софья—не живой человѣкъ, а призракъ, такъ какъ авторъ не потрудился примирить энергію, силу ея характера съ ея любовью къ лакею Молчалину. Отецъ Софьи, Фамусовъ, былъ бы живымъ лицомъ, если бы онъ въ угоду автору не говорилъ обличительныхъ монологовъ на самого себя и т. д., и т. д. [1]).

Статья Бѣлинскаго написана живо, блестяще, убѣдительно; мудрено ли, что сущность его оцѣнки комедіи Грибоѣдова вошла во всѣ учебники и повторялась всѣми учителями словесности?

Стало быть, второй разъ погибло «Горе отъ ума», и эта вторая гибель горше первой?

Ничуть не бывало; во-первыхъ, тотъ же Бѣлинскій несчетное число разъ приводитъ чудные стихи изъ монологовъ Чацкаго, да, если не ошибаюсь, пользуется и призракомъ Софьей, какъ живымъ характеромъ, не говоря уже о фамусовскомъ міровоззрѣніи, фамусовскомъ пошломъ остроуміи и пр.; а, во-вторыхъ, учебники и учителя словесности не только не помѣшали безконечному ряду изданій, но, что еще удивительнѣй, эта антихудожественная комедія до сихъ поръ у насъ не сходитъ со сцены, и нѣтъ смѣлаго актера на первыя роли, который не испыталъ бы силъ своихъ въ Чацкомъ [2]).

---

[1]) Т. III, 419 и слѣд.

[2]) Въ 1871 г. появилась горячая и талантливая статья Гончарова „Милліонъ терзаній“ (перепеч. въ VIII т. его сочиненій), реабилитирующая не только Чацкаго, но и Софью. Такъ какъ она непосредственно слѣдовала за

Не могу не остановиться на минуту на этомъ противорѣчіи между мнѣніемъ великаго критика и живой правдой. Мнѣ представляется очевиднымъ, что Бѣлинскій [1]), увлеченный глубиною и блескомъ монологовъ героя, пришелъ къ ошибочному заключенію, будто Грибоѣдовъ желалъ изобразить въ Чацкомъ идеалъ, передъ которымъ должно преклониться недостойное такихъ представителей общество. На самомъ же дѣлѣ Чацкій въ глазахъ поэта—честный и умный человѣкъ, но далеко не идеалъ характера, и если поэтъ представляетъ въ немъ себя, то не для того, чтобъ возвеличить, а чтобъ казнить себя. Приведу хотя одно доказательство, по возможности наглядное. Чацкій самолюбивъ болѣзненно, до смѣшного и, какъ большинство черезчуръ самолюбивыхъ людей, не находчивъ, вслѣдствіе чего онъ при всемъ своемъ умѣ часто оказывается въ глупомъ положеніи. Припомнимъ его разговоръ съ Фамусовымъ о Софьѣ:

«Скажи, тебѣ понравилась она?»

беззастѣнчиво спрашиваетъ его Фамусовъ.

«Обрыскалъ свѣтъ—не хочешь ли жениться?»

Какой глупостью отвѣчаетъ ему на это умный Чацкій?

«А вамъ на что»?

Развѣ не въ правѣ былъ Фамусовъ выгнать его за это и замѣтить, что онъ «нѣсколько сродни» своей дочери?

Чацкому ужасно хочется узнать, какъ отнесется Фамусовъ къ его намѣренію жениться на Софьѣ, и ужасно не хочется получить отказа, и онъ изобрѣтаетъ робкую форму вопроса:

«Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?»

Свойственно ли серьезному, уважающему себя человѣку прибѣгать къ подобнымъ изворотамъ въ такомъ дѣлѣ?

Грибоѣдова обвиняютъ въ томъ, что онъ заставляетъ Чацкаго

„Обрывомъ", то не имѣла такого сильнаго вліянія, какое должна была бы имѣть; только въ послѣднее время ея положенія начинаютъ проникать и въ учебники. Но и Гончаровъ обвиняетъ Чацкаго въ нелѣпомъ патріотическомъ паѳосѣ и „нетрезвости рѣчи" (стр. 157).

[1]) Какъ и раньше его Пушкинъ (изд. Фонда, VII, 107 — 108), восхищавшійся комедіей, но не признававшій Чацкаго умнымъ человѣкомъ.

разсыпать бисеръ своихъ обличеній передъ Фамусовыми, Скалозубами и пр. Да развѣ самъ поэтъ не чувствуетъ, какъ это неумѣстно, и развѣ не онъ влагаетъ въ уста деревянному Скалозубу одобреніе обличителю [1])? Можно себѣ представить, какую жалкую физіономію долженъ былъ имѣть Чацкій, выслушивая похвалу дурака?

Бѣлинскій правъ, называя Чацкаго безтактнымъ; но безтактность безтактности розь; безтактность Чацкаго происходитъ не отъ грубости натуры, а отъ болѣзненной впечатлительности и полнаго неумѣнья приноравливаться къ людямъ. Онъ мечтаетъ получить руку Софьи, знаетъ, что никогда не получитъ ея безъ согласія Фамусова, и дѣлаетъ съ своей стороны все, чтобы раздражить, возстановить противъ себя этого Фамусова; счастье его, что тотъ человѣкъ неуязвимый: другой давно выгналъ бы его изъ дому. Но Бѣлинскій и другіе неправы въ томъ, что предполагаютъ, будто Грибоѣдовъ не замѣчалъ этого.

Я утверждаю, что Грибоѣдовъ хотѣлъ сдѣлать Чацкаго именно такимъ; потому онъ и далъ ему нервную мать, которая, по словамъ Фамусова, «съ ума сходила восемь разъ»; далъ ему нелѣпое полуобразованіе въ домѣ Фамусова, далъ рѣдкій умъ и неумѣнье примѣнять его къ дѣлу и вложилъ въ его сердце несчастную любовь къ Софьѣ.

Чацкій самъ опредѣляетъ себя, говоря, что у него «умъ съ сердцемъ не въ ладу»; онъ—раздвоенная, неумѣстно рефлектирующая натура, близкая родня Гамлету, съ одной стороны, Чулкатурину въ «Дневникѣ лишняго человѣка»—съ другой; такіе люди, дѣйствительно, не умѣютъ любить не потому, чтобы у нихъ чувства не было, а потому, что въ ихъ чувствѣ нѣтъ здоровой непосредственности. Если женщина любитъ такого человѣка, онъ мучитъ ее; если не любитъ, онъ не умѣетъ во-время уйти, мучитъ себя, мучитъ, по мѣрѣ возможности, и любимую женщину и теряетъ ея уваженіе.

Чацкій—совсѣмъ не идеалъ, но живой человѣкъ, характеръ, глубоко задуманный и превосходно исполненный; вслѣдствіе глубины замысла и тонкости отдѣлки онъ и привлекаетъ къ себѣ всѣхъ выдающихся артистовъ; но по тѣмъ же причинамъ онъ удается столь немногимъ.

Софья тоже живой человѣкъ; по энергіи и смѣлости, по пренебрежительности

---

[1]) Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ и пр.

бреженію къ земнымъ благамъ, по уму, наконецъ, она выше большинства окружающаго ее общества; умъ ея, конечно, далеко не такой развитой и широкій, какъ умъ Чацкаго; но въ немъ та же слабая сторона, что и въ умѣ Чацкаго; это умъ безъ наблюдательности; какъ женщина, начитавшаяся сантиментальныхъ романовъ, она замѣняетъ эту наблюдательность воображеніемъ. Какъ и Чацкій, она болѣзненно самолюбива; изъ самолюбія она разлюбила Чацкаго, когда

«Онъ съѣхалъ: ужъ у насъ ему казалось скучно».

Она и до сихъ поръ безъ раздраженія не можетъ говорить о «друзьяхъ» Чацкаго, на которыхъ онъ промѣнялъ ея общество.

Чацкій уѣхалъ за границу; Софья осталась одна въ убѣжденіи, что она обижена имъ; а ея воображеніе, раздражаемое романами, требуетъ замѣны Чацкаго. Она оглядывается вокругъ себя и не находитъ никого лучше Молчалина.

Влюбиться въ лакея по натурѣ — вѣдь это невозможно для неглупой дѣвушки! Конечно, невозможно, еслибъ Софья видѣла Молчалина такимъ, какимъ мы его знаемъ.

Но Софья создала себѣ Молчалина, только отчасти воспользовавшись реальнымъ матеріаломъ, который она переработала по-своему. Молчалинъ—низкопоклонникъ, изъ-за выгоды унижающійся передъ ея отцомъ; она объясняетъ это добротою души его, снисхожденіемъ къ чужимъ слабостямъ; Молчалинъ—трусъ; она объясняетъ его уклончивость природной скромностью; Молчалинъ—деревянный человѣкъ, лишенный чувства; она объясняетъ его безчувственность чистотой души его. Его робость передъ ней льститъ ея непомѣрному самолюбію, которое теперь, послѣ предполагаемой обиды со стороны Чацкаго, стало особенно чувствительно. Самая бѣдность Молчалина и скромное его происхожденіе— важное условіе въ его пользу: въ воображеніи ея носятся поэтическія фигуры тѣхъ знатныхъ дамъ и дѣвицъ, которыя удостоивали своей любви скромныхъ оруженосцевъ, пѣвцовъ и даже пастуховъ; да и сдѣлавшись женщиной, она всегда захочетъ первенствовать въ любви, какъ ни жестокъ урокъ, полученный ею въ концѣ комедіи.

Фамусовъ говоритъ обличительные монологи на самого себя. Да, это вѣрно; но въ этомъ нѣтъ ничего противнаго художественной правдѣ. Фамусовъ вовсе не глупый человѣкъ; но это типъ безсовѣстнаго, самодовольнаго эгоиста и циника подъ приличными

формами; только бы ему было хорошо и покойно, а тамъ хоть провались все остальное. Съ отвратительнымъ цинизмомъ говоритъ онъ о своей покойной женѣ; онъ циниченъ по отношенію къ Софьѣ, къ Молчалину, къ Скалозубу, къ своимъ служебнымъ дѣламъ, ко всему обществу. Онъ ясно видитъ многія отрицательныя стороны этого общества и не прочь посмѣяться надъ нимъ, но ему удобно живется въ грязненькомъ міркѣ своемъ, и онъ не желаетъ никакихъ перемѣнъ въ немъ. Если эти перемѣны произойдутъ помимо него, онъ, конечно, сумѣетъ приспособиться къ нимъ и остаться на своемъ тепленькомъ мѣстечкѣ. Онъ вовсе не потому возмущается идеями Чацкаго, что онѣ противны его убѣжденіямъ — у него нѣтъ и тѣни убѣжденій,—но потому, что теперь эти идеи не въ авантажѣ обрѣтаются; а на всякій случай онъ и съ Чацкимъ и съ кружкомъ Репетилова сношеній не прерываетъ: мало ли что можетъ случиться!? Въ обществѣ Фамусовъ весельчакъ и болтунъ и часто добровольный шутъ; онъ и самъ не былъ бы въ состояніи различить, когда онъ остритъ и балагуритъ, когда говоритъ правду; да и на что входить въ такія тонкости? У него весело, къ нему охотно ѣздятъ, княгиня Марья Алексѣевна одобряетъ его, и общество даетъ ему возможность удобно устраивать свои дѣлишки.

Фамусовъ вполнѣ живое лицо; Фамусовы существуютъ и теперь (какъ существовали всегда, отъ начала человѣческаго общества), только теперь у нихъ краски и костюмъ иные; краски и костюмъ грибоѣдовскаго Фамусова принадлежатъ исторіи.

Въ композиціи «Горе отъ ума» есть крупные недостатки; но всѣ дѣйствующія лица великой комедіи-сатиры глубокозадуманные и прекрасно исполненные типы, одинаково реальные и въ художественномъ и въ историческомъ отношеніи; а вмѣстѣ взятые всѣ эти типы для насъ представляютъ живую картину общества того времени. Въ своемъ очеркѣ я буду говорить только объ историческомъ значеніи главныхъ лицъ, которыя являются выразителями идеи знаменитой комедіи.

«Война и Міръ», какъ и всякій историческій романъ, имѣетъ тѣ же двѣ стороны: историческую и художественную, только съ тою разницею, что здѣсь прошлое для насъ было прошлымъ и для самого поэта.

Но мнѣ какъ-то неловко называть «Войну и Миръ» романомъ,

хотя по учебникамъ теоріи словесности ее нельзя назвать иначе; «Айвенго» историческій романъ; «Князь Серебряный» историческій романъ, а «Война и Миръ» нѣчто большее: это—эпопея, совмѣщающая и прошлое, и настоящее, и временное, и вѣковѣчное; это, какъ говоритъ Гете, «частное, возведенное до общаго и облеченное дивной красотой»; это—духъ народа, воплощенный въ поэтѣ.

Во всей литературѣ XIX вѣкѣ я знаю только одно произведеніе, которое въ этомъ отношеніи можно поставить рядомъ съ «Войною и Миромъ»; его еще труднѣе назвать романомъ, хотя по формѣ это тоже романъ и, пожалуй, тоже историческій; я говорю о Misérables Виктора Гюго. Нѣтъ такихъ вѣсовъ на свѣтѣ, чтобы взвѣшивать достоинства этихъ произведеній, и я не буду и пытаться сравнивать ихъ; но не могу не сказать, что если Misérables сильнѣе по идеѣ и представляютъ болѣе крупный и вліятельный фактъ въ исторіи міровой культуры, то для насъ по крайней мѣрѣ въ «Войнѣ и Мирѣ» болѣе историческаго интереса и художественной правды; да, смѣю думать, что и въ міровой литературѣ Наташа Ростова, Пьеръ Безухій, Бергъ, Анатоль Курагинъ и пр., вмѣстѣ съ мистеромъ Пиквикомъ, Эдифью Домби, Юрайей Гипомъ, Лео Гутманомъ, Эсмеральдой, Квазимодо и многими другими останутся вѣчно живыми людьми.

Л. Толстой писалъ «Войну и Миръ» пять лѣтъ [1]), а сколько лѣтъ онъ готовился и собиралъ матеріалъ, я не знаю; но могу удостовѣрить, что всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ съ литературой мемуаровъ того времени и хоть поверхностно слѣдитъ за русскими историческими журналами, постоянно наталкивается на факты, подтверждающіе вѣрность изображенія эпохи въ «Войнѣ и Мирѣ» и очень часто на факты, то крупные, то мелкіе, утилизированные Л. Толстымъ или по преданію, или по документамъ [2]).

---

[1]) Отъ 1864 до 1869 г.; въ концѣ 1864 г. въ редакціи «Русскаго Вѣстника» уже находились первыя главы «Тысяча восемьсотъ пятаго года»; онѣ появились въ январѣ 1865 г.

[2]) Приведу три-четыре разнообразныхъ примѣра: тріумфальный обѣдъ Багратіону въ англійскомъ клубѣ описанъ въ «Дневникѣ Студента», стр. 328 и слѣд.; характеристика Офросимовой встрѣчается тамъ же passim; тамъ же находимъ и остроту гр. Ростова относительно Оберъ-Шальме (стр. 6). Какъ ни кажется страннымъ присутствіе штатскаго Пьера въ Бородинскомъ сра-

Огромный талантъ Толстого сказался къ томъ, что эта предварительная, такъ сказать, архивная работа также мало чувствуется въ «Войнѣ и Мирѣ», какъ и въ Капитанской дочкѣ Пушкина, и московское общество во время «мира» изображено съ такою живостью, какъ будто авторъ снимаетъ портреты съ современниковъ, обстановка и внутренній міръ которыхъ ему знакомъ, какъ собственный. Также живо и, я полагаю, также вѣрно изображена и «война», обыденную и закулисную сторону которой бывшій севастопольскій офицеръ знаетъ не по разсказамъ «героевъ».

Но въ изображеніи войны Л. Толстой задался цѣлію доказать, что въ такихъ крупныхъ массовыхъ движеніяхъ личности такъ называемыхъ геніевъ, великихъ людей, не играютъ рѣшительно никакой роли, что все дѣлается помимо ихъ; они только воображаютъ, что ведутъ толпу за собою, а на самомъ дѣлѣ толпа ихъ толкаетъ; направленіе же толчка зависитъ отъ нихъ столько же, сколько отъ любой единицы этой толпы. Не только походъ Наполеона на Россію не зависѣлъ отъ его воли, но и весь военный геній его есть чистый миѳъ. Успѣхъ или неуспѣхъ отдѣльнаго сраженія обусловливался его дѣятельностью никакъ не больше, а скорѣй меньше, нежели дѣятельностью послѣдняго солдата. Наполеонъ, обманывая себя и другихъ, дѣлалъ видъ, что онъ командуетъ, распоряжается; но его распоряженія на ходъ дѣла не имѣли рѣшительно никакого вліянія: «они или были исполнены прежде, нежели онъ дѣлалъ ихъ, или не могли быть и не были исполнены» [1]).

Вопросъ о значеніи геніальныхъ людей въ исторіи, какъ всѣмъ извѣстно, вопросъ старый, порядкомъ наскучившій, и окончательное его рѣшеніе для всѣхъ случаевъ невозможно; такое рѣшеніе непремѣнно выйдетъ такъ называемымъ общимъ мѣстомъ, прямымъ или противоположнымъ. Иное дѣло — случаи частные. Выяснить значеніе личности Наполеона въ событіяхъ 1805 или 1812 г. очень поучительно; но неудобно дѣлать это въ формѣ ху-

---

женіи, это фактъ, упоминаемый въ письмѣ М. Волковой («Вѣстникъ Европы», 1874 г., № 8, стр. 606) относительно кн. Вяземскаго; даже ямщикъ Балага, любимецъ Долохова и Анатоля Курагина, не выдуманъ: въ «Русской Старинѣ» за 1894 г., № 3, современникъ разсказываетъ о Балагѣ, отчаянномъ ямщикѣ Анатолія Барятинскаго и т. д.

[1]) IV, 306. Я цитирую по изд. 1868—1869 г.

дожественнаго произведенія. Не имѣя возможности вдаваться въ подробности, въ разработку отдѣльныхъ фактовъ, авторъ долженъ будетъ или насиловать событія и выдумывать, чего Толстой, какъ честный художникъ, разумѣется, не дѣлаетъ, или долженъ добиваться убѣдительности многократными повтореніями тезиса въ разныхъ формахъ. Какъ бы ни были эти формы оригинальны и красивы, все же повторенія не могутъ не замедлять хода дѣйствія, и, можетъ быть, отъ досады на этотъ перерывъ художественнаго наслажденія, читателю кажется, что тезисъ или такъ ясенъ, что не требуетъ доказательствъ и разъясненій, или слишкомъ притязателенъ и потому невѣренъ. Такъ и здѣсь; доказывать, что Наполеонъ не всецѣло управлялъ событіями, безполезно, а говорить, что онъ не имѣлъ на нихъ ровно никакого вліянія, несправедливо.

На мой взглядъ, Толстой художникъ много разъ поправляетъ Толстого прагматиста. Такъ, напримѣръ, второй доказываетъ, что армія Наполеона перестала существовать, какъ регулярное войско, лишь только она вступила въ покинутую жителями Москву (IV, 117 и слѣд.), а Толстой художникъ правдиво рисуетъ ужасную сцену казни мнимыхъ поджигателей, которая съ поразительной ясностью свидѣтельствуетъ о существованіи желѣзной дисциплины въ великой арміи. Да и самый Наполеонъ въ художественномъ изображеніи Толстого вовсе не ничтожная кукла: уже одна его безпредѣльная самоувѣренность, соединенная съ презрѣніемъ къ людямъ, доказываетъ, что этотъ человѣкъ или сумасшедшій, или геній; а такъ какъ онъ не сидитъ на цѣпи, то, стало быть, онъ долженъ властвовать и дѣлать исторію, насколько послѣдняя зависитъ отъ отдѣльныхъ лицъ.

Я, конечно, не имѣю притязанія разбирать художественную сторону «Войны и Мира»: самый поверхностный разборъ потребовалъ бы цѣлаго ряда статей. Я ограничусь только выраженіемъ своего убѣжденія, что Л. Толстой—величайшій изъ живыхъ художниковъ слова, а «Дѣтство и отрочество» и «Война и Миръ»—наиболѣе художественныя изъ его произведеній. Но я не могу не указать на основы его міросозерцанія, выраженныя въ «Войнѣ и Мирѣ».

Долгій споръ о томъ, существуетъ ли искусство само для себя, или оно должно проводить въ общество свѣтлыя идеи, по моему мнѣнію, давно уже законченъ такимъ компромиссомъ: если поэтъ

хочетъ внушить, доказать извѣстную идею и для нея подбираетъ и изобрѣтаетъ образы, онъ не дастъ произведенія художественнаго, потому что образы его не будутъ живы. А съ другой стороны образы, хотя бы живые и яркіе, но возникшіе въ фантазіи человѣка, лишеннаго яснаго представленія о добрѣ и злѣ, равнодушно относящагося къ счастію и нравственному совершенству людей, не составятъ художественнаго цѣлаго. Міръ, возсоздаваемый истиннымъ поэтомъ, долженъ быть и живой міръ, и нравственно прекрасный міръ.

Коренная основа міросозерцанія, раскрывающаяся въ «Войнѣ и Мирѣ», можетъ быть выражена немногими словами: это живая любовь къ человѣку въ противоположность отвлеченной любви къ человѣчеству. Толстой даже съ нѣкоторой запальчивостью относится къ такъ называемому «общему благу», которымъ люди, по его убѣжденію, такъ часто прикрываютъ свой эгоизмъ, злость и тупость. «Съ тѣхъ поръ,—говоритъ онъ,—какъ существуетъ міръ и люди убиваютъ другъ друга, никогда ни одинъ человѣкъ не совершалъ преступленія надъ себѣ подобнымъ, не успокоивая себя мыслію о bien public, предполагаемомъ благѣ другихъ людей» [1]).

Это говоритъ онъ, пересказавъ дѣйствительно ужасную сцену расправы съ Верещагинымъ (что̀ передъ нею реторически преувеличенные ужасы французскихъ романтиковъ!); на то же bien public опираются и чиновники Наполеона, разстрѣливая на Дѣвичьемъ Полѣ поджигателей. Ça leur apprendra à incendier! — говоритъ солдатъ, несчастное орудіе этихъ чиновниковъ, и этими словами доводитъ предполагаемое bien public до невообразимо подлой нелѣпости.

Это «общее благо», перерождающееся въ слѣпую военную дисциплину, т. е. въ такой порядокъ вещей, при которомъ человѣкъ лишается и своей свободы и жалости къ другимъ людямъ, есть то страшное «оно», та таинственная сила, которая 7 октября 1812 г. мгновенно на глазахъ у Пьера превратила десятки тысячъ добродушныхъ людей въ безжалостныя машины для убійства. «Бояться, стараться избѣгать этой силы, обращаться съ просьбою или увѣ-

---

[1]) V, 110—111.

щаніемъ къ людямъ, которые служили орудіемъ ея, было безполезно... Надо было ждать и терпѣть» [1]).

Оттого Пьеръ и былъ такимъ горькимъ неудачникомъ, что все мечталъ о службѣ этому отвлеченному общему благу, не могъ рѣшить, въ чемъ состоитъ оно, а пока служилъ только своимъ слабостямъ. Въ московскомъ баракѣ, въ обществѣ безграмотнаго Каратаева онъ разрѣшилъ загадку, отказался отъ общаго ради частнаго, «опростился», выучился любить всѣхъ людей и дурныхъ и хорошихъ и разучился ненавидѣть [2]).

Вопросъ объ отношеніи между предполагаемымъ общимъ благомъ и несомнѣннымъ благомъ отдѣльнаго лица часто бываетъ вопросомъ личнаго вкуса и темперамента. Но нельзя не согласиться съ поэтомъ, что если святыми словами «общее благо» прикрывается сознательный или даже безсознательный эгоизмъ, самолюбіе, злоба, то происходитъ такая подлость, хуже которой трудно и придумать. Нельзя также не признать, что если человѣкъ въ напрасныхъ поискахъ за исполинскимъ дѣломъ не приноситъ окружающимъ той доли пользы, которую онъ можетъ и долженъ принести, онъ несчастное и жалкое существо; а что простой человѣкъ, мужикъ, все равно: русскій или нѣмецкій, можетъ научить этой простой истинѣ мечтателя барина, объ этомъ свидѣтельствуютъ Сервантесъ, и Гёте, и Тургеневъ, и Достоевскій, не говоря уже о живомъ ежедневномъ опытѣ.

Возвращаясь къ исторической сторонѣ «Войны и Мира», я долженъ замѣтить, что если авторъ тенденціозно враждебенъ Наполеону, онъ вовсе не переноситъ этой антипатіи на его армію. Повидимому, что за заслуга со стороны художника 60-хъ годовъ, если онъ, изображая одну изъ бывшихъ войнъ нашихъ, не проникается узкимъ патріотизмомъ? Но война 1812 года для насъ совсѣмъ особенная война; даже реляціи военныхъ историковъ ея не всякій можетъ читать безъ нѣкотораго волненія, и современный

---

[1]) V, 300—301.

[2]) Эта же всепрощающая любовь къ врагамъ, „любовь божеская", дала счастіе и другому хорошему, но несчастному человѣку „Войны и Мира", умирающему Андрею Болконскому (V, 157 и слѣд.). Во всей литературѣ нашего полустолѣтія я не знаю ничего, что можно было бы поставить рядомъ съ правдиво художественными страницами, описывающими его послѣдніе дни.

событіямъ русскій матеріалъ, которымъ пользовался Толстой, почти весь проникнутъ убѣжденіемъ, что «великая армія» состояла изъ злодѣевъ; а русскіе воины, ополченцы и партизаны, были героями. У Толстого французы очень милые и исполнительные люди, а русскіе герои подчасъ оказываются порядочными звѣрями. За то въ другомъ отношеніи Толстой раздѣляетъ чувства значительной части своихъ источниковъ: онъ симпатизируетъ Москвѣ и изображаетъ въ очень непривлекательныхъ краскахъ общественную жизнь Петербурга. Въ этой жизни, по его убѣжденію, надъ содержаніемъ преобладаетъ холодная, неизмѣнная форма [1]). Москва то молится, то веселится, то буйствуетъ, то приноситъ себя въ жертву и всегда остается русскимъ городомъ; Петербургъ всегда сдержанъ и всегда международенъ, какъ Бергъ или Борисъ Друбецкій [2]); у Москвы есть свои любимцы и свои антипатіи; въ Петербургѣ любимецъ общества тотъ, кому повезло на службѣ. Типъ петербургскаго крупнаго дѣятеля — князь Василій Курагинъ, человѣкъ неглупый и чрезвычайно пріятный въ обществѣ; по существу же такой холодный эгоистъ безъ стыда и совѣсти, что московскій Фамусовъ кажется передъ нимъ образцомъ благодушія и сердечности.

Въ первой редакціи романа-эпопеи авторъ самымъ названіемъ главъ [3]) и языкомъ дѣйствующихъ лицъ показную и совсѣмъ не русскую жизнь петербугскихъ салоновъ противополагалъ болѣе задушевной, болѣе родной и симпатичной ему жизни московской.

Въ началѣ XIX вѣка Москва уже давно была отставной столицей, а по мнѣнію многихъ петербуржцевъ—просто большимъ провинціальнымъ городомъ, претензіи котораго давать тонъ всей Россіи были смѣшны и ни на чемъ не основаны. Въ отставной столицѣ жили отставные вельможи и множество богатыхъ дворянъ, по разнымъ соображеніямъ предпочитавшихъ городскую жизнь де-

---

[1]) IV, 161.

[2]) „У насъ,—пишетъ москвичка Волкова своей петербургской пріятельницѣ („Грибоѣдовская Москва“, Вѣст. Евр., 1875 г., № 3, стр. 246),—судятъ болѣе здраво; нѣтъ той утонченности въ обычаяхъ, которая встрѣчается у васъ, но болѣе простоты въ мысляхъ; мы гораздо скромнѣе и легче подчиняемся правиламъ, которыхъ держались наши дѣды и отцы“.

[3]) 1-я глава называется: „Въ Петербургѣ“, 2-я: „Въ Москвѣ“. По увѣренію Волковой („Грибоѣдовская Москва“, Вѣст. Евр., 1874 г., № 9, стр. 133), въ Москвѣ русскій языкъ болѣе распространенъ, нежели въ Петербургѣ.

ревенской. Эти вельможи и дворяне составляли зерно московскаго общества. Вокругъ него группировались дворяне побѣднѣе, которые тоже имѣли въ Москвѣ, въ неторговой части города: на Поварской, Никитской, Арбатѣ, Пречистенкѣ, свои дома-особняки, гдѣ проживали мѣсяцевъ по шести и болѣе, отдыхая отъ деревенскихъ заботъ. Въ разгаръ зимняго сезона московское дворянское общество сильно увеличивалось пріѣздомъ огромнаго числа небогатыхъ помѣщиковъ, которые наѣзжали сюда въ возкахъ и кибиткахъ, на своихъ лошадяхъ, съ своей крѣпостной прислугой, съ обозами мороженой живности, съ запасомъ собственной муки, крупы и пр. и поселялись или въ наемныхъ квартирахъ или въ собственныхъ домикахъ за Москвой-рѣкой. Они группировались по губерніямъ и уѣздамъ и больше пребывали въ собственной компаніи; но черезъ предводителей и состоятельныхъ родныхъ имѣли доступъ и въ высшее общество, и «барышни» ихъ, если имѣли приличныя манеры и внѣшность, блистали и въ дворянскомъ собраніи, и на вечерахъ первыхъ московскихъ вельможъ, которые по богатству не уступали петербургскимъ, а по гостепріимству далеко превосходили ихъ. Декабрь, январь и февраль, до 1-й недѣли великаго поста, когда значительная часть помѣщиковъ разъѣзжалась по деревнямъ, было самое веселое время въ Москвѣ; въ ней жилось такъ шумно, что иные гвардейскіе франты и петербургскіе камеръ-юнкеры пренебрегали неудобствомъ 3-хъ суточной скачки по ухабамъ и пріѣзжали сюда веселиться и искать невѣстъ. На балахъ дворянскаго собранія, какъ говорится, яблоку негдѣ было упасть. Въ домахъ извѣстныхъ лицъ тоже бывали огромные съѣзды; въ запискахъ современниковъ то и дѣло читаешь: былъ балъ у такихъ-то, вся Поварская или вся Басманная или даже вся Покровка съ Моросейкой были заставлены экипажами (при чемъ у добрыхъ господъ кучерамъ раздаютъ калачи и по стакану пѣнника); за ужинъ сѣло человѣкъ 100; потомъ танцовали до 6 часовъ утра [1]). Или былъ обѣдъ у такихъ-то на 80—120 человѣкъ; на хорахъ играла музыка; послѣ обѣда молодежь начала танцовать. И часто это происходило безъ всякаго особаго повода, просто потому, что сезонъ такой.

---

[1]) „Записки Современника“ съ 1805—1819 г., ч. I., „Дневникъ Студента“ (П. С. Жихарова), Спб., 1895, стр. 6, 43 и passim.

Въ московскомъ обществѣ была та любопытная и симпатичная особенность, что въ немъ не только не наблюдалась табель о рангахъ, но оно даже не было обществомъ узкосословнымъ. Въ Петербургѣ «высокія особы, ко двору пріѣздъ имѣющія», представляли кружокъ, строго замкнутый; изъ постороннихъ въ него допускались только иностранцы. Въ Москвѣ же настоящіе вельможи задавали пиры на весь дворянскій міръ; а простые дворяне, даже и изъ лучшихъ фамилій и съ большими средствами, помимо мелкопомѣстной, иногда совсѣмъ бѣдной родни своей, принимали и сына мѣстнаго почмейстера и «батюшкина» племянника, учившагося или служившаго въ Москвѣ, если онъ только имѣлъ приличный видъ. Мало того, степные помѣщики завозили въ Москву свои обычаи, въ силу которыхъ крѣпостные, стоявшіе за стуломъ во время обѣда, принимали участіе въ застольныхъ разговорахъ [1]). Такимъ образомъ въ Москвѣ чувствовалась живая связь между сословіями, хотя и здѣсь основу общества составляли родовые дворяне.

Московское дворянство въ вѣкъ Екатерины было въ лучшихъ условіяхъ, нежели петербургское или провинціальное: игривые нравы двора были отсюда не такъ замѣтны; Максимы Петровичи не здѣсь производили свои гимнастическія упражненія, и такъ называемые случайные люди попадали сюда только по минованіи случая. Съ другой стороны, азіатскія наклонности не могли здѣсь проявляться съ такой свободой, какъ въ глухой деревнѣ, а для воспитанія дѣтей здѣсь былъ и университетъ и среднія учебныя заведенія. Короче сказать, москвичи пользовались всѣми выгодами столицы, не страдая отъ неудобства ея. Вотъ почему и Новиковъ перебрался изъ Петербурга въ Москву; вотъ почему именно здѣсь образовалось Дружеское общество, и открылись въ такомъ количествѣ вольныя типографіи, и въ Москву, а не въ Петербургъ поѣхалъ дополнять свое образованіе Ник. Карамзинъ.

Съ ноября 1796 г. настали черные дни для русскаго дворянства; на него посыпался цѣлый рядъ и общихъ и частныхъ, и крупныхъ и мелкихъ невзгодъ: сократились его вольности и привилегіи; установленъ былъ строгій этикетъ, въ силу котораго всякій мужчина, встрѣчавшійся на улицѣ съ экипажемъ императора,

---

[1]) „Воспоминанія Вигеля“, М., 1866 г., IV, 112—113.

долженъ былъ выпрыгивать на землю въ грязь и снѣгъ; отъ молодежи потребовалась не номинальная, а дѣйствительная и страшнотяжелая и опасная служба [1]); надъ каждымъ ежеминутно висѣлъ дамокловъ мечъ царскаго гнѣва съ его роковыми послѣдствіями [2]). Въ Петербургѣ будто послѣ масляницы наступилъ великій постъ: однообразные форменные костюмы, какъ для служащихъ, такъ и для неслужащихъ, однообразная запряжка, установленный часъ для тушенія огней (8 часовъ), безпримѣрно строгая цензура для книгъ и журналовъ, почти прекратившая наше умственное общеніе съ Европой и донельзя ограничившая нашу печать и театръ [3]), — все это радикально измѣнило направленіе общественной жизни, вѣрнѣе: почти остановило ее. Да и въ Москвѣ было немногимъ лучше: положимъ, государь проводилъ въ ней гораздо менѣе времени, но за то старая столица подчиняется «распоряженіямъ» далеко не съ такой легкостью, какъ казенный Петербургъ. Всѣ, кто могъ, спѣшили укрыться въ деревнѣ; но и тамъ иногда раздавался страшный колокольчикъ фельдъегеря...

11-го марта 1801 года вступилъ на престолъ Александръ I, любимый внукъ и воспитанникъ Екатерины, желанный наслѣдникъ дѣлъ и мыслей ея. Радость русскаго дворянства была неописуема.

---

[1]) До тѣхъ поръ, говорятъ, къ одному Преображенскому полку было причислено до 2000 дворянъ.

[2]) Служить въ гвардіи было такъ тяжело, что дворяне лучшихъ фамилій готовы были идти въ службу гражданскую, которая при Екатеринѣ считалась подьяческою, почти неприличною. Скоро оказалось столько желающихъ поступить въ чиновники, что императоръ запретилъ принимать туда дворянъ, и единственное исключеніе было сдѣлано для вѣдомства иностранныхъ дѣлъ: въ Петербургѣ при коллегіи было дозволено имѣть 20 юнкеровъ 14 класса и въ Москвѣ при ея архивѣ 10; при Павлѣ эти мѣста брались, что называется, съ бою, а такъ какъ служба была „чистенькая“ и видная, и для дальнѣйшаго движенія въ ней было необходимо знаніе французскаго языка, то „архивное юношество“ и при Александрѣ играло замѣтную роль въ московскомъ обществѣ. Отсюда и архивная служба Фамусова, его племянниковъ и Молчалина (см. Воспом. Вигеля, I, 1, 160, 167, 172—173).

[3]) Очень характерны факты, сообщаемые извѣстнымъ Авг. Коцебу (Достопамятный годъ моей жизни. Русск. пер., какъ приложеніе къ Древн. и Нов. Россіи за 1879 г., ч. II, стр. 80 и слѣд.), который имѣлъ основанія считать имп. Павла своимъ благодѣтелемъ и неоднократно выражаетъ свою любовь къ нему.

Тогда, по словамъ осторожнаго Вигеля [1]), «всѣ почувствовали какой-то нравственный просторъ; взгляды у всѣхъ сдѣлались благосклоннѣе, поступки смѣлѣе, дыханіе свободнѣе». Тогда-то развернулась во всю ширь московская дворянская жизнь, развернулась еще при лучшихъ условіяхъ, нежели тѣ, которыя господствовали въ послѣдніе годы Екатерины.

Просвѣтительныя идеи такъ называемыхъ предшественниковъ революціи у насъ въ XVIII вѣкѣ благотворное и сильное дѣйствіе произвели на немногихъ, а сама революція запугала всѣхъ, даже самыхъ передовыхъ людей: съ часу на часъ ждали гибели облитой кровью Франціи; ждали разрушенія всей цивилизаціи. Проходитъ 10 лѣтъ; Франція и не думаетъ погибать, а цивилизація идетъ впередъ гигантскими шагами. Тогда, по исконной способности человѣка ко всему привыкать и приспособляться, самые ужасы революціи перестаютъ казаться столь поразительными; къ тому же и нравственное чувство зрителей удовлетворяется гибелью «изъявшихъ мечъ» и возстановленіемъ нѣкотораго порядка. Тогда происходитъ любопытный процессъ дифференціаціи просвѣтительныхъ идей, въ силу котораго однѣ изъ нихъ отбрасываются, какъ не осуществимыя мечты «добраго сердца», другія оказываются спорными, а третьи, основныя, до того входятъ въ плоть и кровь общества, что кажутся почти прирожденными всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ.

Идеи послѣдней категоріи быстро распространяются и въ русскомъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что самъ государь глубоко проникнутъ ими. Небольшой кружокъ его ближайшихъ сотрудниковъ по своимъ гуманнымъ и разумно-либеральнымъ стремленіямъ не уступаетъ лучшимъ людямъ Европы, а по свѣжести, горячности чувства и вѣрѣ въ добро даже превосходитъ ихъ. Тогда въ первый разъ русскій культурный дворянинъ становится болѣе европейцемъ, нежели французъ, англичанинъ или нѣмецъ. Такими идеалами культуры, хотя идеалами безъ опредѣленныхъ цѣлей и потому мало полезными, являются въ первыхъ главахъ «Войны и Мира» Андрей Болконскій и Пьеръ Безухой. Такими въ Москвѣ могли быть только немногія единицы, а масса московскаго общества жила больше инстинктами, нежели идеями, и если о чемъ думала, то только о томъ, какъ бы попріятнѣе и поразнообразнѣе провести время.

---

[1]) I, 1, 189.

Но и по инстинктамъ и развлеченіямъ можно судить о нравственной физіономіи общества, и я, на основаніи современныхъ свидѣтельствъ, сопоставленныхъ съ «Войною и Миромъ» и комедіею Грибоѣдова, постараюсь набросать въ общихъ чертахъ физіономію московскаго дворянства отъ 1805 г., когда открывается дѣйствіе романа Л. Толстого, и до начала 20-хъ годовъ включительно.

Беззаботная жизнь, сотканная изъ однихъ наслажденій и развлеченій, гордость своими якобы прирожденными правами и строгое выдѣленіе себя и своихъ отъ массы народа, иногда уживающаяся рядомъ съ сантиментальнымъ и безплоднымъ либерализмомъ, безумно-роскошная и при томъ изящная обстановка, масса ливрейной прислуги, гербовыя кареты цугомъ, даже самый классически-обточенный французскій языкъ русскихъ баръ александровскаго времени,—все это, повидимому, напоминало дореволюціонное французское дворянство. Дѣйствительно, было несомнѣнное сходство, и среди этой только что сформировавшейся аристократіи подъ русскими именами встрѣчались типичныя фигуры изящно-распутныхъ шевалье и остроумно-легкомысленныхъ маркизовъ [1]). Но такъ какъ и среди высшаго русскаго дворянства было не мало екатерининскихъ баръ, только сверху лакированныхъ цивилизаціей, такъ какъ это высшее дворянство не было и не могло быть такимъ щепетильно гордымъ, замкнутымъ сословіемъ, какъ аристократія французская, то сходство ограничивалось внѣшностью и отдѣльными личностями; а въ сущности русское дворянское общество, пульсъ жизни котораго бился въ Москвѣ, представляло совершенно своеобразное соціальное тѣло, не недостойное вниманія исторіи, въ особенности русской.

Я начинаю съ отношенія москвичей начала нынѣшняго столѣтія къ властямъ предержащимъ.

Если кто и былъ недоволенъ порядками, господствовавшими въ послѣдніе годы Екатерины, его недовольство исчезло безслѣдно въ пятилѣтнее правленіе Павла, и Екатерину теперь иначе не называютъ, какъ: великая, матушка, сама государыня, «блаженныя памяти» [2]); иные старички, произнося ея имя, непремѣнно встаютъ или снимаютъ шляпы; ихъ разсказы не только о ней самой, но и

---

[1]) Таковъ, напримѣръ, въ запискахъ Жихарева (стр. 116) тотъ кн. Голицынъ, «любезный и веселый человѣкъ», вездѣ желанный гость, который, промотавъ 40.000 душъ, жилъ на пенсію, получаемую отъ племянника.

[2]) «Дневникъ Чиновника», Отечественныя Записки, 1885 г., № 4, стр. 371.

о ея «орлахъ» носятъ героическій, легендарный характеръ. Молодежь, правда, дерзаетъ подсмѣиваться надъ непомѣрной спѣсью этихъ орловъ, которые только легкимъ кивкомъ отвѣчали на поклоны [1]), и осуждаетъ распущенность тогдашнихъ нравовъ [2]), да и зрѣлые люди должны согласиться, что теперь легче живется, «вольнѣе всякій дышитъ», что теперь и у насъ появилось общественное мнѣніе, мѣсто котораго прежде занималъ произволъ фаворитовъ; но эта легкая критика не мѣшаетъ почтенію къ создательницѣ благороднаго россійскаго дворянства.

О временахъ императора Павла говорить не любятъ; за то о молодомъ государѣ, «ангелѣ во плоти», готовы говорить безъ конца и приписываютъ ему безконечный рядъ добродѣтелей. Война 1805 года очень популярна именно потому, что ее предпринялъ Александръ; имъ восторгаются, когда онъ самъ отправляется на войну; съ тріумфомъ встрѣчаютъ его послѣ Аустерлица, и съ восхищеніемъ разсказываютъ о его скромности, когда онъ не захотѣлъ принять Георгія 1-ой степени [3]). Эта характерная черта всеобщей влюбленности въ молодого царя вѣрно и сильно схвачена Толстымъ въ отношеніяхъ Николая Ростова къ Александру. Съ такой же художественной конкретностью изображенъ и наивный патріотизмъ москвичей, которые ухитрились изъ Аустерлица сдѣлать чуть не побѣду и отпраздновали ее пиромъ въ честь Багратіона [4]).

Но вѣдь нельзя долго обманывать себя, и неудачи слѣдующей войны жестоко уязвили самолюбіе нашего общества, привыкшаго къ побѣдамъ и при Екатеринѣ и при Суворовѣ [5]), а тильзитскій миръ и дружба императора съ мошенникомъ Бонапартомъ даже уронили на время популярность Александра: только наивный Николай Ростовъ могъ утѣшать себя мыслью, что цѣли и поступки государя выше его солдатскаго пониманія (II, 190—191); другіе же хоть и любятъ царя попрежнему, но строго осуждаютъ его руко-

---

[1]) «Дневникъ Студента», стр. 147. Ср. фамусовское: «Раскланяйся, тупеемъ не кивнутъ».

[2]) О распутствѣ въ московскомъ обществѣ при Екатеринѣ см. «Дневникъ Студента», стр. 388—389.

[3]) Ibid., 152.

[4]) Описаніе этого обѣда см. въ Дневникѣ Студента, 328 и слѣд.

[5]) Ibid., 237.

водителей, и его самого какъ будто больше почтительно жалѣютъ, чѣмъ уважаютъ.

Въ слѣдующее пятилѣтіе наше общественное мнѣніе въ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ не всегда сходится съ видами правительства: въ войнѣ 1809 г. Россія считается союзницею Франціи противъ Австріи, а русское общество радуется побѣдами послѣдней и огорчается успѣхами Наполеона [1]). Изъ очень разнообразныхъ элементовъ въ это время слагается у насъ національная партія, нашедшая себѣ, между прочимъ, выраженіе въ пресловутой Бесѣдѣ любителей россійской словесности [2]), на засѣданія которой въ то время, слѣдуя модѣ, являлись въ мундирахъ и бальныхъ платьяхъ люди, всю жизнь говорившіе по-французски и никакой словесностью, не говоря уже о россійской, не интересовавшіеся. Главнымъ предметомъ преслѣдованія этой партіи, преслѣдованія сперва робкаго, такъ сказать, заугольнаго, потомъ все болѣе и болѣе явнаго и наконецъ побѣдоноснаго, былъ знаменитый Сперанскій [3]), интересную фигуру котораго рельефно, но неполно, только съ внѣшней стороны нарисовалъ Левъ Толстой.

Московское общество не принимало непосредственнаго участія въ борьбѣ и какъ будто старалось поменьше думать о политикѣ; но плотной массой своей оно представляло солидную опору для націоналистовъ и горячо привѣтствовало ихъ побѣду.

Вѣсть о паденіи Сперанскаго всюду была встрѣчена съ большой радостью [4]) именно потому, что обществу нужна была жертва, козелъ-грѣхоносецъ, чтобы свалить на него предполагаемыя ошибки правительства и очистить отъ всякихъ нареканій «обожаемаго монарха», а этотъ монархъ потому и назначилъ государственнымъ секретаремъ малоспособнаго, но беззавѣтно преданнаго національ-

---

[1]) «Общество» тогда ограничивалось столицами; провинціальные дворяне, по словамъ Вигеля (I, 2, 237), отнеслись равнодушно къ пораженію при Фридландѣ: «были бы у нихъ только карты, гончія, зайцы, водка, пироги, шуты, балалаешники, плясуны, цыганскія пѣсни». А въ Москвѣ въ то время князь Одоевскій тратилъ массу денегъ, чтобы раньше другихъ узнавать политическія новости, и держалъ для этого особую квартиру близъ почтамта.

Впрочемъ, о провинціалахъ Вигель тутъ же прибавляетъ: «лѣтъ пять спустя (т. е. въ 1812 г.) заговорили они другимъ языкомъ».

[2]) Вигель, II, 3, 36.

[3]) Ibid., 150—152.

[4]) Ibid., 4, 21.

нымъ интересамъ Шишкова, а главнокомандующимъ въ Москву Ростопчина, что наступалъ такой моментъ, когда вся Россія съ царемъ во главѣ и съ Москвою въ сердцѣ должна была составить одну партію, одно неразрывное цѣлое; наступала война 1812 г.

Но прежде, чѣмъ перейти къ ней, я скажу о другихъ сторонахъ внутренней жизни московскаго общества.

Въ Москвѣ и въ XIX в. большой баринъ не могъ шагу сдѣлать безъ толпы крѣпостныхъ приспѣшниковъ [1]); да и владѣлецъ нѣсколькихъ десятковъ душъ не могъ съѣздить въ гости къ пріятелю безъ того, чтобы на облучкѣ его рыдвана не трясся какой нибудь Петрушка или Филька въ рваныхъ сапогахъ; студенты изъ дворянъ всегда ѣздили въ университетъ съ лакеями; даже барчукачиновника на службу провожалъ лакей; нечего и говорить о московскихъ барышняхъ и дамахъ: внучки иныхъ изъ нихъ и до сихъ поръ возятъ лакеевъ на запяткахъ.

Ужасы крѣпостного права слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы останавливаться на нихъ; но было бы огромной ошибкой полагать, что эти ужасы были обыденнымъ, привычнымъ, никого не возмущающимъ явленіемъ въ крупныхъ центрахъ и въ александровское время, когда стыдъ уже наложилъ свою узду на помѣщичье самовластіе, да и нервы у многихъ были уже далеко не тѣ, что во времена Простаковыхъ [2]). Можно привести столбцы цитатъ въ доказательство того, что теперь въ обществѣ не любили и презирали тѣхъ, о комъ шла молва, что они тиранятъ людей своихъ. Если кого желали уронить въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей, про того пускали слухъ, будто онъ самъ сѣчетъ своихъ крестьянъ [3]). Разсказы о деревенскихъ неистовствахъ Измайлова возбуждали ужасъ и омерзѣніе во всѣхъ, до кого доходили они [4]); съ другой

---

[1]) Гр. Орловъ выѣзжалъ на гулянье въ сопровожденіи цѣлаго конпаго отряда, Зап. Соврем., 88—89.

[2]) Волкова въ 1812 г. пишетъ (Вѣстникъ Европы, 1874 г., № 8, стр. 588), что многіе помѣщики покинули свои имѣнія, чтобы не слышать рева бабъ при наборѣ ратниковъ.

[3]) Записки Современника, стр. 170.

[4]) Ibid., 302—304. Жихаревъ говоритъ, что у него «волосы дыбятся» при этихъ разсказахъ; должно, впрочемъ, замѣтить, что болѣе всего онъ возмущенъ тѣми жестокими штуками, которыя Измайловъ позволялъ себѣ надъ бѣдными дворянами, и подлымъ, корыстолюбивымъ самоуниженіемъ этихъ дворянъ.

стороны, съ удовольствіемъ и какъ бы съ нѣкоторой гордостью говорятъ о небогатомъ помѣщикѣ, который былъ такъ любимъ своими крестьянами, что тѣ послѣ его смерти добровольно собрали ему на памятникъ 400 рублей [1]).

Этотъ помѣщикъ—одинъ изъ положительныхъ типовъ того времени и очень напоминаетъ деревенскаго «дядюшку» Ростóвыхъ въ романѣ Толстого. Онъ былъ холостъ и имѣлъ женатаго брата и равныя съ нимъ права на наслѣдство; но онъ уступилъ брату 400 душъ, а себѣ взялъ 60, и этими душами управлялъ такъ, что онѣ внушали зависть всѣмъ мужичкамъ въ околоткѣ. Жилъ онъ необыкновенно просто и скромно, былъ всеобщимъ миротворцемъ, и когда пріѣзжалъ въ гости къ сосѣдямъ, говоритъ современникъ Жихаревъ, «не токмо въ домѣ, но и въ цѣломъ селеніи водворялась свобода и миролюбивыя между всѣми отношенія: дѣдушка не кричалъ на приказчика, приказчикъ не тузилъ мужиковъ, дворовые люди сидѣли всѣ на лицо безотлучно въ передней, дѣвки не таскались по застольнымъ» и т. д.

Изъ этой идиллической картинки видно, какова была нормальная жизнь въ помѣщичьемъ домѣ средней руки и какъ мало преувеличенія въ «Пошехонской старинѣ» Щедрина; но вѣдь это было въ деревнѣ; въ Москвѣ же всякій поневолѣ подтягивался и ругалъ и билъ прислугу только въ экстренныхъ случаяхъ, да и то не на людяхъ.

Правда, и въ Москвѣ обращеніе съ крѣпостными въ большинствѣ домовъ было грубое, и тотъ, кто называлъ своихъ людей полнымъ именемъ, многимъ казался чудакомъ, а въ глазахъ иныхъ былъ просто якобинецъ. Но вѣдь въ то время всякій чиновный старикъ всѣмъ безъ исключенія молодымъ людямъ говорилъ ты; главнокомандующій обращался на ты къ заслуженнымъ генераламъ; даже департаментскій экзекуторъ говорилъ ты молодому чиновнику университетскаго образованія, такъ какъ онъ былъ выше его нѣсколькими чинами, да и четверть вѣка позднѣе многоопытный Чичиковъ дѣйствительно никакъ не могъ понять, отчего Тентетниковъ обидѣлся на генеральское ты. Правда, крѣпостные лакеи, и въ особенности карлики, за людей не считались [2]), и ихъ

---

[1]) Ibid., 65—66.

[2]) Въ 1805 году либеральный Ростопчинъ въ видѣ милой шутки запекалъ живого карлика въ паштетъ именинницѣ. Ibidem, 43.

присутствіе ни въ какіе моменты не смущало цѣломудренныхъ дамъ и дѣвицъ московскихъ; но вѣдь при Екатеринѣ всѣ высокія особы принимали подчиненныхъ и просителей во время совершенія туалета. Стало быть, въ этомъ и въ подобныхъ этому обычаяхъ сказывалось не крѣпостничество, а просто грубость нравовъ, отзвукъ татарщины, «прошедшаго житья подлѣйшія черты», которыя сильно и замѣтно уступали новымъ началамъ именно въ періодъ англоманіи и либерально-гуманныхъ стремленій Александра I.

Конечно, безправіе крещеной собственности поддерживало эту грубость, и безграничное своеволіе дворянъ и было не малой помѣхою для осуществленія благихъ намѣреній Александра I. Я приведу двѣ картинки изъ московскихъ нравовъ той эпохи, свидѣтельствующія о степени этого своеволія и этой грубости.

Въ 1805 году поручикъ нотенбургскаго полка, Сементовскій, увидалъ на улицѣ барышню, наружность которой ему понравилась; онъ хотѣлъ немедленно увезти ее силою, но не удалось. Поручика арестовали и притянули къ допросу. Его спрашиваютъ: «Что побудило васъ къ такому насилію?» — «Понравилась». — «Знаете-ли вы коротко эту дѣвушку?» — «Вовсе не знаю». — «Какъ зовутъ ее?» — «Не знаю». — «Гдѣ и у кого живетъ она?» — «Не знаю». — «Какое было ваше намѣреніе?» — «Жениться». — «Какъ же вы хотѣли жениться, если ея совсѣмъ не знаете?» — «Я узналъ бы послѣ». — «Но она не хотѣла ѣхать съ вами». — «Что мнѣ за дѣло до ея хотѣнья! У меня своя воля». Поручика выдержали недѣль шесть подъ арестомъ [1]).

Въ томъ же году, въ концѣ октября, на сàдкѣ за тверской заставой, въ присутствіи многочисленной публики, два солидныхъ помѣщика изъ лучшихъ фамилій, Лихаревъ и Похвисневъ, по предложенію содержателя сàдки, пускали за зайцами собакъ своихъ. Собака Лихарева не догнала зайца. У ея хозяина побагровѣло лицо и напружились жилы. «Чтó, батюшка, Никита Андреевичъ,— сказалъ ему Похвисневъ,—видно, русачекъ-то не по силамъ вашей собачкѣ». Лихаревъ промолчалъ, но бросилъ на соперника свирѣпый взоръ. Пустили собаку Похвиснева, она догнала зайца. «Браво, браво!»—закричали охотники. «Какое тутъ браво,—завопилъ Лихаревъ,—это просто стачка между двумя подлецами: одинъ сажаетъ

[1]) Записки Современника, стр. 79—80.

полумертваго русака, другой пускаетъ на него свою полудворнягу, чтобы только сдѣлать мнѣ афронтъ!». При этой выходкѣ Похвисневъ бросился на Лихарева съ арапникомъ, но тотъ предупредилъ его сильнымъ ударомъ кулака въ лицо, такъ что разбитыя вдребезги очки почти врѣзались въ глаза Похвисневу, и «тутъ уже пошло сущее кровопролитіе». Публика поспѣшила разъѣхаться, а бойцовъ отвезли къ оберъ-полицеймейстеру. Резолюція главнокомандующаго Беклешова по этому дѣлу была такая: Лихарева съ Похвисневымъ содержать, какъ озорниковъ, подъ арестомъ, пока искренно не помирятся, а помирятся—тотчасъ выпустить, сдѣлавъ нотацію, что «благороднымъ людямъ, къ соблазну публики, приходить въ азартъ и драться стыдно». Въ тотъ же день бойцы помирились; о дуэли, конечно, не было и рѣчи [1]).

Согласитесь, что все это очень мало похоже на французскихъ маркизовъ и шевалье. Не похожа на нравы сенжерменскаго предмѣстья и такая, напримѣръ, реплика княжны Гагариной на неловкій комплиментъ одного любезника: «Ахъ, Иванъ Кузьмичъ! вы не можете себѣ представить, какъ вы намъ всѣмъ надоѣли» [2]).

Нѣтъ худа безъ добра: съ этой грубостью и моральной неопрятностію была соединена простота нравовъ и самое широкое гостепріимство. Уже не слышно объ ежегодныхъ открытыхъ обѣдахъ екатерининскаго времени для всѣхъ желающихъ; но малѣйшей тѣни знакомства было достаточно, чтобы не выпускать гостя, не накормивши. Молодой человѣкъ, надѣвъ въ первый разъ студенческій мундиръ, дѣлаетъ визитъ едва знакомому барину; тотъ буквально принимаетъ его съ распростертыми объятіями, называетъ милымъ, умницей, роднымъ, скликаетъ всю свою семью, хочетъ насильно накормить его завтракомъ, требуетъ шампанскаго [3]). Заѣзжаютъ раннею весною нѣсколько молодыхъ людей на чужую дачу посмотрѣть оранжереи; хозяинъ оказывается здѣсь; онъ знакомится съ ними и не отпускаетъ ихъ безъ обѣда съ шампанскимъ [4]). Въ экстренныхъ случаяхъ гостепріимство простирается и на людей, совсѣмъ не знакомыхъ: на сокольничьемъ гуляньѣ 1-го

---

[1]) Ibidem, 191—192; 206—207.
[2]) Ibidem, 127.
[3]) Ibid., стр. 3.
[4]) Ibid., 50—54.

мая тароватые дворяне устраиваютъ палатки, куда почти затаскиваютъ всѣхъ мимоидущихъ и угощаютъ на убой. На водахъ въ Липецкѣ одинъ пріѣзжій задаетъ goûter dansant для всѣхъ посѣтителей, больныхъ и здоровыхъ, а такъ какъ въ вокзалѣ недостаточно посуды, то всѣ приглашенные присылаютъ свое серебро и фарфоръ. Тамъ же въ Липецкѣ тоже въ складчину съумѣли [1]) устроить и доброе дѣло: 6 августа окрестные крестьяне навезли такую массу яблокъ, что не могли распродать ихъ; приходилось или везти товаръ назадъ, или выбрасывать его. Водяные посѣтители сдѣлали «коллекту», скупили всѣ яблоки и роздали ихъ дѣтямъ и дворовымъ. Милліонеры въ родѣ гр. Орлова всѣ свои потѣхи обращали въ народныя удовольствія, и едва-ли кто въ состояніи разобрать, какая въ этомъ доля бахвальства и какая—добраго чувства, желанія повеселить бѣдняковъ.

Увеселенія и развлеченія этого почти сплошь бездѣльничавшаго общества поражаютъ своимъ разнообразіемъ: кромѣ именинъ, баловъ, званыхъ обѣдовъ, гуляній, скачекъ, и пр. и пр., были и забавы крайне грубыя, въ родѣ боя гусей, пѣтуховъ, травли медвѣдей, кулачныхъ боевъ, картежныхъ вечеровъ, гдѣ проигрывались цѣлыя состоянія, гомерическихъ квалифицированныхъ попоекъ, о которыхъ болѣе слабыя поколѣнія и понятія не имѣютъ, и въ которыхъ участвовали не только юные соврасы, въ родѣ Долохова и Курагина, но и люди почтенныхъ лѣтъ и положенія [2]); были и развлеченія утонченныя, совсѣмъ европейскія. Въ Москвѣ тогда было три театра: русскій, французскій и нѣмецкій, и два первые были почти постоянно переполнены дворянствомъ; «на завтрашній спектакль», если онъ представлялъ нѣкоторый интересъ, приходилось брать билеты съ бою. Очень характерно отношеніе московскаго общества того времени къ русскому театру и его артистамъ: съ одной стороны, первые «сюжеты», напримѣръ Плавильщиковъ, обѣдаютъ у аристократовъ-любителей, и молодые драматурги—писать для театра послѣ Фонвизина и самой Екатерины стало дѣломъ серьезнымъ и почет-

---

[1]) Положимъ, по идеѣ иностранки, красавицы Альбини. „Записки Современ.“, стр. 140.

[2]) Въ Петербургѣ говорили: «Кто у Малютина (генералъ-лейтенантъ) пообѣдаетъ, а у Кологривова (шефъ лейбъ-гусарскаго полка) поужинаетъ и къ утру не умретъ, тотъ два вѣка проживетъ». Дневникъ Чиновника, Отеч. Зап., 1855 г., сент., стр. 150.

нымъ—заискиваютъ передъ ними; а съ другой стороны играть на публичномъ театрѣ для бывшаго студента—ужасный позоръ; актеры и актрисы изъ крѣпостныхъ печатаются безъ буквы г (господинъ или госпожа), а «когда они зашибаются», безчеловѣчно иронизируетъ студентъ-театралъ [1]), «имъ дѣлается выговоръ особаго рода» [2]).

Другіе въ такой же степени увлекались музыкой, держали свои оркестры, знакомились со всѣми мѣстными и пріѣзжими знаменитостями, нанимали ихъ, чтобъ угощать ихъ искусствомъ знакомыхъ.

Теперь, какъ и въ лучшіе годы царствованія Екатерины, выдающимися, передовыми литераторами являются члены дворянскаго общества; изъ нихъ же выходятъ и любители-ученые, собиратели древностей, даже естествоиспытатели (быть профессіональнымъ ученымъ, занимать, напримѣръ, каѳедру въ университетѣ, долго и послѣ этого считалось неприличнымъ для дворянина). Но разница въ томъ, что при Екатеринѣ словесность служила только забавой, а теперь барышни и молодыя дамы до безсонницы, до разстройства нервовъ зачитываются новыми сантиментальными романами госпожъ Жанлисъ и Коттэнь [3]); даже русскія повѣсти заставляютъ проливать слезы; теперь именно въ Москвѣ нашелся охотникъ отдать себя всецѣло журналистикѣ и литературѣ — Карамзинъ, и не видно изъ его біографіи, чтобъ его считали чудакомъ, оригиналомъ, чтобы смѣялись надъ нимъ. Что касается до собиранія памятниковъ старины, то въ вѣкъ Екатерины, кромѣ самой императрицы, только Новиковъ да кн. Щербатовъ пріобрѣли извѣстность на этомъ поприщѣ, а теперь въ одной Москвѣ можно было насчитать десятки цѣнныхъ коллекцій и нѣсколько ученыхъ обществъ.

Но отдаться смолоду театру, музыкѣ, литературѣ или наукѣ могли сравнительно немногіе. Куда же было направить свои свѣ-

---

[1]) Зап. Совр., стр. 20.

[2]) Другой театралъ, Вигель (Восп., I, 2. 34), ужасно возмущается поведеніемъ помѣщика, который сажаетъ своихъ крѣпостныхъ артистовъ и артистокъ за одинъ столъ съ гостями и даже съ губернаторомъ.

[3]) „Княгиня Оболенская изъ Газетнаго переулка заболѣла отъ чтенія Амаліи Мансфильдъ",—пишетъ Волкова (Вѣстн. Евр., 1874 г., № 8, стр. 646]. Это романъ Коттэнь: Амелія Мансфильдъ, переведенный въ 1810 г.; 2-е изданіе въ 1817 г.

жія силы остальнымъ, многимъ тысячамъ? Оставалась служба, все еще считавшаяся нравственно обязательной; но такъ какъ общество подьячихъ не представляло для дворянина ничего привлекательнаго, то огромное большинство поглощалось военной службой, этой «обязательной и безупречной праздностью», по выраженію Толстого [1]). Свѣтлыя и темныя стороны ея изображены въ »Войнѣ и Мирѣ» съ такимъ талантомъ и знаніемъ дѣла, что ни критику, ни историку культуры не останется прибавить ни единаго слова; все сказано, и такъ хорошо и вѣрно сказано, что читателю, никогда не бывавшему въ лагерѣ, кажется будто онъ самъ служилъ въ павлоградскихъ гусарахъ.

Для другихъ военную службу замѣняло масонство: въ масонской ложѣ, какъ и въ полку, человѣкъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ на волѣ, именно потому, что онъ тамъ подчинялся дисциплинѣ, пріобрѣталъ право уважать себя, какъ стоявшаго выше толпы, и въ то же время удовлетворялъ самымъ идеальнымъ человѣческимъ стремленіямъ: къ вѣрѣ и любви, къ равенству и братству.

Масоны, дѣйствовавшіе въ то время, принадлежали къ двумъ разнымъ поколѣніямъ: старые екатерининскіе масоны, очищенные и какъ бы просвѣтленные гоненіемъ, хотя и считались чудаками, но пользовались уваженіемъ лучшей части общества [2]) (старушкамъ они внушали ужасъ чисто по недоразумѣнію: ихъ смѣшивали съ иллюминатами, между которыми дѣйствительно встрѣчались фокусники и смѣлые безсовѣстные обманщики); ихъ представителемъ въ «Войнѣ и Мирѣ» является «благодѣтель» Осипъ Алексѣевичъ Баздѣевъ. Масоны младшаго поколѣнія подчинялись духу времени: скромно философствовали, умѣренно либеральничали и сантиментальничали [3]) и мало дѣлали; ихъ общество не надолго могло удовлетворить умнаго Пьера Безухаго.

Въ противоположность людямъ, ищущимъ истины и самоподчиненія, видную и въ глазахъ молодежи, пожалуй, блистательную роль играли смѣльчаки, какъ бы хвастившіеся тѣмъ, что они не уважаютъ никого и ничего и повинуются только страстямъ своимъ и капризамъ. Такіе люди бываютъ всегда и вездѣ, и наивная по-

---

[1]) III ч., стр. 111.

[2]) Зап. Совр., стр. 38.

[3]) Припомнимъ женскія перчатки у Толстого (II, 102).

эзія любитъ заниматься ими, потому что удальство ихъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе. Поэзія сознательная, изображающая жизнь общества, болѣе или менѣе благоустроеннаго, смотритъ на свойство страстей ихъ; если эти страсти узко-эгоистичны и низки, она дѣлаетъ изъ такихъ людей типы отрицательные; если же они хоть иногда руководствуются благородными альтруистическими инстинктами, и она наклонна идеализировать силу, заключающуюся въ ихъ безстрашіи. Представители сознательнаго нравственнаго нигилизма появились у насъ во второй половинѣ XVIII вѣка; Пушкинъ изобразилъ ихъ въ Швабринѣ Капитанской дочки, Тургеневъ въ Лучиновѣ, въ повѣсти: Три портрета, оба со стороны отрицательной. Въ обществѣ александровскомъ къ этому типу принадлежалъ знаменитый Толстой-американецъ, внушавшій почти благоговѣніе юному Вигелю [1]) (очевидно потому, что въ натурѣ послѣдняго не было и тѣни удальства) и такъ жестоко, но справедливо развѣнчанный Грибоѣдовымъ въ стихахъ:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку не чистъ и пр.

Авторъ «Войны и Мира» обработалъ этотъ типъ въ нагломъ буянѣ, игрокѣ и бретерѣ Долоховѣ. Но смотрите, какая характерная разница между портретомъ сатирика, возмущеннаго пошлостью современности, и созданіемъ эпика, идеализирующаго прошлое: увлекательныя (для Репетилова и К°) рѣчи мошенника о высокой честности дѣлаютъ изъ него фигуру комическую, несмотря на всю ея зловредность. А Долоховъ при всей своей жестокости и нагломъ фатовствѣ—фигура красивая, а въ своей любви къ матери и горбатой сестрѣ—даже симпатичная.

Пестрая, шумная, но въ сущности пустая, безсмысленная жизнь московскаго общества не могла удовлетворить лучшихъ людей той эпохи: Пьеръ Безухій не чувствуетъ отъ нея тоски только послѣ двухъ бутылокъ вина; Андрей Болконскій съ омерзѣніемъ бѣжитъ отъ нея въ Богучарово; даже ограниченный, непритязательный Николай Ростовъ, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, испытываетъ какой-то нравственный Katzenjammer и съ радостію уѣз-

[1]) См. Воспом., I, 2, 142; II, 3, 47; Ibidem, 78. Ср. Былое и Думы, I, 321 и пр.

жаетъ въ свой полкъ. Безъ упрековъ совѣсти вполнѣ наслаждаются московскими удовольствіями только такія полуживотныя, какъ Анатоль Курагинъ и сестра его.

Но вотъ насталъ критическій моментъ, который показалъ, что это общество, такъ рѣдко и плохо говорившее по-русски, вовсе не настолько оторвано отъ народной почвы, какъ это могло казаться постороннимъ наблюдателямъ. Началась великая отечественная война, и русское барство слилось въ одно цѣлое съ русскимъ народомъ. Тогда у всѣхъ нашлось настоящее дѣло; всѣ понадобились: и Николай Ростовъ, и буянъ Долоховъ, и Андрей Болконскій, даже Бергъ и даже Анатоль Курагинъ; даже ни на что негодныя Жюли Друбецкія щиплютъ корпію и собираютъ штрафы за французскій разговоръ.

Во главѣ движенія стала Москва, теперь оказавшаяся не отставной, а самой настоящей столицей, столицей русскаго народа.

Война 1812 г. есть война по преимуществу московская; Москва ея альфа и омега, и поэтъ этой войны Л. Толстой показалъ это съ художественной наглядностью. Вступая въ Россію, Наполеонъ стремился къ «святой Москвѣ» (Moscou la sainte), а наша армія употребляла всѣ усилія, чтобы заступить ему дорогу. Русскій народъ (теперь уже въ цѣломъ своемъ составѣ, безъ раздѣленія на сословія) больше всего боялся за Москву. «Если Москва погибнетъ, все пропало», пишетъ умная барышня Волкова: «Бонапарту это хорошо извѣстно, онъ никогда не считалъ равными обѣ наши столицы» [1]). Въ Москвѣ впервые выразился тотъ страшный подъемъ народнаго духа, надъ которымъ такъ неумѣстно изощряли свое остроуміе черезчуръ хладнокровные петербуржцы. При Бородинѣ остановился Кутузовъ, чтобы, повинуясь голосу народному, попытаться спасти Москву, и далъ знаменитое сраженіе—la bataille de Moskova. Бѣгство жителей и пожаръ Москвы нанесли неожиданный и страшный ударъ всѣмъ расчетамъ и планамъ Наполеона. Въ моментъ гибели Москвы горе русское достигло высшей степени, и тогда-то пробудилась въ народѣ такая страшная сила отчаянія, такое ожесточеніе, передъ которымъ не могли бы устоять и десятки армій. «Послѣ взятія Москвы пропалъ страхъ», говорятъ современ-

[1]) „Грибоѣдовская Москва", Вѣстн. Евр., 1874 г., № 8, стр. 595.

«Въ Россіи,—пишетъ она немного позднѣе,—многіе не подозрѣваютъ о существованіи другой столицы, кромѣ Москвы», ibid., 608.

ники [1]), а съ чѣмъ не сладитъ человѣкъ, которому нечего бояться? Острая сердечная боль, которую почувствовалъ народъ при извѣстіи о томъ, что его древняя столица перестала существовать, сдѣлала нашихъ добродушныхъ дѣдовъ злыми, мстительными корсиканцами [2]), и тогда-то началась та безжалостная партизанская война, которая должна была уничтожить «великую армію» чуть не до послѣдняго человѣка. И нельзя не замѣтить, что по мѣрѣ истребленія оскорбителей и удаленія театра войны отъ пожарища Москвы это ожесточеніе слабѣетъ, а когда наша армія переходитъ границу, война перестаетъ быть отечественной и становится европейской.

Какъ же вело себя по «Войнѣ и Миру» московское общество въ это критическое время? Оно, по мнѣнію Толстого, совершило три подвига: оказало правительству огромную помощь людьми и деньгами; оно отпустило въ дѣйствующую армію всю молодежь свою и, въ-третьихъ, наконецъ оно бѣжало изъ Москвы. «Та барыня,—говоритъ Толстой [3])—которая еще въ іюнѣ мѣсяцѣ съ своими арапами и шутихами подвигалась изъ Москвы въ Саратовскую губернію съ смутнымъ сознаніемъ того, что она Бонапарту не слуга, дѣлала просто и наивно то великое дѣло, которое спасло Россію». Въ этихъ словахъ много правды: кто рѣшилъ, что онъ Бонапарту не слуга, тотъ никогда Бонапарту слугой и не будетъ. Но вопросъ въ томъ, многія ли московскія барыни обладали такимъ сознаніемъ, хотя бы и смутнымъ? Иныя владѣтельницы араповъ и шутихъ были развиты не болѣе этихъ шутихъ и бѣжали изъ страха передъ антихристомъ; многія, какъ показалъ самъ же Толстой, уѣзжали только потому, что другія уѣзжаютъ; иныя руководствовались соображеніемъ болѣе основательнымъ—боялись не столько французовъ, сколько своихъ же солдатиковъ и козаковъ, которые должны были пройти прежде Наполеона, и наконецъ московскаго простонародья, поджигаемаго Ростопчинымъ.

---

[1]) Воспом. Вигеля, II, 4, 50. „Сегодня почты не будетъ“,—объявляютъ въ Пензѣ (ibid.), такъ какъ почти вся корреспонденція шла или изъ Москвы или черезъ Москву, и можно себѣ представить, какой ужасъ должно было произвести подобное объявленіе! Разрушались всѣ связи общественныя, и многимъ показалось, что насталъ конецъ всему.

[2]) Ibid.. 58.

[3]) V, 19.

Преинтересная и прехарактерная фигура этотъ русскій маленькій Дантонъ въ генеральскомъ мундирѣ, съ своими грубоостроумными афишами, которыми онъ то, какъ администраторъ, сдерживаетъ страсти, то, какъ демагогъ, разжигаетъ ихъ. Толстой оказалъ большую услугу нашему самосознанію, занявшись имъ хоть мимоходомъ; остановиться на немъ подолѣе онъ не имѣлъ желанія по причинѣ вполнѣ понятной; самохвальная, мелко-самолюбивая натура Ростопчина не годится для эпопеи.

Кутузовъ и Ростопчинъ не любятъ другъ друга, но они оба понимаютъ, что съ «великой арміей» можетъ сладить только цѣлый народъ, и оба дѣйствуютъ въ этомъ направленіи: возбуждаютъ народную войну. Когда, по выраженію одного умнаго лакея-современника, «раздразнили мужика сердитаго» [1]), мудрено ли, что отъ этого сердитаго мужика изрѣдка доставалось и барамъ, патріотическаго бѣгство которыхъ не въ овраги и лѣса, а въ мѣстности спокойныя, пощаженныя нашествіемъ, было ему не совсѣмъ понятно?

Но это были частные случаи [2]); въ общемъ же мужики показали гораздо болѣе такта и довѣрія къ начальству, чѣмъ можно было ожидать отъ нихъ. Современники замѣчаютъ, что простой народъ въ это время сдѣлался гораздо смѣлѣе въ поступкахъ и рѣчахъ, зато въ дѣйствіяхъ проявлялъ гораздо болѣе послушанія [3]). Общее бѣдствіе сближаетъ мужика и барина; баринъ чуть не въ первый разъ близко видитъ настоящую бѣдность и нужду, испытываетъ ее и на себѣ [4]) и возвращается изъ кратковременной эмиграціи болѣе добрымъ и гуманнымъ и болѣе русскимъ человѣкомъ.

Это сближеніе съ народомъ и обрусеніе нашего общества выражается и въ мелочахъ, и въ серьезномъ: перестаютъ говорить по-французски; барыни одѣваются въ сарафаны и кокошники, а мужчины—въ ополченскіе кафтаны [5]); поэты начинаютъ сочинять стихи и пѣсни для народа [6]); барыни и бабы вмѣстѣ плачутъ, отпуская на войну мужей и братьевъ, и вмѣстѣ молятся за нихъ, наполняя

---

[1]) Воспоминанія Вигеля, II, 4, 39.

[2]) Одинъ изъ нихъ очень красиво и занимательно, но едва ли совсѣмъ безпристрастно, изображенъ гр. Л. Толстымъ въ Богучаровскомъ бунтѣ.

[3]) Вигель, l. c.

[4]) Грибоѣдовская Москва, «Вѣстн. Евр.», 1874 г., № 8, стр. 604.

[5]) Вигель, II, 4, 59.

[6]) См. 10-й выпускъ пѣсенъ Кирѣевскаго.

церкви и по буднямъ. «Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ нашимъ народомъ,—пишетъ Волкова [1]),—тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что не существуетъ лучшаго, и отдаю ему полную справедливость».

Этотъ великій моментъ преклоненія русской интеллигенціи передъ вѣрой и правдой народной и простодушнымъ героизмомъ сѣрой деревни нашелъ высоко-поэтическое выраженіе въ изображеніи того, что видѣлъ и чувствовалъ Пьеръ Безухій подъ Бородинымъ и чему научился онъ въ московскомъ баракѣ отъ простоватаго Каратаева. Вступилъ онъ въ этотъ баракъ Пьеромъ, а вышелъ оттуда Петромъ Кирилловичемъ.

Но мы далеки отъ временъ Булгарина и Загоскина, и авторъ «Войны и Мира» не закрываетъ глазъ на темныя пятна великаго года. Оказывается, что свои православные воины грабили больше, нежели французы; да и могло ли это быть иначе, когда въ нашей арміи дисциплина поддерживалась только побоями, и при ней состояли многочисленные Лаврушки, въ которыхъ розги убили всякое чувство чести? И изъ Москвы гораздо больше добра расхитили подмосковные мужики, нежели наполеоновскіе солдаты; но Толстой очень остроумно доказываетъ, что отъ грабежа своихъ Москва только поправлялась.

Всѣ современники поражались тѣмъ, какъ быстро этотъ выжженный и дважды разграбленный городъ возникалъ изъ-подъ развалинъ. «Со времени несчастія,—пишетъ Волкова [2]), Москва стала еще милѣе для тѣхъ, кто къ ней былъ привязанъ»; и вотъ едва французская армія вышла изъ предѣловъ губерніи, къ пожарищу столицы со всѣхъ сторонъ потянулись обозы и мужицкіе и купеческіе. Уже въ іюлѣ 1813 г. въ Москвѣ насчитывали около 200.000 жителей [3]), больше, чѣмъ было въ 1811 г.; она стала богаче прежняго и лавками и фабриками [4]); богатые баре спѣшатъ отстраиваться, и сами говорятъ, что теперь, благодаря французамъ, они станутъ жить по-человѣчески [5]); отстройка погорѣлыхъ домовъ сдѣлалась самой модной спекуляціей. Все древнее и живописное въ

---

[1]) l. c., стр. 599.
[2]) l. c., стр. 612.
[3]) «Вѣстн. Евр.», 1874 г., № 9, стр. 118. Ср. „Война и Миръ", VI, 121.
[4]) Idid., 121.
[5]) Ibid., 123.

Москвѣ уцѣлѣло, а старое было замѣнено новыми красивыми постройками [1]).

Быстро оправилось и московское барство: недавнюю нужду опять замѣнила страшная роскошь (уже въ 1814 году въ дворянскомъ собраніи устраивались празднества, гдѣ на одной княжнѣ Шаховской было на 600.000 брилліантовъ, да платье ея стоило 2000 рублей); опять въ Москвѣ начинаютъ веселиться и плясать до упаду, и Марія Волкова жалуется, что нѣтъ физической возможности бывать у всѣхъ знакомыхъ; въ концѣ сезона она серьезно печалится о томъ, что въ одну зиму двѣ московскія барышни затанцовались положительно до смерти, а третья—до злой чахотки.

Въ массѣ общества быстро исчезли новыя идеи, навѣянныя бѣдствіемъ; когда «сердитый мужикъ» успокоился и вернулся къ своимъ мирнымъ занятіямъ, на него опять стали смотрѣть попрежнему; опять вездѣ раздавался французскій языкъ, который, вслѣдствіе огромнаго количества плѣнныхъ, распространился и по медвѣжьимъ угламъ, гдѣ прежде о немъ не было и слышно. Въ высшихъ сферахъ есть цѣлыя учрежденія, гдѣ все дѣлопроизводство ведется по-французски [2]); есть учебныя заведенія, даже казенныя, гдѣ языкъ преподаванія французскій. Многія русскія барыни охотнѣе посѣщаютъ французскую церковь, чѣмъ русскую, и обращенія въ католичество къ концу царствованія Александра становятся заурядным явленіемъ.

Но для лучшихъ людей 1812 годъ не могъ пройти безслѣдно: оставшійся въ живыхъ герой «Войны и Мира» Безухій, до тѣхъ поръ вѣчно недовольный, безполезный, даже жалкій и смѣшной «международный» человѣкъ, сдѣлался дѣятельно-добрымъ, находчивымъ, всеобщимъ примирителемъ и объединителемъ русскихъ людей съ честными и благими стремленіями.

1-го января 1813 года русскія войска выступили за границу,

---

[1]) Воспоминанія Вигеля, III, 1, 212.

[2]) Вигель (III, 5, 9 и слѣд.) служитъ подъ начальствомъ Бетанкура, который не понимаетъ по-русски; этотъ Бетанкуръ сдѣлалъ директоромъ института путей сообщенія бывшаго якобинца Сенновера, который роздалъ французамъ учительскія мѣста. „Пусть сыщутъ другую землю, врагами не покоренную,—говоритъ Вигель,—гдѣ иностранцы имѣли бы право требовать, чтобы внутри государства по ихъ прихоти дѣла производились не на одномъ отечественномъ языкѣ“ (ibid., 30).

и многія тысячи ихъ возвратились на родину только въ 1818 году послѣ Ахенскаго конгресса. Понятно, что это пятилѣтнее непосредственное знакомство съ европейской жизнью не могло не произвести сильнаго вліянія на русскихъ офицеровъ, а черезъ нихъ и на все русское дворянство [1]), тѣмъ болѣе, что и Европа тогда находилась въ особыхъ условіяхъ, да и русскіе чувствовали себя въ ней не попрежнему: не ненавистными варварами-разрушителями явились они теперь туда, а желанными освободителями. Когда человѣку выказываютъ любовь и уваженіе, ему, естественно, хочется вести себя такъ, чтобы не ослабить, а усилить это чувство, и онъ становится и добрѣе, и умнѣе, и откровеннѣе, и наблюдательнѣе. А наблюдать было что: во-первыхъ, сильный подъемъ народнаго духа въ Германіи, подобный тому, какой былъ въ 1812 году въ Россіи, только въ иныхъ соціальныхъ формахъ: здѣсь не предводители дворянства, а профессора и писатели вооружали народъ; здѣсь правительства не приказывали, а заискивали у подданныхъ и прельщали ихъ обѣщаніями. Затѣмъ началась отчаянная война, гдѣ одна сторона билась за господство, а другая—за свободу; война окончилась «битвой народовъ» при Лейпцигѣ, и народы побѣдили военнаго деспота. Затѣмъ слѣдовало тяжелое, но поучительное зрѣлище униженной Франціи, изгнаніе ненавистнаго тирана и возстановленіе «законнаго порядка»; но когда оказалось, что законный порядокъ не оправдалъ возлагаемыхъ на него ожиданій, ненавистный тиранъ снова обратился въ возлюбленнаго императора, а давно желанный монархъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Тогда Европа съ удивленіемъ услышала, какъ великій жрецъ суровой солдатской дисциплины заговорилъ о свободѣ мысли, о конституціи, а немного позднѣе боговѣнчанный король, чтобы привлечь на свою сторону вѣрныхъ подданныхъ, подкрѣплялъ свою хартію новыми торжественными обѣщаніями. Въ Мобёжѣ, гдѣ стоялъ русскій оккупаціонный корпусъ, наши офицеры могли узнать о томъ, какъ мало думали нѣмецкія правительства о дарованіи народамъ тѣхъ благъ, которыя они насулили въ горячую минуту, и какъ только одинъ владѣтель маленькаго Саксенъ-Веймарскаго герцогства, Карлъ-Августъ, другъ Гёте, не обманулъ ожиданій своихъ подданныхъ. На

[1]) Надо при этомъ еще принять въ расчетъ, что въ то время масса русскихъ путешествовала за границей, между прочимъ и для того, чтобы видѣться съ родственниками и друзьями.

глазахъ у нихъ зародился «священный союзъ», и на ихъ же глазахъ выродился онъ въ Меттерниховскую «систему», подъ вліяніемъ которой вчерашніе вѣрные сыны отечества сегодня стали опасными демагогами. Они еще не думали покидать предѣловъ Франціи, когда нѣмецкіе студенты устроили вартбургскій праздникъ (октябрь 1817 г.), съ котораго начались репрессаліи, и они еще не успѣли перейти русскую границу, когда произошло политическое убійство статскаго совѣтника Коцебу (мартъ, 1819 г.), послужившее сигналомъ для того, чтобы осторожныя репрессаліи обратились въ явную общую реакцію. Извѣстно, какъ эта реакція, совпавшая съ роковымъ поворотомъ въ характерѣ и убѣжденіяхъ Александра I, тяжело отозвалась въ Россіи, и между прочимъ на положеніи военныхъ. Имя Аракчеева черезъ солдатъ попало даже и въ народныя пѣсни, а пресловутая семеновская исторія показала, какимъ духомъ проникнута значительная и лучшая часть нашего войска.

Русскіе офицеры этой эпохи болѣе или менѣе рѣзко могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи, при чемъ довольно вѣрной основой дѣленія служитъ время ихъ вступленія въ службу. Кто по волѣ родителей, по расчету или по страсти надѣлъ мундиръ въ первое десятилѣтіе нашего вѣка, тотъ вслѣдствіе длиннаго ряда походовъ, оторвавшихъ его отъ семьи и отъ общества, поневолѣ одичалъ, застылъ въ военщинѣ и до нѣкоторой степени долженъ былъ уподобиться полковнику Скалозубу; отъ такихъ господъ умственное развитіе русскаго общества, конечно, не могло ничего ожидать, кромѣ «фельдфебеля въ Вольтеры»; вѣдь и Николай Ростовъ одной стороной существа своего принадлежитъ къ тому же типу, только обработанному не съ отрицательной, а съ положительной стороны; вотъ почему онъ и выражаетъ полную готовность, по приказу Аракчеева, рубить съ своимъ эскадрономъ Безухова и его товарищей [1]).

Совсѣмъ иного типа русская молодежь, кинувшаяся въ военную службу въ 1812 году подъ вліяніемъ увлеченія не мундиромъ, а идеею и живымъ всенароднымъ чувствомъ. Часть ея (какъ, напримѣръ, и самъ Грибоѣдовъ) вернулась къ мирнымъ занятіямъ, но многія сотни остались офицерами, отчасти по неимѣнію другого дѣла, отчасти изъ привязанности къ товарищамъ. Эти люди не могли обратиться въ Скалозубовъ: въ Европу они попали въ лучшіе,

---

[1]) VI, 216.

какъ говорятъ нѣмцы, учебные года, вынесли оттуда много идей и благородныхъ стремленій, и на войну смотрѣли они не какъ на средство выслужиться, а какъ на тяжкую, печальную необходимость [1]). Они-то вмѣстѣ съ своими штатскими единомышленниками и явились запѣвалами въ умственномъ движеніи начала 20-хъ годовъ. Вотъ какъ Вигель, въ очень слабой степени сочувствующій этому движенію, говоритъ о перемѣнѣ, происшедшей въ нравахъ и настроеніи нашего общества этого времени: «Быть неутомимымъ танцовщикомъ, въ разговорахъ съ дамами всегда находить что-нибудь пріятное, въ гостиныхъ при нихъ находиться неотлучно,—все это перестало быть необходимостью. Требовалось болѣе ума, знаній; маленькое ораторство начинало заступать мѣсто комплиментовъ» [2]). Немного ниже [3]) онъ увѣряетъ, будто высылка Пушкина, въ 1820 году, страшно поразила петербургскихъ вольнодумцевъ и загнала ихъ либерализмъ въ землю, гдѣ онъ и началъ дѣлаться опаснымъ.

Въ этомъ году происходитъ дѣйствіе эпилога «Войны и Мира»; Петръ Безухій возвращается изъ Петербурга, гдѣ нашелъ все въ ужасномъ положеніи и гдѣ убѣждалъ всѣхъ порядочныхъ людей, во имя дѣятельной добродѣтели, «взяться рука съ рукой, чтобы противостать общей катастрофѣ», составить союзъ всѣхъ честныхъ людей, «джентльменовъ въ полномъ значеніи этого слова», съ цѣлію общаго блага и общей безопасности [4]).

Извѣстно, что такой союзъ «джентльменовъ» составился, но, увы, не сталъ онъ къ правительству въ «отношеніе помощниковъ», какъ мечталъ объ этомъ миролюбивый Безухій!

Въ тотъ же тяжелый періодъ реакціи, во время господства Аракчеева и Магницкаго, происходитъ и дѣйствіе трагикомедіи Грибоѣдова. Трагизмъ ея въ томъ, что въ ней одинъ человѣкъ съ просвѣщенными идеями и благородными стремленіями поставленъ въ необходимость бороться противъ цѣлаго общества своихъ ближнихъ. Чацкій не изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ устроить свою жизнь, добиться личнаго счастія; зато, какъ обличитель и

---

[1]) Таковъ, напримѣръ, братъ Волковой, см. Вѣстникъ Европы. 1874 г. № 10, стр. 582 и passim.

[2]) III, 6, 32.

[3]) Ibidem, 85—86.

[4]) VI, 213—215.

боецъ, онъ драгоцѣнный человѣкъ: его огромный умъ, ѣдкое остроуміе, несокрушимая энергія, самозабвенная отвага, пренебреженіе къ личнымъ интересамъ, горячая любовь «къ свободной жизни» и горячая ненависть къ врагамъ ея даютъ ему видное мѣсто въ самыхъ первыхъ рядахъ честной прогрессивной партіи. Но вѣдь нужна партія, нужны товарищи, на которыхъ онъ могъ бы опереться; а въ томъ кружкѣ московскаго общества, куда судьба забросила Чацкаго, онъ совсѣмъ одинъ. Самоувѣренная реакція придала смѣлость всѣмъ самымъ скверным инстинктамъ Фамусовыхъ и Молчалиныхъ; а соціальныя и умственныя пертурбаціи послѣднихъ десятилѣтій низвергли старый нравственный кодексъ, узкій, но твердый, и открыли двери аристократическихъ салоновъ для явныхъ и общепризнанныхъ мерзавцевъ въ родѣ Загорѣцкаго [1]). Въ 1805 г. его постыдился бы принимать и безразборчивый Фамусовъ; да и самъ Фамусовъ въ то время не рѣшился бы требовать административной высылки для Чацкаго и не посмѣлъ бы даже и въ шутку развивать мнѣніе о пользѣ истребленія книгъ. А теперь, когда по словамъ Скалозуба:

Есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ! два!
А книги сохранять такъ, для большихъ оказій.

и когда плану его чахоточнаго родственника:

Въ ученый комитетъ, который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился,

симпатизируютъ иныя высокопоставленныя лица, пошлыя шутки Фамусова многими принимаются въ серіозъ.

Чацкій хуже чѣмъ одинъ: у него есть поклонники въ родѣ Репетилова, и его единомышленниками мнятъ себя крикуны, засѣдающіе въ англійскомъ клубѣ. Нужно ли объяснять, что такіе поклонники и единомышленники хуже враговъ? [2]).

---

[1]) Вигель (III, V, 129 и слѣд.), описывая одного изъ такихъ, какого-то С., замѣчаетъ, что въ послѣднее время эти «порожденія вѣка сомнѣнія и эгоизма» встрѣчаются довольно часто.

[2]) Репетиловъ, впрочемъ, не московскій типъ: въ Петербургѣ онъ „лѣзъ въ чины» и только послѣ неудачи возвратился въ Москву, гдѣ и сдѣлался поклонникомъ радикальныхъ лѣкарствъ. Въ Петербургѣ же возникли и во

И погибъ бѣдный Чацкій въ непосильной борьбѣ, точно больной орелъ, заклеванный воронами. Но не погибли и не могли погибнуть его идеи, тѣмъ болѣе, что если въ кружкѣ гостей Фамусова Чацкій былъ одинокъ, въ Россіи въ то время былъ не одинъ десятокъ Чацкихъ и Безухихъ. Даже пессимистически смотрящій на современниковъ авторъ «Горе отъ ума» говоритъ, что у деревяннаго Скалозуба есть двоюродный братъ, который

Крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ;
Чинъ слѣдовалъ ему, онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать!

И у кн. Тугоуховской есть племянникъ, кн. Оедоръ, ботаникъ и химикъ [1]).

Эти идеи о свободной мысли и «свободной жизни» росли и распространялись годъ отъ году, несмотря на всѣ «милліоны терзаній», выпадавшіе на долю ихъ проповѣдниковъ, несмотря на всѣ ошибки и увлеченія ихъ неподготовленныхъ партизановъ.

Да и мысли Чацкаго «о жалкой тошнотѣ по сторонѣ чужой», «о премудромъ незнаньи иноземцевъ», мечты его о томъ,

Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ, —

оказались вовсе не «дичью» [2]) и не «нетрезвостью рѣчи» [3]), а другой стороной той же «свободной жизни», обращающейся къ своему народному источнику, и легли въ основу цѣлаго міровоззрѣнія московскихъ славянофиловъ, міровоззрѣнія живого, поэтичнаго, высоко-честнаго и въ свое время плодотворнаго [4]).

Эти идеи, развиваясь, укрѣпляясь и совершенствуясь, проходятъ золотыми нитями черезъ все царствованіе императора Николая, освѣщаютъ дивнымъ внутреннимъ свѣтомъ всю нашу ху- же-

---

девили (первый водевиль, родоначальникъ безчисленнаго потомства, — „Казакъ—стихотворецъ“ кн. Шаховскаго, (см. Вигель, II, 4, 161). Извѣстно, что Грибоѣдовъ и самъ участвовалъ въ драматическихъ трудахъ на складчину, о которыхъ говоритъ Репетиловъ.

[1]) О немъ см. «Былое и Думы», I, стр. 138, 142. 145.

[2]) Гончаровъ. VIII, 157.

[3]) Бѣлинскій, III, 424.

[4]) Такое же значеніе имѣютъ и запросы Петра Безухаго о томъ, что одобрилъ бы въ его жизни и дѣятельности представитель народнаго „благообразія“ Платонъ Каратаевъ, и что—нѣтъ (VI, 226).

ственную и критическую литературу того времени, даютъ зрѣлымъ людямъ силу переносить всѣ бѣды въ ожиданіи будущихъ благъ и воспитываютъ молодое поколѣніе, совершителей великихъ реформъ, вѣчно памятныхъ сотрудниковъ Царя-Освободителя.

Эти реформы закончили дворянскій періодъ русской литературы и цивилизаціи и начали новый—всесословный, всенародный. Если онъ и не создалъ до сихъ поръ такихъ безусловно художественныхъ произведеній, какъ предшествующій, зато онъ дѣлаетъ другое великое дѣло: онъ вводитъ въ сознаніе массы народной все лучшее, что создано нашими отцами и человѣчествомъ. Не далеко то время, когда Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ будутъ извѣстны въ каждой деревенской школѣ лучше, нежели въ 50-хъ годахъ были извѣстны въ гимназіяхъ и университетахъ, и на этой цѣльной почвѣ сѣмена, ими посѣянныя, дадутъ болѣе обильные плоды.

Тогда-то исполнится завѣтная мечта многострадальныхъ передовыхъ людей нашихъ, и навсегда исчезнетъ роковая рознь между русской интеллигенціей и народомъ, отъ которой происходили и происходятъ всѣ наши бѣды.

Не будемъ пока мечтать о томъ, что новаго и великаго внесемъ мы тогда въ міръ, а будемъ учить и учить народъ, чему можемъ и сколько можемъ, и въ то же время, откинувъ полупросвѣщенное самомнѣніе, сами будемъ у него учиться здоровой правдѣ народной.

ИЗЪ ИСТОРІИ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ОДЕССЫ.

(по поводу столѣтняго юбилея города).

«Одесса не имѣла младенчества», говоритъ маститый историкъ новороссійскаго края А. А. Скальковскій. Если это справедливо относительно матеріальнаго развитія Одессы, которая въ первые же годы бытія своего является торговымъ центромъ богатыхъ областей и рядомъ съ нищетою новаго поселка проявляетъ признаки роскоши, почти столичной, это тѣмъ болѣе вѣрно относительно умственной жизни, проявленія которой обусловливаются развитіемъ и потребностями основателей и первыхъ поселенцевъ города. Огромное большинство другихъ городовъ возникаютъ и растутъ постепенно и медленно, и ихъ духовный прогрессъ идетъ рука-объ-руку съ прогрессомъ всей окружающей ихъ страны; въ нихъ варварство смѣняется начатками цивилизаціи, низшія духовныя потребности — средними и высшими. Другіе города, основанные на окраинахъ, на мѣстахъ, вновь пріобрѣтенныхъ государствомъ, часто привлекаютъ сотни и тысячи поселенцевъ сравнительно очень высокой культуры, являющихся сюда изъ столицъ и другихъ крупныхъ центровъ. Но это—поселенцы временные: они пріѣзжаютъ въ качествѣ администраторовъ, купцовъ, промышленниковъ, чтобы поработать нѣсколько лѣтъ на пользу общую и личную и вернуться назадъ; часто они перевозятъ сюда свои семьи или на мѣстѣ обзаводятся таковыми; часто прикрѣпляются къ мѣсту своей новой дѣятельности, остаются здѣсь навсегда и становятся родоначальниками наиболѣе культурной части прочнаго населенія. Но окончательное прикрѣпленіе къ мѣсту происходитъ только въ третьемъ—четвертомъ поколѣніи, а иногда и много позднѣе (припомнимъ, что въ средневѣковой Англіи поселенцы съ материка цѣлыя столѣтія оставались норманно-французами).

Первые администраторы, купцы и проч. обыкновенно ѣдутъ на новыя мѣста, какъ въ изгнаніе; какъ путешественникъ въ гостиницѣ, они мало думаютъ о наилучшемъ устройствѣ своего временнаго мѣстопребыванія, не ожидаютъ отъ него удовольствія, упорно мечтаютъ о возвращеніи на родину, и если мечты ихъ не осуществляются, все же живутъ духовными интересами родины и, когда могутъ, посылаютъ туда на воспитаніе дѣтей своихъ.

Не то было въ Одессѣ: она сразу получаетъ населеніе, болѣе чѣмъ на половину прочное; сразу въ ней оказывается интеллигенція, большинство которой чувствуетъ себя здѣсь дома, привязывается къ ней всѣмъ сердцемъ, изъ всѣхъ силъ работаетъ надъ ея украшеніемъ, видитъ въ ней новое дорогое отечество. Положимъ, это населеніе—крайне разноплеменное; эта интеллигенція больше чѣмъ на половину иностранная; но такъ какъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ политическомъ сепаратизмѣ, то полная ассимиляція этой пестрой толпы и полное обрусѣніе этой интеллигенціи есть только вопросъ времени. Географическое положеніе, прелестный, мягкій климатъ, оживленная и обширная торговля, а также важныя льготы, предоставленныя городу правительствомъ, и разумныя мѣропріятія мѣстнаго начальства дѣлаютъ Одессу чрезвычайно привлекательною для всѣхъ, кто попадаетъ въ нее, и это новое екатерининское «окно въ Европу» развивается, растетъ и хорошѣетъ еще быстрѣе, чѣмъ старшій на 100 лѣтъ Петербургъ.

Уже въ спискахъ первыхъ болѣе состоятельныхъ поселенцевъ Одессы мы можемъ насчитать десятки фамилій, оставшихся здѣсь навсегда и составившихъ впослѣдствіи ядро одесской интеллигенціи. Уже въ 1796 году черезъ Одессу ожидается такой привозъ иностранныхъ книгъ, что рѣшено было учредить здѣсь отдѣленіе иностранной цензуры. Уже въ царствованіе императора Павла I одесское общество проявляетъ тонкое пониманіе интересовъ города, замѣчательную энергію и настойчивость и вообще такіе спеціальные инстинкты, которые указываютъ на довольно высокую степень умственной культуры. Уже въ самые первые годы XIX столѣтія одесситы настолько заботятся объ образованіи дѣтей своихъ, что болѣе или менѣе удовлетворительные педагоги (преимущественно—французы) зарабатываютъ уроками хорошія деньги и становятся домовладѣльцами; кромѣ православныхъ священниковъ, здѣсь дѣйствуютъ и католическіе патеры, и между ними встрѣчаются люди

съ выдающимися способностями и образованіемъ. Но всѣ эти проявленія ранней духовной жизни Одессы кажутся ничтожными по сравненію съ тѣмъ, какъ зажила она съ 1803 года, со времени пріѣзда знаменитаго Дюка.

Каковы бы ни были недостатки того класса общества, однимъ изъ лучшихъ представителей котораго былъ Ришелье, самые заклятые враги «стараго порядка» не могли отказать высшему французскому дворянству въ высокой умственной культурѣ. Ставъ, по волѣ императора Александра I, полновластнымъ распорядителемъ судебъ юнаго города на окраинѣ Россіи, воспитанный въ лучшемъ кругу столицы міра, умный, серьезно образованный, необыкновенно изящный въ обращеніи, герцогъ не могъ не отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ этой сторонѣ одесской жизни. Онъ принялся за дѣло съ такой любовью и съ такой энергіей, что достигъ гораздо бо́льшаго, чѣмъ кто-нибудь могъ ожидать и надѣяться. 9 марта 1803 года Ришелье пріѣхалъ въ Одессу, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ императору идетъ отъ него масса ходатайствъ и, между прочимъ, просьбы о дарованіи—огромной по тому времени суммы,—отъ 15.000 до 20.000 рублей, на постройку театра и объ открытіи цѣлаго ряда общественныхъ школъ.

Съ перваго взгляда эта усиленная забота о такой роскоши, какъ хорошій театръ, для неустроеннаго города можетъ показаться странной. Но легко понять, что герцогъ дѣйствовалъ такъ не въ силу любви къ зрѣлищамъ, а въ силу до геніальности яснаго сознанія нуждъ одесскаго общества. Населеніе Одессы состояло, главнымъ образомъ, изъ купцовъ, посредниковъ, агентовъ и проч., на половину русскихъ, на половину иностранцевъ; такъ какъ вторые представляли высшую культуру, то, естественно, подчиняли первыхъ до нѣкоторой степени своему вліянію; эти люди наживы, очень часто безсемейные, въ дѣтствѣ и ранней молодости привыкли къ общественной жизни и къ культурнымъ развлеченіямъ. Теперь, послѣ трудового дня, они чувствовали потребность провести вечеръ гдѣ нибудь поинтереснѣе и, за неимѣніемъ чего-либо лучшаго, просиживали въ такъ называемыхъ *казино*, которыя немногимъ чѣмъ отличались отъ кабаковъ и могли занимать своихъ гостей только игрою и напитками. Игра ведетъ къ ссорамъ, часто къ разоренію; ежедневное питье и полное бездѣльничанье дѣйствуютъ дурно. Послѣ 2—3 лѣтъ такой жизни самыя лучшія натуры должны были оди-

чать до нѣкоторой степени, и Одесса могла превратиться въ нѣчто въ родѣ поселенія золотопромышленниковъ, откуда всякій порядочный человѣкъ бѣжитъ при первой возможности.

Ришелье стремится дать этому избалованному цивилизаціей, состоятельному, энергичному, но опасному населенію культурное развлеченіе въ видѣ театра, а такъ какъ для Ришелье, при условіи расположенія къ нему императора, стремиться—значило достигнуть, то театръ и является къ услугамъ одесситовъ.

Уже въ концѣ 1804 года получены отъ казны 20.000 рублей на постройку зданія и вызваны охотники къ торгамъ. Планъ составленъ очень хорошимъ архитекторомъ Франоли и одобренъ еще болѣе талантливымъ художникомъ Де-Томономъ; постройку взялъ на себя итальянецъ Поджіо, подъ руководствомъ Франоли, на условіяхъ, которыя были бы отяготительны для всякаго другого города, кромѣ столицъ и возникающей Одессы: городъ обязался заплатить подрядчику 25.000 рублей и, кромѣ того, доставить 30 мачтовыхъ деревьевъ, желѣзо и камень—сколько потребуется. Но въ Одессѣ въ то время производились сотни другихъ построекъ, и рабочія руки были и дороги и рѣдки, почему зданіе театра воздвигалось медленно, несмотря на всю энергію Ришелье и на всѣ труды составленнаго имъ строительнаго театральнаго комитета. Театръ былъ готовъ только въ 1809 году; къ тому времени комитетъ уже успѣлъ запастись и необходимымъ гардеробомъ, который былъ высочайше пожалованъ, конечно, не безъ ходатайства со стороны герцога. Но пока театръ строился, одесситы уже успѣли привыкнуть къ театральнымъ представленіямъ и полюбить ихъ. Было нанято помѣщеніе въ одномъ частномъ домѣ и кое-какъ приспособлено для сцены. Впослѣдствіи одесситы со смѣхомъ вспоминали объ его бѣдной обстановкѣ, о подмосткахъ, прилаженныхъ на винныхъ бочкахъ, о скудномъ освѣщеніи, о грязномъ залѣ, о плохихъ актерахъ и актрисахъ польскихъ труппъ, въ выговорѣ которыхъ ясно слышалось ихъ семитическое происхожденіе, о дерзости, съ которой они брались за исполненіе пьесъ всѣхъ родовъ и видовъ, о смѣшныхъ случаяхъ, вовсе не входившихъ въ программу и зависѣвшихъ отъ плохихъ приспособленій и машинистовъ; но все же и этотъ театръ посѣщался охотно, и даже самые интеллигентные граждане привыкли проводить тамъ чуть ли не каждый вечеръ [1]).

[1]) Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь цѣликомъ статью мемз-

Герцогъ, очевидно, былъ очень доволенъ такой привязанностью одесситовъ къ театру, и даже раньше, нежели было готово новое зданіе, распорядился о напечатаніи въ «Московскихъ Публичныхъ Вѣдомостяхъ» (15 іюня 1808 года) вызова желающихъ играть на одесской сценѣ. Нѣкто Мюллеръ предложилъ доставить въ Одессу «порядочную русскую компанію, состоящую изъ славныхъ актеровъ

вѣстнаго намъ по имени, очень остроумнаго театральнаго фельетониста первой одесской газеты: «Messager de la Russie méridionale», помѣщенную въ № 80 (отъ 13 іюля 1822 года) и сравнивающую положеніе театра въ 1822 году съ тѣми зрѣлищами, какими наслаждались одесситы въ домѣ Ржевусской въ 1806 году. Конечно, факты, сообщаемые одесскимъ аристархомъ, нельзя принимать на вѣру буквально, да и самый траги-комическій случай, имъ описанный, едва-ли не слѣдуетъ отнести на счетъ его окрыленной остроуміемъ фантазіи; но все же основа должна быть вѣрна дѣйствительности. Къ сожалѣнію, мы не могли найти этой газеты, а были принуждены воспользоваться не совсѣмъ исправнымъ спискомъ статьи въ интересной рукописи А. А. Скальковскаго „Шестьдесятъ лѣтъ одесской общественной жизни". Вотъ русскій переводъ этой интересной статейки:

„Господинъ редакторъ! Позвольте мнѣ, старѣйшему обитателю Одессы, поздравить этотъ городъ съ его быстрымъ ходомъ къ совершенству, которое такъ торжественно предвозвѣстила г-жа Сталь. Я говорю не о пшеницѣ, не о шерсти и даже не о салѣ; я долженъ превознести похвалами своихъ согражданъ по поводу ихъ литературнаго прогрессированія Вашъ журналъ ежедневно обогащается произведеніями аристарховъ, изъ которыхъ иные говорятъ о томъ, что они знаютъ, а другіе—о томъ, чего они не вѣдаютъ. Парижъ имѣлъ одного знаменитаго аристарха: великаго Жофруа; а у насъ здѣсь 12 маленькихъ Жофруа (считая въ томъ числѣ меня, или не считая); конечно 12 маленькихъ стоятъ одного большого, стало-быть, Одесса стоитъ Парижа — логическій выводъ внѣ сомнѣнія. Итакъ, я вполнѣ раздѣляю чувства нашихъ знатоковъ или тѣхъ, кто выдаетъ себя за знатока: нашъ театръ въ настоящее время до нельзи плохъ! У насъ, дѣйствительно, 3 прекрасныхъ примадонны, но всего только три, а вѣдь этого слишкомъ мало; у насъ двѣ пѣвицы на вторыя роли, двѣ на третьи... 4 буффа и изъ нихъ 2 очень хорошихъ; 2 хорошихъ тенора, которыхъ мы знаемъ, и еще одинъ, котораго мы не знаемъ, и у насъ протей Шикитансъ. Нашъ оркестръ состоитъ изъ 24 музыкантовъ, хорошаго капельмейстера и превосходной первой скрипки. И наконецъ, нашъ антрепренеръ, хоть онъ и сердитъ на меня за нашего общаго друга—театральнаго портного, заслуживаетъ полной признательности публики за свое просвѣщенное усердіе къ дѣлу, за расходы на улучшеніе и обогащеніе сцены, за заботливость, съ которой онъ ставитъ пьесы и разнообразитъ представленія. Но что доказываетъ все это? Развѣ можно сравнивать нашъ нынѣшній театръ съ прежнимъ? Счастлива молодежь, которая не имѣетъ основанія сожалѣть о прошломъ и можетъ наслаждаться тѣмъ, что даетъ ей настоящее; а я, увы! слишкомъ старъ для этого. Во времена стародавнія, 16 лѣтъ назадъ, мы тоже

и актрисъ, какихъ только сыскать можно». Но предложеніе его, несмотря на скромность условій (онъ просилъ, кромѣ помѣщенія, гардероба и проч., 6000 рублей въ годъ субсидіи), очевидно, не внушало довѣрія, и комитетъ началъ переговоры съ извѣстнымъ въ то время любителемъ театральнаго дѣла и владѣльцемъ хорошей крѣпостной труппы, княземъ Шаховскимъ. Тогда же, желая имѣть свѣдѣнія о своихъ будущихъ средствахъ, театральный комитетъ

имѣли театръ въ Одессѣ, и какой театръ! Я до сихъ поръ вспоминаю о немъ съ сладкимъ душевнымъ волненіемъ. Зрительный залъ былъ великолѣпенъ; его устроили въ старой казармѣ; правда, крыша была въ безпорядкѣ, въ дурную погоду зрители должны были приходить съ зонтиками, но въ жаркое время тамъ было очень пріятно. Дюжина балокъ разной величины, искусно положенныхъ на 4 огромныя бочки, составляли помость сцены; эти бочки заимствовали у мѣстнаго откупщика, и такъ какъ ихъ забыли надушить, то ихъ спиритуальныя или спиртуозныя испаренія возбуждали нѣжныя воспоминанія зрителей. Скажемъ два слова о нашихъ тогдашнихъ декораціяхъ; это былъ верхъ роскоши: задняя стѣна залы, правда, принадлежала казарменной кухнѣ, но, вслѣдствіе естественной сырости зданія, стѣна эта такъ заплѣсневѣла, что на ней образовались большія зеленыя пятна, которыя вечеромъ походили на прекрасный садъ. Кулисы были сдѣланы изъ 4 старыхъ лѣстницъ; онѣ были обвѣшаны прекрасными обоями, голубого цвѣта съ одной стороны (это было небо) и темнозеленаго—съ другой (это была роща); когда былъ нуженъ салонъ, на этихъ обояхъ углемъ рисовали окна и двери; это производило удивительный эффектъ. Зала прекрасно освѣщалась 4-мя отличными сальными свѣчами по 7 на фунтъ; я долженъ, однако, признаться, что 70 кинкетовъ г. Буонавольи даютъ больше свѣта; но вѣдь это—результатъ прогресса въ освѣтительномъ дѣлѣ. Оркестръ былъ немногочисленъ; его составляли два любителя: флажолетъ греческаго батальона и полицейскій барабанъ; но что за артисты это были! какіе гармоническіе звуки умѣли они извлекать изъ своихъ инструментовъ! Съ какимъ совершенствомъ могли они слѣдовать и даже подражать руладамъ примадонны! Наши удивительные трагики могли вполнѣ реально изображать Эсопръ и Годолію: они всѣ были дѣти Израиля и сохранили еврейскій акцентъ, который былъ особенно эффектенъ въ сложныхъ и заключительныхъ сценахъ трагедій. Нашъ первый сюжетъ былъ очень опытный актеръ, какъ объ этомъ можно было судить по его сѣдинамъ; но когда онъ игралъ любовника, онъ заимствовалъ парикъ у директора, который тогда сидѣлъ у себя въ ложѣ въ бумажномъ колпакѣ. Тиранъ былъ маленькій 18-лѣтній юноша, 4 футовъ 8 дюймовъ росту, и его нѣжный голосокъ повергалъ зрителей въ дрожь въ сильныхъ сценахъ. Первая актриса была ровно вдвое длиннѣе тирана, и когда она надѣвала токъ съ перьями, онъ упирался въ небо; голосъ у нея былъ хриплый и баснстый, чрезвычайно пріятный въ любовныхъ объясненіяхъ. На нашемъ театрѣ играли все: драмы, мелодрамы, фарсы, комедіи, балеты; разнообразіе было удивительное. Я не пропускалъ ни одного спектакля, и всегда находилъ случай повесе-

открылъ абонементъ на ложи и кресла. Успѣхъ подписки былъ блестящій: уже въ концѣ 1808 года всѣ ложи въ количествѣ 51 (по 17 въ каждомъ изъ 3 ярусовъ) и 44 кресла были абонированы на 3 года впередъ [1]); очевидно, комитетъ могъ разсчитывать на хорошіе сборы.

Пока шли переговоры съ будущимъ антрепренеромъ, новоотстроенный театръ не стоялъ празднымъ: изъ Кіева, изъ Житоміра и изъ-за границы пріѣзжали польскія, французскія и русскія труппы на гастроли. Первое русское представленіе было дано 10 февраля 1810 года труппою нѣкоего Фортунатова; оркестромъ съ одесской публикой подѣлился помѣщикъ Куликовскій. По разнымъ причинамъ переговоры съ княземъ Шаховскимъ затянулись очень надолго, и только 10 октября 1810 года былъ заключенъ контрактъ, по которому князь Шаховской обязался содержать въ Одессѣ труппу для драмъ,

---

литься. Напримѣръ, я увѣренъ, что Буонаволья со всѣми своими театральными силами никогда не устроитъ для насъ такого веселаго фарса, какому я былъ свидѣтелемъ въ 1806 г. Играли „Малабарскую вдову"; умалчиваю объ удивительномъ исполненіи первыхъ 4-хъ актовъ и прямо перехожу къ развязкѣ. Построили великолѣпный костеръ наполовину изъ бурьяна, наполовину изъ кизяка; Лянасса, рисуясь, восходитъ на этотъ костеръ при посредствѣ единственнаго, набитаго шерстью соломеннаго стула, которымъ тогда владѣлъ городской комитетъ, и которымъ на этотъ случай ссудили дирекцію. Но первый машинистъ, должность котораго тогда отправлялъ старый полицейскій инвалидъ, вмѣсто того, чтобы подложить огонь подъ костеръ, поджегъ юпки первой актрисы; она, испуская ужасные крики, бросилась бѣжать сперва по залѣ, потомъ по улицѣ; хвостъ ея платья, подобно хвосту лисицъ Самисона, могъ поджечь всѣ дома въ городѣ, еслибъ тогда въ городѣ были дома. Первосвященникъ побѣжалъ за Лянассой, французскій генералъ—за первосвященникомъ, директоръ театра—за генераломъ; полицмейстеръ — за директоромъ, и неизвѣстно, чѣмъ бы это все окончилось, еслибъ корабль, стоявшій на рейдѣ и замѣтившій пожаръ, не направилъ своихъ пожарныхъ трубъ на воспламененную актрису и не спасъ остатковъ ея платья. Ахъ, мои дорогіе сограждане! Отчего не родились вы раньше, чтобы видѣть, до какого совершенства можетъ быть доведено театральное дѣло! Какъ вы несчастны, что должны слушать госпожъ Каталани, Арриги, Рикарди и пр. и господъ Бартолуччи, Рикарди, Монари, Квадри, Моранди и др. Но претерпите свое несчастіе и довольствуйтесь тѣмъ малымъ, что у васъ есть!"

[1]) См. городское изданіе: „Краткая историческая записка о положеніи театральнаго дѣла въ Одессѣ". Одесса, 1886, стр. 3—4. Ср. также А. А. Скальковскаго: «Библіографическій очеркъ одесскаго театра» (оттискъ изъ «Одесскаго Вѣстника», 17 января 1858 года).

комедій, балета и оперъ и часть оркестра, а комитетъ—выдать ему 1000 руб. на проѣздъ и платить субсидію по 16500 р. въ годъ. Любопытно, что въ инструкціи поручику Комендантову, которому было поручено вести переговоры съ антрепренеромъ, настойчиво указывается на «разборчивость и знаніе здѣшней публики», и въ виду этихъ условій особенно рекомендуется заботиться объ оперѣ. 1 января 1811 года труппа Шаховского давала первый спектакль и затѣмъ стала играть непрерывно. Всего дала она около 100 представленій; средняя цифра сборовъ, включая и абонементъ, была 280 рублей [1]).

Комитетъ, руководимый герцогомъ, очень заботится о театрѣ и, въ виду недостаточности силъ труппы для балета, содержитъ на свой счетъ особыхъ «танцорокъ» изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ; танцмейстеръ, обучающій ихъ, получаетъ 1200 руб. въ годъ. Кромѣ того, въ 1809—1811 годахъ въ Одессѣ, вѣроятно въ особомъ помѣщеніи, давала представленія итальянская комическая опера и, повидимому, имѣла успѣхъ немалый.

Несмотря на то, что князь Шаховской съ большей частью своей труппы въ концѣ 1811 года покинулъ Одессу, театръ, тѣмъ не менѣе, не былъ пустымъ; подписка на 1811 годъ шла прекрасно, хотя цѣны на ложи были значительно повышены [2]). Еще раньше отъѣзда Шаховскаго, 17 сентября 1811 года, иностранцы Замбони и Мантовани изъявили желаніе снять театръ съ очень небольшой субсидіей (2000 рублей на оркестръ) и съ обязательствомъ поставить итальянскую комическую оперу и балетъ, но съ условіемъ, чтобы никто другой не могъ, безъ согласія антрепренеровъ, давать въ Одессѣ какія бы то ни было представленія. Комитетъ согласился, и итальянцы начали работать, повидимому, довольно успѣшно, какъ вдругъ надъ городомъ разразилось страшное бѣдствіе, надолго

---

[1]) Первые спектакли давали меньше сбора, чѣмъ послѣдующіе; такъ, спектакль, данный 26 января, принесъ всего 57 рублей; зато въ августѣ вечеровой сборъ доходитъ до 300 — 400 рублей; повидимому, это зависѣло отъ того, что князь Шаховской сталъ приноравливаться ко вкусу одесситовъ: 3-го августа онъ, по желанію публики, заключилъ контрактъ съ актеромъ Фортунатовымъ, которому было назначено жалованья 800 руб. къ годъ.

[2]) Ложа 1-го яруса прежде стоила 100 руб. въ полугодіе, теперь 150 и 175 рублей и т. д. Подписной сборъ прежде давалъ 3285 рублей; теперь далъ 5587 рублей.

прекратившее всякія сборища и увеселенія—чума 1812—1813 годовъ. Говорятъ, что итальянская труппа чуть не поголовно погибла отъ нея, и не безъ вины своихъ сочленовъ: балерины и пѣвицы накупили по дешевымъ цѣнамъ шалей и платковъ съ зачумленныхъ кораблей. Но чума кончилась, и спектакли возобновились.

Уѣзжая изъ Одессы въ сентябрѣ 1814 года, герцогъ Ришелье могъ быть увѣренъ, что одесситы имѣютъ мѣсто, гдѣ отдохнуть и провести вечеръ.

Еще болѣе способствовалъ герцогъ Ришелье умственному развитію Одессы своей заботой объ учрежденіи и развитіи школъ. Уже 16 апрѣля 1804 года, по его докладу, былъ изданъ указъ объ открытіи въ Одессѣ коммерческой гимназіи, которая должна была состоять изъ трехъ отдѣленій (вѣрнѣе — трехъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній) и изъ шести классовъ; она вмѣщала одноклассное приходское училище для обученія грамотѣ, двухклассное уѣздное училище для начальнаго образованія и трехлассную гимназію (каждый классъ—двухлѣтній), гдѣ должны были преподаваться, кромѣ трехъ новыхъ языковъ (французскаго, итальянскаго и ново-греческаго) и общеобразовательные предметы, также и науки коммерческія. Приходское и уѣздное училище были открыты немедленно; но коммерческая гимназія пока такъ и осталась въ проектѣ; вмѣсто нея, лучшій изъ частныхъ пансіоновъ—Вольсея, былъ уже въ 1805 году преобразованъ въ благородный институтъ, воспитанники котораго вскорѣ получили довольно большія права по службѣ. Этотъ мужской институтъ—ему соотвѣтствовалъ и женскій, находившійся подъ руководствомъ того же Вольсея,—взималъ довольно высокую плату съ воспитанниковъ и по курсу своему едва ли чѣмъ отличался отъ московскихъ и петербургскихъ пансіоновъ для дворянскихъ дѣтей.

Отчего же твердый въ другихъ своихъ начинаніяхъ Ришелье отступилъ отъ первоначальнаго плана, повидимому, столь удобнаго для коммерческой Одессы, и даже не исполнилъ Высочайшаго указа? Причину этого онъ самъ объясняетъ въ 1812 году въ письмѣ къ профессору Дегурову: одесское купечество и мѣщанство, нуждаясь въ приказчикахъ, не только не доводитъ своихъ сыновей до гимназіи, а беретъ ихъ изъ училища, едва только они успѣютъ выучиться грамотѣ. А немногочисленные русскіе дворяне, поселившіеся въ Одессѣ или близъ нея, и состоятельные иностранцы же-

лаютъ, чтобы дѣти ихъ получили хорошее общее образованіе. Въ 1811 году благородный институтъ, гдѣ директоромъ, вмѣсто Вольсея, теперь состоялъ кол. сов. Минути, окончательно преобразованъ въ казенное учебное заведеніе, и герцогъ заботится о немъ, какъ о своемъ любимомъ дѣтищѣ: онъ постоянно присутствуетъ на экзаменахъ; испытываетъ самъ по математикѣ и прочимъ предметамъ оканчивающихъ курсъ, и въ своемъ объявленіи къ «дворянству здѣшняго края» обѣщаетъ, что воспитанники института не только во время пребыванія въ заведеніи будутъ всецѣло на его, герцога, отвѣтственности, но и послѣ окончанія курса «сохранятъ всегда право на его участіе». Вышеупомянутый профессоръ Дегуровъ (французъ по происхожденію и языку, впослѣдствіи ректоръ петербургскаго университета), присланный въ Одессу въ качествѣ визитатора отъ харьковскаго университета, къ округу котораго тогда принадлежала Одесса, остался чрезвычайно доволенъ успѣхами учениковъ института и доносилъ, что «религія, нравственность, образованіе по всѣмъ частямъ наукъ—ничего въ немъ не забыто» [1]). Такъ же хорошо шло дѣло и въ институтѣ дѣвичьемъ, гдѣ преподавали тѣ же учителя.

Въ это время въ Одессѣ, кромѣ упомянутыхъ училищъ и институтовъ, былъ цѣлый рядъ инородческихъ и иновѣрческихъ школъ, возникшихъ, конечно, не безъ участія герцога; такъ, въ греческомъ училищѣ тогда состояло уже около 80 учениковъ; были спеціальныя училища: раскольничье и еврейское и нѣсколько иностранныхъ пансіоновъ, гдѣ учились и русскія дѣти. Сравнительно съ другими русскими городами того времени, число учащихся на 20.000 чел. жителей было болѣе, чѣмъ достаточно.

Въ 1812 году въ Одессу пріѣзжаетъ товарищъ герцога по школѣ, аббатъ Николь [2]), котораго Ришелье, не безъ основанія, счи-

---

[1]) См. статью профессора В. А. Яковлева: «Аббатъ Николь и первые годы Ришельевскаго лицея» (отдѣльный оттискъ изъ Новороссійскаго Календаря за 1892 годъ, стр. 30). Ср. А. А. Скальковскій: «Матеріалы для исторіи образованія въ г. Одессѣ». «Южный Сборникъ», 1859, № 3.

[2]) Доминикъ Шарль Николь родился 4 апрѣля 1758 года близъ Руана, учился въ коллегіи этого города, потомъ перешелъ въ іезуитскую коллегію св. Варвары въ Парижѣ. Въ 1782 году онъ тамъ же дѣлается учителемъ; во время революціи уѣзжаетъ съ дѣтьми графа Шуазеля сперва въ Константинополь, потомъ въ Петербургъ. Уже въ 1794 г. онъ основываетъ тамъ неболь-

таетъ искуснымъ педагогомъ. Сблизившись съ нимъ еще болѣе во время чумы, въ борьбѣ съ которой герцогъ и аббатъ проявляли въ одинаковой степени любовь къ человѣчеству и самопожертвованіе, герцогъ рѣшилъ поставить его во главѣ института и реформировать послѣдній такимъ образомъ, чтобы всѣ классы населенія могли доставлять своимъ дѣтямъ хорошее общее образованіе: одной изъ побудительныхъ причинъ къ такой реформѣ послужило желаніе герцога осуществить покинутый на время планъ коммерческой гимназіи. Въ апрѣлѣ 1814 года Ришелье пишетъ о задуманномъ преобразованіи частнымъ образомъ профессору Дегурову и оффиціально харьковскому университету и разъясняетъ основныя свои положенія: параллельно съ институтомъ для пансіонеровъ, въ которомъ система обученія будетъ одновременно и классической, и «религіозно-отечественной», учреждается гимназія для приходящихъ учениковъ изъ всѣхъ сословій, гдѣ преподавать будутъ тѣ же институтскіе учителя и приблизительно по той же программѣ. Послѣдніе два года институтскаго курса посвящаются «высшимъ наукамъ». Въ началѣ осени того же 1814 года Дегуровъ уже въ Одессѣ и приводитъ въ исполненіе планъ герцога, причемъ въ основу реформы кладется «Начертаніе правилъ воспитанія въ обоихъ одесскихъ благородныхъ институтахъ» (печатано въ Одессѣ въ 1814 году), составленное, безъ сомнѣнія, аббатомъ Николемъ, который вскорѣ былъ утвержденъ директоромъ. Институтъ и гимназіи начинаютъ функціонировать немедленно, и хотя послѣдняя, по необходимости, до нѣкоторой степени приносится въ жертву первому, все же Одесса можетъ похвалиться тѣмъ, что въ ней никому не закрыта дорога къ образованію. Такимъ образомъ, окончательно разставаясь съ Одессой въ 1815 году и пожертвовавъ на благородный институтъ всю свою высочайше дарованную ему за службу въ Россіи аренду (3260 ефимковъ въ годъ), герцогъ Ришелье могъ быть увѣренъ, что, благодаря его усиліямъ, дѣло образованія и, стало быть, будущая культура его едва двадцатилѣтней любимицы вполнѣ обезпечены.

шую школу для дѣтей высшаго русскаго дворянства, которая идетъ, повидимому, очень хорошо. Потомъ онъ переѣзжаетъ въ Москву, а въ 1811 году Ришелье выхлопоталъ для него мѣсто визитатора и администратора католическихъ церквей въ Новороссіи.

Но въ этой ранней одесской культурѣ былъ одинъ недостатокъ, по обстоятельствамъ мѣста и времени неизбѣжный и, къ сожалѣнію, надолго неизлѣчимый—это замѣтная слабость національно-русскаго элемента. Несмотря на намѣреніе Ришелье ввести въ институтѣ планъ образованія, который онъ называлъ «преимущественно отечественнымъ», русскій языкъ такъ плохо шелъ не только въ институтѣ, но и во «внѣшней» гимназіи, что даже французъ Дегуровъ возмущался этимъ. Да и могло ли это быть иначе, когда почти все начальство, и въ городѣ, и въ институтѣ, знало по-русски только нѣсколько словъ и выраженій, необходимыхъ для объясненія съ рабочими и прислугой?

То же самое надо сказать и о театрѣ: послѣ отъѣзда труппы князя Шаховского русскій языкъ уже не раздается на его сценѣ. Правда, при возобновленіи контракта съ Мантовани, театральный комитетъ вноситъ условіе имѣть труппу для русскихъ оперъ, трагедій и комедій, но уже въ 1815 году антрепренеры заявили, что таковой собрать невозможно и предложили увеличить репертуаръ оперъ итальянскихъ.

Было бы несправедливо, однакожъ, на основаніи подобныхъ фактовъ, считать юную Одессу какимъ-то выродкомъ изъ городовъ русскихъ: не должно забывать, что мы въ десятыхъ годахъ, когда и въ самомъ Петербургѣ, и даже въ Москвѣ высокіе административные посты занимали люди, едва говорившіе по-русски, когда почти все наше высшее дворянство думало и воспитывало дѣтей по-французски. Подобно тому, какъ французскій языкъ не помѣшалъ этому дворянству ополчиться противъ Наполеона, и Одесса въ томъ же 1812 году заявила свой патріотизмъ огромнымъ, для возникающаго города, денежнымъ пожертвованіемъ (почти въ 300.000 руб.), да и самые толки о «преимущественно отечественномъ планѣ образованія» и о русской оперѣ указываютъ на національныя стремленія Одессы. Желаніе было несомнѣнно—не хватало умѣнья и средствъ.

Графъ Ланжеронъ, тоже французъ по происхожденію и языку, но уже русскій подданный, смѣнившій Ришелье въ управленіи Одессой и всѣмъ краемъ, былъ вѣрнымъ продолжателемъ традицій своего знаменитаго предшественника. При немъ Одесса богатѣла и преуспѣвала въ умственной культурѣ въ томъ же, не совсѣмъ русскомъ направленіи. Но самый крупный фактъ духовной жизни

города, случившійся въ его время, — преобразованіе института и гимназіи въ лицей, указываетъ на близкую и окончательную побѣду государственно-національнаго принципа надъ безпорядкомъ разноплеменной факторіи.

Этому преобразованію предшествовало знаменитое событіе въ жизни института — посѣщеніе его въ іюнѣ 1816 года великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Ученики говорили ему привѣтственныя рѣчи по-русски, по-французски, по-латыни и по-итальянски. Русскій ораторъ указалъ, между прочимъ, на международное значеніе института, куда стекаются ученики «изъ Молдавіи, Цареграда, Смирны и даже съ Кавказскихъ горъ», и выразилъ радость, что «на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде раздавался одинъ дикій гулъ грубаго и хищнаго татарина, слышатся теперь небесные звуки языка Гомерова и Виргиліева».

Въ это время уже давно было задумано и энергично подвигалось впередъ дѣло преобразованія института и гимназіи при непосредственномъ участіи герцога Ришелье. Еще въ маѣ 1815 года аббатъ Николь извѣщаетъ герцога изъ Петербурга, что онъ нашелъ щедраго жертвователя въ лицѣ банкира Штиглица, который давалъ на будущій лицей 300.000 руб., и упрашиваетъ его воспользоваться пребываніемъ императора Александра въ Вѣнѣ, чтобы переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Высокопоставленные друзья герцога въ Петербургѣ дѣятельно хлопочутъ о скорѣйшемъ осуществленіи его желанія, и 2 мая 1817 года уставъ лицея, составленный тѣмъ же аббатомъ Николемъ, утвержденъ, при чемъ лицею присвоено названіе «Ришельевскаго»; въ томъ же году аббатъ Николь печатаетъ въ Парижѣ брошюру [1]), въ которой даетъ знать всему міру объ этомъ радостномъ для него и для Одессы событіи. Въ продолженіе всего года идутъ дѣятельныя приготовленія, и въ январѣ 1818 года лицей начинаетъ свою плодотворную работу.

Между лицеемъ и бывшимъ институтомъ съ гимназіей, естественно, много общаго; не только тѣ же педагогическіе принципы положены въ основу ихъ уставовъ; не только программа основныхъ классовъ осталась почти безъ измѣненія [2]), но въ зна-

[1]) «Etablissement du Lycée Richelieu à Odessa, fondé par oucase de S. M. l'Empereur de toutes les Russeis, en date du 2 Mai 1817». Paris 1817. При брошюрѣ приложенъ планъ зданія по проекту (неосуществленному) Монферрана.

[2]) Наиболѣе важныя отличія лицея отъ института: во-первыхъ, усиленіе

чительной мѣрѣ сохранилась и прежняя *бифуркація*, дѣленіе учебнаго заведенія на двѣ школы: внутреннюю, съ дорогимъ пансіономъ, и внѣшнюю. Основателямъ даже не удалось изъять лицей изъ вѣдѣнія харьковскаго учебнаго округа. Тѣмъ не менѣе, лицей представляетъ огромный шагъ впередъ и прежде всего въ количественномъ отношеніи: вмѣсто сотни съ небольшимъ учащихся мы въ немъ имѣемъ штатъ въ 120 пансіонеровъ и по крайней мѣрѣ въ 250 «постороннихъ питомцевъ», и средства заведенія были настолько хороши, что оно могло дѣйствительно наилучшимъ по времени и мѣсту способомъ учить и воспитывать такую массу молодыхъ людей [1]) Далѣе: двѣ школы — внутренняя и внѣшняя, — существенно разнились въ воспитательномъ отношеніи, но курсъ въ нихъ былъ безусловно одинъ и тотъ же, и въ старшихъ университетскихъ классахъ воспитанники той и другой не только учились вмѣстѣ, но и жили въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ. Потомъ, въ институтѣ такъ называемыя «высшія науки» существовали, какъ нѣкоторый мало-смысленный привѣсокъ; въ лицеѣ же онѣ сформированы въ два небольшіе факультета: юридическій и коммерческій, не считая особаго педагогическаго института, гдѣ способныя дѣти небогатыхъ родителей воспитывались и обучались безплатно, подготовляясь къ занятію надзирательскихъ и преподавательскихъ мѣстъ въ самомъ

отечествовѣдѣнія, черезъ введеніе особаго курса русской исторіи, и усиленіе классическаго элемента, черезъ значительное прибавленіе уроковъ древне-греческаго языка (въ институтѣ въ послѣдніе годы его существованія, по плану профессора Дегурова, древне-греческій языкъ былъ даже совсѣмъ уничтоженъ и замѣненъ ново-греческимъ).

[1]) Доходы лицея состояли изъ 1) платы пансіонеровъ; 2) аренды Ришелье; 3) штатной суммы, отпускаемой казною на бывшую гимназію (6.500 руб.); 4) суммы, ассигновавшейся городомъ на ту же гимназію (тоже 6.500 руб.); 5) процентовъ съ пожертвованій и доходовъ съ имѣній лицея; 6) двухъ съ половиною коп., взимаемыхъ съ каждой четверти отпускаемаго заграницу хлѣба. См. «Сорокалѣтіе Ришельевскаго лицея 1817—1857». Одесса, 1857. Сост. инспекторъ лицея Іосифъ Михневичъ.

Насколько хорошо былъ обставленъ лицей съ внѣшней стороны, можно судить уже по тому одному, что съ перваго же года его существованія въ немъ устроены двѣ церкви: православная и католическая. Упомянемъ также особо устроенную залу для класса рисованія со всѣми приспособленіями, въ то время почти нигдѣ въ Россіи не встрѣчавшимися. На библіотеку лицея Ришелье прислалъ изъ Парижа въ 1818 году 3.000 рублей изъ своихъ личныхъ средствъ; аббатъ Николь на нее же пожертвовалъ свое жалованье и пр.

лицеѣ; наконецъ, все то, что въ институтѣ было только намѣчено и исполнялось урывками и безпорядочно, здѣсь было оформлено, приведено въ систему и закрѣплено оффиціально, вслѣдствіе чего изъ небольшого заведенія, едва удовлетворявшаго мѣстнымъ потребностямъ, выросъ обширный, такъ сказать, воспитательно-свѣтскій пансіонъ университетъ съ университетскими правами для учениковъ и преподавателей. Туда поступали дѣти 8—9 лѣтъ (начальное училище было присоединено къ гимназическимъ и университетскимъ классамъ лицея); оттуда выходили молодые люди 18—20 лѣтъ, хорошо воспитанные и прекрасно образованные, подготовленные и къ гражданской, и къ военной службѣ, и къ широкой частной дѣятельности.

Много было оригинальнаго въ этомъ заведеніи, и почти все это оригинальное было хорошо въ свое время и для своихъ цѣлей. Во главѣ его стояло правленіе, которое состояло изъ четырехъ членовъ изъ числа родителей и воспитателей учащихся дѣтей, подъ предсѣдательствомъ военнаго губернатора; эти члены выбирались въ общемъ собраніи родителей и воспитателей ежегодно, а правленіе, съ своей стороны, выбирало директора, профессоровъ и проч. служащихъ, утверждаемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію предсѣдателя, и тому же правленію еженедѣльно отдавался отчетъ объ успѣхахъ и поведеніи учащихся. Директоръ былъ членомъ правленія съ совѣщательнымъ голосомъ [1]); ему подчинены два инспектора и двѣнадцать надзирателей [2]) «для наилуч-

---

[1]) Нужно, впрочемъ, замѣтить, что это оригинальное управленіе, въ основѣ котораго была положена та здравая мысль, что никому такъ не близки интересы учебнаго заведенія, какъ родителямъ учениковъ, на дѣлѣ привилось плохо: уже первые члены правленія были назначенные, и аббатъ Николь только черезъ 4 мѣсяца послѣ открытія лицея удосужился собрать въ первый разъ родителей; уже въ 1819 году (см. Михневичъ l. c. стр. 28) члены правленія просятъ, чтобы въ его засѣданіяхъ было разрѣшено присутствовать, кромѣ законоучителя, еще двумъ профессорамъ, и чтобы при избраніи преподавателей въ правленіе приглашались оба инспектора и профессоръ, по спеціальности котораго представляется кандидатъ. Директоръ на практикѣ оказывается самымъ вліятельнымъ членомъ правленія; позднѣе онъ становится и оффиціальнымъ его предсѣдателемъ.

[2]) Число надзирателей на практикѣ оказалось слишкомъ велико, и уже въ 1848 года самъ аббатъ Николь проситъ уменьшить его на половину, но зато прибавить надзирателямъ жалованья.

шей заботы о воспитательной сторонѣ заведенія». Лицей поставленъ подъ непосредственное наблюденіе высшаго представителя власти въ городѣ—генералъ-губернатора или градоначальника: каждое воскресенье онъ является въ лицей и, послѣ обѣдни, слушаетъ отчетъ объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ, дѣлаетъ выговоръ провинившимся и награждаетъ отличившихся [1]). Пансіонъ лицея представляетъ заведеніе строго закрытое: только разъ въ мѣсяцъ воспитанники имѣли право посѣщать свои семьи или знакомыхъ и то только до вечера; за то они находили себѣ семью въ стѣнахъ заведенія; при аббатѣ Николѣ не только директоръ, инспекторъ и надзиратели, но и большинство профессоровъ, молились въ церкви, обѣдали и ужинали вмѣстѣ съ пансіонерами, что̀ было особенно дорого при такомъ директорѣ, который былъ убѣжденъ, что излишнее стѣсненіе дѣтей есть дѣло антипедагогическое, и который, по всеобщему сознанію, обращался съ учениками, какъ отецъ съ дѣтьми

Обученіе въ обѣихъ школахъ лицея носило характеръ литературно-классическій: языки французскій, латинскій, отечественный древнегреческій, исторія занимали больше всего времени; программы были не особенно обширны, но литературныя упражненія производились очень часто. Разъ въ мѣсяцъ полагалось «литературное собраніе» въ присутствіи родителей и гостей; охотно разрѣшались ученическіе спектакли на французскомъ языкѣ, русскомъ, даже ново-греческомъ. Искусства: музыка, пѣніе, рисованіе были поставлены очень хорошо.

Обращалось большое вниманіе на физическое воспитаніе пансіонеровъ: часто устраивались прогулки за городъ; въ теплое время учениковъ возили купаться въ море; учили ихъ гимнастикѣ, фехтованію. Столъ и вообще все содержаніе были образцовые.

Удивительно ли, что лицей съ перваго же года своего существованія пріобрѣлъ хорошую славу повсемѣстно и что въ него нахлынули ученики не только изъ южной Россіи, съ Кавказа и проч., но и съ далекаго сѣвера, изъ Москвы и изъ самаго Петербурга?

---

[1]) По уставу института, большинство параграфовъ котораго, касающихся воспитанія, перенесено въ уставъ лицея, четырехъ лучшихъ учениковъ директоръ отводитъ обѣдать къ генералъ-губернатору. При графѣ Ланжеронѣ это соблюдалось почти неукоснительно, и обѣдавшіе приносили въ лицей еще массу гостинцевъ.

Въ 1818 году проживалъ нѣкоторое время въ Одессѣ, тогда еще молодой поэтъ, К. Н. Батюшковъ; онъ не разъ посѣщалъ лицей и былъ отъ него и отъ его директора въ положительномъ восхищеніи: аббата Николя считаетъ онъ удивительнымъ преподавателемъ и педагогомъ, лицей называетъ не только лучшимъ украшеніемъ Одессы, но и лучшимъ дѣломъ нашего министерства народнаго просвѣщенія; по его убѣжденію «дѣти здѣсь счастливы» [1]).

Въ томъ же 1818 году Одессу посѣтилъ Александръ I; молодой городъ, задуманный его бабкой и имъ созданный, произвелъ на него, повидимому, очень благопріятное впечатлѣніе. Онъ посѣтилъ здѣсь итальянскую оперу, назначилъ на содержаніе одесскаго театра крупную сумму изъ городскихъ доходовъ и пожертвовалъ ему коллекцію костюмовъ изъ императорскихъ театральныхъ кладовыхъ; принялъ обѣдъ отъ купечества (дворянство въ Одессѣ было слишкомъ малочисленно, чтобы угощать государя) и внимательно осматривалъ гавань, гдѣ въ то время было до 300 судовъ. Онъ былъ, конечно, и въ лицеѣ, остался имъ чрезвычайно доволенъ, ласково благодарилъ аббата Николя и наградилъ его орденомъ Анны 2-ой степени. А, между тѣмъ, дни директорства аббата Николя были уже сочтены. Уже въ концѣ 1817 года Ришелье предупреждалъ аббата, что его обвиняютъ въ прозелитизмѣ и совѣтовалъ ему быть крайне осторожнымъ. Вскорѣ послѣ открытія лицея архимандритъ Ѳеофилъ, назначенный туда законоучителемъ—дѣятельный членъ библейскаго общества и человѣкъ очень страстный [2])—подалъ попечителю Харьковскаго округа записку, въ которой жаловался на плохую постановку закона божьяго и инсинуировалъ противъ католическаго начальства лицея. Другой источникъ непріятностей для аббата Николя было подчиненіе лицея Харькову, откуда присылали иногда преподавателей, по его мнѣнію, до крайности неудовлетворительныхъ. Въ 1819 году оттуда пріѣхалъ визитаторомъ профессоръ Джунковскій, который нашелъ въ лицеѣ немало недостатковъ: оказалось, что математика и физика, въ противность уставу, преподавались по-французски; что русскій языкъ вообще былъ въ пренебреженіи; что директоръ слишкомъ мало заботится о такъ на-

---

[1]) См. Сочиненія Батюшкова т. III, Спб. 1886, стр. 529 и 827—829. Ср. Яковлева: «Аббатъ Николь» и пр., стр. 84—85.

[2]) Въ 1826 году онъ самъ былъ сосланъ на покаяніе въ Борисоглѣбскій монастырь (Ярославской губерніи).

зываемыхъ внѣшнихъ классахъ и проч. Правда, новый визитаторъ Мизко въ значительной степени смягчилъ отзывы Джунковскаго; но все же аббатъ Николь увидѣлъ опасность и поѣхалъ хлопотать въ Петербургъ; но оттуда уже не вернулся въ Одессу: въ Петербургѣ его засталъ указъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ Россіи; онъ получилъ отставку и уѣхалъ во Францію, къ крайнему сожалѣнію родителей большинства одесскихъ лицеистовъ, которые время его директорства считали золотымъ вѣкомъ лицея [1]). Дѣйствительно, значительная часть учительскаго и воспитательскаго персонала, послѣ его удаленія, или покинула лицей, или стала работать несравненно хуже.

По традиціи основателей лицея, Ришелье и Николя, укрѣпились въ немъ прочно: лицей долго остается лучшимъ учебнымъ заведеніемъ для воспитанія дворянства и интеллигентнаго—преимущественно иностраннаго—купечества. Съ другой стороны, надолго въ немъ международный французскій языкъ имѣетъ перевѣсъ надъ отечественнымъ, что, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствовало нравамъ Одессы и что, по духу времени, скорѣй нравилось родителямъ лицеистовъ, чѣмъ пугало ихъ.

Въ это время умственная и даже научная жизнь Одессы уже давно не ограничивается одними учебными заведеніями; въ это время здѣсь уже дѣйствуютъ мѣстные, серьезно подготовленные, археологи изъ бывшихъ сотрудниковъ Ришелье: очень образованный французъ Бларамберъ (на русской службѣ съ 1796 года, въ Одессѣ съ 1806 года), который уже съ 1812 года усердно работаетъ надъ медалями и монетами, и Стемпковскій, сперва адъютантъ герцога, потомъ достаточный частный человѣкъ, а впослѣдствіи градоначальникъ Керчи; они входятъ въ сношенія съ другими знатоками южныхъ древностей, Никовуломъ, Дебрюксомъ и Келлеромъ, и собираютъ памятники для будущаго одесскаго музея; ихъ побуждаетъ къ работѣ, между прочимъ, то обстоятельство, что здѣсь въ почвѣ самого города находятъ остатки классической древности. Съ другой

---

[1]) Что аббатъ Николь былъ личностью выдающеюся, видно и изъ его дальнѣйшей судьбы во Франціи. По пріѣздѣ туда, онъ былъ пожалованъ орденомъ почетнаго легіона и занималъ цѣлый рядъ видныхъ должностей; между прочимъ, ему было предложено принять на себя воспитаніе принца Бордосскаго, а позднѣе и епископская каѳедра, но отъ послѣдней онъ отказался по слабости здоровья. Умеръ онъ въ 1835 году.

стороны, здѣсь естественныя богатства края, въ родѣ соляныхъ озеръ, требуютъ научныхъ силъ для лучшей своей эксплуатаціи и, благодаря энергіи образованныхъ администраторовъ, въ изобиліи находятъ ихъ. Здѣсь рано заводятся иностранныя книжныя лавки, въ которыхъ, впрочемъ, на первое время, кромѣ пищи духовной, продаются сыры, вино и проч. [1]). Здѣсь еще въ 1813 году возникла типографія, которую въ 1814 году вдова основателя (колл. сов. Россетъ) продала городу.

Одесситы не могли долго обходиться безъ своей собственной литературы; уже въ 1810 году французъ Сикаръ составилъ книжку «Lettres sur Odessa», которую и напечаталъ въ Петербургѣ въ 1812 году. Черезъ 8 лѣтъ Одесса уже имѣетъ свою газету, опять таки французскую: «Messager de la Russie méridionale ou feuille commerciale». На исторіи этой газеты всего яснѣе видно, что преобладаніе французскаго языка въ Одессѣ вовсе не было результатомъ моды, а дѣломъ необходимости. Газету учредилъ нѣкій Jean Devallon, который, выпуская ее полулистами 2 раза въ недѣлю и не имѣя права заниматься политикой, къ дѣловымъ торговымъ свѣдѣніямъ прибавлялъ очень мило написанные фельетоны о театрѣ, о празднованіи Пасхи въ Одессѣ и проч.; онъ взималъ съ подписчиковъ довольно высокую плату—45 руб. за годъ или 25 руб. за полугодіе. Успѣхъ газеты и численное преобладаніе русскихъ купцовъ дали въ 1821 году редакціи идею одновременно съ французскимъ изданіемъ выпускать и русское; но дѣло не пошло на ладъ: набралось всего 7 подписчиковъ. Въ слѣдующемъ году возобновили попытку, но даже полицеймейстеръ (sic) могъ набрать всего 5 подписчиковъ: русскіе купцы говорили ему, что они въ газетѣ не нуждаются, что черезъ факторовъ-евреевъ они могутъ такъ же хорошо получать нужныя имъ свѣдѣнія о торговлѣ!

А французская газета преуспѣвала, и въ томъ же 1822 году рядомъ съ нею появляется спеціально-музыкальный ежемѣсячный журналъ: «Troubadour d'Odessa». Одесситы того времени оказываются большими любителями музыки, очевидно, благодаря прекрасной итальянской оперѣ, въ которой въ это время былъ очень хорошій оркестръ въ 24 человѣка, 3 примадонны, 2 тенора, 4 буффа

[1]) Русскія книги также продавались не въ спеціальныхъ магазинахъ, а вмѣстѣ съ хомутами, чаемъ, бумагой и проч. См. А. А. Скальковскій: „Шестидесятилѣтіе“ и проч.

и проч.; больше всего тогда любили комическія оперы, особенно «Севильскаго цирульника», который всегда собиралъ массу публики. Театръ въ это время уже былъ перестроенъ сардинскимъ архитекторомъ Боффо, и, при небольшихъ сравнительно размѣрахъ, по красотѣ и удобству былъ однимъ изъ лучшихъ зданій въ Россіи. Кромѣ театра, для развлеченія одесситовъ служили сборища, называемыя итальянскимъ словомъ «Conversazioni», на которыхъ были въ большомъ ходу всевозможныя jeux d'esprit по-французски и по-итальянски. Итальянскій языкъ въ то время въ Одессѣ былъ такъ же распространенъ въ торговомъ классѣ, какъ французскій въ высшемъ обществѣ: счеты, векселя и всякіе договоры писались обыкновенно по-итальянски.

Въ молодомъ пограничномъ городѣ энергичные и трудолюбивые люди зарабатывали хорошія деньги и имѣли возможность жить весело; съ другой стороны, мѣстное начальство, желая увеличить его населеніе, не могло быть особенно разборчиво относительно пріема новыхъ гражданъ: само правительство еще со временъ Екатерины дало городу многія льготы и привилегіи. Вслѣдствіе этого во всѣхъ классахъ одесскаго общества было много умныхъ и способныхъ, но, какъ говорится, «опасныхъ людей» [1]), что придавало всей одесской жизни особый колоритъ, не лишенный своего рода прелести, но сопряженный съ значительными неудобствами для гражданъ мирныхъ и спокойныхъ и требующій большой зоркости со стороны администраціи. Особенно хорошо жилось въ Одессѣ простому народу, который попадалъ сюда на вольную жизнь и обильный заработокъ изъ крѣпостной Россіи. При хорошемъ урожаѣ и свободномъ отпускѣ хлѣба заграницу этотъ заработокъ былъ такъ великъ, что всѣ слуги—даже кормилицы—бросали своихъ господъ, и чиновники средней руки получали гораздо меньше простого носильщика. У многихъ эти скоро зарабатываемыя деньги уходили на прогулъ; но люди умные и съ характеромъ часто записывались въ купцы, а дѣти ихъ, если получали образованіе, шли и далѣе.

---

[1]) Должно замѣтить, что хотя въ Одессѣ дворянскій элементъ и не былъ силенъ, дуэли въ Ботаническомъ саду (часто съ роковымъ исходомъ) были явленіемъ довольно обычнымъ.

Съ другой стороны, насколько легко было въ Одессѣ составлять состоянія, видно изъ того, что предки многихъ крупныхъ землевладѣльцевъ Херсонской губерніи пріѣхали въ Одессу простыми приказчиками.

Въ 1822 году одесская интеллигенція значительно увеличилась вслѣдствіе политическихъ причинъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нашъ городъ сталъ такимъ пунктомъ, на который устремились глаза всей православной и патріотической Россіи: между 10 марта и 18 іюня сюда наѣхала масса греческихъ семействъ изъ Турціи; между ними было немало людей состоятельныхъ и образованныхъ. Съ самаго основанія Одессы греки здѣсь считались сотнями [1]); съ 1803 года здѣсь былъ особый одесскій греческій полкъ; въ 1812 году «греческое сословіе» подписало на нужды государства почти вчетверо болѣе, нежели мѣстное дворянство; греки часто занимали важнѣйшія должности въ городѣ. Въ 1814 году Николай Скуфасъ изъ Арты основалъ знаменитую гетерію, которая въ греческихъ областяхъ Турціи тайно подготовляла возстаніе, а въ Одессѣ собирала деньги на греческое училище; это училище было уже вполнѣ благоустроено и обильно учениками въ 1817 году, и въ 1818 году удостоилось посѣщенія государя; въ 1819 году оно начинаетъ довольно длинный рядъ своихъ изданій [2]). При самомъ началѣ возстанія утѣсняемые греки смотрятъ на Одессу, какъ на лучшее убѣжище; шкиперъ Николай Попандопуло-Склаво привезъ сюда на своемъ бригѣ тѣло казненнаго и брошеннаго въ море патріарха Григорія. Указомъ отъ 22 февраля 1821 года императоръ Александръ велѣлъ похоронить его въ одесской греческой церкви съ надлежащими почестями и тогда же назначилъ на пособіе эмигрантамъ 150.000 руб. единовременно и 13.000 рублей ежемѣсячно изъ доходовъ одесской таможни; 10 мальчиковъ грековъ и 16 дѣвицъ были приняты въ лицей и институтъ на счетъ «вспомогательной коммиссіи»; другіе поступали туда за плату, и съ этихъ поръ, до середины тридцатыхъ годовъ и даже далѣе, одесскій лицей въ глазахъ многихъ состоятельныхъ греческихъ семействъ былъ единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, куда желательно было поступленіе сыновей ихъ.

Съ 1823 года начинается новый—русскій періодъ въ исторіи умственной жизни Одессы: лѣтомъ этого года пріѣхали сюда на

---

[1]) См. между прочимъ: Πρωτη πεντηκονοετηρις τῆς ἐν Ὀδησσω Ἑλληνεμπορικῆς Σχολῆς. 1817—1867. Одесса. 1872; Gervinus, «Insurrection et régénération de la Grèce» v. I. Paris. 1863 и друг.

[2]) Первыя книжки для Одесскаго греческаго училища печатаются, впрочемъ, внѣ Одессы—преимущественно въ Москвѣ.

службу новый генералъ-губернаторъ графъ М. С. Воронцовъ и прикомандированный къ канцеляріи генералъ-губернатора колл. секр. А. С. Пушкинъ.

Графъ Воронцовъ, несмотря на свою англоманію, типичный русскій вельможа, привезъ съ собою цѣлый штатъ молодыхъ чиновниковъ изъ хорошихъ дворянскихъ фамилій—и тѣмъ сразу значительно усилилъ русскій элементъ въ высшемъ одесскомъ обществѣ. Далѣе, онъ сейчасъ же устроилъ у себя пріемы, а когда въ 1828 году былъ отдѣланъ новый его домъ, онъ началъ задавать большіе обѣды и танцовальные вечера, на которые собиралась чуть ли не вся одесская интеллигенція; вслѣдстіе этого, жизнь одесская, до тѣхъ поръ сильно напоминавшая жизнь итальянскихъ городовъ, гдѣ мужчины проводятъ время въ café или casino, а дамы изрѣдка въ театрѣ, обыкновенно же въ четырехъ стѣнахъ своего дома,—радикально измѣнила свой характеръ, тѣмъ болѣе, что графу Воронцову стали подражать другіе одесскіе богачи; скоро явились небывалыя общественныя развлеченія, въ родѣ любительскихъ спектаклей, и стало замѣтно стремленіе работать на пользу города и края. Графъ Воронцовъ умѣло и энергично пользовался этимъ и открывалъ одно «общество» за другимъ. Наконецъ, имѣя огромный авторитетъ въ Петербургѣ и любя Одессу, какъ главный пунктъ ввѣреннаго ему края, онъ не только ревниво оберегалъ ея полную самостоятельность, но и съ успѣхомъ стремился сдѣлать ее, такъ сказать, столицей всей Новороссіи и царицей Чернаго моря.

Уже съ 1823 года одесскій лицей изъятъ изъ вѣдѣнія харьковскаго учебнаго округа, а съ 1830 года ему подчинены всѣ училища въ Одессѣ; вскорѣ въ Одессу назначенъ особый попечитель округа и въ его вѣдѣніе отданы Бессарабія, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губерніи. Въ 1837 году въ Одессѣ учреждена епископская каѳедра, что значительно подняло религіозное просвѣщеніе и нравственность среди простонародья Одессы и ея окрестностей [1]).

---

[1]) По свидѣтельствамъ старожиловъ, въ 1820 году всѣ одесскія церкви, за исключеніемъ старообрядческой — Успенской, были пусты даже и по воскресеньямъ. Димитрій, архіепископъ Кишиневскій, къ епархіи котораго была приписана Одесса, говорилъ А. А. Скальковскому, что по его расчету около $^1/_3$ семейныхъ союзовъ не освящено бракомъ. Это происходило, между прочимъ, оттого, что въ Одессѣ было множество бѣглыхъ, которые записывались

Съ 1828 года въ Одессѣ, при энергичномъ содѣйствіи графа Воронцова, учреждается пароходное сообщеніе, которое въ огромной степени усиливаетъ ея торговое и административное значеніе и придаетъ ея общественной жизни новое оживленіе; оно, между прочимъ, тѣснѣйшимъ образомъ соединяетъ Одессу съ Крымомъ, этимъ «драгоцѣннымъ алмазомъ въ коронѣ русской Имперіи».

Коллежскій секретарь Пушкинъ былъ въ то же время и величайшій русскій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ; но тогда объ этомъ мало кто зналъ и въ «Россіи», не говоря уже о коммерческой, полуиностранной Одессѣ; поэтому не удивительно, что одесситы не обратили вниманія на его пріѣздъ и что его годичное пребываніе не произвело на умственную жизнь послѣдней непосредственнаго и немедленнаго вліянія. Но за то въ жизни самого Пушкина это былъ одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ годовъ. Въ Одессѣ Пушкинъ временами скучалъ порядочно и не пріобрѣлъ близкихъ друзей; но занятая и пестрая толпа ея общества доставила ему рядъ интересныхъ и неотяготительныхъ знакомствъ, отъ которыхъ легко было уединиться и заняться своимъ дѣломъ. Пушкинъ воспользовался этимъ отсутствіемъ провинціализма въ Одессѣ и работалъ здѣсь больше, чѣмъ когда-нибудь до сихъ поръ. Здѣсь пристрастился онъ къ пріобрѣтенію книгъ и положилъ начало своей—впослѣдствіи огромной—библіотекѣ; здѣсь онъ столько перечиталъ по русской литературѣ, что задумалъ написать рядъ статей о значеніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Здѣсь онъ доучился по-англійски, выучился по-итальянски, учился, кажется, и по-испански. Здѣсь онъ окончилъ «Бахчисарайскій фонтанъ», «Братьевъ-разбойниковъ»; здѣсь написалъ онъ «Цыганъ» и рядъ лирическихъ пьесъ, указывающихъ на полную зрѣлость его таланта; здѣсь же онъ дописалъ первую половину своей великой эпопеи «Евгеній Онѣгинъ». «Одесскій годъ» оказалъ сильное вліяніе и на нравственный міръ Пушкина: въ практичной, меркантильной, но зато трудовой, европейски-цивилизованной и свободной отъ дворянскихъ предразсудковъ Одессѣ Пушкинъ пришелъ къ убѣжденію, что брать деньги за свои произведенія, жить литературнымъ трудомъ, не только не позорно, но почетно; здѣсь пробу-

---

здѣсь по паспортамъ подложнымъ или жили подъ именами умершихъ одесскихъ мѣщанъ.

дилась и окрѣпла въ немъ честная гордость труженика, зарабатывающаго себѣ хлѣбъ и съ негодованіемъ отклоняющаго отъ себя покровительство вельможъ и богачей [1]).

Вліяніе Пушкина на умственную жизнь Одессы было несомнѣнно и очень сильно, но оно отразилось не столько на томъ поколѣніи, среди котораго жилъ онъ, сколько на слѣдующемъ, младшемъ: когда черезъ нѣсколько лѣтъ первенствующее значеніе Пушкина было признано всей образованной Россіей, одесситы стали усиленно интересоваться своимъ недавнимъ полуневольнымъ гостемъ, разспрашивали о немъ его пріятелей и знакомыхъ и не безъ гордости показывали своимъ дѣтямъ домъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, а подростки, дѣти ихъ, уже и помимо того плѣненные чуднымъ стихомъ, искреннимъ чувствомъ и увлекательными идеалами поэта, считали себя какъ бы нравственно обязанными поддерживать въ Одессѣ «пушкинскія традиціи».

Передъ нами лежатъ толстыя, изящно переписанныя, тетради лицейскаго журнала «Ареопагъ» [2]) за 1828 — 1829 годы, любезно доставленныя въ одесскую публичную библіотеку сыномъ одного изъ старыхъ лицеистовъ и наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ. Въ «Ареопагѣ» много статей переводныхъ и компилятивныхъ, много стихотвореній, списанныхъ изъ печатныхъ альманаховъ, но немало и оригинальныхъ критическихъ статей и масса собственныхъ — часто очень недурныхъ стихотвореній; есть и романы, и драмы. Видно, что лицеисты съ интересомъ слѣдятъ за борьбой классицизма съ романтизмомъ и что сами они всецѣло на сторонѣ послѣдняго; они понимаютъ новую поэзію вовсе не узко и не односторонне, хотя и преклоняются съ благоговѣніемъ передъ его главою и ея западными образцами: Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Томасъ Муръ, Гофманъ, Соути серьезно интересуютъ ихъ; изъ русскихъ на первомъ планѣ Жуковскій, Баратынскій, а въ особенности Пушкинъ; они понимаютъ его настолько хорошо, что одна напечатанная сцена изъ «Бориса Годунова» даетъ возможность юному одесскому

[1]) См. профессора В. А. Яковлева „Значеніе нашего края въ жизни и дѣятельности А. С. Пушкина“. Одесса. 1887. См. его же „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“. Одесса. 1887.

[2]) Полное заглавіе: „Ареопагъ, журналъ литературы, критики, наукъ и художествъ, издаваемый отъ пятаго класса“. Одесса. 1828 (продолженіе 1829 года). При немъ тонкая in-4° тетрадь „Дополненій къ Ареопагу“, нѣчто въ родѣ рукописной газеты.

критику догадаться о величіи цѣлаго. «Горе отъ ума», въ то время еще не разрѣшенное къ печати, постоянно цитируется, конечно, безъ указанія источника. Любопытно уваженіе лицейскихъ литераторовъ къ народной русской поэзіи: стихотворцы часто подражаютъ народнымъ пѣснямъ, прозаики описываютъ народныя увеселенія, обряды, собираютъ преданія. Характерную мѣстную черту, впрочемъ, вполнѣ совпадающую съ «пушкинскими традиціями», представляетъ особый интересъ къ недавно закончившемуся греческому возстанію, къ новогреческимъ народнымъ пѣснямъ и проч. Есть и оригинальныя греческія стихотворенія, переводы на греческій языкъ и довольно компетентная критика послѣднихъ.

Въ общемъ «Ареопагъ» свидѣтельствуетъ какъ о томъ, что лицеисты хорошо знали иностранные языки, такъ и о томъ, что въ это время въ Одессѣ національно-русскій элементъ побѣждаетъ «иноязычіе» и что послѣднее только способствуетъ бо́льшей сознательности перваго. То же самое проявляется и въ одесской печатной литературѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Еще въ 1824 году графъ Воронцовъ исходатайствовалъ для мѣстной газеты разрѣшеніе помѣщать въ ней политическія извѣстія и метеорологическія наблюденія, при чемъ «Messager» былъ переименованъ въ «Journal d'Odessa ou Courrier de la Nouvelle Russie»; но газета шла плохо, и въ 1825 году имѣла всего 37 подписчиковъ. Тогда графъ Воронцовъ поручилъ двумъ своимъ чиновникамъ составить болѣе широкій планъ мѣстнаго органа, по которому онъ и началъ выходить, подъ цензурой начальника края, съ 1828 года на двухъ языкахъ и подъ двумя заглавіями: «Journal d'Odessa» и «Одесскій Вѣстникъ» [1]). Торговля и здѣсь стояла на первомъ планѣ, но рядомъ съ нею были поставлены и сельско-хозяйственные и даже научные интересы, преимущественно по статистикѣ, географіи, исторіи и археологіи края. Статьи этого отдѣла составлялись приближенными генералъ-губернатора и часто были

[1]) До тѣхъ поръ въ одесской типографіи не было даже русскаго шрифта въ достаточномъ количествѣ, и редакціи пришлось выписать его изъ Петербурга отъ Плюшара; оттуда же былъ приглашенъ и опытный типографъ П. Ф. Францовъ, основатель самой старой изъ существующихъ нынѣ одесскихъ типографій. См. „Печать въ Новороссіи“ (В. А. Яковлева) въ журналѣ „Югъ“ 1882 года, № 1. См. „Записки Одесскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества“ 1889 года, ноябрь—декабрь; Ф. Р—й: „О положеніи типографскаго дѣла въ Одессѣ“.

настолько интересны, что производили сенсацію въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Турецкая война 1828 года подняла значеніе двухъязычной одесской газеты до такой высокой степени, до какой у насъ ни прежде, ни послѣ не доходилъ никакой провинціальный органъ: пользуясь близостью театра войны и пребываніемъ императорской фамиліи въ Одессѣ, графъ Воронцовъ выхлопоталъ позволеніе помѣщать прежде всего въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», хотя бы въ извлеченіи, всѣ извѣстія изъ арміи. «Бывало танцуешь у графа на балу», разсказываетъ одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ, «вдругъ курьеръ изъ арміи; редакторъ [1]) отзываетъ въ сторону и проситъ составить «извѣстіе»; тутъ же, въ уголку, набросаешь его по-французски или по-русски, смотря по надобности, черезъ часъ, въ антрактѣ между танцами, поправишь корректуру и готово; утромъ оно ѣдетъ на почтовыхъ и въ Москву и за-границу».

Къ концу 1828 года число подписчиковъ «Одесскаго Вѣстника» достигло 2000, и такъ какъ сотрудники не получали гонорара, то въ слѣдующемъ году образовалось экономіи около 35.000 рублей; къ великому удовольствію графа Воронцова, редакторъ и сотрудники рѣшили пожертвовать изъ нихъ 15.000 руб. на одесскую городскую библіотеку, 10.000 руб.—на улучшеніе типографіи, а остальныя деньги употреблять на изданіе полезныхъ книгъ.

Съ 1831 года русскій текстъ «Одесскаго Вѣстника» совершенно отдѣляется отъ французскаго, вслѣдствіе чего объемъ его значительно увеличивается; а съ 1832 года при немъ выходятъ литературныя прибавленія.

Въ 1831 году П. Морозовъ и П. Розбергъ [2]) издали «Одесскій Альманахъ на 1831 годъ», въ которомъ, правда, было немало статей столичныхъ литераторовъ (Ѳ. Глинки, А. П. Зонтагъ, А. С. Норова, И. П. Вронченко), но еще больше трудовъ писателей мѣстныхъ; въ двухъ статьяхъ одного изъ редакторовъ, П. Морозова:—«Исто-

---

[1]) Сперва редакторами были составители плана изданія: Левшинъ (впослѣдствіи одесскій градоначальникъ, умеръ въ 1870 году) для русской части и баронъ Бруновъ — для французской; позднѣе Левшинъ редактировалъ обѣ половины газеты,

[2]) Съ 1832 года по 1834 годъ П. Розбергъ (воспитанникъ Московскаго университета, преподаватель словесности въ лицеѣ) былъ редакторомъ „Одесскаго Вѣстника“; съ 1834 года во главѣ редакціоннаго комитета газеты сталъ А. Г. Тройницкій, очень много для нея сдѣлавшій.

рическій взглядъ на Одессу» и «Одесса въ 1830 году»—одесское общество находитъ подведеніе итоговъ своей довольно отрадной дѣйствительности [1]).

Въ 1833 году побѣда русскаго элемента надъ иноязычіемъ въ высшемъ одесскомъ обществѣ наглядно выразилась въ необыкновенномъ успѣхѣ русскихъ любительскихъ спектаклей, устроенныхъ, конечно, не безъ участія начальника края, съ благотворительной цѣлью (это былъ голодный годъ въ Одессѣ): за 18 представленій собрали около 30.000 рублей! Такъ какъ не находили въ достаточномъ количествѣ подходящихъ пьесъ на русскомъ языкѣ, то любители-литераторы наскоро переводили ихъ съ французскаго. Но въ Одессѣ все же оставалось много гражданъ и гражданокъ, затруднявшихся читать по-русски. Когда въ 1834 году задумали издать съ благотворительной же цѣлью новый одесскій альманахъ, подъ заглавіемъ «Подарокъ бѣднымъ», къ нему присоединили въ видѣ второй части альманахъ французскій, подъ заглавіемъ: «La Quêteuse, Almanach littéraire», и такъ тѣсны были связи съ западной Европой, что одесситы отыскали для альманаха неизданное стихотвореніе Ламартина (Epitre à l'Empereur Alexandre) и неизданную повѣсть когда-то знаменитой баронессы Крюденеръ [2]).

---

[1]) По словамъ Морозова, въ Одессѣ въ это время было уже 41.700 жителей и только $^1/_6$ часть евреевъ; каменныхъ домовъ было 4198, т. е. больше, чѣмъ въ Москвѣ. Четыре одесскихъ книгопродавца: Клочковъ, Соронъ, Рубо и Міевиль выручаютъ 40.000 рублей чистой прибыли и т. д.

Въ этомъ же Альманахѣ любопытна попытка И А. Стемпковскаго (см. скиоскій разсказъ: „Радансъ и Индаръ") облечь археологію въ беллетристическую форму.

[2]) Повѣсть называется „Alexis, nouvelle russe" (стр. 42—83); это—идеализація быта ярославскихъ крестьянъ, изъ отхожихъ промысловъ и ихъ семейной жизни; особеннымъ сочувствіемъ автора пользуются les Raskolniks; по его убѣжденію, крѣпостное право вовсе не тяготитъ нашихъ мужиковъ. Герой Алексѣй служитъ солдатомъ въ полку русскаго графа — разсказчика. Отпущенный на побывку къ женѣ на честное слово и будучи не въ силахъ снова покинуть свою семью, онъ возвращается въ полкъ, чтобъ не подвергнуть отвѣтственности добраго командира, потомъ дезертируетъ и попадается. Случайно узнавъ его исторію, графъ устраиваетъ его счастіе посредствомъ спектакля въ театрѣ! Повѣсть написана живо, но неровно; виденъ недюжинный, но раскидывающійся и склонный къ преувеличеніямъ умъ.

Мѣстные авторы «La Quêteuse» — Стурдза, H. Sévérine, née Stourdza, А. Шапеллонъ и проч.

Чтобы покончить съ одесскими альманахами, упомянемъ объ изданныхъ въ 1839 и 1840 годахъ, подъ редакціею Княжевича и Григорьева; они напечатаны несравненно изящнѣй и гораздо богаче матеріаломъ. Въ нихъ появляются произведенія выдающіяся, впослѣдствіи не одинъ разъ перепечатанныя въ столицахъ; таковы: стихотворенія В. Г. Бенедиктова [1]), переводы А. С. Струговщикова изъ Фауста, два стихотворенія М. Ю. Лермонтова («Узникъ» и «Ангелъ») и друг. Въ нихъ встрѣчаются статьи и стихотворенія А. Ѳ. Вельтмана, П. И. Надеждина, А. В. Никитенко, К. С. Аксакева, князя П. А. Вяземскаго, Н. И. Лажечникова, Е. П. Гребенка, Ѳ. Н. Губера, Н. И. Греча и проч. Въ «Альманахѣ на 1839 годъ» напечатана статья К. П. Зеленскаго «Жизнь въ Одессѣ», исполненная тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній о духовной культурѣ одесскаго общества. Здѣсь, по словамъ автора, преобладаетъ «чувство какой-то легкости, какъ бы торжества душевнаго» (стр. 173), что̀ происходитъ, какъ онъ думаетъ, отъ отсутствія столичной сутолоки (но въ другихъ провинціальныхъ городахъ нашихъ въ то время отсутствіе сутолоки имѣло слѣдствіемъ отсутствіе всякой жизни). Одесситы много работаютъ, и человѣкъ безъ дѣла чувствуетъ себя среди нихъ неловко (стр. 174). Въ Одессѣ вовсе не ощущается различія ранговъ, столь сильное въ другихъ русскихъ городахъ (стр. 175). Преобладающее занятіе жителей—торговля, но купцовъ почти нѣтъ: «мѣсто купцовъ занимаютъ здѣсь негоціанты, люди ловкіе, свѣтскіе, со всѣми наружными признаками образованности» (стр. 179). Въ Одессѣ, по многимъ причинамъ, нѣтъ единства и единообразія въ обществѣ—она живетъ маленькими кружками по три-четыре дома; но въ экстренныхъ случаяхъ,—напримѣръ, при проѣздѣ царской фамиліи, вся состоятельная и интеллигентная Одесса дѣйствуетъ какъ одинъ человѣкъ, и умѣетъ блеснуть и роскошью, и патріотиз-

---

[1]) Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ родился въ 1807 году въ Петербургѣ, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ гвардіи, въ 1831 году участвовалъ въ подавленіи польскаго мятежа, потомъ поступилъ на службу въ министерство финансовъ, вышелъ въ отставку въ 1860 году, умеръ въ 1873 году; первая книжечка его стихотвореній вышла въ 1835 году и удостоилась похвалы Жуковскаго; но Бѣлинскій въ „Телескопѣ“ отозвался о ней холодно; полное собраніе вышло въ 1856 году въ трехъ томахъ; новое съ статьею Полевого въ 1884 году. Какъ видно по подписи, въ 1840 году Бенедиктовъ жилъ въ Одессѣ.

момъ. Говоря объ одесскихъ увеселеніяхъ, Зеленецкій замѣчаетъ, что итальянская опера здѣсь подавляетъ національный театръ: русская труппа здѣсь бываетъ только наѣздомъ и не собираетъ большой публики; но виноваты въ этомъ не одни одесситы: когда пріѣзжалъ сюда московскій актеръ Щепкинъ съ семействомъ, театръ былъ переполненъ зрителями. Эти наблюденія тѣмъ любопытнѣе, что большинство ихъ остается вѣрнымъ и теперь, черезъ 55 лѣтъ.

Вообще время генералъ-губернаторства графа Воронцова было, можно сказать, золотымъ вѣкомъ одесской изящной словесности: здѣсь творчествуетъ цѣлый рядъ поэтовъ пушкинской школы; въ концѣ двадцатыхъ годовъ В. И. Туманскій, В. Г. Тепляковъ и другіе [1]), а въ концѣ тридцатыхъ годовъ Н. П. Протопоповъ, переводившій Грильпарцера и удостоившійся горячихъ похвалъ Бѣлинскаго (т. IV, стр. 70) за свои переводы новогреческихъ пѣсенъ, извѣстный Деларю и послѣдній изъ «стаи славныхъ» — Подолинскій [2]). Изъ одесскихъ прозаиковъ этой эпохи самый выдающійся и оригинальный А. С. Студза (1791—1854), вліятельный въ свое время дипломатъ, потомъ историкъ и мыслитель; хотя онъ писалъ обыкновенно по-французски, но былъ очень крупнымъ дѣятелемъ въ исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія. Надо, впрочемъ, за-

---

[1]) Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ поэтовъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, родился въ 1804 году въ Твери, воспитывался въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, служилъ до 1824 года въ гусарахъ; по дѣлу 14 декабря попалъ въ Петропавловскую крѣпость; былъ сосланъ подъ надзоръ полиціи въ Херсонъ, а въ 1827 году былъ опредѣленъ въ штатъ чиновниковъ графа Воронцова, при которомъ числился до 1835 года. Онъ много путешествовалъ по Россіи и по Востоку и чрезвычайно красиво и интересно описывалъ видѣнное. Первый сборникъ его стихотвореній вышелъ въ 1832 году, второй въ 1836 году. Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ его „Ѳракійскихъ элегій"; также высоко цѣнилъ его талантъ и Жуковскій. Онъ умеръ въ Парижѣ въ 1842 году. О немъ см. статью Ѳ. А. Бычкова въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1887 года, іюль (стр. 5—23).

[2]) Андрей Ивановичъ Подолинскій родился 1 іюля 1806 года, воспитывался въ Петербургѣ, умеръ въ Кіевѣ 7 января 1886 года, началъ печатать свои стихотворенія съ 1827 года, съ 1831 года поселился въ Одессѣ, былъ впослѣдствіи довольно близокъ съ Я. П. Полонскимъ; въ концѣ пятидесятыхъ годовъ оставилъ службу и поселился въ своемъ имѣніи въ Кіевской губерніи. См. въ „Русской Старинѣ" 1885 года № 1, 46 неизданныхъ стихотвореній Подолинскаго. См. ст. о немъ С. Кіевскаго: «Послѣдній изъ пушкинской плеяды» въ „Русскомъ Вѣстникѣ» 1886 года, январь.

мѣтить, что одесситы, по складу своей жизни, всегда чувствовали больше наклонности къ фактамъ, нежели къ умозрѣнію, и даже и въ тотъ философскій вѣкъ археологія здѣсь процвѣтала больше, чѣмъ философія, чему вполнѣ сочувствовалъ и графъ Воронцовъ.

Изъ дѣловой одесской литературы воронцовскаго періода слѣдуетъ отмѣтить правильное появленіе календаря. Первыя попытки были сдѣланы еще въ 1821 и 1822 годахъ, конечно, на двухъ языкахъ и въ очень небольшомъ объемѣ (всего въ два печатныхъ листа); черезъ 10 лѣтъ Морозовъ издалъ такой же двухъязычный календарь, но уже значительно бо́льшаго объема. Противъ всѣхъ этихъ попытокъ возставала Академія Наукъ, имѣвшая привилегію на изданіе календарей. Графъ Воронцовъ вступился за права своей Одессы, и въ 1834 году, съ помощію попечителя округа Д. М. Княжевича, отстоялъ ихъ. Съ 1835 года «Новороссійскій календарь» выходитъ уже на одномъ русскомъ языкѣ и продолжается непрерывно почти сорокъ лѣтъ (съ 1839 года по 1865 годъ онъ издается лицеемъ, съ 1865 года—канцеляріей генералъ-губернатора); онъ все болѣе и болѣе увеличивается въ объемѣ и расходится въ большомъ количествѣ экземпляровъ по всей южной Россіи [1]).

При графѣ Воронцовѣ высшее учебное заведеніе Одессы подверглось существеннымъ реформамъ, которыя значительно приблизили его къ типу русскаго университета и въ недалекомъ будущемъ слѣлали возможнымъ открытіе университета Новороссійскаго. Эти реформы зависѣли, конечно, отъ воли начальства; но имъ шло на встрѣчу одесское общество и самъ лицей. Мы видѣли, что основатели лицея имѣли въ виду, главнымъ образомъ, закрытое учебное заведеніе въ родѣ французскихъ, а «внѣшніе классы» прибавили по нуждѣ и требованію русскаго учебнаго начальства. Въ первые годы число пансіонеровъ (110 человѣкъ въ 1818 году, 127—въ 1819 году) даже превышаетъ число приходящихъ учениковъ (107 въ 1818 году,

---

[1]) Списокъ другихъ книгъ, изданныхъ при участіи князя Воронцова, см. въ брошюрѣ: „Очеркъ заслугъ, сдѣланныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ М. С. Воронцовымъ". Одесса, 1860.

Помимо этого, считаемъ нужнымъ указать на массу новогреческихъ книгъ, изданныхъ за это время въ Одессѣ въ такъ называемой греческой типографіи (см. заглавія многихъ изъ нихъ въ каталогѣ городской публичной библіотеки), и на многочисленныя либретто итальянскихъ оперъ и мелодрамъ, печатавшихся въ «Stamperia della Citta» и расходившихся иногда и въ столицахъ.

125 въ 1819 году); но затѣмъ число пансіонеровъ все падаетъ и падаетъ (къ 1837 году до 38), а число приходящихъ все возрастаетъ (до 288). Очевидно, само общество требуетъ заведенія другого типа.

Далѣе: съ наступленіемъ національнаго періода внутренней жизни Одессы профессора русскаго происхожденія и образованія начинаютъ играть болѣе видную роль въ обществѣ, и требованія къ нимъ естественно повышаются; а такъ какъ одному и тому же человѣку нѣтъ возможности и слѣдить за наукой, и нести на себѣ какія-либо непреподавательскія обязанности, и въ то же время давать массу уроковъ въ среднихъ классахъ, то преподаватели лицея начинаютъ разбиваться на двѣ группы: гимназическихъ и лицейскихъ; съ другой стороны, и сами ученики «лицейскихъ классовъ» (къ тому же получившіе съ 1832 года право носить шпаги) все рѣзче и рѣзче отличаются отъ своихъ младшихъ товарищей; наконецъ и начальству слишкомъ трудно одинаково слѣдить за двумя заведеніями—среднимъ и высшимъ, и почти невозможно не обратить преимущественнаго вниманія на одно изъ нихъ. Итакъ, само дѣло требовало отдѣленія гимназіи отъ лицея, которое и совершилось въ 1837 году. Съ этихъ поръ бюджетъ и штаты лицея поставлены на совершенно новыхъ основаніяхъ [1]). Во главѣ заведенія по учебной части находится совѣтъ изъ директора и профессоровъ, по хозяйственной—правленіе (директоръ; инспекторы и совѣтникъ изъ профессоровъ). Введены цѣлые новые отдѣлы наукъ: открыто физико-математическое отдѣленіе; на отдѣленіи юридическомъ открыта каѳедра судебной медицины; основанъ институтъ восточныхъ язы-

---

[1]) Бюджетъ лицея съ 1837 года:

Изъ государственнаго казначейства на жалованье служащимъ	26.792	руб.
Профессору сельскаго хозяйства	840	»
Ему же на учебныя пособія	85	»
Лектору французскаго языка	336	»
На содержаніе 7 воспитаник. изъ дѣтей служащ.	1.750	»
На пансіонеровъ Его Величества	1.000	»
На институтъ восточныхъ языковъ	1.457	»
Всего отъ казны	32.262	руб.
Изъ другихъ источниковъ	8.118	»
Итого	40.380	руб.

ковъ [1]); введено преподаваніе сельскаго хозяйства и проч. Черезъ четыре года открыто камеральное отдѣленіе—первое по времени въ Россіи [2]), вслѣдствіе чего составились три небольшіе факультета, кромѣ восточнаго; но общеобразовательныя науки—историческія и философскія—остались обязательными для всѣхъ [3]). Это преобладаніе общаго образованія надъ спеціальнымъ, а также и гуманныя отношенія начальства къ учащимся, вмѣстѣ съ хорошимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ и яркими признаками европейской культуры, нельзя не отнести на счетъ добрыхъ традицій первыхъ основателей лицея. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что даже иные петербургскіе вельможи охотно отсылали сыновей своихъ оканчивать образованіе въ Ришельевскомъ лицеѣ.

Между преподавателями такимъ образомъ реформированнаго лицея мы находимъ цѣлый рядъ именъ, заслуживающихъ почетную извѣстность въ русской наукѣ и литературѣ: Михневичъ І. Г., Шершеневичъ (переводчикъ Энеиды), Дебрюксъ А. Г., Брунъ Г. К. (математикъ), Брунъ Ф. К. (историкъ), Зеленецкій К. П., Григорьевъ В. В. (оріенталистъ), Сокальскій И. П., Лохвицкій А. В, Пахманъ С. В., Орбинскій Р. В., Ешевскій С. В. и многіе другіе. Перечислять всѣхъ выдающихся дѣятелей, получившихъ образованіе въ лицеѣ, было бы слишкомъ долго, но мы не можемъ не указать на его заслуги по отношенію къ славянамъ Балканскаго полуострова; здѣсь окончилъ курсъ въ 1845 году болгарскій писатель Найденъ Геровъ—первый болгаринъ, получившій образованіе въ Россіи; здѣсь учились Палаузовы: Николай, написавшій жизнь Венелина, и Спиридонъ, авторъ монографіи «Вѣкъ болгарскаго царя Симеона», и многіе другіе. Извѣстнѣйшій изъ греческихъ историковъ—Папаригопуло также учился въ Ришельевскомъ лицеѣ.

Въ одномъ отношеніи въ духовной культурѣ Одессы не замѣчалось никакого прогресса, несмотря на всѣ старанія графа Воронцова и его энергичныхъ сотрудниковъ—въ отношеніи театра. Какъ

---

[1]) Онъ закрытъ въ 1854 году, когда въ Петербургскомъ университетѣ окончательно образовался факультетъ восточныхъ языковъ; туда же переданы и книги Одесскаго института.

[2]) Михневичъ, l. c., стр. 52.

[3]) Любопытно, что русская исторія читалась совмѣстно съ русскими древностями, которыя и до сихъ поръ не введены въ кругъ университетскаго преподаванія.

прежде не было въ Одессѣ русской труппы, такъ и теперь не могли создать ея; какъ прежде была хорошая итальянская опера, такъ и теперь одна она привлекала одесситовъ; только теперь она стала гораздо дороже стоить городу. Уже въ 1826 году театръ обходится городу въ 48.000 руб.; съ 1842 года, чтобы привлечь антрепренеровъ (надъ которыми попрежнему наблюдаетъ дирекція отъ города), содержаніе театра соединяется съ монополіей торговли въ карантинѣ, и, кромѣ того, на него выдается ежемѣсячная субсидія почти въ 1500 руб., а русской труппы все-таки же нѣтъ. Содержаніе таковой дѣлается обязательнымъ для антрепренера только съ 1850 года за особую, довольно значительную, приплату. Чтобы не возвращаться къ этому вопросу далѣе, упомянемъ, что на русскую труппу и въ 1854—1855 годахъ тратилась въ 5 разъ меньшая сумма, нежели на итальянскую, и все же послѣдняя была менѣе убыточна. Въ 1858 году, послѣ того, какъ въ Одессѣ одновременно дѣйствовали труппы—итальянская, французская и русская, и двѣ послѣднія давали постоянный дефицитъ, дирекція убѣдилась, что въ Одессѣ только опера можетъ заставить публику посѣщать театръ, а во французскомъ театрѣ будутъ заняты только дорогія мѣста, въ русскомъ же—только дешевыя. Поэтому дирекція и предлагаетъ «завести хорошую итальянскую труппу, а русскую держать въ скромныхъ размѣрахъ собственно въ виду ея воспитательнаго значенія».

Приснопамятные годы возрожденія Россіи, послѣ окончанія Крымской кампаніи, застали Одессу въ блестящемъ положеніи: генералъ-губернаторомъ былъ—впослѣдствіи «первый одесскій гражданинъ»—графъ А. Г. Строгоновъ, а попечителемъ одесскаго учебнаго округа—знаменитый ученый, педагогъ и публицистъ Н. И Пироговъ. Сильно поднявъ своими циркулярами и статьями самосознаніе одесскихъ педагоговъ и всего общества, Н. И. Пироговъ значительно возвысилъ и уровень одесской литературы тѣмъ, что по его ходатайству, единственная въ то время одесская газета была передана въ вѣдѣніе Ришельевскаго лицея, и двое профессоровъ его, А. М. Богдановскій и А. И. Георгіевскій, были назначены ея редакторами [1]). Къ сожалѣнію, Н. И. Пироговъ скоро былъ пере-

---

[1]) Въ предисловіи къ «Новороссійскому Литературному Сборнику» гг. Богдановскій и Георгіевскій говорятъ о Н. И. Пироговѣ: «Одною изъ задушевныхъ его мыслей было—вызвать въ краѣ умственную дѣятельность, главнымъ

веденъ въ Кіевъ, да и «Одесскій Вѣстникъ» всего только одинъ годъ (1858) былъ въ рукахъ лицея. Но на благодатной одесской почвѣ разъ посѣянныя добрыя сѣмена даютъ богатые плоды, и пироговскія традиціи въ одесской умственной жизни не могли истребиться безслѣдно, какъ не истребились традиціи ришельевскія и воронцовскія. «Одесскій Вѣстникъ» хотя и возвратился въ вѣдѣніе генералъ-губернатора, но новый его редакторъ, Н. П. Сокальскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ, даровитѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ южно-русскихъ литераторовъ, въ двѣнадцать лѣтъ (1859—1871) усердной работы превратилъ эту небольшую газетку, расходившуюся въ то время въ 600 экземплярахъ, въ ежедневную газету большого формата съ 3000 подписчиковъ, чѣмъ пріучилъ онъ десятки близлежащихъ городовъ и тысячи мѣстечекъ и деревень ежедневно получать умственную пищу изъ Одессы [1]). Столь поразительный успѣхъ «Одесскаго Вѣстника», естественно, возбудилъ конкурренцію. Съ января 1869 года въ Одессѣ появляется первая частная газета—«Новороссійскій Телеграфъ», основанная бывшимъ фельетонистомъ «Одесскаго Вѣстника» К. В. Картамышевымъ; вначалѣ она выходитъ, какъ и «Одесскій Вѣстникъ» въ то время, 3 раза въ недѣлю, но уже съ марта того же года становится еже-

---

поприщемъ для которой служитъ литература. Весь преданный безпрестанной думѣ объ общемъ благѣ, онъ ясно понималъ, что доколѣ не будутъ изслѣдованы и раскрыты, со всею откровенностью, всѣ слабыя и больныя стороны общества—невозможны, или, по крайней мѣрѣ, малоуспѣшны будутъ всѣ реформы и улучшенія».

[1]) Но журналъ «Южный Сборникъ», издаваемый Сокальскимъ подъ редакціей профессора Максимова, несмотря на прекрасныя статьи издателя, редактора и профессора Орбинскаго, просуществовалъ всего одинъ годъ. Вообще практичные одесситы, очень дѣятельно поддерживающіе свои газеты, холодно относятся къ болѣе солиднымъ періодическимъ изданіямъ: не имѣлъ успѣха и ежемѣсячный журналъ »Югъ», выходившій въ 1882 году подъ редакціей В. А. Яковлева. Даже спеціально еврейскіе органы — ежемѣсячные журналы: «Разсвѣтъ« (1860—1861 годъ), «Сіонъ» (1862 годъ) и «День» (1869 — 1871 годъ), несмотря на денежную и умственную состоятельность одесскихъ евреевъ и несмотря на то, что въ «Разсвѣтѣ», напримѣръ, принимали участіе лучшія литературныя силы Одессы, не исключая и Н. И. Пирогова, шли въ матеріальномъ отношеніи неудовлетворительно. Даже сатирическія изданія, не разъ возникавшія въ Одессѣ и вначалѣ имѣвшія иногда большой успѣхъ, не могли долго конкурировать съ столичными, что,— впрочемъ, зависѣло и отъ цензурныхъ условій.

дневной; ея особенность—довольно частыя литературныя прибавленія, въ которыхъ участвовалъ, между прочимъ, мѣстный беллетристъ и знатокъ новой русской литературы Е. Колбасинъ.

Яснымъ показателемъ усиленія умственной жизни въ Одессѣ въ эпоху великихъ реформъ служитъ увеличеніе числа типографій въ городѣ. Въ 1818 году была всего одна типографія казенная (она же и городская); въ 1849 году ихъ было уже три; въ 1859 году—четыре; въ 1869 году—семь; въ 1879 году—двѣнадцать, а въ 1889 году—тридцать, такъ что одна типографія приходилась на 9474 человѣка, тогда какъ въ 1859 году была одна типографія на 31.073 человѣка [1]). Такое несоразмѣрное количеству жителей развитіе печатнаго дѣла, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, объясняется тѣмъ, что Одесса именно тогда стала университетскимъ городомъ.

Основаніе университета въ Одессѣ связано почти со всѣми именами, славными въ исторіи города въ сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ. Мысль о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ университетъ зародилась еще во времена графа Воронцова и не безъ участія начальника края: попечитель одесскаго учебнаго округа Д. М. Княжевичъ въ 1844 году повезъ въ Петербургъ планъ такого преобразованія, составленный, разумѣется, не безъ одобренія графа Воронцова; но Княжевичъ скончался во время этой поѣздки, и проектъ его остался не разсмотрѣннымъ [2]). Черезъ 12 лѣтъ, въ 1856 году, Н. И. Пироговъ, только что назначенный сюда попечителемъ, дѣлаетъ запросъ совѣту лицея: не настоитъ ли надобности въ какихъ-либо измѣненіяхъ лицейскаго преподаванія. Въ от-

---

[1]) Въ 1889 году общая годовая стоимость работъ равнялась приблизительно полумилліону.

Въ 1883	году	отпечатано	266	оригинальн.	сочин.	въ колич.	280.710	экземп.
« 1885	»	»	466	»	»	» «	511.117	»
» 1887	»	»	431	»	»	» »	619.744	»
» 1889	»	»	556	»	»	» »	820.237	«

Въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ (считая по числу томовъ): 79%, на французскомъ—1,65%, на нѣмецкомъ—6,9%, на еврейскомъ—5% и т. д. См. Ф. Р—ій. „О положеніи типографскаго дѣла въ Одессѣ“ l. c.

[2]) См. А. И. Маркевича: „Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новороссійскаго университета“. Одесса. 1890, стр. 5—6.

вѣтъ на этотъ запросъ профессора физико-математическаго отдѣленія заявляютъ, что лучшее средство исправить недостатки преподаванія въ лицеѣ—обратить его въ университетъ. Въ январѣ 1857 года Н. И. Пироговъ посылаетъ въ министерство обстоятельную докладную записку «о ходѣ просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ и о вопіющей необходимости преобразованія учебныхъ заведеній», и въ ней доказываетъ, что есть только одно радикальное и вѣрное средство улучшить лицей—открыть на мѣсто его университетъ, для содержанія котораго онъ и указываетъ средства. Проектъ Н, И. Пирогова въ принципѣ былъ встрѣченъ сочувственно, но, въ виду недостатка матеріальныхъ средствъ, министръ народнаго просвѣщенія предложилъ ему пересмотрѣть смѣту и ограничиться только крайне необходимымъ. Поэтому комитетъ, составленный при лицеѣ для обсужденія этого вопроса, рѣшился отказаться отъ медицинскаго факультета, какъ стоющаго слишкомъ дорого. Такъ какъ въ іюлѣ 1858 года Н. И. Пироговъ покинулъ Одессу, то дѣло объ университетѣ на время почти замолкло, и только внутри лицея обдумывались и отчасти производились частныя реформы, приближавшія его къ университетскому типу. Въ концѣ 1860 года попечитель учебнаго округа М. М. Могилянскій возобновляетъ въ министерствѣ ходатайство о преобразованіи лицея въ университетъ, но не получаетъ удовлетворительнаго отвѣта. Тогда взялся за дѣло генералъ-губернаторъ графъ А. Г. Строгоновъ. Когда въ августѣ 1861 года Одессу посѣтилъ Александръ II, одесситы подали ему просьбу объ открытіи въ ихъ городѣ университета, а графъ Строгоновъ подкрѣпилъ ихъ ходатайство сильными доводами въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи края; при чемъ онъ полагалъ на первое время открыть два факультета—юридическій и камерально-агрономическій [1]).

---

[1]) Вотъ что пишетъ, между прочимъ, графъ Строгоновъ: „Въ Новороссійскомъ краѣ всего одно высшее учебное заведеніе — Ришельевскій лицей. Заведеніе это отжило свое время, ибо даетъ юношеству образованіе слишкомъ энциклопедическое. Въ лицеѣ всему учатъ понемногу и ничему положительно. Кончившіе курсъ наукъ выходятъ изъ заведенія какими-то полуучеными, или, лучше сказать, недоученными; многіе изъ нихъ идутъ въ университеты доканчивать свое образованіе, а тѣ, которые не имѣютъ средствъ, безъ спеціальныхъ свѣдѣній не знаютъ, какъ устроить гражданскій бытъ свой. Положительно можно удостовѣрить, что лучше закрыть лицей, нежели оставить его въ теперешнемъ видѣ, во вредъ цѣлому поколѣнію. Профессора получаютъ

Мнѣніе графа Строгонова немедленно возымѣло свое дѣйствіе, и государь приказалъ ему представить проектъ министру народнаго просвѣщенія. Графъ Строгоновъ не сталъ терять времени и уже въ сентябрѣ препроводилъ въ Петербургъ какъ набросанный имъ проектъ, такъ и мнѣніе совѣта лицея, которое значительно отличалось отъ его плана, между прочимъ, тѣмъ, что совѣтъ предполагалъ не два, а три факультета — словесный, юридическій и физико-математическій съ отдѣленіями. Дѣло было прекрасно налажено, но въ это время въ высшихъ сферахъ неожиданно для одесситовъ возникла мысль основать университетъ не въ Одессѣ, а въ Николаевѣ, гдѣ, послѣ войны, остались незанятыми обширныя зданія, принадлежавшія морскому министерству [1]); Ришельевскій же лицей думали преобразовать въ высшее техническое или сельскохозяйственное учебное заведеніе. Скоро эта мысль настолько укрѣпилась, что помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа былъ посланъ въ Николаевъ для осмотра зданій, и новый министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, повидимому, склонялся въ пользу Николаева. Но за права Одессы энергично возсталъ графъ Строгоновъ, въ чемъ его горячо поддерживали: все одесское общество, херсонское и бессарабское дворянства, попечитель учебнаго округа, профессора и даже студенты лицея, почти всѣ столичныя газеты и профессора столичныхъ университетовъ. Доводы графа Строгонова и единодушіе общества повліяли на министра народнаго просвѣщенія, и въ докладной запискѣ государю онъ привелъ больше аргументовъ за Одессу; за нее же высказался и совѣтъ министровъ, и 10 іюня 1862 года съ мнѣніемъ послѣдняго, къ великой радости лицея и интеллигентныхъ одесситовъ, согла-

---

самое скудное содержаніе, отчего нѣкоторыя каѳедры, по нѣскольку даже лѣтъ, оставались не занятыми; самое число учащихся ежегодно уменьшается. Вопросъ о преобразованіи лицея въ университетъ былъ уже поднятъ учебнымъ начальствомъ, но оставленъ безъ послѣдствій, за недостаткомъ денежныхъ средствъ. Казалось бы, что недостатокъ этотъ не долженъ останавливать дѣло преобразованія". А. И. Маркевичъ, l. c. 46.

[1]) За этотъ проектъ были: великій князь Константинъ Николаевичъ, очень любившій Николаевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, придерживавшійся того мнѣнія, что университеты должны быть не въ большихъ центрахъ, а въ маленькихъ городахъ, и другіе; студенческіе безпорядки 1861 года въ глазахъ нѣкоторыхъ какъ бы подкрѣпляли такое мнѣніе. Ibid. 49, 50.

сился государь. Одновременно съ довершеніемъ этого подвига въ пользу Одессы, графъ Строгоновъ закончилъ свою службу государству и вышелъ въ отставку. Еще раньше на постъ попечителя учебнаго округа, вмѣсто М. М. Могилянскаго, былъ назначенъ А. А. Арцимовичъ.

Но открытіе университета послѣдовало не скоро. Сперва ждали новаго университетскаго устава, а въ то же время подыскивали кандидатовъ на каоедры, приспособляли зданіе и пріобрѣтали нужный инвентарь. Въ августѣ 1863 года все важнѣйшее было готово; но это былъ разгаръ польскаго возстанія, и въ Петербургѣ опасались европейской войны, для которой потребовалось бы напряженіе всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ государства. Послѣ колебанія, рѣшено отложить открытіе университета на годъ. Съ начала 1864 года министръ народнаго просвѣщенія и попечитель одесскаго учебнаго округа усиленно хлопочутъ объ университетѣ, но хлопоты ихъ увѣнчались успѣхомъ только въ томъ смыслѣ, что 11 іюля 1864 года послѣдовалъ Высочайшій указъ сенату объ открытіи Новороссійскаго университета въ Одессѣ 1 мая 1865 года. Въ этотъ годъ попечитель учебнаго округа и совѣтъ отживающаго лицея, между прочимъ, при вліятельномъ участіи Н. И. Пирогова, подбираютъ штатъ профессоровъ и служащихъ; а, между тѣмъ, въ библіотеку будущаго университета съ разныхъ сторонъ стекаются цѣнныя пожертвованія. Приказомъ 27 марта назначены профессора Новороссійскаго университета по всѣмъ тремъ факультетамъ, 1 мая послѣдовало его торжественное открытіе, а въ августѣ того же года совѣтомъ его принято 139 студентовъ и 36 вольнослушателей.

Съ открытіемъ Новороссійскаго университета одесская умственная жизнь вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія, обзоръ исторіи котораго мы представляемъ другимъ.

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНѢЙШИХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

Аблесимовъ 181.
Ададуровъ 12.
Аксаковъ Сергѣй 218, 231.
Алмазовъ Борисъ 239.
Альфіери 343.
Анненковъ 122, 133, 140, 146, 223, 224, 290.
Антонскій ректоръ 86.
Арина Родіоновна 137, 138, 139, 140.
Аріосто 133, 143.
Аѳанасьевъ 63, 64.

Байронъ 112, 126, 137, 141, 144, 151, 208, 343, 407.
Бальзакъ 265.
Баратынскій 407.
Баттё 128.
Батюшковъ 131, 399.
Беллегардъ 65.
Бенедиктовъ 410.
Бернардэнъ де Сенъ-Пьеръ 130, 131.
Берхъ 42, 43, 47.
Богдановичъ 147.
Bonitemps, см. Рожеръ.
Брикнеръ проф. 37.
Буало 128, 134.
Булгаринъ 87, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 147, 228, 375.
Бульверъ Литтонъ 147, 148,
Буслаевъ 142, 205.
Бюргеръ 131, 132.
Бѣлинскій 127, 128, 133, 134. 144, 145, 149, 221, 236, 239. 267—8, 272, 273, 277, 282, 343. 346, 347, 348, 410, 411.

Вельтманъ 260.
Вернеръ Зах. 95.
Веселаго Ѳ. Ѳ. 42, 52.
Вигель 358, 363, 360, 369, 373. 371, 373, 374, 376, 379, 380.
Виландъ 24.
Виргилій 86.
Воейковъ 99.
Волкова 356, 364, 369, 372, 374, 375, 376, 379.
Вольтеръ 127, 131, 133, 147, 241, 255, 264, 332.
Воронцовъ гр., потомъ кн. 162, 163, 165, 166, 169, 170, 171, 404—5, 407—8, 411—2, 414—6.
Вронченко И. П. 408.
Вяземскій кн. П. А. 85, 86, 121, 220.

Галаховъ 174, 183.
Гаршинъ Вс. 273.
Гейне 253—4.
Гердеръ 135.
Геснеръ 86.
Гербель Н. В. 234, 235.
Гервинусъ 239.
Герценъ 273.

Гёте 8, 122, 126, 129, 130, 143, 146, 151, 222, 264, 265, 315, 342, 351, 355, 377.
Гильотенъ д-ръ 39.
Глинка Ѳ. 408.
Гоголь Останъ 210. Гоголь Янъ 210. Гоголь-Яновскій Аѳанасій 210. Гоголь-Яновскій Василій 210, 211, 212. Марья Ивановна Гоголь-Яновская 210, 211.
Гоголь Н. В. 120, 208—232, 258, 264, 266, 267, 268, 272, 273, 274, 275, 281, 286, 287, 290, 308, 315 382.
Голенищевъ-Кутузовъ адмир. 46, 48, 52.
Голенищевъ-Кутузовъ Н. Н. 82, 83, 84, 85, 102.
Гончаровъ 54, 138, 242, 243, 244, 245, 258, 273, 290, 347.
Готшедъ 129.
Гофманъ Амед. 94—96, 101, 108, 110, 112, 265, 276, 314, 406.
Грановскій 328.
Грессе 3.
Гречъ 106, 107, 108, 119.
Грибоѣдовъ 266, 295, 343—381.
Григоровичъ Д. В. 54, 262, 267, 343.
Григоровичъ В. Н. 195—207.
Грильпарцеръ 411.
Гротъ Я. К. 175.
Гюго Викторъ 111, 144, 248, 253, 264, 273, 302, 341, 351.

Даль 64, 121.
Данзасъ 121.
Дантъ 126, 143, 338.
Дегуровъ проф. 391, 392, 396,
Деларю 411.
Дельвигъ бар. 107, 112, 216.
Демуленъ Камиллъ 38.
Державинъ 67, 127, 147, 213.
Дидро 130.
Диккенсъ 246, 248, 311.
Дмитріевъ 127, 147, 190, 231.
Добролюбовъ 63, 312.
Достоевскій М. 258, 259, 260, 277, 279.
Достоевскій Ѳ. 142, 145, 146, 147, 152, 207, 216, 226, 242, 243, 246, 247, 248, 259—340, 341, 343' 355.
Дружининъ А. В. 233—257.

Жанлисъ 369.
Жихаревъ П. С. 357, 361, 362, 364, 365, 366, 367, 369.
Жоржъ Зандъ 264—5.
Жуковскій 86, 121, 131, 132, 136, 139, 213, 216, 217, 220, 223, 229, 260, 406, 410, 411.

Загоскинъ 119, 260, 375.
Зеленскій К. П. 410—11.
Зонтагъ А. П. 408.

Карамзинъ 16, 87, 108, 129, 131, 136, 146, 213, 260, 358.
Катковъ 305, 306.
Квитка 105.
Кеневичъ В. Ѳ. 182, 183, 184, 185, 186, 188, 189, 191, 192, 193, 194.
Кирѣевскій П. 139.
Клопштокъ 135.
Княжевичъ Д. М. 412, 417.
Козловъ 213.
Колбасинъ 42, 49, 51, 52, 55, 417.
Кольцовъ 136.
Корнель 264.
Костровъ 135.
Котляревскій 211.
Кошанскій 128, 130.
Коцебу Авг. 359, 378.
Красильниковъ акад. 44, 45.
Крюденеръ баронесса 409.
Крыловъ И. А. 24, 119, 174—194.

Кургановъ И. Г. 40—76.
Кургановъ П. Н. 49.
Кюхельбекеръ В. К. 41, 42.

Лагарпъ 128.
Ламартинъ 409.
Лажечниковъ 260.
Ламотъ Фуке 110.
Лафайетъ 36, 37.
Лафонтенъ Авг. 116, 131, 133.
Лермонтовъ 136, 236, 273, 287—8, 410.
Лессингъ 130, 132.
Лобановъ 119, 175, 176, 179.
Ломоносовъ 61, 127, 146, 213.
Лонгиновъ 235, 249.

Магницкій 43, 44, 45, 50.
Майковъ Ап. Н. 306, 307, 310.
Максимовичъ 218.
Мелиссино 12.
Менцель 8.
Мирабо 32, 38.
Мольеръ 208.
Мордвиновъ 109.
Морозовъ П. 409.
Мункъ 3.
Муръ Томасъ 406.

Нарѣжный 113, 260.
Неккеръ 30, 32, 34, 38.
Некрасовъ 235, 239, 241, 267, 268, 272.
Низаръ 266.
Николь абб. 161, 392, 393, 395, 396, 397, 398, 399, 400.
Новиковъ Н. И. 13, 14, 15, 16, 17, 18, 23, 358, 369.
Норовъ А. С. 408.

Одоевскій кн. 218.
Орлеанскій герц. 30, 31, 32.
Оссіанъ 130, 131.
Островскій 281, 327.

Папаевъ 267.
Пеликко Сильвіо 302.
Перовскій В. А. 86.
Перовскій А. А. (Погорѣльскій) 77—120.
Пильпай 71.
Пироговъ Н. И. 415, 416, 418, 420.
Писаревъ 123, 145.
Писемскій 216, 242, 259—340, 343.
Плавильщиковъ 368.
Плетневъ 217.
Погодинъ 218.
Погорѣльскій см. Перовскій А. А.
Подолинскій А. И. 411.
Поздѣевъ О. А. 83, 84, 85.
Полевой Н. 116, 214.
Поповскій 69.
Поповъ Мих. 43, 49.
Попъ 69.
Протопоповъ Н. П. 411.
Пушкинъ А. С. 40, 41, 72, 75, 76, 101, 107, 108, 113, 119, 120, 121—153, 162—172, 207, 208, 213, 217, 218, 220, 221, 222, 226, 227, 258, 260, 266, 267, 269, 272, 296, 301, 308, 309, 325, 339, 340, 345, 352, 371, 379, 382, 404, 405, 406, 407, 411.

Разумовскій гр. А. К. 76, 77, 78, 80, 83, 84, 85, 96, 97.
Разумовскій гр. Л. К. 79.
Разумовскій гр. К. А. 81.
Расинъ 129, 263.
Ричардсонъ 132, 144.
Ришельё герц. 160, 161, 385, 386, 387, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 399, 400.
Рожеръ Bontemps 58, 59, 60, 62, 64.
Розбергъ П. 409.
Руссо 131, 135, 136, 263.

Свѣтушкинъ 17.

Сенковскій 151.
Сервантесъ 338. 355.
Скальковскій Ап. А. 383, 389, 404.
Скоттъ Вальтеръ 101, 112, 122, 132, 143, 239, 240, 260, 407.
Соболевская М. М. 76, 77.
Сокальскій Н. П. 416.
Соути 407.
Стернъ 130.
Страховъ Н. Н. 307.
Строгоновъ гр. А. Г. 415, 418, 419, 420.
Струговщиковъ 410.
Стурдза А. С. 411.
Сумароковъ Пав. 115.

Теккерей 311.
Тепляковъ В. Г. 411.
Тикноръ 4, 5, 6.
Толстой гр. Алексѣй 110, 119, 288.
Толстой гр. Л. Н. 85, 88, 142, 152, 258, 280 — 81, 301, 332, 341—382.
Третьяковскій 128.
Трощинскій 211, 215, 231.
Туманскій В. И. 411.
Тургеневъ 123, 142, 146, 152, 207, 258, 280, 289, 289, 298, 308, 314, 322, 323, 324, 328, 336, 342, 343, 355, 371, 382.
Тьеръ 37.

Фарварсонъ проф. 43, 44.

Хемницеръ 190.
Херасковъ М. М. 12, 13, 24.
Храповицкій 16.

Чаадаевъ 332.
Чернышевскій 289, 311.

Шатобріанъ 266.
Шаховскій кн. 381, 388, 389, 390, 394.
Шварцъ проф. 15.
Шекспиръ 126, 132, 141, 143, 151, 240, 264, 266, 309, 338, 339,
Шиллеръ 8, 126, 129, 151, 208, 264, 266, 342.
Шишковъ 54, 73, 101, 105, 107, 109, 364.
Шлегель Фридр. 3, 134.
Шуваловъ И. И. 12.

Щедринъ 216, 296.
Щепкинъ 218, 222, 411.
Щербатовъ кн. 369.

Эминъ Ѳ. 52, 71.
Энгельгардтъ 124, 125.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3011
K545
1896a

Kirpichnikov, Aleksandr
Ivanovich
Ocherki po istorii novoi
russkoi literatury

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 10 25 08 11 018 5